

A. A. A.

20140120

АННА АХМАТОВА

Собрание сочинений

Том 8

Дополнительный

Москва
Элис Лак 2000
2005

АННА АХМАТОВА

Собрание сочинений

8

Переводы
1950—1960-е годы

Москва
Элис Лак 2000
2005

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44
А95

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Составление, комментарии, статья *Н.В. Королевой*
Подготовка текста *Э.В. Песоцкого* и *Н.В. Королевой*

На суперобложке портрет Анны Ахматовой
работы *М.С. Сарьяна*

Художник *А.А. Зубченко*

Редакционно-издательский совет:
А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

Н.Б. Волкова
С.А. Коваленко
Н.В. Королева
В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

© Элис Лак 2000, 2005
© Н.В. Гумилева, 2005
© Н.В. Королева. Составление, подготовка текста, комментарии, статья, 2005

ISBN 5-88889-021-9 (т. 8, доп.) © Э.В. Песоцкий, наследники. Подготовка текста, 2005
ISBN 5-88889-029-4

«И ВОТ ЧУЖОЕ СЛОВО
ПРОСТУПАЕТ...»

О переводах Анны Ахматовой

Анна Ахматова — мастер стихотворного перевода

В 1950—1960-е годы Анна Ахматова перевела стихи более ста пятидесяти поэтов, объем переведенного ею — более двадцати двух тысяч строк. После печально известных постановлений ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (август 1946 г.) и цикла стихов «Слава миру!» («Огонек», 1950) в журналах и сборниках стали появляться ахматовские переводы: в 1951 г. — семь стихотворений в книге П. Усенко «Под солнцем родины», в 1952 г. — несколько переводов с осетинского в антологии «Осетинская поэзия», стихи М. Лужанина в его авторской книге «Стихи», несколько стихотворений армянской поэтессы Маро Маркарян в «Новом мире» (№ 3). В 1953 г. изданы переводы Ахматовой с французского, латышского, литовского и якутского языков. В 1956 г. отдельной книгой вышли переводы Ахматовой «Корейская классическая поэзия» (М.: ГИХЛ. 258 стр.), переизданные в 1958 г. (второе, дополненное издание, 319 стр.), и в 1965 г. книга «Лирика Древнего Египта» (перевод А. Ахматовой и В. Потаповой. М.: ГИХЛ. 158 стр.).

В том же 1965 г. увидела свет итоговая книга переводов Анны Ахматовой: «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой» (серия «Мастера поэтического перевода». Вып. 4. М.: Прогресс). Книга была сдана в производство 4 марта, подписана в печать 28 апреля 1965 г. Автором предисловия был Арсений Тарковский, составителем и редактором выпуска Михаил Зенкевич. В биографической

заметке о поэте, помещенной на суперобложке, говорилось: «Великолепный мастер стиха, Ахматова внесла неоценимый вклад в дело художественного перевода. Переводы Ахматовой, как и вся ее поэзия, проникнуты идеями правды, добра, ответственности каждого за судьбу мира! Переводы польских, чешских, болгарских, югославских поэтов, и в особенности перевод сербского эпоса, включенные в настоящую книгу, относятся к шедеврам переводческого искусства».

В предисловии к книге Арсений Тарковский излагал основы всемирной теории перевода, которая и совпадает, и не совпадает с практикой поэтического перевода в советской стране тех лет. Стихотворный перевод, как и всякое другое искусство, писал он, начинается с *отбора*. «Живописец-пейзажист из всего мира выбирает ту единственную частицу, которая более всего отвечает его замыслу. Актер всю свою творческую жизнь стремится сыграть единственную роль. Поэт-переводчик находит в иноязычной литературе то, что в данный момент исторической, общественной, личной жизни представляется ему особенно важным, особенно выразительным, и под пером нашего современника еще недавно чужое, быть может давным-давно написанное, рождается вновь для новой жизни и уже отвечает на запросы нашего времени, нашей народной среды. Так в свое время с непререкаемой необходимостью появились «Илиада» Гомера (Гнедича), баллады Шиллера (Жуковского), «Пир во время чумы» Вильсона (Пушкина), «Гайавата» Лонгфелло (Булгина), трагедии Шекспира (Пастернака), сонеты Шекспира (Маршака). Если Лермонтов русскими стихами переложил «Горные вершины» Гете, то, значит, Гете ранее почувствовал и осмыслил то же, что должно было выразить Лермонтову (в другой стране и в другой обстановке), и никакие образы полнее гетевских не могли ответить взволнованному вдохновению нашего поэта» (Голоса поэтов... С. 5—6). «Увы, так происходит не всегда, и основным двигателем отбора, который произ-

водит поэт-переводчик, не всегда является потребность в новом произведении», — переходит Тарковский к характеристике современного положения искусства перевода. Не переводчик выбирает авторов и тексты для перевода, их ему диктует воля государства, ведущего определенную издательскую политику. Советская школа реалистического стихотворного перевода призвана поэтому заботиться о другом: ее цель — «представить иноязычный оригинал в наиболее верном его сути и духу воплощении» (С. 7). Иноязычные стихи должны стать произведениями русской поэзии. Это умеет делать Анна Ахматова.

Тарковский формулирует свое понимание сущности поэтического дара Ахматовой: «Речь Анны Ахматовой (по замечанию ряда исследователей ее творчества) ближе к языку русской реалистической прозы, чем к метафорическому неистовству первой четверти нашего столетия. Искусство поэзии знает то счастливое совпадение синтаксиса и ритма, которое оставляет неизгладимое впечатление лучшего слова на лучшем месте, впечатление высочайшего поэтического мастерства, достигшего такого уровня, что оно более не представляет собой самостоятельной ценности: теперь это только служебная часть целого, и мастерство поэта нам уже незаметно; мы слишком заняты восприятием единства, чтобы обращать внимание на частности. Таково искусство Анны Ахматовой» (С. 7). В своих переводах иноязычных текстов Ахматова делает чудо — превращает их в русские стихи и сохраняет при этом некий намек на их национальное происхождение — польское, чешское, словацкое, болгарское. «Анна Ахматова в своих переводах скромно отступает на второй план, подчиняя свое вдохновение потоку вдохновения извне, и в то же время остается собой» (С. 8). «Жуковский сказал, что переводчик — соперник переводимого автора. Соперничество? О, нет, соперничество — вот суть искусства поэта-переводчика!» (С. 8).

Итак, став мастером художественного стихотворного перевода, Ахматова и остается собой, сохраняя свою ярко выраженную индивидуальную манеру письма, и в то же время отступает на второй план, показывая чужую индивидуальность, которой, как правило, сопереживает. Арсений Тарковский строит свою теорию перевода на основе ахматовского опыта: «Несмотря на кажущуюся простоту вопроса, природа искусства стихотворного перевода, как и всякого другого искусства, трудно определима. Поэта-переводчика сравнивали и с музыкантом-исполнителем, интерпретирующим творчество композитора, и с актером, играющим заданную ему роль, и с портретистом... Прочитав сборник переводов Анны Ахматовой, мы, быть может, и не найдем новых определений для стихотворного перевода, этого дорогого нашему читателю литературного жанра. Но нам станет ясно, что подлинный переводчик стихов прежде всего поэт, участник великой круговой поруки добра и правды, что поле его деятельности — весь мир и все времена, устремленные к грядущему...» (С. 11).

В книгу 1965 г. «Голоса поэтов» включены ахматовские переводы двадцати семи авторов, представляющих поэзию Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Югославии, Румынии, Норвегии и Индии, и пять частей сербского эпоса — «Хасанагиница», «Пир у князя Лазаря», «Молодая Милошевка и мать Юговичей», «Смерть матери Юговичей» и «Омер и Мейрима». Стихи переведены с десяти языков — польского, чешского, словацкого, болгарского, сербского, словенского, румынского, норвежского, бенгальского и хинди — с помощью подстрочников и со щедрым оделением собственным, ахматовским талантом, чутким к чужой интонации, выражению чужой души поэта другого народа. Еще раз дадим слово Тарковскому: «Все переводы, составляющие эту книгу, не только переводы иноязычных стихотворений. Это произведения русской поэзии. Вот перевод из Юлиана Тувима, прекрасного польского поэта:

О думы молодые, вас, тихие, прошу я, —
Скажите ей, скажите, — не помню я такую...
...Скажите ей, скажите, как я по ней тоскую.

Здесь в интонации, плавной и как бы влажной (хоть и синтаксис, и все слова здесь русские не только по принадлежности, но и по их «окраске»), есть столь заметный намек на польское происхождение стихов... Трудно сказать, в чем этот намек скрыт русским поэтом, но чудо совершено. А чудо в стихах и есть поэзия» (С. 7—8).

Переводы Ахматовой были включены в антологии латышской поэзии (1955 и 1959), «Китайская классическая поэзия. (Эпоха Тан)» (1956) и «Поэзия эпохи Сун» (1959), в антологии армянской советской литературы (1957), китайской (т. 1—3, 1957), татарской (1957), румынской (1958) и грузинской (1958) поэзии, чешской поэзии XIX—XX веков (1959), в сборник «Литовские поэты XIX века» (1962), антологию польской поэзии (т. 1—2, 1963) и сборники «Поэты Югославии XIX—XX веков (1963), «Словацкая поэзия XIX—XX веков» (1964), «Эпос сербского народа» (1963, серия «Литературные памятники»). Они печатались в журналах и газетах, включались в многочисленные авторские сборники поэтов братских республик, а также поэтов Европы и Азии.

И авторы, которых переводила Ахматова, и составители, и редакторы антологий и сборников оценивали ее переводы очень высоко. Из письма к Ахматовой редактора Гослитиздата Т. Редько во время их совместной работы над книгой поэтов Древнего Египта: «Пользуюсь случаем еще и еще раз выразить восхищение Вашими великолепными переводами из Тагора» (РНБ., ф. 1073, ед. хр. 680). Из ответного письма Ахматовой: «...я, с одной стороны, старалась привести текст древнеегипетский в свойственные языку русской лирики формы выражения, с другой — как можно меньше нарушить ткань произведения. <...> Мне было приятно узнать, что

Вам понравились мои переводы Тагора» (25 июля 1964 г., РНБ, ф. 1073, ед. хр. 680). Из письма редактора собрания сочинений Р. Тагора, А.Ш. Ибрагимова: «Дорогая Анна Андреевна! В настоящее время я занимаюсь редактированием седьмого и восьмого томов собрания сочинений Тагора. На мой взгляд, предыдущие тома оставляют желать лучшего, и одна из причин, как мне кажется, — отсутствие Ваших переводов, мы все так привыкли к ним и полюбили их, что не представляем себе Тагора без вас...» (7 сентября 1963 г., ед. хр. 828). Отзыв А.А. Фадеева о книге «Корейская классическая поэзия» 27 апреля 1956 г.: «Дорогая Анна Андреевна! Сердечно благодарю Вас за книгу переводов Корейской классической поэзии. Читали их вместе с Е.Ф. Книпович с большим удовольствием. Переводы — выше всяких похвал» (ед. хр. 1034). Очевидно, книга была подарена Ахматовой Фадееву. Упоминание Книпович, незадолго до того «зарубившей» книгу переводов польских поэтов, подготовленную Ю. Чапским в военном Ташкенте, в которой участвовала и Ахматова, едва ли порадовало переводчицу... Но письмо сохранилось в ее архиве...

После смерти Ахматовой ее стихотворные переводы издавались неоднократно. В 1969 г. вышла «Классическая поэзия Востока» (предисловие С. Липкина), в 1977 г. переводы Ахматовой вошли в книгу «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии (составление и вступительная статья С. Серебряного. Библиотека всемирной литературы. Т. 16), в 1976 г. — «Из армянской поэзии» (составитель К.Н. Григорьян, издана в Ереване). В 1984 г. переводы Ахматовой вошли в книгу «Лирическая поэзия Древнего Востока» (издательство «Наука») вместе с переводами В. Афанасьевой, И. Дьяконова и В. Шилейко. В 1986 г. стихотворные переводы были включены во второй том «Сочинений» Анны Ахматовой (подготовка текста и комментарии Н.Н. Глен).

В 1988 г. издана книга переводов Ахматовой «Дыхание песни» (составление и примечания В. Бояринова. М.: «Сов. Россия»). Переводы включались в тома «Библиотеки всемирной литературы», в издания малой и большой серий «Библиотеки поэта», в книги серии «Сокровища лирической поэзии».

Вместе с тем уже при жизни Анны Ахматовой стало известно, что под ее именем были напечатаны некоторые переводы, выполненные не ею. О претензиях на авторство Н.И. Харджиева мы уже говорили в предисловии к предыдущему тому. В статье «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой» Харджиев рассказал о начале совместной работы с Ахматовой над стихотворными переводами — азербайджанского поэта Сарывелли: «Многочасовая работа оказалась настолько трудной и мучительной, что Ахматова решила больше не переводить»*.

Однако переводить пришлось, Н.И. Харджиев продолжал участвовать в этой работе, и в статье, написанной в 1989 г., сделал ряд категорических заявлений:

«Перевод знаменитой поэмы «Лисао» («Скорбь изгнанника») целиком принадлежит мне» (С. 230). «В сборнике «Китайская классическая поэзия» (М., 1956), где напечатан ряд ахматовских переводов, мне принадлежит перевод стихотворения Ли-Шан-Иня (812—858) «Ночью в дождь пишу на север».

В сборнике «Корейская классическая поэзия» (1956, 1958) мне принадлежит большая часть переводов. У меня сохранились экземпляры обоих изданий с многочисленными моими поправками для несостоявшегося третьего издания.

В двухтомном сборнике «Сербский эпос» (1960) напечатаны четыре моих перевода: «Пир у князя Лазаря», «Косанчич Иван в турецком лагере», «Смерть матери Юговичей», «Смерть Смилянича Илии».

* Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: Наследие. 1992. С. 229. Далее страницы в тексте.

В сборнике произведений С. Галкина «Стихи. Баллады. Драмы» (1958) мне принадлежат все четыре «ахматовских» перевода» (С. 230).

Харджиев пишет о том, что в итоговом сборнике «Голоса поэтов» (1965 г.) оказались ошибочно включенными десять его переводов: три стихотворения Иржи Волькера, три Станислава Неймана, два произведения в разделе «Сербский эпос» — «Пир у князя Лазаря» и «Смерть матери Юговичей», стихотворения Ибсена «В этом доме они...» и Нурдаля Грига «Герд» (С. 230).

«В недавно изданной книге переводов Ахматовой «Дыхание песни» (1988), кроме указанных мною стихотворений Ибсена, Н. Грига, С. Неймана и С. Галкина, мне принадлежит весь цикл стихотворений татарского поэта Г. Тукая» (С. 232).

«Некоторые мои переводы включены в изданный в 1968 г. сборник «Мастера русского поэтического перевода» (Тувим, Броневский и др.), а также в авторские сборники «Стихотворения и поэмы» Маркиша (1969) и Чаренца (1973). Я переводил стихотворения Махи, Квитки, Баумволь и других, мною здесь не отмеченных» (С. 232).

Заявления категоричные, однако следует отметить, что сделаны они через много лет после смерти Анны Ахматовой, совместная работа с которой над переводами, кстати, по словам того же Харджиева, прекратилась уже в начале 1960-х годов. Поэтому ключевыми словами автора в его статье 1989 г. следует, по-видимому, считать следующие: «Много переводов сделано Ахматовой единолично. Не меньшее количество принадлежит мне. При этом необходимо иметь в виду, что многие переводы подвергались совместному редактированию» (С. 229). Именно о «совместном редактировании» его переводов говорил Н.И. Харджиев автору настоящей статьи перед своим отъездом в эмиграцию, о том, сколь многочисленные поправки в его переводы вносились Ахматовой и редакторами, часто даже без его ведома и без согласования с ним. Обратим внимание также на тот факт, что, надписывая

вышедшие книги переводов при дарении их своим друзьям, в том числе и самому Харджиеву, Ахматова никогда не оговаривала при этом его участия. Вот как звучит, к примеру, надпись на книге «Корейская классическая поэзия» (Перевод Анны Ахматовой. М.: ГИХЛ, 1956):

Николаю Ивановичу

Харджиеву

от

его старого друга

(1930—1956)

книгу

хороших стихов

древних

поэтов —

смиренно —

А. Ахматова

8 апреля

1956

Москва

Могла ли Ахматова *так* сформулировать дарственную надпись, если в книге около пятидесяти стихотворений переведено тем, кому она дарит книгу?

В бумагах Э.В. Песоцкого, переданных издательству «Эллис Лак» после смерти ученого, содержится следующее рассуждение по поводу авторства ахматовских переводов: «Существуют мнения о том, что авторами некоторых переводов, подписанных именем Ахматовой, являются другие поэты. Весьма сомнительно. Скорее всего это был результат мастерской правки чужого перевода, сделанной рукой Ахматовой, в результате чего произведение заблестало совершенно новыми красками. Чей же тогда это перевод?! Кроме того, совершенно невозможно, чтобы Анна Андреевна делала дарственные надписи на изданиях чужих переводов».

«Особым случаем» Песоцкий считал совместную работу Анны Ахматовой и А.Г. Наймана над переводами Джакомо

Леопарди. «Последний в одном из своих выступлений высказался таким образом, что непонятно, какие из стихотворений перевела Ахматова, а какие — он». На этом основании Песоцкий предлагал вообще не включать Леопарди в состав тома «Переводы Ахматовой». Думается, что он не прав. Было бы несправедливо изъять из творческого наследия Ахматовой-переводчика тот огромный труд, который она затратила и на переводы великого итальянца, и на обучение своего молодого соавтора, и на редактирование и правку его переводов. Кроме того, в двух изданиях Леопарди, вышедших уже после ее смерти, работа переводчиков формально разграничена, — в «Содержании» обозначены авторы каждого перевода. Однако впоследствии, в том числе в книге «Рассказы о Анне Ахматовой», Найман, как и Харджиев, неоднократно писал о совместности этой переводческой работы, о невозможности разграничить авторство. Конечно, к этим высказываниям следует прислушаться. В книге «Диалоги с Иосифом Бродским» Соломон Волков коснулся этой темы и получил подробный ответ Бродского: «Думаю, это вопрос сложный. Начать с того, что, когда имеет место сотрудничество и вы делаете это в четыре руки, то, действительно, уже не помнишь, кто сделал что. Что касается переводов из Леопарди, то полагаю, что Толька, наверное, отнесся к этому делу с большим воодушевлением, чем Ахматова. Подумайте сами — на дворе, с Божьей помощью, 1965 год! Помимо всего прочего, для Наймана это еще было и приобретение в культуре. То есть ему наверняка переводить Леопарди было интересней, чем Ахматовой. И поэтому, может быть, он в этом сборничке сделал больше. А может быть, он немножечко преувеличивает. Хотя, в конце концов, это неважно — кто именно перевел то или иное стихотворение. Главное, что Ахматова этим занималась серьезно. И эту серьезность следовало бы уважать»*.

* Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 1999. С. 264.

Уважая серьезность работы Ахматовой над переводами вообще и над переводами Леопарди в частности, мы последуем по пути формальной логики: в основной текст поместим переводы, подписанные именем Ахматовой, оговаривая в комментариях возможное участие в них А.Г. Наймана.

Наконец, остановимся еще на одном убедительном суждении Э.В. Песоцкого по поводу авторства ахматовских переводов. «Особняком стоит перевод поэмы И. Франко «Увядающие листья». Известно утверждение покойного Л.Н. Гумилева о том, что он принимал участие в переводе стихотворений этой поэмы. В ОР РНБ хранится много машинописных листов с вариантами одних и тех же стихотворений этой поэмы. Сейчас уже невозможно установить, кто из них что переводил и как вообще шла эта работа. Это — совместное творчество матери и сына, а потому дело чисто семейное — чьим именем подписывать перевод». Участие Н.Л. Гумилева в переводах И. Франко бесспорно. В кн. «Л.Н. Гумилев. Дар слов мне был обещан от природы. Литературное наследие. Стихи. Драммы. Переводы. Проза» (СПб.: Росток, 2004) составителем М.Г. Козыревой в раздел «“Проблемные” переводы» помещен перевод лирической драмы «Увядающие листья».

Среди тем, наиболее близких Ахматовой в переводимых ею стихах, звучит сильнее всего «по-ахматовски» именно тема матери и сына, горя матери в разлуке с отнятым сыном. Критики, анализируя право переводчика на отступление от авторского текста, часто останавливались именно на этой теме, привлекая материал поэзии Егише Чаренца, Яна Райниса, Аветика Исаакяна, — в частности, стихи последнего «От жгучего горя сердце мертво...», «Мне сказали: «Давно умерла твоя мать...», «Сон».

Так, Л.М. Мкртчян особенно подчеркивал и близость решения этой темы у поэтов Исаакяна и Ахматовой, и своеобразии ахматовских отступлений от точного оригинала: «Иногда имеет смысл ставить под переводами две даты: ко-

гда был написан оригинал и когда был сделан перевод. Упомянутые стихи Исаакяна были соответственно написаны в 1900 и 1918 годах, и опубликованы в переводах Ахматовой в 1952 и в 1956 годах. Это было время особенно мучительных переживаний и просьб Ахматовой об освобождении сына.

В своих переводах Ахматова, как правило, строго следовала оригиналу, однако в данном случае в стихотворении «Мне сказали...» она добавила от себя слова, подсказанные ей материнскими чувствами: «В вечном страхе, в тоске, не жалея себя, <...> сына всем сердцем храня». Можно сказать, она писала о себе, о своем вечном страхе. Это, очевидно, понимала и цензура. Поэтому, думается, не было опубликовано в переводе Ахматовой стихотворение Исаакяна «Сон». Перевод был обнаружен Э. Песоцким в архиве Ахматовой <...>»

Приведем сопоставление русского и армянского текстов стихотворения, сделанное Л.М. Мкртчяном: «По содержанию стихотворение очень уж ахматовское, почти автобиографическое, и перевод чуть ли не дословный. Вот только у Исаакяна сын *ушел в чужие края*, у Ахматовой *чужая страна отняла сына*. У Исаакяна *вспоминают умершего отца*, у Ахматовой *грустят и вспоминают отца*. Отец — он ведь не умер, он *убит*. У Исаакяна *мать и сын бросились в объятия друг другу* и долго, долго *целовали друг друга*, у Ахматовой: «*В объятья сыну упала мать И целовала руки ему*». Стихотворение написано, так сказать, *сыном*, а перевод сделан *матерью*. Отсюда минимальные для стихотворного перевода, но столь существенные с точки зрения авторства переводчика отклонения от текста оригинала» («Слово-Word». С. 119.)

Коллега Ахматовой по занятиям переводами, поэт Семен Липкин, написавший статью о ее восточных переводах, размышлял о праве переводчика вносить в тексты переводимого автора свою интонацию и индивидуальность. Липкин прихо-

дит к выводу, что «художественности перевода вредит не только переводчик, выпячивающий себя, но и переводчик безликий. Когда переводчик заглушает автора, мы теряем ощущение подлинности, первородности, но когда переводчику самому нечего сказать людям, то и автор становится немым». Переводчик должен быть не только искусным версификатором, но он должен понимать и передавать читателю то, ради чего автор пишет, обладать пламенным и отзывчивым сердцем, исполненным любви к людям. «Анна Ахматова ничего не навязывает автору, она помогает ему на другом языке утверждать свое отношение к миру и тем самым, уже с его помощью, выражает свои мысли, свои чувства»*.

Отметим еще одну важную особенность переводческой практики Анны Ахматовой. Она может быть понята как часть погружения акмеистической поэзии в стихию мировой культуры, часть той «тоски по мировой культуре», которая, по мысли О. Мандельштама, и является сущностью поэтики акмеизма. Для переводчика обязательна широта культурного горизонта и глубина постижения чужого строя миропонимания. Прежде чем приступить к анализу и оценке восточных переводов Ахматовой, Липкин говорит именно о широте ахматовского духовного знания. «Она превосходно знала и глубоко чувствовала библейский эпос и вавилонское сказание о Гильгамеше; она много важного и значительного находила в поэтических и философских воззрениях, заключенных в мифах, гимнах и преданиях Индии и в творениях древних египтян, китайцев, корейцев; ей были хорошо известны исторические судьбы монголов и гуннов с их загадочным появлением на мировой арене; ее волновали чистота и мудрость староперсидской Авесты и более поздней Шахнаме, о которой она лю-

* Липкин С. Восточные строки Анны Ахматовой // Анна Ахматова. Классическая поэзия Востока. М.: Худож. литература, 1969. С. 11.

била повторять изречение Мандельштама, что в книге Фирдоуси характеры героев изменяются по роскошному произволу автора»*.

В переводах древних египтян, китайцев, корейцев Ахматова-переводчик сумела выявить извечную человеческую мудрость, которая всегда современна, потому что коренится в глубинной сущности человеческой природы. Не осовременивая форму древнего стиха, Ахматова делала современными его суть, мысль и чувства, которые он содержал. И часто оказывалось, что поэтическая мысль самой Ахматовой, уже сформулированная ею в ее собственных стихах, родственна высказанной древними поэтами в незапамятную эпоху, что история культуры начинается в глубокой древности и непрерывно продолжается в современности. Так, в древнем Египте находится исток всех образов памятника-слова, вбирающих в себя «памятники» Державина и Пушкина, поэтов Серебряного века и самой Ахматовой:

Человек угасает, тело его становится прахом,
 Все близкие его исчезают с земли.
 Но писания заставляют вспомнить его
 Устами тех, кто передает это в уста других.
 Книга нужнее построенного дома,
 Лучше гробниц на западе,
 Лучше роскошного дворца,
 Лучше памятника в храме.

Еще одна важная сторона переводческой работы Анны Ахматовой — сохранение гражданской актуальности оригинала без придания иноязычным и иновременным стихам дешевой сиюминутной аллюзионности. В статье Л.М. Мкртчана содержится сопоставление двух переводов одной строфы древнекитайского поэта Цюй Юаня, жившего в IV—III вв.

* Липкин С. Восточные строки Анны Ахматовой. С. 5.

до н.э., из его поэмы «Лисао», переведенной Анной Ахматовой при участии Н.И. Харджиева и Александром Гитовичем.

Ахматова и Харджиев:

Теснят мне грудь уныние и горесть,
Скорблю, что в век постыдный я живу,
Цветами нежными срываю слезы,
Но слезы скорби льются без конца.

Гитович:

Скорблю — какие люди правят нами,
В какой ничтожный век живу сейчас!
И слезы закрываю я цветами,
А слезы все текут из старых глаз.

А. Гитович так объяснял сверхзадачу своего переводческого труда: «...переводчик выражает сегодняшний день, если он переводит поэтов прошлых лет». Ахматова выражала в своих переводах то вечное, что роднило скорбь гражданина прошлых столетий и скорбь человека сегодняшнего дня. Может быть, поэтому и в переводах, и в оригинальных стихах поэта Анны Ахматовой сохранялся высокий торжественный слог, по которому сразу узнавалась рука Мастера. Вот как звучит в переводе Ахматовой Рабиндранат Тагор:

Везде царит последняя беда.
Весь мир она наполнила рыданьем,
Все затопила, как водой, страданьем,
И молния среди туч — как борозда.
...В крошечном мраке затерялся дом,
Ворвалась буря внутрь, бушует в нем,
Строенье потрясает до основ,
Неужто ты не слышишь грозный зов
Твоей страны, плывущей в никуда?
Везде царит последняя беда.

Здесь — ахматовский слог, высокий стиль, торжественная медленная речь.

Наконец, следует остановиться еще на одной области переводческой работы Анны Ахматовой — ее переводах женской лирики. Ей пришлось переводить Эди Огнецвет, Маро Маркарян, Людмилу Малинаускайте-Эгле, Саломею Нерис, Дебору Вааранди, Рахиль Баумволь, Марию Павликовскую-Ясножевскую, Виславу Шимборскую, Елисавету Багряну, Светлану Лилову-Тихомирову, Десанку Максимович, Ингер Хагеруп и др. В рабочих тетрадях Ахматовой несколько раз записаны перечни женских имен поэтесс, которых она переводила, и планов издания (?) книги «Женская лирика». В декабре 1959 г.:

Женская антология

- 1) Саломея Нерис
- 2) Дебора Вааранди
- 3) Баумволь
- 4) Десанка Максимович
- 5) Ел. Багряна
- 6) Хагеруп
- 7) Маро Маркарян
- 8) Эгле
- 9—10) Две польки*

В 1964 г. она снова начинает составлять список: «Кого из женщин я переводила. Дебора Вааранди. Саломея Нерис. Хагеруп. Маро Маркарян. Баумволь...» (С. 494). Список не закончен. В конце 1965-го — начале 1966 г., незадолго до смерти, снова записывает в тетради:

* Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.; Турин. 1996. С. 92. Далее страницы указаны в тексте.

Дамы

Багряна (болг.)

Хагеруп (норв.)

Шимборская (поль.)

Максимович (серб.)

Маркарян (арм.)

Дебора Вааранди (эстонск.)

Гречанка (папа Гриша) (греч.)

Саломея Нерис (литов.)

Раиса Баумволь (идиш) —

(Еще одна болгарка) (С. 718)*.

В женской лирике XX столетия часто присутствовали очевидные следы влияния Ахматовой. С удивительным тактом переводила она эти стихи, не подчеркивая русским стихом зависимости поэтесс от ее собственной поэтической манеры. Но — именно в женской лирике ахматовская интонация звучала особенно узнаваемо, украшая и приближая иноязычных поэтесс к русскому читателю.

Так, переводя болгарскую поэтессу Елисавету Багряну, Ахматова не могла не узнать в ее стихах свои образы, например, в стихотворении «Зов» (1923). Ранний вариант перевода Ахматовой:

Замкнута я здесь, крепки затворы,
И в окне решетки черной прутья.
Не могу ни петь и ни вздохнуть я,
А привыкла улетать в просторы.

Ср. ахматовские строки:

И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.

* Правильно: Рита Буми-Папа, Рахиль Баумволь. «Еще одна болгарка», по-видимому, Светлана Лилова-Тихомирова.

Возможно, сама Ахматова поняла чрезмерную эту близость и изменила перевод:

Здесь я замкнута, крепки засовы,
А в окне решетки черной прутья.
Ни запеть не в силах, ни вздохнуть я,
Ни в родной простор умчаться снова.

Новый вариант слабее раннего, ровная перечислительная повествовательность (ни...ни...ни...) заменила упругую противительную интонацию фразы: «Не могу... а привыкла». Но — он уже отдален от собственно Ахматовой.

Правда, так отделить себя от своего же «склубившегося» двойника Ахматова хочет и может не всегда. В рукописях, запечатлевших ее работу над переводом стихотворения Е. Багряны «Безумие», тесно переплелись черновики перевода с черновыми же набросками собственного произведения, носящего здесь название «Крик» и имеющего эпиграф «Не теряйте отчаяния»:

Опять проходит полонез Шопена
Тень музыки мелькнула на стене,
Но прозелени лунной не задела.
О сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне

И как ужасен взор безносых статуй
.....
Не уходи и за меня не ратуй
И не молись так горько обо мне.

Комарово. 20 июля 1958

И <кто-то> голос из тринадцатого года
Опять кричит — я здесь, всегда с тобой...
Мне ни к чему ни радость, ни свобода
Я столько знаю — что молчит природа
И сыростью пахнуло гробовой.

На обороте этого листа тоже черновой набросок перевода Е. Багряны — тот же размер, то же состояние души, та же тревожная интонация:

БЕЗУМИЕ

Какие эта ночь таит виденья
<Как мечутся под ветром>
И тополя зачем взметнулись так.
Чьи это крики, вопли и моления
<Кто охает, тоскуя и моля>
<На миг> Умолкнет и опять застонет мрак.
Не рвется ль чья-нибудь душа из мира?
Лес почему грозит нам, словно враг
И Орион сверкает как секира.
<Для заговора ночь такая друг
Страшны пожаров золотые лица
Неугасимые горят пожары,
Самоубийцу тянет смертный круг>
О Боже мой — на что глядит возница
<Уже пропели третьи петухи — >
Не третий ли уже пропел петух
Заржали кони, словно злобный дух
<Ты слышишь ли за нами> крик погони
Пугает их и близок

2) Ведь не принцесса я, ты не король
1) Мы не хотим ни скипетра, ни трона
Не сеем мы несчастья и боль
Мы вышли в путь с открытыми глазами
Мы царских грамот не везем с собой
И никому на свете мы не мстим
<Хотим войти в> воздушный замок сами
И увидеть

Этот набросок на последующих листах превратится в законченный текст, который почти без поправок пойдет в пе-

чать и может считаться одним из шедевров переводческой работы Ахматовой. А в самом конце чернового первого наброска она запишет на болгарском языке ключевую, видимо, поразившую ее строку: «И Орион блесит над нас как та секира». Эта строка может быть ключом и разгадкой для многого в творчестве поэта Ахматовой лета 1958 г.

Весной 1963 г. Ахматова начинает составлять отдельную книгу своих переводов. В ее рабочих тетрадях начинают появляться перечни авторов, которых она бы хотела включить в сборник:

Сербские песни
 Р. Тагор
 Багряна
 Максимович
 Хагеруп
 Эмай
 Нейман
 Словацкий
 Аргеzi
 Египет (С. 336).

Ахматова хотела назвать эту книгу «Голоса друзей». Она включила в нее примерно 3000 строк (в собственную свою книгу, которую она первоначально хотела составить только из новых стихов, в то же время Ахматова включила 5000 строк). В 1965 г. книга переводов выйдет в издательстве «Прогресс» под заглавием «Голоса поэтов». Тагор, Тувим, Аргеzi, Леопарди — огромный массив переводов последних лет жизни — ежедневная «работа» Ахматовой. Параллельно — значительно медленнее — собственное творчество: «Полночные стихи», «Пролог, или Сон во сне», новые строки и строфы в «Поэму без героя», в поэму «У самого моря» — то ли «вспомненные», то ли заново написанные. Отрывки, набро-

ски, незавершенные строфы. Недовольство собой. Постоянное напоминание себе слов Иосифа Бродского: «Главное — величие замысла...». Одна из записей в рабочей тетради последних месяцев жизни:

Что делать?

Кор<ректурa> «Бега времени»

Болг<арское> предисловие

Леопарди

Гречанка (С. 631).

Переводческая работа съедает силы, забирает время. Но приносит и радости. Среди переведенных стихов появляются «любимые». Ахматова пишет: «Я переводила на русский стихи Тома, Эминеску, Аргези и румынский народный фольклор. Все это по-своему очень замечательные вещи, но мое любимое «Скиталец» Тома:

Но ты его расспрашивать не смей,
Куда идет, явился он отколе» (С. 579).

Письмо Иосифу Бродскому 15 февраля 1965 г.: «Хочу поделиться с Вами моей новой бедой. Я умираю от черной зависти. Прочтите «Ин<остранную> лит<ературу> № 12 — «Дознание» Леона Фелипе... Там я завидую каждому слову, каждой интонации. Каков старик. И каков переводчик. Я еще таких не видывала» (С. 588).

Переводчик — Анатолий Михайлович Гелескул, 1934 года рождения.

Одна из последних работ Ахматовой — ее заметка, воспоминание-размышление о переводчице и друге Михаиле Леонидовиче Лозинском, которого она назвала «несравненным поэтом-переводчиком». Еще одно письмо Ахматовой Бродскому 12 июля 1965 г.: «Мы с Толей заканчиваем перевод

Леопарди, а в это время стихи бродят где-то далеко, переключаясь между собою, и никто не едет со мной туда, где сияет расстрелиевское чудо — Смольный собор. И в силе остаются Ваши прошлогодние слова: «Главное — это величие замысла» (С. 637).

Из телеграммы А.Г. Найману: «Перевожу «Палинодию» Леопарди. Надвигаются корректуры» (С. 651).

Дневниковая запись 1 сентября 1965 г.: «Большой светлый день. Почти все время на воздухе. Перевели 48 стих<ов> Леопарди («Палинодия») <...>. Ночью разговор о стихах. Потрясающий Джон Донн. (О призраке, приходящем к своей возлюбленной, когда она с другим). Перевод И. Б.<родского>» (С. 658—659).

Еще одна дневниковая запись — воспоминание, сравнение: «С осени 1927 стала самостоятельно учить английский язык (Фонт<анный> Дом) — через 1/2 года читала Теккерера *pendant* <с параллельным текстом — *фр.*>. (После Кисловска) — Байрон (для Пушкина), потом — Китса, Браунинга. Летом 1915 в Слепневе читала Расина (Теперь, <в> 1965 — Донна и Элиота. Всегда Шекспира). (Мои мысли о «Макбете», о Фальстафе, о Гамлете — находка). Тогда же читала «*Orlando Furioso*» <«Неистовый Орланд» — *ит.*> — даты на моем экземпляре «Четыре ит<альянских> поэта». Всегда Данте» (С. 666—667).

В сентябре 1965 г. вышел «Бег времени». Ахматовой предложили собрать еще одну книгу — собственных стихов — срочно, для Лениздата. «Как мне не хочется с ними возиться, как хочется от них отдохнуть, даже забыть. Это значит — опять думать — «нельзя» — «можно», «лучше это», «или то». Какие это опустошающие мысли, как вредно быть собственным критиком, цензором, палачом» (С. 669).

Работать над переводами в чем-то было легче... Ахматова продолжала жить в Комарове. Подступало предынфарктное состояние, а надо было ехать в Москву — выступить на «дан-

товском вечере», заканчивать переводы. Запись 17 октября 1965 г.: «5 гр<адусов> тепла. Кончается осень. Начинается Она. А что с ней делать — неизвестно. Силы, чтоб ее перенести, решительно нет. Мне кажется, что я слабею с каждым днем. Завтра вторник (18 окт<ября>).

Райнис — 250

Тувим — 500

750» (С. 674).

19 октября прошел Дантовский вечер в Большом театре в Москве. Ахматова выступила с блестящей речью, прочла свои стихи, посвященные Данте. На сцене у нее начался сердечный приступ, но она сумела преодолеть боль.

Она написала предисловие к своему сборнику, выходящему на болгарском языке: «Я переводила много болгарских стихов, и слышу живой звук этого языка (жив для меня). Теперь я читаю свои собственные стихи по-болгарски, и узнаю дыхание и интонации, такие близкие их русскому звучанию. Перевод одного и того же стихотворения на разные языки — словно отражение его в ста зеркалах» (С. 677).

Она закончила и переписала «Палинодию» Леопарди, — это была ее работа, соавтор Найман находился в Ташкенте. В ноябре 1965 г. вышла книга «Лирика Древнего Египта». Вышла и книга «Голоса поэтов», — Ахматова просит из издательства 50 экземпляров, составляет список «Кому дать переводы». В него входят 18 человек — Елисавета Багряна, Десанка Максимович, Вислава Шимборская, Александр Геров, Михаил Зенкевич, Карло Риччо, Арсений Тарковский и др.

И опять записи: «Работа. Тувим — 250 (получен). Болгар<ка> и полька — 50 (вторник). (Геров...) — 300 рб. Египет в декабре 40%. Гречанка 1000 стр<ок> — 60%... (Жду из Ленинграда)» (С. 681). «Завтра (суб<бота>) зову Томашевского для работы (Леопарди). <...> Зенкевича для

книги переводов» (С. 682). Начало ноября 1965: «1. Папа Гриша — 1000 (договор есть). 2. Дебора Вааранди — 300 стр<ок>. 3. Верлен (?); 4. Андалузия (?) Хорошо бы через Марусю? 5. Леопарди — 40%. 1966. (сдан)» (С. 685). Финансовые подсчеты показывают, насколько зависит от издательских выплат великий поэт Анна Ахматова. Одинокая, «беспастушная» женщина семидесяти пяти лет.

8 ноября 1965 г. Ахматова потеряла сознание и с четвертым инфарктом была увезена в больницу. Она провела там три месяца. Физически становилась все слабее, но — как только отпустила боль, вновь продолжила работу. Написала начисто, по памяти, большой очерк — воспоминания о Лозинском, развернув и дополнив свой первый набросок, сделанный для ленинградского телевидения. 14 февраля 1966 г., за три недели до смерти, записала в рабочей тетради: «М<ожет> б<ыть>, буду переводить болгарский эпос». За день до смерти сделала в своей последней рабочей тетради большую запись о кумранских находках... Ее интересовал *большой мир*, и голоса поэтов этого большого мира были ей дороги.

Итак, можно уверенно сказать, что работа над переводами в последние годы жизни стала для Ахматовой почти такой же каждодневно необходимой и заслуживающей уважения, как и всепоглощающий ее труд над собственными стихами и прозой, как привычное любимое занятие биографией Пушкина и как воссоздание истории собственной жизни, судеб акмеизма или образов друзей-современников. И не случайно среди ее друзей с юных лет и до последних дней жизни переводчиков было немало. Профессионально занимались переводами Гумилев и Шилейко, Лозинский, Пастернак, Мария Петровых, Арсений Тарковский, Семен Липкин. Ахматова была среди них равной среди равных.

ПЕРЕВОДЫ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Расул Рза

ЛЕНИНГРАД

Ленинград облекся в военный убор,
Грозно плещет волной Нева о гранит.
Устремляет стервятник на сокола взор,
Туча мрачная город собой темнит.
Говорит врагу каждый камень страны:
Злая осень бессильна в краю весны,
В пух и прах разнесет балтийский герой
Стаю псов, озверелый поднявших вой.
В каждом сердце вольном и гордом живет
Имя Ленина, что сильнее всех преград.
Нет, врагам не видать тебя, Ленинград!

В грозном городе Ленина жизнь кипит,
Ткань на саван врагу уже соткана,
И, как красный Кронштадт, никогда не спит,
Ни мгновенья наша не дремлет страна.
Мать, своих сыновей пославшая в бой,
У станка на вахте стоит трудовой.
Озабоченность в лицах, вера в глазах,
Кипящая месть в закаленных сердцах.
В кольчуге волшебной выходит на фронт

Кёр-оглы могучий и быстрый Гырат,
Как святыню свою, беречь Ленинград.

Горячие пули врага стерегут,
Вселяя в него и унынье и страх.
Сквозь сталь этих стен не пробиться врагу,
Ключ от нашей твердыни — в дружных сердцах.
Торжественно древняя льется Нева,
Ей подмогу шлют и Баку, и Москва.
Непреклонным мой город выйдет из бед,
Уже близко ясное утро побед.
В исторический испытания день
Там ученый с рабочим, как с братом брат,
Свою жизнь тебе отдают, Ленинград!

Гордый памятник русских давних времен!
И Ленин, и Пушкин создали тут.
С той поры, как ты был Петром сотворен,
Ты не ведал неволи вражеских пут.
Каждый дом твой — крепость, и в грозные дни
На фронт смотрят очи соколы твои.
Ту цепь, что сковали враги для тебя,
Растопчи и развей, не знавший преград,
Город Ленин, наш родной Ленинград.

ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ

Пожар заката розовый, отблестав, исчез,
И забелели гроздья звезд в вышине небес.
Кто-то неожиданно в квартире свет включил
И тем как будто птенчика в гнезде разбудил.
В твоих глазенках радостных восторг засверкал,
Ты улыбнулась, вздрогнула, твой голос прошептал:

«Как красиво, папочка, все сделалось у нас!..»
Но померк стремительно блеск милых детских глаз,
И ты, в волнение горестном брови сдвинув вдруг,
Смущенно и испуганно на все глядишь вокруг.
Всю радость твою детскую смыло, как волной,
Только страх в глазах твоих, лицо полно тоской.
И, поглядев на комнату, на меня, на свет,
Ты чуть не заплакала и прошептала: «Нет,
Свет ты потуши скорей и окно закрой,
А не то с поста дежурный придет за тобой.
Разве ты не знаешь, папа, если свет горит,
Самолет фашистский дом наш разбомбит...»
Твои погладив кудри, сказал я: «Мирной будь,
Свою тревогу, девочка, теперь позабуди.
Дай руку мне, милая, и выйдем на балкон,
Смотри, смотри, повсюду свет, весь город озарен!
Пусть с глаз твоих страха тень исчезнет навсегда,
От черной тучи на небе не видно следа.
Пусть окна все раскроют, свет увидишь ты!
Его мы силой вырвали из лап темноты!..»

АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Ашот Граши

ЕРЕВАНСКАЯ ОДА

Я звезду воспевал,
Свет в саду воспевал,
Сад в цвету воспевал —
Ныне славлю камни Еревана!

Здесь каждый камень взлелеян трудом,
Сегодня — камень, а завтра — дом.
Заря сияет в сердце моем, —
Слава труженикам Еревана!

Новые звезды во тьме ночной, —
Стал ясноглазым город мой.
По улице новой иду домой, —
Славлю свет родного Еревана!

С гор Капутана через поля
Реки струятся, взор веселя,
В городе с ними встречаюсь я, —
Славлю песней воды Еревана!

Повсюду сады многоцветные тут,
И в Норке и у Раздана растут,
Зелеными чашами солнце пьют, —
Славлю плод янтарный Еревана!

Аветик Исаакян

* * *

Певец я — птица в вышине,
Земных богатств не надо мне.

Люблю цветы и милых дев
В благоухающей весне.

И нежный шепот я люблю
И песню горя в тишине.

* * *

Извивается дорога,
К морю темному ведет, —
Яр Шушан, меня покинув,
С юношей другим идет.

Я — мертвец, и у дороги
Я лежу во мгле ночной,
Незарытый, позабытый...
Море плачет надо мной.

И орел клюет те очи,
Что глядели на Шушан,
Волк грызет во мраке ночи
Сердце, ждущее Шушан.

А дорога к бездне муки,
К морю темному ведет.
Яр в крови омыла руки
И к венцу с другим идет.

* * *

Вот я какой увидел сон:
У дома, где сияешь ты,
Родник пробился, окружен
Цветами редкой красоты.

И подошел я к воротам,
Чтоб злую жажду утолить,
И вдруг воды не стало там...
О, хуже сна не может быть!

Проснулся и в тоске поник:
Я — жаждущий, а ты — вода.
Любовь твоя — как тот родник,
Иссякла навсегда!

* * *

Шумно та звезда упала
С неба на земную грудь,
Но земля в ответ молчала,
Смертью кончен звездный путь.

Я к тебе ворвался с нежной
Песней, жаркою, как кровь,
Ты нема и безмятежна,
Но... жива моя любовь.

* * *

От жгучего горя сердце мертво,
И жизни моей иссяк родник.
Мои слезы должны океаном стать —
Только б скорби моей не узнала мать.

Я буду скитаться один в горах.
Буду биться о камни головой,
Суждено мне волчьей добычей стать —
Только пусть не узнает об этом мать.

* * *

Мне сказали: «Давно умерла твоя мать,
Умерла твоя мать, сердце жизни твоей».
Мне сказали, что больше не встречусь с тобой,
Что покрыла тебя беспредельная мгла,
Что лицо твое кроткое — прах гробовой...
Нет тебя, той, что самую доброй была.
Но, я знаю, меня не покинула ты,
Где-то рядом со мною всегда ты стоишь,
От зари до зари, до ночной темноты.
Каждый миг сострадая, печалясь, любя,
В вечном страхе, в тоске, не жалея себя,
Смотришь, сына всем сердцем храня,
На меня устремляешь свой взор, не дыша,
Все глядишь на меня, все глядишь на меня,
Мать родимая, свет мой, душа...

* * *

С утратой того, что любимо,
Я в жизни не мог примириться,
Что властвует необходимость,
Я в жизни не мог примириться.

И мысль моя тщетно пыталась
Смирить непослушное сердце,
С действительностью проходящей
Я в жизни не мог примириться.

ПЕСНЯ ПТИЦ

Однажды девочка, резвясь,
Играла средь полей,
А мотылек, зарей светясь,
Кружился перед ней.

Она хотела мотылька
Красивого поймать,
Но тщетно тянется рука, —
Никак его не взять.

Тот мотылек неуловим,
Веселый, золотой...
А вот она, гонясь за ним,
Вбежала в лес густой.

Он закружился меж ветвей
И улетает прочь...
Она устала, а над ней
Уже темнеет ночь.

Забралась девочка в дупло,
Ей захотелось спать.
В лесу и утром не светло, —
Дороги не видеть.

Три дня она в лесу жила,
Ей ягоды — обед.
И так тепло на дне дупла,
Лишь тропки к дому — нет!

Но девочку пошли искать
Соседи и отец.
Счастливей день! Она опять
Среди родных сердец.

Мать, плача, целовала дочь,
Лелеяла ее:
— Скажи, тебя пугала ль ночь,
Сокровище мое?

И дочка отвечает ей:
— Нет, ночь там не страшна.
Мне пели птицы меж ветвей,
Была я не одна.

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ С.Г. ЗАКИЯНА

С героями-друзьями ты, как пламя,
Как молния, врагов испепелял.
Великой правды нес высоко знамя,
И смертью храбрых в жаркой битве пал.

В твоём краю, свободном, беспечальном,
Что наделил отвагою бойца,
Склонились все в молчании прощальном,
И горе переполнило сердца.

Твое чело победа увенчала,
И в летописях славы ты живешь,
И тем, кого унынье посещало,
И гордость ты и мужество даешь.

Наш гнев священный вдохновил героя,
И мы гордимся подвигом твоим.
Ты варвара поверг стальной рукою
И, словно щит, стоял неколебим.

Покойся безмятежно в вечной славе,
Твои герои-братья мчатся в бой.
Армения цветет все величавей,
И пламенеют розы над тобой.

ИЗ ПОЭМЫ «ПЕСНИ АЛАГЯЗА»

Песнь вторая

I

Шар солнечный с востока плыл,
Прохладный ветер веял с гор,
И с песней жаворонок взмыл,
В цветах благоухал простор.

Ручей в уборе пенных риз
Пещеры звонко окликал,
Заро, как лань, спускалась вниз,
Под шагом милым луч сиял.

Раздвиньтесь, скалы, перед ней,
Дорогу, роза, укажи,
Ее, терновник, не держи,
Иди ко мне, Заро, иди.

Сверни свой пенный плащ, ручей,
Пусть я прижму Заро к груди.

II

Собрались сотни павлинов тут,
Все озарив кругом,
Как будто холмы и поля цветут
Огромным живым ковром.

И птицы, не ведая смерти злой,
Поют о любви своей,
Они поют о своей дорогой,
Упиваясь песней о ней.

Словно касаясь легкой струны,
Ветер ласкает цветы,
Его дуновенья чисты и нежны,
И слышится песня мечты.

Песнь четвертая

III

Смолкла зурна... Над подругой своей
Сладко рыдает покинутый рог, —
Словно над розой склоняясь, соловей
В песнях печальных своих изнемог.

Юноша страстный любовью сражен,
Голову в сладкой истоме склонил, —
Словно в дремоте томительной, он
Грустную песню о милой сложил.

ПЕСНИ ДЕВУШЕК

I

На вершине горы снег блестит первозданный —
Опалил мое сердце ты страстью своей.
Я на снежные кручи взойду, мой желанный,
Станет жаркое сердце мое холодней.

Передай ему, ветер, мои пожеланья,
Он теперь вдалеке от жилья моего,
Целый год уже длится мое ожиданье,
Я умру за того, кто увидел его.

Я завидую вам, изумрудные птицы,
Изумрудным бы мне сновидением стать,
Чтобы тихо на ложе его опуститься
И бессонные очи его целовать.

Песнь пятая

I

Как беспощадно туча звезды прячет,
Как беспросветна эта злая ночь,
В моем пустынном сердце кто-то плачет
Кровавыми слезами в эту ночь.

Безжалостная роза грудь закрыла,
А все шипы открыла в эту ночь.
И сердце соловьиное дарила
Кровавыми слезами в эту ночь.

И в эту ночь таинственной печали
Скатилась с неба яркая звезда.
Ах, той звезды прекрасной не видали —
То сердца моего была звезда.

II

Я к Заро на рассвете пришел,
У порога любимой стою.
Двери заперты крепко, — Заро
На мольбу безответна мою.

Но за дверью ягнята ее
Откликаются, плачем звеня.
Иль понятно им горе мое?
Иль, быть может, им жалко меня?

Ей скажите, чтоб дверь отперла,
Сжал мне сердце мучительный страх.
Этой ночью мне снилась Заро
В безутешной печали, в слезах.

III

Мне озеро привиделось во сне,
Сверкающее золотой волной,
И милая моя, и рядом с ней —
Красавец юный в лодке золотой.

У милой на груди цветы полей,
Лишь розы нет — счастливцу отдана.
Мои сомненья, ветерок, развеи:
Скажи, что мне любимая верна.

Но юноша жемчужин светлых нить
На шею милой весело надел...
О нежный ветерок, не может быть,
Чтоб он ее душою овладел!

В его объятиях любовь моя,
И поцелуев лепет над водой...
На берегу мертвец, и это я,
И только ива плачет надо мной.

IV

Буду жертвой твоей, только дверь мне открой,
Перед домом твоим я задумчив стою,
Пусть сиянье твое заблестит предо мной,
Черен мир над поникшей моей головой.

Ты сожгла мое сердце огнями очей,
Дай хоть каплю воды истомленным устам,
Ты изранила сердце мечами бровей,
Дай лекарство для раны жестокой моей.

На вершинах для тучи приветливый дом
И пещера скалистая — ветра приют.
Но куда же деваться мне в горе таком?
Дверь открой, я умру на пороге твоём.

V

Из сердца моего ты унесла
Свою любовь, и рана в нем зияет...
Безжалостная, навсегда ушла, —
Теперь меня ничто не исцеляет.

Зачем не вырыла могилу ты,
Как эта рана, темной и глубокой,
И прах мой не зарыла у воды
Озерной, под чинарою высокой?
В могиле тесной, черной, словно ночь,
Похоронив меня, ушла бы прочь...

ЕВРЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Чтоб первый человек был сотворен,
Господь земли взял с четырех сторон,
Он юг и север, запад и восток
Соединил, — смешал их землю он,
Чтоб человек, куда бы ни забрел,
Везде бы дома чувствовал себя.
Когда же смерти прозвучит глагол,
Провозглашая, что всему конец,
Все люди получили б на земле
В ее объятиях покой сердец.

ОСЕЛ И КРЕСТЬЯНИН

Басня

Однажды летнею порой
Мужик навьюченного гнал осла.
Перевалив через подъем крутой,
Мужик был весь в поту...
Тропа на мельницу вела.
Так жаркой летнею порой
Мужик с горы устало брел,
С поклажей тяжелой шел осел, —
Был каждый изнурен...
О, счастье! Близ дороги той
Среди ветвей
Журчал ручей, —
Вода прохладна и чиста,
Мужик от счастья сам не свой,
Воды напился ключевой,
И вот почти иссяк родник...

Затем мужик
С осла поклажу тут же снял,
На пышный луг его погнал
И лег под сенью дуба сам, —
Мгновенно сон слетел к глазам.
Его в блаженство погрузил...
Когда же вновь глаза открыл —
Увидел пред собой двоих,
Был дик и страшен облик их,
Пред ним стоят они, грозны,
И оба вооружены.
Мужик от страха стал дрожать,
Кричит ослу: — Эй ты, дурак!
Вставай скорей, пора бежать!
— Хозяин, что ж пугаться так?
Пылает солнце, тяжек зной,
Не лучше ли остаться тут?!
— Грабители пришли, урод!
— Что за беда? Пришли — уйдут.
— Но ведь тебя же уведут!
Скорее! Время-то не ждет!
— Мне наплевать! Спешу ты сам,
Мне все равно быть здесь иль там, —
Таскать поклажу — жребий мой.
Покой мне дорог. Не хочу
Брести в жару, я изнурен! —
Осел воскликнул, осмелев...
И повалясь под сень дерев,
Он в сладкий погрузился сон.

СОН

Чужая страна его отняла,
И годы для матери полны тоской.
Но мать возвращения страстно ждала,
И сын сегодня вернулся домой.

В объятья сыну упала мать
И целовала руки ему.
Стали отца, грустя, вспоминать,
Счастью не веря своему.

В родном очаге запылали огни,
Радостью светлой наполнив дом.
О давних днях говорили они
И сном блаженным уснули потом.

Очнулась мать — слышит вьюги вой,
Очаг потух, все тонет во тьме...
А сын, ее сын, ее сын дорогой
Закованный в цепи снова в тюрьме.

Маро Маркарян

* * *

Ко мне подойди, мой сыночек ясноокий,
Пусть игры и хохот на время замрут,
И я расскажу тебе с грустью глубокой
О том, как народы на свете живут.

Не всюду рассветные зори сияют,
Не всюду сады молодые цветут,
Не всюду так весело дети играют,
Не всюду так радостно птицы поют.

Пожары пылают вдали за морями
И грудой развалин лежат города.
Там нивы и рощи обуглило пламя,
Там гибель, отчаянье, горе, нужда.

Там дети без детства. Оставлены ими
Веселые игры в сиянии дня.
Пытаются дети руками своими
Себя защитить от убийц и огня.

И нам беспокойно, мой мальчик, с тобою
Среди отягченных плодами ветвей,
Не все наши братья с такою судьбою,
Не всюду свободны от рабских цепей.

Пусть каждый из нас им по-братски поможет:
Наш долг человеческий чист и высок.
И лягут большие заботы, быть может,
На детские плечи твои, мой сынок.

Ты будешь нести их спокойно и строго,
Нести до заветного часа того,
Пока не откроется к счастью дорога
Для мира всего.

СУРИК

Был Сурик парнишка ясноглазый,
Очень добродушный и простой.
Он писал и песни и рассказы
О прекрасной стороне родной.

Зоркий взгляд его был прям и светел,
Сам он был сердечен и правдив.
Грозный день войны достойно встретил,
Добровольцем в армию вступив.

Беспощадный в справедливой мести,
Он сражался, не жалея сил.
Где бы ни был он, — врагам возмездье,
А своим победу приносил.

Но ни строчки, ни единой фразы
Нам об этом не писал герой.
Присылал лишь песни и рассказы
О прекрасной стороне родной.

ДЕТЯМ МИРА

Вы, дети, геройски идущие к цели,
Вы все одинаково дороги мне:
Мой мальчик араб, мой сынишка из Дели,
Сынок мой вьетнамец, погибший в огне.

Ты мой, исхудалый подросток Ирана,
Мотающий нити для ханских ковров,
Моя чернокожая девочка, рано
Твой взгляд стал недетски пуглив и суров.

Бессильны душители вашей свободы,
Бессмысленны козни приспешников лжи.
Поверьте, настанут счастливые годы,
Исчезнут навеки с земли рубежи.

Я все расскажу вам, желанные дети,
Садитесь скорее за стол мой большой.
Открою вам все, что творится на свете,
И правду поймете вы ясной душой.

Хочу вам поведать словами простыми
О черных и светлых деяньях рассказ,
А после судите сердцами своими, —
Кто жертву какую приносит для вас.

БОГАТСТВО

Родина и сын — милее жизни,
Нет богатства для меня ценней.
Юношам что делать без отчизны?
Родина мертва без сыновей.

Родина и сын — моя отрада.
Только ими жизнь моя полна,
И других сокровищ мне не надо,
Только с ними вечная весна.

Всех сокровищ мне они дороже.
Умереть за вас готова я —
Мой сынок, веселый и пригожий,
И бесценной родины края.

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВЦО

Ты расцветаешь, персик мой,
Подросток, девушка-дичок...
Кто ластится к тебе, кто льнет?
То легкий горный ветерок.

А ты смущаешься, дрожишь,
Любви боишься первых слов,
И обаяние твое —
Беззвучный и безмолвный зов.

Но на себя ты не глядишь,
И потому не знаешь ты,
Что в юной прелести своей
Ты совершенство красоты.

С тревогой на тебя смотрю,
Вздыхая и грустя тайком.
Как ты напоминаешь мне
О чем-то самом дорогом!

В САДУ

Калитку в милый сад,
Где клен, и дуб, и ясень,
Гуляя наугад,
Уж распахнула осень.
Там пшат прекрасный мой —
Серебряное диво —
И тополь золотой
В наряде горделивом.
Как будто под листвою
Огонь незримый зреет,
Там рыжей чешуей
Шиповник пламенеет.
Но осень так скромна,
И от избытка силы
Под холодом она
Огонь свой затаила.

* * *

Плачут дудки, горько плачут,
Надрываются они.
Вспоминаю я, что значат
Мной покинутые дни.
В этих стонах — голос бедствий,
Безутешная тоска.
Не себя ль в сиротском детстве
Вижу я издалека?
Голос горестных рыданий
Полон тайных жгучих сил.
Он виденьями в тумане
Сердце мне разбередил...
Дочка тоже слышит пенье
Старых дудок, но она
Смотрит вдаль, чужда волненья,
Безучастна, холодна.
Ей невнятны звуки эти,
Горькой жалобы язык...
Словно несколько столетий
Разделили нас на миг.

* * *

За окошком
востает ветер,
В двери гулко
рвется ветер.
Ах! Чего еще ты хочешь
и смущаешь мой досуг?!
В этот, этот светлый час,
час покоя,

Что с тобой, скажи, такое,
сумасшедший, грозный друг?
Я равна тебе,
я снова
В блеске крыльев...
Мысль и слово
Я, как ты, держу в объятьях
дорогих моих друзей,
И летаю
я повсюду,
Я подобна
только чуду,
Но я мощи не имею
или быстроты твоей.
И я трачу
в вихре чувства
Часто
все мое искусство...
Так себя я расточаю,
расточаю всю себя.

* * *

Говорят, что с тобою должна я играть и лукавить,
Но, завидев тебя, я теряю рассудка следы.
Умирая от жажды, не в силах я губы заставить
Хоть на миг окунуться в прозрачные струи воды.

Но я рада теперь, что не верила низким советам,
Не хитрила с тобой, чтоб услышать желанный ответ.
Как бы ни было больно, жалеть я не стану об этом, —
Иногда пораженья бывают достойней побед.

* * *

Лишь ты сумел мне указать
Дорогу к песне,
Сказал мне: возродись опять
И стань прелестней.
Все озарил собою ты,
Как солнце — дали,
И, распутившись, все цветы
Затрепетали.
От счастья слепну — не пойму,
Не сон ли это,
От счастья сердцу моему
Не видно света,
Но эта щедрость красоты
И есть примета,
Что существуешь ты, что ты
Тут, близко где-то.

* * *

От своих тревог и тайной боли
Ты не уделил мне ничего,
Не доверил ни малейшей доли
Скрытого страданья своего,
Краткими отделался словами,
Холодно-учтив был в этот день,
И легла навеки между нами
Отчужденья тягостная тень.
Я не домогаюсь, не неволю,
Но грущу, что жизнь моя пройдет
Непричастна и к малейшей доле
Мук твоих, печалей и забот.

В РОДНОМ КРАЮ

Где тополя стоят, как стражи,
И низко-низко над сухой
Землею шпатовый кустарник
Колючей тянется каймой,
Где в солнечных лучах, рыжея,
На крыше тыквы в ряд лежат,
В листве зеленой гроздь пряча,
Льнет долу спелый виноград,
Где, если все окину взором
Иль просто погулять пойду,
Иль даже выгляну в окошко,
Мне кажется, что я в саду,
И солнце настигает всюду,
Томит луга недвижимый зной,
Но вдруг по листьям шелковицы
Промчится ветер озорной...
Там, где звенит в тени оливы
Ручей, рожденный гордым льдом,
Там неприметный, молчаливый
Мой дом родной, мой милый дом.
И если я, живя далеко,
Его забуду, не цenia,
Вы от меня не ждите проку,
Добра не ждите от меня!

* * *

Природу пышную земли иной
Видала я не раз. Но все ж моих
Садов, лугов, ущелий и полей
Застенчивая прелесть мне милей.
Где б ни жила я, ты со мной, страна
Гористая, вся в валунах больших.

Со мной — дыханье раскаленных скал,
Со мною — ветка персика в цвету,
Студеный горный ключ, — они со мной,
Приметы милые страны родной,
И вязь Месропа и былых веков
Предания, будящие мечту.

В иных краях прекрасных довелось
С хорошими людьми встречаться мне,
Но я ни на мгновение не вольна
Забывать тебя, мой край, моя страна.
Ты — мать моя, зовущая домой,
Ты — сын мой, видящий меня во сне.

* * *

Сквозь покровы влажного тумана
Луч косою дорогу проложил,
Он мое родимое селенье
И гумно, и дом наш осветил.

Вот весна пришла — весна весною,
Дождь на землю рвется с высоты.
Набухают зерна в черноземе,
Свежею листвою шумят кусты.

Где же я? Куда же я пропала?
Помнишь ли, селенье, дочь свою?
Нынче все пшеницу сеют в поле,
О любви к тебе лишь я пою.

* * *

Так много мы мечтаем сделать в жизни,
Что половины нам не совершить,
И горечь неисполненных желаний
Подчас в душе приходится таить.

Но до чего обиден и ненужен
К самой себе направленный упрек!
В нем снова расточаются бесплодно
Часы и дни — недолгой жизни срок.

Смотри, чтоб в этом праздном сожаленье
Не растерять бесценные года!
О мире необъятном и прекрасном
Наплакаться успеешь ты всегда.

Ваан Терьян

* * *

Как безропотно вянет цветок
Там, где тень — ледяная могила,
Пусть любви моей гибнет росток,
Чтоб она твои дни не мрачила.

И стерплю я гнетущую боль.
Улыбаясь улыбкою ясной:
Мрак мой скрыть мне сегодня позволь,
Скрыть хочу я, что сердце несчастно.

Чтобы, к жизни прекрасной спеша,
Ты рыданий моих не слыхала,
Чтоб твоя молодая душа
Беспредельную радость познала.

НЕВОЗВРАТИМОЕ

Расстались мы, но пыль времен
Еще щадит твой бледный лик,
И прошлым я не обольщен —
Без снов волшебных жить привык.

И взором пасмурным гляжу
Я на безумье прежних дней,
Как бы за песней я слежу,
Что перестала быть моей.

Расстались, не сказав: «Прости!»
Зачем же в сердце этот ад?
И наши разошлись пути,
Не можем мы идти назад.

Жить прошлым больше не хочу,
Не вспоминаю о тебе.
Как раб оковы я влачу,
Покорный горестной судьбе.

И если зов твой зазвучит
И ты придешь ко мне опять...
Увы! — душа моя молчит,
И прежним мне уже не стать.

СУМЕРКИ

Там сеют золото сквозные облака,
И волны ласково рассказывают сказки,
И сердце жаждет слов, что пламенны, пока
Усталая душа о тихой молит ласке.
Звенит покой полей, и льет небесный свод
Неистощимый свет печали и молчанья.
В алмазном зеркале немотствующих вод
Сияют облаков живые очертанья.

И в сердце у меня, где только мгла одна,
Тоска так сладостна в своей тревоге знойной, —
Желаний там лампада зажжена...
Как небеса горят на глади вод спокойной.

О, сладостная боль в сознании моем,
В бездонном мире ты одна подобна чуду.
Любовь твоя горит и светится во всем,
Безумная тоска безмолвствует повсюду.

* * *

Никогда тебя не назову...
Слишком темен этот пыльный мир...
Имя милой — словно стоны лир...
Никогда тебя не назову.
Пал огонь твой на мою главу,
Ты любовь моя и мой кумир.
Никогда тебя не назову —
Слишком темен этот пыльный мир...

* * *

А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут.
Я узник, я пленник, покинутый тут...
А там пастухи на свободных горах...
Скитальцу, мне мирный неведом приют,
Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках...
А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут...

БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Владимир Дубовка

КЛЕНЫ В ПАЛЬЦАХ СВОИХ ЗОЛОТЫХ

Клены в пальцах своих золотых
Держат осень с ее красотой.
Осень властвует в рощах густых,
Ограждаясь листвою золотою.

Клен роняет листок за листком,
Плачет чайкой печальное эхо.
А в орешнике свист и разгром,
На кустах ни листка, ни ореха.

Листья с шумом на землю легли,
Ветер их раскидал по вселенной.
Но весной на просторы земли
Возвратится краса непременно.

Засияет опять небосвод,
И мечты полетят на приволье.
Нам надежды весна принесет
В синем, шитом шелками подоле.

Осень выплачет слезыньки все,
Чтобы люди их больше не знали,
Чтоб в лазурной небесной красе
Вовсе не было места печали.

Красота возвратится назад,
На земле ей ничто не помеха.
Отшумит, отойдет листопад,
И рассыплется грустное эхо...

ДУМЫ ЛЕТЯТ

Думы летят, как депеши без адреса,
Может, от грусти, а может, и с радости.

С тем повстречаются, с тем попрощаются.
Вечер ли это, иль утро кончается?

Строчками скромными, тихо, по малости,
Выплещу молодость... много ль осталось-то?

Век вековать у меня — невозможно ей,
Вот и становится голос тревожнее.

Мыслью одной утешаюсь в тревоге я:
Честно и прямо иду по дороге я.

С братом — по-братски, по-вражески — с врагом.
Это ли, друг мой, не важно, не дорого?

Если работаю — с жаром работаю.
К светлому тянется сердце с охотою.

Пусть они плачутся, ветры осенние,
Поле опять возродится в цветении,

И победит их стенанья тягучие
Девичья песнь — изо всех наилучшая.

Может, не так? Но открыто для солнышка
Каждое сердце до самого доньшка!

Строчками тихими, строчками скромными
Силы земли воспою неумные...

Думы летят, как депеши без адреса,
Много в них грусти, еще больше — радости.

Максим Лужанин

НОВЫЙ ГОРОД

Два пути пришли сюда,
На скрещенье улиц новых.
И повисли провода
На больших столбах сосновых...

Вдоль шоссе они ведут,
Не смолкая, разговоры,
Вести светлые несут,
Что построен новый город.

И отряды тракторов
Там гордятся мастерами,
А бригады мастеров
Так же горды тракторами.

Город радостный возник,
Свежей кладкою светлея,
Хоть и молод, а велик
Силой крепнувшей своею.

Он глядит из-под руки,
Словно дали измеряет,
Он встает из-за реки
И к столице подступает.

А она идет встречать,
Чтоб приветить словом лучшим.
Молвит брату:
«Добрый час!»
Говорит:
«Расти могучим!»

Поступь юноши тверда,
Он вступает на подмости,
Повстречались города
На знакомом перекрестке.

С этой радостью в сердцах
Мы в грядущее взглянули
В побратимах-городах,
На скрещенье светлых улиц.

ВЕРБЛЮЖИЙ КАРАВАН

Тяжко сердцу прожить трое суток без ветки зеленой,
Нет ни вербы в пути, ни ольхи, ни березы, ни клена!

Трое суток дорога бежит, и, повсюду чернея,
Саксаул сквозь пески продирается лапой своею.

Я его не корю: его ветки, что сухи и цепки,
Как железо, как дуб вековой наш, и тверды и крепки.

А посадишь сосну — она сразу погибнет от зноя,
И не думай, что здесь деревцо ты взлелеешь другое.

Степь пуста. Волны моря песков недвижимы.
Неожиданно желтый бугор закачался над ними.

Он проходит, двугорбый, и кажется здесь великаном,
Что выходит навстречу неистовым вихрям песчаным.

Показался второй. Вот и третий за ним. Чередою
По пустыне идут, шевеля мохнатой губою.

О двугорбый верблюд, казахстанский корабль пустыни,
Добрый словом с тобой довелось перемолвиться ныне.

Может, шел ты вчера над рекою Или́ средь тумана,
Возле стен городов, что стоят со времен Чингисхана.

А я помню другое: недавно, дружище горбатый,
Вместе с нашим конем нес ты славную службу солдата.

Отдохнувши чуть-чуть, по команде вставал на колени,
Поднимал наши грузы и нес по пескам и камням.

От сибирских снегов до скалистых тянь-шаньских отрогов
След верблюжьих копыт на военных не стерся дорогах.

Ты сегодня идешь по широким песчаным ложбинам,
Там, где нету пути, где хрипят, где буксуют машины.

Соль и рис ты везешь и тюки ароматного чая,
В отдаленных селениях люди тебя поджидают.

Там копают каналы, там новые плещутся реки,
Чтоб вода и земля помогали в труде человеку.

Нашей встрече — конец! Так спасибо, товарищ, за службу!
Быстро поезд идет. Караван исчезает верблюжий.

Но я вспомню его, когда вновь за Березой-рекою
Мне замашет береза зеленою тонкой рукою.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Морозный день. Санкт-Петербург. Гулянье.
В последний раз осмотрен пистолет.
И к Черной речке быстро мчатся сани.
Что будет там? Не ведает поэт.

Блеснул огонь, и пулею сраженный
Упал певец. Закрыл глаза туман.
Он привстает: он словно бьет в корону, —
Наемник ранен, жаль — не сам тиран!

И забытье... Сугробы снеговые...
Под шелест хвой, под ветками берез
Как будто вдаль он едет по России,
А слава вслед — не утирая слез.

В Михайловском, под свист метелей мгlistых,
В душе мятежной зрел могучий стих.
Он вспоминал о судьбах декабристов
И сожалел, что не был среди них.

Его друзья на каторге, в неволе,
Но всюду воздух каторжных казарм:
Невольник тот же он, хоть и на воле, —
За ним следит увенчанный жандарм.

И вот минуты скорбного прощанья...
Он просит: «Выше!» (это смерти мгла...)
О жизнь, прости!
Теперь жены рыданья
Не оживят покой его чела.

«Все опечатать!» — царь повелевает:
Он хочет, чтобы голос онемел.
Вот гроб несут.
Но гений продолжает
Свой путь в века и будит сотни дел.

И ширится поэтова дорога...
Век миновал, другой начался век, —
И Пушкина у каждого порога,
Встречая, славит вольный человек.

БОЛГАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Елисавета Багряна

ЗОВ

Здесь я замкнута, крепки засовы,
И в окне решетки черной прутья,
Ни запеть не в силах, ни вздохнуть я,
Ни в родной простор умчаться снова.

Как томятся в тесной клетке птицы,
Зов весенний слышу сердцем ясно,
Но огонь мой гаснет здесь напрасно
В душном сумраке глухой темницы.

Так разбей замки — пора настала
Прочь уйти по темным коридорам.
Много раз по солнечным просторам
Я веселой птицей улетала.

Унесет меня поток певучий,
Что из сердца трепетного льется,
Если до тебя он донесется...
— Слышишь из темницы зов мой жгучий?

ВИДЕНЬЕ

И снова на улицах наших лукавый
 Апрель-цветоносец поет,
 И веет зеленой весенней отравой,
 Которая слаще, чем мед.

Но в комнате этой и душно и тесно
 За крепко закрытым окном,
 А то, что скажу я, так было чудесно,
 Что мнится не явью, а сном.

Я видела море зеленого цвета,
 Корабль над кипучей водой...
 У нового берега — пламя рассвета,
 Сирен оглушительный вой.

Диковинны люди, неслыханны речи,
 Дерзанье не знает конца,
 И синие очи, и сильные плечи,
 И вольностью дышат сердца.

А друг, недовольный и мрачный, шагает
 По комнате мимо меня, —
 Мой голос ломается и замирает,
 Всю горечь обиды храня.

Напрасно! Отрава горячей струею
 Тревожную кровь обожгла,
 И вот уж взвились у меня за спиною
 Два сильных, два вольных крыла.

РАСПЛАТА

Ты что-то очень бледен? Отчего
 Не слышу смеха или шутки милой?
 Что? Ты ревнуешь друга своего?
 Тебя страшит разлуки час унылый?

Ты у огня погреться был не прочь,
Но разве мук моих ты знал причины,
Как суждено мне было изнемочь,
Смиренно никнуть в песне лебединой.

Теперь ты волен. Возвратись туда,
А этот сон, немой и одинокий,
Забудь и, если можешь, навсегда, —
Ему конец я выбрала жестокий.

Ты к ней иди, меня же — прокляни,
Я и любить, как нужно, не умею...
Меня полет снежинок опьянит,
Я новой песней всю печаль рассею.

НА «ГЕЛИОСЕ»

Не разрушай восторг — он чист и нем,
И памяти моей не трогай нежной;
Ты там живешь, и там ты мой совсем,
Где «Гелиос» баюкал белоснежный
Нас среди спокойных и ночных зыбей,
Когда на нас из темноты глядели
Глаза прибрежных золотых огней
И призраки венгерских цитаделей, —
А вихрь платок мой легкий подымал
И плащ дорожный с плеч упрямо рвал.
И хлынул ливень, все преображая,
Как радуг блеск над волнами Дуная.

И пусть твой лик навеки будет слит
С неделей, что меня заколдовала,
Где первый мой порыв еще горит,
Где я себя еще не вопрошала,

Как будет труден мне мой путь домой,
И я еще не знала, что мне мило, —
Свобода, или спутник молодой,
Иль эта песня мощного кормила,
Иль радость, не допитая до дна,
Иль ветер и речная ширина.

ВЕЧНАЯ

Бесплотная уже и как бескровна,
Безмолвна, неподвижна, бездыханна.
Так вот она как вытянулась ровно,
Мария это или Анна?
Теперь молитесь, плачьте до денницы,
Не дрогнут больше, не взлетят ресницы,
И рот, что крепко сжат, не шевельнется —
Последний стон к покойной не вернется.
И гладкое кольцо как бы готово
Скользнуть на грудь ей с пальца воскового.
Но слышите ль вы голосок ребенка,
Который в колыбельке плачет звонко?..

Где мать? В могилу опустили тело,
Душа усопшей в вечность улетела.
Минуют дни, столетия минуют,
Вновь губы милого восторжествуют
И вновь шепнут «Мария» или «Анна»
В безмолвье полночи благоуханной,
И внучка оживит неотвратимо
Глаза и губы той, что нам незрима.

СУДЬБА

Сквозь сумрак узких улиц, сквозь стены и балконы,
Сквозь грустное журчанье и предосенний сон,
Сквозь город мой, в железо и в камни погребенный,
Я чувствую, как ждешь ты, — и счастлив и смущен.

Угадываю взгляд твой, блуждающий во мраке,
И руки, что невольно протягивает друг, —
Теперь я будто вижу, как шаг ты ловишь всякий,
Как вздрагивает сердце в ответ на каждый звук.

Я вздрагиваю тоже, — и тайных нитей сила
Влечет меня, и больше в душе сомнений нет.
Иду — и быть не может, чтоб я себя спросила,
В каком сегодня доме застигнет нас рассвет.

ЗАБЫТЬЕ

Говори, говори, говори —
Опускаю ресницы и внемлю:
Гор дымятся внизу алтари,
Вижу смутные море и землю...

Там закат багровеет, горя,
Здесь пожарища, дым и тревога, —
Где нас встретит сегодня заря
И куда эта вьется дорога?

О, туда ль, где мы, полные сил,
Можем, словно два пламени, слиться
И в ночи средь небесных светил,
Как двойная звезда, засветиться?

— Я конца не предвижу пути,
Позови — я согласна идти.

БЕЗУМИЕ

Могучий вихрь — тревоги грозный знак.
Какие эта ночь таит виденья, —
И тополя зачем взметнулись так!..
О, что за крики, вопли и моления!
Умолкнет и опять застонет мрак.
Не рвется ль чья-нибудь душа из мира?
Зачем нам лес грозит, как злобный враг,
И Орион сверкает, как секира?

Такая ночь — для заговора друг,
Страшны пожаров огненные лица,
Самоубийцу манит смертный круг,
О Боже мой, на что гладит возница!
Не третий ли уже петух пропел?
Свистя, играет ветер проводами,
Раздался крик — и конь осатанел,
Как будто кто-то гонится за нами.

Но не принцесса я, ты не король,
Мы не хотим ни скипетра, ни трона,
Не сеем мы страдания и боль,
Мы грамоты не прячем потаенной,
Нам не нужна ничья на свете кровь.
На мир глядим мы влажными очами,
Чтобы поймать хоть тень твою, любовью!
Мы твой мираж хотим увидеть сами.

REQUIEM

Не то мое горе, что я без тебя одинока,
Что жизнь без тебя непосильно тяжелое бремя,
Что сломлена я, и что день мой окончен жестоко,
И нету надежды, что скорбь мою вылечит время.

Не то мое горе. Пускай бы железной рукою
Судьба между нами навеки воздвигла преграду
И я в отдаленье томилась бы черной тоскою —
Я даже измену, забвенья приму как награду.

Лишь только бы знать мне, что ты еще здесь, еще дышишь.
И снова к тебе мои мысли летят, словно птицы.
О, только бы знать мне, что ты еще видишь и слышишь...
В окошке огонь — ты не спишь и листаешь страницы.

* * *

Сигнал. Свободен путь. — Иди, иди!
И выброси скорей в окно вагона
Порожные кульки — воспоминанья.
Ты, мать моя, ты, родина, прощай...
Увидимся ль еще?..

Быть может, с полными вернусь руками
И все сложу к ногам твоим тогда,
Промолвив: — О! Прости! Благослови!

И солнце, заходя, сойдет мне в сердце...

КНИГА

Ты с болью влагаешь в нее все, чем дышишь,
Ей в жертву приносишь счастливый покой,
В ней жизнь и мечтанья скрестились навеки,
Сияя твоею последней свечой.

Так бодрствуешь ты, осужденный невинно,
И пламя твои опалило черты,
И так же над нею заснешь без возврата,
Все сердце отдав человечеству, ты.

А люди лениво ее полистают,
Пред тем как в постели спокойно заснуть,
И в дреме, быть может, промолвят, вздыхая:
«Вот это судьба — вот блистательный путь!...»

ЕЙ

Дни месяца июня ожидаю,
Мне радости его и зноя надо,
Пусть очи поцелует, утешая,
И я прощусь с родимую оградой.

И нивы пусть нальются к жатве скорой
И каждый колосок пусть хлебным станет.
Тогда я клятву прошепчу, которой
Страннее нет, и новый жребий грянет.

Ты, мама, радость в жизни не видала.
Не проклинай дитя свое родное,
Что твоего ценить не может дара,
Так что от горя твой платок чернеет.

Пусть обожгут меня пески пустыни,
Пусть закалит соленый ветер моря,
Пусть хлеб чужой вкушу одна. Отныне
Сама познаю в жизни холод горя.

Тогда бы я вернулась... О, тогда бы
Тебя любить я научилась много.
Тебе одной тогда открыть могла бы,
Как жгут меня и жажда, и тревога.

МУДРОСТЬ

Лес как в сказке стоит, но еще золотей и румяней.
Птицы смолкли давно, даже ветер в листьях не шумит.
Бодро путь тот бежит, но и он растворится в тумане,
По нему вереница теней одиноко и мрачно скользит.

О, как много напрасной тоски, сколько муки в глазах
затанлось,
Сколько в голосе тайных рыданий, сколько молча
проглоченных слез.
Здесь душа одинокая часто в безнадежном отчаянье билась,
А природы предвечная мудрость отвечает на вечный вопрос:

Вместе с юной весною ликуйте, вместе с летом янтарным
горите,
Чтобы осенью, улыбаясь, мир любить, что прекрасен и чист.
И без горечи воспоминаний, и без страха крылатых наитий
Пусть угаснем мы с солнцем закатным и умрем,
как под льдинкою лист.

СНЕГ

В памяти навеки сохранится
Блеск зимы той белый и обманный,
Словно белоснежная страница
Сказки ненаписанной и странной. <...>

Улицы, где шли мы неоглядно,
Кружево на ветках ледяное
И тот шаг, который беспощадно
Нас увел от сна и от покоя.

Но когда-нибудь, в крещенский вечер
 Оторвутся наши два дыханья
 И с собою увлекут далече,
 Словно тени, — два воспоминанья. <...>

Город тот найдут они по виду,
 Что для них всего милей и краше,
 И отслужат в церкви панихиду
 По угасшей молодости нашей.

ТЫ

Я верила, что исцеленье
 Мне подарили дни разлуки,
 И бредом показались муки
 И все любовные томленья.

И вот я будто бы ужалена
 Единой встречей — тихим словом,
 И я твоею стала снова,
 Уже ничем не опечалена.

Твои пустые увлеченья
 С улыбкою перенесу я
 И сберегу любовь живую.
 Во мне найдешь успокоенье,

И провожу тебя сама я,
 Когда ты глянешь на дорогу

.....

Александр Геров

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УТРЕННИК

Детьми был зал наполнен до отказа —
Гуденье, шепоток со всех сторон.
Я посмотрел на лица их и сразу
Притих — глубокой тайной потрясен:

Ведь страсть моя волнует души эти,
Во мне же затаен такой секрет,
Которым обладают только дети.
И понял я, что смерти вовсе нет.

И, словно наклонясь над пустотою,
Я становлюсь чем дальше, тем сильнее:
Пускай мой прах смешается с землею,
Уже я не смогу исчезнуть в ней.

Луна посередине небосвода,
И дети, и скала, и птиц полет —
В великом единении природа
Вдруг в этот миг себя осознает.

ДЕНЬ

Тобою полон день, твоею сутью,
И этот день так долог, так велик,
Что время все, с его бескрайней жутью,
Теперь ничтожно для меня, как миг.

Сверкающие звезды в отдаленье
На небе вышивают плащ ночной.
Благодарю, о вечное мгновенье,
За день, когда она была со мной.

Светлана Лилова-Тихомирова

У КИНО

Ты добрым был. Ты место выбрал
Не на удачу, а для разлуки.
Помочь хотел. Знал, что не выдам
Слезами я на людях муки.

Ты добрым был. Ты все сказал мне,
Все вдруг. И правда, терпеть доколе?
Ты знал, наверно, чем внезапней
Наносят рану, тем меньше боли.

Ты добрым был. И между нами
В былом оставшееся крепло.
Простила я, что сердца пламя
Ты возвратил мне горсткой пепла.

Ты добрым был. С тобой проститься
Еще могли мы, любя друг друга.
Но я взглянула в твои зеницы —
В них трепетала лишь тень испуга.

Ты добрым не был. Ты был трусливым.
Тебе я этого не простила!

Пенчо Славейков

CIS MOLL*

So pocht das Schicksal an die Pforte.
Beethoven**

Он занавеску отстранил рукой
И тихо стал перед окном раскрытым.
Ночь летняя таинственна была
И веяла дыханием усталым,
А рой мерцающих на небе звезд
Сиянье проливал над миром сонным
И вел какой-то разговор невнятный
С разбуженными ветками в саду.
Ночь ясною была, но мрак зловещий
Сгущался у Бетховена в душе —
Сквозь этот мрак он ничего не видел.
Он тихо отвернулся от окна,
В раздумии по комнате прошелся
И у открытого рояля сел.
Мелодия взлетела бурным вихрем
И, дрогнув, оборвалась. Руки он
Вдруг опустил и побледнел смертельно,
Зловещие, безрадостные мысли
Вспорхнули на мгновение черным роем,
Как вспархивают искры из-под пепла,
Когда разрыта груды жарких углей.
«Все для меня окончено навек!
Ослепший не увидит света солнца,
И лишь затем блуждает он во тьме,
Чтоб каждый миг испытывать весь ужас

* До-диез минор (ит. музыкальный термин, обозначающий тональность).

** Так стучит в ворота судьба. Бетховен (нем.).

При мысли о потерянных мирах.
Слепой! Отныне для меня погасли
Лучи светила вместе со звучаньем
Музы́ки... А всегда они одни
И жизнь давали духу моему,
И свет высокий чувствам горделивым.
Я жил один — и вот себя я вижу
При жизни мертвецом. Другие люди
Живут гармонией моих творений,
А я по их вине навеки глух.
И призрак участи моей жестокой
Преследует меня неумолимо
Своим холодным и зловещим смехом:
«Творец гармонии — ты сам глухой!
И сердце просит мира и покоя,
Покоя под землей. У двери гроба
Судьба не будет ни стучать, ни звать».

Тень смерти над художником витала,
И холодом пахнуло на него,
Но гений и души его хранитель
Отвел удар... И вот Бетховен встал,
И поднял голову, и хмуро глянул
Через окно на звездный небосвод.
«Так близок мой покой! Но сердце жаждет
Такого ли покоя? Избавленья?
Покоя в смерти? Или малодушье
О нем мне шепчет льстивым голоском?
Где ж гордое сознание, что есть
Величье в человеческом несчастье?!
Да, ты слепой! Гомер был тоже слеп,
Но в слепоте своей яснее зрячих
Он все, что было тайным, увидал.

Так, значит, не в зрачках таится зренье,
А в сокровеннейшей святыне сердца.
И я оттуда слышу отзвук чудный, —
Быть может, стонет так душевный хаос?
Рыданье ли то сердца моего
Иль первый трепет мыслей неизвестных,
Но гордых, зародившихся во мраке,
Которым Бог назначил новый путь?..

Нет! Нет! Он жив, тот всемогущий дух,
А с ним и я в искусстве существую...
Утрата одного лишь только слуха
Не может уничтожить идеал,
Поддержанный тем Слухом Высочайшим.
Через него я ощущаю пульс
Всей буйной жизни естества земного.
Но он ли в сердце у меня трепещет?
Не оттого ль оно страдает так?
Вся жизнь его в мучениях тяжелых...
Лишь в тайном этом слухе обрету
Для новых чувств неслыханные звуки,
Чтобы искусство ими обновить...

Так вот какой достигла высоты
Великая душа в великой скорби!

И, унесен взлелеянной мечтой
В ее полет, он за свое творенье
Заброшенное снова принял.
И все забыл, и всех забыл на свете.
В гармонии, и дивной и могучей,
Столкнулись звуки стройно и слились
В мятежный рой, летящих с новым роєм,
Как языки пожара. И от них

Горячим вновь повеяло дыханьем...
А смертные оковы, что душа
Отбросила так гордо, чуть звенели
Мучительно, как отзвук дальней бури,
И где-то замирали вдалеке...

В могучем хоре молодого гимна
Дыхание высокого покоя
Затрепетало — гордый дух воскрес.

И в забытьи Бетховен не заметил,
Как в комнату его вошел неслышно
Один из молодых учеников
И, пораженный звуками рояля,
Остановился. Страшные сомненья
В его уме смущенном зароились:
«Я слышу, как рычит голодный лев!
Откуда эти звуки? Как возникли?
Не в приступе ли мрачного безумья?
А может быть, забыв звучанье мира,
Он потерял и память стройных форм?
Безумец, уж не думает ли он
Мир заглушить рычанием громовым
И дать музыке новые законы?»

А тайное сознание шептало
Бетховену: «Не проклинай судьбу,
Тебе особый дан удел... Ты взял
С небес огонь страдальца Прометея,
Чтобы его возжечь в сердцах людей
И этим их, горящие, возвысить.
Ты не исчезнешь — ты в людских сердцах
Бессмертие познаешь в смертном мире».

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

Толпа уже рассеялась. Затих
Крик яростный, и умирялись вопли
С лучами умирающего дня.
Глухая ночь объяла вечный град.

Он оказался зрителем случайным,
Великий мастер, — сам борец когда-то,
А ныне раб порывов неземных
И величавого искусства раб.
Сверкание мечей он наблюдал,
Их слышал звон; и часто стон предсмертный
Стон ужаса его касался слуха,
Но пребывал он словно в стороне
И наблюдал, как на бойца боец
Кидается и падает... Спустилась
Ночная тьма.
Толпа рассеялась. К себе домой
Пошел он, голову на грудь склонив, —
В свою он возвратился мастерскую.
В безмолвии его творенья там
Стояли в полумраке, залитые
Сияньем лунным, лившимся из окон.
И мертвая, немая неподвижность,
Как цепи, отягчавшие раба,
Сковала эти образы и формы.
Дыханием морозным отчужденья
Повеяло от них — оно коснулось
Усталого чела Микельанджело.
Он подошел бесшумно и зажег
Ночной светильник. Сразу сноп лучей
Лик Моисея хмурый осветил —
И в тот же миг ему пророк предстал —

Он обратил лицо к Буонарроти,
Как будто грохот отдаленных оргий
Его от размышлений пробудил.
Что предвещает гневное чело
И трепетание ноздрей раздутых?
Миг! — миг один, и он свои скрижали,
Казалось, на куски бы раздробил...
Два, три штриха — и перед нами встанет
Пророк, чтоб приговор неумолимый
Произнести грядущим временам.
А мастер в размышлении глубоком
Слегка склонился, поднял долото
И молоток, но — выпрямившись снова —
Очнулся, недвижимый и немой.
И вдруг услышал в глубине души
Растущий ропот, чей-то гневный голос:
«Несчастный сын никчемного столетья,
Какой злой дух заворожил твой взор,
Что ты уже не видишь ничего?»
Гляди — вокруг тебя кишит разврат,
И те, что пали жертвами пред грозным,
Кровавым алтарем родного края,
Отмщенья ждут. Но созерцаешь ты
Те ужасы, в них находя усладу
И вдохновенье. Где, скажи, боец?
Где смелый вождь? Он раб среди рабов.
В его душе давно любовь и злоба
Угасли. Молоток в руке сжимая,
К мольбам о помощи он глух навек.
И он живет? Да, в творчестве живет.
Он пробуждает камни...» Дикий стон,
Подобный реву раненого зверя,
Взметнулся вдруг под сумрачные своды
И долго-долго там не затихал.

Буонарроти поднял молоток,
Готовясь на незримого врага
Его обрушить грозно. Но внезапно
Он руку опустил и произнес:
«Ты прав, о гений темный. Не впервые
Сейчас я услышал твои слова...
Я половину нашей жизни краткой
Бесчувственному камню посвятил.
Святой огонь, огонь, зажженный жизнью,
В моей душе для жизни не горел.
Средь стен, где только эхо молотка
Звучало, он слабеет день за днем.
И — ослепленный, в радости поспешной,
Я искорки последние его
Убил жестоко, претворяя в мрамор.
Оледенев, я все оледенил.
Так слушай справедливый, хоть жестокий
Вопрос — а в нем свой смертный приговор:
«Отступник жизни, яростный художник,
Зачем живет, к чему стремится он?..»
О жизнь, возьми отравленный свой меч!
Отмсти мне, — я устал, устал, устал,
И ничего не слышать и не видеть —
Желанный мой, счастливейший удел.
Ах, не буди, ах, говори потише!»
Внезапно вздрогнув, руку он отвел
И, голову подняв, увидел: тени
Чредой проходят пред его глазами, —
Беззвучно кровью истекая, раб
В предсмертной муке корчится. Ни стоны,
Ни звука не слетает с уст его.
Давид рукой взмахнул, но из пращи
Не рвется камень на врага... Мария
Рыдает над своим распятым сыном,

Но ни одна не скатится слеза
Из глаз ее, страдальчески открытых...
Нахмурил брови Брут, но нет меча
В его руке — и вряд ли сможет кто-то
Узнать сокрытый замысел его...
И вслед за ними возникают тени,
Такие же безгласные, немые.
И, наконец, всклокоченный выходит
Сам Иеремия, полный мрачных мыслей,
Но рот себе зажал болтун рукою,
Чтоб лишних слов ему не проронить.
С досадою поднялся мастер. Миг —
И все исчезли тени. Лишь один
Остался гордый Моисей; и мнится,
Он, в бороду свою вцепясь рукою,
Вдруг вскочит и разбудит бессловесных,
На подвиги поднимет громом слова...
И, распрямившись, гордо оглянулся
Буонарроти: «Оставляйтесь немые!
Один за всех здесь должен говорить...»
И, размахнувшись, молотком ударил
Он по колену Моисея, крикнув:
«В борьбе рожденный, на борьбу веди их
Бессмертным словом, Моисей!»

ВЬЕТНАМСКАЯ ПОЭЗИЯ

То Хью

ЛЫОМ

В те дни, когда погиб Хюэ,
Пришел твой дядя из Ханоя,
Тогда на улице Плотов
С тобой мы встретились случайно.

Как ты был мал, как ты был мал!
Через плечо висела сумка,
Нога быстра, и легок шаг.
Ты гордо голову откинул.

Надев пилотку набекрень,
Ты песенку свистал задорно.
Ты так похож был на скворца,
Попрыгивая по дороге.

«Теперь я, дядюшка, связной, —
Веселое занятие это!
Я с Мангским гарнизоном связь держу.
Люблю свою работу».

Ты улыбался, щуря глаз,
Краснее вишен были щеки.
«Ну, что ж! товарищу привет...»
Ты вдаль ушел, мой мальчик милый.

Племянник продолжал свой путь.
А дядя вновь ушел на Север...
И вот, когда настал июнь,
Я вести получил из дому.
 Так вот что?!
 О Льюм!

В тот день, в тот несчастливый день
(Ты то же делал в дни другие)
Пакет дружок мой положил
В свою обстрелянную сумку.

Ты поле битвы пересек,
Тебе вдогонку свищут пули,
Ты знал, как нужен тот пакет,
И позабыл о страхе смерти.

Пустынною была тропа
В полях, где рис зацвел кистями,
Пилотка серая твоя
То пряталась, то возникала.

Вдруг молнии багровой блеск!
Льюм, все кончено, товарищ!
Мой маленький лежит в крови,
Что брызжет из открытой раны.

Лежишь средь стеблей риса ты,
Твоя рука сжимает колос,

Рис нежно пахнет молоком,
Душа твоя летит над полем.
Ты где, Лыом?

Как ты был мал, как ты был мал!
Через плечо висела сумка,
Нога быстра, и легок шаг.
Ты гордо голову откинул.

Надев пилотку набекрень,
Ты песенку свистал задорно.
Ты так похож был на скворца,
Попрыгивая по дороге.

ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Рита Буми-Папа

ЕСЛИ ВЫЙДУ Я ГУЛЯТЬ
С МОИМИ МЕРТВЫМИ ПОДРУГАМИ...

Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами,
Город наполнится безмолвными девушками,
Воздух наполнится терпким запахом смерти.
Крепости поднимут белые флаги,
И всякое движенье остановится, —
Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами.

Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами,
Вы увидите тысячу девушек с грудью пробитой,
Обнаженных, и они крикнут вам:
«Зачем вы так рано уложили нас спать
В глубоком снегу, непричесанными и в слезах?» —
Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами.

Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами,
Увидят изумленные толпы,
Что не ступала по земле колонна легче нашей,
Не было священнее шествия,
Не было воскресенья более славного и более кровавого, —
Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами.

Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами,
Свадебным цветком украсит их губы белая луна,
Заиграют оркестры в их пустых глазницах,
И локоны их, и ленты будут развеиваться на ветру.
О, тогда многие умрут, истерзанные совестью, —
Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами.

ОТДАВШИЕ СЕБЯ В ЖЕРТВУ

Они покинули свой дом под низкой крышей,
Потому что верили в земной рай.
Эти девушки искали, хотели узнать,
где его границы,
И желанье их было подобно весне,
осененной знаменами,
А все, что лежало вокруг, благоухало
свежестью горячего хлеба.
Свет еще не видел таких прозрачных глаз,
В которых поселилась великая мечта.
Босиком ступали девушки по бархату
глубокой ночи,
А впереди, они знали, лежала, уходя от них, короткая жизнь.

Однажды в полночь их разбудила
труба истории,
Их позвали звезды, упав на их крышу.
Тогда они затрепетали, как мотыльки,
И во имя надежды покинули свои берега.
«Прощайте», — сказали они своим куклам.

Диким медом была напоена их душа.
О, как они ненавидели, солдатики,
вашего врага!
Вы и не знаете, как сильно они любили вас.

КСЕНУЛА

Если бы вы убили меня во сне,
А не на берегу Илоссоса,
Я б не увидела тогда канаву,
Полную багровой пены,
Я б не услышала всхлипываний солдата
И ругани его командира.

Девушки, приговоренные к смерти,
Ожидющие своей очереди,
Услыхав на заре свое имя,
Не бойтесь предстоящего залпа.
Это мгновенье — стремительней молнии,
Залп прозвучит, и вы сразу
Перестанете чувствовать боль...

Мы, глупенькие, считали,
Что нужно пройти сквозь густую тьму,
А босыми ногами — по рекам во льду.
Не пугайтесь, что путь будет длинным:
Можно лететь по горам, камней не касаясь,
В незнакомом краю не гнетет чужбина.
Здесь, в нашей замерзшей столице,
Тяжесть неведома, не известна людям,
Нет здесь тяжелых железных палок
И законов тягостных, будто ноша.
И мы, вместо того чтоб ходить,
Летаем на белоснежных конях,
Проносимся по голубым равнинам.
Пусть только наша песня
(Тот марш, разбудивший нас на рассвете)
Не сгинет — вы позаботьтесь об этом.
Чтобы живые о нас не забыли,

Вы дайте хранить эту песню пещерам
И ветру, чтоб он ради нас ее спрятал
В листве деревьев и между волн.

О, как бы хотелось, когда вы придете,
Встретить вас, вверх взметнувши знамя!
Но знамени нет у нас,
А наша рубаха последняя,
Омытая нашей кровью,
Тяжелая, как порфира,
Оставлена на земле.

ЕРИФИЛИ

Я узнала тебя, морская дикарка,
Когда в возрасте ты была еще райском;
Стояла ты на песке прибрежном,
Держа, как яблоко, грудь в ладони.

Глядела ты на восток, как будто
С ветки упала недавно, и солнце
Душило тебя в золотых колосьях.
Едва исполнилось тебе двенадцать —
И моряки, с тобой встретясь глазами,
В море в тот день выходить боялись.
Ты поднимала большие волны,
И смех твой, как волны, был беспокойный.

Так просто, что мог позавидовать ангел,
Ты пела молитву денно и ночью,
В руках держала чашу из глины,
И ладан курился серебряным жаром,
И над белым двором твоим поднимались
Тихие радуги, чтоб те, кто в море
Бедствие терпит, нашли дорогу.

Ты рыбаку не попала в сети
 И под защитой лишь собственной тени
 Боролась с ветрами у края мыса.
 Ты била в ладоши, когда возвращались
 Рыбачьи лодки, спала в пещерах,
 В которых гудела вода, а пена
 Гасла, коснувшись твоего подола.

Тебя Киклады ярким светом вскормили,
 А ныне вокруг мир иной ты видишь.
 Ведь страшно тебе? Разве уйти ты не хочешь?
 Вся в крови, ты в канаве осталась лежать,
 Но как хочется жить тебе вновь,
 После выстрела жить,
 Ерифили!

Ты, я вижу, неопытна, ты не готова еще
 В этот путь бесконечный пускаться.
 Онемевшей, ослепшей — тебе бы сейчас
 По неведомым странам бродить,
 Чтоб — бездомную — руки тебя ожидали
 Перевязывать раны твои,
 Чтоб — бездомную — люди тебя приютили;
 Но на памяти выстрел остался
 И винтовки, прицелившиеся в тебя.

Как же ты оказалась там, где верую
 точится меч,
 Как ты этой мечте предалась?
 Ты, которая знала одну лишь любовь — море,
 Осенялась одним только знаменем —
 гривой волос.

СОФИЯ

Для тех, кто любил меня, я не исчезла,
Они пишут мой портрет красками,
Собранными в садах Трикала,
Солнцем с лугов Троицына дня
И на зеркале речки, отразившей
Первые мои тревоги.

А те, кто меня ненавидел, пусть не думают,
Что смелі меня с лица земли,
Однажды на рассвете убив меня
у подножья холма,
В сосновом бору,
И второпях похоронив
в безымянной могиле,
Пока не поднялось солнце. Я знаю,
Они поступили так, чтоб солнце не стало светить
на их преступленье.
Сквозь разбитый кристалл моих глаз
Я вижу, как те, первые, ищут меня,
Чтоб укрыть цветами,
Вижу, как под вечер мои ученики
идут сюда,
Где я лежу убитая,
А в первомайский день вижу, как люди
дают клятву верности,
Упав на колени.

А те, другие, в своих домах
Моют ладони в девственной крови,
Моют перед тем, как подать друг другу
руки,
Перед тем, как взять в руки хлеб,

Перед тем, как приласкать любимых.
 Напрасно все: никак, ничем нельзя,
 невозможно
 Уничтожить это пятно...

МАРИЯ

Я не успела ничем насладиться —
 только вот этой зарей,
 А единственной птицей, которую руки
 мои приласкали,
 Была голубка.

Я видела, как умирают люди,
 и сказала:
 — Вражеские солдаты, похороненные
 в моей земле, —
 Совсем не чужие люди.

Какой короткой оказалась моя жизнь,
 какой безрадостной!
 Ни одного мая не было без бури,
 без града,
 А в крови моей звучал странный оркестр,
 В нем плакали народные скрипки и флейты,
 Когда уходила я от людей.
 Они знали, где можно найти меня.
 Я там была, где была боль, много боли.

Спросите у ручейка, грешна ли я
 (Ведь он не раз играл у моих ног),
 Спросите о том же у ветра,
 который путался в чаще моих волос,
 Спросите у моих учителей, у школьных
 друзей моих,

У луны, гостившей в моей комнате.
Я хотела, чтоб уличная грязь
 не приставала ко мне,
Я никогда не принимала подарки,
И одна меня мучила жажда —
 жажда настоящего дела.

Родная мать! Ты видишь, меня хоронят
 на рассвете,
Но враги мои дрожат в ожиданье дня,
В ожиданье тысячи солнц, идущих с ним,
Не ведая о том, что, убитая,
Я буду светить еще ярче...

НАВЗИКАЯ

Верно, не для того ты родилась,
 чтоб они глядели на тебя;
Ведь если б они заглянули в твои глаза,
Они увидели бы,
Как в них горит негасимый огонь,
И тогда, быть может, они бы поняли все.
И не для того ты родилась,
 чтоб они услышали твой голос;
Иначе они услышали бы чистые звуки зари,
Услышали бы удары твоего сердца,
 подобные набату,
И тогда, быть может, они пробудились бы
И преклонили перед тобой колена.
Тело твое, перед тем как упасть
 окровавленным
Посреди какого-то поля близ Спарты,
Манило своими очертаньями
На благоухающее побережье;

Перед тем как ты упала,
Ты призывала простыми словами
Людей к очищению от грехов.
Но они не видели
И не слышали ничего,
Они и не могли ничего увидеть и услышать.
Только солдаты из карательного отряда
Дрожали, перед тем как убить тебя,
Дрожали, испугавшись
твоей растерянной улыбки,
Двух ямочек на твоих щеках,
И со слезами просили у тебя прощенья.

И пусть ты была просто девушкой
с острова
И знали тебя только теплые
ионийские ветры —
В сердце твоём звучали колокола,
И потому весть о смерти твоей, Навзикая,
Разнеслась по белому свету.

ЭРАСМИЯ

Я не боялась смерти,
Я шагала рядом с ней, не склонив головы,
Между двумя рядами винтовок,
Между двумя рядами юных
безмолвных солдат
С угрюмыми лицами.
О, как затрепетало мое сердце,
Когда я закричала над открытой могилой
Таким голосом, чтоб услышали глухие,
Чтоб все узнали, что я невиновна!
Но мне никто не поверил, и стены

Не дали трещину от моего крика,
И ветер дул с прежней яростью,
И город, оставшийся далеко позади,
 не шелохнулся.

Ах, мой Пирей, рабочий город,
 мои друзья рабочие,
С которыми в пять утра я уходила
 на фабрику
И пропадала там по двенадцать часов,
Ах, моя милая мама, и мой барак,
 и тяжкие зимы!
И ты, круглое зеркальце, сиявшее,
 словно полдень,
Когда я гляделась в тебя,
Моя двадцатилетняя мечта,
 прислоненная к стене,
И вы, мои пять часов поутру, когда я
 отправлялась на фабрику,
Всегда в один и тот же час,
Всегда в одной и той же блузке!

Кто же теперь сложит песню
Про то, как глаза мои потухли
 вместе со звездами последней ночи,
Про то, как мои окровавленные волосы
Бились о камни, когда их трепало ветром,
Про то, как заоченели мои губы,
 так и не узнавшие поцелуя?
Кто же рассчитается с теми,
Что мне задолжали;
С кого получу я за то, что я потеряла,
За то, что меня расстреляли?

ВЕСНА 1945 ГОДА

Луга опьянели от благоуханья трав;
Нынче была великая пасха;
Миллионами голубых глаз
Распахнулись майские окна;
Склоняясь с высоты, наше сердце,
Как капля, дрожит от звуков маршей;
Над взволнованными, усталыми
От бессонницы городами
Трепещут платочки всечеловеческой любви
В белых руках женщин.
Народы толпятся в раздумье
Среди развалин своей истории:
Они разгневаны тем, что их жестоко
обманули,
Безутешны оттого, что не успели полюбить.

О, если б не пришла эта весна,
Как замерзали бы мы, потеряв надежду!

Армии в аксельбантах — распущены;
Короли бежали на своих ослепительных
кораблях;
Все оказалось обманом и ненавистью.
Кто видел, как преследуют
раненую Любовь?
О горе, никто не видел Любви!

Равнины Венгрии остались без господ,
Простые крестьяне остались без принцев,
Неся в руках свое красное сердце.
Ни у кого не бывает оно другого цвета.
Семь маршалов столкнули плиту

С могилы Европы,
Семь звезд осветили ночь истории
От Финикийского залива
до Эгейского моря —

Миллионы мстителей,
Несущих Полярную звезду на шапке.
Река, широкая, как море,
Ждет нашего крещения.
Любовь, Любовь, Любовь!
Калеки, стремитесь своим взором,
Слепые — своим разумом
Вперед, под небесным знаменем
На древках цветущих деревьев!

Борей свободы примчался с Волги —
Стальные огнедышащие кони, —
Чтобы покарать жестоких,
укрывшихся в крепости,
И оправдать невинных.

Люди выстроились вдоль дороги,
как свечки:
Здесь стоит замок великой герцогини,
Возведенный на наших костях,
Стоят небоскребы, построенные нами
для других,
Теплые храмы святым, которым не холодно,
Здесь трущобы и слезы — для нас.

Товарищ!
Здесь воробьи мерзнут меньше, чем мы,
Живут сытнее, чем наши дети,
И оттого ненавидят нашу богатую землю
И дрожат, как бы она не накормила нас!
Над берегом реки

Стоит опять Ярославна
С белой кожей и медными волосами,
Ожидая, когда вернутся корабли
Из великого похода.
Они задержались, потому что устали
гребцы —
Тяжелый груз везут они: любовь мира!

Такой весны еще не было;
Тираны заползли в подвалы, чтобы умереть.
Распахнулись ворота концлагерей,
Железным скрипом своим резнув нас
по сердцу.
Потоками растекаются по улицам калек
и безумцы,
Голые, прокаженные, рабы в кандалах;
Они вышли каждый сорвать свой мак,
Запеть на своем языке;
Женщины улетают из плена верхом
на птицах.
Беснуется, и плачет радость народов!

О, если б могла я подмести густыми
своими волосами
Эти дороги, по которым прошли
освободители!
Снова увидеть, как шагают сыны степей!
Одеться бы
В крестьянское платье цвета пламени
И с полумесяцами в ушах,
С разлетающимися косами танцевать
Среди костров,
Зажженных русскими крестьянами в честь
победы
В этот белокурый май, в этот русский май!

ДЕКОРАЦИЯ á la ДИСНЕЙ

Я научилась мечтать на крыше,
Видя напротив нашего дома баркасы,
 грузовые суда, и трубы,
И разные незнакомые флаги,
И ту высоченную колокольню с голубыми куполами,
Которая как магнитом притягивала чаек.
Ни одного дерева не было в декорации,
Только ветер трепал ее и жестокая портовая музыка.
Пяти лет я хорошо разглядела лицо голода
И читала без ошибок
Слова, которые писали в эфире своим дымом корабли,
Когда они приходили из Одессы, полные пшеницы,
(Почему в те дни было так мало хлеба?)
И, плача, уходили на юг
(Найдут ли они путь обратно?).
Часто там, наверху, со мной воевали облака,
Потому что я пробовала летать дальше их,
Рассекая небо неокрепшими крыльями.
Там, наверху, впервые попыталась я разглядеть свое лицо
В другом, более глубоком зеркале,
Заглянуть в глаза горькой судьбе нашего дома
И увидела, что жизнь для бедняка —
Это туннель без просвета вдали.
Там я стояла вытянувшись,
Как на носу корабля против сильного ветра,
Богатая, кутаясь в теплые шали,
Поглаживая воскресные яблоки в вазе,
Кивая зовущим меня густым зеленым колосьям
И в земле испачканным рукам, машущим мне
 с крестьянских телег.
Там, наверху, я похоронила свою
Принцессу —

Тряпичную куклу, —
Заботливо усадив ее на рыжего олененка
И шагая за ней в глубоком молчанье,
Раненная лучом смерти.
Когда мать искала меня в комнатах и не могла найти,
Я под круглой луной, плывшей из-за Дилоса,
Странствовала вместе с бродячей труппой,
Купалась в несуществующих источниках,
Завязывала дружбу с павлинами,
Валялась в раю на траве.
И когда, возвращаясь, я шла по темной террасе,
Запутавшись в мачтах, лебедках и якорях,
Заблудившись среди гитар, кабачков и пьяных матросов,
Меня охватывало пламя,
Которое неугасимо пылает во мне с тех пор.

МОЯ СЕСТРА

Ее памяти

На тростинках своих ног
Несла ты косулю своего сердца,
Со всех сторон обстрелянную самым новым оружием.
Ты карабкалась на вершину Тайгета,
Чтоб скорее добраться до неба,
Нагишом и босая,
Протягивая открытые ладони, как за милостыней,
К миру, от которого отказались армии.

Интересно, узнал бы тебя
Пославший тебя нагишом в эту долину?

На тростинках своих ног
Несла ты Родину, закиданную камнями,
Среди руин и дырявых знамен,

Бледная, как ладан мертвых,
С поседевшими за одну немецкую ночь
Черными локонами.
С глазами, спокойными, как темный бархат,
Раскрывшимися, словно цветок гелиотропа,
Влажными от скорби Авеля,
Белая и воздушная, как тюльпан,
С мыслью, блуждающей в горах.

Зеленый патруль убил твой смех,
Восемь прусских солдат с сердцами из камня,
Винтовкой, нацеленной в твоего мужа,
Ножом голода, занесенным над твоими детьми.
Ох, знала смерть, где прячешь их,
Хоть и притаила ты их в глубине своего сердца.

Кровь кипела в ущельях Мани,
А ты вонзала в землю ногти, чтоб вырыть корни;
Не корни роз, чтоб напоить ими свою красу, —
Ты разрывала почву ради крох надежды,
Прежде чем развернуть свой белый саван.
Четыре года, не сомкнув глаз, ты пряталась за дверью,
Как клубок нитей прошлого,
В ожиданье спасительной молнии.
Ты была той печальной птахой,
Что ищет ветку, где бы заснуть, и не находит.

В полночь шагнула ты за порог рабства,
Когда дом твой пожирало пламя,
И пошла в горы, откуда встает заря.
Крепко держала ты все, что было в тебе святого.
Ты была слишком хрупкой, чтоб носить саблю;
Ты искала лишь каплю сна.

Как нашла ты силы углубиться в леса
Свободы, которая увела из-за парт трех твоих детей?
Вместе с обросшими мужчинами
Стыла ты под люстрами лютого января на часах,
Ты, боявшийся снега мотылек с теплого побережья,
Не знавший полынной горечи,
Как мать, укрывала ты убитых наших партизан.

Ты считала бойцов по пальцам,
Одетых в черное женщин — по звездам,
Ты трепетала, как листва от севшего на ветку коршуна,
Ты точила свои ножницы на камне терпенья,
Ты шила одежду для мерзнувших эласитов,
Ты шила ее своими исхудавшими руками,
Осветив ее вышивкой.

Мальчиков твоих разбудила Отчизна
В ночь, когда призрак осени
Свистел между сосен Сицовой;
Ты видела, как надевали венец на ее растрепанную голову,
И с той поры не заснула.
Ты молилась на коленях перед кедрами,
Оплетала арки из ивы, умывшись тремя дождями,
Черепашьей кровью окропила ты грудь своих сыновей,
Как велела колдунья из Фракии.

Ты была влюблена в Свободу,
Но ты очень болела и была тоненькая, как паутина;
На миндальной скорлупке нарисовала ты образ Свободы
И зеленым сердечком повесила ее на шею;
Там и увидели ее в первый раз твои сыновья
Меж твоих родников молочных.

Но Свобода все опаздывала,
Потому что слишком сильно ты ее полюбила,
Твой взгляд был прикован к двери,
В которой она должна была появиться:
Ты вышла в лес, чтобы встретить ее,
И спрашивала: «Отбрасывают уже тени сирень и ива?»
Мне говорили, что она придет с ласточками в марте...»
Но далеко еще было знамя весны.

Повешенные патриоты качались над снегом,
Не касаясь его белизны,
А у тебя уже не было бинтов и оливкового масла,
И ты, как лунатик, покачивала их люльку
И напевала им колыбельную,
Мягкие постели расстилала для них,
Нежно ласкала тела их.
Держась за юбку, плакал твой последний малыш,
Но уже не узнавала ты его,
Уже далеко от этих мест была ты...

Большой сосуд наполнила ты слезами,
Чтобы смягчить собранный подаяньем хлеб,
Чтоб освежить платок свой.
Ты воскресила пять ртов,
Чтоб благодарить Бога отцов наших,
Чтоб возопили они о справедливости.

Но потом поглотил огонь балки
И на углях спеклась кровь твоя;
Стервятники слетелись на пиршество,
С потолка падали яблоки и гранаты,
Ты тонула в дыму, так и не бросив якоря.
Посреди твоего дома судьба воздвигнула крест,

И ты сразу приникла к нему, чтоб опередить
всех остальных!
Не было у тебя сил видеть юношей, распятых,
как Христос,
Видеть, как каплет их кровь из пронзенных пиками тел;
Тебе хватило и того, что увидела ты горящими свои мечты,
Не успев собрать и горстки пепла себе в изголовье,
Не успев зажечь свечу на похоронах своих.

Высохнув, как червь, в шелка одевающий богачей,
Кикладскими камушками заранее украсила ты свою могилу
В час, когда воскресала Каламата,
И без тебя с гор спускались людские потоки
С оружием, с волынками и с флейтами,
С крашеными яичками осенней Пасхи,
И кружились в танце листья платанов и люди
На тенистых улочках, по которым ты никогда
уже не пройдешь,

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иосиф Гришашвили

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПРИРОДА

Ночь. Тишина. Спят взрослые и дети.
Покров печали все закрыл на свете.

В небесной шири месяц не сияет, —
Лишь ветер свищет, стонет, завывает.

Чего тебе, о злобный ветер, надо?
Кому теперь готовишь чашу яда?

Кому грозишь ты темною могилой, —
Отчизне горестной, друзьям иль милой?

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна! И жаворонок взвился.
Росой жемчужной каждый лист налил.

В лазурной глуби ласточка кружит,
И легкий ветер в ветках шелестит.

Весна! Река о край долины плещет,
Осина пробудилась и трепещет.

Природы мир! Стих окрылился мой
И вторит песни лиры золотой.

ПИШУ СТИХИ

Когда ко мне приходит вдохновенье,
Я — мост между землей и небесами.
Всему, что сердцу дорого в творенье,
Я господин, когда дышу стихами!

Пусть только сердце, милая, захочет,
Я берег подарю тебе высокий,
Где море светозарное бормочет,
Прибой кудрявый, сонный и широкий.

Я все могу, поверь мне, я могучий,
Во мне любви и красоты начала,
И, если мне захочется, из тучи
Могу простое сделать покрывало...

И я могу, любимая, чтоб слово
Извечные законы изменило,
Чтобы оно торжествовало снова,
Остановив закатное светило...

Я весь иной во власти вдохновенья,
Я — мост между землей и небесами.
Всему, что сердцу дорого в творенье,
Я господин, когда дышу стихами!

СЕРДЦЕ

Владеет мною сердца трепет, —
 Душа прозрения полна:
 Мне внятн роз неясный лепет
 И молний скоропись ясна.

Но в том и горе, что всечасно
 Добро и зло я ощущал, —
 Я прожил бы свой век прекрасно,
 Когда бы сердце потерял!

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ МАРДЖАНИШВИЛИ

О горе! Здесь у твоего портрета
 Мучительно сжимаются сердца.
 Услышь же речь печального поэта
 О повести, которой нет конца.

Я не привык скорбеть, считать утраты
 И плакать, жизни тягости кляня,
 Но что же делать с сердцем мне, когда ты
 Так близко, рядом, смотришь на меня?

Ты как бы говоришь: «Что это значит,
 Что в черной раме я стою один?»
 Котэ, тебя родной народ оплачет, —
 Дитя, и друг, и славы властелин.

Не уберег я... Брат, прости, любимый,
 Я изнываю в горе и стыде.
 Пусть пулею меня неумолимой
 Пронзил бы роковой апрельский день!

Летя к тебе, поэта голос ясный
Твоим бессмертьем должен зазвучать.
Грузинскую весну, что так прекрасна,
Мы именем Котэ должны назвать.

Очистил ты поток речей и действий,
Что прежде мутным и туманным был.
Котэ, ты в небывалом чародействе
Пред нами солнце ясное явил.

Построил золотой дворец-арену,
Невиданный, неслыханный досель,
Там Верико, прославившая сцену,
И там Ушанги — дивный Уриэль.

Пусть сердце наше злая дума ранит,
Что друга мы не видим своего...
Котэ! Театр твой новым чудом станет,
Он гения достоин твоего.

Очаг в твоём театре не остынет
И никакой не убоится тьмы, —
Мы занавес кораллами раздвинем,
И, как кораллы, заалеет мы.

И здесь коралл, и там коралл сверкает,
И самый воздух от коралла ал, —
Пусть темный траур нас не угнетает,
Пусть будет знаком траура — коралл!

ПАМЯТИ АКАКИЯ ЦЕРТЕЛИ

«У Акакия Цертели парализованы веки».
(Из газет, 1904 г.)

Я помню улицу, тебя, народ —
Всегда гордившийся, поэт, тобою.
Ты шел неспешно и глядел вперед
С высоко поднятою головою.

Когда один твой улыбался глаз,
Другой всегда слезами наполнялся.
И думал я, что, верно, в этот час
Ты мыслями о родине терзался.

О прошлых днях, о том, что впереди...
Тебя не чаровали в дни ненастья
Оковы в жемчугах. Ты нес в груди
Священный гнев к насилью самовластья.

...О милый, та минула полоса, —
Величье светлой родины пред нами,
Теперь нам слезная чужда роса,
Хотя б она спадала жемчугами.

Но утопили подлый старый мир
Твоих, поэт, чистейших слез потоки,
И гордо взвился в блещущий эфир
Твой быстрый стих, как сокол быстрокрылый.

Ты ждал героя? Ныне много их!
Страна рождает смелых неустанно!
Мне не видать отныне слез твоих,
И Грузии зарубцевались раны.

ГРУЗИНКА-МАТЬ

Труд нужен Родине — труд более упорный,
Но разве я не здесь, в моей отчизне горной?

И пусть я женщина — я тоже мстить могу
Ожесточенному и подлому врагу.

В сражение жаркое всех близких я послала,
Чтоб хищников орда Отчизну не топтала.

Без страха слышу я орудий грозных гром
И, как боец, борюсь на фронте трудовом.

ОСИРОТЕЛЫМ ДЕТЯМ

О эта девочка! О этот мальчик хилый!
Семья, что попрана фашистским сапогом!
Утешьте их скорей своею братской силой,
Смягчите горе их своим живым теплом!

Враг отнял все у них (ни матери, ни дома!)
И в траур облачил раздолье их полей!
Пусть возле нас печаль им будет незнакома, —
О, приглубьте их, утешьте их скорей!

Они ростки, цветы... Растите их прилежно,
Чтоб край наш солнечный для сирот стал родным!
О, приглубим их своей заботой нежной,
Бесстрашье, мужество и волю в них вселим!

Мы в них найдем сестер и братьев нашим детям, —
Ведь нет у нас детей без матери, отца!
Любовью к сиротам мы Родине ответим,
Свои объединив сочувствием сердца.

И гнева грозного поднимем, братья, знамя!
 Мерцает морем кровь загубленных детей...
 Пусть согревает их грузинской дружбы пламя, —
 О, приглубьте их, утешьте их скорей!

К ОСВОБОЖДЕНИЮ НОВОРОССИЙСКА

О город, ворота на дальнем пути,
 Что к нашей проводят Отчизне!
 Ты недругу лютому не дал войти
 И спас наших родичей жизни.

Не счесть испытаний жестокой судьбы,
 Стоял ты, слезами омытый;
 Твой берег и улицы после борьбы
 Алели от крови пролитой.

А ныне ты радостью полон опять,
 Ты наш, молодой и свободный,
 Поднимешься ты, чтобы снова блистать
 В своей красоте благородной!

И ты к Севастополю полон любви,
 Доверья и нежности братской.
 Героя к последним боям призови
 Напевами песни солдатской.

Скажи, что не долго ему ожидать, —
 Вихрь грянет и смочит разлуку,
 Как старшему брату, великая рать
 Пожмет Севастополю руку.

Защитники наши сражались, как львы,
 И знамя победы взовьется...
 Друг с другом по-братски обниметесь вы,
 Вам дружески вождь улыбнется.

РАНЫ ЗАЖИВАЮТ

«Героическая Красная Армия освободила множество городов».
(Из газет)

Заживают наши раны, злу былому не бывать...
Непогода миновала, и дома растут опять.

Возвращаются телеги, нагруженные добром,
И веселье полнит сердце на просторе полевым.

Ласточки вернулись в гнезда и над кровлями кружат,
И колышет ветер воли молодой плодовый сад.

На пороге новой хаты сел колхозник отдохнуть, —
Радость слезы осушает, и свободней дышит грудь.

СЛАВА ВОЖДЮ

Слава тому, кто нетленной сияет звездой,
Кто путеводною светит звездой, тому,
Кто величавых деяний бессмертен красою!
Слава ему!

Слава вождю, кто народы, забывшие бремя
Дикого рабства, свободной мечтой одарил,
Кто обновил и наполнил величием время
И многозвучные лир голоса пробудил.

Слава тому, кто садами наш край покрывает,
Кто вдохновляет сердца всех правдивых людей.
О, как меня веселит и мой взор улаживает
Счастье народа и Родины милой моей!

Глядя на наши долины и горные кручи,
Глядя на башни, веков победившие тьму,
Слышу их возглас широкий, победный, могучий:
Слава ему!

Слава тому, кто нетленной сияет звездой,
 Кто путеводною светит звездой, тому,
 Кто величавых деяний бессмертен красою!
 Слава ему!

ФРОНТОВАЯ СЕСТРА

Сражаясь, я услышал взрыв,
 И все покрылось мглою.
 Я исполнял мой долг, друзья,
 Я похвалы не стою.

Три дня лежал я средь руин,
 Забытый, одинокий;
 Я видел быструю Куру,
 Тбилиси мой далекий.

Из раны кровь лилась, тоска
 Предсмертная томила,
 Но тут меня нашла сестра
 И жизнь мне возвратила.

И с той поры ищу ее,
 Грущу, как по невесте;
 Нигде ее не нахожу
 О ней не слышу вести.

Михаил Квливидзе

* * *

Мысль странная преследует меня:
 Печалюсь я о мне не данной жизни:
 Не потому, что на свою ропщу.
 Или судьбою был бы недоволен.
 Жизнь изменить свою имеешь право:
 Заняться новым делом, переехать
 Куда-нибудь, жениться, развестись
 Иль докторскую степень получить...

Все это можно...

но, скажите, как

Мне быть, когда заманчивого столько
И выбор так прекрасен и богат,
А выбирать возможно лишь одно —
Один лишь путь, одну судьбу на свете —
«Ту», а не «эту», что уже другому
Досталась и навек принадлежит,
А для тебя она покрыта тайной...

За судьбами слежу я жадным взором,
Печалюсь я о мне не данной жизни.

ПАМЯТИ САЯТ-НОВА

Темница тесною была и узкой
И называлась телом человека.
Там бедная душа изнемогала.
Несчастливая! Ей было суждено
Погибнуть в одиночном заключенье,
Но, к радости ее, в тюремной мгле
Глаза светлели, словно окна...
И пленница глядела иногда
На облачко, на тополя верхушку,
На ласточку, летящую стрелою...
В том было счастье пленницы печальной,
О чем она и пела по ночам.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Женщина, уже немолодая,
Зябко в мех полуистертый дышит
И по тихой улице идет.
Ветер, сор к ее ногам сметая,
Лист газетный на стене колышет.

Осень, осень... Потускнела высь...
На ногах стоим, что ни случись!

Беспощадно хлещет дождь свинцовый,
Вот и вихрь сорвался и задул.
Шепчутся кусты, полны боязни,
Вихрь свирепо их к земле пригнул.
Листья падают, как жертвы казни.

Осень, осень... Грозное ненастье...
Молча просит женщина участия.

ОТЕЦ

Льет дождь осенний, скуку нагоняя...
Холодный шлепающий слышен шум
Воды, струящейся на тротуары,
Звук разрываемого шелка, он
И сквозь закрытые проходит окна.
А у окна стоит седой старик,
Пальто накинув на худые плечи.
Он слушает ритмичный капель стук
О жестяные крашенные крыши.
И видит этот старый человек:
Листою мокрой улица покрыта,
Те листья красноваты, те желты,
Под деревом лежат они, и, словно
Охваченные пламенем листвы,
Обуглились ветвистые деревья...
Прекрасен этот лиственный костер,
Его и ливень погасить не может,
Мерцают листья, словно угольки,
Все шире ветер их вздувает пламя...
И думает старик: как хороша

Сухая тишь в его уединенье,
Привычное домашнее тепло
И этот запах, издавна знакомый, —
Смесь нафталина с ветхой стариной...

Он одинок. Но со стены упорно
Портреты близких на него глядят:
Лицо жены, задумчивой и грустной,
Которой нет уже давно в живых,
И сына взгляд, мечтательный и ясный —
Уехал сын, уехал далеко...
А за окном, унынье нагоняя,
Все льется дождь...

И нет ему конца.

Паоло Яшвили

СОНЕТ К ЭЛЛИ

Мое чувство в сонете к тебе посылаю я, Элли,
И деревню, где встретил впервые тебя, вспоминаю.
Веселилась долина, цветы в ней, как звезды, горели,
И была ты нежна, словно лань иль голубка лесная.

Полюбил я тебя... и люблю... и любить не устану,
О тебе я мечтаю, тебя прославляю сонетом.
Мне нужна твоя близость, аромат твой, до боли желанный,
Мне, ровеснику солнца, твоим озаренному светом.

Расцветают цветы, и цветами сады веселятся,
Наступает тот день, когда можно с тобой повстречаться.
Только мая хочу я, живу лишь для светлого мая.

Пусть любовью и радостью дышат деревья и люди,
И душа моя с ними всегда нераздельною будет,
Раз надежда сулит, что когда-нибудь встречу тебя я.

ЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Рахиль Баумволь

* * *

Не знаю, где слова для этого найти:
Что делать с сердцем мне, трепещущим в груди,
Влюбленным в небеса, светила и поля.
Во все, что щедрая питает мать-земля.

Оно тревожится, и нет ему покоя, —
Хочу услышать птиц, вернувшихся весною.
Увидеть, как цветы пытаются раскрыться,
К больному другу в час страдания явиться,

Не оскорбить седин, не оттолкнуть ребенка
И хмуриться порой одной морщинкой тонкой
Над бровью; друг, пойми, то след любви моей,
То след тоски, которой нет светлей...

БЫВАЕТ РАННЕЮ ВЕСНОЮ

Бывает раннею весною:
Почти осенний, плачет день.
Ребенком ты бредешь с тоскою:
Где солнце, где густая сень!

День до костей промыт дождями,
Асфальт становится темней,
И с неба падает кусками
Вода, что снега тяжелей.

Дома как будто увядают,
И в пене уличной реки
Бесстрашно сапоги шагают,
Вприпрыжку мчатся башмачки.

Листовою легкой птичья стая
То взмлет ввысь, то упадет...
Быть может, до тебя шальная
Волна воздушная дойдет.

Но март с дождем холодным, знаю, —
Не осень, что забот полна.
Все, все сегодня я прощаю:
Ведь завтра подойдет весна?

СВЕТЛОЕ МЕСТО

Случалось ли тебе в дождливый день тягучий.
Когда на небе нет ни точки световой,
Когда над нивами теснятся тяжко тучи,
Увидеть вдруг просвет над головой!

И над тобою тьма бессильна стала,
На гибель власть ее уже обречена,
Развеет вихрь в клочки густое покрывало, —
И вновь блеснет улыбкою весна.

И сила вновь в тебе ликует молодая,
И слезы радости струятся по щекам,
Под светлым местом стой, чудесно вырастая,
Как будто тучи ты плечом раздвинул сам.

УЛЫБКА

Большая мудрость есть, поверьте мне, в улыбке,
 Улыбка добрая прекраснее всего.
 Чуть тронуты уста ее движеньем зыбким —
 Сам человек милей, и свет вокруг него.

Рыдать умеет бобр, и еж порой бормочет,
 И вторит попугай подчас людским речам,
 И зубы скалит волк, и сыч во тьме хохочет,
 Улыбка светлая присуща только нам.

И человек, всю жизнь с улыбкой неразлучный,
 Всему прощение улыбкою несет,
 Прощен смешной глупец, прощен мудрец докучный,
 В улыбке молодость до смерти проживет.

Самуил Галкин

ЗВЕЗДА

Мне звезда отрадна эта
 Чистотой и блеском света,
 Тем, что ни одно светило
 Свет подобный не струило,
 Тем, что блеск ее ночной
 В капле заключен одной.

Мне звезда отрадна эта
 Тем, что блещет до рассвета,
 Тем, что блеск на воды сея,
 Не становится тусклее
 На своем пути большом
 С звездной выси в водоем.

Мне звезда отрадна эта
Щедростью безмерной света,
Тем, что, свет ее вбирая,
Я безмерность постигаю,
Тем, что сразу отдана
Небу и земле она.

БЕССМЕРТНОМУ ПОЭТУ

Посвящается Вольфгангу Гете

Наставник мой, певец с осанкой полубога!
О, если мне твоей и не достичь вершины
Ты с высоты своей подай хоть знак единый,
Чтоб легче от тебя мне вниз была дорога.

И горести мои и радости — ничтожней,
Я малым уголкем в твоих садах владею,
Но и над ним порой встает звезда, светлея,
И ясный мир тогда цветет красой неложной.

Пусть никакого нет в твоём венце изъяна,
Одно всегда мой дух и волю укрепляло:
Что ты, подобный мне, от самого начала,
Предвидя свой конец, страшился непрестанно.

Пускай мои мечты вдохновлены твоими,
В том сходстве нахожу опору не всегда я:
И мне в тревожный час, когда я созидаю,
Мысль о твоём конце ещё невыносимей.

ПРИНИКНИ К МОЕЙ ГРУДИ

К груди моей чутко приникни щекой
И в сердце войди и останься такой —
Со всей твоей гордостью, кроткостью всей,
С морщинками, с голубизною очей.
Хочу, чтоб тебя не коснулись года,
Чтоб в сердце моем ты была бы всегда, —
С любовью ко мне и с участием к другим,
С терпением, с безмерным терпением твоим.
Из целого мира в себя я возьму
Лишь то, что сродни существу твоему,
Что юность твою озаряло насквозь,
Что сбыться должно бы, а вот не сбылось,
И то, что уже миновало для нас,
Что в жизни приходит один только раз...
Но в силах ли сердце все это принять?
Не будет ли в тягость ему благодать?
И сердце в ответ: «Мне легко, мне тепло,
Мне чудится — солнце впервые взошло,
И жизнь для меня первозданно светла,
Как будто пришла она и не пришла».

* * *

Спустись я только на одну ступень,
Чтобы назвать тебя моей любимой, —
Обиженная, ты прошла бы мимо,
И на сердце тебе легла бы тень.

Но я, не глядя ввысь, тебя достиг,
Я не молил тебя: «Звездой стань мне!»
Иначе возросло бы расстояние
От неба до земли в тягчайший миг.

С тех вер неравенства меж нами нет,
В том наша суть, разгадка и основа.
Нас гнула жизнь и распрямляла снова
Чтоб стать нам ровень на закате лет.

Чтоб мы под вечер отблеском былого
В глазах друг друга видели рассвет.

* * *

Как зернами гранат, душа полна
Желаньями и каждому верна.

Одно из них гнездится всех прочней,
Чтобы всегда напоминать о ней,

Ведущий от Адама бытие,
Пускай ты Евою не назовешь ее —

Ты рад бы ей пожертвовать ребром
И муки от нее считать добром.

Ты с детства начал строить ей чертог,
А завершить, закончить все не мог...

Вот и теперь — в ночи, среди тишины
Ищу я камень для его стены.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Не только улицу твою, поверь,
Все переулочки лелеет память.
За них я безоглядно брошусь в пламя,
Но... страшно мне в твою стучаться дверь.

Сокровище мое, ведь лучше ты
Сокровищ мира светом чистоты,
Одним лишь несравненным достояньем —
Волшебной юности очарованьем.

Что ты во мне хорошего нашла?
Тебя такой природа создала
Не для меня. Рожден я слишком рано,
Иль поздно ты... Нет, я молить не стану,

И мы расстанемся. Прощай. Прости.
А сердце ведь и так счастливо очень.
О молодость моя, спокойной ночи,
Спокойной ночи! Нам не по пути.

Лев Квитко

НАКАНУНЕ

Мы много зданий возвели,
Взрастили множество стеблей,
Вспахали целину земли,
Могучи юностью своей.

Мы побеждали скорбь и зло,
Мы изучали бег планет,
И наших сыновей влекло
Постичь искусств и знаний свет.

Но бедствия ужасный ток
Возник у нас средь бела дня,
Детей объяла ночи тьма, —
То хищно смерть гналась сама
Тогда за нами на Восток.

С МОЕЙ СТРАНОЙ

Кто смеет отделять народ мой от страны,
В том крови нет — подменена водою.
Кто отделяет стих мой от моей страны,
Тот будет сыт и скорлупой пустою.

С тобой, страна, велик народ.
Ликут все — и мать и дети,
А без тебя — во мгле народ,
Рыдают все — и мать и дети.

Народ, трудящийся для счастья страны,
Дает моим стихам и блеск и славу.
Мой стих — оружие, мой стих — слуга страны,
И только ей принадлежит по праву.

Без родины умрет мой стих,
Чужой и матери и детям,
С тобой, страна, живуч мой стих,
И мать его читает детям.

Перец Маркиш

* * *

Давиду Бергельсону

Приходит час ночной ко мне,
Всех тише и грустней,
Побыть со мной наедине...
Вот окна все синей, синей,

Уходят стены. Вкруг меня
Один простор ночной.
И обувь сбрасываю я,
Чтоб шаг не слышать свой.

Я на глаза свои кладу
Вечерний синий свет
И все шепчу в ночном чаду:
— Тоска, меня здесь нет!..

И в угол прячусь я пустой,
И руки прячу я,
От скуки медленно за мной
Ползет тоска моя.

И пальцами она слегка
Моих каснулась скул,
И вот уж призрак твой, тоска,
К моей груди, прильнул.

Чтобы мою отведать кровь,
Она колдует вновь и вновь.
Но прижимаю к косяку
Незримый силуэт
И все шепчу, кляня тоску:
— Тоска, меня здесь нет!

* * *

Ты никогда еще так не была свежа,
Как ранней осенью, почти совсем зеленой.
Вот ветер за тобой погнался, весь дрожа,
И поцелуй сорвал, роняя листья клена.

Ты пахнешь камышом, продрогшим на ветру,
И спелым яблоком — осенней негой сада!
Я сбитый ветром лист взволнованно беру
И целовать тебя хочу, моя услада.

Брожу растерянно и что-то бормочу.
Какая в этих днях неслыханная сила!
Мне ветер сердце дал и взял мое. Хочу,
Чтоб ты мне сердце подарила.

В ТРЕТИЙ РАЗ

Прочь, дурень ветерок! Не спрашивай — куда!
Дорога горная здесь колдовски петляет.
Машина, мчись вперед, свободою горда!
Встречает ветер нас, а солнце провожает.

Пространств распахнутых здесь не охватит взор,
И солнце на полях, как на стекле, блистает,
Ярьсь, кидается прибой на локти гор,
Над ними облаков клубящаяся стая.

А в небе надо мной такая синева, —
Мне замок золотой мерещится под нею!
Вверх задирается невольню голова,
И раскрываются глаза мои жаднее:

Я видеть все хочу! Там тоже что-то есть!
О жажда, ты всегда, как небо, бесконечна.
Вот ширится оно — его пространств не счесть, —
Как гимн могучее и молодое вечно!

А ветер выкрики глотает на лету,
И я с прозрачностью, как в битвах рукопашных.
Машина к счастью мчит, и эту быстроту
Пронизывает вихрь на поворотах страшных.

Со взглядом в пропасти, с угрозою шальной,
Чтоб услышать гудок летящего навстречу!
И налетает шум упругою волной,
Там белизна платков и радостные речи.

Так в третий раз зарю мы поднялись встречать,
Да, в третий раз встречать у вод зеленых Рицы,
Но мало этого! Пусть через год опять
Здесь наши встретятся шаги и наши лица!

ЗАБОТА

Лишь только луч цветка коснется, щекоча,
А ветерок, кусты взъерошив, захохочет,
Как, крылья подоткнув, кузнечик сгоряча
У наковаленки своей уже хлопочет.

Усами жесткими он грозно шевелит,
Усы в ногах снуют с зеленым нетерпеньем,
А мошкаре лесной стрекочет он, сердит:
«Мне надобно ковать! Отстаньте с вашим пеньем!»

Кузнечик прыгает — какая суета —
От кустика к цветку легко перелетая,
Травинку хилую догонит у куста
И спросит: «Припаять? Работа не простая!»

Впивается его зовущий молот сам
Во множество забот, звенящих и летучих.
Кузнечик приумолк. И вновь к своим трудам
Вернется он, когда блеснет заря сквозь тучи.

ОСЕНЬ

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплелся по дороге,
Как золотая мышь — искать свою нору.

И сад не сторожат — пусть входит кто захочет,
Там вихри, холод, дождь, секущий и косой,
И — никого. Печаль одна здесь слезы точит,
Но вдруг жужжанье слух улавливает мой.

Пчела спешит пешком по рыхлому песочку,
Тяжелым обручем пчелиный сжат живот,
И так она ползет чрез пень и через кочку
И судорожно вдруг на голову встает,

И крылышки свои вдруг задирает криво,
Как зонтик сломанный, они теперь торчат,
И смерть уже слышна в жужжанье торопливом...
На осень тишина переезжает в сад.

ТВОЙ ВЗГЛЯД

Э.Л.

За счастьем призрачным бродя во мгле безбрежной,
Унижен, возвращусь туда, где только ты.
О том, каким я стал, твой взор расскажет нежный,
Мне ласково блеснув с неожиданной высоты.

И есть лучистый свет в твоём прекрасном взоре,
Что позволяет мне не опускать глаза
В тот час, когда душа свое оплачет горе
И по щеке течет раскаянья слеза.

Пускай гоняюсь я за призраком летучим.
Все чаще и светлей мои пути к тебе,
И сердце шлю тебе через моря и кручи,
Хотя даю обжечь себя чужой судьбе.

ТВОЯ СЛЕЗА

Э.Л.

Твой взор меня смиряет и гнетет
И голову мою к земле склоняет,
Когда тоскою искривлен твой рот
И дрожь слезы в твоих глазах мерцает.

Слеза, набухнув, блещет, и она
Вот-вот прольется через край, крупнея,
Но там не я — вина отражена,
Молчит слеза, таить печаль умея.

Она не падает с твоих ресниц,
Но остается между век дрожащей.
В ней мир выходит из своих границ,
А в глубине растет зрачок блестящий.

СПЕЛЫЕ НОЧИ

Две мертвые птицы на земле легли.
Удар был удачен... Что лучше земли?

Здесь, в солнечной этой блаженной стране,
Упасть так упасть! Так мерещится мне.

Две вольные птицы пустились в полет,
Куда же им падать, куда их влечет?

Лететь так лететь! Как слепителен свет!
Ширóки просторы, и края им нет.

Довольство и мир, довольство и мир,
Земля зазывает нас будто на пир.

Но воля и солнце безмерно влекут,
Ведь там одиночества верный приют...

Птиц этих на свете не жаль никому;
Лишь мне захотелось уйти одному,

Но я позабыл и зачем, и куда.
Иду, предо мною заката гряда.

Лететь так лететь, а упасть так упасть.
Я землю забыл и небесную власть.

Вот солнце заходит, как пышный павлин.
Где путь мой, где путь мой? Я в мире один.

Шагнул я, пойдем же, ты слышал, пойдем!
Упал так упал. Не жалею ни о чем.

Лететь так лететь. Как слепителен свет!
Широки просторы, и края им нет.

* * *

Идет этот день с золотым решетом,
И солнце дрожит в решетке золотом,

И сеется солнечный свет с высоты
И вдруг зажигает в долине цветы.

А может быть, день только чудится мне?
А может быть, день только вижу во сне?

Не ночи ль серебряное колдовство
Навевало, наворожило его?

Ночною прохладой наполнилась грудь,
Трепещет на море серебряный путь,

От края до края струится сквозь мрак...
К тебе я приду и скажу тебе так:

— Разбиты преграды, свободны пути, —
По водам, по воздуху можем идти.

Свое и чужое теперь ни к чему,
Легко, как рубашку, печаль я сниму.

Пойду я серебряной этой тропой,
Измученных тьмой поведу за собой.

Придите же, братья, я жду вас давно,
Кто, чей и откуда — не все ли равно!

Не все ли равно мне — откуда и чей,
Поверим сиянью счастливых лучей.

Для каждого щедро долина цветет,
Пусть радостью будет ваш путь, ваш приход.

Из **Харик**

ПЕСНЯ

Я не горюю, не любимый славой,
К моим следам никто не припадет...
Теперь, когда сердца пылают лавой,
В моих стихах — сведенный гневом рот.

И я хотел бы петь, чтобы забыться,
И по ветру развеять трепет свой,
Но как к беспечной жизни мне стремиться,
Когда не весь ликует шар земной?

Я и сейчас люблю звезды сиянье,
Люблю кипящий вспененный поток,
Но душу мне приводит в содроганье
Игривый и беспечный ветерок.

Я не горюю, не любимый славой,
Никто к моим не припадет следам...
Теперь, когда сердца пылают лавой,
Я песнь мою сердцам людей отдам.

Эзра Финнинберг

ГОРОД НА ХОЛМАХ

Такой есть холмистый
Прекрасный город,
Есть сказочный город
У дивной реки.
Лет минуло десять,
Как здесь поселился
Я с солнцем горячим,
И с ясностью вешней,
И с вами, друзья!

Да, с вами, вы юны,
Бодры и отважна,
Вы пламени дети,
Вы дети труда —
В большой и веселой
Республике братства,
В стране, освященной
Сияньем зари.

Когда, истомившись
В своем заточенье,
Ты, песня, выходишь
Из тесных оков,
Просторное ищешь

Ты в мире жилище,
И домом просторным
Мне кажетесь вы.

Внизу и на высях
В том городе знаки,
Глубокие метки,
То наши следы —
Шагов наших юных
И песен, что спеты
И мной и друзьями
В минувшие дни.

Пусть дни утекают,
Пусть годы проходят,
Дружней и дружнее
Шагайте вперед.
Ведь мы заключили
На этой планете
Навеки могучий
Бессмертный союз.

И будет бессмертен
Наш город холмистый,
И будет бессмертным
И жарким всегда
Дыхание наших
Защитников смелых
И наших великих
Певучих трудов.

ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

1

О, торопись к Сестре,
Подобно посланцу
Вестей которого в нетерпенье ждет царь,
Потому что он желает узнать их как можно скорее.

Для него запряжены все упряжки,
Для него приготовлены лошади,
Всюду, где он находится, закладывают для него колесницы,
Он не должен отдыхать в дороге.

Кто достигает дома Сестры,
Сердце того начинает ликовать.

2

Ах, если бы ты примчался ко мне,
Как царский конь,
Выбранный из тысячи упряжек,
Украшение царских конюшен.

Его кормят отборным зерном,
Хозяин узнает его поступь;
Когда он слышит свист хлыста,
Его нельзя удержать.

Лучший возница
Не сможет обогнать его.
Сердце Сестры знает,
Когда он недалеко от нее.

3

Ах, если бы ты устремился к Сестре,
Подобно газели, мчащейся через пустыню, —
Ноги ее устали, тело ее ослабло,
Всю ее охватил страх.

Охотники гоняются за ней, собаки окружили ее,
Она не видна в облаке пыли,
Место отдыха — только помеха в ее бегстве,
А река стелется дорогой перед ней.

Пусть ты достигнешь ее обиталища
Быстрее, чем твою руку четырежды поделуют.
Ты ищешь любви Сестры,
Потому что Золотая так велела, мой друг.

НАЧАЛО СЛАДОСТНЫХ,
НАЙДЕННЫХ В ПИСЬМЕНАХ РЕЧЕНИЙ,
НАЧЕРТАННЫХ ПИСЦОМ НЕКРОПОЛЯ
НАХТ-СОБЕКОМ

1

Если ты придешь с этим к дому Сестры,
Если ты устремись к обиталищу ее,
Жилище ее станет иным,
Украшившись песнями и танцами.
Вдобавок дай ей вина.

Тогда ты победишь ее хитрость
И вознаградишь ее за ночь.
И она скажет тебе: «Заклучи меня в свои объятия!
И завтра сделай так же».

2

Когда ты приносишь песни во двор к Сестре,
Если ты один и рядом нет никого,
Ты поступаешь по своему желанию на ее празднике.
Ветер колеблет гирлянды на стене.

Небо опускается на воздух, воздуху не удержать его,
Небо приносят тебе свой запах,
Одуряющий запах,
Опьяняющий все вокруг.

Смотри, Золотая одаряет тебя,
Вкуси жизнь свою.

3

Хорошо умеет бросать петлю Сестра,
Не заботясь об уплате налога на скот.
Она накидывает на меня петлю из своих волос,
Она притягивает меня своими глазами,
Она опутывает меня своими ожерельями,
Она ставит на мне клеймо своим перстнем.

4

Почему говоришь ты своему сердцу:
«К ней влечет меня, жажду обнять ее!»
Клянусь Амоном, я приду
И одежду принесу в руках.

5

Я нашла Брата у воды,
 Ноги он опустил в реку.
 Перед ним был праздничный поднос с едой и вином,
 Похожий на грудь мою.

6

Вот что сделала со мной Сестра.
 Должен ли я молчать об этом?
 Она оставила меня у дверей своего дома,
 А сама ушла внутрь.
 Она не сказала мне: «Войди ты, красивый».
 Она была глухой сегодня ночью.

7

Ночью я проходил мимо ее дома.
 Я постучал, но мне не открыли, —
 Превосходная ночь для привратника.
 О засов, я хочу отомкнуть тебя!

Дверь! Ты судьба моя,
 Ты мой добрый дух.
 Там, внутри, для тебя зарежут быка.
 В жертву твоему могуществу, о дверь!

На закланье принесут длиннорогого быка — тебе, дверь!
 Короткорогого быка — тебе, замок!
 Жирного гуся — вам петли!
 Жир — тебе, ключ!

Самые лакомые куски быка —
 Подмастерьям плотника,
 Чтоб он сделал засов из тростника,
 А дверь из соломы.

Пусть приходит Брат, когда захочет,
Он найдет дом открытым,
Он найдет постель, покрытую лучшим полотном,
И прекрасную девушку в этой постели.

И девушка скажет мне:
«Дом принадлежит правителю города».

ФРАГМЕНТЫ

1

Целый день я молю мою госпожу:
Не будь мне врагом!
О госпожа моя, не заставляй,
Не заставляй меня ждать.

Я не могу сдержать мою лошадь,
В ее теле — буря.
Я не могу править,
Лежа поверженный в колеснице.

2

Госпожа моя отплывает в страну опьянения,
На остров из чистейшего золота.
Не жертвуй Мехи во имя любви,
Скажи, что мы пробудем там целый день.

3

О, прекрасный день, день чудесного опьянения,
Я проведу этот день рядом с ним,
Не покидая его, —
Пусть бушует ветер.

Я обращусь к своему сердцу:
 «Почему сердца́ любят его?
 Я отдана тебе
 Силою моей любви».
 Мой голос охрип от слов:
 «Да будет Мехи жив и невредим,
 Он в своем доме!»

ВЕТЕР

Приходит ветер — и слетает к сикомору,
 Приходишь ты — спешишь ко мне...

ЖРИЦА ХАТХОР

Сладостная, сладкая любовью, говорит жрица
 Хатхор Мутирдис;

Сладостная, сладкая любовью, говорит царь
 Менхеперра.

Госпожа, сладостная любовью, говорят мужчины.
 Повелительница любви, говорят женщины.

Царская дочь, сладостная любовью,
 Прекраснейшая из женщин.
 Отроковица, подобной которой никогда мы не видели,
 Водосы ее чернее мрака ночи.

Уста ее слаще винограда и фиников.
 Ее зубы выровнены лучше, чем зерна.
 Они прямее и тверже зарубок кремневого ножа.
 Грудь ее стоит торчком на ее теле...

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

1

Мы будем с тобою вместе,
И бог разлучить нас не сможет.
Клянусь, что я с тобой не расстанусь
До тех пор, пока не наскучу тебе.

Отныне пребудем свободными от труда,
И дурного с нами не будет.
Мы удались в страну вечности,
Чтоб наши имена не были позабыты.

Прекрасное время,
Когда сияние солнца видно,
Вовеки и когда оно царит
Над гробницами.

2

Ах, вечно ты пребываешь здесь
И останешься постоянно,
Я вижу тебя день изо дня,
Я не могу расстаться с тобою.

В радостном сердце моем — ликованье,
Когда вспоминаю тебя вновь молодым,
И рассказываю детям, по обыкновению,
Непрестанно об отце и матери.

ХВАЛА ЛЮБЯЩЕЙ СУПРУГЕ

Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью,
С чарующими устами и приятной речью.
Все, что исходило из ее губ, было подобно творению Истины.

Женщина превосходная, восхваляемая в своем городе,
Всякому протягивает она руку помощи,
Говорит хорошее и рассказывает то, что любят слышать.
Творит то, что нравится людям,
Уста ее не породили никакого зла.
Все любят ее, Ранпетнефрет.

ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Привет тебе, Ра-Хорахти, отче богов,
Привет вам, Семь Хатхор,
Вам, украшенным алыми повязками!
Привет вам, боги,
Владыки небес и земли!
Пусть она, дочь его, будет следовать за мной,
Словно бык за кормом.
Словно служанка за детьми,
Словно пастух за стадом.
Если вы не принудите ее следовать за мной,
Я напущу огонь на Бусирис
И спалю его.

ПРАЗДНИК В САДУ

Прими цветок лотоса из твоего сада,
Его не отняли у тебя.
Пусть несет он тебе всякие дары
И плоды, созревающие в нем,
Чтобы ты мог утешиться его лакомствами
И насладиться его приношениями.
Сердце твое освежают цветы сада.
Тело твое охлаждает тень его деревьев.
Во веки веков ты будешь делать то,
чего пожелает твое сердце.

ПИРШЕСТВО

1

Не желает ли Истина
В сердце своем опьянения?

2

Умасти миррой локоны Истины —
Пусть благополучие и здоровье будут с ней.

3

О, приходи, северный ветер,
Я высматривал тебя,
Когда был в башне.

ПЕСНЬ ИЗ ДОМА УСОПШЕГО ЦАРЯ АНТЕФА,
НАЧЕРТАННАЯ ПЕРЕД ПЕВЦОМ С АРФОЙ

Процветает он, этот добрый властитель,
Прекрасный конец настиг его.
Одни поколения приходят, а другие продолжают
существовать

Со времени предков.
Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах,
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах.
Они строили дома —
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Смотри, что случилось с ними.
Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора,
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,

Словно никогда их и не было.
Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потом утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовленьях к твоему просветленью.
Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовониями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство.
Не давай обессилеть сердцу.
Следуй своим желаньям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По веленью своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья.
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей,
Причитанья никого не спасут от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнурай себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПИСЦОВ

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,

Их имена сохранятся навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты всех их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставляли после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

Писания становились их жрецами,
А палетка для письма — их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,
Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их глава,

Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочней стены.
Написанное в книге возводит дома и пирамиды
в сердцах тех,

Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина,

Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.

Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Есть ли где-нибудь кто-то, подобный Джедефхору?
Есть ли кто-то, подобный Имхотепу?
Нет среди нас такого, как Нефри
И Хетти, первого из всех.
Я напому тебе имя Птахемджхути
И Хахеперра-сенеба.
Есть ли кто-нибудь, подобный Птахотепу
Или Каресу?

Мудрецы, предрекавшие будущее, —
Вышло так, что говорили их уста.
Это записано в их книгах,
Это существует в виде изречения.
Их наследники — дети разных людей,
Как будто все они — их собственные дети.
Они скрыли свое волшебство от людей,
Но их читают в наставлениях.
Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

ТОСКА ПО МЕМФISУ

Видишь, сердце мое убежало тайком
И помчалось к знакомому месту.
Заспешило на юг, чтоб увидеть Мемфис.
О, когда бы хватило мне силы сидеть,
Дождаясь его возвращенья, чтоб сердце
Рассказало, что слышно у Белой стены!

Я беспомощен, все выпадает из рук,
Потому что нет сердца на месте обычном.
Приходи ко мне, Пта, и в Мемфис отнеси.
Неотрывно дозволю мне глядеть на тебя.

Целый день мое сердце в мечтанье,
А в груди моей нет больше сердца.

Злым недугом охвачены все мои члены,
Слух закрылся мой, очи устали глядеть,
Все слова исказились, и голос охрип.
О, будь милостив, дай до него мне добраться.

ВОСХВАЛЕНИЕ НИЛА

1

Слава тебе, Хапи!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтоб оживить Египет.
Бег его таится, подобно мраку
Среди дня, когда слуги его воздают хвалу ему.
Он орошает поля, созданные Ра,
Чтобы дать жизнь каждой козе;
Он поит и пустыню и сушь, —
Ведь это его роса падает с неба;

Он любит землю,
Он правит Непра,
Он дарует процветанье ремеслам Пта.

2

Владыка рыб, повелевающий им подниматься к порогам,
Нет птиц, кружащихся над теми,
Кто сеет зерно и собирает полбу.
Когда же пальцы его пребывают в лени, а ноздри
закупорены,
Нищают все люди.
Когда случает так, скудеет небо богов
И гибнут люди целыми народами.

3

Когда случается самое страшное, вся земля в бедствии,
Гибнут и большие и малые.
Но собираются в толпы люди при приближении его.
Когда Хнум сотворил его,
Когда появляется он — и земля ликует,
Всякая тварь радуется,
Каждый позвонок хохочет
И все зубы обнажаются в смехе.

4

Приносящий силу, богатый едою,
Творящий прекрасное.
Владыка силы, благоуханный,
Тот, кому радуются,
Кто родит траву стадам,
Кто сердцем помнит о жертвах богу,
Пребывающему под его покровительством,
Где бы ни был он: в преисподней, в небесах или на земле,
Он держит в своей власти Обе Земли,
Он наполняет житницы, и насыпает груды зерна,
И отдает добро беднякам.

5

Одаряющий деревья цветением,
Рождающий деревья в изобилие
Для всех, кто желает их видеть.
Строящий суда своей мощью,
Возлагающий на статуи белый венец
Без стараний каменотесов.
Незримый,
Он не держит слуг и сборщиков налогов.
Тайны его сути — непостижимы,
Никто не знает места, откуда он,
И, читая писания, не найти его пещеры.

6

Нет таких житниц, чтоб вместили твои дары,
Никому не надо повелевать твоим сердцем.
Тебе радуются юноши твои и дети твои.
Тебе возлагают почести, как царю.
Законы при тебе неколебимы.
Ты выходишь у Верхнего и Нижнего Египта.
Каждый пьет очами воду твою.
Всем сердцем стремишься ты умножить прекрасное.

7

Когда о тебе возвещает глашатай,
Радость выходит наружу, каждое сердце веселится.
Крокодилы беременны, у Нейт начинаются роды.
Все твои девять богов Гелиополя — прекрасны.
Всходы на полях подобны излишкам чревоугодия.
Урожай делает людей сильными,
Одного насыщает, другого услаждает,
И нет между ними спора,
Готовящий дары кому-то, никого нет с ним рядом.
Люди ставят ему границы.

8

Все освещающий, выходящий из мрака,
Тучность стад своих,
Мощь, творящая все.
Нет среди живущих никого, кто бы не знал его.
Одаряющий людей, чтобы они выполняли его намерения,
Сердцем обращенный к работе на поле
И вечером ласкающий свои поля.
Друг Пта,
Трудящийся с ним вместе,
Творец божественных писаний
И всего в Нижнем Египте.

9

Тыходишь с журчащей речью в середину земли,
Желанный, расстающийся с тайной.
Когда ты гневаешься, исчезает рыба,
Тогда ждут люди большой воды,
Тогда богатый подобен бедняку.
Тогда заметен всякий, идущий на поля с орудиями,
И нет друга, оставшегося ради друзей.
Нет тканей, чтобы одеться.
Нет украшений для детей из знатных семей.
Нет никого, ночью слышащего воду.
И нет в речах желанной прохлады.
Все люди умащивают кожу
На радости, что начинается половодье.

10

Утверждающий истину, которой алчут люди,
В изреченье: «Пребывай в готовности до тех пор,
Пока тебе ответят».
Тогда ответит о Ниле Великое Зеленое море.
Знатные следуют за бедняками,

Непра правит живущими,
Ему воздают хвалу боги.
Нет птиц, летающих из пустыни.
Руки твои помнят золото,
Когда льют серебро в формы.
Никто не ест лазурит,
Когда созревает зерно.

11

Для тебя звучит арфа,
Тебе рукоплещут.
Юноши твои и дети твои радуются тебе
И достойно воздают тебе, когда наступает новый урожай.
Когда приносит он ценности,
Земля украшается.
Суда его несут людям прибыль.
Он, дающий жизнь сердцам беременных,
Любящий бесконечно стада свои.

12

Когда вступаешь ты в город,
Торжествует владелец прекрасных вещей,
Бедняк говорит: «О, если бы был у меня лотос!»
Все на земле едино.
Все травы отданы детям его.
Если же вкушающие пищу забывают его,
Довольство покидает дома
И земля впадает в бедствие.

13

Когда прибываешь ты, о Хапи,
Тебе приносят жертвы,
Приводят быков на закланье,
Откармливают птиц для тебя,

Ловят для тебя львов в пустыне,
Дарят тебе прекрасные вещи.
И так же, как приносят жертвы Хапи,
Приносят их каждому богу:
Небесные благовония, быки, скот,
Птицы, огонь.

Хапи прорыл пещеры в Фивах,
Но имя его неизвестно в преисподней.

14

Взывают люди к богам
Из страха перед могуществом Владыки всего земного,
Моля о процветании для обоих берегов:
Процветай же, процветай же, Хапи.
Процветай же,
Дарами полей
Оживляющий людей и скот.
Процветай же, процветай же, Хапи,
Процветай, процветай, ты, прекрасный дарами.

Доведено до конца благополучия в мире
Трудами писца Обоих домов серебра Кагабу.

К БОГИНЕ

О, ты шагающая так широко,
Сеющая смарагды, малахит и бирюзу, словно звезды,
Когда цветешь ты, цвету и я,
Цвету, подобно живому растению.

К УТРЕННЕМУ СОЛНЦУ

Золотая появляется на судне Солнца, —
Ра любит ее.
Дневное судно могуче, —
Ра любит ее.
Твоя сила достигает Средиземного моря, —
Ра любит ее.
Ра вышел, чтоб узреть красоту ее, —
Ра любит ее.

ПЕСНЬ СЕМИ ХАТХОР

Мерные наши удары — для тебя,
Мы пляшем для величества твоего,
До высот неба
Мы воздаем хвалу тебе.

Ведь владычица скипетров,
Владычица ожерелья и систра,
Владычица музыки,
Которая звучит для тебя.

Мы воздаем хвалу владычеству твоему каждый день,
С вечера до той поры, когда заря встает над землей,
Мы ликуем пред ликом твоим, повелительница Дендера,
Мы чествуем тебя песнопениями.

Ведь владычица ликованья, повелительница пляски,
Ты владычица музыки, повелительница игры на арфе,
Ты владычица хороводов, повелительница плетенья венков,
Ты владычица благовоний, повелительница танцев.

Мы славим величество твое,
Мы воздаем хвалу тебе,
Мы возносим твою славу
Над всеми богами и богинями.

Ведь ты владычица гимнов,
Повелительница книг,
Великая обладательница знаний,
Хозяйка дома писцов.

Мы радуемся величеству твоему каждый день,
Сердце твое ликует, когда внимаешь ты нашим песням.
Мы радуемся, глядя на тебя каждый день, каждый день,
И наши сердца ликуют при виде тебя.

Ты владычица венков, повелительница хороводов,
Владычица беспредельного опьянения,
Мы ликуем перед тобой, мы играем тебе,
И твое сердце радуется тому, что свершаем мы для тебя.

ПЛАЧ ИСИДЫ ПО ОСИРИСУ

Я — женщина, прекрасная для своего мужа,
Жена твоя, Сестра твоя,
Приди ко мне скорее!
Потому что я жажду узреть тебя
После того, как я не видела лица твоего.

Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах.
Небо смешалось с землей. Тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки.
Сердце мое горит, потому что стеною отгородился ты от меня,
Хотя не находил ты зла во мне, не было зла во мне.

Оба наши города разрушены, перепутались дороги.
Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.
Я в городе, в котором нету защитной стены.
Я тоскую по твоей любви ко мне.
Приходи! Не оставайся там один! Не будь так далек от меня!

Гляди, сын твой Гор гонит Сета к месту казни.
Я спряталась в камышах и спрятала твоего сына,
Чтобы отомстить за тебя.
Потому что так плохо пребывать вдали от тебя
И невыносимо для плоти твоей.

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

О господин мой, пребывающий вдалеке от меня в Джебауте,
Я увижу тебя сегодня. Тело твое источает аромат Пунта.
Тебе воздают хвалу знатные женщины,
Радуется тебе вся Эннеада.
Возвращайся к своей супруге.
Сердце ее трепещет от любви к тебе.
Она обнимет тебя, и ты не покинешь ее,
Потому что сердце ее ликует при виде твоей красоты.

ПОМИНКИ

1

Слуга, обращаясь к дочери
Умершего Пахери — Аменсат,
Отклоняющей чару с вином,
Говорит:

«Во здравье твоей души пей допьяна.
Отпраздную прекрасный день!
Слушай речь твоей подруги:
Не отклоняй того, что тебе дают».

Родственница Пахери — Нумбехи

Просит:

«Принеси мне восемнадцать кубков вина.
Видишь, я хочу допьяна напиться,
Внутренности мои сухи, как солома».

Кормилице Сенсенбет

Отвечает слуга:

«Пей и не отказывайся,
Смотри, я не отстану от тебя».

Другая кормилица

Добавляет:

«Пей и не порти праздника.
И дай кубку дойти до меня,
Властитель дал его для питья».

К БОГИНЕ ХАТХОР

1

Фараон приходит плясать,

Приходит воспевать тебя.

О владычица его, гляди, как он пляшет,
О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

Фараон, сын Солнца, его руки омыты,

Его пальцы чисты.

О владычица его, гляди, как он пляшет,
О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

Когда приносит он в жертву

Этот сосуд с вином,

О владычица его, гляди, как он пляшет,
О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

Сердце его истинно, душа его открыта,

Нет тьмы в груди его.

О владычица его, гляди, как он пляшет,
О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

О Золотая, прекрасны эти песни,
Словно песня самого Гора.
Сын Солнца поет, как верховный жрец,
Певец божественный, дитя Гора.

2

О прекрасная, о сияющая,
О славная чудесами,
О владычица его и повелительница,
О Золотая среди богов.

Тебе поклоняется фараон,
Пошли ему жизни.
О Золотая, он хвалит тебя,
Пошли ему жизни.

Оттуда, где боги, взгляни на него, Хатхор,
владычица его,
С горизонта посмотри на него, владычица,
О, услышь его, Огненная, с Океана,
О, воззри на него, Золотая, с Неба и с Земли.

Из Нубии, из Ливии,
Из стран Востока и Запада,
Со всех сторон и ото всех мест,
В которых ты величественно светишь.

Ты видишь, что творится в нем,
Даже когда уста его немы.
Сердце его истинно, душа его открыта,
Нет тьмы в груди его.

Золотая, он почитает тебя,
Пошли ему жизни.

О, как благостно и приятно, когда расцветает Золотая,
Когда лучится она и расцветает!

 Пред тобой ликуют небо и звезды,
 Тебе воздают хвалу солнце и луна,
 Тебя славят боги,
 Тебе воздают хвалу богини.

О, как благостно и приятно, когда расцветает Золотая,
Как лучится она и расцветает!

 Пред тобой ликует вся земля,
 Для тебя пляшут в радости звери,
 Славу тебе возносит Египет и страны иные
 До неба, лежащего на четырех своих столбах.

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Рабиндранат Тагор

ДЫХАНИЕ ПЕСНИ

Та флейта, что молчала, вновь звучит,
И мнится — в лес весенний снова мчит
Весть о любимой вешний ветерок,
Я вспомнил песни давние опять
У Ганги, где к цветку прильнул цветок, —
Улыбки снова стали расцветать.
Желанья прежние, развеяв сон,
Мне начинают сердце согревать,
И вновь взойти на лотосовый трон
Настал, мне думается, миру срок.
Вот нежный облик, отсвет в темноте,
Вот голос, льющийся, как майский свет,
Вот нежный взгляд, но где же очи те,
Вот поцелуй, но губ любимых нет...

СТАРШАЯ СЕСТРА

Таскали кирпичи и строили дома
У берега реки ее отец и мать,
И часто девочка сбегала к ним с холма,
Чтоб чашки иль кувшин водою наполнять.

С утра до вечера несется легкий звон,
То о кувшин запястья — тхон-тхон-тхон.
А вслед за нею братец маленький бежит,
Измазан глиною и наголо обрит,
Ручною птицею он бродит по пятам
Сестры. Всегда послушен он ее словам
Настойчивым и строгим. Глиняный кувшин
У ней на голове, а рядом с ней, как сын,
Братишка, — так она и мается с утра,
Сама ребенок — старшая сестра.

ПЕРЕПРАВА

Из двух деревень, разобщенных рекой,
Стремятся всегда к переправе одной
И те, кто покинул отеческий дом,
И те, кто, вернувшись, спешит на паром.
А в мире в борьбе иступленной телá,
Потоками вспенившись, кровь залила.
Эпохи сменяются, годы летят,
Развенчанных топчут, увенчанным льстят,
И в жажде познания приникли уста
К той чаше, где в нектар отравы влита.
И здесь только тайное имя хранят,
В две стороны глядя, деревни стоят.
Одна переправа над ширью речной,
Тот из дому едет, тот рвется домой.

АФРИКА

В далекий тот и самый смутный век,
Когда создатель в творческой досаде
Опять крушил все то, что создал сам...
В тот день, когда от ярости его

Смятенная земля заколебалась,
Вмиг руки моря Красного тебя,
О Африка, от суши оторвали,
С материком восточным разлучив,
И поместили среди гор лесистых
Туда, где еле-еле брезжит свет,
На произвол судьбы тебя оставив.
Там тайны важные копила ты:
Открыла воды, что подобны небу,
Природы неизведанные чары
В тебе рождали к тайному любовь.
Ты ужас побеждала громким смехом,
В чудовищные куталась одежды
И увлекалась почитаньем духов
При грохоте священных барабанов.

О ты, погруженная в сумрак,
Ты, чей человеческий образ
Под черною тканью таится
От взоров людей недостойных!
Явились они с кандалами,
Такими, как когти гиены;
То было насильников стадо,
И в душах их — мрак полуночный.
А их первобытная алчность —
Бесстыдна и бесчеловечна.
А имя им — работорговцы.
И вот от беззвучного плача
На залитых кровью тропинках
Пыль стала кровавою грязью.
И комья той грязи надолго
Твои осквернили преданья.
А в это же время повсюду
На том берегу океана

Плыл набожно звон колокольный,
И он милосердного бога
И утром и вечером славил,
Играли кудрявые дети,
И в песнях поэтов звучали
Хвалы красоте...
Сейчас, когда западный ветер
Так резок, перед закатом,
Когда из тайных убежищ
Выходят хищники, воя,
Явись в скудеющем свете,
Поэт эпохи грядущей,
Скажи потерявшему совесть
Одно только слово: «Опомнись!»
Среди голосов звериных
Это будет последним словом —
Внятным словом высокой мысли.

ВСЕУНИЧТОЖЕНИЕ

Везде царит последняя беда.
Весь мир она наполнила рыданьем,
Все затопила, как водой, страданьем.
И молния среди туч — как борозда.
На дальнем берегу смолкнуть гром не хочет,
Безумец дикий вновь и вновь хохочет,
Безудержно, не ведая стыда.
Везде царит последняя беда.

Разгулом смерти жизнь полна теперь,
Миг наступил — и ты себя проверь.
Дари ей все, отдай ей все подряд,
И не смотри в отчаянье назад,

И ничего уж больше не таи,
Склоняясь головою до земли.
Покоя не осталось и следа.
Везде царит последняя беда.

Дорогу должно выбрать нам сейчас:
У ложа твоего огонь погас,
В крошечном мраке затерялся дом,
Ворвалась буря внутрь, бушует в нем,
Строенье потрясает до основ.
Неужто ты не слышишь громкий зов
Твоей страны, плывущей в никуда?
Везде царит последняя беда.

Стыдись! И прекрати ненужный плач!
От ужаса свое лицо не прячь!
Не надвигай край сари на глаза.
Из-за чего в душе твоей гроза?
Еще твои ворота на запоре?
Ломай замок! Уйди! Исчезнут вскоре
И радости и скорби навсегда.
Везде царит последняя беда.

Ужель твой голос скроет ликованье?
Неужто в пляске, в грозном колыханье
Браслетам на ногах не зазвучать?
Игра, которой носишь ты печать, —
Сама судьба. Забудь, что было прежде!
В кроваво-красной приходи одежде.
Как ты пришла невестою тогда,
Везде, везде — последняя беда.

ТРУБА

Твоя труба лежит в пыли,
И не поднять мне глаз.
Стих ветер, свет погас вдали.
Пришел несчастья час!
Зовет борьба борцов на бой,
Певцам приказывает — пой!
Путь выбирай быстрее свой!
Повсюду ждет судьба.
Валяется в пыли густой
Бесстрашная труба.

Под вечер шел в молельню я,
Прижав цветы к груди.
Хотел от бури бытия
Надежный кров найти.
От ран на сердце — изнемог
И думал, что настанет срок,
И смоем грязь с меня поток,
И стану чистым я...
Но поперек моих дрог
Легла труба твоя.

Свет вспыхнул, осветив алтарь,
Алтарь и темноту.
Гирлянду тубероз, как встарь,
Сейчас богам сплету.
Отныне давнюю войну
Окончу, встречу тишину.
Быть может, небо долг верну...
Но вновь зовет (в раба
В минуту превратив одну)
Безмолвная труба.

Волшебным камнем юных лет
Коснись меня скорей!
Пускай, ликуя, льет свой свет
Восторг души твоей!
Грудь мрака черного пронзив,
Бросая в небеса призыв,
Бездонный ужас пробудив
В краю, что тьмой одет,
Пусть ратный пропоет мотив
Труба твоих побед!

И знаю, знаю я, что сон
От глаз моих уйдет.
В груди — как в месяце срабон —
Ревут потоки вод.
На зов мой кто-то прибежит,
Заплачет кто-нибудь навзрыд,
Ночное ложе задрожит —
Ужасная судьба!
Сегодня в радости звучит
Великая труба.

Покоя я хотел просить,
Нашел один позор.
Надень, чтоб тело все закрыть,
Доспехи с этих пор.
Пусть новый день грозит бедой,
Останусь я самим собой.
Пусть горя данного тобой,
Наступит торжество,
И буду я навек с трубой
Бесстрашья твоего!

БЕСПОКОЙНАЯ

Ты катишь, о великая река,
Бесшумные невидимые воды.
Средь ровной бесконечности природы,
Не прекращаясь, мчишь через века.
Твое течение, скрытое от взора,
Ударами могучего напора
Волнует дали твоего простора.
Весь в гневных тучах, плачет небосвод.
Свет резких вспышек, льющихся потоком,
Во мраке зарождается глубоко
И по орбитам к гибели идет,
Вращаясь вереницей неизменной,
Порядок солнц, и лун, и звезд вселенной,
Как пузыри поверх пучины пенной.

Жизнь навсегда отринута тобой.
Бредешь без цели — и твое движенье
Как будто слов лишившееся пенье.
Иль это беспрестанно отклик свой
Даль посылает, слышный все сильнее?
Ты оставляешь дом для встречи с нею.
И ожерелье у тебя на шее,
Чуть ты завидишь дали тайный знак,
Трепещет, звезд жемчужины роняя.
Седую гриву треплет буря злая
Средь пустоты и накрывает мрак.
Как серьги, в небе молнии мерцают.
Края одежды над землей летают
И над травой дрожащей затихают
Иль в роще, задевая за листья.
И вновь кружатся, устремляясь вниз,
Жасмин, полаш, и бокул, и сирус —
Зимы, весны и осени цветы —

И остаются на твоём пути.
Лети, лети, лети вперед, лети,
Неистово, стремительно лети!
Все, что несешь ты, выпусти из рук.
Освободись от самой малой клади.
Но помни об оставленной отраде.
Тебя минуют горе и испуг.
Трать радостно, что скоплено смиренно.

Была полна — становишься мгновенно
Совсем пустою. Ты всегда священна.
Стопой земли касаешься, и грязь
Под нею черноту свою теряет,
И смерть в мгновенье ока исчезает,
В мгновенье ока жизнь становясь.
Когда же ты на миг какой-то малый
Внезапно остановишься устало,
Мир задрожит в тревоге небывалой,
Взметнувшись ввысь грядой огромных гор.
И все вокруг под непроглядной тьмою —
Под твердью коченеющей, немой —
Исчезнет, будто до небес забор
Встал пред идущим, ужасом объатым.
И тяжестью своей мельчайший атом,
Сокровища презрев, глумясь над золотом,
Копьем греха, что боль в себе таит,
Готовым для смертельного удара,
Вонзится в сердце неба.

О апсара,
Прекрасен твой от взгляда скрытый вид!
Неутомимо пляшешь, танцовщица.
И танца твоего поток струится,
И жизни мира каждую частицу
Водою смерти очищает он
И небо раздвигает синевою.

Поэт, сегодня властвует тобою
Ножных браслетов жизни громкий звон;
И танца беспричинное движенье
Вливает в жилы буйное волнение,
Грудь наполняя звуками сраженья.
Никто не знает, что в груди твоей
Сегодня разошлись морские волны,
Леса дрожат, своим волнением полны.
И те слова становятся ясней:

Я прихожу из века в век,
Тишайшая среди тихих рек.
Меня влечет мой вечный бег
От встречи с образом к разлуке
И от одной души к другой.
Когда редеет мрак ночной,
Ту малость, что держали руки,
В дар тотчас превращаю я,
И песня слышится моя.
О, посмотри: дрожит ладья
Среди шумящего течения.
Оставь на берегу свой груз,
Освободись от прежних уз.
Несись в неистовом стремлении.
И у потока на груди
Во тьму бездонную сойди —
В сияние света впереди.

ШЕКСПИР

Когда твоя звезда зажглась над океаном,
Для Англии в тот день ты сыном стал желанным;
Сокровищем своим она тебя сочла,
Дотронувшись рукой до твоего чела.
Недолго среди ветвей она тебя качала;

Недолго на тебе лежали покрывала
Тумана в гуще трав, сверкающих росой,
В садах, где, веселясь, плясал девичий рой.
Твой гимн уже звучал, но мирно рощи спали.
Потом едва-едва пошевелились дали:
В объятиях держал тебя твой небосвод,
А ты уже сиял с полуденных высот
И озарил весь мир собой, подобно чуду.
Прошли века с тех пор. Сегодня — как повсюду —
С индийских берегов, где пальм ряды растут,
Меж трепетных ветвей тебе хвалу поют.

ЮНОСТЬ

Дух юности! Ты ль в темной клетке счастья?
Средь веток оперением дрожать
Там, наверху, — в твоей великой власти.
Ты — чужеземец, потерявший путь.
Твои не могут крылья отдохнуть —
Ведь ты не знаешь, где гнезда искать.
Полет твой вдаль ничто не остановит.
Твоих немолчных требований рать
Громам небесным грозно прекословит.

Иль нищий ты, что года жизни просит?
В лесу, где смерть, — охотник смелый ты.
В глубокой чаше смерть тебе приносит
Бессмертия напиток огневой.
Надменная, накрыта с головой —
Твоя любовь. Сейчас ее черты
Под покрывалом спрятаны от взгляда.
Приподыми его — и красоты
Тебя коснется вечная отрада.

Как песню жизни ты поешь, о юность?²
 Неужто на страницах ветхих книг
 Мелодии ты ищешь многострунность?²
 На вине южных зазвучав ветров,
 Твой говор слился с говором лесов,
 И в тучах грозовых затем возник,
 И в буре отозвался диким воем,
 И поиграл в волнах; и в тот же миг
 Взлетел победным барабанным боем.

НОВЫЙ ГОД

Старого года усталая ночь,
 Странник, ушла она, дряхлая, прочь!
 Путь, как лучи, озаряют призывы —
 Грозные песни великого Шивы.
 И по дороге уносится вдаль,
 Словно напев заунывный, печаль,
 Словно блуждающий в поисках света
 Голос поющего песню аскета.

Странник, твой жребий по-прежнему строг:
 Ноги ступают по пыли дорог,
 С места срывает тебя ураган,
 Крутит тебя среди неведомых стран.
 Должен все время ты быть одинок,
 Не для тебя — на окне огонек.
 Не для тебя — слезы преданных глаз.
 Буря повсюду. Бьет гибели час.
 Ночь привечает раскатами грома.
 Ласки шипов — на тропе незнакомой,
 Иль незаметный змеи капюшон.
 Брань ты услышишь, как праздничный звон.
 Так ты шагаешь все дальше — счастливый
 Благословеньем великого Шивы...

Все, что теряешь, — то дар лишь судьбе.
 Если ты просишь бессмертья себе,
 Знай, — что не счастье оно, не покой,
 Даже не отдых обыденный твой.
 В час, когда смерть к тебе грозно придет,
 Всюду получишь ты славу, почет.
 Нового года благие порывы —
 Благословенье великого Шивы.
 Странник, не бойся, не бойся: в ненастье
 Ты под защитой богини несчастья.

Старого года усталая ночь,
 Странник, ушла она, дряхлая, прочь.
 Ожесточенья пришли времена.
 Пусть упадет над тобою стена,
 Пусть опрокинется чаша вина.
 Нового года не слышно движенье.
 Руку его ты возьми на мгновенье,
 В сердце — его ты почувешь биенье.
 Странник, все время идущий вперед,
 Старая ночь пусть скорее пройдет!

ЧИСТЫЙ

Раманондо сан высокий носит,
 Молится, весь день постится строго,
 Вечером тхакуру носит яства,
 И тогда лишь пост его закончен,
 И в душе его — тхакура милость.

Был когда-то в храме пышный праздник.
 Прибыл сам раджа с своею рани,
 Пандиты пришли из стран далеких,
 Разных сект служители явились,

Разные их украшали знаки.
Вечером, закончив омовенье,
Раманондо дар поднес тхакуру.
Но не сходит божество к святому,
И в тот день он не вкушает пищи.

Так два вечера случалось в храме,
И совсем иссохло сердце гуру.
И сказал он, лбом земли коснувшись:
«Чем, тхакур, перед тобой я грешен?»
Тот сказал: «В раю мой дом единый
Или в тех, пред кем мой храм закрыли?»
Вот на ком мое благословенье.
С той водой, которой я коснулся, —
В жилах их течет вода святая.
Униженье их меня задело,
Все, что ты принес сюда, — нечисто».

«Но ведь нужно сохранять обычай», —
Поглядел на бога Раманондо.
Грозно очи божества сверкнули,
И сказал он: «В мир, что мною создан,
Во дворе, где все на свете — гости,
Хочешь ты теперь забор поставить
И мои владенья ограничить, —
Ну и дерзок!»

И воскликнул гуру: «Завтра утром
Стану я таким же, как другие».

И уже давно настала полночь,
Звезды в небе млели в созерцанье,
Вдруг проснулся гуру и услышал:
«Час настал, вставай, исполни клятву».
Приложив ладонь к ладони, гуру
Отвечал: «Еще ведь ночь повсюду,

Даль темна, в безмолвье дремлют птицы.
Я хочу еще дожидаться утра». —
Бог сказал: «За ночью ли идет утро?
Как душа проснулась и услышал
Слово божье ты — тогда и утро.
Поскорее свой обет исполни».

Раманондо вышел на дорогу,
В небесах над ним сияла Дхрува,
Город он прошел, прошел деревню,
У реки посередине поля
Тело мертвое чандал сжигает.
И чандала обнял Раманондо.
Тот испуганно сказал: «Не надо.
Господин, мое занятие низко,
Ты меня преступником не делай».
Гуру отвечал: «Я мертв душою
И поэтому тебя не видел,
И поэтому лишь ты мне нужен,
А иначе мертвых не хоронят».

И отправился опять в дорогу.
Щебетали утренние птицы.
В блеске утреннем звезда исчезла.
Гуру видит: мусульманин сидя
Ткани ткет и песнь поет чуть слышно,
Раманондо рядом опустился
И его за плечи нежно обнял.
Тот ему промолвил, потрясенный:
«Господин, я — веры мусульманской,
Я же ткач, мое занятие низко».
Гуру отвечал: «Тебя не знал я,
И душа моя была нагая,
И была она грязна от пыли.
Ты подай мне чистую одежду,
Я оденусь, и уйдет позор мой».

Тут ученики догнали гуру
 И сказали: «Что вы натворили?»
 Он в ответ им: «Отыскал я бога
 В месте, где он мною был потерян».
 На небо уже всходило солнце
 И лицо святого озаряло.

ЗОЛОТО ЛЮБВИ

Робидаш — метельщик, пыль метущий,
 Одинок и на дороге шумной,
 Оттого что все его обходят,
 Чтоб не оскверниться.

Омовенье кончил Раманондо,
 В храм он шествует дорогой этой,
 И метельщик, ставши на колени,
 Лбом своим коснулся жаркой пыли.
 «Друг, кто ты?» — приветно молвил гуру.
 И в ответ он слышит: «Прах я жалкий,
 Ты же, гуру, облако на небе.
 И поток любви твоей, пролившись,
 Заставляет петь пылью немую
 В лепестках цветочных».

Обнимает гуру Робидаша
 И ему любовь свою дарует;
 И в душе метельщика внезапно,
 Словно в роще, веет ветер песни.

Властвовала Джхали над Читором.
 Царственного слуха песнь коснулась —
 Сразу все иное ей постыло.
 При решении дел ее домашних
 Стала эта рани часто плакать.

И куда ее девалась гордость?
Вот как у метельщика простого
Рани научилась вере в Вишну.

Но дворцовый жрец ей строго молвил:
«Как тебе не стыдно, махарани!
Робидаш рожден в нечистой касте,
Прах метет он по дорогам пыльным,
Ты ж ему, как гуру, поклонилась.
Никнет голова моя седая
Здесь, в твоём столь нечестивом царстве».

«О святой отец! — сказала рани. —
Тысячи узлов обыкновенья
День и ночь ты только вяжешь крепко, —
А как золото любви возникло,
Ты его и не заметил вовсе.
Пусть в пыли дорожной мой учитель —
Подобрал он золото во прахе,
Чистую любовью он гордится.
Ты суров, жесток и тверд как камень.
Мне же надо золота живого,
Пыли дар я радостно приемлю».

ЗАВЕРШЕНИЕ ОМОВЕНИЯ

Недвижим был гуру Раманондо
В водах Ганги, обратясь к востоку.
Вот волны коснулся луч волшебный,
Ветер утра заплескал в потоке.
Гуру Раманондо прямо смотрит
На всходящее, как роза, солнце.
Про себя он говорит: «О боже,
Ты в душе моей не проявился!

Подыми свою завесу, боже!»
Солнце поднялось уже над рощей,
Забелел на быстрых лодках парус,
И по небу ярко-золотому
Цапли полетели над болотом.
Омовенье гуру не кончалось.
Ученик спросил: «Зачем так долго?
Час богослужения проходит».
Раманондо юноше ответил:
«Не настало очищенье, сын мой.
Воды Ганги — далеки от сердца».
И подумал ученик: «Что это?»»

Луг горчичный залит ярким солнцем.
Свой товар цветочница приносит,
И молочница идет с кувшином.
Душу гуру что-то осенило;
И тотчас же вышел из воды он
И направился сквозь рощу джхау
И сквозь щебетанье шумных птиц.
Ученик спросил: «Куда идет ты?»
Там ведь нет жилища благородных».
«Омовенье я иду закончить».

За песчаной отмелью селенье.
В улочки селенья входит гуру.
Тень густа от листьев тамаринда,
А по веткам обезьяны скачут.
Там жильё сапожника Бхаджона.
Запах кожи издалёка слышен.
И кружит по небу злобный коршун.
Кость грызет собака у дороги.
Молвил ученик: «Что это, боже?»
И, нахмуясь, за селом остался.

И сапожник поклонился гуру,
Осквернить боясь его касаньем.
Гуру поднял ласково Бхаджона
И к груди прижал его сердечно.
Тут Бхаджон смущенно всполошился:
«Что вы совершили, повелитель?
Вашей святости коснулась скверна».
Но ему ответил Раманондо:
«Шел я к Ганге, обойдя селенье,
Потому-то с Тем, кто очищает,
Мне сегодня не было слианья.
А теперь в телах обоих наших
Очищающий поток пролился.
Днем не мог я поклониться богу
И сказал: «Во мне твое сиянье».
Почему же то, что не случилось,
Вдруг произошло теперь так явно
У обоих нас в одно мгновенье?
В храм ходить уже не нужно больше».

НЕ К МЕСТУ

Модхумонджори и вьющийся жасмин
Десять лет прожили тело к телу
И на трапезе из утренних лучей,
Расправляя листья, повторяли:
«Вот и мы!»
Между веток их была борьба
Вечная за обладанье местом,
Но она в их душах никакой
Злобной черноты не оставляла.

Но однажды в неблагоприятный час
Тот жасмин, не знающий сомнений,

Неразумно ветку протянул
К сети тонких нитей из металла,
Не поняв, что те — другой породы.

Но в конце срабона в небесах
Груды белых облаков собрались
И на шаловый спустились лес.
Сразу утро золотистым стало,
Охмелел жасмин в своих цветах,
И вокруг покой и мир царили,
И от перелета гулких пчел
Шефали дрожала тень живая.
В полдень голубь там заворковал,
Все вокруг объято было негой.
На закате в день осенний тот
В облачках игра возникла красок,
И тогда-то появились там
Лампы электрической друзья.
И глаза их кровью налились,
И жасмин им дерзким показался:
Как он смел ненужностью своей,
То затмить, что так необходимо.
Острый крюк забросили они
И цветы жасмина оборвали;
И тогда лишь осознал жасмин,
Что те ниточки — другой породы.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

С тех пор, как в чашу смерти Иисус,
Незванных ради, привлеченных шумом,
Бессмертье положил своей души,
Уж миновало много сотен лет.
Сегодня он спустился ненадолго

Из вечного жилища в бранный мир
И увидал порок, что ранил прежде:
Надменный дротик и кинжал лукавый,
Свирепая изогнутая сабля.
Сегодня быстро лезвия их точат
Об камень, прочь отбрасывая искры,
На фабриках огромных, полных дыма.

И самая ужасная стрела
В руках убийц недавно засверкала,
И жрец на ней свое поставил имя —
Ногтями на железе нацарапал.
Тогда Христос прижал к груди ладони,
Он понял: нет конца мгновеньям смерти,
Кует наука много новых копий,
Они ему вонзаются в суставы,
И люди, что тогда его убили,
Безмолвно притаясь во мраке храма,
Сегодня вновь во множестве родились.
С амвона слышен голос их молитвы,
И так они бойцов-убийц сзывают,
Крича им: «Убивайте! Убивайте!»
Сын человеческий воскликнул в небо:
«О боже правый! Бог людей, скажи мне,
Почто, почто оставил ты меня?»

ПАЛОМНИЧЕСТВО

1

Как долго длится ночь?

Ответа нет.

Во мгле веков слепое время кружит.

Неведом путь, дорога неизвестна.

И у подножья гор такая тьма,

Словно в глазницах мертвого ракшаса,
И груды облаков закрыли небо,
И чернота в пещерах и лощинах,
Как будто ночь разорвана на части.
На горизонте огненное буйство.
Быть может, это око злой планеты?
Иль голода предвечного язык?
Кругом предметы — словно бред тифозный,
Зарывшиеся в пыль остатки жизни:
То мощная разрушенная арка,
То мост забытый над рекой безводной,
Алтарь в змеиных норах, храм без бога
И лестница, что в пустоту ведет.
Вдруг в воздухе раздался грозный гул.
То ль рев воды, берега ущелья рвущий?
Иль мантра к Шиве, что шадхок бормочет,
В безумной пляске бешено кружась?
Иль гибнет лес, охваченный пожаром?
И в этом реве тайный ручеек
Неясные сквозь шум приносит звуки;
И он — поток той лавы, что вулканом
Извергнута; в нем низкая молва,
И шепот зависти, и резкий смех.
А люди там — истории листки,
Снуют туда-сюда.
От факельного света и от тени
Татуировка ужаса на лицах.
Вдруг, беспричинным схвачен подозреньем,
Безумец бьет соседа своего;
И тут и там уже бушует ссора,
И женщина какая-то рыдает
И шепчет: «Наш несчастный сын погиб».
И, в сладострастье утонув, другая
Бормочет: «Все на этом свете — вздор».

2

Сидит недвижно на вершине горной
 В безмолвье белом тот, кто предан богу.
 Взгляд зоркий в небе ищет света луч.
 Чернеют тучи, филины кричат,
 Но он вещает: «Не пугайтесь, братья,
 И помните, что человек велик».
 А те — лишь силе изначальной верят
 И праведность зовут самообманом.
 И, получив удар, кричат: «Где брат наш?»
 И слышится в ответ: «С тобою рядом».
 Во тьме не видят. Спорят: «Эта речь —
 Одно притворство, чтоб себя утешить.
 И человек бороться будет вечно
 За право обладать пустым виденьем
 В усеянной колючками пустыне».

3

Светлеет небо.
 Звезда рассвета на востоке блещет,
 Земля вздохнула вздохом облегченья,
 Листва лесов волнами заходила,
 На ветках птицы сладостно запели.
 И предводитель рек: «Настало время!»
 Какое время?
 Время выступать,
 Движения, паломничества время.
 И вот сидят и думают они.
 Смысл слов его — для них остался темен,
 По-своему его постигнул каждый.
 Коснулось утро глубины земной,
 И корни бытия пришли в движенье.
 Откуда-то донесся слабый голос,
 И на ухо он людям стал шептать:

«Пришла пора пуститься в путь — к успеху!»
 И это слово в горле у толпы
 Движенье обрело в порыве мощном;
 Мужчины к небу обратили взор,
 Ладони у чела сложили жены,
 Обрадовались, засмеялись дети.
 Украсил луч сандаловым узором
 Чело ведущего, и все вскричали:
 «О брат наш, почитаем мы тебя!»

4

Паломники сходились отовсюду —
 Через горы, море, по степям бескрайним;
 Из той страны, где Нил, и той, где Ганга;
 С Тибета — плоскогорья ледяного,
 Из сдавленных стенами городов,
 Путь прорубая сквозь леса густые.
 Тот — на коне был, на слоне другой,
 Кто — в колеснице под роскошным стягом.
 Жрецы читали разные молитвы,
 Прошел раджа с вооруженной свитой
 Под неумолчный гулкий гром литавр,
 Монах буддийский в рубище явился,
 Прошли, сияя золотом, вельможи,
 И, оттолкнув учителя проворно,
 Явился легким шагом ученик.
 А женщин сколько — дев и матерей,
 На блюдах их сандал, питье в кувшинах.
 Блудницы там, их голоса крикливы,
 Наряды поражают пестротой.
 Идут, идут хромые и слепые
 И те святоши, что святым торгуют
 И бога на базаре продают.
 Успех — вот их кумир! Их речь темна.

В великом имени запрятав алчность,
Оправдывают речь ценой огромной.
Грабеж бесстыдный, жадность тел нечистых
Заманивают мнимым раем всех.

5

Путь беспощадный камнями усеян.
Но предводитель шел, за ним другие.
Старик и мальчик; и сосущий землю,
И тот, кто за бесценок пашет землю.
Изранил кто-то ноги и устал;
Другой разгневан; кто-то весь в сомненьях.
Считают каждый шаг. Когда ж конец?
Но предводитель только песнь поет.
Их брови хмуры, нет пути назад.
Движенье человеческого кома
И тень надежды их влекут вперед.
Спят мало и почти не отдыхают,
Друг друга обогнать они хотят,
Боится каждый оказаться лишним.

А день идет за днем.

День уступает место новой дали.
Неведомое тайнам знаком манит.
И все суровой выраженье лиц.
И все грознее, все сильнее упреки.

6

Настала ночь.

Постлали все циновки у баньяна.
Погас светильник от порыва ветра.
Густы потемки — непрогляден сон.
И вдруг один в толпе людей встает,
На вожака указывает пальцем
И говорит: «Ты, лжец, нас обманул!»

Упрек из уст в уста перелетая,
Сгущался. Брань мужчин, проклятья жен
Гремели, а один из смельчаков
Ударил вожака с огромной силой
(Лицо его скрывалось в темноте).
И все они вставали, чтоб ударить.
К земле припала жизнь, утратив тело.
Оцепенела ночь — тиха, безмолвна.
Источник где-то близко рокотал,
И в воздухе жил нежный дух жасмина.

7

Наполнил души путников испуг.
Рыдают жены. Им кричат: «Молчите!»
Залаявшего пса огладил хлыст,
И смолкнул лай.
Ночь тянется, не хочет уходить,
И спор о преступленья все острее.
Кто говорит, кто плачет, кто орет.
Уже кинжал готов покинуть ножны,
Но в это время тьма небес ослабла.
Заря, светлея, разлилась по небу,
Паломники внезапно замолчали.
Как пальцем указательным коснулся
Луч солнечный кровавого чела,
И во весь голос зарыдали жены.
Ладонями мужья закрыли лица.
И кто-то убежать хотел, но тщетно —
Цепь преступленья связывала с жертвой.
Слышны вопросы: «Кто нам путь укажет?»
И старец из страны восточной молвил:
«Тот и укажет путь, кого убили».
Все головы понуро опустились.
И старец снова рек: «Его отвергли,

В сомнении и гнѣве погубили,
Теперь его в любви мы возродим.
Он смертью возродился в нашей жизни.
Он — величайшій, победившій смерть!»
Тогда все встали и запели хором:
«Хвала тебе, о победившій смерть!»

8

И юноши вдруг стали старших звать:
«Отправимся же в путь — к любви и силе!»
И много тысяч голосов вскричало:
«Мир этот завоюем и иной».
Уже не цель ведет их, а порыв.
Движенье общей воли смерть осилит.
Сомнений нет, пред нами ясный путь.
И нет уже усталости в ногах.
Душа убитого внутри их и вокруг:
Ведь он победу одержал над смертью,
Перешагнув уже границу жизни.
Идут полями, где посев окончен,
И вдоль хранилищ, где лежит зерно.
Идут по той земле неплодородной,
Где ждут их те, что худы, как скелеты.
Идут по многолюдным городам.
Идут они по местности пустынной,
Где прошлое в своей померкло славе.
Мимо домов — разрушенных, несчастных,
Что, кажется, глумятся над жильцами.
Влачится время жгучего бойшака.
Под вечер вызывают звездочета:
«Не арка ли вон там надежды нашей?»
«Нет, то закат окрасил облака».
И юный голос раздается: «Братья,
Сквозь ночь должны мы пробиваться к свету!»
Они идут во тьме.

Дорога словно помогает им.
 Пыль направляет их, ступней касаясь.
 Безмолвно звезды говорят: «Идите!»
 И слышен глас убитого: «Не медлить!»

9

В лесной листве, забрызганной росой,
 Заря лучами первыми сверкнула.
 И звездочет промолвил: «Мы пришли».
 До горизонта с двух сторон дороги,
 Шевелятся колосья в мягком ветре —
 Ответ земли небесному посланью.
 Из горного села в село у речки
 Поток людей струится, как обычно.
 Гончарный круг вращается, гремя.
 Несет дрова на рынок дровосек.
 Пастух на поле выгоняет стадо.
 К реке кувшины девушки приносят.
 Но где оплот раджи? Где рудники?
 Где книги мантр, в которых смерть и мука?
 Ученый молвил: «В знаках нет ошибки,
 Сюда веди и здесь остановились».
 Так он сказал и голову склонил
 И к роднику затем сошел с дороги.
 Вода из родника течет, как свет,
 Как утра песнь, в которой смех и слезы.
 И хижина невдалеке, меж пальм,
 Окружена недвижностью стоит.
 Поэт к порогу с берегов нездешних
 Пришел и просит: «Мать, открой мне дверь!»

10

Луч солнца тронул запертую дверь.
 И люди все почуяли в себе
 Слова рожденья: «Мать, открой мне дверь!»
 И дверь открылась.

Мать на траве сидит, в руках — младенец,
Словно в руках зари — звезда рассвета.
Коснулось солнце головы младенца.
Коснулся струн поэт и песнь запел:
«Да славится родившийся, бессмертный!».

Все слышавшие стали на колени:
Раджа и нищий, праведник и грешник,
Глупец и мудрый. И провозгласил:
«Да славится родившийся, бессмертный!»

ОТПУСТИ

Выпусти на волю, отпусти, —
Как я объясню тебе куда?
Там в благоухании сирис,
Крылышки пчелиные дрожат;
Там плывут по небу облака;
Там печалит душу голос вод
В час перед восходом звезд вечерних;
Там остановились все вопросы,
Память не бормочет о былом,
В комнате пустой, лишая сна,
Ночью, когда только дождь идет;
Там, где наконец моя душа,
Как баньян на пастбище, недвижна
У дороги, что ведет в селенье:
Кто-нибудь приходит и сидит
У подножья два иль три часа;
А другой на флейте поиграет,
Иль носильщики в усталый полдень
Опускают паланкин с невестой;
Темной части месяца пройдет
Ночь десятая — под звон дикад,

С тенью слабый свет луны сольется.
Днем и ночью движется поток
Появления и исчезновения;
Не хочу удерживать людей,
Но и отдавать их не желаю,
Отпускает плыть звезда ночная
Снов светильник в утреннюю свежесть
И уходит, не сказав куда.

ЖИЛИЩЕ ПЕСНИ

Вы — две птицы,
Почему ж при встрече вашей
Сразу песня смолкла в горле?
Как от фейерверка искры
Во все стороны летят,
Так и жар разлуки вашей
Посреди глубокой ночи,
Зазвучав, леса наполнил.
Песнь, однако, не возникла:
Ветер относил те звуки
В тень лесов на горизонте.

Строим мы любви жилище,
Стену вечную возводим
Мы из звуков песни этой;
Нестареющее слово
Ищем мы для кладки храма.
Люди слышат песнь любви,
Поселившуюся в душах.
Эта песнь великой стала —
Всюду и всегда звучит
Уходя корнями в землю,
Унеслась она с земли

В райский мир воображенья.
В легкой пляске жизнь проходит,
Словно в пляске нежных крыльев.
Трепетной любви жилище
Строится само собой
В мягкой грудке, в мире птичьем.
Сочная прекрасна зелень.
Звоном, шелестом полна,
Колебанием листьев гладких,
В ней дрожит восторг цветов:
Время, заменяя краски,
Красит мир волшебной кистью;
Тут же — память и забвенье
Как две бабочки порхают
В тишине на легких крыльях,
Свет и тень вводя в игру.

Строим мы, скрепляя соком
Наших собственных страданий,
Дом, чтоб скрыться в нем от пыли,
Изгородь вокруг поставив,
Бережем любви жилище
И вот эту песнь поем.

* * *

В неизменном нашем мирозданье
Мерно кружат жернова страданья,
Рассыпаются планеты, звезды.
И внезапно вспыхивают искры,
Мчатся вихрем в разные концы,
Чтоб покрылись пеленою пыли,
Поднятой ужасным разрушеньем,
Горести и боль существованья.
В кузне, где куют орудья пыток,

На горящем дворике сознанья,
Дротиков и копий слышен звон;
Хлещет кровь из раны человека.
И хоть слабо тело человека —
Он не гнется под громадой боли!
Созидание и смерть пируют;
Тянет человек к ковшу вселенной
Чашу с обжигающим напитком,
Опьяняет всех творец — зачем
Тела глиняный сосуд наполнил
Бред кровавый, весь залил слезами?
Человек большую цену платит,
Так живя и чувствуя все это.
Разве можно что-нибудь сравнить
В медленном движении тел небесных
С даром тем, что от людей приемлет
Жертвенник телесного страданья?
Вот богатство храбрости победной!
Вот оно — отважное терпенье!
Вот оно — бесстрашие перед смертью.
Видите — пустыней раскаленной
Толп людских поход непобедимый,
Достигающий границ страданий
Вечного паломничества ради,
Вечного в пути объединенья!
Вот родник любви в огне ущелья!
Вот запас бездонный милосердя!

* * *

Плоть моя, плененная болезнью,
Скованную речь в себе несет.
Немощная речь в мерцанье света
Словно строит тусклую темницу.
Если с гор поток стремится мощный,

Чтоб победу одержать над далью,
Рев его могучий и немочный
Отрицает тесноту ущелья,
Заявив права на все на свете.
Если же его течение тихо,
Мощь теряя в засуху бойшакха,
Глохнет и шуметь перестает,
Сам себе казаться начинает
Он тогда бессильным ручейком;
И его усталое течение
В углубленьях пропадает разных.
Так и речь моя в плену болезни
Утерjala прежнюю решимость,
Нету даже силы упрекать
Ту усталость, что во мне скопилась.
Мгла больной, в себя ушедшей жизни
Застилает этой жизни взор.

О восходящее над миром солнце,
Озари мое ты созерцанье
Светом утренним с такою силой,
Чтоб увидел я свой ясный образ
В середине твоего сиянья;
Нищету души моей ослабшей
Золотым сокровищем своим
Уничтожь —
С позором ночи вместе!

* * *

Когда живую куклу
Небесный создает творец,
Что с нею происходит в мире —
То знаю я
Теперь, когда я стар

И жизнь идет к концу.
Моя совсем померкла слава,
И тут мои деянья не в почете.
По запрещению и по приказу
Ложусь, встаю, сижу.
«Молчите, — говорят, —
Вам много разговаривать нельзя»,
«Теперь пора поесть».
Все эти повеленья и приказы
То как упрек звучат, то как угрозы,
И кто их произносит,
Тот был еще недавно в детской
И так же с куклой сломанной играл.
Я кое-как
Сопротивляться пробую,
Затем смиряюсь
И поступаю, как они велят.
И думаю покорно про себя:
«Моя судьба-старуха отдала
Груз управления мной на время в руки
Другой судьбы, сама ж хитро смеется,
Как падишах смеялся, подготовив
Через Абу Хассана
Незаметно».
Я восставал нередко в царстве жизни,
А в этом царстве я признал
Тот жезл,
Который стебля лотоса нежнее —
И ярче молнии
Его недвижимый перст.

* * *

Когда к выздоровленью наконец
Мне жизнь свое прислала приглашенье,

В тот незабвенный и недавний день
Она так щедро подарила мне
Способность мир по-новому узреть.
И золотом затопленное небо —
Как коврик созерцанья
Отшельника всевышнего.
И сокровенный изначальный миг,
Времен исток,
Открылся предо мной.
И я постигнул, что мое рожденье
Нанизано на нить рождений прежних;
И словно солнца семицветный свет, —
Так зрелище в одном себе хранит
Поток других, невидимых творений.

* * *

Дверь раствори;
Пусть взор мой тонет в синеве небесной,
Пусть запахи цветов сюда проникнут,
А свет лучей начальных
Наполнит тело, в каждой будет жилке.
Я жив! — Пусть вновь услышу это слово
В листве, что шелестит.
А это утро
Пусть покрывалом душу мне накроет,
Как юные зеленые луга.
Я в этом небе чую
Немой язык любви,
Которая в моей царила жизни.
В ее воде свершу я омовенье.
Мне правда жизни мнится ожерельем
На беспредельной синеве
Небес.

* * *

Когда в сетях невыносимых мук
Беспомощным я вижу человека,
Я и представить даже не могу,
Что для него возможно утешенье;
Но под влияньем собственных страстей
Я корень этой муки знаю,
Хоть в этом знанье утешенья нет.
Коль мне известно,
Что истина высокая таится
За волей человеческой души,
Что радостей и мук она превыше,
Я начинаю понимать, что люди,
Той истиной питающие души, —
Цель высочайшая всего творенья.
Они — одни они,
И, кроме них, — никто.
А те другие,
Что в плену
Обыденных привязанностей тонут,
Подобны тени —
И мнимы муки их,
И радость их обманна.
И боль их ран, хоть и неумолима,
С мгновеньем каждым меркнет,
В истории следа не оставляя.

* * *

В переплетении мира лесного
Все осуждаешь ты снова и снова.
Если ты скажешь о целях природы
Высокомерно: «В грядущие годы
Засухи песня везде зазвучит»,
Лакшми лесов не запомнит обид.

Ибо живущий не может не знать
 То, что, желая другим доказать,
 Будто бы песня, что утром пропета,
 Соком пьяня обиталище света,
 Будто бы песня такая ужасна,
 Будто бы песня такая злосчастлива, —
 Больше потратит на это труда.
 Все же пребудет таким как всегда.
 Станет вдруг слышно, как в это мгновенье
 Птицы лесные, не зная сомненья,
 Гимном торжественным вечной весне,
 Пением радостным мир наполняя,
 Вместе взлетев, запоют в вышине.

* * *

Когда тебя во сне моем не вижу,
 Мне чудится, что шепчет заклинанья
 Земля, чтобы исчезнуть под ногами.
 И за пустое небо уцепиться,
 Поднявши руки, в ужасе хочу я.
 В испуге просыпаюсь я и вижу,
 Как шерсть прядешь ты, низко наклонившись,
 Со мною рядом неподвижно сидя,
 Собой являя весь покой творенья.

* * *

Чаша та полна страданий — о возьми ее скорей,
 Сердце пусто и печально — пей ее, любимый, пей.
 С чашей я всю ночь бродила, от себя гоня покой.
 Ты с меня ночное бремя снимешь, друг мой дорогой!
 В цвет надежды, в цвет желанный вновь окрасилась волна,
 Ярко-алыми устами пей печаль мою до дна.
 С ней вдохнешь ты ароматы наступающего дня
 И сияньем глаз любимых щедро наградишь меня.

* * *

Когда сквозь сумрак предо мной, как сон, прошла она,
 Еще над темною рекой свет не лила луна.
 О неизвестная, тобой душа обожжена,
 Прикосновением твоим, как песнею, полна.
 Но ты ушла, исчезла ты, печальна и одна,
 И в лунных радужных лучах сияет вышина.
 Гирлянда у тропы твоя под месяцем бледна,
 Как ожерелье, мне она на память отдана.

У РАСКРЫТОГО ОКНА

Окно открыто в комнате пустой,
 И безмятежен полдень золотой.
 Мне песня вдруг послышалась вдали,
 Как тайный голос из глубин земли,
 Таким блаженством эта песнь полна,
 Что в синеву душа унесена.
 Кому мне гимн восторженный сложить?
 Кого за песню мне благодарить?
 В молчанье сердце тянется к словам,
 В которых все звучит на радость нам.
 Утихла страсть — пожаром не горит,
 «Я счастливо», — мне сердце говорит.

САНТАЛЬСКАЯ ДЕВУШКА

Под деревом шимул проходит она
 Тропинкою узкой, легка и стройна,
 Под серою сари и алой,
 А родом она из Сантала.
 Ее создавал вот такой молодой
 Художник рассеянный и святой,
 Задумавшись о зарнице,
 Об облачке летнем и птице.
 Ей, правда, лишь крыльев недостает,
 Но в поступи чувствуешь легкий полет.
 Туда и обратно проходит она —

В запястьях рука ее обнажена,
И ей нагружают на спину
С тяжелой землею корзину.
Край сари ее отогнулся, шурша,
Как алое пламя цветка палаша.
Зимы бесконечной приблизился срок,
И южный повеял опять ветерок,
И светятся листья отрадно
В сиянии солнца прохладном.
Проходят часы — это вечер настал.
И где-то поблизости гонг прозвучал.
Смотрю я и думаю с чувством стыда,
Что та, что прекрасна и молода,
Свое приготовила тело
И дух — для высокого дела,
Что хочет в деревне родной послужить
Тому, с кем судьба ей назначила жить,
А я же ее нанимаю
И силы бесценной лишаю.
Ты горче чем горечь,
Чем соль солоней,
О горе, о горе!
Отчизне моей.

* * *

Он одинок. Но со стены упрямо
Портреты близких на него глядят —
Лицо жены задумчивой и грустной,
Которой нет уже давно в живых,
И сына взгляд мечтательный и ясный,
Уехал сын, уехал далеко.

А за окном, унынье нагоняя,
Все льется дождь,
и нет ему конца.

СЧАСТЬЕ

Голубизной своей первоначальной
Сияет свод небесный беспечальный.
Ни облака, а свежий ветер прочит
Меня в друзья, он ластится, лопочет,
И льнет ко мне, и край одежды белой
Теребит он, как сонной, смуглотелой
Жены ладонь, докучливой и скучной.
Плывет ладья по Падме тихозвучной.
Река отлогий берег затопила,
Но рыжий плес вдали залить забыла.
Он чудищем на солнце развалился,
А справа крутизна, где вдруг завился
Язык тропинки, что с горы сбежала
И там — шершавая — к воде припала.
А женщины поодаль за откосом
Полощутся и распустили косы.
Доносятся купальщиц разговоры,
И плеск воды, и звонкий смех, и споры.
Старик рыбак подставил солнцу спину,
Свой невод жилистой рукой закинул.
А со скалы в речную воду смело
Мальчишка прыгает. Его нагое тело
На волны шлепнулось. Пловец счастливый,
Резвясь, ныряет в речке терпеливой,
Как любящая мать. А там высоко
На небе облако плывет. Осока
Прибрежная, поля, леса и горы —
В снопах лучей горящие просторы
Роскошных манго из садов прибрежных,
Благоухание и птицы щебет нежный —
Весь нынче этот мир такой отрадней
Источник счастья, верю я, громадный,

А счастье простотой меня пленило
И сходством с детскою улыбкой милой
На пухленьких губах полуоткрытых,
В которых сладость поцелуя скрыта.
Ведь счастье смотрит на людей с улыбкой
Надежды детскою, трепетной и зыбкой,
И счастье в небеса летит, взвиваясь
Как песня дивная, звеня, переливаясь.
Оно вины всемирной плод. Откуда
Мне взять слова и звук для песни-чуда?
Где тот простой язык, который нужен,
Чтоб описать того, с кем стал я дружен?
Где губы взять, чтобы сложить мне эту
Простую жизнь? Как быть теперь поэту?
Чтоб радость жизни в дом внести цветущий
Необедненной, чистой, всемогущей,
Чтоб справиться с задачей этой трудной,
Не упустить находки редкой, чудной,
Ее зажму в кулак. В слепом порыве
Спешу, стремлюсь вперед к тому обрыву,
Где цель видна — ищу ее, но цели
У моего порыва нет. Синели
Речные волны чистоты кристальной —
Простое счастье жизни изначальной.

Сумитранандан Пант

ДВА МАЛЬЧУГАНА

Дом мой на пригорке, и ко мне во двор
Двое мальчуганов ходят с давних пор.
Полуголы, смуглы, полны свежих сил,
Словно кто-то кукол бегать научил.

Дом они обходят, устремляя взгляд
К мусору, где спрятан драгоценный клад:
Там лежат коробки, пестрых лент куски,
Серебром и золотом блещут ярлыки;
А найдут журнала красочный листок —
Зазвенит веселый детский голосок.
Радостно смеются, бегают кругом,
То видны, то снова скрылись за углом.
Как прекрасны эти голые тела,
Сколько в этих душах света и тепла!
И святая гордость на сердце встает:
Дети человека — вас родил народ.
В форме человека — это человек.
Так в костях и мясе целый мир сокрыт,
И живое тело для души не скит.
Смертный выше духа, что тоской томим,
Кто затоптан в мире, тот владеет им.
В этом мире будет можно, не страшась,
Нежить и лелеять тела с жизнью связь.
Праведность желаний людям суждена,
В мире будет счастье и любви весна.
Мир — для человека, человек — господь.
Это рай, в котором торжествует плоть.
Ничего другого можно не желать!

ПЕСНЯ ЗОЛОТА

Малая птичка полнится счастьем.
Где она песню эту взяла?
Росы на листьях леса блестящи,
Песня, как росы леса, светла,
Словно на каплях, светлых и чистых,
Вспыхнул от песни свет золотистый.

В яркой улыбке девственной Уши
Льется к нам с неба хмель золотой.
Утром сегодня, сон свой нарушив,
Ритм не взяла ль ты девы святой?
Золото в крыльях птицы искрится,
Амрита в песнях нежно струится.

В травах высоких гнездышко свито;
Боль, беспокойство в сердце твоём.
Птичка, откройся: было ль пробито
Робкое сердце нежным копьем?
Иначе как же в чаще безлюдной
Песня моя — у тебя, безрассудной?

Ночью ли знахарь темной науки
Вдул тебе в сердце этот мотив?
Днем ли взметнулись в золоте руки,
Амритой светлой птицу вспоив?
Песню верни мне, девочка-птица,
Дай золотистой в дом возвратиться!

АВТОРУ «АНАМИКИ», ПОЭТУ СУРЬЯКАНТУ
ТРИПАТХИ НИРАЛА

Поэт, поток твоих стихов разрушил лжи твердыню;
Прочней и выше, чем утес, она была доньше.
Им сметена, разнесена рутина вековая.
О, как свободно льется он, себе преград не зная.

Художник создал горный ключ с водой серебрястой,
Он весь хрусталь, он весь кристалл, стремительный
и чистый.

Из хрусталя себе воздвиг обитель славы гений,
Застыла в камне красота премудрых озарений.

Там в каждом слове блещет пик холодных Гималаев,
Там взлет мечты, вселенной гул и радость неземная.

И в каждом звуке гений твой по-новому проявлен,
Цветок Сарасвати святой, навеки ты прославлен.

Так сын Бессмертия — поэт не встретит увяданья,
Самой Сарасвати живет в его стихе звучанье.

БЕЗЛЮДНАЯ ДОЛИНА

Есть безлюдная долина, озаренная луной,
Там от дремлющих деревьев запах терпкий и хмельной.
Дышат персиков бутоны и лимонов лепестки,
Ароматами насыщен лучезарной ночи зной.

От пьянящих ароматов млеют тело и душа,
Сны струятся и мерцают, нежно листьями шурша.
Отблеск с тенью, мрак и блики в колыхании немом,
Что-то пишет яркий месяц в темных чащах камыша.

В глубине рыдает кокил, предвещая долгий путь,
И вздымает птичий голос растревоженную грудь.
Это юности и счастья сокровенный чистый рай,
Там страданий этой жизни незаметна злая муть.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Джозуэ Кардуччи

ЭЛЛИНСКАЯ ВЕСНА

(I. Эолийская)

Лина, зима подступает к порогу,
В холод одетый подьмется вечер.
А на душе у меня расцветает
Майское утро.

Видишь, как искрится в розовом свете
Снег на вершине горы Федриады,
Слышишь, как волны кастальских напевов
В воздухе реют.

В Дельфах священных с треножников медных
Пифии громко и внятно вещают,
Слушает Феб среди дев чернооких
Щелк соловьиный.

С хладного берега к земле Эолийской,
Льдистыми лаврами пышно увитый,
Рея на лебедях двух белоснежных,
Феб опустился.

Зевсов венец на челе его дивном,
Ветер играет в кудрях темно-русых
И, трепеща, ему в руки влагает
Чудную лиру.

Возле пришедшего бога, ликуя,
Пляской встречают его киприады,
Бога приветствуют брызгами пены
Кипр и Цитера.

Легкий корабль по Эгейскому морю
С парусом алым стремится за богом,
А на корме корабля золотится
Лира Алкея.

Сафо, дыша белоснежного грудью,
Ветром наполненной встречным, в томленьи
Нежно смеется и волосы блещут,
Темно-лиловы.

Лина, корабль остановлен, повисли
Весла, взойди на него поскорее;
Я ведь последний среди Эолийских
Дивных поэтов.

Там перед нами страна золотая,
Лина, прислушайся к вечному звону.
И убежим мы от темного берега
К весям забвенья.

Джакомо Леопарди

К ИТАЛИИ

О родина, я вижу колоннады,
Ворота, термы, статуи, ограды
И башни наших дедов,

Но я не вижу славы, лавров, стали,
Что наших древних предков отягчали.
Ты стала безоружна,
Обнажены чело твое и стан.
Какая бледность! Кровь! О, сколько ран!
Какой тебя я вижу,
Прекраснейшая женщина! Ответа
У неба, у всего прошу я света:
Скажите мне, скажите,
Кто сделал так? Невыносимы муки
От злых цепей, терзающих ей руки:
И вот без покрывала,
Простоволосая, в колени пряча
Лицо, она сидит, безмолвно плача.
Плачь, плачь! Но побеждать
Всегда — пускай наперекор судьбе, —
Италия моя, дано тебе!

Двумя ключами будь твои глаза —
Не перевесит никогда слеза
Твоих потерь, позора.
Вокруг все те же слышатся слова:
Была великой ты — не такова
Теперь. О, почему?
Была ты госпожой, теперь слуга.
Где меч, который рассекал врага?
Где сила, доблесть, стойкость?
Где мантий, лент золотых бывшая слава?
Чья хитрость, чьи старанья, чья держава
Тебя лишила их?
Когда и как, ответь мне, пала ты
Во прах с неизмеримой высоты?
И кто защитник твой?
Ужель никто? — Я кинусь в битву сам,

Я кровь мою, я жизнь мою отдан!
Оружье мне, оружие!
О, если б сделать так судьба могла,
Чтоб кровь моя грудь итальянцам жгла!

Где сыновья твои? Я слышу звон
Оружья, голоса со всех сторон,
Литавры, стук повозок.
Италия моя, твои сыны
В чужих краях сражаются. То сны
Я вижу или явь:
Там пеший, конный, дым и блеск мечей,
Как молний блеск? Что ж трепетных очей
Туда не обратишь?
За что сражаются, взгляни в тревоге,
Там юноши Италии? О, боги,
Там за страну чужую
Италии клинки обнажены!
Несчастен тот, кто на полях войны
Не за отчизну пал.
Семейного не ради очага,
Но за чужой народ, от рук врага
Чужого; кто не скажет
В час смерти, обратясь к родному краю:
Жизнь, что ты дал, тебе я возвращаю.

Язычества блаженны времена:
Единой ратью мчались племена
За родину на смерть;
И вы, перевозносимые вовеки
Теснины фессалийские, где греки,
Немногие числом,
Но вольные, за честь своей земли
И персов и судьбу превозмогли.

Я думаю, что путник
Легко поймет невнятный разговор
Растений, и волны, и скал, и гор
 О том, как этот берег
Был скрыт грядюю гордой мертвых тел
Тех, кто свободы Греции хотел.
 И прочь бежал тогда
За Геллеспонт Ксеркс низкий и жестокий,
Чтобы над ним смеялся внук далекий;
 Но холм же, где, погибнув,
Они наши бессмертье, Симонид
Поднялся, озирая чудный вид.

Катились слезы тихие со щек,
Едва дышать, едва стоять он мог
 И в руки лиру взял;
Кто о самом себе забыл в бою,
Кто за отчизну отдал кровь свою,
 Тот счастье испытал;
Вы, Грецией любимы, миром чтимы,
Какой любовью были одержимы,
 Какая страсть влекла
Вас под удары горького удела?
Иль радостным был час, когда вы смело
 Шаг сделали ужасный,
Что беззаботно улыбались вы?
Иль не могильные вас ждали рвы,
 А ложе пышных пиршеств?
Тьма Тартара и мертвая волна
Вас ждали там; ни дети, ни жена
 Вблизи вас не стояли,
Когда вы пали на берегу суровом,
Ничьим не провожаемые словом.

Но там и Персию ждала награда
Ужасная. Как в середину стада
 Кидается свирепый лев,
Прокусывает горло у быка,
Другому в кровь загривок и бока
 Терзает — так средь персов
Гнев эллинов ярился и отвага.
Гляди, средь мертвых тел не сделать шага,
 И всадник пал, и конь;
Гляди, и побежденным не пробиться
Через павшие шатры и колесницы;
 Всех впереди бежит,
Растерзанный и бледный, сам тиран;
Гляди, как кровью, хлынувшей из ран
 У варваров, облиты
Герои-эллины; но вот уж сами,
От ран слабея, падает рядами.
 Живите, о, живите,
Блаженными вас сохранит молва,
Покуда живы на земле слова.

Скорее возопят из глубины
Морской созвездья, с неба сметены,
 Чем минет, потускнев,
О вас воспоминание. Алтарь —
Гробница ваша: не забыв, как встарь
 Кровь проливали деды,
С детьми в молчанье матери пройдут.
О славные, я простираюсь тут,
 Целуя камни, землю;
Хвала и слава, доблестные, вам
Звучит по всей земле. Когда бы сам
 Я с вами был тогда,
Чтоб эту землю кровь моя смягчила!

Но коль судьба враждебная решила
Иначе, за Элладу
Смежить не позволяя веки мне
В последний раз на гибельной войне, —
То пусть по воле неба
Хоть слава вашего певца негромко
Звучит близ вашей славы для потомка!

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Всегда был мил мне этот холм пустынный
И изгородь, отнявшая у взгляда
Большую часть по краю горизонта.
Но, сидя здесь и глядя вдаль, пространства
Бескрайние за ними, и молчанье
Неведомое, и покой глубокий
Я представляю в мыслях; оттого
Почти в испуге сердце. И когда
Услышу ветерка в деревьях шелест,
Я с этим шумом сравниваю то
Молчанье бесконечное: и вечность,
И умершие года времена,
И нынешнее, звучное, живое,
Приходят мне на ум. И среди этой
Безмерности все мысли исчезают,
И сладостно тонуть мне в этом море.

ВЕЧЕР ПРАЗДНИЧНОГО ДНЯ

Безветренная, сладостная ночь,
Среди садов, над кровлями, безмолвно
Лежит луна, из мрака вырывая
Вершины ближних гор. Ты спишь, подруга,
И все тропинки спят, и на балконах
Лишь изредка блеснет ночной светильник;

Ты спишь, тебя объял отрадный сон
В притихшем доме, не томит тебя
Невольная тревога; знать не знаешь,
Какую ты мне рану нанесла.
Ты спишь; а я, чтоб этим небесам,
На вид столь благосклонным, и могучей
Природе древней, мне одну лишь муку
Пославшей, — чтобы им привет послать,
Гляжу в окно. «Отказываю даже
Тебе в надежде я, — она сказала, —
Пусть лишь от слез блещут твои глаза».
День праздничный прошел, и от забав
Теперь ты отдыхаешь, вспоминая
Во сне о том, быть может, скольких ты
Пленила нынче, сколькими пленилась:
Но я — хоть я на то и не надеюсь —
Тебе являюсь в мыслях. Между тем
Я вопрошаю, сколько жить осталось,
И на землю бросаюсь с криком, с дрожью.
О, как ужасны дни среди цветенья
Такого лета! Но недалеке
С дороги песенка слышна простая
Ремесленника, поздней ночью — после
Вечернего веселья в бедный домик
Идущего; и горечь полнит сердце
При мысли, что на свете все проходит,
Следа не оставляя. Пролетел
И праздник, а за праздником вослед
Дни будние, и все, что ни случится
С людьми, уносит время. Где теперь
Народов древних голоса? Где слава
Могучих наших предков? Где великий
Рим и победный звон его оружия,
Что раздавался на земле и в море.

Все неподвижно, тихо все, весь мир
 Покоится, о них забыв и думать.
 В дни юности моей, когда я ждал
 Так жадно праздничного дня, — и после,
 Когда он угасал, — без сна, печальный,
 Я крылья опускал; и поздно ночью,
 Когда с тропинки раздавалась песня
 И замирала где-то вдалеке, —
 Сжималось сердце так же, как теперь.

СОН

Настало утро. Из прикрытых ставен
 Сквозь сумрак темной спальни пробирались
 С балкона солнца первые лучи;
 В тот час, когда особенно легко
 И сладостно смежает веки сон,
 Приблизилась и мне в лицо взглянула
 Тень той, которая любовь впервые
 Внушила мне, в слезах оставив после.
 Казалась мне не мертвой, но печальной,
 Как все несчастные; и, на чело
 Мне руку положив, она спросила:
 «Ты жив? Скажи, хоть тень воспоминанья
 О нас хранишь?» — «Откуда, — я ответил, —
 Ты появилась, милая? О, сколько
 Я по тебе грустил; и я не верил,
 Что можешь ты об этом догадаться,
 И безутешна скорбь моя была.
 Ужель ты здесь, чтоб вновь меня покинуть?»
 Мне страшно это! Что с тобою случилось?
 Такая ль ты, как прежде? Иль твоя
 Душа страдает?» — «Омрачен забвеньем
 Твой ум, его окутывает сон, —

Она сказала. — Я мертва, ты видел
Меня в последний раз давно». Сдавила
Боль страшная мне сердце, как услышал
Я эту речь. Она же продолжала:
«Угасла я во цвете лет, когда
Особенно желанна жизнь и сердце
Еще не знает, сколь надежды тщетны.
И слишком мало удрученный смертный
Прошел, чтобы стремиться к той, чья власть
Освободит его от всякой муки:
И безутешной смерть приходит к юным;
И участь тяжела надежды той,
Что гаснет под землею. Тщетно знать
То, что таит природа от людей,
Не искушенных в жизни, и гораздо
Сильнее, чем их несозревший разум,
Слепая боль», — «О милая, — сказал я, —
Несчастливая, молчи, терзает сердце
Мне эта речь. Ты, значит, умерла,
Моя любовь, а я, я жив, и было
Подсказано судьбой, что смертный пот
Прекрасное чело твое омоет,
А у меня нетронутая пребудет
Вот эта оболочка? Сколько раз
Я думал, что тебя нет больше в мире
И что тебя не встречу никогда,
Но был не в силах этому поверить.
Что смертью именуется? Сегодня
На опыте узнать бы мог я это,
И беззащитное чело избавить
От беспощадной ненависти рока.
Я молод, но, как старость, увядает
И гибнет эта юность. Жизни цвет
Похож на старость, что страшит меня

И все же далека еще. В слезах, —
Сказал я, — родились мы оба, счастье
Не улыбнулось нам, и небеса
Страданием нашим наслаждались жадно;
Но коль слезой ресницы увлажнились,
И бледность покрывала мне лицо
Из-за ухода твоего, и муку
Терплю досель, скажи мне, ты любви
Иль жалости к влюбленному несчастно
Хоть каплю выпила, когда жила?
Тогда влачил печально дни и ночи,
Да и сейчас в сомнениях напрасных
Рассудок гибнет. Если раз хотя бы
Боль за меня тебе сдавила сердце,
Не утай того, молю тебя,
Мне будет легче примириться с мыслью,
Что будущее отнято у нас».
Она в ответ: «Несчастный, ободрись,
Скупой на жалость не была тогда я,
Да и теперь ее не прячу — я
Сама была несчастна. Не рыдай
Над этой бедной девушкой отныне».
«Во имя всех несчастий и любви,
Терзающей меня, — воскликнул я, —
Во имя нашей юности и тщетных
Надежд позволь, о милая моя,
Твоей руки коснуться». И она
Печально, нежно протянула руку.
Я целовал ее и от блаженства
Томительного трепетал, к груди
Я, задыхаясь, прижимал ее.
Лицо мое покрылось потом, голос
Пресекся, день померк в моих глазах.
Тогда она, так ласково взглянув

В лицо мое, сказала мне: «О милый,
 Ты забываешь, что красы своей
 Лишилась я; и ты горишь любовью
 Напрасно, друг несчастный, и трепещешь.
 Теперь прощай! Отныне в разлученье
 Пребудут наши души и тела,
 Несчастные навеки. Для меня
 Ты не живешь и больше жить не будешь;
 Рок разорвал твои былые клятвы».
 Тогда, от муки застонав, в слезах
 Рыданий безутешных, ото сна
 Освободился я. Но все в очах
 Она стояла, и в луче неверном
 Казалось мне, что видел я ее.

НОЧНАЯ ПЕСНЬ ПАСТУХА, КОЧУЮЩЕГО В АЗИИ

Что делаешь на небе ты, Луна?
 Безмолвная, ответь.
 Восходишь вечером, бредешь одна,
 Пустыни созерцая, — и заходишь.
 Ужель ты не пресытилась опять
 Извечною тропой
 Идти и вновь долины узнавать
 Все те же под собой?
 Не так ли пастуха
 Жизнь тянется, как эта?
 Встает он с первым проблеском рассвета,
 Скотину гонит, видит
 Стада, ключи и травы;
 Потом, устав, во тьме смыкает вежды,
 И ни на что другое нет надежды.
 Ужели не гнетет

Жизнь эта пастуха,
А жизнь твоя — тебя? Куда стремится
Путь краткий мой и твой извечный ход?
Старик седой и слабый,
Босой, полуодетый,
С вязанкой дров тяжелой за спиной,
Под ветром, под дождем, в полдневный зной,
По кручам, по долинам,
По камню, по песку, через кусты,
По ледящему покрову снега,
Бежит и задыхается от бега;
Пересекает и поток, и топь;
Упав, встает; спешит все больше, больше,
Не смея отдохнуть;
В крови, изранен; наконец приходит.
Сюда его вели
Дорога и страданья:
Огромный, страшный перед ним обрыв.
Он низвергается, все в миг забыв.
Гляди, Луна невиннейшая, вот
Как смертный человек внизу живет.
В мученьях он родится,
В самом рожденье — сразу смерть таится.
Боль и страданье — первое, что он
Испытывает. С самого начала
Отец и мать его хотят утешить
В том, что родился он;
Потом он вырастает —
Они его лелеют; и потом
Словами и делами много лет
Приятное ему стремятся сделать,
Смысл бытия открыв, утешив этим:
По отношению к детям
Любовней долга нет.

Но для чего тогда рождать на свет
 И для чего поддерживать жизнь в том,
 Кто просит утешенья?
 Коль жизнь людей несет несчастье им,
 Зачем ее мы длим?
 Светило целомудренное, вот
 Как человек живет;
 Но не из смертных ты,
 И речь моя вотще к тебе плывет.

Но, странница извечная, одна,
 Задумчивая, ты, быть может, знаешь, —
 Что есть земная жизнь,
 Страданье наше, наши вздыханья;
 И что есть смерть — что означает бледность
 Последняя в лице,
 И гибель всей земли, исчезновение
 Привычного, возлюбленного круга.
 Конечно, понимаешь
 Ты суть вещей и что земле несет
 Закат или восход,
 Бег времени безмолвный, бесконечный.
 И знаешь ты, какой своей любви
 Весна улыбку дарит;
 Кто зноя ждет и для кого зима —
 Что темная тюрьма.
 Тебе открыты тысячи вещей,
 От пастуха простого скрытых тайной.
 Порой, когда гляжу я на тебя,
 Как ты безмолвно светишь на равнину,
 У горизонта слившуюся с небом,
 Или бредешь со стадом,
 Как я, дорогой длинной;
 Когда гляжу, как небосвод обилен

Созвездьями, я мыслю:
 Зачем такое множество светилен?
 И беспредельность воздуха? и глубь
 И ясность неба без конца? что значит
 Огромная пустыня? что я сам?
 Так рассуждаю про себя: о зданье
 Безмерном, горделивом,
 И о семье бесчисленной; потом
 О стольких муках, о движеньях стольких
 И на земле и в небе всяких тел —
 Вращенью их отыщется ль предел?
 Откуда двинулись — туда вернулись;
 Разгадки не добиться,
 Что пользы в том и где плоды. Но ты,
 Ты знаешь все, бессмертная юница.
 Мне ж смысл один лишь ведом,
 Что сей круговорот,
 Что бренное мое существованье
 Других, быть может, к благу и победам,
 Меня же — лишь к несчастью приведет.

Ты счастливо, о дремлющее стадо,
 Скрыт от тебя твой жалкий жребий. Как
 Завидую тебе я!
 Не потому лишь, что тебе не надо
 Страдать; что все лишенья,
 Страх, тяготы ты тотчас забываешь;
 Но потому, что скуки отвращенья
 К бегущим дням не знаешь никогда.
 Ты на траве в тени —
 Спокойно и довольно;
 И большую часть года,
 Не зная скуки, так проводишь ты.
 Я ж на траву сажусь, укрытый тенью,

Но дух мой предается отвращенью,
 Как бы ужален шпорой;
 И мечется душа моя, которой
 Покоя нет и места не найти.
 А я ведь не желаю ничего,
 И не было еще причин для слез.
 Ты счастливо. Ответить на вопрос:
 Чем счастливо и как? — мне не дано.
 Я ж мало наслаждений знал еще,
 О стадо, но не только это больно.
 Когда б могло ты говорить, то я
 Спросил бы лишь одно:
 Скажи мне, почему
 В благополучной праздности — довольство
 Находят все наперечет,
 А я — лишь отвращение и гнет.

Вот если б я в заоблачный полет
 На крыльях мог умчаться,
 Чтоб бездна звезд мне вся была видна,
 Чтоб я, как гром, бродил в горах — я был бы
 Счастливее, о сладостное стадо,
 Счастливей, о безгрешная Луна!
 Иль, может быть, не прав, когда гляжу я
 На чью-то жизнь чужую;
 Все так ли будет иль наоборот,
 Родившимся — несчастья груз сполна
 Их первый день несет.

ПОКОЙ ПОСЛЕ БУРИ

Вот миновала буря:
 Я слышу, как ликують птицы; снова
 Выходит курица во дворик, повторяя
 Стишок свой. И небес

Голубизна над той горой на юге
 Растет; все очищается в округе,
 И светлой кажется река в долине.
 В сердцах опять веселье; там и тут
 Шум слышен снова; все
 Взялись за прежний труд.
 Ремесленник с работою в руках
 У двери появляется — взглянуть
 На небо; погода
 Выходит женщина с ведром к потоку
 Недавнего дождя.
 Торговец травами — переходя
 С тропинки на соседнюю — опять,
 Как прежде, принимается кричать.
 Вернувшегося солнца луч принес
 Холмам улыбку и усадьбам. Окна
 И двери можно в доме распахнуть:
 Я издали услышал
 Звон бубенцов с дороги, скрип колес
 Повозки, что опять пустилась в путь.

 В сердцах веселье вновь.
 В какое из мгновений
 Бывает жизнь отрадней, вдохновенней?
 Когда еще такая же любовь
 К трудам своим людьми овладевает?
 Толкает к новым? К прежним возвращает?
 Когда еще их беды не тревожат?
 Дитя болезни — радость;
 Веселье тщетное —

Плод страха миновавшего, когда
 Смерть угрожала тем,
 Кому ужасна жизнь;
 Когда, безмерно мучим,

Оборван, бледен, рем,
 Перед препятствием могучим
 Людской сдавался род
 На милость молниям, ветрам и тучам.

О благосклонная природа, вот
 Дары и наслажденья,
 Что ты готовишь смертным.
 Нам наслажденье нынче —
 Преодолеть мученье;
 Ты щедро сеешь муки, а страданье
 Само восходит. Радость,
 Из ужаса родившаяся чудом, —
 Уже большая прибыль. Род людской,
 Любезный тем, для коих смерти нет!
 Ты счастлив даже лишку
 Среди горя; и блажен,
 Коль смерть тебя от всех врачует бед.

СУББОТА В ДЕРЕВНЕ

Охапку трав на плечи взгромоздив,
 Проходит девочка в лучах заката,
 И несколько фиалок и гвоздик
 В ее руке зажато,
 Чтоб завтра, в праздник, в поясе их спрятать,
 И в волосы воткнуть,
 И грудь украсить, по обыкновенью.
 Ступень одолевая за ступенью,
 Старушка с прялкой ветхою своей
 Спешит к соседкам, что уселись кругом,
 Порассказать о лучших временах,
 Когда она на праздник наряжалась
 И шла плясать к подругам

Под вечер, в те прекраснейшие годы
 Над старостью смеясь и над недугом.
 Уже просторы воздуха темны,
 Вновь небо сине, вновь ложатся тени
 От кровель и холмов
 Под бледным светом молодой луны.
 И вот уже звенят —
 И наступает праздник.
 Как будто с этим звуком —
 Вновь в сердце сил излишек.
 Веселый шум и гам
 Несет гурьба мальчишек,
 Мелькая тут и там
 На площади селенья.
 Меж тем, насвистывая, земледелец —
 В мечтах о наступленьи
 Дня отдыха — за скудный стол садится.
 Когда ж погаснут все огни вокруг
 И смолкнет всякий звук,
 Услышу я, как трудится столяр,
 Он что-то пилит, молотком стучит,
 Усердствует; он запер мастерскую
 И засветил фонарь,
 Чтоб кончить все к рассвету.
 Вот этот день, желаннейший в седмице, —
 Больших надежд и радостных причуд;
 С собою: завтра принесут
 Часы тоски и грусть; и в мыслях каждый
 К работе повседневной возвратится.
 Неугомонный мальчик,
 В своем цветенье юном
 С днем, радости исполненным, ты схож,
 Блестящим, чистым сплошь,
 Грядущей жизни праздничным кануном.

Им наслаждайся нынче, мой проказник:
 Ты чудом опьянен.
 Теперь — молчок; пусть (хоть и медлит он)
 Тебе не будет в тягость этот праздник.

НЕОТВЯЗНАЯ МЫСЛЬ

Властительница сладостная дум,
 До глубины пленявшая мой ум;
 Ужасный дар небес,
 Но милый мне; подруга
 Моих унылых дней —
 Все та же мысль — я неразлучен с ней.

Кто не сказал о тайной
 Твоей природе? Власти
 Ее кто не узнал?
 Но, всякий раз в плену у этой страсти,
 О ней вещает нам людской язык —
 И ново то, к чему давно привык.

Ты дух мой посетила,
 Когда пришел твой срок, —
 И стал он одинок!
 Как блеском молний, мыслями другими
 Лишь миг бываешь ты освещена;
 Стоишь огромной башней
 Ты над пустынной пашней —
 Моей души — одна.

Чем стали без тебя
 Земные все дела
 И вся земная жизнь в моих глазах!

Знакомцев праздный круг —
Лишь повод для досады.
Мне больше не мила
Тщета надежд на тщетные улады,
Коль их сравнить с той радостью небесной,
Что ты мне принесла!

Как от скалистых гор
Угрюмых Апеннин
К улыбкам вдалеке полей зеленых
Сейчас же странник обращает взор,
Так быстро я от света
Жестокого, сухого,
Как в плодоносный сад, к тебе иду,
Чтоб чувства расцветали в том саду.

Мне кажется почти невероятным,
Что без тебя я нес
Несчастной жизни, злого мира бремя
Столь долгое, столь тягостное время;
И не могу понять,
Как жил другим желаньем,
Несвойственным тебе, другим дыханьем.

С тех пор как я впервые
На опыте узнал, что значит жизнь,
Страх смерти грудь мою не сжал ни разу,
И то мне ныне кажется игрой,
Что славит неразумный мир порой,
Чего всегда трепещет и боится —
Последняя граница;
И коль опасность вижу я, в упор
Смеющийся в нее вперяю взор.

Я трусов презирал
 И низкие отверженные души
 Всегда. Теперь же тотчас уязвляет
 Мне чувства каждый недостойный шаг,
 И тотчас подлости людской пример
 В негодованье душу повергает.

Надменный этот век,
 Который насыщается тщетой,
 Враждебный доблести, болтун пустой,
 Который пользы ищет, неразумный
 (А что все больше бесполезна жизнь,
 Того не видит он),
 Меня он ниже, знаю. И смешон
 Мне суд людей; и всяческую чернь,
 Которая в незнание презирать
 Тебя готова, я готов поправить.

И разве первенства другие чувства
 Тебе не отдают?
 И разве вообще другому чувству
 Среди смертных есть приют?
 Гордыня, алчность, ненависть, презренье,
 И честолюбье, и стремленье к власти —
 Лишь суетные страсти
 В сравнении с тобой. Лишь ты живешь
 В сердцах. Лишь ты
 Властителем пришло к нам непреклонным —
 Назначено от вечности законом.

Оно дарует жизни смысл и ценность,
 И человек с ним ко всему готов;
 Единственное оправданье року,
 Который на земле из всех плодов
 Нам лишь страданье выбрал.

Того не знают низкие сердца,
Что лишь из-за него
Порой бывает жизнь милей конца.

Чтоб радости твои узнать, о мысль,
Достойная цена —
Изведать человеческие муки
И испытать сполна
Жизнь смертную; и вновь бы я вернулся
Постигшим беды все,
Точь-в-точь таким, как ныне,
Чтоб к цели вновь направиться твоей;
Хотя в песках, средь ядовитых змей,
Лишась последних сил,
В скитаньях по пустыне
Тебя я же достиг. Притом отвагу
Свою я не хочу причислить к благу.

О, что это за новая безмерность,
О, что это за мир, о что за рай,
В который мощь твоих чудесных чар
Меня возносит, кажется! Где я
Блуждаю под иным, нездешним светом,
Где исчезает суть моя земная,
Действительность моя!
Наверно, таковы
Бессмертных сны. Увы, ты тоже сон,
Явь озаряя блеском красоты,
Мысль сладостная, ты —
Сон, явная мечта. Но существо
Твое — иное, чем у грез пустых,
В нем скрыто божество,
И потому жива ты и сильна,
И потому при встрече с явью ты

Оказываешься упорней тверди
 Земной; ты ей равна,
 Ты пропадаешь лишь на ложе смерти.

О мысль моя, конечно,
 Ты оживляешь дни мои одна,
 Любовь моя, ты страхи мне несешь;
 В единый миг простимся мы со светом:
 Я узнаю по явственным приметам,
 Что ты мне в повелители дана.
 Какую-нибудь сладостную ложь
 Мне ослабляло истины виденье.

Но чем теперь ясней
 Ты снова мне видна,
 Тем больше наслажденье,
 Тем большим я безумием дышу.

О, райская краса!
 Мне кажется, когда вокруг гляжу,
 Что всякий лик прекрасный — словно образ
 Обманной — подражает твоему.

Ты всяческой мечты
 Единственный источник,
 Единственная правда красоты.

Ужель была не ты
 Моих забот усердных высшим смыслом
 С тех пор, как увидал тебя впервые?

И был ли день такой,
 Чтоб я не думал о тебе? И часто ль
 Твой властный образ снов моих бежал?

О ангела подобье,
 Прекрасная, как сон,
 В людских жилищах, сумрачных и тесных,
 Иль в безграничности путей небесных,

К чему я устремлен
Сильнее, чем к очам твоим? Чего
Хочу в твоей судьбе
Найти желанней мысли о тебе?

К СЕБЕ САМОМУ

Теперь ты умолкнешь навеки,
Усталое солнце. Исчез тот последний обман,
Что мнится мне вечным. Исчез. Я в раздумиях ясных
Постиг, что погасла не только
Надежда, но даже желанье обманов прекрасных.
Умолкни навеки. Довольно
Ты билось. Порывы твои
Напрасны. Земля недостойна
И вдоха. Вся жизнь —
Лишь горечь и скука. Трясина — весь мир.
Отныне наступит покой. Пусть тебя наполняют
Мученья последние. Нашему роду
Судьба умереть лишь дает. Презираю отныне,
Природа, тебя — торжество
Таинственных сил, что лишь гибель всему предлагают,
И вечную тщетность всего.

АСПАЗИЯ

Является мне в мыслях иногда,
Аспазия, твой образ. Или беглый,
Он предо мной сверкает в месте людном,
В чужом лице; или в полях пустынных
Днем ясным, а порой в безмолвье звездном
От сладостной гармонии родившись,
В моей душе, еще к смятенью близкой,
Проснется это гордое виденье.

О, как любима, боги, та, что прежде
Была моей отрадой и моей
Эринией. Мне стоит лишь вдохнуть
Прибрежный аромат или цветов
Благоуханье на дорогах сельских,
И снова вижу я тебя такую,
Как в ясный день, когда ты в дом вошла,
Дышавший свежестью цветов весенних.
В одежде цвета полевой фиалки,
И ангельской сияя красотой,
Ты предо мной предстала; ты лежала
Средь белизны мехов, окружена
Дыханьем сладострастья; горячо,
Прелестница искусная, малюток
Своих ты в губы целовала нежно,
Их обнимала тонкою рукой,
И приникали кроткие созданья,
Не знающие о твоих уловках,
К груди желанной. Чудилась иною
Земля, и новым — небосвод, и свет —
Божественным мне в мыслях. Так мне в грудь,
Хоть я и защищал ее, послала
Твоя рука стрелу с живою силой,
Стрелу, что я носил, стеноя часто,
Пока два раза обновилось солнце.

Божественным мне показалась светом
Твоя краса, о донна. Не одно ли
Внушает нам волнение красота
И музыка, что тайну Елисейских
Полей нам открывают часто? Смертный —
Раб восхищенный дочерью души —
Любовною мечтою, что вмещает
В себя Олимп, и всем — лицом, повадкой,

Речами — женщину напоминает,
Которую восторженный влюбленный
(Как полагает он в смятенье) любит.
И вот уж не мечту, а только эту,
Земную, в упоении объятий,
Он любит, преклоняется пред ней.
Узнав же заблужденье и подмену,
Он гневается; и винит в обмане
Напрасно женщину. Небесный образ
Натуре женской редко лишь доступен;
И что за дар от красоты ее
Влюбленный получает благородный,
Ее головке не вместить. Напрасно,
Увидев этих взглядов блеск, мужчина
Надеется, напрасно ожидает
Любви сильнейшей, чем его любовь,
От женщины, что создана природой
Во всем слабей мужчины. Потому что
Коль члены у нее нежней и тоньше,
То не сильнее и не глубже разум.

И ты еще ни разу не могла
Себе представить то, что ты сама
Внушала мне, Аспазия. Не знаешь
Безмерности любви, ужасных мук,
Порывов несказанных, тщетных грез,
Тобой во мне зажженных. И вовеки
Не поняла б ты это. Точно так
Не знает музыкант, что он рукой
Иль голосом волшебный вызывает
Во внемлющих ему. Та умерла
Аспазия, которую любил я.
Не стало той, которая однажды
Явилась целью жизни всей. На миг

Лишь оживает, если милый призрак
Передо мною предстает. Не только
Еще красива ты, но столь красива,
Что, кажется мне, превосходишь всех.
Но жар угас, тобой рожденный, ибо
Любил я не тебя, а Божество,
Что ныне живо — иль погребено —
В моей душе. Его я обожал;
И так мне нравилась его краса,
Что я, хоть понял с самого начала
Всю суть твою, твои уловки, козни,
Все ж, увидав его прекрасный свет
В глазах твоих, шел за тобою жадно,
Пока оно здесь жило — не обманут,
Но, наслаждаясь, глубочайшим сходством,
В жестоком долгом рабстве пребывал.

Теперь хвались умением своим.
Рассказывай, что ты одна из всех,
Пред кем я гордой головой поник,
Кому я отдал добровольно сердце
Неукротимое. Скажи другим,
Что первой ты была (но и последней,
Надеюсь), для кого мои ресницы
С мольбою поднимались и пред кем
Я, робкий и трепещущий (сейчас
Я от стыда горю), себя лишенный,
Ловил покорно речь твою, желанья,
Движенья, от надменности бледнел
Твоей, светлел при милостивом знаке,
От взгляда каждого в лице менялся.
Но вот очарование пропало,
И на землю ярмо мое свалилось.
Вот почему я весел. Хоть и полон

Досады я, но после рабства, после
 Всех заблуждений я, спокойный, стал
 На сторожу рассудка и свободы.
 Ведь если жизнь без чувств и заблуждений —
 Ночь средь зимы беззвездная, то мне
 За жребий человеческий довольно
 Той мести, утешения того,
 Что на траве лежу я, улыбаясь,
 В недвижности и праздности, и глядя
 На землю, и на море, и на небо.

К ДРЕВНЕМУ НАДГРОБЬЮ,
 НА КОТОРОМ УСОПШАЯ ДЕВУШКА
 ИЗОБРАЖЕНА УХОДЯЩЕЙ
 В ОКРУЖЕНИИ БЛИЗКИХ

Куда идешь? Чей зов
 Уводит вдаль тебя,
 Прекраснейшая дева?
 Для странствий кров отеческий одна
 Ты вовремя ль покинула? Сюда
 Вернешься ли? Украсишь ли досуг
 Тех, что сейчас в слезах стоят вокруг?

Твои ресницы сухи, жесты живы,
 Но ты грустна. Приятна ли дорога
 Иль неприятна; мрачен ли приют,
 К которому идешь ты, или мил —
 Ответа не дают
 Суровые черты.
 Немилость ли небес снискала ты,
 Любовь ли; счастлива ты иль несчастна —
 Ни мне и никому, быть может, в мире,
 Увы, теперь неясно.

То смерти зов; в самом рожденье дня —
Его последний миг. В гнездо свое
Ты не вернешься. Вид
Своих родных навеки
Ты позабудешь. Место,
Куда ты направляешься, — Аид.
Там вечное пристанище найдешь ты.
Быть может, этот жребий и не плох,
Но всех, кто рядом, слышен скорбный вздох.

Не видеть света вовсе,
Наверно, было б лучше. Но едва
Дожить до дней, когда лишь расцвела
Девичья красота
И облика и стана,
И то, что было далью,
Вплотную подошло;
В огнях надежд, задолго до того, как
Явь бросила на светлое чело
Тень мрачную свою, —
Как пар, который облачком несло,
Трепещущим у неба на краю,
Рассеяться, едва успев возникнуть,
Сменить на мрак могильный навсегда
Грядущие года, —
Быть может, разум в этом видит счастье,
Но все же чувства жалости высокой
И скорби — избежать не в нашей власти.

О мать, внушающая страх и слезы
Извечно существам одушевленным,
Ты чудом (понапрасну восхваленным)
Считаешься, природа,
Рождаешь ты и кормишь, чтоб убить;

Но зло — уйти до срока,
 За что на смерть ты обрекаешь тех,
 Кому неведом ни единый грех?

Что ж мучишь безутешным
 Страданьем и тоской
 И тех, кто покидает мир до срока,
 И тех, кто будет плакать одиноко?

Куда ни обратись, везде несчастно
 Потомство на земле!
 Тебе угодно было,
 Чтоб обманула жизнь
 Надежду юную, чтоб скорбью полны,
 Катились волны лет и чтоб защитой
 Была лишь смерть: неотвратимым знаком,
 Законом непреложным

Поставила ее ты на пути.
 Зачем хоть цель в конце столь тяжких странствий
 Не сделала ты радостной? И то,
 Что носим мы в душе,
 В грядущее готовясь,
 То, в чем единственная наша сила
 Копилась к горьким дням,
 Ты трауром увила
 И окружила тучею ненастной,
 И более ужасной,
 Чем бури все, открыла гавань нам?
 Коль уж и то несчастье,
 Что смерти отдаешь ты
 Всех нас, кого безвинно, против воли,
 На жизнь ты обрела, —
 То впрямь умерших доле
 Завидует оставшийся в живых,
 Чтоб видеть близких смерть. И если правда —

А я уверен в этом, —
Что эта жизнь — несчастье,
А в смерти — благодать, то кто бы мог
Желать, чтоб наступил последний срок
Для близких (как судьбой предreshено);
Остаться, словно тело лишено
Себя же самого,
Глядеть, как от порога
Уносят человека
Любимого, с которым много лет
Провел; сказать «прощай» ему, хоть нет
Надежды никакой
На встречу в этой жизни;
Потом покинутым и одиноким
Вновь спутника бывшего вспоминать
В привычный час, в родном краю, в отчизне?
Как сердцу твоему, скажи, природа,
Хватает сил, чтоб вырвать
Из рук у друга — друга,
Из рук у брата — брата,
Детей — у их отцов,
У любящих — любимых, сохраняя
Жизнь одному, когда другой угас?
Зачем ввергаешь неизбежно нас
В такое горе — пережить, любя,
Велишь ты смертным смертных? Но природе
Приятно знать о чем-нибудь другом,
А не о нашем благе иль невзгоде.

ПАЛИНОДИЯ

Маркизу Джино Каппони.

И в воздыханье вечном нет спасенья.

Петрарка

Я заблуждался, добрый Джино; я
Давно и тяжело заблуждался. Жалкой
И суетной мне жизнь казалась, век же
Наш мнился мне особенно нелепым...
Невыносимой речь моя была
Ушам блаженных смертных, если можно
И следует звать человека смертным.
Но из благоухающего рая
Стал слышен изумленный, возмущенный
Смех племени иного. И они
Сказали, что, неловкий неудачник,
Неопытный в усядах, неспособный
К веселью, я считаю жребий свой
Единственный — уделом всех, что все
Несчастливы, точно я. И вот среди дыма
Сигар, хрустения бисквитов, крика
Разносчиков напитков и сластей,
Среди движущихся чашек, среди ложек
Мелькающих блеснул моим глазам
Недолговечный свет газеты. Тотчас
Мне стало ясно общее довольство
И радость жизни смертного. Я понял
Смысл высший и значение земных
Вещей, узнал, что путь людей усыпан
Цветами, что ничто не досаждаст
Нам и ничто не огорчает нас
Здесь, на земле. Познал я также разум
И добродетель века моего,
Его науки и труды, его

Высокую ученость. Я увидел,
Как от Марокко до стены Китайской,
От Полюса до Нила, от Бостона
До Гоа все державы, королевства,
Все герцогства бегут не чуя ног
За счастьем и уже его схватили
За гриву дикую или за кончик
Хвоста. Все это видя, размышляя
И о себе, и о своей огромной
Ошибке давней, устыдился я.

Век золотой сейчас прядут, о Джино,
Трех парок веретена. Обещают
Его единодушно все газеты —
Везде, на разных языках. Любовь
Всеобщая, железные дороги,
Торговля, пар, холера, тиф прекрасно
Соединят различные народы
И климаты; никто не удивится,
Когда сосна иль дуб вдруг источат
Мед иль закружатся под звуки вальса.
Так возросла, а в будущем сильнее
Мощь кубов перегонных возрастет,
Реторт, машин, пославших вызов небу,
Что внуки Сима, Хама и Яфета
Уже сейчас летают так свободно
И будут все свободнее летать.

Нет, желудей никто не будет есть,
Коль голод не понудит; но оружие
Не будет праздным. И земля с презреньем
И золото и серебро отвергнет,
Прельстившись векселями. И, как прежде,
Счастливое людское племя будет

Кровь ближних проливать своих: Европа
И дальний брег Атлантики — приют
Цивилизации последний — будет
Являть собой кровавые поля
Сражений всякий раз, как роковая
Причина — в виде перца, иль корицы,
Иль сахарного тростника, иль вещи
Любой другой, стать золотом способной,
Устроит столкновение мирных толп.
И при любом общественном устройстве
Всегда пребудут истинная ценность
И добродетель, вера, справедливость
Общественным удачам чужды, вечно
Посрамлены, побеждены пребудут —
Уж такова природа их: всегда
На заднем плане прятаться. А наглость,
Посредственность, мошенничество будут
Господствовать, всплывая на поверхность,
Могущество и власть (сосредоточить
Или рассеять их) — всегда во зло
Владеющий распорядится ими,
Любое дав тому название. Этот
Закон первейший выведен природой
И роком на алмазе, и его
Своими молниями не сотрут
Ни Вольта, ни Британия с ее
Машинами, ни Дэви, ни наш век,
Струящий Ганг из новых манифестов.
Вовеки добрым людям будет плохо,
А негодяям — хорошо; и будет
Мир ополчаться против благородных
Людей; вовеки клевета и зависть
Тиранить будут истинную честь.
И будет сильный слабыми питаться,

Голодный нищий будет у богатых
Слугою и работником; в любой
Общественной формации, везде —
Где полюс иль экватор — вечно будет
Так до поры, пока земли приюта
И света солнца люди не лишатся.
И зарождающийся золотой
Век должен на себе нести печать
Веков прошедших, потому что сотни
Начал враждебных, несогласий прячет
Сама природа общества людского,
И примирить их было не дано
Ни мощи человека, ни уму,
С тех пор как славный род наш появился
На свет; и будет перед ним так же
Бессильны все умы, все начинанья
И все газеты наших дней. А что
Касается важнейшего, то счастье
Живущих будет полным и доселе
Невиданным. Одежда — шерстяная
Иль шелковая — с каждым днем все мягче
И мягче будет. Сбросив мешковину,
Свое обветренное тело в хлопок
И фетр крестьяне облекут. И лучше
По качествам, изящнее на вид
Ковры и покрывала станут, стулья,
Столы, кровати, скамьи и диваны,
Своей недолговечной красотой
Людские радуя жилища. Кухню
Займет посуда небывалых форм.
Проезд, верней, полет, Париж — Кале,
Оттуда — в Лондон, Лондон — Ливерпуль
Так будет скоро, что нам и не представить;
А под широким ложем Темзы будет

Прорыт тоннель — проект бессмертный, дерзкий,
Волнующий умы уж столько лет.
Зажгутся фонари, но безопасность
Останется такую же, как нынче,
На улицах безлюдных и на главных
Проспектах городов больших. И эта
Блаженная судьба, и эта радость —
Дар неба поколениям грядущим.

Тот счастлив, кто, покуда я пишу,
Кричит в руках у бабки повивальной!
Они застанут долгожданный день,
Когда определит научный опыт, —
И каждая малютка с молоком
Кормилицы узнает это, — сколько
Круп, мяса, соли поглощает город
За месяц; сколько умерших и сколько
Родившихся записывает старый
Священник; и когда газеты, — жизнь
Вселенной и душа ее, источник
Единственный познания всех эпох, —
Размножившись при помощи машин
Мильонным тиражом, собой покроют
Долины, горы и простор безбрежный
Морей, подобно стаям журавлиным,
Летающим над широкими полями.

Как мальчик, мастерящий со старанием
Дворец и храм, и башню из листочков
И щепок, — завершив едва постройку,
Все тотчас рушит, потому что эти
Листочки, щепки для работы новой
Нужны, так и природа, доведя
До совершенства всякое свое,

Искусное подчас, сооруженье,
Вмиг начинает разрушать его,
Швыряя вокруг разрозненные части.
И тщетно было бы оберегать
Себя или другого от игры
Ужасной этой, смысл которой скрыт
От нас навеки; люди, изощряясь
На тысячи ладов, рукой умелой
Деянья доблестные совершают;
Но всяческим усильям вопреки
Жестокая природа, сей ребенок
Непобедимый, следует капризу
Любому своему и разрушенье
Все время чередует с созиданьем.
И сонм разнообразных, бесконечных,
Мучительных недугов и несчастий
Над смертным тяготеет, ждущим тупо
Неотвратимой гибели. Внутри,
Снаружи злая сила разрушенья
Настойчиво преследует его
И, будучи сама неутомимой,
Его терзает до поры, пока
Не упадет он, бездыханный, наземь,
Сраженный матерью своей жестокой.
А худшие несчастья человека,
О благородный друг мой, — смерть и старость,
Которые рождаются в тот миг,
Когда губами нежного соска,
Питающего жизнь, дитя коснется,
Мне кажется, что это изменить
Век девятнадцатый (и те, что следом
Идут) едва ли более способен,
Чем век десятый иль девятый. Если
Возможно именем твоим назвать

Мне истину хоть иногда, — скажу,
Что человек несчастен был и будет
Во все века, и не из-за формаций
Общественных и установок, но
По непреодолимой сути жизни,
В согласье с мировым законом, общим
Земле и небу. Лучшие умы
Столетия моего нашли иное,
Почти что совершенное решенье:
Сил не имея сделать одного
Счастливым, им они пренебрегли
И стали счастья искать для всех;
И, обрета его легко, они
Хотят из множества несчастных, злых
Людей — довольный и счастливый сделать
Народ; и это чудо, до сих пор
Газетой и журналом, и памфлетом
Не объясненное никак, приводит
В восторг цивилизованное стадо.
О, разум, о, умы, о, выше сил
Дар нынешнего века пронизать!
Какой урок познания, как обширны
Исследования в областях высоких
И в областях интимных, нашим веком
Разведанные для веков грядущих,
О Джино! С верностью какой во прах
Он в обожанье падает пред теми,
Кого вчера осмеивал, а завтра
Растопчет, чтоб еще чрез день собрать
Осколки, окурив их фимиамом!
Какое уваженье и доверье
Должно внушать единодушие чувств
Столетия этого, вернее года!
Как тщательно нам надобно следить,

Чтоб наша мысль ни в чем не отклонилась
От моды года этого, который
Прядет пора смениться через год!
Какой рывок свершила наша мысль
В самопознание, если современность
Античности в пример готовы ставить!

Один твой друг, о досточтимый Джино,
Маэстро опытный стихосложения,
Знаток наук, искусства критик тонкий,
Талант, да и мыслитель из таких,
Что были, есть и будут, мне сказал:
«Забудь о чувстве. Никому в наш век,
Который интерес нашел лишь в том,
Что обществу полезно, и который
Лишь экономикой серьезно занят,
До чувства нету дела. Так зачем
Исследовать сердца свои? Не надо
В себе самом искать для песен тему!
Пой о заботах века своего
И о надежде зрелой!» Наставленье,
Столь памятное мне! Я засмеялся,
Когда комичный чем-то голое этот
Сказал мне слово странное «надежда» —
Похожее на звуки языка,
Забитого в младенчестве. Сейчас
Я возвращаюсь вспять, иду к былому
Иным путем — согласен я с суждением,
Что, если хочешь заслужить у века
Хвалу и славу — не противоречь
Ему, с ним не борись, а повинуйся,
Заискивая: так легко и просто
Окажешься средь звезд. И все же я,
Стремящийся со страстью к звездам, делать

Предметом песнопений нужды века
Не стану, — ведь о них и так все больше
Забоятся заводы. Но сказать
Хочу я о надежде, той надежде,
Залог которой очевидной боги
Уже нам даровали: новым счастьем
Сияют губы юношей и щеки,
Покрытые густыми волосами.
Привет тебе, привет, о первый луч
Грядущего во славе века. Видишь,
Как радуются небо и земля,
Сверкают взоры женские, летает
По балам и пирам героев слава.
Расти, расти для родины, о племя
Могучее. В тени твоих бород
Италия заблещет и Европа,
И наконец весь мир вздохнет спокойно.
И вы, смеясь, привет пришлите, дети,
Родителям колючим и не бойтесь
Слегка при этом поцарапать щеки.
Ликуйте, милые потомки, — вам
Заветный уготован плод — о нем
Давно мечтали: суждено увидеть
Вам, как повсюду воцарится радость,
Как старость будет юности счастливей,
Как в локоны завьется борода,
Которая сейчас короче ногтя.

КАБАРДИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Али Шогенцуков

КЫЗБУРУН

(Фрагменты)

1.

Данах и Канамат

У нищей лачуги белены стены,
А крыша покрыта соломой гнилой.
Тугие жгуты из крученого сена
Ее обвивают волнистой струей.
И свет проникает сквозь узкие щели...
Под вечер на улочках узких шумней.
Там всадники, те, что в боях поседели,
Сноровкой гордясь, объезжают коней.
К колодцу невестки идут молодые
И прячут улыбки в узорных платках.
Гоняют по взгорьям джигиты лихие
На резвых, горячих степных скакунах.
Джигиты, шутя, вспоминают былое,
Смеясь, о набегах ночных говорят.
Селенье таится под серой скалою,
Где правит округою князь Камбулат.
Он в жизни не знал ни забот, ни печали,

В округе он был полновластным царьком,
 Столь грозным, что женщины с места вставали,
 Едва только речь заходила о нем.
 Когда ж пред набегом, в вечернем тумане,
 Он плетью охаживал бедра коня,
 От мрачных предчувствий вздыхали крестьяне,
 В молчании горькую долю кляня.
 Старик еще бредил любовною негой.
 Чтоб девушек не отпугнуть сединой,
 Он бороду, ставшую к старости пегой,
 Окрашивал огненной крымскою хной.

.....
 Лицо у Данах как ночная луна.
 Черны ее косы, как тень от Эльбруса.
 Отрадно, когда засмеется она,
 И зубы блеснут, как жемчужные бусы.
 Свой лучший наряд надевает джигит,
 Чтоб только понравиться ей, ведь не даром
 Кто с нею плясал, тот о ней говорит
 Любимому другу с любовью и жаром.
 Как лебедь плывет по прозрачной реке, —
 Проходит Данах, изумляя красою.
 Как пышная пенка на молоке,
 Вздывается грудь ее под кисею.
 Кто встретился с нею, в том сердце горит,
 Но взгляд ее редко блеснет, пламеня.
 Его лишь один зажигает джигит,
 Чей образ весеннего солнца яснее.

Данах одиноко сидит у окна
 И шьет и забыть Канамата не может.
 Тихонько поет о любимом она,

Не в силах сдержать лихорадочной дрожи:

«Как тигр, ночами бродит он
И бьет фазанов на рассвете.
Джигиты вражеских племен
Его пугаются, как дети.
Они ему покорно льстят,
Когда ж мечи пускают в дело,
И пули сыплются как град,
Он рвется в бой, мой воин смелый.
Он победит в любой борьбе,
Но я назвать его не смею...
Коль бог не даст меня тебе,
Пусть умертвит меня скорее!»

Из девичьих рук выпадает шитье.
Данах у стены заливается плачем.
Как рвется к любимому сердце ее,
Какая печаль в этом сердце горячем!
От песни становится только грустней.
Данах умолкает, мрачна и уныла.
Заходит соседка беседовать с ней,
Чтоб выведать тайну у девушки милой.
Как много лукавства у этих подруг!
— Не ты ли поешь, как весенняя птица?
Не ты ли, джигитов чаруя вокруг,
Ручьи из очей заставляешь струиться?
— Да, я эта бедная девушка, я, —
В домашнем плену, неразлучная с пряжей,
Не смею послушать в ночи соловья,
И птиц предвечерних не слушаю даже. —
— Все ясно, красавица милая, мне.
Такое нередко случается с нами.
Я знаю, что бедное сердце в огне,
А этот огонь заливают слезами. —
Открытую речью в тоске и в слезах

Подруге своей отвечала Данах:
— Цветка, что раскрылся в тени Кызбуруна,
Вовек не коснуться брюхатым слепням.
Тому, кто противен мне, я не отдам
Румянца вишневого, свежести юной!

Весеннее солнце ласкало и грело
Степной бесконечный зеленый простор,
И слало привет отражением с гор,
И ярко на льду Махоготса горело.

Данах с Канаматом стоят у крыльца;
И вдруг во дворе появляется Дзару.
Данах заметалась, увидев отца,
Поникла Данах, ожидая удара.
Покашливая, словно старый козел,
Озлившийся Дзару сказал Канамату:
«Зачем ты, бездомный, во двор мой зашел?
В зятя не годишься, мне нужен богатый».
Смущеньем горя, отвечал Канамат,
Безропотно выслушав брань и проклятья:
«О равный отцу моему, не богат я,
Но воина бедностью разве клеймят?
Приход мой тебе ведь ничем не мешает,
На выбор в зятя ты имеешь права».
Данах, это слыша, бледнеет, вздыхает,
А Дзару находит все злее слова.
Ему Канамат возражает спокойно:
«Поверь, я в бесчестии не жил и дня.
Поверь, я не мог поступить недостойно,
И нету бесчестных в роду у меня.
Пришел я сюда не затем, чтобы сплетни

Плести, словно бабы, сойдясь у двора.
Пришел, не гонимый нуждой многолетней,
Не надо мне, Дзару, чужого добра.
Не знаю ни мысли нечистой, ни цели.
Прости же меня и поведать дозволю
Про то, как сердца наши вдруг заболели.
Зачем ты казнишь за невольную боль?
Поверь, — как тяжелые камни надгробий,
Слова твои лягут на наши сердца...»
И Дзару нахмурился в тягостной злобе,
Забилось от ярости сердце скупца.
Был жаден старик своенравный, и рано
Сорочку судьбы он скроил для Данах
Из горного, из ледяного тумана.
Он дочери цену расчислил в деньгах.
Давно он мечтал о богатом калыме...
Толкуют, что смел и умел КанаMAT,
Но доблесть и ум не звенят золотыми,
И тесть КанаMата не станет богат.
Допустит ли Дзару, чтоб дочь нагibalась,
Входя к бедняку в покосившийся дом?
Как барс, потерявший нору, прислонялась
К стене, не покрытой цветистым ковром?
Глаза старика наливаются кровью,
Мешает дышать нарастающий гнев.
Дав волю разнузданному сквернословью,
Джигита позорит он, рассвирепев:
«Прочь, пащенок, в дом мой прокравшийся ловко,
Не вздумай оспаривать волю мою.
Иль — Тха мне свидетель — возьмусь за винтовку,
А я, как известно, без промаха бью!»
Хоть было джигиту обидно и больно, —
Иных оскорбленья рассудка лишат, —
Их было для мести кровавой довольно,

Но злобные речи стерпел КанаMAT.
Обиде любовь оказалась покровом,
Душа от любви становилась мягка.
Отважный джигит примиряющим словом
Ответил на грубую брань старика:
«О равный отцу, ты меня оскорбляешь,
Чтоб дом твой покинул, на радость молве.
Но зря ты за бедность меня упрекаешь, —
Папаха цела на моей голове.
Меня поношенье унижить не может,
Ведь я не из худших людей в Кабарде.
Пускай тебя бедность моя не тревожит,
Калым отыщу я всегда и везде.
Пока голова у меня невредима,
И разум в моей голове не погас, —
Ничто не страшит. Если нету калыма,
Добуду калым, только дай мне наказ!»
Был жаден старик своевольный, и рано
Сорочку судьбы он скроил для Данах
Из горного, из ледяного тумана.
Он дочери цену расчислил в деньгах.
Он зятя такого искал, кто мгновенно
Мог золотом полный калым отсчитать.
От жадности вспыхнув, он дочери цену
Спешит молодому джигиту назвать:
«Приходишь ты сватом, обычай нарушив,
Но раз не замечен ты был на пути,
Простим и забудем; теперь же послушай,
Какой ты обязан калым принести:
Ты мне приготовишь сто юзликов злата
И девять оседланных белых коней,
Пять панцирей, девять мечей из булата...
С пустыми руками являться не смей»

В тени Кызбуруна раздолье досугу, —
На праздник веселый собрался народ.
Шутливые речи звучат, и по кругу
С хмельною махсымою чаша идет.
Вот всадники съехались для джигитовки
И песнь боевую согласно поют.
Начищены сабли, кинжалы, винтовки,
Красавицы-девушки в танце плывут.
Наездники скачут, их стройные кони,
Земли не касаясь, несутся стрелой.
Как ласточка, сразу ушел от погони
На выстрел вперед КанаMAT удалой.
Иголка блестит на флажке в поднебесье.
Курок нажимая, не дрогнет рука,
И пуля, пропев комариную песню,
Иголку мгновенно сбивает с флажка.
Иголка подхвачена в воздухе ловко,
Джигит КанаMAT осадил скакуна,
И, спешась, поспешно почистил винтовку
И чашу почетную выпил до дна.
Поднявшись на цыпочки, долго украдкой
На юношу смелого смотрит Данах
И, словно охваченная лихорадкой,
Трепещет у страсти любовной в руках.
На щеки, нежнее, чем спелая слива,
От черных волос ее падает тьма.
Глава ее черные манят стыдливо
И сводят отважных джигитов с ума.
Чуть сходятся брови, как дуги крутые,
Зубов перламутровых светится ряд.
В тот день, как плясать она вышла впервые,
Обеты любви услышал КанаMAT.
У зеркала в ночь полнолуния сидела
Данах молодая, и зеркало ей

Судьбу показало, — душа просветлела...
Всех сверстниц нежней, и стройней, и скромней,
Как лебедь, Данах проплывает по кругу,
Танцует, скользя по зеленому лугу,
Танцует, мерцая большими глазами...
Сердца у джигитов сжимались не раз, —
Им чудилось, будто небесное пламя,
Как счастье, лучится из ласковых глаз.

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Цюй Юань

ПРИЗЫВАНИЕ ДУШИ

Я с юных лет хотел быть бескорыстным
И шел по справедливому пути,
Всего превыше чтил я добродетель,
Но мир развратный был враждебен ей.
Князь испытать меня не мог на деле,
И неудачи я терпел во всем,
Вот отчего теперь скорблю и плачу,
Вот отчего я душ своих лишен.
Так Царь небес к вещунье обратился:

«Внизу я вижу человека,
И я хочу ему помочь,
Без душ обеих он остался, —
Ты их, гадая, отыщи».

Вещунья Ян в ответ сказала:
«Я ведаю лишь снами, Царь!
Мне трудно твой приказ исполнить.
И для гаданья краток срок.
Боюсь, что он умрет скорее,
Чем души я верну ему».

И воззвала, с небес спускаясь:
«Душа, вернись, вернись, душа!
Зачем покинув тело господина,
Душа, ты бродишь в четырех краях?
Зачем ты родину свою забыла,
Всем бедствиям себя подвергла ты?
Душа, вернись, вернись, душа!
Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и каменья,
Но люди там привычны ко всему...
А ты, душа, погибнешь неизбежно.
Душа, вернись, вернись, душа!
Той стороне не должно доверяться!

Душа, вернись, вернись, душа!
И в южной стороне не оставайся!
Узорами там покрывают лбы,
Там человечину приносят в жертву
И стряпают похлебку из костей.
Там ядовитых змей несметно много,
Там мчатся стаи великанов-лис;
Удавы в той стране девятиглавы.
Вся эта нечисть там кишмя кишит,
Чтоб пожирать людей себе на радость.
Душа, вернись, вернись, душа!
Иди обратно, о, иди обратно,
Там оставаться никому нельзя!
Про вредоносность запада послушай:
Повсюду там зыбучие пески,
Вращаясь, в бездну льются громовую.
Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!

А если чудом избежишь несчастья,
Там все равно пустыня ждет тебя,
Где каждый муравей слону подобен,
А осы толще бочек и черны.
Там ни один из злаков не родится,
И жители, как скот, жуют бурьян.
И та земля людей, как пекло, жарит...
Воды захочешь — где ее найти?
И помощь ниоткуда не приходит,
Пустыне необъятной нет конца...
Приди обратно, о, приди обратно,
Замедлив там, столкнешься ты с бедой.

Душа, вернись, вернись, душа!
На севере не вздумай оставаться:
Там громоздятся льды превыше гор,
Метели там на сотни ли несутся...
Приди обратно, о, приди обратно,
Там долго невозможно пребывать...

Вернись, душа, душа, вернись!
Душа, не торопись взойти на небо:
Там тигры ждут у девяти застав,
Они грызут людей, с земли пришедших.
Девятиглавцы рыщут в небесах,
В день вырывая девять тысяч елей.
Там волки глаз не сводят с человека
И стаями скитаются вокруг,
Они играют мертвой головою
И к бездне тело бедное влекут.
Царю небес они о том доносят,
Затем идут спокойно на ночлег.
Взлетев туда, себя навек погубишь...

Душа, вернись, вернись, душа!
Не опускайся и в столицу Мрака:
Там у князей по девяти рогов,
Острее их рога всего на свете,
Их спины толсты, пальцы их в крови,
И за людьми они гоняться любят —
Трехглазые, с тигриной головой,
И тело их с быком могучим схоже,
И человечину они едят...
Душа, вернись, душа, приди обратно,
А то несчастья ты не избежишь!

Душа! Вступи в врата Инчэна,
Здесь заклинатель ждет тебя,
Чтоб указать тебе дорогу,
И твой наряд уже готов.
Над ним без усталы трудились
Трех княжеств чудо-мастера.
Чтоб вызвать душу, все готово —
И причитанья начались.

Душа! Приди, приди обратно
В жилище прежнее свое.
И на земле и в небе дальнем —
Везде опасностей не счесть!
Уже твой образ в отчем доме,
Там в тишине ты отдохнешь.
Просторны залы и покои,
Балконы пестрые легки,
И в девять ярусов беседки
На горы дальние глядят,
Резные двери в позолоте,
Резные брусья над дверьми.
Здесь зимние теплы хоромы,
Прохладен дом твой в летний зной;

Сад обежав, поток вернулся,
Сверкает зелень светлым ливнем,
Нарциссы нежит ветерок,
Он пролетел сквозь зал и спальни,
Где ярко-красны потолки,
Где отражаются циновки
В отполированной стене
И разноцветная одежда
Висит на яшмовых крюках.
Украсил жемчуг покрывала:
Они пестреют и блестят;
За стенкой из циновок ложе,
Шелк полога над ложем бел
И яркими увит шнурами,
Что бесподобно сплетены.
О, ты увидишь в тех покоях
Так много редкостных вещей...
Горят, благоухая, свечи.
Все пышно... И все ждет тебя.
Шестнадцать молодых служанок
Придет, чтоб угождать тебе.
Наскучат — замени другими, —
Немало есть невинных дев,
Подобных тем, которых иньский
Когда-то Чжоу Синь любил!
Те девы ловки и проворны, —
Искусно кудри причесав,
Они на женской половине
В хоромах сказочных твоих
Служить готовы господину,
Смущенно взоры опустив,
Их речь с приличьями согласна,
А, кроме этих, есть еще
Красавицы в покоях тайных, —

Их очи влажны, бровь тонка,
И гордостью их взор сияет,
Когда пред пологом твоим
Они порой стыдливо медлят,
Готовые служить тебе!
Там полог в перьях алкиона
Высокий украшает зал,
Там киноварные балконы,
Темно-оливков цвет стропил.
Посмотришь вверх — резные балки
С фигурами драконов, змей.
Присядь и погляди в окошко —
Блеснут извилины пруда,
Где зацветает лотос белый
Среди каштанов водяных
И стеблей золотых кувшинок:
Все это движимо волной.
А свита в пестрых шкурах барсов
В пологой галерее ждет.
Уже приехали вельможи
В своих колясках расписных.
Вокруг цветы благоухают
В ограде редкостных дерев.
Душа, вернись, приди обратно,
Зачем тебе скитаться там?
Тебя родные с честью встретят,
Обильный приготовят пир, —
И рис, и спелую пшеницу,
И золотистое пшено.
Горьки и солоньки приправы,
Остры и сладки — все тебе!
Там жирные хрящи разварят
И будет горьковат слегка
Отвар, как в царстве У готовят...

Тебе барашка подадут,
Сок ягодный на стол поставят,
Подливкой будет полит гусь,
Большой накормят черепахой
И лебедями угостят!
Еды приятен запах пряный...
Лепешек рисовых гора
И всяческих сладостей без счета.
Крылатый кубок будет полн
Густой наливкой цвета яшмы.
Потом отцедят, охладят
И разольют гостям по кубкам
Прохладно чистое вино.
Вернись, вернись в свое жилище!
Здесь будешь ты превознесен.
Еще в разгаре пированье,
А музыкантши стали в ряд,
Они забили в барабаны
И песню новую поют.
Поют: «Чрез реку переправа»,
А после: «С лотосом в руке».
Уже красотки опьянели,
Румяны лица от вина,
Веселый блеск в глазах лукавых,
А взгляды — словно зыбь волны,
В своих узорчатых одеждах
Они прелестнее всего!
Неизъяснимо кудри вьются
Вокруг изящной головы.
По восемь в ряд плясуньи стали,
Чтоб танец царства Чжэн плясать.
Они скользят, стройней бамбука,
Склонясь, касаются столов,
Переплетаются подолы...

Гром барабана, флейты плач.
Дрожит чертог от этих звуков,
Но раздался родной напев —
Он чист, величествен и плавен.
Сменяя песню края У,
Рокочут цайские напевы,
И пенье с музыкой слилось.
Мужчины с женщинами вместе,
Отбросив правила, сидят, —
Они о вежестве забыли
И распустили пояса.
Уселись вейские шалуны
Средь очарованных гостей,
Что вне себя от их причесок, —
Таких красавиц нет нигде!
Вот шахматы слоновой кости,
Еще игра есть в «Шесть костей»;
Все разделались, ставят ставки, —
Здесь самый смелый победит,
«Пять белых» звонко восклицая, —
Играют в кости целый день.
Но снова в колокол удары,
Вновь струны звонкие поют.
Ах, от вина не оторваться
Ни ночью им, ни ясным днем!
И восковые свечи ярко
В витых подсвечниках горят.
Свои затейливые мысли
В стихи изящные облечь —
Вот радость для людей достойных!
Единодушие воспеть.
Исчерпаны вина услады,
Теперь ликуй, что дома ты.
Вернись, душа! Приди обратно,
В обитель прежнюю вернись!»

Вот что сказать хочу я в заключение:
В начале года, раннею весной,
Иду на юг я, государем сослан,
Растет трава душистая байчжи,
Зеленой ряски листики на водах.
Мой дальний путь через Луцзян лежит,
И вот по заливным лугам шагая,
Я вижу справа от себя Чанбо,
Я вдаль гляжу — как все вокруг пустынно,
А помню, с князем на охоте был...
Тогда скакали вороные кони
И тысячи летели колесниц;
От фонарей, развешанных повсюду,
Багровый отблеск лег на лик небес.
Не отставали пешие от конных
И за собой охотников вели.
Я всех смирил, восстановил порядок
И колесницы вправо завернул.
Мы с князем мчались к озеру, друг друга
Стараясь в скачке дикой перегнать.
Князь-государь пустил стрелу искусно
И носорога черного спугнул...
Как неизбежно дни сменяют ночи,
Ход времени ничем не удержать...
Прибрежные цветы выросли на тропах,
И вся дорога скрылась под водой.
Разлив Реки широк необозримо,
Лишь ветки клена над водой видны.
Я сотни ли окидываю взором, —
Но ничего не вижу из того,
О чем здесь Ян-кудесница вещала,
И лишь весна тревожит сердце мне...
Вернись, душа, приди, душа, обратно,
Сюда, ко мне, в погибельный Цзяннань!

Цзя И

ПЛАЧ О ЦЮЙ ЮАНЕ

Я прежде был приближен к трону,
Теперь изгнание — жребий мой.
Здесь Цюй Юань свой путь преславный
Окончил в глубине речной.

Тебе, река Сяншуй, вверяю
Мой горестный, мой гневный стих.
Мудрец попал в коварства сети
И умер, задохнувшись в них.

Увы! Увы! О том я плачу,
Кто радостных не знал часов.
Нет феникса и чудо-птицы,
И все под властью хищных сов.

Увы, глупец прославлен ныне,
Бесчестный властью наделен.
Вступивший в бой со злом и ложью,
Мудрец на гибель обречен.

Бо И Корыстным называют,
Убийцу Дао Чжэ — святым.
Свинцовый нож считают острым,
А дивный меч Мо-се — тупым.

Вотще погиб учитель мудрый.
Как не грустить, не плакать мне?
Нет больше золотых сосудов,
А глина грубая в цене.

Волов впрягают в колесницы,
Осел опередил коней,
Породистый скакун уныло
В повозке тащит груз камней.

Уборов иньских шелк не в моде,
Он в обуви подстилкой стал.
О Цюй Юане я горюю —
Он в жизни это испытал.

Я говорю:

Нет княжества его, и он меня не знает,
Но я о нем грущу, я скорбью угнетен.
Крылами легкими взмахнув, умчался феникс,
И, устремляясь ввысь, все уменьшался он.
Чтобы сберечь себя, он прячется в глубинах,
На дне с драконами, под влагой быстрых рек:
Чтоб стать невидимым, он стер свое сиянье,
Но с мелкотой речной не будет знаться век.
Все посчитать должны мудрейших добродетель,
От мира грязного таиться нужно нам,
Тот вороной скакун, который терпит путы
И уши опустил, подобен жалким псам.
И все же Цюй Юань виновен в том, что медлил
Расстаться с князем Чу, от козней злых уйти, —
Покинуть бы ему любимую столицу
И, странником бродя, иной приют найти.
С высот заоблачных могучий феникс, видя
Всех добродетельных, слетает им помочь,
Но если зло и ложь скрывает добродетель,
Он вновь взмывает ввысь и улетает прочь.

Известно это всем: в запрудах мелководных
Большие осетры не могут долго жить.
Лягушкам, что кишат в канаве узкой,
Огромной рыбы ход легко остановить.

Ли Бо

ПОДНОСЯ ВИНО

Неужто вы не видите, друзья,
 Как воды знаменитой Хуанхэ,
 С небесной низвергаясь высоты,
 Стремятся бурно в море,
 Чтоб не вернуться больше?
 Неужто вы не видите, друзья,
 Как в царственных покоях зеркала
 Скорбят о волосах, — они вчера
 Чернее шелка были,
 А ныне стали снегом?
 Достигнув жизни счастья,
 Испей его до дна,
 Пусть полон будет кубок
 Под молодой лунной.
 Мне небом дар отпущен,
 Чтоб расточать его.
 Истраченным богатством
 Я овладею вновь.
 Быка зажарим, други,
 Но для веселья нам
 Сейчас же надо выпить
 Заздравных триста чаш.
 Учитель Цзень
 И ты, Дань-цю,
 Коль поднесут вино,
 То пейте до конца,
 А я вам песнь спою,
 Ко мне склоните ухо:
 Изысканные яства
 Не следует ценить,
 Хочу быть вечно пьяным,

А трезвым — не хочу.
Так повелось издревле —
Безмолвны мудрецы,
Лишь пьяницы стремятся
Прославиться в веках.
Князь Цао Чжи когда-то
Устроил пир в Пинлэ,
И десять тысяч доу
Там выпили шутя.
Напрасно наш хозяин
Сказал, что денег нет,
Вина еще мы купим,
Чтобы друзьям налить.
Вот быстрый конь,
Вот новый плащ, —
Пошлем слугу-мальчишку,
Пусть обменяет их,
И вновь, друзья, забудем
Мы о своих скорбях.

ПЕСНЯ О ВОСХОДЕ И ЗАХОДЕ СОЛНЦА

Из восточного залива солнце,
Как из недр земных, над миром всходит.
По небу пройдет и канет в море.
Где ж пещера для шести драконов?
В древности глубокой и поныне
Солнце никогда не отдыхало,
Человек без изначальной силы
Разве может вслед идти за солнцем?
Расцветая, травы полевые
Чувствуют ли к ветру благодарность?
Деревя, свою листву роняя,
На осеннее не ропщут небо.
Кто торопит, подгоняя плетью,

Зиму, осень, и весну, и лето?
 Угасанье и расцвет природы
 Совершается своею волей.
 О, Си Хо, Си Хо, возница солнца,
 Расскажи нам, отчего ты тонешь
 В беспредельных и бездонных водах.
 И какой таинственной силой
 Обладал Лу Ян? Движенье солнца
 Он остановил копьем воздетым.
 Много их, идущих против Неба,
 Власть его присвоивших бесчинно.
 Я хочу смешать с землею небо,
 Слить всю необъятную природу
 С первозданным хаосом навеки.

ЛУНА НАД ПОГРАНИЧНЫМИ ГОРАМИ

Луна над Тянь-Шанем восходит, светла,
 И бел облаков океан,
 И ветер принесся за тысячу ли
 Сюда от заставы Юймынь.
 С тех пор как китайцы пошли на Бодэн,
 Враг рыщет у бухты Цинхай,
 И с этого поля сраженья никто
 Домой не вернулся живым.
 И воины мрачно глядят за рубеж —
 Возврата на родину ждут,
 А в женских покоях как раз в эту ночь
 Бессонница, вздохи и грусть.

ПЕСНИ НА ГРАНИЦЕ

Быстрые кони,
 Как ветер буйный,

 Вынесли войско
 За Вэйский мост.

С китайской луною
 Бойцы простились,
 Их черные стрелы
 Разят гордецов.
 Кончился бой.
 Злые звезды померкли.
 Лагерь пустеет,
 Унесся туман...
 Героев лики
 На стенах башни —
 Хэ Цао-яо
 Прославлен там.

НА ЗАПАДНОЙ БАШНЕ В ГОРОДЕ ЦЗИНЬЛИН
 ЧИТАЮ СТИХИ ПОД ЛУНОЙ

В ночной тишине Цзиньлина
 Проносится свежий ветер,
 Один я всхожу на башню,
 Смотрю на У и на Юэ.
 Облака отразились в водах
 И колышут город пустынный,
 Роса, как зерна жемчужин,
 Под осенней луной сверкает.
 Под светлой луной грущу я
 И долго не возвращаюсь.
 Не часто дано увидеть,
 Что древний поэт сказал.
 О реке говорил Се Тяо:
 «Прозрачней белого шелка», —
 И этой строки довольно,
 Чтоб запомнить его навек.

ПРОВОЖАЯ ДО БАЛИНА ДРУГА,
ДАРЮ ЕМУ ЭТИ СТИХИ НА ПАМЯТЬ

Я друга до Балина провожаю.
Потоком бурным протекает Ба,
Там на горе есть дерево большое,
Оно состарилось и не цветет.
Внизу весенняя пробилась травка,
Что ранит душу слабостью своей.
Я спрашиваю жителей окрестных:
«Куда меня дорога приведет?»
Мне отвечают: «По дороге этой
«На юге» некогда Ван Цань восходил».
Не прерываясь, тянется дорога
До города столичного Чанъань,
Садясь, тускнеет солнце над дворцами,
Плывут по небу стаи облаков.
И вот сейчас, когда прощаюсь с другом,
Разлуки место ранит душу мне.
И голос друга, «Иволгу» поющий,
Мне слушать нестерпимо тяжело.

ПРОЙДЯ ЦЗЫНЬМИНЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ,
РАССТАЮСЬ С РОДИНОЙ

Ущелие Цзыньминь пройдя,
Пространство Чу увидел я.
Здесь кряжей нет, здесь край равнин,
Рекой затоплены поля.
Небесным зеркалом луна
Летит, в реке отражена.
Люблю реку родимых мест,
И мне сопутствует она.

Ли Шан-инь

БЕЗ НАЗВАНИЯ

(К безымянной)

Клялась прийти,
Но все один я ныне.
Ушла, ушла,
И нет ее в помине,
А месяц косо
Освещает ложе,
Заря близка,
Ночь очень скоро минет.
О! И во сне
Она неуловима,
Зову в слезах, —
Она проходит мимо;
И тушь никак
Не сделать мне густою,
Когда письмо
Хочу писать любимой.
И половины
Нет свечи зеленой
В подсвечнике,
Где блещут алкионы
И лотосами вышит
Девий полог
И мускусом
Надушен благовонным.
Я, как Лю Чэн,
Горюю о пропаже:
Мою Пэн Лай
Я не увижу даже,
Ведь отдален
Я от Пэн Лай волшебной
Громадами
Непроходимых кряжей.

ЛЭЮЮАНЬ

День кончился, печаль в душе моей,
На Гуюань я еду меж ветвей...
Вечерняя заря прекрасна,
Но сумрак все становится черней.

ДРАГОЦЕННАЯ ЦИТРА

Нефритом украшена цитра моя,
И струн на ней пятьдесят.
И все эти звонкие струны со мной
О давних днях говорят.
Мудрец Чжуан-цзы в глубоком сне
Сияющей бабочкой был.
Ван-ди после смерти все чувства свои
В лесную кукушку вселил.
А в южных морях под взором луны
Текут жемчуга по щеке.
На синих полях под лучом дневным
В прозрачном яшма дымке.
О всех этих чудных явлениях не раз
Придется мне размышлять.
Но надо признаться, сейчас на моей
Душе печали печать.

ЛУННАЯ ВОЛШЕБНИЦА ЧАН Э

Как резок силуэт свечи на белой шторе.
В небесном Млечный Путь уже исчез просторе,
Чан Э бессмертия уже не тешит зелье,
Ей вечно быть теперь то на небе, то в море.

ПИШУ О ДУМАХ

Гуси и ласточки вдалеке
 Летают над Верхним лесом.
 В небе осеннем взор утонул,
 Под протяжную песню.
 Как поперек потока судьбы
 Пороги Туна и Цзяна,
 Так в гряде небесных гор
 Опасности гор Юйлэя.
 Солнце склоняется к лепесткам
 В прощальном вечернем блеске.
 Медлят над городом облака,
 Рождая слоистые тени.
 Три уже года бездомен я,
 Но слезы прочь отгоняю.
 Завтра начнется четвертый год —
 Как тогда не заплакать?

Мэй Яо-чэнь

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Печальная пора настала,
 Дожди сентябрьские шумят,
 С утра до вечера и снова
 Шумят до самого утра.
 — Что будет в пору спелой сливы? —
 Я вопрошаю небеса.
 Но в небе все уснули духи,
 И возвращаются слова.
 Луна и солнце — два светила,
 Лучистые глаза небес,
 Вдруг облачным бельмом покрылось,

У нас лекарства нет для них.
Я твердо знаю: эти слезы —
Сочувствия к народу знак,
И люди помешать бессильны
Скорбям властителя небес.
Властитель неба плачет горько,
Потоки слез текут дождем,
Всю нашу землю затопляя.
Земли испуганные духи
Спокойными не могут быть.
Их с головой уже покрыли
Потоки грязи дождевой.
Легко карают — знают все —
Служителей счастливых неба.
Пред богом ныне Хоуцзи,
Но прежде помогал сильнее.
Ци знает пахаря труды,
Он некогда своей рукою
Учил возделывать поля,
Но почему ж не просит небо
На время слезы прекратить,
Хлеба́ — все девять наших злаков —
Пусть даст возможность нам убрать.
Он раньше горевал, не плача,
Зато решил рыдать сейчас.
Желает жить народ-страдалец,
Зачем за горло брать его?
Небесных духов гнев ужасен!
Усы — поднявшийся дракон.
Ну, как могли предвидеть это
Писцы и мелкие чины?
От горя, от трудов, от страха
Изнемогает весь народ.
Но горлицы веселый голос
Звучит над рощей все сильнее...

Вэнь Тун

ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ

Упала тень на окна,
На сосны возле них,
Уплыли в небо тучи,
И летний дождь затих.

Лучи проникли в рошу, —
Зреет груша и орех!
На улице под солнцем
Ребячий слышен смех.

У горного потока
Стада коров мычат,
В пруду ныряют утки
И множество утят.

И каждый земледелец
Вином богат опять,
Друзей в селе соседнем
Он будет угощать.

Юань Хао-вэнь

ПЕСНЯ В ЗАПАДНОМ ТЕРЕМЕ

В саду летают паутинки,
Весна в расцвете красоты,
Сияет солнце, светел терем,
Благоухают все цветы.

На лютне яшмовой красотка
Играет в тереме своем.
Печальной песни не окончив,
Вздыхнула, вспомнила о том,

Как с другом и ее недавно
Дорога к западу вела,
Весенний ветер веял нежно,
Блестело золото седла.

Год миновал, и вот вернулась
Домой униженной она...
Увы! Увял осенний лотос,
Вода тускла и холодна.

Тех рек, что на восток умчались,
Не отсекает бинский меч.
Известно: на бамбук пятнистый
Должны рыданий пятна лечь.

Пусть море высохнет, но утка
Все будет с селезнем своим,
Коль вместе в небеса взлетели,
То вместе и погибнуть им.

По улицам снуют повозки,
Несется пыль из-под копыт.
Кому болтливая сорока
Блаженство полное сулит?

О чем у зеркала я грежу,
Не знает друг неверный мой.
Хочу цветком себя украсить,
Глаза туманятся слезой.

Чжан Кэ-цзю

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Мой друг через заставу Юйгуань
 Уехал в отдаленные края.
 За ширмою серебряной одна
 Сижу, тоскуя, до рассвета я.
 Осенний ветер горестно поет,
 Он стужей белый лотос обдает,
 И весь покрыт студенною росой
 Дриандры черной лиственный убор.
 Сегодня гусь не прилетел домой,
 Я вновь пишу тебе, любимый мой!

Фу Жо-цзинь

РЕКА ЦЗЮЙМАХЭ

Вот солнце заходит,
 Уйдя в беспредельность,
 От ветра осеннего
 В сердце печаль,
 Темны облака,
 Как на древних картинах,
 И волны Ишуй
 Холоднее, чем сталь.
 Уже прекратилось
 Движение джонок,
 Отныне дорога
 Идет по реке,
 А паутинки
 Прошлые дни вспоминают,
 И с жаром они
 Говорят о Цзин Кэ.

Сюй Цю

ПЕСЕНКА «СОРВАННАЯ ВЕТКА ИВЫ»

Уж сорок лет, как я приехал в Ляо,
Десятый год сыночку моему.
Он услышал случайно речь родную,
Но те слова неведомы ему.

Шэнь Цинь-ци

ЗАПИСКИ О СОБЫТИЯХ

Страна измучена войною долгой,
Бездомные блуждают по полям, —
Труд землепашца родине не нужен,
Весны сквозь слезы не видать глазам.

Дракон печали — повелитель неба,
Тигр бедствий — сторож облачных дверей,
Дом Тан, прославленный на поле бранном,
Забыл об участи простых людей.

Юй Чжи

ЛЮТЫЙ ТИГР

Тот лютый тигр внезапно появился,
Его кровавых подвигов не счесть,
Покинул он пещерное жилище,
Чтоб у дороги в зарослях засесть.

Ночной порой сквозь завыванье ветра
Везде рычанья страшные слышны,
И путники спешат домой вернуться
На всех путях своей родной страны.

Усилиями всеобщими народу
Злодея удалось бы победить,
Но лисьи стаи под защитой тигра
Готовы когти в путников вонзить.

Кто тигра взял бы голыми руками?
Такого не найдется хабреца.
Простые люди бродят, озираясь,
Испуганно трепещут их сердца.

Где те, которые пред взглядом грозным,
Не задрожав, на месте устоят?
Зверь в сумерках высматривал добычу,
Теперь и днем его сверкает взгляд.

Закрыв глаза, проходят мимо тигра,
Весь мир зверей от ужаса дрожит.
Но толстобрюхих разве беспокоит
Людей голодных истощенный вид?

О лютый тигр, тигр великолепный!
Тебе неведом леденящий страх,
Но на холме Балинь вокруг беседки
Ковер осенних трав уже зачах.

Злорадно выпускают полководцы
Из луков стрелы золотым дождем, —
Они в скалу вонзаются глубоко,
Что ж о злодействе говорить твоём?

КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЧХОЁНГА

Торжественный зачин

В священные годы Силла, в славные годы Силла,
Благоденствие в Поднебесной — по доброте Рахура!

О, отец наш Чхоён!

Если б, как ты, обиды терпеливо сносили люди,

Если б, как ты, обиды терпеливо сносили люди —

Три бедствия, восемь напастей

Сгинули б навсегда!

Славословие Чхоёну

Лик и образ отца Чхоёна!

Голова утопает в цветах и склонилась от тяжести этой.

О, как лоб твой велик! — это знак твоего долголетия;

Длинные брови твои, как мохнатые брови шансяна;

Широки твои очи, словно ты на любимую смотришь;

Чутки уши твои, будто целому миру внимаешь,

И румяней твой лик, чем на солнце согрешивший персик.

Ты в раздутые ноздри все пять ароматов вдыхаешь.

И разверсты уста, словно рот твой червонцами полон;

Белоснежные зубы твои, как глазурь или белая яшма;

Подбородок вперед выдается, затем что ты счастлив и славен,

Рамена твои никнут под грузом волшебных сокровищ;
 Руки кротко легли, совершивши благие деянья.
 Грудь в морщинах являет премудрость свою и отвагу;
 Лоно полно твое — ведь владеешь ты всем в преизбытке.
 Перетянуты чресла твои ярко-алой повязкой;
 Ноги длинны твои, благоденствия мира участник,
 И ступни широки оттого, что весь мир исходили.

Вопрошение

А и кто такого создал?
 А и кто такого создал?
 Без иголки и без ниток,
 Без иголки и без ниток.
 Создал кто отца Чхоёна?
 Страшного такого создал?
 Все роды — числом двенадцать —
 Сотворили нам Чхоёна.

Призыв беса лихорадки

Веячжи, Мот и Нонни!
 Мне обувь завяжите, —
 А то проклятье вам!

Песня Чхоёна

По столице под луною
 До рассвета прогуляя я,
 В дом придя, взглянув на ложе,
 Вижу там две пары ног.
 Две ноги жены любимой.
 Ну, а две другие — чьи?

Подхват песни

Вот тебя Чхоён увидит
И, как мясо, искрошит.

Возглас беса лихорадки

Обещаю я Чхоёну десять тысяч золотых,
Обещаю я Чхоёну семь сокровищ подарить.

Возглас Чхоёна

Не надо мне тысячи золотых,
Не над семи сокровищ!
Поймайте мне лихоманку.

Восклицание беса лихорадки

О горы, о доли! За тысячу ли
Запрячьте меня от Чхоёна!

Так изрек он, умоляя, —
Бес великий лихорадки.

СОГЁН ПЕЛЬГОК

Поет девушка, которую бросил любимый. Он покидает Согён, где остается его возлюбленная, А она, стоя на берегу реки Тэ-донган, по которой уезжает неверный юноша, слагает песню.

I

Девушка готова бросить всех, уехать вместе с милым, чтобы только не разлучаться с ним.

Город Согён — ачжилька,
Город Согён — столица,
Ви, туоронсон, таринтири!

Этот нарядный город —
Малый Сонгён люблю я.
Ви, туоронсон, таринтири!

Лучше, чем нам расстаться,
Город Согён я брошу.
Ви, туоронсон, таринтири!

Если меня ты любишь,
Пойду за тобой повсюду.
Ви, туоронсон, таринтири!

II

Девушка понимает, что это неосуществимо, и тогда душу ее охватывает другое чувство: пусть он уезжает, но она остается вечно верна милому.

Жемчуг, упав, ачжилька,
Вдребезги разобьется.
Ви, туоронсон, таринтири!

Но не порвется нитка,
На которой жемчуг нанизан.
Ви, туоронсон, таринтири!

Будь тысячу лет, ачжилька,
Без меня одинок на свете.
Ви, туоронсон, таринтири!

Верность тебе, мой милый,
Верность моя нетленна.
Ви, туоронсон, таринтири!

III

Но, нет! Верность верностью, а лодка уже готова отчалить.
И тогда девушка в отчаянии пытается удержать возлюбленного,
но обращается не к нему, а к лодочнику:

Зачем, не зная, ачжилька,
Какой Тэдонган широкий...
Ви, туоронсон, таринтири!

Зачем ты спускаешь лодку,
Спускаешь легкую лодку?
Ви, туоронсон, таринтири!

Зачем ты, гребец, ачжилька,
Не зная, как я печалюсь...
Ви, туоронсон, таринтири!

Зачем же ты в эту лодку
Сажаешь милого друга?
Ви, туоронсон, таринтири!

IV

Но все напрасно! Вот-вот уплывет лодка. И песня разрешается последним чувством — ревностью.

Ты за Тэдонган, ачжилька,
Ты за Тэдонган, стремишься.
Ви, туоронсон, таринтири!

Когда на лодке уедешь,
Там веселиться будешь,
Ви, туоронсон, таринтири!

ЗЕЛЕННЫЕ ГОРЫ

Лучше жить, эх, лучше жить,
На горах зеленых жить,
Лучше ягодой питаюсь,
На горах зеленых жить.
Ялли, ялли, ялянсон,
Ялляри, яля.

Пташка, пташка, распевай!
Пой, проснувшись, распевай!
А меня гнетут заботы,
И, проснувшись, плачу я.
Ялли, ялли, ялянсон,
Ялляри, яля.

Я гляжу на птиц летящих,
Птиц, летящих над рекой.
Я, неся свою мотыгу,
Вижу стаю над рекой.
Ялли, ялли, ялянсон,
Ялляри, яля.

Так в трудах разнообразных
Провожу я день за днем;
Только ночи долго длятся,
Одиночество томит.
Ялли, ялли, ялянсон,
Ялляри, яля.

Кем же брошен этот камень?
И в кого был брошен камень?
Камень на меня упал.
Плачу я, хоть невиновен.
Ялли, ялли, ялянсон,
Ялляри, яля.

Лучше жить, эх, лучше жить,
 У морского берега жить;
 Буду, рыбою питаюсь,
 У морского берега жить.
 Ялли, ялли, яллансон,
 Яллярри, ялля.

Буду там бродить и слушать,
 Буду, эх, бродить и слушать,
 Как на мачту сев, бревно
 Нами правит, буду слушать.
 Ялли, ялли, яллансон,
 Яллярри, ялля.

Я варю в пузатом жбане
 Веселящее питье.
 Пусть вино покрепче будет,
 Как мне жить, не знаю сам.
 Ялли, ялли, яллансон,
 Яллярри, ялля.

Корейские поэты XIV—XV веков

Лим Чин

* * *

Я сделал лук и за плечо закинул,
 Меч наточив, повесил на бедро

И положив колчан под изголовье,
 Заснул на страже в крепости Нёнбён.

Я крепко спал, но встрепенулся сразу,
 Услышав крик: «Готовься! Не зевай!»

Чон То Джон

* * *

Вода, что под мостом Сонин течет,
Бесследно к Чахадону утекает.

Деяния владык за сотни лет —
Лишь шум воды, текущей к Чахадону.

О юноша! Не спрашивай меня,
Как расцвело и как погисло царство.

Вон Чхон Сок

* * *

Позор и слава царств — в руках судьбы.
И вот заглохла Лунная Беседка.

Деяния владык за сотни лет
Живут лишь в звуках дудочки пастушьей.

Об этом горько мыслю, проходя
В лучах заката по столице древней.

Ли Чи Ран

* * *

Тигр, ревуший на чуских высотах,
И дракон из глубоких болот

Вихрь рождают и тучи наводят, —
Так играет их яростный дух.

Только циньский олень одинокий
Сам не знает, что делать с собой.

Пак Пхэн Нён

* * *

Пусть крылья ворона в метель
Нам белыми казаться могут.

Но свет сияющей луны
От черной ночи не темнее.

Так сердце чистое мое
Всегда пред государем ясно.

Ю Ын Бу

* * *

Прошедшей ночью ветер дул,
И землю снегом покрыл,

И сосен крепкие стволы
Повержены во прах.

Так что ж сказать мне о цветах,
Которым не цвести?

Чон Мон Чжу

* * *

Пусть раз и два умрет в мученьях тело.
О, пусть оно и сотню раз умрет,

А кости в прах летучий превратятся;
Останется ль душа — мне все равно;

Но преданное государю сердце
Не может измениться никогда.

Цой Хён

* * *

Прежде, сытно накормив Луэра,
В бой на нем бесстрашные неслись,
Лунцюань преславный надевали,
Наточив, как нужно, лезвиё.

А теперь кто в муже воспитает
Верность государю своему?

Ли Сэк

* * *

Долину всю снегами замело,
И тучи черные ее застлали.

Я за цветами сливы шел туда,
Но где цветут они — никто не знает.

В лучах заката я один стою
И разыскать дорогу не умею.

Ван Пан Ён

* * *

За тысячи ли, далеко-далеко,
Посмел я владыку оставить,

И сердцу покоя теперь не найти.
У моря сижу одиноко.

И волны бушуют, как сердце мое,
И мчатся сквозь мрак полуночный.

Сон Кан (Чон Чхоль)

* * *

Забрел в Сонсан однажды некий странник
И доброму хозяину сказал:
У вас одна беседка — «Отдых в дымке»,
Другая — «Отдых в благостной тени».
Но знайте, и в людском огромном мире
Есть много примечательных красот.
Зачем же в горы вы переселились
И выбрали жилье у горных рек,
Зачем вдали от жизни вы таитесь,
Скрываетесь в глуши безлюдных гор?

Подмел хозяин под сосной тенистой,
Потом скамейку тканью он покрыл
И сел и оглянулся удивленно,
Чтоб объяснить, зачем он здесь живет.
По краю неба облако скользило, —
Его жилище — грозный Сосоксан, —
Оно плывет туда, потом обратно...
Вот так в опалу бы хозяин шел.
Синея, пенясь, волны огибали
Беседку «Отдых в благостной тени»,
Река вилась, и чудилось, что кто-то
Развевал пряжу шелка на куски
И на землю их разостлал повсюду...
Явление чудесной красоты!

Здесь нет календаря, — сказал хозяин, —
Здесь не заметен времени полет,
Но изменяет облик свой природа,
И неизменны года времена,
И все, что слышишь ты и созерцаешь,
Все это — мир отшельников святых.

Весной

Когда встает, блестя лучами, солнце,
Цветущей сливы тень в моем окне;
От запаха цветов я просыпаюсь,
С утра немало дел у старика.
На солнечной сторонке, близ ограды,
Я каждый год сажаю огурцы,
Пропалывать, окучивать их надо, —
Пускай растут под благостным дождем.
И, кажется, что ожило преданье:
Живет отшельник у Зеленых Врат.
Я в башмаках, сплетенных из соломы,
На посох опираясь, выхожу.
Цветут деревья, а тропинка вьется
Вдоль берега, среди душистых трав.
Как в зеркале чистейшем, ширмы-скалы
В реке сверкающей отражены.
Иду я с другом неразлучным — тенью
Вниз по теченью вечному реки.
Где ж Персиковый Сад? — меня спросите.
Вот здесь — в долине, названной Улин!

Летом

Подует южный ветер, шевеля
Деревьев и кустов листву густую.
Вновь прилетит, ликуя, соловей,
Когда лететь ему пора настанет.
Подушкой волшебной усыплен,
Я задремал, но скоро сон прервется.
Поверхность вод послушно отразит
Висящую на воздухе беседку.
Холщевую одежду подобрал
И голову дерюжиной украсив,
Через перила я люблю смотреть

На стаи рыбок, что внизу резвятся.
 Лишь дождь ночной пройдет, начнут цвести
 И пурпурный и белоснежный лотос.
 Затишье — замер легкий ветерок.
 В горах струится лотосов дыханье.
 И чудится, что, повстречав Лянь Си,
 Ты с ним беседуешь об Изначальном,
 И кажется, что ты отшельник сам
 И Книгу Яшмовых писем читаешь.
 Любуясь грозной высью Ночжаам,
 Я сяду на тропинке каменистой
 У переката бурного Чами —
 Под старую тенистую сосною.
 В луну шестую по календарю
 Прохладую осеннюю повеет.
 Вот утка, крякнув, вышла из реки
 Как с другом, с белой чайкою рядком,
 И на песчаной отмели уселась,
 Заснула и не хочет просыпаться.
 Нет у нее забот — сплошной досуг...
 И этим на хозяина похожа.

Осенью

Бьет третья стража. Сквозь листву удуна
 Пробилась восходящая луна.
 На сотни гор и тысячи ущелий
 Она сиянье яркое струит.
 И мнится, кто-то там воздвиг внезапно
 Дворец Хрустальный озера Сиху.
 Перемахнув чрез Млечный Путь, он гордо
 Сверкает меж беседок на луне.
 Две древние сосны друг против друга
 У места рыболовного стоят.
 Невдалеке от них пускаю лодку,
 И по теченью понеслась она.
 Не замечаешь сам ее движенья,

По ряске белой вдоль осок плывя,
Покуда лодка не уткнется носом
В глубокий омут, где живет дракон.
А мальчики, что стерегут скотину,
На светлых, на зеленых берегах
По вечерам на дудочке играют,
Чтоб в песнях радость выразить свою.
И, кажется мне, звуками разбужен
Дракон, что притаился под водой,
А журавли, покинув гнезда, взмыли
Стремительно к тускнеющей заре.
У Су Дун-По читаем в славной оде:
«Луна седьмая — лучшая пора».
Но люди почему-то восхваляют
Луны восьмой пятнадцатую ночь.
И с четырех сторон темнеет небо,
Река как будто перестала течь.
Светило ночи из-за туч выходит
И вот уже над соснами висит.
Теперь Ли Бо понять совсем не трудно,
Он утонул, ловя в воде луну.

Зимой

Сметая вихрями сухие листья,
Бушует ветер северный в горах,
И, тучами ненастья управляя,
Он насыляет холод и метель.
Небесный князь в роскошестве пирует:
Создав из яшмы белые цветы,
Он своевольно снегом украшает
И дерево, и кустик, и траву.
И пережат реки уже бесшумен
(Над ним повис бревенчатый мосток).
Отшельник-старец, с посохом бредущий,
Скажи, куда тебя твой путь ведет?
Своим богатством никогда не хвастай,

Перед другими не гордись, старик!
Мир, серебром и яшмою одетый,
Другому тоже хочется найти.
В горах живя и не имея друга,
Читаю книги ханьской старины,
Деяния героев стародавних
Я перечитываю снизу вверх.
Их было много, мудростью богатых,
Их было много, славных храбрецов.
А было ль небо безучастным к людям,
Когда огромный создавался мир?
Но отчего превратностей ужасных
Теперь никто не может избежать?
Так много в мире тайн непостижимых,
Так много в мире горести и зла!
В реке Иншуй умыл недаром уши
Мудрец Сюй Ю, что жил в горах Цзишань.
Звон черпака ему помог быть стойким,
Быть верным убеждениям своим.
Светлей, чем день, была у старца совесть.
Чем больше смотришь, тем она новей.
Дела мирские черных туч темнее,
Зловеще-угрожающи они.
Позавчера поставленное бродит
Вино, но вкус его сперва проверь.
Опустошаю чарку я за чаркой,
Пью вдоволь, забывая обо всем.
Заботы, изнуряющие душу,
Теперь уже не властны надо мной.
Не спеть ли песню мне о «Ветре в соснах»,
Перебирая струны комунго?
Но я уже совсем не понимаю,
Хозяин я иль сам случайный гость?
Хозяин истинный долины этой —

Журавль, парящий в синих небесах.

И гость сказал хозяину: — Я вижу,
 Вы — истинный отшельник и мудрец!

* * *

Пока твои родители живут,
 Служи им так, как надлежит по правде.

Когда они покинут этот свет,
 Тогда уже раскаиваться поздно.

Неповторимо в жизни лишь одно:
 Родителям высокое служенье.

* * *

Эй, дед, что ты несешь на голове?
 Сними-ка тяжесть и отдай мне в руки.

Ведь у меня еще так много сил,
 Что мне легка и каменная глыба.

Уж грустно то, что ты так слаб и стар,
 А тут еще возиться с тяжкой ношей!

* * *

Пусть обопрется старец на тебя,
 Ты поддержи его двумя руками.

Пусть выйдет старец из дому с тобой,
 Дай посох старцу, будь ему опорой,

А после пира старца проводи
 Внимательно и бережно до дома.

* * *

Бьет колокол пятую стражу
На горной вершине Пынлай,
И ветер сквозь стены столицы
Доносит те звуки ко мне.
Ужели и в дальнюю ссылку
Они понесутся за мной?

* * *

Поверь моим словам —
Мне без тебя не жить!
С тобой забыть могу
Все горести навек.
Так для каких же дел
Тебя покину, друг?

* * *

Стою ли твердо на ногах,
Иль пьян — не все ль равно!
И есть горлянка или нет —
Путь прахом станет все.
Ко мне будь ласков, государь, —
И я поверю в жизнь.

* * *

Я хочу разбить на части сердце пылкое мое,
Чтобы каждая частица стала яркою звездой;
Пусть зажгутся эти звезды в поднебесной высоте,
Что раскинулась над нами на десятки тысяч ли.
Пусть они взойдут над местом, где любимый мой живет,
И пусть светят, восхищаясь красотой его лица.

* * *

Кто проводил и отбыл кто,
Друг друга не жалеете.
Кто захмелел, кто трезвым стал,
Не смейтесь друг над другом!
Пусть зной палит, а я в плаще,
Кому какое дело?

* * *

Ох, рубят, безжалостно рубят
Высокие, гордые сосны!
Коль дать подрасти им немного
Какие бы вышли стропила!
Вдруг тронный покой покосится...
Ну, чем подпирать его будем?

Л и И

ДЕВЯТЬ ИЗЛУЧИН КОСАНА

1

О девяти излучинах Косана
Хочу я людям ныне рассказать,
Камыш я срезал, дом себе построил,
Живу здесь, и ко мне друзья пришли.
Так я живу, и о Муи мечтаю,
И собираюсь изучать Чжу Си.

2

Излучины, что у Кванак, я славлю!
Хорош Кванак под солнцем золотым,

Тогда туман над травами редее
И возникают очертанья гор.

Поставь средь сосен жбан вина зеленый
И жди друзей — вот счастье на земле.

3

Излучину, что у Хваам, я славлю!
Как поздняя весна прекрасна здесь!

Я в синюю волну цветы бросаю,
Пусть плывут туда, где нет лугов.

И люди, поглядев на них, узнают
Природы несказанную красу.

4

Излучину, что у Чхипён, я славлю,
Когда зазеленеет здесь листва!

Над голубой водой порхают птицы,
То снизу щебет, то с высот летит.

Там пышная сосна шумит под ветром,
И летний зной не тяготит ее.

5

Излучину, что у Сонэ, я славлю!
Какой здесь восхитительный закат!

Здесь очертанья гор замысловатых
Причудливо купаются в воде.

Чем лес дремучей, чем родник прозрачней,
Тем более бываю счастлив я.

6

Излучину, что у Ынпён, я славлю!
О, как отраден взору наш Ынпён!

Здесь келья у источника ютится,
Чиста, опрятна — глаз не оторвать.

Вот здесь готов отдаться я науке,
Про ветер петь и прославлять луну.

7

Излучину, что у Чодэ, я славлю!
Здесь, у Чодэ, раздолье рыбакам!

Здесь я блажен, и веселятся рыбы,
И кто счастливей, отвечайте мне,

Когда я, удочки смотав неспешно,
Иду домой, луною озарен?!

8

Излучину, что у Пхунам, я славлю!
Здесь осенью бывает хорошо:

Под инеем сияет клен багряный,
А скалы все красуются в парче.

Тогда один сижу я на обрыве,
Забыв, что возвращенья минул час.

9

Излучину, что у Кымтхан, я славлю,
Когда она сияет под луной!

На комунго, украшенном нефритом,
Я здесь играю песни давних лет.

Забыты ныне старые напевы,
Лишь я один в них прелесть нахожу.

10

Излучину, что у Мунсан, я славлю,
Когда здесь угасает старый год!

Причудливые скалы и утесы
Укутал снег холодной пеленой.

А кто придет еще в такую пору? —
Другому нечем любоваться здесь.

Юн Сон До

ПЯТЬ ДРУЗЕЙ

Мне друзья: бамбук зеленый,
Речка, камень и сосна.

А когда луна восходит,
Счастлив я тогда вдвойне.

И поверьте, мне не надо
Больше никаких друзей.

Речка

Цвет облаков прекрасен, говорят,
Но иногда и он бывает черен.

Чист голос ветра, люди говорят,
Но голос тот нередко замолкает,

И кажется, на свете лишь вода
Всегда прекрасна и всегда струится.

Сосна

Если жарко — цветы зацветут,
Если холодно — лист опадает.

Отчего же, сосна, для тебя
Не страшны ни метели, ни иней?

Знаю: крепкие корни твои
В царство мертвых проникли глубоко...

Камень

Отчего цветы цветут,
А потом увянут,

Травы зелены сперва,
А потом желтеют?

В этом мире лишь одно
Неизменно — камень.

Луна

Такая малость в небесах,
А освещает всю природу.

Скажите, где еще найти
Такой светильник в тьме кромешной?

На вас он смотрит и молчит, —
Вот образ истинного друга!

Бамбук

Не схож ты с деревом ничуть,
И ты не схож с травой.

Ты совершенно пуст внутри
И очень тверд снаружи.

Я оттого тебя люблю,
Что круглый год ты зелен.

В ГОРАХ

I

Я каши ячневой поел
И овощей отведал ранних.
Сижу на камне у воды
И этим счастлив бесконечно.
А прочему всему, увь! —
Завидовать не стоит вовсе.

II

Поспал — и вот сижу один,
Горой люблюсь в отдаленье.
Любил тебя я, государь,
Но в том восторге толку мало.
Не шлет мне милостей гора,
А мне она стократ милее.

III

Гора Вольчхуль прекрасна, высока,
Но как туман на ней противен взору!
Он может скрыть на время и Чхонван —
Вершину высочайшую Вольчхуля —
И все же солнца вновь блеснут лучи,
И суждено рассеяться туману.

IV

Дует ветер — дверь закрой.
Поздно — свет гаси скорее.
Очень сладко мы уснем
На моей подушке мягкой.
Но коль стукнет милый гость,
Разбуди меня тотчас же.

V

Прошла суровая и долгая зима,
Куда-то скрылись буйные метели,

И на десятках тысяч гор вокруг
Повеяло весною благодатной.

Раскрыл я дверь сегодня поутру —
И встретило меня весны сиянье.

ВРЕМЕНА ГОДА РЫБАКА

Весна

I

Над рекой рассеялся туман,
Над горою засияло солнце.
Лодку выведи, рыбак, скорей!

Вот ночная отошла вода,
И уже идет вода дневная.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Пусть селенье у реки в цветах,
Мне милей краса цветов нагорных!

II

О, какой сегодня жаркий день,
Из глубин речных всплывают рыбы.
Якорь выбирать пора, рыбак!

Чайки белые вдвоем, втроем
Над речною гладью заметались.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Удочка со мной. А взял ли я
На дорогу и вина в кувшине?

III

Ветерок с востока веет к нам,
И приятен плеск волны зеленой.
Парус поднимать пора, рыбак!

И, на запад направляя путь,
Озером восточным я люблюсь.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Вот я гору миновал одну,
А за ней другая показалась.

IV

Чей там голос, — не кукушка ль там?
Что там зелено, — неужто ивы?
Ты гребни, гребни туда, рыбак!

Исчезая и всплывая вновь,
Сквозь туман селенье показалось.
Ты плещи, весло мое, плещи!

В омуте прозрачном подо мной
Рыбы серебристые резвятся.

V

Солнце жарко льет полдневный луч,
И вода в реке как будто масло.
Ты гребни, гребни туда, рыбак!

Что на месте мне одном стоять,
Рыбу я ловить повсюду стану.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Но «Чиста Цанланская вода»
Вспомнил — и совсем забыл про рыбу.

VI

Угасает поздняя заря.
На сегодня хватит! В путь обратный!
Парус опускай, рыбак, скорей!

А цветы и ивы на холмах
Новые за каждым поворотом.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Здесь ли к трем правителям страны
Мне терзаться завистью прилично?

VII

Как душисты травы и цветы!
Отвезу домой я орхидею.
Ты ладью останови, рыбак!

Лепестком ладья твоя плывет;
Чем ты нагрузил ее сегодня?
Ты плещи, весло мое, плещи!

Из дому я в ней увез туман,
А везу в ней лунный свет обратно.

VIII

Опьянев, я было лег на дно,
Но спускаться надо за пороги.
Лодку привяжи свою, рыбак!

Лепестками роз полна река, —
Я в страну волшебную заехал.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Как теперь далеко от меня
Прах багровый суетного мира!

IX

Любоваться я хочу луной,
Что сияет сквозь навес над лодкой.
Якорь брось, рыбак, скорей на дно!

Неужели надо мною ночь?
Слышен явственно кукушкин голос.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Мой восторг не ведает границ,
От себя гоню я мысль о доме.

X

Но светает, больше ночи нет.
Быть и завтра ей такой короткой.
Вот сюда причаливай, рыбак!

Опершись на палку, подхожу,
Двери я ищу в своем жилище.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Здесь решил я провести всю жизнь,
Как рыбак, в уединенье мирном.

Лето

XI

Ливень прекратился, наконец,
Речка снова сделалась прозрачной.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбак!

И не в силах радость удержать,
С удочкою в путь я отправляюсь.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Кто волшебной кистью написал
Эту реку в дымке, эти скалы?

XII

Я в листок завертываю рис,
А закуску можно не готовить.
Надо якорь подымать, рыбак!

А надел ли шляпу от дождя,
Плащ соломенный со мной ли в лодке?
Ты плещи, весло мое, плещи!

Все равно. Мне с чаек брать пример,
А они сегодня безмятежны.

XIII

Листья ряски ветер шевелит,
Под навесом лодочным — прохлада.
Парус опускать, рыбак, пора!

Летний ветер веет здесь и там,
Лодку волнам вверил я бесстрашно.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Я на север иль на юг плыву —
Все прекрасно, и не все равно ли?

XIV

«Коль грязна Цанланская вода»,
Ноги в ней я, уходя, помою.
Что ж! Гребь, гребь, гребь, рыбак!

Осторожен будь, плывя в Уцзян,
Где бушует в ярости погибший.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Если ж ты к Чунзяну поплывешь,
Берегись поймать поэта душу!

XV

Как хорош камней замшелых ряд,
А над ним — серебряные ивы!
Ты гребь, гребь, гребь туда!

По пути я встречу рыбака,
Не повздорим мы из-за дороги!
Ты плещи, весло мое, плещи!

Если ж будет он, как цапля, сед,
Поступлю, как те, кто принял Шуня.

XVI

Что тускнеет долгий летний день,
Я, ликуя, вовсе не приметил.
Опускай свой парус, опускай!

Будем петь рыбачью песнь, рыбац,
Песне в лад стуча рукой по мачте.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Кто поймет глубины древних чувств,
В этой песне дедовский сокрытых?

XVII

Разостлал я сети на песке,
Чтоб поспать, под старый плащ забрался.
Крепче лодку привяжи, рыбац!

Комары докучны, говорят,
Но зеленые наглее мухи.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Я боюсь на свете одного:
Что об этом Сандэбу узнает.

XVIII

Кто б вчера решился предсказать,
 Что поднимет ветер ночью волны?
 Якорь свой бросай, рыбак, бросай!

У безлюдной пристани челнок;
 Без гребца челнок нельзя отправить.
 Ты плещи, весло мое, плещи!

Как прекрасна в этот миг трава,
 Что поникла так, над берегами.

XIX

Я на дом свой с нежностью гляжу;
 Весь он горным облаком окутан.
 Лодку выгружай, рыбак, скорей!

С камышовым веером в руке
 Выхожу на каменистый берег.
 Ты плещи, весло мое, плещи!

Кто теперь посмеет утверждать,
 Что старик рыбак — пустой бездельник?

Осень

XX

Жизнь в забвенье мира — торжество.
 Так живет рыбак на этом свете.
 Лодку выводи, рыбак, скорей!

Что смеетесь вы над рыбаком?
 Все художники его писали.
 Ты плещи, весло мое, плещи!

Хороши и лето и весна,
 Но что может с осенью сравниться?

XXI

Осень подошла к стране озер.
Рыбы жир за лето накопили.
Якорь подымай, рыбак, скорей!

Погуляем-ка теперь, рыбак,
По волнам бескрайней водной шири!
Ты плещи, весло мое, плещи!

Я отсель на мир людей гляжу.
И чем дальше он, тем я счастливей!

XXII

Там, где гуси дикие летят,
Вдруг гора явилась из тумана.
Ты гребь, рыбак, гребь туда!

Еду я на ловлю, но сильней
Всех страстей — восторг перед природой.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Свет вечерний и широк и щедр,
Сотни гор в парчовом одеянье.

XXIII

Как обилен нынче мой улов,
Серебристой рыбы полны сети.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбак!

Я сейчас нарежу камыша,
Разведу огонь, и будет ужин.
Ты плещи, весло мое, плещи!

А потом кувшин я наклоню,
Чарку я налью себе до края.

XXIV

Как приятно веет ветерок!
Рыбаки везут улов богатый.
Опускай свой парус, опускай!

Пала на землю густая тень,
Но в груди моей избыток счастья.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Никогда глядеть не надоест
На реку в багровых листьях клена.

XXV

Заблестела белая роса,
На небо взошла луна, сияя.
Надо лодку придержать, рыбак!

Королевский далеко дворец —
Там бы свету лунному струиться!
Ты плещи, весло мое, плещи!

Если ж нет, пусть мне пошлет луна
Трав бессмертья, что готовит заяц.

XXVI

Нет двух мест, что схожи меж собой.
Где еще такое место сыщешь?
Лодку привяжи скорей, рыбак!

Прах земной сюда не долетит,
Оттого-то здесь не нужен веер.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Здесь людских не слышу я речей,
Скверну их с ушей смывать не надо.

XXVII

Иней мне одежду побелил,
Но от счастья холода не чую.
Якорь брось скорей, рыбак, на дно!

Ненадежен легкий мой челнок,
Но ведь жить с людьми еще опасней!
Ты плещи, весло мое, плещи!

Пусть таким и завтра будет все,
Будет тем же пусть и послезавтра!

XXVIII

На скале средь сосен дом стоит.
Вот бы где луною любоваться!
Лодку привяжи, рыбак, скорей!

Но дорогу разве отыскать
Темной ночью на горе безлюдной?
Ты плещи, весло мое, плещи!

Надо мной нависли облака,
Плющ опутал голову и плечи.

XXIX

Но внезапно тучи пронеслись,
Сразу все под солнцем засверкало.
В путь пора отправиться, рыбак!

И природа словно замерла,
Только синь морская неизменна.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Глубже море кажется теперь,
И белее волн высоких пена.

Зима

XXX

Что, готов ли к лову ты, старик,
Насадил ли на крючок наживку?
Якорь подымай тогда скорей!

Есть в Китае озеро Дунтин,
Там зимою замерзают сети.
Ты плещи, весло мое, плещи!

А у нас обилен зимний лов,
Как нигде еще в подлунном мире.

XXXI

Здесь зимою воды из реки
В озеро далекое уходят.
Подымай же парус, подымай!

Радуйся, что нынче тихий день,
И в открытое направься море.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Там, как говорят, идет сама
На наживку рыба-великанша.

XXXII

Ночью снег шел, перестал к утру.
И мгновенно все преобразилось.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбац!

Впереди синее моря гладь,
Позади в снегу сияют горы.
Ты плещи, весло мое, плещи!

То даосский рай иль царство будд,
Но не мир людей обыкновенных.

XXXIII

Невод прочь, — и песню я пою,
Отбивая такт рукой по лодке.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбак!

Чтобы малый пересечь залив,
Надо ли сомнению предаваться!
Ты плещи, весло мое, плещи!

Но свирепый ветер все сильней,
И я в путь пуститься не решаюсь!

XXXIV

Чайки белокрылые летят,
Чтоб найти пристанище ночное.
Парус распустишь, рыбак, пора!

Впереди дорога в темноте,
И метель внезапно закружилась.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Да и впрямь, совсем как в старину,
Та же ночь, такой же снег и чайки.

XXXV

Ширмой расписной кругом стоят
Красные, зеленые утесы.
Лодку придержи, рыбак, свою!

Все равно, богат улов иль нет?
Все равно, крупна, мелка ли рыба.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Я сажу в соломенном плаще,
В шапке лубяной, — кругом безмолвье.

XXXVI

Сосенка одна на берегу
Кажется черней на белом снеге.
Надо лодку придержать, рыбак!

Тучи темные вокруг, — пускай
Мир они постылый застилают.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Волны шумные бушуют, — что ж!
Шум мирской зато совсем не слышен.

XXXVII

С древних лет являлись мудрецы,
Что с природой-матерью дружили.
Якорь брось, рыбак, теперь на дно!

Ян Цзы-лин в овчину был одет,
У порогов Цзилитань трудился.
Ты плещи, весло мое, плещи!

Десять лет, в мороз, руками он
Рыб ловил. И я рыбаку тоже.

XXXVIII

Но, увы! Уже подходит ночь.
Отдохнуть и мне пора сегодня.
Лодку привяжи, рыбак скорей!

Снег идет, огонь горит в дому,
Я туда счастливый возвращаюсь.
Ты плещи, весло мое, плещи!

До зари в морозное окно
Буду любоваться я луною.

Син Хым

* * *

В селенье горном снег на землю выпал,
И замело в горах крутые тропы.

Пусть будет заперта сегодня дверь
Плетеная, — кто может быть за нею?

В ночной тиши лишь светлый серп луны,
Единый друг, гостит в моем жилище.

* * *

Слава — это башмаки худые
На дырявых нищенских чулках...

Я давно ушел в поля и рощи
И теперь с оленями дружу.

Так согласен жить я бесконечно,
А тебе спасибо, добрый ван.

* * *

Пусть из неравных бревен крыша сбита,
Погнулся столб один, дугой упал;

И хижина так велика, что можно
В ней две циновки рядом расстелить;

Но каждый листик повилики горной
В лучах луны мне самый верный друг.

Ли Хван

* * *

Вот беседка пред горою,
Под беседкою река.

Стаи чаек белоснежных
Пролетают над водой...

Отчего же эти чайки
Не хотят со мной играть?

* * *

Горы каждой весной цветут,
Ночи осени в лунном сиянье,

Ход времен, неизменный всегда,
Человеку таинственно сроден.

Рыба плещется, ястреб парит...
Как поверить, что это случайно?

* * *

Я на время верный путь оставил,
На который некогда ступил.

Проблуждал я где-то эти годы,
А теперь опять пришел сюда.

Но о том, что возвратился поздно
К правде, — бесполезно сожалеть.

* * *

Древние люди меня не встречали,
Их я не мог лицезреть.

Хоть и не видел я ликов их светлых,
Путь их всегда предо мной.

Если навеки их путь предо мною,
Как по нему не идти?

* * *

Пусть гром разрушит скал гряде,
Глухим рожденный не услышит.

Пусть солнце блещет в небесах,
Слепорожденный не увидит.

Да, зрячи мы, наш чуток слух
И все же мы слепоглухие.

* * *

Укрыться б мне в шатре тумана,
Дружить бы с ветром и луной

И встретить старость без недугов
В сей век великой тишины.

Еще одно хочу я — имя
Навеки чистым сохранить.

* * *

Орхидеи в долине цветут,
Их вдыхать — мне одно наслажденье;

Облака на вершинах лежат,
Видеть их — мне одно наслажденье.

И средь этой земной красоты
Позабуду ли я государя?

Ли Хён Бо

* * *

От бремени забот здесь человек свободен.
Жизнь рыбака — свидетельство тому;

Он смело лепесток-челнок пускает
В безбрежном море по большим волнам.

И, мирно забывая все на свете,
Теченья времени не замечает он.

* * *

Склонившись, смотришь — бездна вод синее;
Оглянешься назад — там зелень гор,

И ржавый прах, прах суетного мира,
Блаженных этих не коснется мест.

Луна ясна над водяным простором,
И оттого беспечнее душа.

* * *

В лист лотоса горсть риса завернуть,
Рыб мелких нанизать на ветку ивы

И привязать свой лепесток-челнок
Средь камышей, цветущих над водою.

Кому, скажи, еще дано постичь
Очарованье этой жизни мирной?

* * *

Несется туча над вершиной горной,
И чайка над морской резвится гладью.

О, эти двое!
Как они свободны!

Подобно им, забыв о всех тревогах,
Я буду в мире беззаботно жить!

* * *

Взглянув назад, где пышная столица,
Где царственный красуется чертог.

О нем я помню каждое мгновенье,
В рыбацкой лодке лежа на спине.

А это вовсе не моя забота —
Пусть без меня мудрец спасает мир.

* * *

Все говорят: «К родным местам
Он едет». Я ж, увы, не еду!

Заглохло поле без меня,
Дичает сад мой опустелый.

Там ветер злой и лунный свет
По хижине моей гуляют.

Ли Хан Бок

* * *

Тучи, что уже перевалили
Через высокий перевал Чоллён,
Вы, как дождь, с собою захватите
Слезы государева слуги;
Над дворцом, где мой живет владыка,
Ливнем их пролейте, я молю!

Ку Чи Чжон

* * *

Орел, схвативший в когти мышь,
Не похваляйся тем, что сът!
Пускай журавль приречный тощ —
Он не завидует тебе.
И я худым согласен быть,
Чтоб жить вдали от суеты.

Ли Тхэк

* * *

Не смейся ты, огромный гриф,
Над тем, что воробей тщедушен!
Ведь ты и он, ведь оба вы
Летаете в бескрайнем небе.
Летающие птицы вы, —
Не вижу разницы меж вами.

Ким Ту Сон

* * *

Под вечер, сокола с собою взяв,
Я за рекой на холм взошел высокий,

Спугнул фазана, сокола спустил...
Вдруг сумерки неожиданно наступили.

И где-то там, из облаков густых,
Звон колокольчика раздался легкий.

Пак Ин Ро

* * *

Ком железа в десять тысяч цзюней
В проволоку вытянуть хочу.

Обвяжу я проволокой солнце,
Мощный ход его остановлю.

Так я поступаю, чтоб не старели
Милые родители мои.

Ли Чон Гу

* * *

В тебя и можно верить и нельзя, —
Вот каковы твоя любовь и верность!

И в дни, когда я веровал в тебя,
Я знал: тебе довериться — безумье!

Хотя мне говорили, что нельзя
Поверить... Как же можно жить без веры!

Хан Хо

* * *

Стоит ли сюда нести циновку?
Можно и на листьях посидеть.

И светильник зажигать не надо, —
Как вчера, посветит нам луна.

Дешево вино, и дики травы.
Не беда! Все подавай скорей.

Ли Сун Син

* * *

В ночь лунную на острове Хансан
Гляжу на море я с дозорной башни;

Мой верный меч, мой длинный меч при мне,
А на сердце — тяжелое раздумье.

Вдруг камышовой дудки слышу свист,
Протяжный свист — он дуду мне встревожил.

Ким Сам Хён

* * *

«Погибни, Наньпа!
Но голову не гни перед неправдой».

И, улыбаясь, отвечает Наньпа:
«Ты так сказал. И я умру с тобою».

А после сколько мўжей знаменитых
Рыдали, эти слушая слова!

* * *

О гора Самкаксан! Уезжаю!
Расстаюсь с вами, воды Хингана!

Покидаю, увы! — с неохотой
Дорогие мне горы и реки,

Да и время настало такое,
Что не знаю, увижу ль их снова.

* * *

Пусть слава и почет вас не пленяют!
Сосед ближайший почести — позор.

Вы, домогаясь славы и богатства,
Идете по неверному пути.

А я ничем теперь не озабочен
И не боюсь бесчестья и беды.

Чу Ый Сик

* * *

Высоко небо, — люди говорят, —
Но во весь рост смотри не подымайся!

Земля прочна, — все люди говорят, —
Но я по ней с опаскою ступаю.

Высоко небо, и земля прочна...
Так говорят. Я ж осторожен буду.

Син Чон Ха

* * *

Пусть служба уважения достойна,
Но с жизнью ли своей ее сравню,

Когда, осла хромого погоняя,
Я возвращаюсь в милые края.

В пути, я знаю, добрый ливень смоет
С плаща дорожного всю грязь и пыль.

Чон Тхэ Хва

* * *

Захмелел от первой чарки,
Захмелел я и сижу.

И уходят вереницей
От меня печали прочь.

Мальчик, чарку дай вторую,
Чтоб печали проводить!

Чон Он

* * *

Приготовь мне, мальчик, плащ в дорогу
И соломенную шляпу дай.

Леску я к удилицу приладил,
Без крючка рыбачить ухожу.

Рыбы, вы меня теперь не бойтесь!
Просто я развлечься захотел.

Ли Ян Вон

* * *

Вы велели мне взобраться
На высокую сосну.

Но, «друзья», по крайней мере
Не трясите же ее!

Умереть мне будет грустно,
Государя не узрев.

Ли Ан Нуль

* * *

Пусть небо и земля шатром мне станут;
Светильником — луч солнечный и лунный;

Вином — вода из Северного моря, —
Ее хотел бы лить я в жбан огромный

И пить, не зная, что такое старость,
Под взором Ноинсон — светила жизни!

Ким Кван Ук

* * *

Горы тихие, светлые реки,
Вы — мое достояние ныне,

Я же ваш повелитель единый,
Кто осмелится мне прекословить?

И пусть жадным меня называют,
Я ни с кем не желаю делиться!

* * *

Забыл я почести и славу,
Богатства, знатный род забыл;

Забыты горести навеки,
Тревоги, жизни суета;

Я даже сам забыт собою,
Не надо ж вспоминать меня.

* * *

Одинокая белая цапля, стоишь
Ты на белом прибрежном песке.

Знаю я: только ты бы могла разделить
Сокровенные думы мои.

Вихрь над прахом земным я с тобою презрел,
И меж нами различия нет.

Ким Ю Гю

* * *

Дождь прошумел, и в цвет единый
Смешались небо и вода.

И, в лодку взяв вина хмельного,
На ловлю я спешу отплыть.

А чайки, взмыв над камышами,
С восторгом на меня глядят.

Со Ик

* * *

Если бы разрушить эту гору,
Если бы засыпать ею море,

Я тогда б добрался до Пынлая,
Там с моей любимой повстречался...

Но, увы, я схож с пичужкой малой
И не создан для таких деяний!

Чхон Кым

* * *

В селенье горное спустилась ночь,
Издаലെка донесся лай собаки.

Я вышла, чтобы милого принять,
Нет никого — в морозном небе месяце.

О пес, зачем так громко лаешь ты, —
Там только месяц над горой безлюдной.

Ким Сан Ён

* * *

Слово молвишь — скажут: вот простаёк,
Промолчишь — и глупым назовут.

Нищ — вокруг тебя грохочет смех,
А богат — от зависти черны.

Горе нам! Под небом на земле
Человеку больше жить нельзя!

Сон Хон

* * *

Людских речей не знает горный лес...
 И без причуд струится вдаль река;
 На золото не купишь ветра свист...
 Владыкам непокорен свет луны...
 Недугам неподвластен я, поэт,
 И мирно старость встретить здесь готов.

Сон Ин

* * *

Что услышу — вспомнить не могу,
 Что увижу — словно и не видел.
 Так живу и не желаю знать,
 Чем дурны и чем прекрасны люди.
 Лишь былая хватка у меня:
 Пальцы чарку полную удержат.

Ли Вон Ик

* * *

Мириады тонких нитей — серебристых ив наряд;
 Но поймать они не могут вешний ветер на лету.
 Вкруг цветов рои кружатся медоносных пчел и ос;
 Но они помочь не могут, если облетел цветок.
 Как бы страстью ни пылал ты, как бы верен ни был ей,
 Ты бессилен, коль любимой ты покинут навсегда.

Ли Ван

* * *

О, если бы сровнять с землею горы,
Просторней стало б озеру Дунтин!

О, если б на луне срубить деревья,
Она бы ярче освещала ночь!

Как горько сознавать свое бессилье
И лишь хотеть, а дел не совершать!

Хван Чин И

* * *

Разве я была, о друг мой, нехорошею с тобою,
Разве я была неверной, обманула ли тебя?

Клялся ты прийти сегодня в третью стражу, в темноте,
А на деле оказалось — это вовсе и не ты,

А всего лишь шорох листьев на осенних деревьях.
И на листья ли сердиться, если друг мой виноват!

* * *

О, синий мой ручей в горах зеленых!
Ты не гордись, что так легко течешь,

Знай, выбраться обратно невозможно
Тому, кто в ширь морскую попадет.

Все горы залиты Луною Ясной,
Не хочешь ли утешиться, ручей?

Сор И

* * *

Говорят: «Сосна!» Сосна какая?
Про какую говорят сосну?

Не про ту ль, что на крутом обрыве
Высится, — так, значит, про меня!

Топоры мальчишек-дровосеков,
До меня не дотянуться вам!

Лим Чэ

* * *

Изумрудно сияет трава...
Здесь ты спишь, здесь покоится тело.

Где же светлый твой лик преклонен?
Здесь лишь белые кости зарыты!

Нет детей у тебя, о печаль,
И никто не свершит возлиянья.

Син Хи Мун

* * *

В штанах коротких, за плечом — мотыга,
Я поле выполол и распахал.

И песню деревенскую мурлыча,
Домой иду, весь озарен луной.

Жена, вино процеживая, молвит:
«За домом поле завтра вспашем мы».

Ян Са Он

* * *

Говорят, что Тайшань высока,
Но ведь небо-то все-таки выше!

И, решив до вершины дойти,
Ты бесстрашно туда и взберешься.

Так и люди: боясь высоты,
Неприступными горы считают.

Ли Чон Бо

Есть в доме у меня заветный меч,
Он на стене пока висит, скучая,

Но иногда заветный меч звенит
И этим выражает нетерпенье.

Под звездами сияй, мой Луньцзуань!
Известно всем, что я готов на подвиг.

Ли Чэ

* * *

Звезда погасла — жаворонок взвился.
Я из дому с мотыгой выхожу.

Пускай теперь роса в лесу промочит
Короткие крестьянские штаны.

Как хорошо работать утром в поле!
И не беда, что я насквозь промок.

Ким Чин Тхе

* * *

Средь воронья узнай-ка,
Где там самец, где самка?

Узнай, прольется ль дождик
Из тучи проходящей!

Вот так и наши души,
И все, что здесь творится.

Ким Ён

* * *

О перелетный сокол, не гордись,
Что ты мгновенно сотни ли покроешь.

И жаба ведь доскачет до Янцзы,
Вол за конем туда же доплетется.

Положенного нам не перейти...
Так разве, сокол, я тебе не равен?

Ким Су Чжан

* * *

Молю одержимых любовью к чинам
Подумать о завтрашнем дне!

Они, словно малые дети в песке,
Играют под солнцем сейчас.

А за гору светлое солнце зайдет,
Что с ними случится тогда?..

* * *

Ты облако лазурное лелеешь;
Мне белоснежное — милей всего.

Твоя отрада — знатность и богатство;
Мне по сердцу и бедность и покой.

И сколько б ни смеялись надо мною,
Я буду твердо на своем стоять.

* * *

Так жизнь моя становится все проще,
И вот при мне остались, наконец,
Лоз виноградных, может быть, десяток
И списки всех мне дорогих стихов.
И никогда меня не покидают,
А значит — любят: ветер и луна.

* * *

Родители мои — земля и небо,
И для меня природа — как жена;
Холмы, потоки — мне родные братья;
А ветер и луна — друзья мои.
И нерушимую храню я верность
До смерти государю моему.

* * *

Жилище тесно, словно дом улитки,
Но вокруг него — природы чудеса,
Стены четыре, а на стенах книги,
В них мысли старика погружены.
И мнится мне, что я один на свете
Способен жить без мелочных страстей.

* * *

Старые, больные чувства
Тешит запах хризантем;
А печали без названья
Тешит черный виноград;
Но когда виски седеют,
Утешает только песнь.

* * *

Соседи справа — под скалой живут,
Соседи слева — в хворосте ютятся,
Одеты в травы, впроголодь живут,
Но все они добры и благородны.
Так отчего в хоромах богачей
Такие злые и плохие люди?

* * *

Пусть винный жбан твой полон будет вечно,
Ты хочешь пить или не хочешь пить.
Пусть при тебе всегда красотка будет,
Нужна она тебе или не нужна.
Так жить хочу, чтобы утешить время,
Что, словно путник, все идет вперед.

* * *

Если нет цветов и жбан твой пуст, —
Узнаешь ты цену наслажденья,
Время, словно путник — лошадей,
Волосы торопит серебриться,
А моих советчиков толпа
Мне кричит, что бражничать не надо.

Ким Чхон Тхэк

* * *

Что такое почести и слава?!
Им на смену явится позор.

Пусть отныне мне друзьями будут
Винный жбан и звучный каягим.

С ними жить бы и стареть спокойно
В мире, в благоденствии, в тиши.

* * *

Мир исполнен суетности мелкой;
От него к природе ухожу.

О, как беззаботны эти чайки!
Их никто не гонит, не зовет.

Лишь они, я в том не сомневаюсь,
Без раздоров на земле живут.

* * *

Жизнь людей на сон похожа;
Что мне слава и почет?!

Мудрость, глупость, знатность, деньги...
Перед смертью все равны.

И на этом свете радость
Я уверен, лишь в вине.

* * *

Красный клен так нежно красен;
Хризантемы запах душен;

Водка рисовая — чудо,
И вкусна сырая рыба.

Комунго скорей мне дайте;
Сам налью, сам петь я стану!

* * *

Рыбачья песнь и дудка пастуха
Смешались с ветром, что свистит в долине,

И потревожили мой сон дневной...
Я пьяные глаза приоткрываю

И вижу, что с горы идут друзья,
Вновь жбан несут и предлагают выпить.

* * *

Пробудившись — снова пью,
Охмелев — ложусь я снова.

Потому не знаю я,
Что почит, а что — бесчестье.

Трезвого не помня дня,
Пьяным жить я буду в мире.

Пак Хё Гван

* * *

Любимый, мне приснившийся в ночи,
Исчез бесследно, чуть я пробудилась.

Куда ж великая ушла любовь,
Любовь, что в сердце у тебя кипела?!

Являйся чаще, о, хотя б во сне!
Нет, нет, не надо, сон — лишь призрак тщетный...

* * *

Кукушка в пустынных горах!
Скажи мне, о чем ты рыдаешь?

Неужто ты так же, как я,
Покинута кем-то жестоко?!

И сколько ни будешь рыдать,
Вовек не услышишь ответа!

* * *

Словно воды реки текущей,
Незаметно проходит время,

Вновь весна, и на огороде
Запестрели овощи снова.

Мальчик, новым вином нас потчуй,
Выпьем чарку новой весною!

Ан Мун Ён

* * *

О хризантема! Объясни, зачем
Так ненавидишь ты весенний ветер?

«Замерзну лучше, — отвечал цветок, —
В простой ограде под студеным ливнем,

Но не хочу с другими я делить
Восторг пред торжествующей весной».

* * *

Эту самую луну
Год назад я видел в небе.

Год прошел, и в эту ночь
Я опять люблюсь ею.

Понял я: года идут,
А луна стоит на месте.

* * *

За оградою сада цветы,
А вдоль берега озера — ивы.

Голос иволги громко звучит,
В пляске пестрые бабочки вьются.

Среди бабочек, ив и цветов —
Здесь гулять я хочу беззаботно.

Ким Мин Сун

* * *

Недугов, что меня терзают тяжко,
Не сосчитать, — их не один, не два.
Глаза глядят, но лучше б не глядели,
И слышат уши — лучше быть глухим,
И ноздри лучше бы не обоняли,
И разучились говорить уста.
А то, что мне порой суставы ломит,
Болит нутро, а иногда тошнит,
Так это все неважно...

Неизвестные авторы

* * *

Переделать бы на метлы
Поскорее все мечи,

Чтобы вымести отсюда
И южан и северян,

А из метел плуги сделать
И всю землю распахать.

* * *

Есть славный меч Сян Юйя,
Железный бич Мэн Бэня,

Су Циня красноречье
И разум Чжугэ Ляңа;

Но всем им, вместе взятым,
Не справиться с любовью.

* * *

Меч, на стене вися, звенит —
Кровь в сердце жаростно пылает;
И в молодых моих руках
И день и ночь играют мышцы.
Когда ж, о время, твой черед?
Скажи два слова: «Я настало».

* * *

О ветер, дуй! Нещадно дуй!
И тучи нагоняй.
Ты, дождик, капать перестань
И в ливень превратись.
Тебе ж, дорога, — морем стать,
Чтоб милый не ушел.

* * *

Луну, что видела тебя,
Я повидать хочу.
Окно открыла на восток
И стала ждать ее.
Но слезы хлынули из глаз —
И в дымке та луна.

* * *

Общение с людьми невыносимо!
Все чаще я к природе уйду.
Владею я клочком пустого поля
Да рощицей из тутовых дерев.
Все это скудно и неприхотливо,
Зато не знаю ни забот, ни бед.

* * *

Я под окном посадил хризантему,
А рядом поставил бродить вино.
Цветет хризантема — вино забродило,
Пришли друзья, и взошла луна.
Возьми комунго, весели нас, мальчик!
Мы будем здесь пировать всю ночь!

* * *

О сновиденье, злое сновиденье!
Ты отпустило друга моего,
Он навестил меня сегодня ночью,
А ты забыло разбудить меня.
Теперь, когда он явится, ты сразу
Буди меня и удержи его.

* * *

Конь ржет от нетерпенья,
Друг милый едет прочь.
На запад солнце клонится...
Как путь его далек!
Из тысяч дней столетия
Сегодня худший день.

* * *

Про глубину озер, морей
Кто небылицу сплел?
Грудь уточки им не покрыть, —
А как она мала!
Но, знаю, глубока любовь
Того, кого люблю.

* * *

Проснулась, взглянула и вижу:
От милого это письмо.

Сто раз я его прочитала,
Потом положила на грудь.

Оно не казалось тяжелым,
Что ж на сердце так тяжело?

* * *

Сказал: приду, — и я ждала всю ночь;
Луна звездой сменилась предрассветной.

Ты ль виноват, что обманул меня,
Виновна ль я, что друга ожидала,

Но сколько б ты ни говорил «приду»,
Тебе, мой друг, я больше не поверю.

* * *

Не знаю, кто в окне прорвал бумагу,
И луч луны попал в кувшин с вином.

Вино бы это проглотить скорее!
Хочу с вином я выпить этот луч.

Воистину, как просветлело б сердце,
Когда бы можно было пить луну.

* * *

В подарок веер получила я,
Такой подарок не лишен значенья.

Дарившие хотели мне сказать:
«Гаси огонь, что грудь твою сжигает».

Но веер не потушит пламя то,
Которое мне не залить слезами.

* * *

Расставанье и разлука!
Скрылись вы в какую щель
В год сожженья книг жестокий?
Мудрый Цан придумал вас,
И живете вы доселе
Для мученья наших душ.

* * *

О ветер! Я молю тебя, не дуй
Сквозь лунный свет в мой двор, покрытый снегом.
Мне кажется, твой шум похож на звук
Шагов того, кто больше не приходит.
Хоть знаю я, что это только бред,
В беспамятстве его шаги я слышу.

* * *

Дует ветер или нет,
Хлещет дождь иль снег белеет, —
Если нет тебя, мой друг,
Это душу занимает.
Но когда со мною ты,
Все на свете безразлично.

* * *

Повалит ли гору ветер,
Дожди источат ли камень?
И может ли истощиться
Любовь, что скрепили взоры?
Пусть рухнет гора от ветра,
Тогда ты узришь разлуку.

* * *

Когда на том свете мы встретимся вновь,
Тобою я стану, ты — мною.

Тогда твое сердце изноет, любя,
Как я по тебе изнываю.

Тогда каково тебе будет познать
Ту боль, что меня истомила?

* * *

Слово напишу я — и заплачу,
Напишу другое — и вздохну,

Словно не письмо пишу — рисую
И слезами разбавляю тушь.

Милая, прости мне мой рисунок,
С горем в сердце я тебе писал.

* * *

Вскарабкавшись на горную вершину,
Не смейся ты над маленьким холмом!

Гром может грянуть, разразится буря, —
Оступишься и в бездну полетишь.

Когда же мы стоим на ровном месте,
Не существует страшного для нас.

* * *

Один слепец взял на спину другого,
На босу ногу намусин надев,

Через бревенчатый прогнивший мостик,
Не опираясь ни на что, бредет.

А будда каменный на перекрестке
Глядит на небо и смеется всласть.

* * *

С тобой, чей голос был подобен грому,
Свиданье первое блестит зарницей,
А наши встречи были словно ливень,
Но все рассеялось, как в небе тучи.
Вздохнула я, и был мой вздох, как буря,
Горячий вздох на землю пал туманом.

* * *

Хмельным восторгом упоен, Ли Бо
Погиб, пойдя по водам за луною.
С тех пор поныне люди говорят
Чуть что: вино — всех наших бед причина.
А Цюй Юань покончил жизнь в Мило,
Каким вином упившись, мне скажите?

* * *

Куплю любовь, куплю любовь — иные говорят...
А где найдете вы того, кто вам продаст любовь?
Продам разлуку, продаю! — иные говорят,
А где найдете вы того, кто бы купил ее?
Любовь, разлука — не товар, чтоб ими торговать,
И если полюбил — навек; расстался — навсегда.

* * *

Пусть вихрями станут все вздохи мои,
А слезы дождями прольются;
Пусть свищут те вихри и хлещут дожди
Вкруг дома, где спишь ты спокойно.
И пусть они будят тебя и томят
За то, что меня позабыла.

* * *

Конем владел я, и вином, и золотом, —
И для чужих я словно братом был.

Издых мой конь, нет ни вина, ни злата —
И я бродяга даже для родни.

О, как превратен мир, как подлы люди,
И как о том теперь печалюсь я!

* * *

И ветер, лишь только отдохнет, минует Чансонрён.
И туча, тоже отдохнув, ползет через него.

Маньчжурский сокол и морской, и горный, отдохнув,
Расправят крылья, пролетят над высью Чансонрён;

Но я, узнав, что там она, мгновенья бы не ждал...
Я б одолел, не отдохнув, могучий Чансонрён.

* * *

Чудесный сон издалека
Ко мне любимую привел;

Я от восторга задрожал;
Умчался сон, и нет ее.

Ужель ты скрылась оттого,
Что рано я проснуться смел?!

* * *

В окне мелькнула тень,
Я вышла друга встретить.

Нет, то не гость: в окне
Лишь облачко проплыло,

Когда б то было днем —
Смеялись бы соседи.

* * *

Сосна, посаженная здесь, скажи,
Зачем тебя сюда пересадили?

Какой ты берег горного ручья,
Пересекаясь, оставила навеки?

Уже никто не может рассказать
О красоте твоих ветвей зеленых.

* * *

Ты меня не бойся, чайка!
Я тебя ловить не буду.

Государь меня покинул,
И скитаюсь я бродягой.

Ко двору не буду позван,
А резвиться с чайкой буду.

* * *

Как ночи те тянулись бесконечно!
Та, что была вчера, позавчера.

Отрезать бы от них хоть по кусочку,
Чтоб нынешнею ночь удлинить,

Чтобы сегодня продолжалось завтра,
А послезавтра встретить бы рассвет.

* * *

Встречаться с ним и после охладеть?
Или расстаться и забыть навеки?

Что лучше: чтобы не рождался он
Иль чтобы я его совсем не знала?

Чего хочу я более всего?
О, только смерти, — пусть и он страдает!

* * *

«И эти речи — ложь», — сказали мне.
«Те речи — тоже ложь», — сказали мне.

Но как узнать, где правда и где ложь?
Известно это лишь на небесах.

Но кто, увы, чтоб выслушать ответ,
Способен будет на небо взойти?

* * *

Что лучше — забыть после смерти
Иль жить и сгорать от любви?

Бессмертное тяжело забвеньё!
Ужасно при жизни гореть!

Одно только словно промолви,
Чтоб знал я: мне жить или нет.

* * *

Плохо ли, когда цикады юной
Крылья отрастут, — она взлетит.

И с вершины дерева большого
Песню ликованья запоет?

Но не лучше ль ей следить упорно
За готовым прыгнуть пауком!

* * *

Черен ворон или бел,
Цапля белая, черна ли,
Длины ль ночи журавля,
Коротки ль утячьи лапки —

Обо всем об этом мне
Пересуды надоели.

* * *

Слова, что люди тайно говорят,
Все до единого услышит небо.

Дела, что совершаются в тиши,
Увидят злые демоны и духи.

И потому будь осторожен ты:
Не одряхлело небо, духи зорки.

* * *

Сколько б ни твердил молитв монах,
Разве оттого он станет Буддой?

Сколько б Кун-цзы ни читали мы,
Правый путь найдем ли мы на свете?

Буддой стать, найти Великий Путь —
Это подвиг труднодостижимый.

* * *

Как за косу таскал монашку бонза!
Да и она его за чуб драла.

И оба оглушительно орали:
«Я прав!» — «Нет, я права!» — «Не ты!» — «Не ты!»

Толпа слепых меж тем на них глазела,
Шел спор о них среди глухонемых.

* * *

Сколько б ворон там ни каркал,
Не умрем — ни муж, ни я,

Не умрет сынок мой пахарь,
Дочка-пряха не умрет,

А уж если кто... так только
Ты, невестушка, умрешь!

* * *

В сады и на поля пришла весна,
И у меня теперь немало дела.
Я сети прошлогодние чиню,
Усердно дети вспахивают поле.
А тут еще за домом, на горе,
Лечебные копать я должен травы.

* * *

Встав на заре, я накормил вола,
Еще две-три звезды сверкали в небе.
Залюбовавшись широтой равнин
И нежно-золотыми облаками,
Подумал я: кто знает, может быть,
Вот в этом только смысл крестьянской жизни.

* * *

Когда моя настанет смерть,
Душа кукушкой обернется,
В густой листве цветущих груш
Я полночью глухою спрячусь.
И так во мраке запою,
Что милый голос мой узнает.

* * *

Цветущий персик частый дождь кропил,
Я милого удерживала тщетно...
Теперь, когда осенний вихрь шумит,
Он обо мне едва ли вспоминает.
За десять тысяч ли во сне моем
Приходит он и снова в ночь уходит.

* * *

Цветы цветут иль не цветут,
И плачет ли кукушка, —
Когда любимый мой со мной,
Мне ничего не надо.
Что мне за дело до того,
Что там цветет, кто плачет?

* * *

Ива мне как нитка,
Иволга — челнок,
Три весенних месяца —
Девяносто дней
Буду ждать я милого —
Это ли весна?

* * *

Ночью осенней при свете луны
Лодкой один управляю.
Удочки в воду закинув, гляжу
На вострепнувшихся чаек.
Песня рыбацкой свирели звучит,
Мои украшая утехи.

* * *

Кузнечик, о кузнечик!
Ты милый мой кузнечик!
Скажи, зачем, кузнечик,
Когда луна заходит
И ночь уже бледнеет,

Свою заводишь песню
Протяжным голоском,
Как будто горько плачешь
И брошенную будишь.
Хотя ты мал и жалок,
Но в этой спальне женской,
Где сплю я одиноко,
Один ты только знаешь,
Что в сердце у меня.

* * *

Твои красивы зубы — улыбнись!
Твои красивы очи — глянь, прищурясь!

Сиди иль стой,
Иди или беги,
Меняй свои причудливые позы,
Я, словно зачарованный, гляжу
И все хочу, чтоб ты моею стала!

Я знаю, родилась ты для того,
Чтоб одного меня любить на свете.

* * *

Фазаночки трепещущее сердце,
Когда ее высматривает сокол,
И сердце моряка в открытом море,
Когда его корабль, зерном груженный,
Теряет весла и теряет парус,
Руль сломан, мачты буря повалила,
Бушует ветер, волны злобно хлещут,
И десять тысяч ли до ближней суши,
И все вокруг затянуто туманом,

Через который ничего не видно;
А тут корабль-пират идет навстречу!..
И сердце той, которую любимый
Оставил навсегда. Ну с чем, скажите,
Сравнить три эти сердца?!

* * *

Эти брови — словно мотыльки,
Зубы — словно семечки арбуза;
Лик, когда меня завидишь ты,
Заалет персиковым цветом,
Что расцвел в полуночном дожде!
Сделаюсь я тоже мотыльком,
Стану за тобой летать повсюду,
Где бы ты, куда бы ты ни шла!

* * *

Туго я любовь перевязал
И взвалил ее себе на плечи.
А теперь бреду я чуть живой
Через кручи горные Тхэсана.
А друзья, не зная, что за груз
Я несу, кричат: «Бросай скорее!»
Нет, пускай измучусь я совсем,
Пусть умру под тяжестью недоброй, —
Я ее не брошу никогда.

* * *

За милой сквозь метель и стужу
Иду один через Тхэсан.
Я сдвинул шляпу на затылок,
Чулки за пазуху заткнул,
И башмаки в руках несу я.

И так едва бреду, плетусь,
В пути совсем не отдыхая,
Бреду, не зная сам куда.
Не чувствуют босые ноги
Ни лютой стужи, ни снегов,
И только грудь слегка озябла.
Она открыта для того,
Чтоб к ней прижать мою голубку.

* * *

О милая, кругла ты, как арбуз,
Не говори слов сладких, словно дыня,
Ведь слово каждое из уст твоих
Всегда, увы, бывает только ложью.
Ты этих слов пустых не говори,
Пустых, как тыква в октябре холодном.
Ты этих слов пустых не говори,
Они пусты, как высохшая тыква.

* * *

Почему ты не приходишь?
Отчего придти не можешь?
Неужели на дороге
Стал дворец из чугуна?
Возвели в дворце том стену,
За стеною дом гранитный,
Там тяжелый сколотили
И поставили сундук.
В нем ты, милая, томишься,
Крепко связана веревкой,
Золотым ключом замкнута,
Заперта на две скобы.
Вот ко мне и не приходишь...

Месяцев году двенадцать,
Тридцать дней содержит месяц...
Как же дня найти не можешь
Ты, чтоб навестить меня?!

* * *

Средь тварей всех и на земле и в небе
Что страх внушает, что вселяет ужас?
Тигр белолобый, волк или гиена,
Удав, гадюка, скорпион, стоножка,
Лесная нежить, упыри и злыдни,
Мондар и челядь властелина Ада,
Посланцы всех владык из Царства мертвых...
Всю эту нечисть ты перевидавший,
Когда с любимой тщетно ищешь встречи,
В твоей груди пылает пламень жгучий,
И ты горишь уж не живой, а мертвый.
И вот ты с нею встретился, и что же?
Дрожишь, объят неодолимым страхом,
И руки, ноги у тебя чужие,
И перед ней не можешь слова молвить...
Воистину, она всего страшнее.

* * *

Как женщины между собой не схожи!
Напоминает сокола одна;
Другая ласточкой сидит на кровле;
Одна — журавль среди цветов и трав;
Другая — утка на волне лазурной;
Одна — орлица, что с небес летит;
Другая как сова на пне трухлявом.
И все ж у каждой есть любимый свой,
И каждая прекрасна для кого-то.

* * *

Когда ты мною овладеть хотел,
Ты обольщал меня неутомимо:
Поля, рабов, прислужниц и дворец,
Что утварью наполнен драгоценной,
Ты мне тогда поклялся подарить.
К чему, великий муж, ты плел пустое,
А я твоим поверила словам...
И вот уже три года миновало,
Но я не получила ничего.
Я по ночам звала тебя, металась,
И, горько плача, не смыкала век.
Но если ты придешь — глаза скошу я
И улыбнусь презрительно теперь.

* * *

«Эй, лудильщик молодой,
Ты в котлах паяешь дыры,
Так заделай эту щель, —
Сквозь нее разлука льется».
Отвечал лудильщик так:
«Управляли Поднебесной
И У-ди и Ши-хуан.
Но они не в силах были
Путь разлуке преградить.
И не слыхивал я также,
Чтобы хитрый Чжугэ Лян,
Что с уменьем небывалым
Правил небом и землей,
Эту щель тогда заделал,
И не мог того свершить
Разум чуского бавана.
Потому просить нельзя

И лудильщика простого,
Чтоб заделал эту щель».
«Если правду, о, лудильщик,
Ты сказал мне, в самом деле
Вечною разлуке быть».

* * *

Цветок, ты бабочку не отвергай,
Летающую к тебе с такою верой!
И нужно ли тебе мне объяснять,
Как мимолетно вешних дней сиянье.
К тебе уже никто не полетит,
Когда густою станет тень деревьев
И заалеют на ветвях плоды.

* * *

Лишь только ветерок подует,
Сосна, что на горе стоит,
Ветвями затрепещет сразу.
Но отчего кольнешь ты
Поникшею листвою, ива,
Растущая на берегу?
Известно, слезы льются щедро,
Когда о милом загрустишь,
Но отчего, скажи, кривится
Твой рот и всхлипывает нос?

* * *

Эй, жаба одноглазая, послушай,
Хромающая жаба — это ты!
Поймав одну бескрылую букашку,
Себя вообразила храбрецом!
И вот на кучу нечистот забравшись,

Ты прыгаешь и веселишься там,
Напыжилась и стала бесноватой,
А все кругом смеются над тобой.

* * *

«Купи-ка, хозяйка, румян и белил!»
«Что ж, если товар твой хорош,
Куплю я румяна-белила твои».
«Хорош ли товар мой, иль нет,
Не знаю, но коль нарумянишься ты
И густо лицо побелишь,
То станешь ты сразу красивой такой,
Какой не была никогда.
И крепко полюбит тебя твой дружок, —
Таков мой, хозяйка, товар».
«О, если ты правду, купец, говоришь,
Отвесь-ка мне пуд поскорей».

* * *

«Хозяин, эй! Купите этих крабов!»
«Ну, покажи, про что вопишь, купец!»
«Там сверху кости, а под ними мясо,
Два глаза смотрят прямо в небеса,
Клешни большие схватывают ловко,
На тонких лапах он бежит назад.
Под соевой подливкой! Под зеленой!»
«Да перестань выхвалять товар,
Я этих крабов без того куплю».

* * *

«Эй, парень, ты, что гонишь там вола,
Ты, желтая башка, косматый парень,
Остановись, послушай, что скажу!
Там в озерке, совсем неподалеку,

После дождя, что нынче ночью лил,
 Невиданное изобилье рыбы.
 Наполни ею чонтараги все,
 Соломою прикрой ее получше
 И по дороге этой поскорей
 В подарок отвези моей любимой».

«Не повезу, — судьба несчастна наша,
 У богача живем мы в батраках,
 Чуть рассветет — волам готовим пойло,
 Настанет день — мы спину в поле гнем,
 Чуть свечерет — мы плетем веревки,
 А к полночи — онмун одолеваем.
 Мы любим выпить, любим покурить.
 Так и живем. За рыбой не поеду».

* * *

Засею вспаханное поле,
 От сорных трав его очищу;
 Потом штаны из ткани грубой
 И башмаки свои надену.
 Серп наточу, заткну за пояс,
 Топор возьму с собою острый,
 В нагорный лес пойду и буду
 Рубить стволы сухих деревьев;
 Я на спину взвалю вязанку
 И, с ношей тяжело ступая,
 Наведаюсь к ручью в ущелье;
 Там сяду закусить, а после
 Любимую прочищу трубку
 И табаком ее наполню;
 Куря, мурлыкать буду сонно...
 Когда ж померкнет блеск заката,
 Пойду обратно, напевая
 То торопливо, то протяжно,
 О том, как наша жизнь горька.

* * *

Когда весною наши моряки,
Налог чёнсе и тэдонсе погрузят
В отструганные заново суда,
В путь захватив и мяса и плодов, —
Свистят их дудки, барабан ревет.
Всем духам рек они, дракону моря
Приносят в жертву и плоды и мясо,
Причем слова такие говорят:
«У Чолладо, у Кенсандо,
Близ Ульсана, у Сандаля,
По стремнинам у Канхва
Плыть нам по морским просторам
Десять тысяч ли подряд,
Как по блюдечку с водою,
И скорей вернуться всем.
Вы мольбе внимлите нашей!»
И: «Пошел! Спускай на воду!
О Намуамитамбуль!»

ЛАТЫШСКАЯ ПОЭЗИЯ

Ян Райнис

ИДУЩИЙ ПОБЕЖДАТЬ

Бодро шел ты за победой светлой,
Грусть мою врачуя ярким словом:
«Новые порядки будут в мире!
Прочь враги трусливо убегают,
Кто еще остался — к нам приходит,
Вороны весну как будто кличут,
Солнце в нашу сторону стремится,
И великий день не за горами.
Будут нами править мир и счастье,
Что везем мы в пышной колеснице».

Бодро уходил ты, сын мой милый,
Но когда вернешься, ненаглядный,
Чтоб одна я долго не грустила,
Чтобы утром вышла на дорогу
И с улыбкой на лице счастливом
Встретила, как будущее, сына?
Чую я ликующую силу,
Сына молодость ее взрастила,
Это не умрет, хотя б ты умер, —
Солнечное счастье предо мною.

В горести тебя я воспитала,
Руки оттянул ты мне младенцем,
Нарезая хлеб тебе, согнулась,
Сгорбилась, когда ходить учила.
Но ты жизнь мне снова возвращаешь!
Ты когда вернешься, ненаглядный, —
Помощь и поддержка мне, старухе?
Не хочу теперь тебя тревожить,
Ты к победе шествуй безмятежно,
Тех с собою поднимая к солнцу,
Кто так долго прозябал в неволе.
Мать твоя, с веселою надеждой
Гордо ждет тебя одна во мраке.

Волосы твои поцеловать бы!
В носовой их завяжи платочек
И пришли мне из чужого края,
Чтобы сердце матери утешить.

НЕТ СИЛ ТЕРПЕТЬ

Кто услышит наши стоны?
И кому нести нам скорби?
С дрожью ветер их минует,
С болью долу ниспадая.

Деть куда страданья эти?
Грудь моя от них сгорает.
На траву ли я прилягу, —
И трава от них чернеет.
Над ручьем ли наклонюсь я, —
И ручей пересыхает.

Встал с земли: «Послушай, солнце,
Пусть к тебе летят страдания, —
Разгорись, сожги все горе...»
Солнце путь свой продолжает.

ТРИ ДНЯ

I

Вновь старая мысль явилась,
Печальна, неодолима.
Окошко мое замутилось,
И наполнилась комната дымом.

II

Усталая мысль! Уныло
Опять стоишь на пороге,
Ты по дальним странам бродила,
Тебя утомили дороги.

Тревожная мысль! Наверно,
У дверей моих будешь топтаться
И снова долго и мерно
Стучаться, стучаться, стучаться.

Я знаю тебя: пришла ты
Опять стоять у постели,
Дыханьем своим проклятым
Все губить без смысла и цели.

III

Но заперты двери эти,
Тебе не открыть засова, —
И здесь я в волшебном свете,
Тебя он не пустит снова.

Я новую мысль лелею, —
Уходи отсюда скорее!
Я счастлив, я полон ею,
А ты, что ни день, бледнее.

Ступай себе в мрак бездонный,
В ту ночь, что за мной маячит,
Покуда звон похоронный,
Гудя, меня не оплачет.

СИЛЬНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

«Поведай правду всю!» —
«Борясь за счастье народа,
Мы гибли, пылкие умы,
Наш клич «Да здравствует свобода!»
Сверкал звездой в царстве тьмы!»
«Звездой в царстве тьмы!

Но дальше, дальше!» —
«Другие с пылкими сердцами
Пойдут по нашему пути.
Да, будут тысячи за нами
По хвое настланной идти». —
«По хвое им идти.

Но дальше что ж?» —
«И хвойный ветр благоухает
Над грустным шествием людей,
И долго сердце сохраняет
Печальный запах тех ветвей». —
«Печальных тех ветвей.

Но дальше, дальше!» —
«Мы будем хвоей похоронной,
Пока народ не победит,
Тогда толпа с листвою зеленой,
О хвое вспомнив, загрустит». —
«И вас почитит!»

SALVE!

Неба полудневного
Глубь голубая,
Севера серого
Муть неживая...

С юга сияющий
Свет первозданный,
С севера движутся
Мгла и туманы.

Юг — это веянье
Веток душистых,
Сосны на севере
Чахлы и мшисты.

Сила отрадная
Юга родного,
Дай мне спасенье
От севера злого!
Salve!

Юг и солнце —
Наши родители,
Лето, веди меня
К светлой обители!
Salve! Salve!

ЧАША С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

Когда встающий день просторы золотит,
Ночь утру дивные сокровища дарит,
И те сокровища готовятся в тиши,
Когда неспящих нет на свете ни души.

Но утро тот сосуд разбило второпях,
Алмазы сыпятся, блистая на полях...
Пусть люди это все росой называют! —
Ребенок и поэт их радостно собирают.

ЩЕДРАЯ РУКА

Мне щедрая судьба дала, любя,
Блеск солнца и зеленые просторы.
И за рекой синеющие горы,
И ночью черной звездные узоры, —
Но не дала лишь дома, моря и тебя.

ЕЩЕ ВЕСНА БЫЛА ВНАЧАЛЕ

Еще весна была вначале,
Еще снежок хрустел,
И лес еще чернел,
И ливни не звучали.

Еще на заре морозной
С любимой вдвоем
Покинули мы наш дом...
И возвратились поздно.

Ты окна растворила:
— Скорей, мой друг, гляди,
Нет снега, идут дожди, —
Весны проснулась сила.
— Нет, милая, все это ты свершила.

НЕЖНЫЙ СВЕТ

Когда в разлуке мы, родная,
Когда тебя со мною нет,
Не одинок я, ощущая
Тебя как лучезарный свет.

Ты, нежная, всегда со мною,
Как дева та, что на луне,
Ты там — за дальней стороною,
Зато душа твоя — во мне.

ТРИ ПРИМЕТЫ

Вера в святость дальней цели,
И на труд дневной надежда,
И любовь ко всем живущим —
Вот в природе их приметы:
Синь небес, и зелень луга,
И кровавый пурпур жизни.

ВЕЩАНИЕ ЗМЕИ

Опоры нет, и друга не бывало,
Лишь истина одна со мной,
Та истина, что в смерти созревала.

ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО

Все это скрылось в глубь воспоминаний,
Да было ли когда-нибудь оно?
Иль мне глядеть на образы мечтаний,
Тоскою созданные, суждено?

Здесь кипарис и южных сосен много,
Они шумят во сне передо мной,
И в облаках наметилась дорога,

Что образов выводит смутный рой,
Манящих вдаль под шелест грустных хвой.

АРОМАТ ПОЛЯНЫ

Как память сон далекий сохранила?
Умчались старые воспоминанья,
Их разметала грозной бури сила,
Они исчезли в бездне мирозданья.

Я вдруг цветок сорвал почти неволью
Там, дома, на поляне в миг мечтанья
И аромат вдыхаю — сердцу больно.

Любовь я вспомнил, что назвать моею
Так жаждал я. И был обманут ею.

ДРУЗЬЯ РЕБЕНКА

С природою я сжился в годы детства:
С песком, с травой, и с солнцем, и с рекою,
И бабочек мне нравилось соседство,
Летали пчелы, как друзья, за мною.

Вступал я лишь с крапивой в бой жестокий,
Коней-улиток запрягал порою,
Как всадник мчался вдоль речной осоки,

И камешки все были мне дружочки,
Любил я их глухие шепоточки,
Но и тогда готов был в путь далекий.

УЧЕНИК СЛЕЗ

Ребенком слезы я не лил, был волен,
Так детство протекло мое далекое,
Средь стен родных я был собой доволен,
И их любило сердце одинокое.

Лишь юношей я плакать научился,
И очень часто горечь пил жестокую
Из рук людей, которых я страшился.

О, не напрасно было страшно мне,
Как вспомню, и сейчас душа в огне.

ДЕТСКОЕ ГОРЕ

Меня томило в детстве горе это:
Любил я больше, чем меня любили,
И раны сердца в мире без привета
Жгли непрестанно и вели к могиле.

Хотел я мало и просил немного,
Застенчивость уста мои смыкала.
Но луч свободы я искал с тревогой,
Чтоб, им согрета, юность вырастала.

Как было б зернышко любви мне кстати!
Иной ж не просил я благодати.

БЕГСТВО

Когда людей я встретил в первый раз,
От вида их мне даже страшно стало,
И содрогнулся я в тот горький час
И убежал. Минуло лет немало.

Шипами душу я отгородил
Презреньем к низости людской природы,
Но острьями душу изъязвил.

И в муке долгие тянулись годы,
Пока опять добился я свободы.

СТАРЫЙ ЛАРЬ

Когда мы открываем ларь старинный,
Там чуждый дух, что все же нам знаком,
Там пыль и затхлость в нитях паутины,
Отжившего остался запах в нем.

В таком ларе тлен жизни пережитой,
И пахнет он давно минувшим днем,
Все то, что там, должно быть позабыто.

Но много зерен можно там найти,
Что стали прахом, а могли цвести.

ВНЕШНИЙ МИР

Не властвует мир внешний надо мною,
Меня не прикуют ни лесь, ни страх,
Мой дух парит, ликуя, над землею,
Но тяжек мне свободных крыльев взмах.
«И взметы вихря сдерживает прах».
И каждый знак — богатство мировое...

СКОШЕННОЕ СЕНО

Мой путь слезами полит был обильно,
Слова любви мой не ласкали слух.
Зачем же я привязан к миру сильно?
Мне б, как траве густой,
Лечь кротко под косой,
Душистосенный испуская дух.

ЕЩЕ ВЕЛИКАЯ ВЕРА ЖИВА

Сильнее смерти жизнь! — бесстрашно верьте,
Ведь жизнь права.
Взлети над солнцем, победитель смерти!

ОСЕНЬ

Зачем так низко ласточки летают,
Недвижны деревья, и луг поник.
Чуть трону я цветок — он опадает,
И в сердце страх таинственный проник.

Иль ждет природа первого ненастья
И близкой смерти проступает лик,
А я имею все права на счастье.

Я, как и все, дитя земли, — ступаю
По ней и к ней чело свое склоняю.

ХЛАД МИРА

Хлад мира я почувствовал душою,
Что среди мук замкнулась навсегда,
Как поле под немым покровом льда, —
«Но, замерзая, влагою живою
Земля поит еще людей порою...
И горю моему погреться дай».

ЗА ЧТО МНЕ БОРОТЬСЯ?

За что бороться? — Жизнь враждебной стала.
«Так! Но рожден ты разве для забавы,
Чтоб эта жизнь тебя, как мать, ласкала?
Но по ее великому пути,
Ей преданный, с ней должен ты идти,
И труд тебя ведет вернее славы».

ЗАЩИТНИК

Грядущий век — защитник верный твой,
И он воздаст за все пережитое.
Спокоен станешь ты, сражен судьбой,
И глаз не будет увлажнен слезою.

Шипами кустик защищен, а кедр
Не дрогнет, если вдруг его разбудят,
Он хочет лишь расти, могуч и щедр.

Твой скорбный путь грядущее забудет,
Нас по трудам судить потомок будет.

У ПРЕДДВЕРЬЯ ЗЕМЛИ

Сквозь дрему слушал я полночную,
Как глубоко и тихо под землю,
Вода несет струю проточную,
Где перегной под вековечной тьмою.

Быть там, навек туда уйти хочу
Через дверь земли... Но утро предо мною,
И покоряюсь я его лучу.

Тебя осудит утро непреложно,
В утробный мрак вернуться невозможно.

СТОЙ, БЕГЛЕЦ!

Что ж, убегай ты по любой дороге,
На всех путях ты встретишь труд,
Что крикнет: «Стой, сверхни в глаза тревоге!»

ПОТОК

Ты пенистым ручьем с горы слетаешь,
И ты же — куст на берегу.
Ты, жажду утоляя, расцветаеть.

ВЕЛИКИЕ КРУГИ

Те волны движут в небесах светила,
А ты летишь в них по большим кругам,
Ничтожных жизней очень много там,
Но и твоя круг этот отразила.

И жизни духа в тех волнах движенье,
Там новое порою рвется к нам
И ввысь влечет, чтоб вновь не повториться.

Но может человек круги ломать,
Приказывая новым солнцам встать,
И новый круг от старых зародится.

ЖИЗНЬ — ДВИЖЕНЬЕ

Движенье — жизнь. А смерть? И смерть движенье,
Хоть у него и вид иной.
Подумай лишь о верном примененье.

С ТОЙ СТОРОНЫ

С той стороны дыханье урагана
 Вздымало волны белоснежные,
 Они неслись под пеленой тумана
 На смерть, как юноши мятежные.

Велишь — и все умрут в мгновение,
 Велю — и заживет любая рана,
 И тот поток опять придет в движение.

Ведь песня возвращает жизнь всему,
 Что умерло... И сердцу моему.

НЕПЕРЕСТРАДАННОЕ

От мук былых ты не освободился
 И сам не воссиял,
 Но дух твой снова к солнцу устремился.

ТРОПИНКА ЖИЗНИ

Тропинка жизни с гор ведет на склоны.
 Ты разве этого хотел?
 Опять на высь взойди, преображенный.

СИТО ЗВЕЗД

Пересоздай себя. Возьмись за дело!
 То дело — жизнь,
 Чтоб небо все в созвездьях пламенело.

НЕ ТОЛЬКО ЖИТЬ

«Не только жить, не повторять, как тень,
 Не быть кустом иль зеркалом озерным,
 Но жизнь творить полнее каждый день».

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Вновь юным стать есть у тебя охота,
Ты первой юностью не сыт?
Веди ж весь мир сквозь юности ворота.

МЕЧТА ЛИ ЭТО?

Мечта ли это? Воздух пью целебный.
Я дома как дитя!
Творится жизнь вокруг весной волшебной.

* * *

Сегодня я окошко не закрою,
Пусть звезды мой ночной наполнят дом,
И пусть роса прольется надо мною, —
Гостят цветы в дыхании моем.
Впервые сплю всю ночь без пробужденья,
И легкий сон прогонит тяжесть дум
И старые души моей виденья.

Проснусь березой, залитой лучом
В сияньи утра, утопая в нем.

ВЗГЛЯД НА ПРОЖИТОЕ

Тогда заботы я еще не знал:
Путь пройденный зачем-то озираю, —
Читаю, что когда-то написал,
Невольно дни прожитые считаю.

Что ж вижу? Нескончаемый полет!
К большим свершеньям вечно я стремился.
Прочь, прежних мыслей груз! Вперед, вперед!

Зачем же я в пути остановился?
Простор еще обширней мне открылся...

ПУТЬ ГЕРОЯ

В прошлом — забвенье.
Что впереди?
В борьбу и опасность
Хочу идти.
Смерть, красота ли
Меня зовет.
Потоком горным
Ринусь вперед.

КОГДА НОЧЬ

Прекрасно соловей поет
В ночной тиши,
И счастье к нам всего скорей идет
В ночной тиши.

Когда мечтаешь, из дому иди
В ночной тиши
И про себя мечты свои таи.
В ночной тиши.

ЛИТОВСКАЯ ПОЭЗИЯ

Людмила Малинаускайте-Эгле

К НЕМАНУ

Струится Неман — полноводный, синий,
Литвы родимой гордость и святыня.
Сверкает Неман среди лугов цветущих,
Шумит в дубравах и смолистых пушах.

Он золото смешал с голубизною.
Он повторил величие лесное,
Как зеркало в блистающей оправе...
Хранит он память о минувшей славе.

О Неман, из прекраснейших прекрасный!
Далекие века тебе подвластны...
Ты помнишь ход времен необычайный,
Прошедшего тебе известны тайны.

Порою Неман возвышает голос,
Как бог войны, как бог литовский Ковас...
Притокам внятен гул его суровый,
Все ждут его решающего слова.

О Неман!.. Тяжкое настало время!
Все грабят нас, обижены мы всеми.
Живем уныло, сиро и убого,
И храбрецов теперь в Литве — немного.

О Неман, воскреси нам Гедимины,
Его бойцов могучую дружину,
Отчизне дай надежную опору,
Спаси ее от боли и позора!

О Неман, сабля наша притупилась,
И слава древняя испепелилась!
Так много тех, кто посмелей и лучше,
Они — подобие овцы заблудшей.

Как тяжело, Неман, горько и обидно,
Что храбрецов не воскресишь, как видно,
Что их заветы юными забыты,
И родина осталась без защиты.

Струится Неман — голубое диво,
Блещет красотой горделиво.
Покорность рабская ему несродна,
И воды синие — всегда свободны.

ЛИТОВСКИЕ ЛЕСА

Леса Литвы!.. Таинственные чащи!
В глуши, загадки древности хранящей,
Еще от века люди не бывали,
И побывать случится им едва ли.

Никто ступить не смеет в эти пуши,
Никто былинки не сорвет цветущей.
Здесь прадедов приют — суровый, строгий,
Здесь, может статься, обитали боги...

Шуршат деревья древние, как предки...
И, зеленея, пышные их ветки
Широко осеняют холм угрюмый,
Хранят о прошлом тягостные думы...

Когда б они заговорили сразу,
Какие мы б слышали рассказы!
О, сколько раз во тьме Средневековья
Отчизна наша истекала кровью!

Леса Литвы — краса и гордость наша!
Нет тишины торжественней и краше!
Беззвучны светлой речки переливы,
И только ветер плачет сиротливо,
Рыданьем не тревожа лес зеленый, —
Привычны лесу этот плач и стоны!

Дуб-исполин над временем вознесся.
Его рубили тщетно крестоносцы!..
Он жив — о страшных днях воспоминанье,
Ветвистое священное преданье!

Стоит, листвою шелестит негромко,
Ветвями гладит юного потомка,
Воспитывает поросль молодую,
О прошлых битвах тихо повествуя...

А меж холмов, как на большом погосте,
Почиют предков убиенных кости.
Сюда стекались прадеды веками,
Преследуемы злыми крижаками.

Шумят деревья... В тайне сокровенной
Приходит юность старикам на смену.
Из праха предков вырастают роды
Все той же несгибаемой породы,

Как будто предки их заколдовали...
И ель, как жрец в струистом покрывале,
Уходит в небо гордой головою,
Она горда, что рождена Литвою.

Здесь не звенели топоры и пилы.
 Земля деревья соками вспоила,
 И в землю вновь войдут они без страха,
 Рассыплются летучей горстью праха.

Лишь изредка гроза, взревев над ними,
 Вдруг вырывает ель с корнями вековыми
 И закружит ее в порыве диком,
 И вскрикнет ель почти звериным криком...

И поросль юная тогда смутится,
 И сосенки, как младшие сестрицы
 Прижмутся робко к братьям непреклонным,
 Таким прямым и в небо устремленным.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛОМ

В тени деревьев, меж сумрачных развалин,
 Звучал напев — торжественно печален.
 Здесь в оны годы возносили девы
 Богам Литвы унылые напевы.

У капища, деревьев горделивей,
 Сидел недвижно жрец — премудрый Криве...
 В раздумьях пребывая каждой ночью,
 Самих богов он лицезрел воочью.

Священный дуб чуть шелестел листьями.
 Стояли праотцы под ним, как в храме.
 Они собирались вокруг жреца-пророка,
 Его прозреньям веруя глубоко...

Здесь, как цветы, задумчивы и кротки,
 В одеждах белых жрицы-вайделотки
 Серебряными голосами пели,
 Подобные кукушкам в день апреля...

Вожди к жрецу входили перед битвой
И жертвы приносили здесь с молитвой.
Жрец о войне им говорил при этом,
Разумным, добрым помогал советом...

Но битвы в эти годы были редки,
Неторопливо, мирно жили предки, —
Пока не стал пророчить дуб могучий,
Что крестоносцы движутся, как тучи...

И крижаки пришли... В зверином гневе
Срубили заповедные деревья,
Залили родину рекой кровавой...
И потускнела наших предков слава.

Не стало больше вайделоток белых.
Нигде, нигде хлебов не видно зрелых!
Засохли, почернели лес и поле.
Погибли братья многие в неволе.

ГРУСТЬ

Грустно, ой, грустно мне жить на свете!
Беды секут меня, словно плети.
Всюду вокруг — точно ночь глухая...
Сердце свое обращаю куда я?..

Спела бы песнь про любовь-тревогу,
Горе размыкала б хоть немного, —
Грусть не позволит, — томит и тянет,
Острыми иглами сердце ранит...

Если б забыться хоть на минуту,
Песенку спеть про нежную руту!..
Нет, не могу!.. Мое сердце — рана.
Пусто в моей голове, туманно.

<1885>

КРАСАВИЦЕ

Ты, словно цветик, словно
 Фиалка, дивно хороша!
 Прими простой напев любовный,
 О белой лилии душа!

Глаза полны нездешней властью,
 Они как звезды на пути.
 В них столько нежности и счастья,
 Нигде подобных не найти...

Но что ж сегодня слезы-росы
 Дрожат в глазах твоих живых?..
 Ведь золотом блистают косы,
 Служанки убирают их...

СОЛОВЕЙ

Я пел-заливался весною,
 Когда над своею сохою
 Склонялся литовец — мой брат...
 Я был утешать его рад.

Бесплодной земли меж камнями
 Никто не касался годами.
 Все брат мой решил превозмочь,
 Трудился и день он и ночь...

А люди твердили с насмешкой:
 «Работай, мол, глупый!.. Не мешкай!..
 Потратишь, мол, зря семена!
 Посев твой погибнет сполна...»

Литовцу невесело было,
И все ж он трудился, унылый,
Не зная свободного дня...
А слушал он только меня!

Но труд награжден был сторицей:
Шумит, словно море, пшеница,
Богатые всходы взошли
На благо родимой земли!

ОНИТЕ И ЙОНУКАС

Чуть заглянет солнышко в окошко,
Встанет Она и возьмет лукошко,
В лес пойдет за сладкой земляникой,
За душистою малиной дикой.

Только нынче ягод мало что-то,
А Оните сладкого охота,
А у Йоны, у соседа, слышно —
Сочная в саду поспела вишня...

В сад чужой повадилась Оните, —
Никому о том не говорите! —
Видит Йонас: вишни словно тают.
Может, воробьишки прилетают?..

«Если это воробьишки-воры, —
Молвит Йонас, — с ними справлюсь скоро...»
Шубу старую надел внакидку,
Словно пугало, стал за калитку.

Так стоит он, пугалом одетый,
Ждет-пождет, а воробьишек — нету...
Заскрипела галька под ногами,
Кто-то легкими идет шагами.

Робкий вор крадется вдоль забора.
Ой, какое личико у вора!
Ягоды он рвет, за штучкой штучку,
Ой, какую смуглой милой ручкой!

Видит Йонас, от восторга млея:
Губы вора — вишенок алее.
Не стерпел он, с плеч слетела шуба...
Он целует вора прямо в губы.

Ох, крепки у Йонаса объятья!
«Обещал воришку наказать я!»
На глазах у Оны блещут слезы.
Щеки Оны рдеют, словно розы.

Смотрит Йонас на нее с любовью,
Говорит ей:

«Кушай на здоровье!
Вишни для тебя, мой голубочек!
Для тебя, зеленый мой садочек!»

...Слышно: к Йонасу теперь нередко
Ходит в сад по ягоды соседка.

ДВОРЯНИН И МУЖИК

Жил-был помещик в далекую пору.
Холопы на пана работали споро,
Пану Матеюсу землю пахали,
Доброго слова вовек не слышали.
А как не стало холопских-то рук, —
Все потемнело для пана вокруг.

Был у Матеюса сын непутевый.
Тратил без счета он деньги отцовы,
Что накопились от рабьих трудов...
Старая песня!.. Конец только нов...

Жил мужичонка — куда небогатый! —
Был крепостным он у пана когда-то.
Был и сынок у того мужика —
Крепкий, румяный — красней бурака!
Да одолела парнишку забота:
Книжки читать ему, видишь, охота.
Книжку заметит, аж весь задрожит.
Сердце у парня к наукам лежит...

Вот и скребет мужичонка затылок...
Парень к учению жаден и пылок,
Может, и выйдет большой грамотей —
Чай, мужики-то не хуже людей!
Только не знает того мужичина,
Где обучать ему надобно сына,
Чтобы науки он смог превзойти...
К пану решил за советом пойти:
Мол, у помещиков — разума горы...
Что он услышал — узнаете скоро.

К пану Матеюсу входит мужик.
Помнит он смалу: помещик привык,
Чтобы в хоромы на брюхе вползали,
Панскую руку ему лобызали...
И мужичонка отвесил поклон,
Стал у порога дугою согбен,
Молвил почтительно:

«Пане Матеюс!

Я — к вашей милости, крепко надеясь...
 Где бы науки сынку превзойти?
 Вам, просвещенным, известны пути...»

— «Сына задумал пустить по науке?
 Вот на какие решаетесь штуки?!
 Мало философов!.. Надо им, чтоб
 Нынче философом был и холоп!..
 Лучше бы вам бороться бороною!
 Школы бы вам обходить стороною!
 С рылом суконным в науку не лезть!..
 Чем это кончится только?.. Бог весты!
 Книжки читать мужичье захотело!
 Это уж точно — последнее дело!»

Пан мужику возражать не спешит...
 «Пане!.. Сынок мой — не лыком он шит.
 Разум его — что широкое море...
 Умный поможет народному горю.
 Если науки сынок превзойдет, —
 Нас, горемык, защитит от невзгод...
 И для одних ли господ просвещение?..
 Вспомните, пане, Христово ученье:
 Люди, они от рожденья — равны,
 Панские ль это, мужичьи сыны!»

Пан распрямился... Горят его очи.
 «Эй, сиволапый!.. Мозгами ворочай!
 Будет ли счастлив твой сын-грамотей
 Между господских, дворянских детей?
 Как толковать он пойдет по-мужичьи,
 Как свой мужицкий покажет обычай,
 Парня немедля поднимут на смех...
 Будет он, верно, несчастнее всех,

Батьке спасибо он скажет едва ли...
Ишь ты, нужны им защитники стали!..
Я ли для вас не защитником был?..
Вы же перечили, что было сил».

— «Пане, мы были послушны, как дети.
Вспомните, пане: и розги и плети
Мы, не переча, сносили сполна...»
У мужичонки заныла спина,
Только припомнил он панскую ласку...
Пан на него покосился с опаской.
Пан из кармана табак вынимает,
Панские ноздри платком утирает,
Нечего пану, как видно, сказать —
Вот и пришлось ему нос утирать.

— «Делай как хочешь, — сказал он со злобой, —
Только пеняй на себя, пустолобий,
Если не выйдет из этого толку!..»
Ежится бедный мужик втихомолку,
Крепко Матеюс обидел его,
Да, вишь, не скажешь ему ничего,
Мало ли кто мужичонку обидит,
Правду-то Бог один, разве что, видит...

Все ж мужичонка стоит на своем:
— «Черной мы кости, убого живем,
Но и мужичья душа, хоть забита,
Ясному солнцу и правде открыта.
Знает душа, что живет для добра,
Что с притеснением бороться пора.
Пане, чем мы, мужики, виноваты?
Тем ли, что не были сроду богаты?..
Глину месили и строили дом,

Чтоб веселились помещики в нем...
Не на себя мы весь век работáли,
Век холодали и век голодали
Между господской пшеницы и ржи.
Корку швырнут — и спасибо скажи!
Вот оно — наше крестьянское счастье!
Стоном стонал под помещичьей властью,
Лютой зимой ли, красной весной —
Плакал слезами наш брат крепостной!
Телом замучишься, — прямо хоть в прорубь!..
Ну, а душа... А душа — точно голубь —
К небушку рвется по воле летать,
Лучшую, светлую долю искать!..

Пане!.. Нас горькая жизнь истомила.
Знания дадут нам опору и силу.
Путь указало нам время само:
Тяжкого рабства упало ярмо!

Не пропадет мой сынок!.. Не таковский!..
Дух в его сердце проснулся литовский,
Чтоб он философом сделался, чтоб
Доктором стал и ученым холоп!
Только пускай он не ищет наживы!
Пусть, как простой человек, не спесивый,
В хате у нас, как бывало, живет,
Делит все тяготы наших невзгод».

Смолк мужичок... Из терпения выйдя,
Пан удалился в надменной обиде,
Хлопнув дверьми... А смущенный мужик
К хате своей зашагал напрямик.

Сына он все-таки отдал в ученье.
Сын проявил и таланты и рвенье,
Видно, не зря им гордился отец...
Стал он хорошим врачом наконец.
Только родителей он не стыдился,
В хате он вместе с отцом поселился,
Радость и горе с народом деля, —
Горя-то больше рождает земля!

Пану Матеюсу горько и больно:
Стал человеком холоп подневольный,
Лечит от немощей бедный народ,
К свету и правде собратьев зовет.

Саломея Нерис

КОГДА Я УМРУ

Как умру — не зарывайте
В землю душную меня,
Тело мертвое отдайте
Власти чистого огня.

Черный дым пусть вьется смело,
Исчезая в облаках,
Пусть бесчувственное тело
Обратится в легкий прах.

Птицы вольные да ветры
На крылах умчат его
И в полях рассеют щедро
Песню сердца моего.

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Осень. Грязь. Туман не тает,
Ни один на свете луч,
Журавлей большая стая
Разрывает полог туч.

Словно клич несется вольный:
«За моря, друзья, летим!»
Слышит их бедняк бездольный,
К воле завистью томим.

Мчатся птицы, мчатся тучи,
С ними мчится мысль моя, —
Если бы рукой могучей
Бедность задушила я!

Дайте крылья мне скорее,
Чтобы я взвилась в простор,
Тучи скорби я развею,
Я открою солнца взор.

Я виновна, что глухая
Бесконечно длится ночь,
Ныне, подвиг совершая,
Братьям я должна помочь.

Я ЗАЦВЕТУ...

Когда-нибудь, о мой апрель,
Ты вновь сюда вернешься.
Вернешься ты, дружок апрель,
Но мне не улыбнешься.

Гнедого осадив коня,
Посмотришь взором ясным:
И зацветет земля, — то я
Всхожу цветком прекрасным.

ДЯДИ

Ругают дяди-умники
Все то, о чем пою я.
Придиры и разумники
Ворчат напропалую:

«К чему картины этих бурь
Героев небывалых раны?..
Изобрази-ка, бросив дурь,
Всем нам знакомые поляны,

Ты жизнь изображать должна
И о мечте забыть прекрасной,
Тут наблюдательность нужна...»
Стараюсь, видно, я напрасно.

И, право, вовсе не шучу,
Сыта советами такими;
Давно изобразить хочу
Я дядюшек совсем живыми.

ДВАДЦАТЬ СУ

Париж в осеннем свете.
Я вам цветы несу,
И стоят розы эти
Всего лишь двадцать су.

Цветы белы и алы,
Купите их красу.
Я голодна, устала...
Всего лишь двадцать су!

И я с ресниц стираю
Соленую росу,
И тщетно повторяю:
«Всего лишь двадцать су!»

Проходят без ответа,
Я как в глухом лесу.
Здесь мерзну я с рассвета...
Всего лишь двадцать су!

Поднять не в силах веки,
Мучений не снесу.
О жизнь! Прощай навеки...
Всего лишь двадцать су.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Родину мы любим
Делом, а не словом,
Пламенем сердечным
С нею говорим,
В грохот канонады
Под дождем свинцовым
Мы друг с другом рядом
В грозный бой спешим!

На шинели серой
Мак темно-багровый
На груди у друга
Вспыхнет огневой.

Пусть земля впитает,
Пусть хранит сурово
Эту струйку крови,
Мирно спи, герой!

Сталь блистает наша!
На земле священной
Сорнякам проклятым
Не дадим расти.
Сталь — готовность наша!
Не простим измены,
Всех врагов отчизны
Мы сметем с пути!

ИЗ ПОЭМЫ «ЛИТВА — ЗЕМЛЯ РОДНАЯ»

И вспыхивали словно очи
В тот вечер звезды октября...
Потом... на смену ясной ночи
Зажглась угрюмая заря.

Зима окошки серебрила,
А в доме голод и беда,
И мать глаза свои закрыла
И замолчала навсегда.

И от отца мы корки хлеба
Напрасно ждали в этот час, —
Он водку пил, он добрым не был,
Он словно позабыл о нас.

Так птенчикам в гнезде забытом
Все муки голода терпеть, —
Мать хищным коршуном убита,
А им, бедняжкам, не взлететь.

Свиной, телят, коров, овечек —
Ты пас поочередно их...
Ты, как замученный кузничик,
Один среди полей больших.

Потрескались больные ноги,
Как комья высохшей земли.
Не видно впереди дороги,
Погибли все мечты твои.

Кто знает, что в грядущем скрыто?
Ребячье сердце от обид
Повоет, как щенок побитый,
И сон его угомонит.

Малого даже не свить нам гнезда, —
Могут об этом мечтать господа.
Только бы не ослабела рука!
Жизнь батрака и батрачки тяжка.

Целые дни средь коров да гусей.
Наших никто не пригреет детей...
Горько мне нивы чужие пахать,
Ночью в конюшне печально вздыхать.

Что заработала эта рука?
Тусклое небо — вот кров бедняка.
Жизнь батрака и батрачки черна,
Плачет любовь, сиротя одна.

Пташка серая! Куда ты?
Станешь ли счастливей?
Путь по шелку — для богатых,
Бедняку — в крапиве.

Ту страну, что златом бредит,
Пенясь, волны прячут.
И завидуют соседи
Здесь твоей удаче.

Кто глядит немудрым оком
Видит доллар новый, —
Силу высосет жестоко
Змей златоголовый.

Снова в путь пустившись длинный,
Ты домой вернешься,
И опять под звон пчелиный
Поутру проснешься.

Но, увы! Рабочий пикнет,
Доллар проклиная...
Уголь в кровь его проникнет,
Жадно жизнь съедая.

Как, ужель отчизне милой
Труд не нужен чистый,
Руки юные и сила
С песней голосистой?

Был Октябрь, но все сады пестрели,
Не страшась осенней сумрачной погоды;
Поплывут, как облака, недели,
Потекут, как Неман, мирно наши годы.

Проклял рабство человек свободный,
Власть навеки кровопийцы потеряли.
Воля кровью возвращена народной.
Был Октябрь, и пышно вишни расцветали...

КОММУНАРЫ

Там траурно шумели ивы.
Я тихо шла... Везде — могилы.
Одни надгробья — горделивы,
Другие ветхи и унылы.

Стена героев предо мною,
И сердце вспыхнуло от боли.
Враги с жестокостью тупою
Им не дали достигнуть воли...

Текут кровавые потоки,
Париж горит в ночи бессонной...
Ведет к свободе путь нелегкий, —
Леса крестов и миль миллионы.

Под щебет птиц простой и дивный
Я стану у стены заветной.
Десятилетиями ливни
Смывали кровь героев тщетно.

Но никогда той жаркой крови
Не смыть им со стены священной.
Она взывает все суровой:
«Когда ж настанет час отмщенья?»

Призыв звучать не перестанет!
Мы скоро на него ответим!
И не один Париж восстанет,
А все бесправные на свете.

Опять коварно зубы точат
Враги в обличии гиены,
Коммуне вновь конец пророчат
И в ненависти брызжут пеной.

Они считают дни быстрее,
Теряют счет и скалят пасти,
Покамест не сломают шеи
И будут без голов и власти.

А наша жизнь — дела большие,
Идем, уверенно шагая.
Нас ни крестов леса густые,
Ни миль миллионы не пугают!

АНЕМОНЫ

(Памяти Парижской коммуны)

Вновь цветут анемоны над Сеной,
Анемоны сквозь снег на полях.
Как блестят они ночью весенней
В этих черных девичьих кудрях!

По кривым переулкам предместий
Эта девушка ветром летит.
На борьбу, эй, товарищи, вместе! —
Гром весенний вдогонку гремит.

За раскатами меди соборной
Долгожданный звучит нам сигнал.
Сбросим цепи неволи позорной,
Час решительной битвы настал!

Как гроза громыхает свободно!
Как весна эта бури полна!
Время кровью напишет народной
Этой звонкой весны имена.

За мужьями и жены, и дети
К баррикадам идут на борьбу,
И прославят легенды столетий
Их бесстрашье, их гнев, их судьбу!

Коммунарка за правое дело
На заре, как солдат, умерла.
Медь соборная тяжко гудела
И над девушкой мертвой плыла.

Льется Сена, от крови багрова,
Небеса в грозовых облаках...
Расцветут анемоны и снова
Забелеют в девичьих кудрях.

ПЕРВОЕ МАЯ

Ты, матушка, судьбу читала
По знакам звезд в тиши ночей,
И сердце юное мечтало
О наступленье светлых дней.

Но вот обвенчана с немилым,
Любовь из сердца выжгла ты,
И горе на лице унылом
Проводит горькие черты.

Минуты не было свободной —
В трудах, заботах день и ночь,
И плач ребячий ежегодно
Гнал от тебя мечтанья прочь.

За книгой дети-грамотеи,
Они мечтают все узнать,
Прочесть ни слова не умея,
На сотни миль отстала мать.

Сквозь слезы ты судьбу читала
По знакам звезд во мгле ночей,
И избавленья ожидала
От грустной участи своей.

Сегодня, в праздник Первомая,
Хочу тебе сказать одно:
Исчезла ночь глухонемая,
Корабль беды пошел на дно.

Ударницей ты стать сумела,
Подавленности — ни следа,
Ты ожила, помолодела,
Читаешь, пишешь без труда.

Открылся мир светлей и шире,
Недаром прожит горький век:
Ты поняла, что в этом мире
Восторжествует Человек.

КОГДА ЗЕМЛЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Только смолкнет пушки
Злобное рычанье,
У воды кукушки
Слышу кукованье.

Жаворонка голос
Звонок и отраден
Там, где глохнет колос,
Там, где смерть в засаде.

Пусть мне цветик синий
Закивал в дубраве,
Я винтовку ныне
Отложить не вправе.

Только стали очи
Благою искриться...
Я за песню очень
Благодарен птице,

Но поспорю с нею:
Нет, весной такую
Вовсе не грустнее
Умирать герою.

Кто был смел средь боя,
Смерть того не встретит, —
Солнышко родное
И сквозь землю светит.

БЕТХОВЕН

Зачем ты шествуешь сквозь бурю
И вихрь седые кудри рвет?
Остановился, глянул хмуро
И снова ты идешь вперед.

Что было в прошлом? Великаны
Или пигмеи — все равно...
Шагает время неустанно,
И ты с грядущим заодно.

Где те, о гений одинокий,
Что силою тебе равны?
И этот день, и век далекий
Восторгом пред тобой полны.

Ты необъятен, словно море,
Никто не знал такой судьбы...
Иду сквозь слезы, кровь и горе
Я с поклонением борьбы.

Тебя не солнце провожает
На огненном закате дня,
То в след шагов твоих ступает
Моя кровавая ступня.

Пусть льется кровь, пусть горе бродит,
Пусть город в пепле и чаду, —
Вот новый человек восходит,
Его приветствовать иду,

Чтоб к солнцу стяг был поднят алый
Недрогнувшей рукой моей
И чтобы я расцеловала
Всех к правде рвущихся людей.

БУЙСТВУЙТЕ, ВЕТРЫ!

Яблоньки в садах моей отчизны
Опустили головы, белея.
Разбушуйтесь, ветры, ветры жизни,
Жадные, весенние, смелее!

Радоваться, жить! — призыв природы,
Создавать, любить земля готова.
Вскрылся Днепр, синеют Прута воды,
Плещут волны Немана седого.

Мы из детских сказок узнавали
О богатырях в чудесных странах,
А теперь их дома увидали, —
Этих сильных скромных великанов.

Поступь богатырская могуча,
Быстро скачут сказочные кони.
Как гонимый вихрем лист падучий,
Враг бежит, спасаясь от погони.

Возвратимся мы в сады отчизны,
Скорбь разлуки навсегда развеяв.
Разбушуйтесь, ветры, ветры жизни,
Жадные, весенние, смелее!

Винцас Миколайтис-Путинас

ИЮЛЬ

Из месяцев июль — покой.
И чувств легка дремота.
Спят страсти майские в тиши,
И вся земля без перемен,
И сухи все болота.

Но ах — не верь!
Трудиться солнцу день-деньской,
На всем его сиянье,
Все закоулки на свету,
И над кустарником густым
Усердных пчел жужжанье.

Омоет ягоды гроза
Под летним небосводом,
А если в полдень устаешь,
То хлеба черствого ломоть
Намажь душистым медом.

Огнем сияют вечера,
Луч холм погладит нежно,
А ты взберись на этот холм
И пред ночью тишиной
Склонись главой мятежной.

АВГУСТ

Последний звон косы давно умолк,
И пашни колки, как щетина.
Я счастлив, что один.
Мне хорошо,
И широка вокруг равнина.

Когда сияние поблекнет за холмами,
Тогда лишь я мой покидаю дом
И глубоко вдыхаю
Прохладу августа,
Пью жадным ртом.

Мне долгожданный праздник — эта ночь.
Я вверх гляжу, и небо так бездонно,
Впервые засияли ярко звезды,
И в сердце день уже молчит стозвонный.

Прозрачны звезды августа и часты,
Летят они к земле и в небе тают.
Вот!.. Вспыхнула одна!..
За ней тропинка,
Вся в искрах золотых она блистает.

ПОЛНОЧЬ

Звук где-то словно отзвенел,
И мне уже пора покинуть ночь
С ее прохладной тьмой,
Но звездный свод лишь ярче заблестел.
Вдруг упадет еще одна?
Я лучше не пойду домой.

МОЛДАВСКАЯ ПОЭЗИЯ

Петр Крученюк

ПРИДИ ЖЕ, ВЕСНА...

Мы хотим собирать барвинки,
Ветерок весенний, вей!
Подсуши для нас тропинки,
Сделай милость, поскорей.

Ты своим горячим светом,
Солнце, землю освети!
Мы хотим с лесным букетом
Первыми в село придти.

Приходи, весна родная,
Будем радостно встречать, —
В душевной комнате, скучая,
Мы тебя устали ждать.

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ!

Долгую ночь напролет я шагаю
Взад и вперед по перрону вокзала.
Снег под ногами скрипит и не тает;
Но и тепло мне, и радостно стало.

Ветер в лицо мое вьюгою дышит,
Лютый мороз, что ни час, все сильнее,
Но ничего мое сердце не слышит...
Думу оно о родимой лелеет.

Окна морозны в родительском доме,
Но в очаге словно солнце сияет.
Мать его топит пучками соломы
И умиленно меня вспоминает.

Помнишь, я в письмах предсказывал встречу:
Скоро вернусь, — повторял я упрямо.
Раннему поезду выйди навстречу,
Ты не напрасно ждала меня, мама!

СТАРШЕМУ БРАТУ

Ты делами рук своих
Знаменитым стал,
Я ж работал на господ,
Долго голодал.

С детства в школу ты пошел
И в достатке жил,
Я же в хате без огня,
Без еды тужил.

Пред тобой был ясный путь,
Светлый и прямой,
Я ж не знал, как сбросить мне
Тяжкое ярмо.

Только брату верен брат
Даже в злую ночь,
И кремлевские огни
Знают, как помочь.

...Мне пожатие твоей
Помнится руки,
Ты тогда пришел сломать
Барские тиски.

Потому-то, так и знай,
В сталинградский бой
Шел я побеждать врагов
И дружить с тобой.

ПРИМИ, ЛЮБИМЫЙ ОТЕЦ!

К тебе обращаются взоры
Моей приднестровской отчизны,
Вернул ты нам наши просторы,
Дал счастье достойной жизни.

И мы у станка и за плугом,
Отечество строя наше,
Тебя называем другом,
Ты солнца милей и краше.

В боях, в труде напряженном
Верна тебе будет Молдова,
К вершинам путем озаренным
Ведет твое мудрое слово.

Прими же, товарищ Сталин,
Прими, наш отец любимый,
Любовь, что вернее стали
И навеки неколебима.

ПУШКА

Острым осколкам снарядов тут
Ржаветь и в прахе валяться.
Где были окопы, хлеба растут
И пышно уже колосятся.

Грозная пушка стоит одна,
Жерло к земле опустила.
А сколько дорог за правду она
По этой земле исходила!

Но ты осмотрись, оглянись назад,
На холмы и долины эти —
Это путь ее сквозь военный ад,
Славный путь к великой победе.

Сегодня мирно косилки гудят,
А пушка немая остыла.
Но к новым победам народы спешат,
И в знамени мира их сила.

И грозная пушка стоит одна,
Жерло к земле опустила...
Но если придется, за правду она
Будет биться с прежнею силой.

В МОЕЙ СТРАНЕ

Плуг покрывает поле бороздами —
Там, где межам вовеки не бывать,
К полудню норма выполнена нами,
Но будем мы до вечера пахать.

Плотины крепко запирают воды,
Лесные полосы вдали встают,
Узду мы надеваем на природу,
Мичуринский деревья плод дают.

Шахтер спустился глубоко под землю
И свой вчерашний перекрыл рекорд.
И скрипачу народ под вечер внемлет,
Его душой помолодевшей горд.

Окончив труд свой, раскрывая томы,
Колхозник обращается ко мне:
— Да, вижу я, все знают агрономы,
Но быть хочу на той же вышине.

И в цехе обувном шумит работа —
Там соревнуются бригады мастеров.
У каждого в уме — одна забота:
Утроить выпуск прочных башмаков.

И поезда проходят ежечасно —
Шлет Орша лес, машины — Сталинград.
От нас же льется в ширь страны прекрасной
Вино, что дал наш славной виноград.

Мать радостью великою согрета,
Что с нею схож новорожденный сын,
И вот уже на бланке сельсовета
Записан этот новый гражданин.

И на экзамене без колебанья
И робости студент билет берет.
Он знает: через многие старанья
К заветной цели путь его ведет.

Глядит на запад пограничник смелый.
Не тронь его,
Чтоб пулемет молчал.
Пусть помнит каждый:
Служат мира делу
В моей стране
И книга,
И металл.

ПОСТУПЬ ВЕСНЫ

От зорь свою свежесть подснежник наследует
И к солнцу могучему радостно тянется,
И ветер со степью бескрайней беседует
О том, как природа с зимою расстанется.

Телеги к страде долгожданной готовятся,
И лошади прибраны перед работою,
Солома и сено невкусны становятся —
Их овцы с великой жуют неохотою.

Какие-то тучки хотят еще ратовать,
Но сразу сжигает их солнце весеннее,
И сам председатель колхоза богатого
Уже объезжает колхоза владения.

Играют ребята, резвясь пред порогами,
На солнышке девочки куклами чванятся,
И трактор беседует гулко с дорогами
О том, как природа с зимою расстанется.

ЛАСТОЧКИ

Ветры в сумерки ворвались
И осенней стужей дышат,
И в испуге заметались
Стаи ласточек над крышей.

Вот встревоженные птицы
К окнам близко подлетают,
Словно выйти из светлицы
Их послушать умоляют.

Что ж, прощайте! Добрым словом
Мне отрадно вас приветить,
Но нигде села такого
В целом мире вам не встретить.

Не найти вам лучше края,
Лип раскидистей и выше,
И обильней урожая,
И чудеснее детишек.

Ветры в сумерки ворвались
И осенней стужей дышат,
И в тревоге заметались
Стаи ласточек над крышей.

Вихрь стволы дерев качает,
Лист сметая пожелтевший,
И певуньи улетают,
Песню грустную пропевши.

НОРВЕЖСКАЯ ПОЭЗИЯ

Нурдаль Григ

ПЕСНЬ ВАРДЭ

Открытый сразу всем ветрам,
Темнеет остров голый.
Деревьям нет надежды там,
Там не летают пчелы,
Там нет и карликов-берез,
Но меж камней нагих возрос,
Трудясь без жалоб и без слез,
Против судьбы восставший.

Здесь все — трудов жестоких плод,
Все добыто борьбою,
Здесь трудно человек живет,
Измученный нуждою.
Но шторм еще не вся беда, —
В порту ждет строгий фохт всегда,
Что парней грабит без стыда...
Но люди те — норвежцы.

Здесь жизнь страны сбережена
Рабочими руками,
Их силою живет страна,

Те люди — чести знамя.
 Когда во мраке тонут дни,
 В их окнах светятся огни,
 Народу дороги они,
 Их жизнь — страны надежда.

Большой ты куплена ценой,
 Страна, где блещет море,
 Где берег светится морской
 И синь в ребячем взоре.
 Там, на просторе высоты,
 Похожи птицы на цветы...
 Страна надежд, прекрасна ты
 Под солнцем полуночным.

«ЭЙДСВОЛЛ» И «НОРВЕГИЯ»

«Норвегия» гибла, и «Эйдсволл» тонул,
 Встал туман над водной пустыней,
 И люди, что были близки нам,
 Исчезли в кипучей пучине.
 И день умирал над мрачной волной —
 И над миром, утраченным ныне.

Вдоль берега сразу сотни домов
 Попали под власть невзгоды...
 Но не большее ль мы опустили тогда
 У Нарвика в грозные годы?
 «Норвегия»! «Эйдсволл»! — звучали для нас
 Символом нашей свободы.

Нам словно был подан тревоги сигнал...
 И все мы увидели вскоре,
 Как любимая наша тонет страна

С горами в вечернем море.
И сердце пронзила такая печаль
Прощанья — такое горе!

И вот моряки примчались сюда,
Спеша на родные откосы,
И плыли за ними, отстав далеко,
Дельфины и альбатросы.
Что мы еще не погибли совсем,
Уверенно знали матросы!

И море, что рабских не терпит оков,
Людей воспитало свободных, —
Никакие преграды неведомы им
В стремлениях их благородных
К земле, на которой они родились, —
Великой надежде народной.

Лишь тот, кто плавал в далеких морях,
Мечтал о Норвегии страстно,
Норвежские камни и цветы
Лишь тот вспоминал всечасно.
Лишь тот, кто не знал по отчизне тоски,
Не поймет, как она прекрасна.

Пред кем горизонт бесконечно рос,
Кто даль заставлял расступиться —
Тот сущность свободы навеки постиг:
Всегда раздвигать границы
Достигнутого и, не страшась
Опасностей, вдаль стремиться.

Очнулась от злого насилия страна,
Отбросив петлю тугую.

Пусть новые нам дадут корабли,
И мы назовем, ликуя:
«Норвегия», «Эйдсволл» — первые два:
С них землю увидим родную.

Закаленная бурями молодежь
На место погибших встанет.
Отныне все сомнения прочь —
Никто нас врасплох не застанет!
И скоро победы гимн золотой,
Великий, праздничный грянет!

В восемьсот четырнадцатом году
Народ изъявил свою волю.
Сегодня море избрало их,
Чтоб сбросить вражью неволю, —
Их — парней норвежских, за «Эйдсволл» борцов,
Борцов за лучшую долю!

Генрик Ибсен

СВЕТОБОЯЗНЬ

Когда ходил я в школу,
Был смел до тех лишь пор,
Покуда день веселый
Не мерк в вершинах гор.

Но лишь ночные тени
Ложились на поля,
Ужасные виденья
Толпились вокруг меня.

Дремота взор смежала —
И сразу же тогда
Вся храбрость исчезала
Неведомо куда.

Теперь беда иная:
Мила мне ночи тень,
Но смелость я теряю
С рассветом каждый день.

Теперь дневные тролли
И шума жизни жуть
Мне страха острой болью
Пронизывают грудь.

Я в уголке под тенью
Ночной приют нашел,
И там мои стремленья
Взмывают, как орел.

Пусть шторм грозит, пусть пламя
Объемлет небосвод,
Парю над облаками,
Пока не рассветет.

Под игом синей тверди
Я мужества лишен.
Но верю — подвиг смерти
Мной будет совершен.

В АЛЬБОМ КОМПОЗИТОРА

Орфей зверей игрою умирал
И высекал огонь из хладных скал.

Камней у нас в Норвегии немало,
И диких тварей слишком много стало.

Играй! Яви могущество свое:
Исторгни искры, истреби зверье.

ЭММЕ КЛИНГЕНФЕЛЬД

То, что дома в сердце у меня поет,
С юга мне навстречу эхо отдает.

И его я слышу, словно нежный звон,
А ведь это тот же мой норвежский сон.

То не эхо было с оснеженных гор...
Летний и лесной мне это шлет простор.

Так перелагатель на чужой язык
Мысли, чувства, голос до конца постиг.

Но иную книгу шлю тебе теперь,
В ней могучей древней силы нет, поверь.

Там осенней ночи темный мир живет,
Поутру над нею солнце не взойдет.

Речь идет о Женах, Смерти и Любви,
Им идти во мраке, падать им в крови.

Юная, позволь же с родины твоей
Унести твой дух мне в гул моих морей.

Глянь, вон фьорд Тронхейма пред тобой открыт,
Там туман, как траур, в воздухе висит.

Тень Элины смутно в свой уходит путь,
Мать ее за нею. Ты о них забудь.

И вернись к потоку, что зовут Изар,
Как бы от горчайших пробудившись чар.

В ЭТОМ ДОМЕ ОНИ...

В этом доме они тихо жили вдвоем
И осенней, и зимней порою.
Но случился пожар. И рассыпался дом,
И склонились они над золою.

Там, под нею, хранился ларец золотой,
Несгораемо-прочный, нетленный.
Рыли землю лопатой, дробили киркой,
Чтобы клад отыскать драгоценный.

И находят они, эти двое людей,
Ожерелья, подвески, запястья, —
Не найти ей лишь веры сгоревшей своей,
А ему — его прежнего счастья.

Ингер Хагеруп

КАРИН БОЙЕ

Мы все умрем когда-нибудь, подруга!
Тебя не знала я, но ты со мной,
Тебя я вижу здесь — в купе вагонном,
Ты словно снег, что прячет пламя Юга...
Тревожная в молчанье напряженном.

Упсальская равнина — мрак ночной,
И звезды над тобой летят высоко.
Была ты в мире самой одинокой.

Подруга! Всех людей конец известен,
Но будет жить души высокий строй.
Боль раскаленная твоих прекрасных песен
Тебя навеки сделала живой.

НОРВЕЖСКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЯ

Снег за окном. Уютный дом.
Родила сына мать.
Счастливой ночью Рождества
Должны все сладко спать.

Большая елка. Блеск свечей.
Детишек хоровод.
В рождественский счастливый день
Ждет радостей народ.

Забыть нужду, забыть печаль
Велит нам добрый Бог.
Танцуй и пой и ешь с семьей
Рождественский пирог.

А «храбрецы», что день за днем
Далекий край бомбят,
Бросая щедро тонны бомб
На головы ребят, —

Решили ради Рождества,
Устроить «выходной»...
Да будет мир на небесах
И на земле покой.

НУРДАЛЬ ГРИГ

Лишь ночь мильоны покрывал
Бросала над берегами, —
Свою Норвегию ласкал
Он нежными руками.

И что-то властное опять
Его сюда манило,
Он знал, что значит тосковать
И горевать о милой.

В пылу борьбы и под огнем
Он был необычайным,
Мечтанье это стало в нем
Его оружием тайным.

Сколь юным сердце быть должно,
Чья страсть неодолима, —
Позор и честь несет оно
Своей страны родимой!

Сколь юным сердце быть должно
И трепетным сверх меры,
Когда огонь несет оно
Чистейшей твердой веры!

Во времени ль огонь горит?
Пока пылает пламя —
Норвегия боготворит
Его, как чести знамя.

ПРЕЛЮДИЯ

Нам светофор мигает: «Стой!..»
Сквозь мокрый майский день
По свежим лужам мы одни
Бредем среди листвы густой,
Где разукрасили сирень
Лиловые огни.

И под дождем уютно нам,
И странно мы молчим.
Мы знаем — время не пришло,
Но нашим сладостно сердцам
Услышать, как звучит светло
Любви безмолвный гимн.

* * *

Ты хотел, чтоб милой безделушкой
Стала я по прихоти твоей,
Шуткой и забавою за кружкой
Между веселящихся друзей.

Но слова иные сердце знает,
Что пылают и сгорают в нем...
Сколько женщин молча погибает
Под любви безжалостным ярмом!

Это сердце ты берешь рукою,
Безделушку милую губя...
Ты хотел, чтоб стала я такою,
Я и отрекаюсь от себя.

ОСЕТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Коста Хетагуров

КТО ТЫ?

Не спрашивай, кто я?
Ведь я не уздень.
Я не из красавцев,
Хоть в шелк разодень.

Рубашка — холстина,
Бешмет — полотно,
И выткано грубо
Черкески сукно.

Прутом подпоясан,
Арчита ношу...
А.кто я? Ну, слушай —
Вниманья прошу.

В горах я родился;
Тот хлев еще цел,
Где друг твой впервые
На свет поглядел.

Да, мать родила там
В грязи и в пыли,
Ей места почище
У нас не нашли.

Гнетет оно память
Позора горой...
Боялся желать я
Здоровья больной.

А чем еще может
Ей бедный помочь?..
Всегда нависала
Над матерью ночь.

Отец мой суровый
Неласков был с ней,
Его покаравшей
Кончиной своей.

Чужая младенца
В свой дом приняла,
И грудью кормила,
И доброй была.

Дитя баловала
Заботой своей, —
Те ранние годы
Всего мне милей.

И так подрастал я
В беспечности там,
То с пеньем, то с пляской
Бродя по пирам.

Хаматом зову я
Отца своего...
И мне не припомнить
Заботы его.

Он снова женился, —
Пришел я домой,
Всего натерпелся
От мачехи злой...

Подарки — побои,
И ласки — пинки,
Изведал я тяжесть
Жестокой руки.

Отец на охоте
В далеких лесах,
Жена побиралась
В соседних дворах.

Как часто охотник
На смерть обречен,
Но редко бывает
В земле погребен.

За туром бесстрашно
Погнался отец
И в пропасти горной
Нашел свой конец.

Вдова для поминок
Луга продала
И все промотала,
Что в доме нашла.

Такой же беспечный,
Что мог я сказать?
Кто «мать» свою смеет
В делах поучать!

Я понял, что в мире
Я все потерял.
Что плакать? По нраву
Уж взрослым я стал.

А мачеха в доме
Отца прожила
Недолго — и к мужу
Другому ушла,

Оставивши сына
В убогом дому.
Пора добывать, мол,
На хлеб самому.

На что ж я был годен!
Грусти не грусти —
Пришлось за харчи лишь
Ягнят мне пасти.

Скитался по саклям,
На сене я спал,
Но все же «да-да́-дай»
С весельем певал.

Работал подпаском,
Служил пастухом —
За скудную плату
Ячменным зерном.

В облезлой папахе
И в бурке бродил,
Но — досыта хлеба! —
И я не тужил.

Побои и ругань —
Я все испытал,
Но все же «да-да́-дай»
Всегда распевал.

Шестнадцатилетний
Мужчина почти,
Я всласть наигрался
В недолгом пути.

Косы заостренной
Изогнут конец,
Луга ею бреет
Искусный косец.

Как руки могучи,
И как я косил!..
Но óтчего луга
Я не возвратил.

Куда же девались
Луга-то мои?
Они, мол, давно
На поминки пошли.

Тогда я батрачить
Пошел к богачам.
О, что я не делал,
Кем не был я там!

Какого я только
Не знал ремесла!
Поклажи носил я
Быстрее осла.

Могу похвалиться,
Что сукна я ткал
И золотом славно
Порой вышивал.

Работал иглой,
Как девушка, я,
И тешила песня
«Да-да-дай» меня.

О, как своенравно
Ты, сердце!.. Ему
Не скажешь: ты плохо —
Не верит тому.

Уносится к солнцу
Счастливой мечтой,
А ночью захочет
Скитаться с луной.

Откуда у сердца
К свободе порыв?
И что так пылает
В нем кровь, забурлив?

Красавица! Доля
Завидна ее, —
Навек она сердце
Пленила мое.

Как вспыхнуло чувство?
Безумцем я стал.
Что далее будет —
Совсем я не знал.

То нежность при встрече
Я чувствовал к ней,
То вдруг ненавидел
Сильней и сильней.

Я близких чуждался,
Бродил наугад,
И был я работе,
Был жизни не рад.

С аулом враждуя,
Бежал от друзей...
Как, сердце, бороться
Мне с властью твоей!

Зачем на беднягу
Глядела она,
Зачем приходила,
Как солнце ясна?

Зачем так бывала
Со мною мила?
Зачем кобуру мне
В подарок дала?..

Прости, издалека
Веду я рассказ, —
В печали и в горе
Бывал я не раз.

Зима нам — могила:
Обвал — не зевай!
Нам осень — работа,
Весна — это рай.

Приветливей солнце,
Пушистей лоза,
Уже не ворует
Солому коза.

Снег тает на склонах,
И реки мутней,
И птицы летят к нам,
И дни все длинней.

Вот бабочек время...
А сердце — в огне!
Эй, молодец! Где ты,
В какой стороне?

Способности ныне
Свои докажи,
Родителям строгим
Калым покажи.

Калым приготовлен
Батрацким трудом,
Что должно, по счету
Находится в нем.

Я солью с ладони
Скотину кормил.
Для будущей тещи
Коня я добыл.

И всем угодил я
Теперь наконец,
Но сердце тревожит
Невестин отец.

И горд, и надменен
Пред бедными он;
С соседями груб он,
А дома — Сырдон.

Не даст никому он
Ни слова сказать,
А девушка чахнет,
И мучится мать.

С любимой поладил,
Мать — с нами. Но ведь
Отец у любимой —
Взъяренный медведь.

Господь не услышал
Молитвы моей,
А я растерялся,
Стал ночи темней.

А сватом кто будет,
Кто бросит дела?
О, как одинок я,
Как жизнь тяжела!

Где свата найти мне?
И страшно мне то,
Что бранью он встретит
Почтенных сватов.

А сам не пойду я, —
 Боюсь, не стерплю,
 С отцом я заспорю
 И все погублю.

А милую сватать
 Стал кто-то опять,
 Но этому, впрочем,
 Противится мать.

И девушка слышать
 Не хочет о том,
 И косы терзает,
 Льет слезы ручьем.

Зовет меня громко:
 «Любимый, ты где?
 Не дай мне погибнуть
 В позорной беде!»

Ты видишь, какое
 Житье-то бытье?..
 Кто я? Одинокий —
 Вот имя мое.

Сека Гадиев

ЧЕРМЕН

Тулатовы зло слукавили,
 Разделяя поля просторные:
 Они Чермену оставили
 Болота да скалы черные.

Сказала мать его грустная:
 — Не верь ты их клятве княжеской,
 Пусть речь у кобанцев искусная,
 Душа их осталась вражеской.

Тебе твоей доли не дали
И дурнем тебя ославили,
Как будто они не ведали,
Что нищим Чермена оставили.

— Гляди, нана, что я сделаю,
Мне на это легко отважиться,
Распашу себе поле целое,
Где земля мне мягче покажется.

Разве я не Чермен прославленный?!
Если б я с князьями не справился,
То, твоим молоком отравленный,
Лучше б я на тот свет отправился.

И пашет Чермен неистовый
Спокойно, страха не ведая,
Тулатовы смотрят издали,
Его сражены победою.

И ищут князья спасения
— Перед силой его могучею...
А гордый Чермен без смущения
Всю землю вспахал наилучшую.

НЕНАСТЬЕ

Часы непогоды
Влекутся в печали,
И думы-невзгоды
Сердца обуяли.
В недвижных туманах
Невидимы горы,
В бесчисленных ранах
Родные просторы,
И ветер окаянный

Бушует без меры,
И наши поляны
Унылы и серы.
И отроков взоры
В слезах нетаимых,
И в оползнях горы
Непроходимых.
С трущобами что там
Нагорными сталось?
Иль нашим высотам
Истаять осталось?
Ненастие душит
Наш день непроглядный.
Он сердце иссушит
Тоской безотрадной.

Я верю впервые,
Что день тот наступит,
Что горести злые,
С лихвою искупят.
Я верю, что счастья
Не тщетно мы просим,
Ведь после ненастья —
Погожая осень.
Прослышав о чуде,
О близости цели,
Прислушались люди
И вдруг просветлели.
Ты видишь, напрасно
Собираются тучи.
На Ир наш прекрасный
Потоком могучим
Лучи устремились,
Как помощь отчизне,
Мы нынче простились

С печалью жизни.
Ждать радости будем
С надеждой веселой
И скоро забудем
О доле тяжелой.

Георгий Кайтуков

РЕБЕНКУ ИСПОЛНИЛСЯ ГОД

Вырос сынок ненаглядный, —
Время ходить самому.
Мир перед ним неоглядный,
Счастья желаем ему.

Каждый его поздравляет,
В доме царит торжество,
Но годовалый не знает,
С чем поздравляют его.

Крепкий, румяный, нарядный
У материнской груди...
Смех его звонок отрадный, —
Живчик, совсем не сидит!

И о еде забывают
Мать и счастливый отец,
Вещи пред ним расставляют, —
Схватит какую малец?

Выбрать игрушку он хочет, —
Радует близких своих.
В ладушки бьет, и хохочет,
И уползает от них.

Первое детское слово
Всякому радостно... Вот
На бок свалился, но снова
С той же отвагой ползет.

Падает — пусть, не держите!
Сядемте все по местам! —
Кто-то сказал: «Отойдите,
Пусть поднимается сам.

Слишком лелеять не надо,
Должен выносливым быть, —
Пусть приучается падать,
Чтоб научиться ходить!»

Каждый, смеясь и любуясь,
За мальчуганом следит.
Силу его молодую
Родина наша взрастит.

Пусть ему выше, чем горы,
Ныне родимый порог.
Все он узнает просторы
Ближних и дальних дорог.

К книге малец потянулся, —
Будет ученым потом,
Вот к молотку прикоснулся, —
Станет он славен трудом!

Будет достойно меж нами
В крае возлюбленном жить,
Будет большими делами
Матери юность хранить.

Дабе Мамсуров

Я ПОМНЮ

Милое детство я помню,
Детству я верен остался:
Росы мне ноги мочили,
В ливнях я летних купался.

Солнце мне было одеждой,
Обувью пыль при дороге,
Сладко на сене душистом
Спал я, не зная тревоги.

Ел я чурек кукурузный,
Сывороткой орошенный,
Но уносился далеко
Мальчик, мечтой озаренный.

Верил в прекрасное завтра,
Светлой предавшись надежде.
Вот оно и свершилось —
Все, к чему рвался я прежде!

Грис Плиев

* * *

Будто сразу присмирел
Причитаний хор,
Будто с неба поглядел
Нежный лунный взор
И осыпал все вокруг
Серебром своим, —
Сердца моего недуг
Скрылся перед ним.

Нет, не сразу присмирел
Причитаний хор
И на нас не поглядел
Нежный лунный взор.
Это — смолк на краткий миг
Смертоносный бой,
И в глазах моих возник
Светлый образ твой.

Борис Муртазов

НОЧЬ

Ночь замолчала. Село прикорнуло
Мирно в объятиях горных.
Отзвук речного послышался гула
Где-то в ущелиях черных.

В небо на бурном коне выезжает
Всадник дорогой высокой,
И над уснувшей долиной блистает
Светоч его одинокий.

Вея прохладою, лоб мне целует
Ласково ветер душистый.
Снежных вершин тишина торжествует
В свете луны золотистой.

Птицы еще не проснулись, но рано
Завтра с воскресшей зарею
Труд возвратится на наши поляны,
Песнь зазвенит над странною.

Александр Царукаев

ЛЕТОМ

Дождь проливши благодатный,
Туча в дальний путь ушла.
Крылья в поле необъятном
Кукуруза подняла.

Ливень-дождь помог природе,
Соком землю одарив,
И на солнечном восходе
Блещут волны спелых нив...

За осокой бор дремучий,
Дальше пастбище легло.
Словно каменная туча,
У воды стоит село.

И колхозные ребята
Вышли шумною гурьбой,
Чтоб расчистить до заката
Кукурузы лес густой.

Волны желтые бушуют,
Сколько света и тепла,
Убегают в рассыпную
По полю перепела.

Летний ветер вольно пляшет,
В тених облачных земля...
И крылом зеленым машут
Кукурузные поля.

ОСЕНЬ В УРСДОНЕ

Берег речки инеем сверкает,
Часовой на каменном горбу,
Тяжело волы переступают,
Из оврага вывозя арбу.

Сено в копнах. Скрыт овраг туманом.
Черные кусты обнажены,
Сылтанык стоит рябым курганом...
Озимии отраднo зелены.

И укатаны дороги гладко.
Стебли кукурузные шуршат.
Зерна крупных золотых початков —
Как зубов ослабившихся ряд...

Снежных гор холодные вершины,
Как шатры гигантские вдали,
И высоко в небе цепью длинной
Улетают к югу журавли.

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ

Юлиуш Словацкий

В АЛЬБОМ МАРИИ ВОДЗИНСКОЙ

Были вместе они там, где снежной короной
Гребни гор серебрились; где волею Божьей
Стены хижин белели у горных подножий;
Где отары, звеня, поднимались на склоны;
Где с обрывов крутых водопады срывались;
Где на срубленных соснах кричали вороны...
Там они были вместе и там же расстались.

Через годы скитальцы дождались возврата,
И встречала их рожь, васильками кивая;
Сына мать обняла, сестры обняли брата.
Всем под кровлей родной светит радость живая.
Все за общим столом, все по-прежнему в сборе,
И наполнились чаши, и счастья избыток...
Нет разлуки, исчезло вчерашнее горе.
Все собрались, и нет лишь навеки забытых.

Молодая Мария улыбки не прячет,
Просит лютню настроить и шепчет соседу:
«Не хватает кого-то...» Но праздник уж начат,
Загремела мазурка, вторгаясь в беседу.

«Да, он умер», — сосед отвечает. «Так, значит,
Он лежит в тишине?» — «Нет, рыдают до свету
Соловьи на березе, и чудится — плачет
Над могилой береза».

ПРОКЛЯТИЕ

К***

Проклятая, ты отравила минуты
Земного блаженства жестокой цикутой.
И вот в одиночестве я погребенный,
Но слезы все помнят, все ведают стоны.

Как часто молил я в минуты безволя
Хоть капельку счастья, крупицу покоя.
Мне хлеб ты давала, отравленный болью.
«Пусть слышит», — сама говорила с собою.

Я с горем смирился. Но знай непреложно,
Что, в трауре скорби безмолвно тоскуя,
Чуть шорох заслышу, я вздрогну тревожно,
Но жду не тебя, не тебя, а другую.

Я плачу о той, что была мне всех ближе,
О той, что сestroю была мне в изгнание.
Очами души я, быть может, увижу
Тех чудных очей неземное сиянье.

Ни горечь, ни боль не вставали меж нами...
Мне сердце она не умела кровавить,
И ангелы божьи не ведают сами,
Меня ль оправдать иль ее обесславить.

А ты! Ты мне горечью сердце поила
И грубо касалась той раны открытой.
Минувших мучений недобрая сила,
Будь проклята, будь навсегда позабыта!

РАЗЛУКА

Разлучились, но помним и любим друг друга,
Между нами проносится голубь печали,
Он нам вести приносит: я знаю, одна ли
Ты в саду, или в горнице плачешь, подруга!

Знаю час, когда боль тебя мучит нещадно,
Знаю слово, какое слезу вызывает,
И звездой ты мне светишь на небе отрадно,
Той, что плачет и синею искрой сверкает.

Не увижу тебя, — что мечтать мне впустую,
Но я знаю твой дом, знаю сада сиянье,
И тебя и глаза твои в мыслях рисую, —
Ты в саду в белоснежном своем одеянье.

Тщетно ты бы мои создавала пейзажи,
Их луной золотя иль зарею нагорной,
Мне под окна, увы, не осмелишься даже
Сбросить небо, назвав его гладью озерной.

Разлучать бы ты озеро с небом не стала
Днем вершинами гор, ночью скал синевою;
Ты не знаешь, что тучи как кудри на скалах,
И как в трауре скалы стоят под луною;

Ты не знаешь, где всходит жемчужина эта,
Что избрал я твоею звездой счастливой;
Ты не знаешь, что два огонечка — два света
В двух оконцах горят под горой молчаливой.

Заозерные звезды печально люблю я,
Пусть кровавы они и мерцают туманно;
Я сегодня их снова увижу, тоскуя, —
Хоть и тускло, но светят они постоянно.

Ты ж погасла навек для скитальца, подруга!
И свидания час никогда не настанет.
Умолкаем и вновь призываем друг друга...
Соловьи так друг друга рыданием манят.

АНЕЛЕ МОЩЕНСКОЙ

Сонет I

Ясные очи нашла ты в забаву,
Чтоб их горючей слезой затуманить.
Выбрала сердце, чтоб мучить и ранить,
Полное грусти, влюбленное в славу.

Все же оно переносит отраву
Слез, ибо предано Богу и року;
Прежде чем сердце растопчешь жестоко,
Сталь обагрю я струею кровавой.

Будет ли слову девичьему вера,
Будто на сердце ее монограмма?
Сердце поэта в плаще тамплиера;

Крест на плече у защитников храма;
Тело покрыто кольчугой железной;
Сердце в могиле, бездонной, как бездна.

Сонет II

Язык скорбей молчать не приневолишь,
Тяжелый гнев овладевает мною:
Я опозорен горькою виною,
Я сердце растоптать готов за то лишь,

Что ты меня любила, что иное —
 Высокое горенье — не сумело,
 Освободив меня, достичь предела...
 Нет, я не назову тебя женою!

Нет, лучше ад, чем в трепетных порывах
 Прильнуть к груди, где вместо сердца камень!
 За поцелуи уст умноречивых

Я не отдам мой вдохновенный пламень,
 Чтоб статуя его оледенила.
 Нет, лучше смерть, отраднее могила.

В АЛЬБОМ ЗОФЬЕ БОБРОВОЙ

Пусть Зося у меня стихов не просит;
 Едва она на родину вернется,
 Любой цветок прочтет канцону Зося,
 Звезда любая песней отзовется,
 Внемли цветам, согретым знойным летом,
 И звездам, — это лучшие поэты.

У них давно приветствие готово;
 Внемли же их напевам чудотворным;
 Мне любо повторять их слово в слово,
 Я был лишь их учеником покорным.
 Ведь там, где волны Иквы льются звонко,
 Когда-то я, как Зося, был ребенком.

Мое никак не кончится скитанье,
 Все дальше гонит рок неотвратимый...
 О, привези мне наших звезд сиянье,
 Верни мне запахи цветов родимых.
 Ожить, помолодеть душою мне бы!
 Вернись ко мне из Польши, будто с неба.

Владислав Броневский

WARUM?

Нет больше слов. Ни одного...
 А было их — не сосчитать.
 Откуда ж радость? Отчего
 Так страшно за нее опять?

Опять, как много дней назад,
 Трепещет сердце ночь и день,
 И слезы блещут и кипят,
 Как наша польская сирень!

И нежность вновь. И моря шум.
 И молчаливый лунный свет.
 На шумановское «Warum?»
 «Люблю...» — чуть слышен твой ответ.

И нужно ль было столько мук
 И столько вспышек грозových,
 Когда прикосновение рук
 Так много значит для двоих?

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Может, любила ты... Но не так,
 Не с той силою.
 Вместе мы шли с тобой, но не в такт...
 Прости, милая!

Год буду помнить... Еще год...
 Боль притупится.
 Справим же тризну, пока трясет
 Огневица.

Нет, ты стиха поминальный звон
Слышишь едва ли!
Мелкое чувство — из сердца вон!
Идешь далее.

Что мне осталось с этого дня,
Если тебя нет?..
Только — поэзия. Та меня
Не обманет.

Что мне осталось?.. Грусть за двоих...
Твой след потерян.
Только лишь грусть. Только мой стих...
Он мне верен.

КАЛИНЕ

Нет, я рыдал
Не о тебе той ночью!
Стихи писал
И ввысь бросал двустрочья,
Чтоб стих, как месяц в небе, встал воочью.

Быть может, — слышишь ли меня, калина? —
Над ним хоть кто-то погрустит немного!
А я, собрав все беды воедино,
Пойду, ногами побреду босыми
Куда глаза глядят... Пойду глухими
Путями... Не твоей — другой дорогой.

Все отошло. И я об этом плачу.
Но что-то с нами навсегда... Иначе
Стихи пишу, ночей не сплю совсем —
Зачем?

АНОНИМ

Как рокот созвучий, как запах шальной
Нависший над Вислой сирени,
Как счастье, плывущее сонной волной
Сквозь день мазовецкий весенний.
Как то, чего нет еще, что — как намек
В порывах робко-тревожных
Растет, как подснежники, как вьюнок
У ног берез придорожных,
Как зелень ликующим майским днем,
Как паводка буйный подвиг,
Как ласточки, что бороздят оком
По две...
Как вольный, широкий полет орла,
Как светлая власть над Словом —
Такой она в сердце моем жила
И грузом легла свинцовым.

СЧАСТЬЕ

Со встречи той вечерней
Мне кажется все чаще,
Что счастье мое, верно,
Зеленое, как чаща.

Пусть вьется эта зелень,
Ночей моих бессонных,
Пьянит меня, как зелье
Очей твоих зеленых.

Пусть я на дне пребуду,
Где плавает в молчанье
Чешуйчатое чудо

С зелеными глазами,
 Зелеными до дрожи...
 Где все на сон похоже.

Пред сном, хоть по ошибке,
 Прочти придумку эту...
 Что — счастье?..
 Дар улыбки
 Взамен на дар поэта.

МАРИЯ

Картофель делишь бережно и строго,
 А ум уже другой заботой занят:
 Из лавки счет, на обувь хоть немного...
 Нет, не достанет...

И снова к добрым ты идешь знакомым.
 (Куда теперь их доброта девалась!)
 — Вот — мыло... Что? Не нужно?.. — И пред домом
 Другим стоишь, преодолев усталость.

Вечерняя работа... — Кофе чашку? —
 Ты подаешь... Минутка перерыва.
 Стоишь и улыбаешься с натяжкой,
 Слеза из-под ресниц блестит пугливо.

А ночью, может быть, придет гестапо,
 Заплачет дочка... Вскочишь ты мгновенно,
 И будут шарить грязные их лапы
 В моем столе... Во всем, что сокровенно.

Неужто все в тебе война убила?!
 Я — далеко... Но слышишь ли, родная,
 Что я в порывах ветра с прежней силой
 К тебе взываю?..

Мария Павликовская-Ясножевская

ПЕРНАТЫЙ

Идиот — пернатый —
Глуп до неприличья,
Маковкой головка,
Пестрая каемка —
Враг кота заклятый,
Пять своих яичек
Сохранивший ловко,
В них — глупцы-потомки!
Прижимаясь к ветке
Боком рыже-синим,
В спор ввязался едкий
Со вторым кретином,
И поет, поет он
Глупости без счета.

УРАГАН

Небо в черном гнев.
Толпы туч. Рокот.
Счастливы деревья!
Вышуметься могут!

НИКА

Как схожа ты с Самофракийской Никой,
Любовь отторгнутая и глухая!
Ты вслед бежишь с такой же страстью дикой.
Обрубленные руки простирая.

ПОДСОЛНЕЧНИК

Дорастаем до твоих познаний,
 До высокой мудрости твоей,
 О цветок, примером взявший солнце!
 Темные тугие семена
 Издавна нам хором предвещали
 Солнечное темное ядро,
 А корона желтых лепестков —
 Фотосферу.
 Дикое дыхание корней
 Густо обволакивает стебель,
 Или, может, это запах солнца,
 Что ты предвкушаешь?

СМЕРТЬ КАРИАТИДЫ

Каська, мрамор наш польский,
 Брызжет лазурью,
 А голова создана для веселого солнца,
 Ей же велели терпеть на себе
 Безобразье балконца,
 Нагроможденье мещанского дома,
 Сварливого ада...
 Легче балкон удержать,
 Чем свое распаленное сердце!
 Мрамор слабел и слабел
 И рухнул, подточен любовью...
 Метлы посмели дотронуться!
 Над Кариатидою — Касей
 Вслух издевались ступеньки,
 Когда она вязла в грязи,
 Всеми забытая.

.....

Больница,
Касю принявшая,
Белой была и огромной,
Бьется в горячке
Тело богини вчерашней,
И погибает она со словами служанки всегдашней:
«В погреб уже опускаюсь...
За углем...
Темно мне...»

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Вот светлый нимб: галактики сиянье.
Песнь соловья — со звездами слиянье,
Прочь от земли стремящаяся трасса...
В жасмине — шелест.
Кошка серой масти
Мечтает:
«Распевающее мясо
Даст знак сейчас — где на него напасть мне».

БЫТЬ ЦВЕТКОМ?

Расцветают. Молча громоздятся
На решетку сада, на шпалеры...
Пленники? Статисты? Декорации?
Так легко их прославлять без меры,
Но цветком быть...

ТРЕНЫ ВИСЛЯНСКИЕ

1

Есть замок над древней рекою,
Который — война причиной —
Сейчас от меня далеко и
Экзотикой кажется ныне.

2

Глухой печалью поила
Река, что мне снится в муке,
Когда я с моста следила
Причудливые излучки.

3

А мысль — ее ход запутан —
Нашептывала упрямо,
Что я уж тонула будто
В пучине вот этой самой...

4

То чувство, что я отторгла,
Предчувствием было далеким,
Что схватит меня за горло
Тоска об этом потоке.

5

Ветер по тайному знаку
Ломает на Висле льдины.
Во сне дохожу до середины
Моста Зодиака...

6

В замке часы глуховато
Пробили двенадцать раз.
Вот дом, что моим был когда-то,
Внезапно в нем свет погас.

7

И сонных теней вереница
Стремится навстречу мне,
На мост, который мне снится,
Связующий нас во сне...

А утром сердце нещадно
 Болит, сквозь муку пройдя...
 Сейчас бы компресс прохладный
 Из краковского дождя!

ИВА У ДОРОГИ

Ива Польши, согнутая криво,
 Молнии — жесточе раз от разу —
 Жгли ее... Но зеленей, чем листья
 Тысячи ветвей ее прямых
 Из груди рвались, как стрелы, к выси
 В ярости экстаза!..
 Сколько чувств тревожит эта ива!
 Верит в жизнь она... Поверим тоже.

Вислава Шимборская

ГОЛОДНЫЙ ЛАГЕРЬ ПОД ЯСЛЕМ

Вот так напиши. На бумаге простой
 Простыми чернилами: есть не давали.
 Все умерли с голоду. Сколько их было?
 Вот поле. На каждого сколько травы
 Приходится? Так напиши: я не знаю.
 Историю смерть до нулей округляет.
 Ведь тысяча и один — это тыща;
 Того одного — будто не было вовсе;
 Придуманый плод; колыбель без ребенка;
 Букварь, для кого неизвестно открытый;
 Растущий, кричащий, смеющийся воздух;
 Крыльцо — для сбегающей в сад пустоты;
 То место в ряду, что никто не займет.

Мы по полю бродим, где все стало явью,
А он как подкупленный смолкнул свидетель.
На солнце. Зеленый. Недальний лесок.
Еда — древесина, питье — под корой:
Рассматривай это виденье хоть сутки,
Пока не ослепнешь. Над кронами — птица,
И тень сытных крыльев ложилась на губы,
И челюсти медленно приоткрывались,
И зуб ударялся о зуб.

Ночами сверкал меж созвездьями серп,
Приснившийся хлеб в тишине пожиная.
Рука с почерневшей иконы являлась,
Сжимавшая чашу пустую в ладони.
На вертеле проволоки колючей
Торчал человек.

С землей на устах пели *дивную песню*,
Как цель поразила война прямо в сердце.
Какая тут тишь, напиши.
Да.

БАЛЛАДА

Вот баллада об убитой,
Что внезапно встала с кресла.

Вот баллада правды ради,
Что записана в тетради.

При окне без занавески
И при лампе все случилось,
Каждый видеть это мог.

И когда, захлопнув двери,
С лестницы сбежал убийца,
Встала, как еще живая,
Пробудившись в тишине.

Встала, головой качнула
И глазами, как из перстня,
Поглядела по углам.

Не по воздуху летала —
Стала медленно ступать
По скрипучим половицам.

А потом следы убийства
В печке жгла она спокойно:
Кипу старых фотографий
И шнурки от башмаков.

Не задушенная вовсе,
Не застреленная даже,
Смерть она пережила.

Может жить обычной жизнью,
Плакать от любой безделки
И кричать, перепутавшись,
Если мышь бежит. Так много
Есть забавных мелочей,
И подделать их нетрудно.

И она встает и ходит,
Как встают и ходят все,
И поет и косы чешет —
Косы у нее растут.

ЗА ВИНОМ

Взглядом дал ты красоту мне,
Как свою, ее взяла я,
Проглотила, как звезду.
И придуманным твореньем
Стала я в глазах любимых.
Я танцую и порхаю,
Сразу крылья обрета.

Стол как стол, вино — такое ж,
Рюмкою осталась рюмка
На столе на настоящем.
Я же выдумана милым
Вся, до самой сердцевины,
Так что мне самой смешно.

С ним болтаю как попало
О влюбленных муравьишках
Под созвездием гвоздики
И клянусь, что белой розе
Петь приходится порой.

И смеюсь, склоняя шею,
Так, как будто совершила
Я открытье, и танцую,
Вся светясь в обличье дивном,
В ослепительной мечте.

Ева — из ребра, Киприда —
Из морской соленой пены,
И премудрая Минерва —
Из главы отца богов —
Были все меня реальней.

Но когда ты взор отводишь,
Отраженье на стене я
Вновь ищу и вижу только
Гвоздь, где тот висел портрет.

Юлиан Тувим

ПЕСЕНКА

О думы молодые, вас, тихие, прошу я:
Скажите ей, скажите, — не помню я такую...
...Скажите ей, скажите, как я по ней тоскую.

О вздохи мои, вздохи, над нею пролетая,
Скажите ей, скажите, что знать ее не знаю...
...Скажите, — стонет сердце, от горя умирая.

СКАЗАТЬ ТЕБЕ НЕ СМЕЮ

Сказать тебе не смею, как эта грусть безбрежна.
А день сегодня белый, а день сегодня снежный...

Сказать тебе не смею, как мне безмерно грустно:
Ведь ты едва ли знаешь, что значит слово «грустно».

Едва ль тебе известно, что значит «грусть безбрежна»,
А ничего не значит... Кругом так тихо, снежно.

Тебе слова такие казались чужды, скучны,
А может быть, и близки... Белеет день беззвучный.

СЧАСТЬЕ

Мне стали безразличны
Большие города:
Они не больше скажут,
Чем эта лебеда.

Мне безразличны люди
С их тысячью наук:
Годится первый встречный,
Чтоб с ним делить досуг.

Мне безразличны книги —
Хоть смейтесь надо мной, —
Я и без книг дознался,
Что значит путь земной.

В тенистой тихой чаще
Я понял счастье жить.
О Боже, как за это
Тебя благодарить!

ВСЁ

Всё, всё тебе отдать без колебанья,
Движеньё каждое души живой.
Былое — о тебе воспоминанье,
А будущее — взгляд священный твой.

Всё, всё: и сердца каждое биенье,
И грош последний, и остаток сил,
Огонь души, мечтанья и смятенье...
Твой путь отметить жаркой кровью жил.

Предать. Отречься. Но в песок мельчайший
Разгрызть камня на твоём пути,
И за тобою следовать все дальше,
И если повелишь — на смерть пойти.

У ног твоих спокойно и смиренно
Отдать дыханье, славя и любя,
И в миг последний веровать блаженно,
Что умереть я мог лишь за тебя.

ЦЫГАНСКАЯ БИБЛИЯ

Что цыганскою библией стало —
Колдовскою, изустной, бездомной?..
Только бабам напев её темный
Шепчет ночь на Ивана Купала,

В этой книге — дыхание нарда,
Шелест леса, гаданье по звездам,
Тень могил, пятьдесят две карты,
Белый призрак, что век не опознан.

Кто открыл её? Мы, книгознаи,
Роясь в памяти — в древнем хламе,
Лишь догадкой, владеющей нами,
В сердцевину страстей проникая.

А легенда путями кривыми
В темном знанье, как речка, петляет,
Не по жизни иль смерти — меж ними,
Но и жизнью и смертью пленяет.

Лишь догадкою, как сновиденья,
Перелистываются страницы,
И над книгой, в полуночном бденье,
Льют слезу восковую громницы.

А стихи — только чудятся где-то
 В огневом и мгновенном звучанье —
 Это нечто о муках поэта,
 Что несет избавленье...
 Но звук исчезает в тумане.

ОЛЕНЬ

В чаще стук, и не дятел стучит,
 Не топор; словно призрак, в чаще
 Так пронесит олень свой щит
 Над челом — из ветвей стучащих.

Задевают о каждый ствол,
 Схожи с арфой и манят светом.
 Прихожане лесные, в костел
 За оленем ступайте следом!

Чашу стук пробуждает; в ней
 Просыпается нечисть лесная,
 Толпы леших, тени ветвей,
 Привиденья, сквозь лес проплывая.

Виден блеск алтаря сквозь лес
 И молитвы туманных чудес.
 Гром и трепет вскипают в пене
 На цветущей арфе оленя.

О СИРЕНИ

Сирень стоит густая,
 Мокра, крупнозерниста,
 Само стихотворенье — расцветшая эта сирень.
 Ты в шесть утра проснулась
 И с напряженным сердцем
 Из-за меня ломаешь лучистую эту сирень.

Так рано и так жарко,
А что же будет в полдень,
Когда нетерпимей станет благоухать сирень!
На цыпочки поднявшись,
Ты нежными руками
Отламываешь, волнуясь, за веткой ветку в гуще.
Счастливая, ты целуешь
Письмо, что слишком кратко,
Так беспощадно кратко...
Насильно мил не будешь!

От этакого счастья
Я вздрогнул, как сирень.

ТЫ

Ты — связь моя с землею,
Небесная отрада,
Ты — все на белом свете,
К чему стремиться надо.

И лишь тебя я знаю,
Лишь ты мне благодатна.
На мир махнул рукою —
Мне все там непонятно.

Там что ни мысль — пучина
И что ни шаг — распутье.
Молчишь ли, говоришь ли —
Ты прояснение сути.

Твое лишь слышу сердце
С его кипучей кровью
И в жизни, полной смерти,
Единой жив любовью.

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Человек, согбенный ношей,
Сядь со мною.

Помолчим в ночи, объятай
Тишиною.

Скинь с плеча
Сундук дубовый,
Сядем рядом,
Глянем в ночь по-человечьи
Долгим взглядом.

Груз тяжел. И хлеб — что камень.
Дышим трудно.

Помолчим давай. Два камня
В тьме безлюдной.

ТЕМНОЕ НЕБО

Блистанье звезд погасить
Легко! Так легко стать бездомным!
Но как же душе позабыть
О звездном сиянье бездонном?

Так просто счастливым крылом
Любви поднебесье измерить!
Так трудно, так трудно потом
В глаза тебе глянуть — и верить.

Беззвездных не переплыть
Небес мне, ни взором окинуть.
Так было легко за тебя
И сладостно согнуться!

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Порой над сумраком улиц оранжевый блеск заката
Разбивает небесные стены на огненные обломки.
Тогда октябрьской Варшавой весенние, как когда-то,
Плывут вечера молодые, будто напев негромкий.

И сколько ни было слез, и любви, и грусти отрадной,
И сколько ни было счастья в прохладных ливнях весенних,
И слов моих для тебя, и нежности необъятной, —
Все с неба нисходит ко мне в ласкающих дуновеньях.

И снова иду я легкий, дыханием ночи пьяный,
Словно на сердце открытом несу листочек росистый...
Тогда в твоём городке темнели ночью каштаны
И под пальто на сердце дышал горошек душистый.

Единственная моя, лишь пред тобой я плачу.
Ты поймешь. Ты простишь меня взглядом очей покорных,
Найдешь и любовь и весну, что в этих словах я прячу, —
И в этих вечерних стихах — горечь страданий черных.

ВОСПОМИНАНИЕ

В мимозах стынет осени начало,
Такой же милой, хрупкой, золотой.
Та, что меня на улице встречала,
Та девушка тобой была, тобой.

В передней пахло письмами твоими,
Когда я, задыхаясь, в дом вбегал.
Над крышами в осеннем легком дыме
Рой ангелов меня сопровождал.

В мимозах — словно прячет увяданье
Бессмертник желтый, октября цветы.
Та, шедшая под вечер на свиданье,
Моя единственная, это ты.

В саду шептал признания, лил слезы,
Молил тебя — почти за гранью сна,
И майская — от золотой мимозы —
Плыла меж туч осенняя луна.

Ах, милый сон меня баюкал, нежил,
Я засыпал, когда вставал рассвет.
Меня минувших вёсен призрак тешил,
Как этот душный золотой букет.

ГРОЗА (ИЛИ ЛЮБОВЬ)

Память закрой, ибо гроза вздохнула,
Ветер пронесся по шторам.
Ближе и ближе гроза. Небо взглянуло
Моим омраченным взором.

Закрой глаза, чтобы нашло затменье
На тучи, грохочущие набатом.
Колышатся шторы, как белые привиденья.
Закрой окно, ибо отчаянье рядом.

Меж памятью и рамой оконной —
Сквозняк: вижу ясно, а мысли смутны.
На улицах шумных — траурные знамена.
Жизнь закрой. Смерть открой.
Молнии блещут ежеминутно...

ПОСРЕДИ ДНЯ

Ты не дивись тоске суровой.
Я, как в пустыне, среди дня стою,
В тревоге за любую мысль мою,
За миг любой, — для них найду ли слово!

Без отклика взывать все тяжелее.
Мой скорбный голос в пустоте затих.
Не слышит Бог меня, как и других, —
Подобно им, судьбы не одолею.

Безумного от воплей без ответа,
На землю гневно он швырнет меня,
И хлынет столб небесного огня
На прах мой... Ну и что ж... хотя бы это...

ПРОСЬБА О ПУСТЫНЕ

Уже мне звезд не видно снизу,
Небесная поблекла синь.
О вседержитель! Дай мне визу
В пустынной из пустынь.

Чтоб, не грустя, не презирая,
С любовью очи я возвел
В те дали без конца и края,
В сиявший истиной костел.

Чтоб приближение шакала,
Мне братом ставшего теперь,
Ворчаньем теплым обдавало,
Когда дохнет на стужу зверь.

А я — кто вечно в путь стремится —
В сиянье бледного венца
Найду забытую страницу,
Где Сын погибнет от Отца.

Средь ночи зверь людей разбудит —
 Завыл, заплакал, зарыдал...
 Он понял все и не забудет,
 Мой брат теперешний — шакал.

Он новые, иные очи
 В меня оставит, не боясь.
 И из пустынной чистой ночи
 Падет звезда, не раздробясь.

ДЕНЬ

День был ужасный. Царило волнение.
 Дикая слухи носились повсюду.
 Толпы огромные были в движенье.
 Город дрожал, как в предчувствии чуда.

Бегали. Прятались. Вести ловили.
 Быстро бледнели. И делали знаки.
 «Что там?» — Молчали. Часы проходили.
 «Что там?» — Не знаем... Убили... — «Нет, враки!»

Бешеный зной жег сухие панели.
 Скука всеялась в пустые кварталы.
 Хаос и тишь отовсюду летели.
 Плыло безумье и вдруг застывало.

День обдувал духотою и жаром,
 Как в ожиданье грозы неминучей,
 И наконец вырос синим кошмаром
 Там, где повисли свинцовые тучи.

Ветер гнал пыль и крутил ее всяко.
 Вывески бились о бедные стены.
 Месяц мистический вылез из мрака,
 Мертвенно бледный. И скрылся мгновенно.

Мучит деревья, листвою машет пышной
Ветер, в ночи наступающей воя.
Боже, пошли старикам сон неслышный!
Вечного — всем согрешившим — покоя!

УМЕР

Как ни в чем не бывало,
Везли
Торопливо по улице,
Так быстро, так поспешно,
В самом деле — почти галопом,
Несли черный крест,
И ксендз шел размашистой походкой,
Как будто бы шел по обычным делам.

А за процессией
(Представьте себе, представьте себе!)
Никто не шел, никто...
Отдали его земле и Иисусу.

А неизвестно где — далеко —
Как ни в чем не бывало,
Однажды утром
Получат письмо.
Ах, как там будут плакать,
Кричать, отчаиваться
(Где, я не знаю — далеко).

Поставят восковые свечи
В пожелтевшие матовые подсвечники
И будут искать
В ящичках, уголках
Священные реликвии.

РУМЫНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Александрю Тома

В ЛЕСУ

Брат мой, лес, советом добрым
Ты страдальца успокой —
О, скажи, как, смертью сгублен,
Снова ты стоишь живой?

Как ты свет в себя вбираешь?
Как лекарство сам струишь
И целебную смолою
Раны старые кропишь?

О, позволь виском горячим
Мне прильнуть к стволам твоим,
Чтоб внимать оживших соков
Думам кротким и святым.

Брат мой, лес, как ты, надеясь,
Веря, жить хочу я сам, —
Дуб, грозой разбитый, руки
Простирает к небесам.

В ОЖИДАНИИ

Вот лодка с парусом поникшим
Ждет в полудреме и грустит, —
Морской простор, едва колеблясь,
Мучительно в ответ молчит.

О ветре бедная тоскует, —
Быть неподвижно тяжко ей,
Обидно ей стоять на страже
У тени плачущей своей.

Ветров у дали просит лодка
Иль берега. Увы, везде
Все та же дрожь, все та же скука
И в небесах и на воде.

... Ударь же в крылья, вихрь судьбины!
Меня томят о берегах
Мечты, о берегах цветущих,
Иль разобьюсь о скалы впрах.

СКИТАЛЕЦ

Когда в твои шатры приходит гость,
Встречай добром: ему дай хлеба, соли,
На раны воду лей, спасай от боли,
Но ты его расспрашивать не смей,
Куда идет, явился он отколе.

Зачем тебе о месте слышать том,
Что верно, скрыли времени туманы...
Где он познал бесчестье и обманы...
Твоим словам не надо растравлять
Целимые твоей водою раны.

И для чего напоминать ему
О призраке какой-то страшной цели,
Он тащится и так уж еле-еле,
Пустыня за плечом, надежды нет,
И силы нет в кровоточащем теле.

Так дай же гостю хлеба и воды,
Скиталец он бездомный и гонимый,
Не спрашивай и лист, летящий мимо,
О ветке, на которой он блистал,
И о судьбе его неотвратимой.

К ВОСХОДУ СОЛНЦА

Три летели к заре журавля,
Взмахи крыл широки и могучи.
Первый луч, горизонт опаля,
Брызнул вдруг из-за дремлющей тучи.

И один, им пронзенный, упал,
А другой, в ослепительном свете,
Безнадежно крылами махал, —
Полетел в поднебесье лишь третий.

Рдели крыли его, как заря,
К солнцу неся он, изнемогая, —
И, как жертву в огонь алтаря,
Приняла его даль золотая.

ПОБЕДА ЛУЧА

Не надо больше арф печали,
Страданья, жизни без привета, —
Есть вера, — доброе предвестье
Победы солнечного света.

Когда бы в вас горела вера,
Хоть меньше капли солнца малой,
Что вдруг блеснет в травинке чахлой,
Мелькнет в улыбке розы алой!

Освободясь, не гаснет искра,
Пусть осень листья осыпает, —
Таится искра в капле меда,
На крыльях бабочки сверкает.

Владею даром в недрах жизни
Бессмертных соков слышать пенье,
Какой бы вихрь мечтаний тщетных
Ни возмущал ее теченья,

Учился я у двух народов,
Они стихии побеждали —
И создали родную дойну
И Песню Песней миру дали.

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

В себя, как раковина в щель,
Вобрало сердце песен много:
Там сельская поет свирель,
Там бурной юности тревога
И зовы грозные войны,
Отваги голос, голос силы,
И там же иногда слышны
Стенанья около могилы.

И, как в волшебных гротах, там,
Где эхо вечное под сводом,
Я песню заново создам,
Давно забытую народом.
Все, что кипит в крови, звеня

(Любовь поет и гнев ярится), —
Лишь голос предков, что меня
Избрал, чтоб к правнукам пробиться.

Бурлит в моей груди весь мир,
Страдает, борется и стонет.
Там эллинских напевы лир.
Раб на триreme выю клонит.
Творит создателя рука,
Христы распятые вздыхают,
И на крылах из тростника
Икары к солнцу улетают.

К моей груди склонись, о друг, —
И слушай, сколько в ней напевов,
Ведь сердцем взрезывает плуг
Тугую землю для посевов.
Ведь сердцем тяжкий молот бьет
В руках невольников завода,
И гром подземный весть несет
О том, что близится свобода.

Бастилии берет оно,
Бросается на баррикады,
Пусть первой пулей сражено, —
Пасть смертью храбрых сердце радо.
И, воскресая каждый час,
«Вперед! — приказывает твердо. —
Ворота в синь руби для нас,
И ты в святыню вступишь гордо».

С БЛАГОГОВЕНИЕМ ВОСПЕВАЮ

Воспевая пахаря работу,
Воспеваю золотую жатву,
Но особо я прославляю тут

Дело тех, кто верит в день грядущий,
Сеятелей благородный труд.
Зерна словно слезы льются в землю,
Их встречает мрачная хозяйка,
Но она, в себя приняв зерно,
Ласково согреет и накормит,
На ее руках взойдет оно,
Чтоб под солнцем зреть в колосьях многих.

НОВЫЕ ЛЮДИ

В тумане столетий пропали
И боги с могучею дланью,
И те, кто молились страданью,
И те, кто в оковах стонали.

А тот, кто спасенье когда-то
Олицетворял пригвожденный, —
Растаял во тьме похоронной:
С креста человечество снято.

На выси, где цепи неволи
Разорваны, люди с крылами
Взошли, чтоб летать над мирами,
Миры подчинить своей воле.

Тудор Аргези

ПЕРЕКРЕСТОК

Как средь лиственных факелов летом,
Солнце пусть на душе пробудится,
И пронзит меня праздничным светом,
И качнет в колыбели, как птицу.

Пусть роса увлажнит мои травы,
Мирром их умастит благовонным,
Аромат его чистый на славу
Пусть омоет их ветром влюбленным.

Дождь, разрушил я плоть мою — землю,
Что из зерен пробилась сквозь землю.

Ель, сомкни поскорей свои корни —
Пусть не будет счастливее братства.
Пусть не будет смолы чудотворней
Смол тепла моего и богатства.

Не щадите меня. Я без страха,
Я спокойно пойду к вам в неволю.
Мотылек, ты сотки мне рубаху,
Скрой от лунных лучей меня, поле.

Что со мною? О, долго ль еще мне
Через реки и горы влачиться?
Нет. Мое существо все огромней,
Дайте срок — и оно возродится.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Как на флейте и на скрипке людям я играл, бывало,
Чтобы жизнь со мной мирилась и меня не забывала!
И свирелью первый стебель был пшеницы рыжеватой,
Плыли свадебные песни над просторами земли.
Но однажды в волнах речек, в наводнения раскатах
Песнь заглохла, чтоб я слышал, как летели журавли.
Каждый вечер я томился пенья страстною тревогой,
Преклонив свои колени, очи к звездам возводил,
В униженье и печали у вселенной, как у Бога,
Новых песен, новых звуков, полный трепета, просил.

Руки к небу воздевая, на колени встав покорно,
 Я молился (так, наверно, втайне молится скала),
 Чтобы песнь ко мне вернулась, чтобы снова ночью черной
 В сны мои она проникла и всегда со мной была.
 И за это мне, мальчонке, целовали руку деды,
 Что от струн я отрываю, словно праздную победу.
 И меня за это часто хороводы окружали,
 Словно волны, что играют под лучами маяка,
 И меня в долинах звонких парни стройные венчали
 И лавровыми венками, и листвою дубняка.

О, когда б вечерней дойне жить подольше в этом мире!
 О, когда бы новым струнам вечно рокотать в эфире!

О ЧЕМ ГРУСТИТЬ?

В прекрасной осени — печали нету места...
 Мой домик — как букет, что в храм несет невеста.
 В окне — листва плюща, соцветия глициний,
 И днем в мое окно с небесной мирной сини
 Шлет солнце дробный свет — он здесь гостит подолгу,
 С предмета на предмет скользящий втихомолку,
 И в бликах теневых дрожит легко и зыбко
 Венчанья иль крестин невинная улыбка.
 О чем грустить, когда сквозь этот свет безмолвный,
 Как лодка, жизнь моя скользит легко и ровно?
 Я вижу кипы книг, столь близких мне и милых,
 И новой жизни цвет могучий на могилах.
 Я вижу, как с ветвей лист за листом слетает,
 Их серебрит луна, а иней разъедает.
 Когда же голуби спускаются на крышу,
 Я голоса любви в их воркованье слышу.
 Со мною сонмы звезд — весь небосвод поныне
 Раскинут наверху, как яркий хвост павлиний.

И одиночества тоска со мной, усталым,
 Неслышно рядом спит, накрывшись покрывалом,
 И шепчет мне она в разрывах сна мгновенных:
 «Ты все еще со мной? Ты здесь? Ты в тех же стенах?»
 К чему стыдиться мне и ей к чему стыдиться,
 Что ото всех других она со мной таятся!
 О чем же мне грустить? О том ли, что из глины
 Звучаньем скрипок я не обжигал кувшины?
 А дранкой крытый дом, мой дом, с букетом схожий,
 Близ Трóтуша стоит. О чем грустить? И все же...

ПОТЕРЯННЫЕ ЛИСТЬЯ

Уж полстолетья ты тревожишь неустанно
 Чернила и слова, перо томишь в руках,
 И все ж, как и тогда, победы нет желанной:
 Они всегда с тобой — сомнения и страх.

И для тебя опять, как тягостная мука,
 Страница белая и вид строки твоей,
 И первого в душе опять боишься звука,
 И буквы для тебя опять всего страшней.

Когда же вновь листки исписаны тобою,
 Они уже летят поверх озерных вод,
 Летят из сада прочь, как листья под грозой,
 Так что и персик сам их проглядел уход.

И в каждом слове ты вновь чуешь содроганье,
 Сомненье горькое чернит твои мечты,
 Живешь ты, как во сне, в своих воспоминаньях.
 Кто диктовал тебе — уже не знаешь ты.

НАБРОСОК

Скрипач, брось скрипку, мне ее не надо,
 И вздохам тем душа моя не рада.
 Мне звуки флейты задают вопросы,
 И тягостен их хор многоголосый,
 Я на вопросы отвечать не в силах,
 Пусть прошлое покоится в могилах.
 Свирели, наи, трубы сладкогласны,
 Но в их звучанье слышен стон неясный.

Молчите, ветры, воды и криницы,
 Как будто вы не были, а небылицы.
 Пруд, зеркало свое забудь и тени,
 Что промелькнули в нем, как ряд видений.
 А если б я услышал отзвук дальний,
 То стал бы дух мой горше и печальней.
 В свинцовый саван призраки одеты,
 И мне невыносимы их приветы,
 И мне невыносимы их упреки.
 Что ж не смолкаешь ты, смычок жестокий?

НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЭТУ

Возводишь ты алтарь, что был в твоих мечтах.
 Не призрачен ли он? Не разлетится ль в прах?
 В тот миг, как тормозить ты душу словом стал,
 Навеки клятвой той судьбу свою связал.
 Велишь ты звездам петь, людей возносишь ввысь,
 Тщеславье позабудь и дара не страшись.
 Нельзя шутить с огнем, коль стал писать стихи:
 Пусть много в книге слов — не меньше шелухи.
 Им красок новизну и свежесть подари,
 По-новому они заблещут изнутри.

Проклятье над тобой век будет нависать.
 Пока строитель ты, все волен выбирать.
 Но чтоб алтарь стоял у бездны на краю,
 В фундамент заложи свой дух и жизнь свою.

ПЛЕМПАЛЕ

Протяжно чья-то песнь с балкона понеслась,
 Неведомо когда она там родилась.
 Сначала легкая, как шелковый пушок,
 Но вот ее напев на мир вечерний лег,
 На весь притихший сад, на листья, на стволы,
 Чтоб муки исцелять под нежной дымкой мглы.
 И слышит тишина ту песню сквозь туман —
 В ней врачевание кровоточащих ран.
 Звук разветвляется, и эха слышен бег,
 И сыплется с ветвей лиловый пышный снег, —
 Звучащие стихи, где в каждом спит цветок,
 Что льнет к другим цветам, как будто к слогу слог!
 И в старости мне вновь слова спешат помочь.
 Подняться я хочу, отбросить посох прочь.
 Страданий океан под радостью живой,
 Как небо после гроз, меняет облик свой.
 В сегодняшнем встает минувшее опять —
 Как в песне той, стихам все вновь и вновь звучать.

ДОБРОЕ УТРО, ВЕСНА!

Весна! Ты с моею родимой страной
 Встречаешься, будто с сестрицей-весною.
 Ты юная вечно, она — молодеет,
 В своих перекрестках зеленых свежеет.
 Погодою тихой, безмолвным приветом
 Встречает тебя, озаренная светом,

Встречает тебя по-иному, чем прежде, —
 В почти паутинной тончайшей одежде,
 Расшитой колосьями, маком снотворным,
 Расшитой плющом молодым и проворным,
 В душистых цветах, в васильковых узорах
 Встречает тебя на зеленых просторах...
 У ней на плече для сестры ненаглядной
 Кувшин с ключевой водою прохладной.
 Она угощает сестру дорогую
 Водичей, что сластнее поцелуя.

Минувшие годы тебя здесь поили
 Слезами и кровью, отравой бессилья.
 Был мечен твой памятный путь не цветами —
 Он мечен могилами был и крестами.
 Весна вечно юная, дай же навечно
 Сестре своей руку в день встречи сердечной.
 В преддверье надежды, в канун возрожденья
 Встречаетесь вы — две весны, два цветенья.

Михай Эминеску

ВЕНЕРА И МАДОННА

Идеал, навек погибший в бездне сгнувшего мира,
 Мира, мыслившего песней, говорившего в стихах,
 О, тебя я вижу, слышу, мысль твоя звучит, как лира,
 И поет она о небе, рае, звездах и богах.

О Венера, мрамор теплый, очи, блещущие тайной,
 Руки нежные — их создал юный царственный поэт.
 Ты была обожествленьем красоты необычайной,
 Красоты, что и сегодня излучает яркий свет.

Рафаэль, в мечтах паривший над луной и облаками,
Тот, кто сердцем возносился к нескончаемой весне,
На тебя взглянув, увидел светлый рай с его садами
И тебя средь херувимов в запредельной тишине.

На пустом холсте художник создал лик богини света,
В звездном венчике, с улыбкой девственной и неземной,
Дивный лик, сиянья полный, херувим и дева эта,
Дева — ангелов прообраз лучезарною красой;

Так и я, плененный ночью волшебства и вдохновенья,
Превратил твой лик бездушный, твой жестокий, злобный лик
В образ ангелоподобный, в ласку светлого мгновенья,
Чтоб в жизни опустелой счастья нежный луч возник.

Опьяненью предаваясь, ты больной и бледной стала,
От укусов злых порока рот поблек и посинел,
Но набросил на блудницу я искусства покрывало,
И мгновенно тусклый образ, как безгрешный, заблистал.

Отдал я тебе богатство — луч, струящий свет волшебный
Вкруг чела непостижимой херувимской красоты,
Превратил в святую беса, пьяный хохот — в гимн хвалебный,
И уже не взглядом наглым — звездным оком смотришь ты.

Но теперь покров спадает, от мечтаний пробуждая,
Разбудил меня, о демон, губ твоих смертельный лед.
Я гляжу на облик страшный, и любовь моя простая
Учит мудро равнодушью и к презрению зовет.

Ты бесстыдная вакханка, ты коварно завладела
Миртом свежим и душистым осиянного венца
Девы благостно прекрасной, чистой и душой и телом,
А сама ты сладострастье, исступленье без конца.

Рафаэль когда-то создал лик Мадонны вдохновенной,
На венце которой вечно звезды яркие горят, —
Так и я обожествляю образ женщины презренной,
Сердце чью — мертвящий холод, а душа — палящий яд.

О дитя мое, ты плачешь с горькой нежностью во взоре —
Это сердце можешь снова ты заставить полюбить,
Я гляжу в глаза большие и бездонные, как море,
Руки я твои целую и молю меня простить.

Вытри слезы! Обвиненье тяжким и напрасным было.
Если даже ты и демон, обесславленный молвой,
То любовь тебя в святую, в ангела преобразила.
Я люблю тебя, мой демон с белокурой головой.

Александру Влахуцэ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В Путне древняя обитель в солнечных лучах сияет,
Колокольный звон широко ей осанну возглашает,

Чтоб воскресла предков вера из могилы величавой:
«Щедры были властелины, именам нетленным — слава!
Их не съест червям могильным, живы добрые дела,
Властелины были щедры», — все поют колокола.

Слышит звон Штефан Великий (тяжкий меч в его деснице),
Проникаю славословья под гранитный свод гробницы,
Но томят обиды сердце благородного героя,
Громким голосом из гроба говорит он про былое:
«Я владыкой был Молдовы, защищал свой край родной,
Я любил луга и рощи, воду рек считал святой...

Кто ж их все оберегает бескорыстной заботой,
 Кто страну обогащает неустанною работой?
 Кто ж он, не узнавший славы, но отважнейший воитель?
 Есть один. Он — самый добрый, самый щедрый повелитель.
 То — бедняк. Он дал Молдове стены, храмы, царский дом;
 Все, чем родина гордится, создано его трудом.

В жизни мирной и сраженьях был он верным и могучим.
 А когда, победой счастлив, приношеньем самым лучшим
 Я хотел увековечить наши подвиги и славу, —
 Золото, алмазы, жемчуг он принес ко мне в Сучаву.
 В дни же мира он на нивах, увлажненных ливнем слез,
 Вырастил своей любовью купы драгоценных роз».
 Он умолк. Штефана имя пусть и нас хранит от зла.
 «Щедр бедняк!» — ликуя в Путне все поют колокола.

Румынская народная поэзия

ОТЧЕГО ТЫ ГНЕСЬСЯ, ТОПОЛЬ?

— Отчего ты гнешься, тополь?

Без дождя, без бури злой
 Ты склонился над землей...

— Как не гнуться, не качаться,
 Коль с листвою мне разлучаться,
 Коль с зимой мне повстречаться!
 Стаи птиц летят за море,
 Вихрь кружит в пустом просторе,
 Мне сулит тоску и горе.

Дунул ветер чуть сильнее,
 И листва с ветвей долой, —

Я один с тоской моею.

Ветер стих, а мне невмочь,

Птицы улетают прочь, —

Я один с тоской моею.

Оттого-то над землей

Я клонюсь без бури злой...

ЛИСТ ЦИКОРИЯ ЗЕЛЕНЬЙ...

Лист цикория зеленый...
Овцы покидают склоны
В день святой Марии Бóльшей,
И лелеет их долина
До святого Константина.
А к святой Марии Малой
На лугах пустынно стало.
И в загонах — ни овечки,
Ни барашка, ни бычка.
Нет в кувшинах молока.
Кто-то в мой загон зайдет.
Приберет и подметет?
Разве дроздушка хвостом
Или скворушка крылом.
Вся тропинка от загона
Заросла травой зеленой.
Ни души в любой клетушке.
Кто куда ушли пастушки...
— Вы с какой напасти, ели,
Закачались, зашумели?
Как от лютого недуга.
— Слышим вести друг от друга, —
Нам грозят мороз и вьюга!

ЗЕЛЕН МАКОВЫЙ ЛИСТОК...

Зелен маковый листок...
Спи, мой маленький сынок!
Птички спят, их сон глубок.
Лишь одна —
Глаз до света не сомкнет,
Все летает да зовет:

— Подойди, Ион, Ион,
Ты увидишь сладкий сон...
Подрасти еще немного,
Станешь матушке подмога.
Матушке — в доме,
Батюшке — в поле.

СОЛНЫШКО, СПУСТИСЬ ПОНИЖЕ...

Солнышко, спустись пониже, —
Долог день, конца не вижу!
Ты спустись к лугам богатым,
Разгорись огнем-закатом,
Торопись, как мать к ребятам
Иль коровушка к телятам.
Заиграй зарей, река!
Мне пора кормить сынка,
Ноет грудь от молока.

ПТЕНЧИК МАМИН, БАЮ-БАЮ...

Птенчик мамин, баю-баю,
Колыбель твою качаю.
Спатки маленьким ложись
И скорей большим проснись,
Чтобы ты пошел с бычками,
Иль по ягоды — лугами,
Иль с овечьими стадами,
Иль в овражек за цветами,
Чтоб умылся ты дождями,
Чтоб шагал ты с пастухами,
Чтоб гулял ты в поле чистом,
Где ветряк кружит со свистом
Над барвинком мелколистным.

КТО ЛЮБОВЬ ПРИДУМАТЬ МОГ...

Кто любовь придумать мог,
Пусть он будет как цветок,
Губы — как твои, дружок,
Кожа — будто лепесток.
А кому любовь не впрок,
Пусть не даст влюбиться Бог.
Мне б Господь влюбиться дал,
Я любовь носить бы стал
На тулье, как белотал.
С детства я любовь узнал.

ЗЕМЛЯНИКИ ЛИСТ ЗЕЛЕНЬЙ...

Земляники лист зеленый...
Кличу милую, влюбленный.
Я — далеко, ты — далеко,
Два холма стеной высокой,
Как назло, стоят меж нами,
Поросли холмы лесами...
Кабы знать, что ты придешь,
Лес я вырубил бы сплошь,
Так, что ветки не найдешь, —
Ни кукушке, чтобы петь,
Ни дрозду, чтобы свистеть,
Ни кукушке, чтобы звать,
Ни дрозду, чтоб отдыхать,
А чтоб мне тебя обнять.

ПОМНИШЬ, Я ТЕБЕ СКАЗАЛ...

Только жатвы срок настал,
Помнишь, я тебе сказал:
Коль полно народу возле,

Не гляди в глаза мне вовсе,
Коль кругом народу мало,
Потихоньку глянь сначала,
А останемся одни,
С лаской жаркою взгляни.

ЕЖЕВИКИ ЦВЕТ ШЕЛКОВЫЙ...

Ежевика цвет шелковый...
Я на веточке кедровой
Напишу за словом слово.
Что, мол, помню дорогого.
Собрались над кедром тучи.
Плачу я слезой горячей.
Боль разлуки нестерпима.
Ты придумай, мой любимый.
Как бы наши две печали
Слить в одну, чтоб счастьем стали!
Много здесь парней у нас,
Но с твоими схожих глаз
Не найти ни у кого...
Очи друга моего
Схожи с ежевикой темной.
Что в кустах блестит укромно, —
Буйный вихрь ее не сбил.
Эной полдневный не спалил.
Если б наше горе злое
Стало звонкою пилою,
Мы бы той пилой двуручной
Распилили холм докучный,
Снова были б неразлучны.
Стань, беда, пилой стальной,
Чтобы вновь ты был со мной!
Извелась я в лютой муке,
Будто год прошел в разлуке.

ПУТЬ ИЗВИЛИСТ И ТЯЖЕЛ...

Путь извилист и тяжел,
Трижды я его прошел —
Глаз красивей не нашел,
Чем у милой. Дорогая только глянет,
Прямо в сердце больно ранит.
Очи наземь опускает,
Парня насмерть убивает.
Все село из дома в дом
Трижды обошел кругом —
Та, о ком душой болею,
Всех красивей, всех стройнее...
Как другим равняться с нею!

МАМИНА ДОЧКА

— Дочка, дочка, ни-ни-ни,
Сватовства настали дни,
За богатого иди.
— Матушка, ты мне не друг,
Запряжет меня он в плуг,
Не снесу я этих мук.
— Дочка, дочка, ни-ни-ни,
Сватовства настали дни,
За красивого иди,
Краше в мире не найти.
— От души скажу в ответ, —
Сватай, матушка, мой свет,
Если вправду краше нет.

ЛИСТ ЗЕЛЕНЬИЙ И ДРУГОЙ...

Лист зеленый и другой...
Наряжайся, как попало,
Только б рот твой алым был,

Только б сладостно дышала.
Та из шелка платья шьет,
А у ней зловонный рот
И огромное ворот.
У меня одежды грубы,
Но зато как роза губы
И белее лилий зубы,
Это в радость хоть кому бы.
Я в рубахе домотканой
Буду милому желанна.
Не грозит мне с ним разлука,
Нарядись я в листья бука,
Или в платье грубой пряжи, —
Я в листве калины краше
Всех как есть в деревне нашей.

ЛИСТ ЗЕЛЕНЫЙ НАД ВЕРХУШКОЙ...

Лист зеленый над верхушкой...
Как расстались мы друг с дружкой,
У ворот я, друг мой милый,
Три гвоздики посадила.
Расцвели гвоздики к лету.
А любимого все нету,
Я и рада их расцвету,
Да любимого все нету,
И одна завяла вдруг, —
Знать, забыл меня мой друг.

Лист зеленый огуречный...
Где ты нынче, друг сердечный!
За тобою в день воскресный
Вышло солнце в путь небесный.
К другу солнышко святое

Не придет с моей бедою.
 Сладким запахом гвоздик
 Не обвеет ни на миг.
 Я пошлю луну святую,
 Чтоб узнал ты, как тоскую,
 Но луна ведь убывает.
 Всех скорбей моих не знает
 И на милого украдкой
 Недохнет гвоздикой сладкой.
 С ветром я тебе, мой свет,
 Грусть мою пошлю вослед, —
 Буйну ветру веры нет...

ЛИСТ ЗЕЛЕНЬЙ ВЕТКИ ВЯЛОЙ...

Лист зеленый ветки вялой...
 Слез моих я не считала, —
 На кринуцу б их достало.
 Три ключа в кринуцу бьют,
 Пусть враги отраву пьют.
 Быть слезам моим горячим
 Для завистниц ядом жгучим, —
 Чтобы свету не видали,
 Чтоб глазам не доверяли.
 Лист зеленый ветки смятой...
 Ох и зол он, враг заклятый!
 Я ли слез не проливала,
 А ему и горя мало.
 Я клонюсь былинкой слабой,
 Чтó ему, — хоть умерла бы!
 Я страдаю, сердцу больно, —
 Он, веселый и довольный,
 Слез кровавых не приметит,
 Добрым словом не приветит.

ЗНАЛА БЫ ТЫ, МАМА...

Знала б мать, кому хранила,
Псам бы доченьку скормила.

Знала б, для кого старалась,
Дочка б в речке оказалась.

Знала б, кто приснился дочке,
Мать не сшила б ей сорочки.

А в рубахе из крапивы
Ночью бы в сенях держала.

И одела бы в рванину,
Прочь погнала б на равнину.

Но води в одежде грубой,
Кто мне нравится, — тот любый.

ЛИСТ ЗЕЛЕНЬИЙ, СЛОВНО БОБ...

Лист зеленый, словно боб.
На одной из тех дорог
Парень, а у парня плуг.
Пашет парень, а не спит,
И пшенице говорит:
Ты расти, расти не тощей,
Стань как травы в летней роще,
А как стану убирать,
Словно милую ласкать.

СЕРБСКАЯ, ХОРВАТСКАЯ
И СЛОВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Йован Йованович-Змай

ИЗ КНИГИ «РОЗЫ»

XIX

Навсегда мои заветы
Сбереги в груди:
Раз ты сербка, так по-сербски
На меня гляди!

Наша жизнь — деревьев купа,
Серый соловей...
Под ветвями провели мы
Много милых дней.

Но и в дереве гнездятся
Черви под корой,
И мне часто, слишком часто
Снятся кровь и бой.

Каждый день внезапно может
Час ударить нам —
На отраду для героев
И на страх врагам.

Встанет день освобожденья
В грохоте огня,
И на битву не придется
Дважды звать меня.

Ты мила мне, ты верна мне,
Но тогда забудь
Поцелуи и объятия,
Нежащие грудь.

И когда прольют за волю
Сербы кровь свою,
Не жалея, жена, погибших
В яростном бою!

Верь мне, что достойно серба
Умереть смогу.
Дай мне сына, чтоб отмстил он
За меня врагу.

XX

В твоём я взгляде вижу:
В тоске ты ждешь меня,
И вот тебе фиалку
Принес сегодня я.

Она скромна, но запах,
Что льет душа ее,
Приносит людям радость,
А радость песнь поет.

Прими же песню эту,
Рожденную вчера,
Ведь маленькая песня —
Фиалкина сестра.

XXII

Я пришел к тебе, чтоб зори
Запылали, заблестали,
Но, увы, напрасно! Сердце
Отравилось сном печали.

Не протягивай мне руку
На разлуку эту злую,
Усмири тревогу сердца,
Позабудь меня, прошу я.

Я не пролил слез ни разу,
Хоть сдержать и нелегко их...
Эти слезы, словно реки,
Поглотили нас обоих.

Не протягивай мне руку!
Молода ты и невинна,
А ко мне близки минуты
Ночи горестной и длинной.

Из глубин кромешных ада
Заклубится дым сомненья,
Страшно мне любовь и совесть
Вдруг увидеть в униженье.

В этом мире беспредельном
И к тебе придет страданье,
Никогда еще мрачнее
Не было повествованья,

Чем мое, где я поведал,
Как вся жизнь полна отравы...
О, душа твоя невинна!
Сохрани нас, Боже правый!

XXVIII

Ничего, любовь, ты не забыла.
Иль ты лжешь, иль это так и было.
Слушай, друг мой нежный, сказки эти,
Ты одна поверишь мне на свете.

В древнем веке в доле беспросветной,
В облаке, лучом не озаренном,
Пепельном, неясном, отдаленном, —
Так теперь я верю беззаветно, —
 Жили мы с тобою двое,
 Две души в любовном зное,
 И не ведали покоя,

И томились мы любовной жадью,
А любовь росла с минутой каждой,
А печаль росла в воздушном теле,
Но друг друга мы обнять не смели, —
 И печали власть,
 И стремленья страсть
 В домовине под землей истлели.

А могилы наши разделила злоба.
Душно было нам под мрачным сводом гроба!
Годы возникали, годы угасали,
Но не гасла в пепле искорка печали.
Наконец и Богу это надоело —
Он с постели поднял нас оледенелой,

Чтоб мир холодный обогреть,
Чтоб этот мир увидел вновь
И понял он, какой была
Та несравненная любовь.

XXIX

Мне б твою увидеть руку!
Все мне в ней до боли мило,
И так много роз прекрасных
Вкруг меня она взрастила.

Дай руки твоей коснуться...
В час, когда мой ум мутнеет,
Мне под ласковой рукою
Отдыха прохлада веет.

И когда почует сердце
Смерти злой прикосновенье,
Руку ту сожму я сильно —
И настанет исцеленье.

XXXIX

Как твои нарядны сваты,
Мать несет убор богатый,
А у мужа что взяла ты?

Пусть я многих неизвестней,
Я на грудь, что всех прелестней,
Душу изливаю песней.

Звуки сладостные — где вы?
Молкнут все мои напевы
Перед ликом сербской девы.

XLII

Как этот мир
 Дивно широк,
Там розы цвет,
 А здесь поток.

Там нивы блеск,
 Здесь светлый сад.
 То солнца жар,
 То лютый холод.
 В золоте весь
 Дунай течет,
 Там зелень трав,
 Жасмин цветет!
 Там соловья
 Слышится песнь,
 Моя душа
 С твоею здесь.

ИЗ КНИГИ «УВЯДШИЕ РОЗЫ»

XXVI

В сердце, что оледенили,
 За утратою утрата,
 Два мне сокола остались,
 Два цветам подобных брата.

Не обман ли все на свете?
 Бранко мне залечит рану.
 Не обман ли все на свете?
 Я цветком гордиться стану.

Не обман ли все на свете?
 Как горька моя утрата!
 Не прошло еще недели —
 Спят в могиле оба брата.

XXXVIII

В детстве над моей родною кровлей
 Белых голубей кружилась стая,
 А вокруг товарищи резвились, —
 Их любил я, сам того не зная.

В молодости, на рассвете жизни,
Был я полон чистоты и силы,
С милыми душе моей дружил я,
Дорогими сердцу до могилы.

В зрелости — желаний исполнение.
К счастью путь восходит по спирали.
И тогда еще друзей имел я
Тех, что заживо не умирали.

Дивные часы, объятья милых,
Вздых надежды, дружбы песнь святая
Из камильниц молодости нашей
К небесам неслись, благоухая.

А теперь печаль на все спустилась,
Омрачила радостные вести,
Редко кто зайдет меня проведать,
Чтобы о былом поплакать вместе.

Светлой памяти друзей умерших
Долг сполна я заплатить не в силах,
Но никто не смеет помешать мне
Чтить друзей, что мирно спят в могилах.

XL

С лепестков росистый жемчуг
Солнце утром собирает,
День угаснет, ночь настанет,
И роса опять сияет.

Солнце вновь росу осушит,
Вновь блеснет роса ночная.
И сегодня так, и завтра,
Что ни ночь — роса иная.

Наконец устало солнце,
А роса не утомилась...
Солнце поняло, какая
В лепестках роса искрилась.

XLII

Даже радость входит,
Злую тень тая,
Под любовью розой
Кроется змея.

За минуту счастья
Ожидает месть, —
Грозное проклятье
И в блаженстве есть.

Горе нам: в прекрасный
Полный счастья час
Призраки и змеи
Окружают нас.

XLIV

Мне — безрадостное небо,
Солнце, что в туман садится,
Мне — цветы мои, затем что
Им не надо веселиться.

Мне — трава в садах вечерних,
Вся она в слезах блестящих,
Звезды, гаснущие в небе,
Тихий мир созданий спящих.

Мне — в лесу глухом тропинки,
Где один по ним иду я,
Мне — темнеющая чаща,
Никого здесь не найду я.

Гибель мира предвещая,
Бор шумит, но ясно слышим,
Как друг другу шепчут листья:
«Мы живем, мы вольно дышим!»

XLVII

Ставят памятники мертвым
Из гранита, из металла,
Чтобы память дольше длилась,
Чтоб могила не пропала.

Люди к этому привыкли,
Я людей не осуждаю,
Только я своих усопших
В сердце верном воскрешаю.

Там могила, но над нею
Возвожу я милым храмы...
Там могила, но над нею
Чистой скорби фимиамы.

Я умру, и боль погаснет,
Но над прахом плющ зеленый
Будет жить, быть может, дольше,
Чем надгробный крест с иконой.

LI

Из чего ты, Боже, вздумал наше сердце сотворить?
 Поначалу хлынет счастье, чтобы сердце утомить,
 И с неслыханною мощью черным жжет его огнем.
 Но еще не гибнет сила в нем.

А потом приходят муки, лед и стужа без конца,
 Но тоску одолевают наши стойкие сердца,
 Окружают сердце тени многих горестных могил,
 Все же сердце не теряет сил.

Но пройдут года, и сердце станет кладбищем навек,
 Даже это переносит человек.
 Вот еще доска, вот камень, и на камне имена
 Тех, с кем я и пел и плакал, кем душа была полна.

Самых близких, без которых я не мог прожить и дня,
 Тех, которые живыми остаются для меня.

LVII

Если близких провожаем,
 Мы перед порогом
 Руку им дадим и скажем:
 «До свиданья, с Богом!»

Те слова благой надежды
 С уст легко слетают...
 А свершится, не свершится —
 Разве люди знают?

Но когда несем к могиле
 Гроб в молчанье строгом,
 Разве мы сказать не можем:
 «До свиданья, с Богом!»

LIX

«Видишь ли звезду на небе? —
Говорил астроном мне, —
Сохнет мозг, определяя
Расстоянье в вышине.

Далеко она, высоко.
Сотню долгих, долгих лет
Мчится от нее на землю
Синевато-желтый свет.

Очарованы мерцаньем,
Мы следим за ней всегда,
А ее уж, может, нету...
Веришь мне?» — «Конечно, да!

Оттого, что часто ночью
Слышу вдруг со всех сторон
Голоса мне дорогие,
Проникающие в сон.

Вижу я глаза любимой,
Излучающие свет...
Я их вижу, вижу, вижу —
А ее на свете нет».

LXIII

Ах, индиго, сурик, охра —
Эти краски слишком слабы!
Были б слезы разноцветны,
Рисовать я стал тогда бы.

Я писал бы на картинах
Все, что взор увеселяет:
Как сияет в небе месяц,
Как под ним звезда мерцает,

Как встает из дали солнце,
Как румяны утром зори,
Как корабль плывет неспешно
По сапфирной глади моря,

Как цветут красиво розы,
Как взлетают в небо птицы,
Как невест ласкает счастье,
Как весной сияют лица.

Я б картины эти миру
Дал скорей, чем песни, сказки,
Но от всех я утаил бы,
Где добыты эти краски.

LXV

Я цветы любил когда-то
Более всего на свете,
Но теперь я убедился:
Мне всего милее дети.

В детях есть зерно святое,
В них грядущее таится.
Был бы мир гораздо лучше,
Если б дал ему развиться.

В души детские гляжу я,
Их пленяясь чистотою,
Их паденья не увижу —
Раньше я глаза закрою.

LXVII

Из истерзанного сердца,
Не из глаз упали слезы.
И теперь рососою стали
В лепестках увядшей розы.

Ночь прошла, и утром рано
Солнце радостное встало,
И лучи поют, сверкая:
«Мы хотим, чтоб слез не стало».

Снова ночь, и вновь слезами
Эта роза заблестала,
Утром вновь лучи запели:
«Мы хотим, чтоб слез не стало».

Это было долгим летом,
Солнце слезы осушило,
Но зима сменила осень,
Вьюга в поле закружила,

И метель, найдя в засохших
Лепестках погибшей розы
Капли слез, спокойно молвит:
«Леденеют эти слезы!»

И когда замерзли росы,
Прелесть розы отблестала,
Перестала роза плакать,
Сердце биться перестало.

LXVIII

Не один, поверь, страдаешь
Ты по воле рока.
Много есть на свете горя
Близко и далеко.

Льется песня, как надежда,
В брызгах водопада,
Ей в пучине общей дали
Раствориться надо.

LXIX

Ты мне сказать хотела,
Но, видно, не смогла.
Устам заолодевшим
Слезинка помогла.

Когда я стер слезинку,
Вглядысь в твои черты,
Я понял: гибель Смильки
Предчувствуешь и ты.

И в блеске той слезинки
Я угадал, грустя, —
Надежды юной сербки
На малое дитя.

Ты мне сказать хотела:
«Когда для Смильки ночь...»
Я понял, слишком понял —
Умрет малютка-дочь.

Не зря слеза скатилась
Из материнских глаз —
Наш свет, дочурку нашу,
Господь унес у нас.

И часто голос дочки
Мне слышится во сне:
«Люби малюток сербских
Как память обо мне».

И я почти утешен,
Бреду в глубинах сна,
И ночь моих печалей
Уже не так темна.

Мне снится — сад чудесный
Вокруг меня возник,
И рву цветы в саду я,
Измученный старик.

И я в свои объятия
Принять весь мир готов,
Когда плету для мертвых
Венок из ноготков.

Десанка Максимович

* * *

Снится мне — придешь ты:

Потому что ночью светел сумрак зыбкий,
Потому что утром все цветы лучатся,
Потому что небо светится от счастья
И блестят, играют на воде улыбки.

Потому что почки на ветвях согреты
И раскрылись листья в радостном смятенье,
Потому что бредят о любви растенья
И в саду плодовом блещет снег расцвета,

Потому что воздух замер в ожиданье
И оделась пышно для тебя природа.
Яблони, туманы, и цветы, и воды
В трепетном томленьи ждут с тобой свиданья.

О, приди! Тебя я звать все жарче буду.
Все кругом тобою, лишь тобою бредит,
Все тебя улыбкой несравненной встретит,
И мое томленьи ты заметишь всюду.

СТРАХ

О, не приближайся. Только издалёка
Хочется любить мне свет очей твоих.
Счастье в ожиданье дивно и высоко,
Если есть намеки, счастье только в них.

О, не приближайся. Есть очарованье
В сладостном томленьи страха и мечты.
То, чего ты ищешь, лучше в ожиданье,
Лучше то, что знаешь из предчувствий ты.

Нет, не приближайся. И зачем нам это?
Все лишь издалёка светит, как звезда,
Все лишь издалёка радостью согрето,
Нет, не сблизим лучше взоры никогда.

ЗИМНИМ ДНЕМ

Снег тихо до самого вечера падал,
Как яблони цвет.
О, я улетела б с такою отрадой
Сквозь дали пространства и лет;
Куда-то меж снежными лепестками,
Как легкий летит мотылек,
Кого-то утешить такими словами,
Какие другим невдомек.

И в сумерках снег так же медленно падал,
Усталый, пустой.
Мне встретить кого-то
Такая отрада...
Ни тени в долине пустой!
И ночью весь мир словно в белых тенетах,
Снежинки ложатся у ног.
Как больно следить непрерывный полет их,
Когда человек одинок.

СЧАСТЬЕ

Я время по часам не отмечаю,
По ходу солнца не считаю срока,
Заря встает — когда его встречаю,
И снова ночь, когда он вновь далеко.

И смех не мера счастья. Не хочу я
Знать, чье сильней и тягостней томленье.
Есть счастье в грусти: вместе с ним молчу я,
И слышно двух сердец одно биенье.

И мне не жаль ветвей моих весенних,
Что будут смыты жизни водопадом.
Пусть молодость уходит легкой тенью:
Он, зачарованный, со мною рядом!

ВЕЧЕР

На горном склоне овцы мирно спят,
Они спокойны, как воспоминанье,
А ели в золотистом одеянье,
И облачные стяги их хранят.

Беззвучнее, чем вечер входит в дом,
В меня уже вошли покоя тени,
Как книгу, руки бросив на колени,
Смотрю на луг, замороженный сном.

О, если б мне воспоминаньем стать,
Иль лугом, или тем нагорным стадом
И успокоиться, как тень за садом,
Чтоб сердцу молодому не страдать.

Заснуть бы мне, как стаду на горах,
И стать спокойной, как воспоминанье,
Пусть будет мирным елей колыханье
И небо в тонких стягах-облаках.

УСТАЛОСТЬ

Довольно жизни!
Мне знакома, как село родное,
Как напев, похожий на стенанье,
Эта жизнь. Из глаз ушло сиянье,
Взгляд мой светит мертвою луною.

Мне боль знакома,
Словно девушке скамейка, где, бывало,
С милым обнималась под березой.
Жизнь моя — полет листвы увялой,
Да тоска бессонницы,
Да слезы.

Любви не надо.
Знаю черные ее провалы,
Боль, печаль и все, что было прежде.
Ни дождю, ни солнцу, ни надежде
Я не верю... Я идти устала,
Я устала улыбаться.

Довольно жизни.
Жизнь была с пустою миской схожа
Пред голодным в нищем одеянье.
Пусть бесстрастно меч рассудит Божий
Помыслы мои, мои деянья.

Бранко Радичевич

БЕДНАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Ветер веет,
Липа млеет,
Как тогда.

Речки
Журчанье,
Леса
Молчанье,
Как тогда.

Я — молодая,
Здесь ожидаю,
Как тогда.

Солнце заходит,
Друг не приходит,
Как тогда.

Солнца другого
Нет дорогого...

* * *

Вечера так сладко ожиданье,
О вы, ночи, светлых дней светлее,
А над вами два светила солнца,
Где же вы?.. Где друг мой ненаглядный?
Плачут травы, птица запекает,
Золото мое земля скрывает...

Боже, порази грозою сушу,
Громом бей в мою живую душу!
Друга у меня взяла могила,
Ничего на свете мне не мило.

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Листья желтые слетают с веток,
Листья желтые летят все ниже...
Я зеленых листьев напоследок
Не увижу!

Голова поникла, будто с горя,
Слепну, слепну от жестокой хвори,
Руки ослабели, страдает тело,
И лицо поблекло, потемнело, —
Видно, срок приходит лечь в могилу!

Жизнь, прости, прощай, мой сон прекрасный,
И заря, прости, и день мой ясный!
Предо мной рубеж иного края...
О, прости, краса земного рая!
Если б не любил тебя так жарко,
Долго б видел я, как солнце ярко,
Слушал грозы над ночной долиной,
Упивался песней соловьиной,
Нашей речью, что ручьем сверкает...
Но источник жизни иссякает!

Песни вы мои, моя отрада,
Юных лет возлюбленные чада,
С неба радугу я снять хотел бы,
В радугу вас ярко разодел бы,
Звезды рассыпал на вас ночами,
Солнечными бы венчал лучами...
Радуга зажглась и отблестала,
Звезды пламенели — звезд не стало,
Даже солнце среди дня померкло,
Даже солнышко меня отвергло.
Все исчезло, что люблю и славлю,
И в лохмотьях я сирот оставляю...

ГОЙКО

Эй, ко мне скорее, гусли-друзи,
Натяну вас туго на досуге,
Натяну вас, заиграю лихо,

Чтоб на сердце снова стало тихо,
Чтобы снова я увидел счастье, —
Чудо, не разбитое на части.

И заря чиста, и солнце ясно,
Лес зеленый и поля прекрасны,
Милы мне цветы и ключ прохладный,
И, дитя мое, мой луч отрадный.
Лишь в глаза твои я гляну снова, —
Вспыхнет в сердце песенное слово.

Ты, земля, мила мне бесконечно.
Дивно сотворил тебя предвечный!
Только бы пожить еще немного,
Но пора в последнюю дорогу,
Смертный час пробьет мой скоро, скоро,
Светлый мир сокроется от взора.

Гусли упадут из рук остывших,
Но что пел я — будет людям мило,
И пока душа к душе стремится
И народ за чашей веселится,
Будет песня для него отрадой, —
Ничего мне больше и не надо!

Станко Враз

* * *

Щебеча, овсянка
Носится по лугу;
Журавли цепочкой
Потянулись к югу.

В этот край желанный
Не переставая
Кличет меня песня
Золотого рая.

В причитанье рая
Слышу голос милый.
Почему влечешь ты
С небывалой силой?

По господней воле
Между нас навеки
Горы появились,
Протянулись реки.

Потому я грустен,
Что вот здесь остался,
Собственной кровью
Досыта питался.

Коли птицей стану,
Полечу за горы,
Коли рыбой — к дому
Приплыву я скоро.

* * *

На холодный камень
Сердце мое пало,
Вздохи его бьются,
Как дожди о скалы.

Я чужой и людям,
И родному краю.
Дома — как безумный —
Тяжко я страдаю.

Симон Енко

ИЗ ЦИКЛА «КАРТИНЫ»

XIII

Юная березка
Выросла средь бора,
И ему был чуждым
Блеск ее убора.

В плен взята навеки
Темными стволами.
Землю устилает
Вихрь ее листьями.

В березняк их гонит,
Гонит к рощам пестрым —
Пусть об одинокой
Порасскажут сестрам.

XX

Девушка весь вечер
У окна мечтала,
Чтоб луна над миром
Тихо засияла.

— Милый твой с другою
В чистом поле ходит,
За руку подругу
По тропинке водит.

Так луна сказала
И исчезла в тучах,
Чтобы слез не видеть
Девичьих горячих.

Фран Левстик

КОРОЛЬ-БЕГЛЕЦ

Ночь темна. Безмолвен лес дремучий.
На коне король сквозь чащу мчится.
Войско, земли отнял враг могучий,
И король, как зверь, в лесу таится.
Ни жены, ни дочерей, ни сына...
Горькие, кровавые потери!
Всюду перед ним закрыты двери,
Верной свиты нет у властелина.

Лес угрюмый все черней и глуше.
Не найти путей в чащобе тесной.
Конь заржал, настороживши уши, —
Он увидел, что пред ними бездна.
Не поймет король его смятенья.
Спешась, привязал коня под елью,
Скинул плащ, что стал ему постелью,
И уснул беглец в одно мгновенье.

Вьются сны над головой усталой...
Пиршественный зал красив на диво,
И король с гостями, как бывало,
Там сидит, спокойный и счастливый.
Настежь двери в светлые покои,
Своды позолотою сверкают.
Издали слышно, как шагает
Стража за дворцовой стеною.

Громко барабаны загремели,
Затрубили трубы песнь похода,
Близко-близко шпоры зазвенели —

То идут герои-воеводы.
И недавний враг, чернее тучи,
Чужеземный князь идет с дружиной, —
Он предстал пред королем с повинной,
Отдал королю свой меч могучий.

Громко трубы затрубили снова, —
Видит королеву он со свитой,
Дочерей и сына дорогого,
Окруженных знатью родовитой.
Гости, славя короля, кричали:
«Да хранит Господь твою державу,
Счастье рода твоего и славу!»
Эхо не смолкает в дальнем зале.

Спящий прошептал: «Я вновь на троне!
Боже, наконец-то я проснулся,
Снилось мне, что прячусь от погони...»
Он во сне к родным своим рванулся
И упал с обрыва в ров бездонный,
По камням гремя броней железной...
Конь дрожит, копытом бьет над бездной,
И, слетаясь, каркают вороны.

ЧАСЫ

Звон минут всеильный
Вьет венок могильный
Из цветущих дней.
Все, что год из года
Создает природа,
Смерть возьмет у ней.

Вам, часы, от века
Время человека
Мерить в маете!
Осень — вслед за летом,
Вянет цвет за цветом,
Мы уже не те.

Если счастье наше
Пьем из полной чаши —
Ваш поспешен бег.
Если жить нет мочи —
Медлите, пророча
Нам печаль навек.

Смерч по вашей воле
Губит злаки в поле —
Голодай, бедняк!
Коль морские недра
Вздыбятся от ветра —
Вас клянет моряк.

Гибнущим в разврате
Ваш удар проклятье
Прогремит, грозя.
Ни рабам, ни барам
Под таким ударом
Устоять нельзя.

Грех вины жестокой
До поры, до срока
В глуби сердца скрыт,
Но настанет время —
Ваш язык пред всеми
Тайну разгласит.

Вам присуща сила
Мертвых из могилы
В полночь поднимать,
Чтоб с лучом восхода
Гробовые своды
Скрыли их опять.

Звон минут всесильный
Вьет венок могильный
Из цветущих дней.
Нашей брэнной плоти
Скоро час пробьете,
И простимся с ней.

Тот же звон над нами,
Но в могильной яме
Наш не внемлет слух.
Звук последний гает,
Он и обвенчает
Снова с телом дух.

Сербский эпос

БОЙ НА ГРАХОВЕ БОСНИЙСКОМ

Бабич Голуб прет вино неспешно
В крепком замке, в Тишковце пригожем.
С ним два друга, годных для совета,
Симо Чавка и Илья-священник.
А как вволю напились юнаки,
Бабич Голуб молвил братьям слово:
«Знайте, братья, мудрые в совете!
Вам известно, слух до вас донесся,

Что заколот Курич, бек проклятый,
Кровопийца, притеснитель сербов.
Много горя причинил он райе
За три года, что собирал он дани
В Грахове, по всем окрестным селам;
Но недавно мерзкий турок сгинул,
Был убит он Джурой Николицей,
Освятилась Джурина десница
За убийство лютого злодея.
А теперь мы, братья и дружина,
Двинемся на Грахово завтра,
Чтоб ударить на турецкий город,
Выгнать войско, уничтожить стражу
И разрушить вражескую крепость;
Турки часто делают набеги,
Избивают бедняков несчастных».
Это слышат поп Илья и Чавка,
Воеводе тихо отвечают:
«Сербский витязь, Бог тебе в подмогу,
Это нужно непременно сделать.
Только слушай, сербский воевода —
Нет на Грахове такого войска,
Чтоб ударить на турецкий город,
Войско выгнать, уничтожить стражу.
Турки сильно город укрепили,
Выкопали ладные окопы
И Градину захватили церковь,
И окопом обвели глубоким.
Будет туркам крепкою защитой
Белой церкви башня на вершине,
Эта каменградская твердыня
Много сербам причинит несчастий.
Ты не сможешь ничего поделатъ;
Лучше письма ты пиши искусно,

Разошли их поскорей повсюду,
Все дружины призови на помощь —
Пусть приходят поскорей к Тишковцу:
Вот тогда на Грахово пойдем мы,
Чтоб ударить на турецкий город,
Войско выгнать, уничтожить стражу».
Бабич Голуб принял их советы,
Стал писать он краткие посланья.
Шлет одно Мари́новичу Стеве,
Шлет другое Амелице Триве,
Третье тут же шлет попу Карану,
Он Милоновичу Виду пишет,
Пишет Михаилу он Тыркуле.
Письма пишет, сам сидит в Тишковце.
Речь такую письменно ведет он:
«Воевода, братья дорогие!
Чуть дойдут к вам посланные письма,
Собирайте четы боевые
И ведите их ко мне в Тишковец.
Двинемся на Грахово немедля,
Мы ударим на турецкий город,
Мы из Грахова прогоним турок,
Причинивших много горя бедным,
Множество страданий причинивших.
Нужно, братья, бедноту спасти нам
И очистить Грахово от турок».
Воеводы письма получили,
По приказу собрались немедля;
Сразу поднял всяк свою дружину
И повел их к ровному Тишковцу.
Все в Тишковец прибыли спокойно,
Их встречает с честью Бабич Голуб,
Обнимает и в лицо целует,
О здоровье спрашивает с лаской,

Угощает их вином холодным.
Днем собрались все дружины сербов
И в Тишковце переночевали,
На засеке лагерь свой разбили,
В этом лагере заночевали.
А на завтра, чуть рассвет забрезжил,
Загремели трубы и литавры,
Знаменосцы подняли знамена,
Войско сербов двинулось в дорогу.
Радостные шли они на битву,
Пели песни, весело кричали;
До Стожища добрались спокойно,
Там немного войско отдохнуло,
Воеводы отдали приказы,
Где отрядам строиться на битву
И откуда нападать на турок.
Был порядок боя установлен:
Был Миланович поставлен справа,
С ним отважный Марко Качавенда,
Слева храбрый Тыркуля Михайло,
Чтоб ударить на Градину-церковь,
Завязать там первое сражение.
В середине Поп-Каран ударит,
А Ковачевич его поддержит.
Воеводы это порешили,
Как сказали, так оно и было.
Первым Михо жаркий бой затеял,
Он на приступ бросился отважно.
Сразу церковь отнял он у турок,
Возле церкви занял он окопы,
Поливая все огнем нещадно.
В это время все дружины сербов
Отовсюду бросились на турок
И теснили их огнем жестоким;

Турки сербов встретили отважно
Из окопов меткою стрельбою.
Пули свищут, сербы не отходят,
А к окопам подползают ближе.
Битва длится и кипит повсюду.
Воевода Голуб Бабич скачет,
Рубит воздух саблей обнаженной,
От дружины он летит к дружине
И дает им добрые советы:
«Бейте турок, братья дорогие.
Бог поможет нам прогнать проклятых,
Чтоб они нам не творили горя.
Только будьте доблестными в битве —
Турки бросят крепость и окопы!»
В полдень громко крикнул Голуб Бабич:
«Подойди, Миланович, скорее!
Поп-Каран наш — под огнем жестоким,
Нелегко и Тыркуле Михаилу,
Потому что навалились турки;
Ты дружину собери скорее...»
Как Миланович услышал это,
Подозвал он Трикича Илию,
И слова он вот какие молвил:
«Брат по Богу, Трикич мой, Илия,
Двести храбрых воинов веди ты
На подмогу к Миче и Карану.
Там жестоко турки навалились.
Мы же будем тут еще держаться
И на турок наступать покрепче».
Чуть Илия те слова услышал,
Взял он двести молодых отважных,
К Миче быстро он пошел на помощь.
Дорогие братья, бой жестокий
Непрерывно длился двое суток —

И ни сербы турок не прогнали,
И ни турки сербов не отбили.
Третье утро боя наступило.
И как только турки увидали,
Что готовы сербы к нападенью, —
Запалили жаркие пожары
И спалили город беспощадно.
Побежали турки в белый Ливно.
Их окопы сербы захватили,
А остатки турок скрылись в Ливно.
Осмотрелись сербские отряды,
Сосчитали все свои потери —
Десять сербов в том бою погибло,
Тридцать сербов получили раны,
А меж ними тяжело был ранен
Знаменитый серб, пушкарь искусный
Радосавич Ацо — по прозванию;
Он у пушек был смертельно ранен
И от раны в Книне он скончался.
Умер, умер, но осталось имя,
Вспоминаться это имя будет.
Семь десятков там погибло турок,
Раненым же туркам счету нету.
Так поют о Грахове Боснийском,
Так о Грахове сложилась песня.

КНЯЗЬ ИВАН КНЯЖЕВИЧ

Собирает войско Кулин-турок —
Пограничников неправовверных,
Им Господь наш истинный неведом,
Нет у них души и веры нету.
Кулин их ведет к богатой Мачве,
Отовсюду сербам угрожает:

«Коль аллах позволит мне вернуться,
Сербов я повсюду перережу, —
Кулина они еще узнают.
Горько сербки турков проклинают:
«Наших сыновей ты губишь, Кулин,
Чтоб тебе пойти и не вернуться».
Боснию прошел до края Кулин
И до самой Дрины Семберию,
Дрину перешел и стал у Мачвы.
Возле Дрины он шатры раскинул,
Требует, чтоб Сербия сдавалась.
Не идут к нему сдаваться сербы,
Кулина заманивают дальше;
Только Кулин не идет — боится.
Князь Иван, правитель Семберии,
В стан турецкий приезжал нередко,
Беку приносил в шатер подарки,
Чтобы Кулин в мире был с Иваном.
Кулина задобрить трудноато,
Ну, а все же князю удавалось.
Кулин был умен и ясно видел,
Что и князь Иван умен гораздо.
Вздумал Кулин с князем побрататься:
«Побратимом будь мне, князь Иване,
Ты — глава, правитель Семберии,
Я — правитель всей земли турецкой,
Вот и побратаемся с тобою».
Как сказал он, так и побратались.
Едет князь Иван к дворам Поповым
И своим крестьянам говорит он:
«Кулин вам не угрожает рабством».
Едет князь по области подвластной,
Он еду для турок собирает.
Но соврал Ивану-князю турок —

На рассвете он поднялся, курва,
В воскресенье под святого Юрья,
И пошел с войсками прямо к Дрине.
Как дошел до Ядра вод студеных,
Вдруг в селе Добрича появился,
Добричан к себе призвал и молвил:
«Собирайтесь и коней берите,
Я райю поработать не стану,
С гайдуками ж поступлю, как знаю».
Добричане все на сход явились.
Кличем боевым их встретил Кулин.
Турки тотчас выхватили сабли,
Добричан безвинных порубили,
Семьдесят четыре человека.
Князь Илья и поп Филипп Добричский
Тут же были схвачены врагами.
Как ворвались в Добрич басурманы,
Все дома безжалостно спалили.
Полонили турки триста женщин,
Пленных гнали, сзади шли рабыни;
Крепко связанных попа и князя
Турки в стан свой привели живыми,
Там обоих посадили на кол,
Предали мучительной кончине,
А рабов делили под шатрами.
Едет князь из области обратно,
Он еду везет орде турецкой,
С ним его двенадцать слуг покорных.
Только князь Иван к орде подъехал,
Глянул он из-под руки на турок,
Видит — стан шелками разукрашен,
А в шатрах тех сербские рабыни.
Понял князь, что сербов взяли в рабство.
Жалостливым было сердце князя,

Трижды падал, трижды обмирал он;
Глядя на страдания несчастных,
Плакал он горячими слезами.
«Горе Сербии, о братья, братья!
Турки нас безбожно обманули
И закон попрала христианский!»
А когда Иван пошел меж турок,
Слезы вытер, слабо улыбнулся,
Божью помощь туркам он желает:
«Счастливы вы, турки, поднялися,
Добрую добычу захватили».
«Да уж, князь, счастливей быть не может».
Княжевич прошел сквозь стан турецкий,
Князь пред Кулином склонился низко,
Кулину целует руки, ноги,
С милостью аллаха поздравляет.
Кулин князю отвечает также,
На своих подвинулся подушках,
Предлагает князю место рядом,
Подавал князю кофе, подавал сахар.
Князь Иван смеется через силу,
Турку он такие речи молвит:
«Побратим мой, брат названный Кулин,
Не хочу ни сахара, ни кофе,
Ты же обманул меня жестоко,
Без меня ты захватил добычу,
А какую выделишь мне долю?
Если сам я что-нибудь добуду,
Все тебе я принесу в подарок».
И ответил Кулин побратиму:
«Княжевич Иван, мой брат названный,
Дам тебе я часть моей не меньше:
Тридцать пленниц получи в подарок».
Княжевич, услышав эти речи,

Землю перед Кулином целует,
Молвит: «Слава Кулину-турчину!
За рабынь, за щедрый твой подарок».
Увидали пленницы другие,
Что Иван помочь несчастным хочет,
Завопили все, заголосили,
Жаловались Богу на судьбину.
Между турок протолкались к князю
И Ивана за полы схватили:
«Ой, Иване, князь наш и родитель,
Выручай несчастных, как умешь,
Не давай нас, бедных, туркам в руки!»
Кто отцом его зовет, кто братом,
Не дают ему уйти рабыни.
Князь Иван сдержать не может жалость,
Слезы льет он, пленниц утешает:
«Вы не бойтесь, сестры дорогие,
 Попрошу я помощь у народа,
 Может, он избавит вас от плена».
К Кулину пошел Иван и молвил:
«О мой Кулин, побратим любимый,
 У меня к тебе большая просьба —
 Выслушай меня, как брат названный.
 Ты продай мне весь полон добытый,
 Требуй столько денег, сколько хочешь».
Княжевичу Кулин отвечает:
«Князь Иван, мой побратим любимый,
 Всех рабынь ты все равно не купишь.
 Что потребую, ты дать не сможешь,
 Голову из-за рабов погубишь».
Княжевич Иван ответил турку:
«Побратим мой Кулин, брат названный,
 Требуй, Кулин, золота литого,
 Требуй денег, сколько пожелаешь,

Ни меня, ни пленниц не жалея».
Оценив рабынь, ответил Кулин:
«Денег пять возов, Иван, заплатишь!»
Князь Иван пред ним целует землю.
«Побратим мой Кулин, брат названный,
Я три воза денег приготовлю,
Только ты уж всех рабынь отдай мне».
Так сказали, так договорились.
И спросил тогда Ивана Кулин:
«Ты желаешь взять рабов немедля,
А когда за них отдашь мне плату?»
Княжевич на это отвечает:
«Ты немедля всех рабынь отдай мне,
А казну тебе пришлю я после».
Кулин спрашивает у Ивана:
«Кто, скажи, твой верный поручитель?»
Княжевич турчину отвечает:
«Поручителей троих имею:
Первый поручитель — Бог великий,
А другой — моя святая вера,
Третий поручитель — честность князя.
Если ты и этому не веришь,
У меня есть и других четыре —
Все четыре турки-мусульмане.
Дервиш-ага из Зворника-града,
И Мулла-Амет из Биелины,
И турецкий молодой ученый,
Муэдзин из голубой мечети,
А четвертый — ага Омер-ага».
Все четыре к Кулину явились,
И за Княжевича поручились,
Что через неделю даст он выкуп.
И тогда Иван собирает лодки,
В быстрых лодках перевозит пленниц,

Туркам не дает перевозить их.
Как Иван всех пленниц переправил,
Быстроногого коня добыл он,
И домой отправился поспешно.
А за ним пошли все триста пленниц.
Как достигли княжеского замка,
Усадил их князь перед порогом,
Вывез князь три воза полных хлеба,
Хлебы преломил и роздал пленным.
И вино и ракию выносит,
Накормил рабов он белым хлебом,
Напоил он их вином холодным,
А когда насытились рабыни,
Снова князь поставил ногу в стремя,
Всех повел ко граду Биелине.
Как дошли они до Биелины,
Княжевич сказал, чтоб отдохнули,
Дать велел им и обед и ужин.
Князь послал глашатаев повсюду
По земле своей, по Семберии;
Чтоб слышали во всех селеньях:
«С каждого двора глава семейства
Пусть прибудет тотчас в Биелину.
Если в доме лишь одна вдовица,
Пусть она за старшего приедет,
Где жена бездетная осталась,
И она пусть едет в Биелину».
Как слышали приказ крестьяне,
Все по слову князьему явились,
На рассвете в граде Биелине
Князь Иван прошел между народа;
По лицу его стекают слезы,
Он такие речи произносит:
«У кого нет кровного потомства,

Может дать он сердцу облегченье,
Дочку милую купить иль сына,
От греха свою очистить душу, —
Нерожонные родными станут;
У кого же есть свое потомство,
Тот пускай себе еще прикупит
Сына или дочку дорогую
Ради Бога, для души спасенья.
Коль у брата нет сестрицы милой,
Может он ее купить за деньги, —
Он душе в раю добудет место.
Выкупайте, братья дорогие,
Избавляйте бедных сербов души
От турецких рук... от нечестивых!»
Услыхали сербы Семберии
И несчастных выкупили тотчас.
Князь Иван рабынями торгует,
Но рабынь оценивать не хочет,
Чтобы денег не считать заране.
Триста женщин князь Иван распродал
И собрал за них два воза денег,
Третьего ж никак собрать не может.
Третий воз он взял взаймы у турок
У Омера и муллы Амета.
Деньги полностью собрал на выкуп,
И отвез их Кулину Турчину.
Кулин посмотрел на груду денег,
По сердцу пришлось ему богатство,
И тогда он князю слово молвил:
«Князь Иван, тебе хвала и слава,
Нет такого князя до Стамбула!»
Снова князь Иван народ сзывает
Перед Бродачским, перед белым храмом
И такое слово молвит сербам:

«Слушайте, о братья дорогие,
Тех рабов, что вы сейчас купили,
Голодом жестоко не морите,
А пустите их опять на волю.
Пусть уходят, кто куда захочет.
Это, братья, малая заслуга
Христианок выкупить из рабства
И оставить у себя в рабынях.
Пусть уходят, кто куда захочет».
Эти речи услышали сербы,
Отпустили всех рабов на волю,
Всяк пошел, куда ему желалось.
Княжевич возликовал душою!
Пусть никто и не напомним князю,
И никто его не восхваляет,
Уж не то, чтоб заплатить за благо,
Он за благо и не примет платы,
Но Господь и сам воздаст Ивану,
Как настанет час его кончины.

ХАСАНАГИНИЦА

Что белеет средь зеленой чащи?
Снег ли это, лебедей ли стая?
Был бы снег там, он давно бы стоял,
Лебеди бы в небо улетели;
Нет, не снег там, не лебяжья стая:
Хасан-ага там лежит в палатке.
Там страдает он от ран жестоких;
Навещает мать его с сестрою,
А любимой стыдно показалось.
Затянулись раны и закрылись,
И тогда он передал любимой:

«В белом доме ждать меня не нужно,
Ты в семье моей не оставайся».
Услыхала любя речь такую,
Горьких мыслей отогнать не может.
Топот конский слышен возле дома;
Побежала женщина на башню,
И прильнула там она к окошку;
Вслед за нею бросились две дочки:
«Что ты, наша матушка родная,
Не отец наш на коне приехал,
А приехал дядя Пинторович».
Воротилась женщина на землю,
Крепко брата обняла и плачет:
«О, мой братец, срамota какая!
Прогоняют от пяти малюток!»
Бек спокоен, не сказал ни слова,
Лишь в кармане шелковом пошарил
И дает ей запись о разводе,
Чтобы все свое взяла с собою,
Чтоб немедля к матери вернулась.
Прочитала женщина посланье,
Двух сыночков в лоб поцеловала,
А двух дочек в розовые щеки,
Но с меньшим сынком, что в колыбельке,
Слишком трудно было расставаться.
За руки ее взял брат суровый,
И едва оттащил от сына,
Посадил он на коня сестрицу
И поехал в белое подворье.
Долго дома жить не удалось ей,
Лишь неделю пробыла спокойно.
Род хороший, женщина красива,
А такую сразу едут сватать.
Всех упорней был имоский кадий.

Просит брата женщина, тоскует:
«Милый братец, пожалей сестрицу,
Новой свадьбы мне совсем не надо,
Чтобы сердце с горя не разбилось
От разлуки с детками моими».
Бек спокоен, ничего не внемлет.
Принимает кадиевых сватов.
Просит брата женщина вторично,
Чтоб послал он белое посланье,
Написал бы просьбу от невесты:
«Поздравленье шлет тебе невеста,
Только просьбу выполни такую:
Как поедешь к ней ты на подворье
С господами сватами своими,
Привези ей длинную накидку,
Чтоб она свои закрыла очи,
Не видала бедных сиротинок».
Кадий принял белое посланье,
Собирает он нарядных сватов,
Едет с ними за своей невестой.
Сваты ладно встретили невесту
И счастливо возвращались с нею,
Проезжали мимо башни аги,
Увидали девочек в оконце,
А два сына вышли им навстречу
И сказали матери с поклоном:
«Дорогая матушка, зайди к нам,
Вместе с нами нынче пообедай».
Услыхала Хасанагиница,
Обратилась к старшему из сватов:
«Старший сват, прошу я, ради Бога,
Возле дома сделай остановку,
Чтоб могла я одарить сироток».
Кони стали у подворья аги,

Матушка одаривает деток:
Двум сыночкам — с золотом кинжалы,
Милым дочкам — дорогие сукна,
А дитяте малому послала
Одеяльце — колыбель закутать.
Это видит храбрый Хасан-ага,
И зовет он сыновей обратно:
«Возвратитесь, милые сиротки!
Злая мать не сжалилась над вами,
Сердце у нее подобно камню».
Услыхала Хасанагиница,
Белой грудью на землю упала
И рассталась со своей душою
От печали по своим сиротам.

ВОРОНЫ ВЕЩАЮТ О СМЕРТИ ПЕРЫ ДАНЧИЧА

Как два черных ворона летели
Рано утром через сине море.
Увидала воронов старушка,
Вещим птицам бедная сказала:
«Ой вы, птицы-вороны, скажите!
Вы откуда нынче прилетели?
С гор ли гордых Боснии высокой,
Или снизу из страны Леванта?»
Отвечают вороны несчастной:
«Мы сегодня утром прилетели
Из Леванта дальнего чрез море».
Вещим птицам бедная сказала:
«Ой вы, птицы-вороны, ответьте!
Только правду скажете ли прямо,
Если вас я попрошу открыто?
Видели ль вы сеньские галеры,

Повстречали ль вы Данчича Перу?»
Отвечали вороны несчастной:
«Ах, старушка, мать красавца Перы,
Если бы мы правду рассказали,
Не могла бы ты от горя слушать,
И от слез ты верно бы ослепла».
Вещим птицам бедная сказала:
«Ой вы, птицы-вороны, услышьте:
Сердце материнское из камня,
Горе слушать мне не помешает,
И сквозь слезы я смотреть умею».
Тут сказали вороны несчастной:
«Видели мы сеньские галеры,
Видели мы голову на мачте:
Перу, сына твоего, узнали!»
Как старушка это услышала,
Закричала бедная истошно:
«Писаное яблочко родное!
Где росло ты, где тебя сорвали?
Выросло ты в сердце материнском
Сорвано ты в злой стране Леванте!»

ВОИН И ЕГО НЕВЕСТА

Сватается воевода Воин
К дочке дожа, юной и прекрасной.
И согласен дож венецианский;
Дал он перстень с яблоком румяным.
Только свадьбу на год отложили,
И обратно возвратился Воин.
Дома вскоре тяжкою болезнью
Занедужил храбрый воевода.
Он три года мучим болью сердца,

Нет ни смерти, ни выздоровленья.
Надоело ждать его невесте,
Пишет с горя девушка посланье,
Посылает прямо к воеводе:
«О мой Воин, мой жених желанный!
Жду я сватов, приезжай скорее...
Укоряют снохи молодые:
Будь красива, ты была б у мужа».
Воевода получил посланье
И прочел он жалобу невесты.
Не помедлив, написал посланье
Родственнику воеводе Янке:
«Сватов, брат мой, собери скорее,
Мной назвавшись, поезжай к невесте,
К нам ты привези ее обманом.
Янко прочитал его посланье,
Собирает сватов и подарки.
Он поехал с ними прямо к дождю,
Дождь радушно сватов принимает,
Отдарил их и невесту отдал;
И в обратный путь пустились сваты.
Слух донесся к Воину больному:
Едут сваты, и везут невесту.
Воин молвит матери родимой:
«Крепко пояс шелковый стяни мне,
Посади под померанцем желтым,
Чтоб увидел я, чего лишился».
Мать нарядно разодела сына,
У дороги наземь посадила.
Вот к больному подъезжают сваты.
Как взглянула в сторону невеста,
Сразу увидела воеводу
И спросила деверя и сватов:
«Ради Бога мне ответьте, сваты!

Кто сидит под померанцем желтым?
Одержим он иль убит печалью?
Почему он так грустит глубоко?
Иль от боли сердца темен ликом?»
Сваты ей всю правду рассказали,
И девица сватов попросила
Вместе с нею подойти к больному.
Спрашивает о его здоровье.
Вынул воевода из кармана
Для нее три перстня обручальных:
«Вот подарок; каждый год по перстню
Три искусных мастера ковали
Для невесты, не сужденной роком».
Дочка дождя приняла подарки,
Между грудей руку опустила,
Вынула тончайшую рубаху,
Вытканную золотом искусно,
И вручила Воину подарок:
«На, на память, радости лишенный.
Мой подарок для тебя вязали
Три ткачихи три унылых года».
Дав подарки, вновь они расстались;
И с душой своей расстался Воин.
Лишь про это девушка узнала,
Тотчас сватам молвила упрямо:
«Помогите слезть с коня на землю —
Мне с душою время разлучиться».
Как сказала, так и сотворила —
Разлучилась девушка с душою.
За душой душа вдогонку взмыла,
Это было, это так и было.

МОЛОДАЯ МИЛОШЕВКА И МАТЬ ЮГОВИЧЕЙ

Милошевка юная сидела
В горнице прохладной и вязала.
Два прохожих стали у оконца,
Помощи ей Божьей пожелали:
«Милошевка, Бог тебе на помощь,
Для кого ты там рубашку вяжешь?
Вяжешь ли ее родному брату,
Своему ли вяжешь господину,
Милому ль рубашку вяжешь сыну?»
Милошевка им в ответ сказала:
«Бог спаси вас, путники, за ласку,
Что спросили, для кого вязанье.
Я вяжу рубашку не для мужа,
Я вяжу рубашку не для сына,
Я вяжу ее родному брату».
Путники ей тихо отвечали:
«Милошевка, не вяжи вязанья,
Брось рубашку: ни один из близких
Твоего вязанья не износит,
Выйди вон из горницы скорее,
Белый двор свой осмотри немедля,
Там найдешь ты головы любимых:
В первой — своего узнаешь мужа,
Во второй — единственного сына,
В третьей — брата своего родного».
Милошевка на ноги вскочила,
Бросила она свое вязанье,
Выбежала, бедная, из дома,
Но когда она на двор ступила,
Во дворе ей крови по колено,
И в крови той — головы любимых:
Первая — возлюбленного мужа,

А вторая — дорогого сына,
Третья голова — родного брата.
Замерла младая Милошевка
И не знает, как ей быть, что делать.
И от горя тут и от печали
Белые свои отсекла руки
И хотела оба ока вынуть.
Тут случилась древняя старушка,
Юг-Богдана милая вдовица,
И сказала Милошевке юной:
«Как ты, Милошевка, неразумна,
Для чего ты руки отрубила?
Большее перенесла я горе,
Юг-Богдан мой, господин любимый,
Девять милых сыновей имела,
Юговичей девять я растила,
Время всем пришло в поход собираться;
У кого есть сын — его собирает,
Кто бездетен — сам идет в отряды.
Господина старого Богдана
И девятерых сынов любимых,
Юговичей милых, снарядила,
В Косово пошли они на битву.
И немного времени минуло,
С поля Косова пришло посланье:
Старый муж мой пал в кровавой сече
Девять милых сыновей погибли,
Девять пало Юговичей милых,
И остались девять снох на свете,
И у каждой-то снохи по внуку.
Как минула первая неделя,
Я взяла с собой вина две чаши,
Повел я девять снох с собою,
И на Косово пошли мы поле

Сыновей искать моих любимых.
Как на Косово пришла я поле,
Не нашла я там сыночков милых,
А нашла могил там черных девять,
У могил тех копья в землю вбиты,
И привязаны у копий кони.
Ни овса не надо им, ни сена.
От могилы я иду к могиле,
Лью вино на них, а их целую».

СМЕРТЬ МАТЕРИ ЮГОВИЧЕЙ

Правый Боже, чудо совершилось!
Как на Косово сходилось войско,
Было в войске Юговичей девять
И отец их, Юг-Богдан, десятый.
Юговичей мать взывает к Богу,
Просит дать орлиные зеницы
И широкие лебяжьи крылья,
Чтоб взлететь на Косовым ей полем
И увидеть Юговичей девять
И десятого Богдана Юга.
То, о чем молила, получила:
Дал ей Бог орлиные зеницы
И широкие лебяжьи крылья.
Вот она летит над полем ровным,
Видит девять Юговичей мертвых
И десятого Богдана Юга.
В головах у мертвых девять копий,
Девять соколов сидят на копьях,
Тут же девять скакунов ретивых,
Рядом с ними девять псов свирепых.
Громко кони хорошие заржали,
Огласилось поле лютым лаем,

Встал над полем клекот соколиный.
Сердце матери железным стало,
Не вопила мать и не рыдала.
Увела она коней ретивых,
Рядом с ними девять псов свирепых,
Девять соколов взяла с собою
И вернулась в дом свой белостенный.
Снохи издали ее узнали
И с поклоном старую встречали.
К небу вдовьи понеслись рыдания,
Огласили воздух причитанья.
Вслед за ними застонали кони,
Девять псов свирепых зарычали,
И раздался клекот соколиный.
Сердце матери железным стало,
Не вопила мать и не рыдала.
Наступила ночь, и ровно в полночь
Застонал гривастый конь Дамяна.
«Ты скажи, сноха, жена Дамяна,
Что там стонет конь Дамяна верный,
Может быть, он захотел пшеницы
Иль воды студеной от Звечана?»
И жена Дамяна отвечает:
«Нет, свекровь моя и мать Дамяна,
Конь не хочет ни пшеницы белой,
Ни воды студеной от Звечана,
Был Дамяном этот конь приучен
До полуночи овсом кормиться,
Ровно в полночь в дальний путь пускаться.
Конь скорбит о смерти господина,
Без которого домой вернулся».
Сердце матери железным стало,
Не вопила мать и не рыдала.
Лишь лучами утро озарилось,

Прилетели два зловещих врана.
 Кровью лоснятся вороны крылья,
 Клювы пеной белою покрыты,
 В клювах воронов — рука юнака,
 На руке колечко золотое.
 Вот рука у матери в объятях,
 Юговичей мать схватила руку,
 Повертела, зорко осмотрела
 И жене Дамяновой сказала:
 «Отвечай, сноха, жена Дамяна,
 Не видала ль ты такую руку?»
 Отвечает ей жена Дамяна:
 «Мать Дамяна и свекровь, ты видишь
 Руку сына своего, Дамяна.
 Я узнала перстень обручальный,
 То кольцо, что при венчанье было».
 Мать Дамянова схватила руку,
 Осмотрела зорко, повертела
 И, к руке приникнув, прошептала:
 «Молодая яблонька родная,
 Где росла ты, где тебя сорвали?
 Ты росла в объятях материнских,
 Сорвана на Косове равнинном».
 Мать печально головой поникла,
 И от горя разорвалось сердце,
 От печали по сынам родимым
 И по старому Богдану Югу.

ПИР У КНЯЗЯ ЛАЗАРЯ

Славу славит Лазарь, князь могучий,
 В граде сербском, Крушевце цветущем.
 Вся господа за столы садится,
 Вся господа вместе с сыновьями.

Справа посадили Юг-Богдана,
Рядом девять Юговичей юных,
Слева — Вука Бранковича место,
Всю господу садят по порядку:
Против князя — воевода Милош,
Рядом с ним двух равных посадили,
Одного — Косанчича Ивана,
И Милана Топлицу другого.
Князь литую чашу поднимает,
Говорит своей господе сербской:
«За кого мне выпить чашу эту?
Если пить по старшинства седидам,
Выпил бы вино за Юг-Богдана,
Если пить по благородству крови,
Выпил бы за Бранковича Вука,
Если пить по дружеской приязни,
За девятерых бы выпил шурьев,
Девять сыновей Богдана Юга,
Если пить по красоте обличья,
За Косанчича бы чашу выпил,
Если пить по высоте и росту,
Выпил бы за Топлицу Милана,
Если пить по храбрости безмерной,
Выпил бы вино за воеводу,
И сегодня за твое здоровье,
Милош Обилич, хочу я выпить:
Будь здоров и верный и неверный!
Прежде верный, а потом неверный!
Утром мне на Косове изменишь,
Убежишь к турецкому султану.
Будь здоров и за здоровье выпей,
Пей вино из чаши золоченой».
Встал поспешно легконогий Милош,
До землицы черной поклонился:

«Я тебя благодарю, властитель,
 Славный князь, за здравицу спасибо,
 За нее и за твое даренье,
 Но совсем не за слова такие.
 Не был я предателем-злодеем,
 Не был им и никогда не буду.
 Поутру на Косовом на поле
 Я погибну за Христову веру.
 Враг сидит у твоего колена,
 Пьет вино, своей полою прикрывшись,
 Бранкович — предатель тот проклятый!
 Завтра будет Видов день прекрасный,
 Мы на Косовом увидим поле,
 Кто предатель и кто верен князю.
 И клянусь владыкою Всевышним,
 Поутру на Косово я выйду,
 Заколю турецкого султана,
 Придавлю ему ногою горло.
 Если мне помогут Бог и счастье,
 В Крушевац вернусь я невредимым,
 Я поймаю Бранковича Вука,
 Привяжу его к копыю покрепче
 (Так кудель привязывают к прялке),
 Потащу его на поле битвы».

РАЗГОВОР МИЛОША ОБИЛИЧА С ИВАНОМ КОСАНЧИЧЕМ

«Ты скажи мне, брат Иван Косанчич,
 Хорошо ль разведал силу вражью?
 Много ль войска собралось у турок?
 Можем ли с погаными сразиться?
 Можно ль турок одолеть проклятых?»
 Говорит ему Иван Косанчич:

«Милош Обилич, мой брат любимый,
Я разведал войско нечестивых,
Полчища врагов неисчислимы.
Если б стало наше войско солью,
Плов турецкий был бы недосолен.
Вот уже пятнадцать дней бесстрашно
Я брожу по вражескому стану,
Не нашел я ни конца, ни края:
От Мрамора до песков Явора,
От Явора, брат мой, до Сазлии,
От Сазлии до Чемер-Чуприи,
От Чуприи до Звечана-града,
От Звечана, брат мой, до Чечана,
От Чечана до вершины горной —
Все покрылось войском басурманским,
Конь к коню и воины рядами,
Черный лес — их копья боевые,
Стяги их летучи, словно тучи,
А шатры снегов белее горных.
Если дождь густой польется с неба,
То нигде не упадет на землю,
На юнаков и коней прольется.
Стал султан Мурат на Мазгит-поле,
Захватил и Лабу, и Ситницу».
Милош Обилич спросил Ивана:
«Ой, Иван, мой побратим любимый,
Где шатер могучего Мурата?
Обещал я властелину-князю
Заколоть турецкого султана,
Придавить ему ногою горло».
Но в ответ сказал Иван Косанчич:
«Не теряй рассудка, брат любимый!
Где шатер могучего Мурата?
В середине вражеского войска.

Если бы умел летать, как сокол,
 И на турка пал бы с поднебесья,
 Ты не мог бы улететь обратно».

Начал Милош заклинать Ивана:
 «Ой, Иван, мой побратим любимый,
 Ты не брат мне, но родного ближе.
 Обещай, что так не скажешь князю,
 Он тревогой может омрачиться,
 И от страха наше войско дрогнет.
 Лучше ты скажи другое князю:
 Велика врагов проклятых сила,
 Но не трудно с ними нам сразиться;
 В жаркой сече одолеем турок,
 Нет у них воителей искусных,
 Много старцев и ходжей почтенных,
 Есть ремесленники и торговцы,
 Никогда не видевшие битвы,
 Воевать пошли наживы ради.
 Есть и воины в турецком стане,
 Но они внезапно все свалились
 От тяжелой нутряной болезни.
 Вместе с ними заболели кони,
 Заболели сапом лошадиным».

СМЕРТЬ ИЛИИ СМИАЯНИЧА

Кто-то стонет в зарослях зеленых:
 Это вила иль змея, быть может?
 В рослых травах не змея, не вила,
 Это стонет доблестный Смиянич.
 Весь изранен, весь в крови Илия,
 Рядом с ним лежит Мандушич храбрый.
 Спрашивает Вук Илию-друга:
 «Что ты стонешь, побратим любимый?»

Говорил ему в ответ Илия:
«Раны, брат, меня одолевают».
Говорит ему Мандушич тихо:
«Сможешь ли, мой побратим любимый,
Сможешь ли свои осилить раны,
Если лекарей найду искусных
И настой целебный приготовлю?»
Отвечает доблестный Смилинич:
«Не ищи целителей напрасно,
Не нужны лекарственные травы,
Отнеси меня в мой дворик белый,
В двор к любимой матери-старухе,
Чтобы мать мои лечила раны,
Чтоб жена моя постель взбивала,
А сестра меня водой поила».
Говорит ему в ответ Мандушич:
«Отнесу тебя в мой двор просторный,
Мать моя твои омоет раны,
Милая жена постель постелет,
А сестра поить водою будет».
Отвечает побратиму воин:
«Нет, не нужно, побратим любимый,
Мать чужая растревожит раны,
А жена чужая жестко стелет.
У чужой сестры горька водица».
Распрощался с другом и скончался.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ПЛЕМЯННИК ОГНЯН

Вот однажды Королевич Марко
И Огнян, его племянник милый,
На конях неслись к зеленой чаще;
Их в дороге темнота застала.
И промолвил Королевич Марко:

«Ой, Огнян, ты мой племянник милый,
Где мы будем ночевать с тобою?»
Отвечал ему Огнян веселый:
«Милый дядя, Королевич Марко!
Заночуем мы в лесу зеленом,
Будет нам трава постелью мягкой,
Будет небо пестрым одеялом».
Отвечает Королевич Марко:
«Ой, Огнян, ты мой племянник милый!
Мы с тобой поедem в Латин-город,
К королю Латинскому поедem.
Там с тобою мы ночлег отыщем».
И они поехали к латинам.
Издали́ка их король заметил,
Отворил им широко ворота,
Тут они нашли приют и отдых.
Поднесли им ракию вначале,
Ужином господским угостили.
После ужина — вином багряным.
А когда вино лилось рекою,
Вышла к ним красавица-девица.
Тут сама собой свеча погасла!
Светит девушка как солнце в небе,
Угощает их вином багряным.
Лишь взглянул Огнян на ту девицу,
От еды он сразу отказался
И промолвил Королевич Марко:
«Ради Бога, ты — король латинян!
Можешь эту разгадать загадку,
Можешь ли понять ты это чудо —
Почему Огнян не вечеряет?»
Отвечал ему король латинян:
«Не могу загадку разгадать я,
Не могу понять я это чудо,

Почему Огнян не вечеряет».
И промолвил Марко-королевич:
«Дочь твою себе он просит в жены».
Удивляется король латинян,
Он подумал и ответил Марку:
«Если дочь мою он сватать хочет,
Пусть коня готовит на рассвете,
Собирает все свои доспехи,
Чтобы совершить геройский подвиг.
Пусть один он едет в лес зеленый,
Озеро бездонное отыщет,
Пусть поймает утку-златокрылку,
Пусть разыщет он перо павлинье
И сорвет с куста он кисть малины,
Принесет и предо мной положит.
И тогда лишь дочь мою получит».
Только-только утро засияло,
Встал Огнян, коня из стойла вывел
И седлает, и совета просит.
А ему на это молвил Марко:
«Ой, Огнян, ты мой племянник милый,
Своего коня оставь-ка дома,
Этот конь как нужно не обучен,
А возьми ты дядиного Шарца.
Дядин Шарец все озера знает.
Через лес зеленый ты поедешь,
А как станешь на озерный берег,
Обернись направо и налево,
Помолись ты Господу усердно,
Помяни угодника Николу
И бросайся в озеро без страха.
Только доплывешь до середины,
Ты змею трехглавую увидишь,
Потопить она захочет Шарца...

Ты смотри, дитя, не испугайся,
А скорее саблю вынь из ножен,
Саблей Шарца по груди ударишь,
И польется щедро кровь из Шарца.
Шарец вынесет тебя на берег».
Взял тогда Огнян коня у Марка
И поехал прямо в лес зеленый.
А когда до берега доехал,
Глянул он направо и налево,
Помолился Господу усердно,
Помянул угодника Николу
И спокойно погрузился в воду,
А когда он был на середине,
Шарец стал под воду погружаться,
И чуть-чуть не потопил Огняна;
Но Огнян и тут не растерялся,
Вынул саблю и ударил Шарца.
Крови черной ток из раны хлынул,
Конь на берег озера метнулся,
И тогда у златокрылой утки
Выдернул Огнян перо павлинье
И малины алой кисть сорвал он, —
И себя он и коня украсил,
К королю Латиняну поехал.
А король, едва Огняна встретил,
Удивился доблести и силе,
Слово он сдержал и вывел дочку,
Три мешка приданого он вынес.
Но Огнян добро вручает дяде,
А себе берет он королеву.
«Мне не нужно три мешка богатства,
Мне довольно девушки прекрасной».

ДЕВУШКА ПЕРЕХИТРИЛА МАРКА

Бедствует девица-сиротинка:
Есть обед — так ужина не будет;
Если соберет обед и ужин,
Так на платье денег не хватает.
Но зато ей выпадает счастье, —
Шлет ей сватов Королевич Марко,
А за ним и воевода Янко;
А Уступчич Павел шлет ей перстень.
Все они за нею в путь пустились,
С каждым едут много сотен сватов.
Прямо едут ко двору невесты.
Первый Марко, а за Марком Янко,
А за Янком и Уступчич Павел.
Обернулся Королевич Марко,
Говорит он воеводе Янку:
«Ты куда же, Янко, путь направил?
Сколько сватов ты беспокоил,
Заморил ты коней славных сколько?
Не тебе, ей-ей, невеста эта, —
Для меня она на свет родилась».
Янко смотрит, ничего не молвит.
Только к Павлу Янко обернулся
И тихохонько ему промолвил:
«Мы куда с тобой поднялись, Павел,
И зачем мы сватов беспокоим,
И коней зачем напрасно морим?
Не моею будет, не твоею
Девушка — а Марковой женою».
Павел смотрит, ничего не молвит,
А все едет пред толпою сватов.
Белые дворы уж недалеко.
Мать, из дома их толпу увидев,

Радостная вышла к ним навстречу
И гостей прославленных встречает.
По трое во двор их провожает.
Кумовьев она сажает рядом,
Старших сватов одного к другому,
Женихов, как следует по чину.
После к прочим сватам обратилась:
«Ой же, сваты — как же вы нарядны,
Всех прошу, друзья мои, садиться».
Когда все немного отдохнули,
Приподнялся Королевич Марко,
Вынул саблю из дамасской стали,
Положил он саблю на колени,
К Янку-воеводе обернулся
И ему тихохонько промолвил:
«Ты, послушай, воевода Янко,
И послушай ты, Уступчич Павел!
Яблока три вынем золотые,
Три положим золотые перстня.
Пусть выходит красная девица,
Пусть посмотрит на подарки наши,
Пусть коснется: яблока иль перстня.
Чей подарок будет ей милее,
Пусть она тому женою станет».
Марку все они повиновались,
Яблока достали золотые,
Положили золотые перстни,
А как вывели красу-девицу,
Говорит ей Королевич Марко:
«Ты послушай нас, краса-девица,
Выбирай в подарок, что захочешь, —
Яблоко бери себе иль перстень».
Но сиротка та была разумна
И в ответ на эти речи Марка

Королевичу она сказала:
«Кум по Богу, Королевич Марко!
Старший сват наш, воевода Янко!
И вы все, разряженные сваты,
Побратимы, други дорогие!
Детям — яблоко, то их забава,
Перстень для юнака — знак почета,
Мне же дорог лишь Уступчич Павел!»
Как дошли до Марка эти речи,
Зарычал он словно зверь косматый,
Он себя ударил по колену
И промолвил сироте-девице:
«Ах ты, ведьма, сирота-девица!
Научил тебя, наверно, кто-то,
Говори, кто научил, скорее!..»
Отвечает сирота-девица:
«Милый кум мой, Королевич Марко,
Хоть кого научит эта сабля. —
Тут в ответ ей улыбнулся Марко,
И промолвил он девице тихо:
«Счастлива ты, красная девица,
Что от наших яблок отказалась,
Отказалась ты от перстей наших.
Вера от греха спасла мне душу,
Я тебе отсек бы руки сразу,
Головы бы ты своей лишилась,
Не носила бы венки зеленый».

СЕСТРА ЛЕКО-КАПИТАНА

С той поры, как мир наш существует,
Не слышали о подобном чуде,
О невиданном о дивном диве.
А оно у Лeko-капитана

Объявилось в городе Призрене:
Слух идет о девушке Роксанде,
О красавице, не знавшей горя,
В четырех обширных странах света,
Всей земли турецкой и латинской
Нет красавицы Роксанде равной,
Ни влашанки нет лицом белее,
Ни латинки нет стройнее станом,
А кто видел вил в дубравах горных,
Говорит — и вил подобных нету.
Птицей в клетке выросла девица,
Прожила уже пятнадцать весен,
А луны и солнца не видала.
Так молва о ней повсюду ходит
И из уст в уста передается.
Этот слух достиг Прилепа-града,
Это слышал Королевич Марко,
По сердцу ему такие вести.
Хвалят девушку, его — не хают.
Думал Марко: вот бы мне женою
Взять ее, а Леко будет другом —
Было бы тогда с кем вместе выпить
И вести господскую беседу.
За сестрою Марко посылает:
«Поспешай, сестра моя, в хоромы,
Открывай скорей сундук заветный,
Вынимай господскую одежду,
Ту, что сам себе я приготовил,
Чтоб в нее пред свадьбой облачиться.
Думаю, сестра, сейчас отправлюсь
В Призрен-город, что под Шар-горою,
Я сестру у Леко буду сватать,
Как сосватаю — вернемся вместе,
И тебя тогда я выдам замуж».

Торопясь, идет сестра в хоромы,
Открывает тот сундук заветный,
Вынимает братнины одежды.
Одевался Королевич Марко,
Облачался и в сукно и в бархат,
Шапку он надел с пером павлиньим,
Цепь надел он из дукатов желтых,
На ногах его штаны и пряжки.
Препоясался дамасской саблей, —
Золотые кисти бьют по пяткам,
Рукоять и ножны — золотые,
А клинок отточен до отказа.
Пестрого коня подводят слуги,
Что седлом оседлан золоченым
И попоною покрыт суконной,
А поверх попоны — мехом рыси —
И стальными удилами взнуздан.
Но ошибся Марко при отъезде:
Крикнул слуг, их посылает в погреб,
И они из погреба приносят
Два вином наполненных ушата.
Дал один коню он боевому —
Шарец до ушей налился кровью,
А другой он выпил на дорогу,
И глаза его налились кровью.
Едет Марко, словно змей на змее.
И поехал он прилепским полем,
Переехал поле, минул горы
И доехал до Косова поля,
Не поехал он прямой дорогой —
А свернул направо с перекрестка,
К своему поехал побратиму,
К воеводе Милошу поехал.
А когда он к городу подъехал,

Милош издали увидел Марка
Со своей высокой белой башни.
Он несметных слуг своих сзывает:
«Широко ворота распахните!
Выходите, слуги, в чисто поле,
Становитесь на большой дороге,
Шапки сняв, за пазуху их спрячьте.
Поклонитесь до землицы черной —
Это едет побратим мой Марко.
Вы его одежды не касайтесь
И не трогайте его за саблю.
Даже близко подходить не нужно:
Может быть, разгневан чем-то Марко.
Или, может быть, он пьян сегодня:
Он того гляди вас изувечит
И навек калеками оставит.
А как Марко воротá проедет
И со мною станет целоваться,
Лишь тогда коня его примите,
Я же Марко поведу в хоромы».
Быстро слуги отперли ворота,
Встретили в широком поле Марка;
Марко и смотреть на них не хочет,
Мимо них он на коне проехал. —
Прямо к воротам коня направил,
А в воротах слез с коня на землю.
Тут выходит воевода Милош,
Своего встречает побратима,
Обнимает и в лицо целует,
И зовет его к себе в хоромы.
Марко встал и в дом идти не хочет.
«Не хочу я, побратим, в хоромы:
Некогда мне гостевать сегодня.
Знаешь ли ты, брат, или не знаешь

В Призрене — высоком белом граде —
Воеводу Леко-капитана?
А у Леки, молвят, скрыто чудо,
Это чудо — девушка Роксанда. —
С запада до крайнего востока
Всей земли турецкой и латинской —
Нет красавицы Роксанде равной,
Ни влашанки нет лицом белее.
Ни латинки нет стройнее станом.
А кто видел вил в дубравах горных,
Говорит — и вил подобных нету.
Хвалят девушку и нас не хают,
А сейчас мы, оба побратима,
Оказались оба не женаты;
Кто и хуже нас, смеется, братец,
Те, кто хуже нас, давно женились,
И у них уже родились дети.
Мы с тобой остались для покура.
Побратима третьего ты знаешь:
То Крылатый Реля из Пазара,
Что живет над Рашкою студеной.
От рожденья мы верны друг другу —
Одевайся же как можно лучше,
Захвати с собой немного денег,
Захвати и перстень для невесты.
Релю мы Крылатого разыщем
И поедем к городу Призрену:
Пусть нас видят Леко и невеста,
Пусть выходит за того, кто мил ей.
Женихом удачливым он будет,
Два другие деверями станут...
С Леко станем мы дружить до гроба».
Это слушать Милошу отраднo.
Во дворе он оставляет Марка

И идет в высокие хоромы.
Надевает дивную одежду:
Надевает он соболью шапку,
Серебром блестит перо на шапке,
На себя надел он три одежды
И накинул шитую накидку, —
Нынче и король такой не носит.
Тридцать полных кошельков дукатов
Заплатил он за ее подкладку,
Верху же цены нельзя назначить:
Много денег стоила накидка.
Милошу коня выводят слуги,
А куда одевался Милош,
Марко пил вино без передышки.
Осушил он полную корчагу,
А другую Шарцу дал выпить.
Посмотрели бы тогда вы сами,
Как наряжен воевода Милош.
Рядом с воеводой даже Марко
Неприглядным кажется, невзрачным.
Ростом он всех выше и стройнее,
А в плечах всех шире и могучей.
Белое лицо его прекрасно,
Очи блещут мужеством и силой.
Черные усы его красивы
И до самых плеч они спустились.
Счастье той, кого полюбит Милош.
На коней своих они вскочили,
Митровицкой ехали дорогой
И спустились к Новому Пазару
Возле Рашки, к Релиным хоромам.
Вышел Реля встретить побратимов,
Обнимает и в лицо целует.
В воротах слезают побратимы»,

А коней ведут в конюшню слуги.
Их в хоромы Реля приглашает.
Марко не идет и молвит Реле:
«Не хотим мы, побратим, в хоромы
И на башню не хотим сегодня».
Рассказал ему, куда собрались:
«Реля, побратим, поедем вместе —
Подождать тебя немного можем.
Одевайся же как можешь лучше,
Пусть тебе скорей коня седлают».
С радостью услышал это Реля.
Поглядели бы тогда вы сами,
Как юнак Крылатый нарядился.
На красу его бы поглядели.
Как жених одет Крылатый Реля.
То не шутка, — что юнак крылатый,
То не шутка — крылья и окрылье.
Марко просто жалким показался
И невзрачным воевода Милош.
На коня вскочил Крылатый Реля,
И они широким полем едут
Вдоль по Рашке, по реке студеной.
Вброд они пересекают Ташку
И другую реку Йошаницу.
Семьдесят и пять минули бродов,
До села Колашина добрались
И спустились к ровной Метохии.
А проехав призренское поле,
Прибыли к подножью Шар-утеса.
Далеко еще им было ехать,
Как их Леко-капитан увидел.
Он трубу подзорную наставил,
Чтоб взглянуть, кто едет и откуда.
Леко увидал в трубе хрустальной

Добрых коней и юнаков славных,
Сербских воевод увидел Леко,
И узнал он их, и удивился.
И немного даже испугался.
Крикнул Леко, что есть мочи крикнул,
Слуг своих он криком призывает:
«Широко ворота распахните
И спешите всадникам навстречу:
Сербские к нам едут воеводы.
Я не знаю, что теперь им надо,
В мире ли земля пребудет наша».
Слуги настезь ворота раскрыли
И толпою выбежали в поле,
Поклонились в землю воеводам,
Но на слуг не смотрят воеводы,
А коней своих в ворота гонят.
Слуги подбежали к воеводам,
Приняли у них коней горячих.
Тут к гостям своим выходит Леко,
Во дворе он воевод встречает,
Обнимает и в лицо целует
И спрашивает о здоровье;
За руки берет гостей почетных
И ведет в высокие хоромы,
А когда они пришли в хоромы,
То хоть Марко был в различных странах,
Ничему нигде не удивлялся,
Ничего на свете не стыдился,
Удивился он и застыдился.
Лишь увидел он хоромы Леко
И взглянул на Лекино богатство.
Чем до двери застлан пол в хороммах?
Сукнами до самой двери застлан,
А сверх сукон бархатом прекрасным;

И какие пышные постели.
И какие мягкие подушки!
И на всех плетенье золотое.
Было много вешалок в хоромах,
Все серебряные, с позолотой,
Чтобы вешать сабли и кинжалы.
А столы, стоявшие в хоромах,
Тоже все серебряные были,
Золотом украшены червонным.
Был налево стол большой поставлен,
На столе невиданные яства
И вином наполненные чаши.
Больше всех одна стояла чаша,
Было в этой чаше девять литров,
Эта чаша Леко-капитана;
Даже Марко шибко удивился.
Леко-капитан их приглашает,
На почетное сажает место.
Отроки проворные явились,
Подняли наполненные чаши,
Поднесли с поклоном воеводам.
Прежде всех хозяина почтили.
Было там вина и яства вволю.
С воскресенья и до воскресенья
Пили, пили, даже притомились.
Часто Марко поднимает очи,
На своих глядит он побратимов,
Чтобы хоть один напомнил Леку,
Речь завел о девушке-невесте.
Как на них с вопросом Марко глянет,
Оба очи в землю опускают:
Видно, нелегко им слово молвить
О Роксанде знатному юнаку.
Не сдержался Королевич Марко,

Так сказал он капитану Леке:
«У тебя, великий воевода,
Мы сидели и вино мы пили,
Обо всем мы, Леко, говорили!
Ну а втайне думаем-гадаем, —
Скоро ль спрашивать начнешь ты, Леко,
Для чего мы все сюда явились,
Для чего коней морили наших.
Ты же, Леко, и спросить не хочешь».
Так заговорил юнак с юнаком,
Но, видать, нашла коса на камень.
Хитроумный Марку отвечает:
«Воевода, Королевич Марко!
Как я мог бы задавать вопросы,
Если ты ко мне и глаз не кажешь?
Почему не едешь в гости чаще,
Чтоб спросить у друга про здоровье,
Красного вина по кубку выпить,
Поглядеть — спокойно ль в наших странах?
Нынче вы ко мне, а я к вам — завтра».
Лишь услышал это слово Марко,
Тут же, не раздумывая долго,
Марко сразу молвил капитану:
«Леко-капитан, все это верно,
Но хочу тебе другое молвить,
Раньше бы сказал, да было стыдно:
От людской молвы нам нет покоя,
Все твердят, что ты владеешь чудом,
Это чудо — гордая Роксанда.
В четырех концах земли великой
В Боснии, в Румелии богатой,
В Шиме и Мисире, на Кавказе,
В Аталии и Анатолии,
И в семи валашских королевствах,

Нет красавицы, Роксанде равной.
Деву хвалят, да и нас не хаот!
Мы пришли к тебе, любезный Леко,
Сватать несравненную Роксанду.
Все мы воеводы-побратимы,
Все еще покуда не женаты,
Ты отдай сестру кому захочешь,
Выбери в зятя кого замыслишь.
Пусть один ей станет милым мужем,
Два другие деверями будут,
А с тобой мы все дружить согласны.
Вспыхнул Леко и нахмурил брови:
«Ты послушай, воевода Марко.
Девушке не шли в подарок перстень.
И вина не шли с толпою сватов.
Все, чего я сам просил у Бога,
Видно, ныне я того дождался:
Вот каких друзей нашел на свете!
Но тебе беду свою открою:
Ты ведь слышал, воевода Марко,
Что красивей всех моя Роксанда;
Это правду сказывают люди.
Но моя сестрица самовольна,
И боится в мире только Бога,
Ну а брата ни во что не ставит.
Сваталось к ней множество юнаков
Семьдесят четыре ровным счетом.
В каждом Роса видела изъяны —
Мне пред женихами было стыдно;
Потому ни перстня взять не смею,
Ни пригубить свадебной баклаги.
Если завтра вам сестра откажет,
Что тогда смогу тебе ответить?»
Засмеялся Марко-королевич

И такое слово Леку молвит:
«Ты родился матери на горе.
Как ты можешь, знатный воевода,
Управлять обширною землею,
Коль тебя сестрица не боится?
Богом я клянусь тебе и верой,
Что моя сестра в моем Прилепе,
Если бы послушаться посмела,
Я бы тут же отрубил ей руки
Или очи вынул у строптивой.
Слышишь это, Леко-воевода?
Если ты сестры своей боишься,
Как хозяина тебя прошу я:
Подымись в светлицу белой башни,
Где живет прекрасная Роксанда,
Попроси ее сойти в хоромы;
Пусть на женихов она посмотрит,
Что таких ей видеть не случилось.
Леко, дай своей сестре свободу:
Пусть она, как хочет, выбирает.
Мы же, братья, ссоры не затеем. —
Пусть один из нас ей мужем станет.
Два другие деверями будут.
А с тобой мы все дружить готовы». —
Леко встал — не возразил ни слова,
На высокую взошел он башню
И сказал сестре своей Роксанде:
«Собирайся, гордая Роксанда,
Приходи, сестра, в мои хоромы.
Выпало тебе большое счастье:
Трое сербских воевод явились
Нет подобных — обойди все земли.
По сердцу себе найдешь ты мужа,
Брат найдет себе друзей достойных».

И сестра в ответ сказала Леке:
«Возвращайся, брат, в свои хоромы,
Здравицы провозглашай прибывшим,
А сестра придет гостей проведать».
Воротился Леко к воеводам,
Все они сидят и ждут невесту.
Тут донесся громкий звон в хоромы,
Зазвенели частые ступеньки, —
Девушки по лестнице спускались,
На сапожках — звонкие подковки.
Между девушек — сама Роксанда,
Только что вошла она в хоромы,
Засияли стены словно солнце
От ее одежды златотканой,
От красы лица ее и стана.
Поглядели сербы-воеводы,
Поглядели, да и застыдились.
А и было тут чему дивиться.
Марко повидал чудес немало,
Вил он видел на горах высоких,
Были вилы для него как сестры.
Ничего на свете не боялся,
Ничего на свете не стыдился,
А Роксанде удивился Марко,
Перед славным Леко застыдился,
Очи пред красавицей потупил.
Это Леко-капитан заметил,
Смотрит на сестру, на сербов смотрит,
Ждет он, кто заговорить решится
Или с ним, иль с девушкой прекрасной,
Но, увидев, что молчат юнаки,
Леко вразумлять Роксанду начал:
«Выбирай, сестра, кого захочешь —
Воеводы выбор твой одобряют;

Если ты, сестра моя, решила
Взять в мужья отважного юнака,
Что хранил бы нашу честь достойно,
Ограждал во всяком поединке,
На любой бы поединок вышел, —
Пред тобою — Королевич Марко.
С ним иди в Прилеп далекий город —
Там тебе, сестра, не будет худо.
Если ты, сестра моя, решила
Взять в мужья красивого юнака,
Равного которому на свете
Нет ни станом, ни лицом, ни силой
В четырех краях земли великой, —
Пред тобою — Милош-воевода.
С ним иди на Косово, сестрица,
Там тебе, сестра, не будет худо.
Если ты, сестра моя, решила
Взять в мужья крылатого юнака,
Чтоб ласкать его, чтоб им гордиться,
Пред тобой, сестра, — Крылатый Реля.
Ты иди с ним к Новому Пазару;
Там тебе, сестра, не будет худо».
Эту речь услышала Роксанда,
Засмеялась, хлопнула в ладоши
Так, что эхо всюду зазвучало,
И в сердцах она сказала Леко:
«До сих пор, благодаренье Божье,
Чуду всякому могу дивиться,
Горе всякое понять могу я,
Не понять мне лишь земли Призренской,
Как доселе держится правленье
На безумном Леке-капитане!
Где твой разум? Был ли от рожденья?
Что ты нынче выдумать изволил?»

Чем ты спьяну, братец, соблазнился?
Лучше мне остаться вековойшей
В Призрене, столичном граде нашем,
Чем идти в Прилеп супругой Марка,
Марковой женою называться.
Марко стал прислужником турецким,
Он за турок рубится и бьется...
Без креста его могила будет,
И его не отпоет священник:
Схоронят его без отпеванья.
Как же мне с моею красотой
Быть женой турецкого холопа?
Но сержусь я, брат мой, не за это, —
Ты отвагой Марка соблазнился;
А за то я крепко рассердилась,
Что в мужья мне предложить посмел ты
Воеводу Милоша, мой Леко,
Потому что видный он и сильный;
Неужели ты молвы не слышал,
Что родился Милош от кобылы,
От кобылы серой, от арапской,
Что в конюшне жеребят приносит.
Милоша нашли в ее кормушке,
Милош вспоен молоком кобыльим,
Оттого он так высок и статен.
Но сержусь я, брат мой, не за это,
А за речи о Крылатом Реле.
Где твой разум? Ты его лишился?
Где язык? Уж ты молчал бы лучше!
Почему ты, брат, не спросишь Реля,
Он какого племени и роду,
Кто отец, кто матушка у Рели?
Я слыхала — люди говорили —
Что младенцем Реля был подкинут

И в Назаре найден ранним утром,
Что цыганкой вскормлен он бродячей.
Потому-то у него и крылья.
Не нужны мне женихи такие!»
И покинула хоромы Роса.
Запылала щеки у юнаков:
Им друг друга даже стыдно стало.
Вспыхнул Марко, как огонь палящий,
Быстро он вскочил на резвы ноги.
Вырвал саблю светлую из ножен,
Чтобы тут же обезглавить Леко.
Но вскочил и воевода Милош.
Крепко за руки схватил он Марка,
Он из рук у Марка вырвал саблю:
«Ты опомнись, Королевич Марко,
Брось ты саблю иль погубишь душу,
Если из-за этой скверной девки
Обезглавишь Леко-воеводу,
Что с почетом принял нас в хоромаш, —
Вся страна по нем заплачет горько!»
Не дал Марку броситься на Леко;
Видит Марко, Марко понимает —
Не отнять ему обратно сабли,
Глянул он на свой кинжал заветный,
Он бегом сбежал во двор мощный,
Увидал он возле башни белой —
Девушки Роксанду окружили,
Рукава и полы платья держат.
Увидал их Марко, крикнул громко:
«Эй, девица, дерзкая Роксанда!
Для кого свою хранишь ты юность?
Прогони скорей своих служанок,
Повернись ко мне лицом скорее.
Давеча я, Роса, застыдился

На тебя взглянуть при капитане
И красу твою не рассмотрел я.
А когда я ворочусь обратно,
Мне сестра моя не даст покою:
Расскажи, мол, хороша ли Роса?
Дай же мне лицо твое увидеть».
Отослала девушка служанок
И лицо к юнаку обратила:
«Погляди, коль хочешь, на Роксанду».
Тут и вовсе Марко обезумел,
Содрогнулся, кинулся к Роксанде,
Крепко за руку схватил он Росу,
Мигом выхватил кинжал из ножен
И отсек ей руку у предплечья,
Правую отсек Роксанде руку,
В левую заставил взять обрубок,
А потом кинжалом вынул очи,
Завернул их в шелковый платочек
И за ворот положил Роксанде.
И сказал он ей слова такие:
«Выбирай теперь, Роксанда, мужа,
Выбирай, кто мил тебе и дорог.
Не турецкий ли прислужник Марко,
Иль рожденный от кобылы Милош,
Или, может быть, подкидыш Реля!»
Стонет девушка — далеко слышно, —
Стоном стонет, брата призывает:
«Леко-капитан, мой брат любимый!
Знаешь ли, что Королевич Марко
Погубил сестру твою Роксанду?»
Слышит Леко, сидя во хоромах,
Но молчит он, как холодный камень.
Ничего не смеет он промолвить,
Потому что сам погибнуть гложет.

Крикнул Марко, — не входя в хоромы, —
 Крикнул он обоим побратимам:
 «Братья, из хором во двор спускайтесь,
 Принесите мне скорее саблю,
 Время отправляться восвояси!»
 Побратимы услышали голос
 И сошли во двор мощный к Марку.
 Тотчас препоясался он саблей.
 На коней вскочили побратимы,
 Пыль из-под копыт взвилась над полем.
 И молчит, как холодный камень, Леко,
 А Роксанда плачет безутешно.

ОМЕР И МЕЙРИМА

По соседству двое подрастали,
 Годовалыми они сдружились,
 Мальчик Омер, девочка Мейрима.
 Было время Омеру жениться,
 А Мейрима собираться замуж,
 Но сказала сыну мать родная:
 «Ах, мой Омер, матери кормилец!
 Отыскала я тебе невесту,
 Словно золото, Атлагича Фата».
 Юный Омер матери ответил:
 «Не хочу к ней свататься, родная,
 Верность слову не хочу нарушить».
 Отвечает мать ему на это:
 «О мой Омер, матери кормилец,
 О мой Омер, голубь белокрылый,
 О мой Омер, есть тебе невеста —
 Словно золото, Атлагича Фата.
 Птицей в клетке выросла девица,
 Знать не знает, как растет пшеница,
 Знать не знает, где деревьев корни,

Знать не знает, в чем мужская сила».
Юный Омер матери ответил:
«Не хочу я, матушка, жениться!
Крепкой клятвой я Мейриме клялся,
Будет верность слову крепче камня».
И ушел он в горницу под крышу,
Чтоб прекрасным сном себя утешить.
Собрала мать всех нарядных сватов,
Собрала их тысячу, не меньше,
И пустилась с ними за невестой.
Лишь Атлагича достигли дома,
Тот же час их Фата увидала
И навстречу им из дома вышла,
Жениховой матери сказала,
С уваженьем ей целуя руку:
«О, скажи мне, мудрая старушка,
Что за полдень, коль не видно солнца,
Что за полночь, коль не виден месяц,
Что за сваты, коль не прибыл с ними
Юный Омер, мой жених прекрасный?»
А старуха отвечает Фате:
«Золото Атлагича, послушай!
Ты слыхала ль о лесах зеленых,
О живущей в чащах горной виле,
Что стреляет молодых красавцев?
За родного сына я боялась,
И его я дома задержала».
От зари до самого полудня
Там на славу сваты пировали,
А потом отправились обратно,
Взяли Фату Атлагича, злато.
А подъехав к дому, у порога,
Спешились вернувшиеся сваты,
Лишь невеста на коне осталась.

Говорит ей ласково старуха:
«Слезь на землю, доченька родная».
Отвечает золото-невеста:
«Не сойду я, мать моя, ей-богу,
Если Омер сам меня не примет
И на землю чёрную не снимет».
К Омеру старуха побежала,
Будит сына своего родного:
«Милый Омер, вниз сойди скорее
И прими там на руки невесту».
Юный Омер матери ответил:
«Не хочу я, матушка, жениться!
Крепкой клятвой я Мейрима клялся,
Будет верность слову крепче камня».
Сокрушенно сыну мать сказала:
«Ах, мой Омер, матери кормилец,
Если слушать мать свою не хочешь,
Проклянута я молоко из груди!»
Жалко стало Омеру старуху,
На ноги он встал и вниз спустился,
Золото он взял с седла руками,
Нежно принял и поставил наземь.
Полный ужин сваты получили,
Повенчали жениха с невестой
И свели их в горницу пустую.
На подушках растянулась Фата,
Омер в угол на сундук уселся,
Сам снимает он себя одежду,
Сам на стену вешает оружие.
Застонала Атлагича — злато,
Проклинает сватовство старухи:
«Старая, пусть Бог тебя накажет:
С нелюбимым милое сдружила,
Разлучила милое с любимым!»

Отвечает юный парень Омер:
«Ты послушай, золото-невеста!
До рассвета помолчи, не дольше,
Пусть напьются до упаду сваты,
Пусть сестрицы водят хороводы!
Дай чернила и кусок бумаги,
Напишу я белое посланье».
Написал он белое посланье,
И сказал он золоту-невесте:
«Завтра утром, чтоб остаться правой,
Ты старухе дай мое посланье».
Лишь наутро утро засияло,
Новобрачных мать будить явилась,
Постучала в дверь опочивальни.
Плачет, кличет золото-невеста,
Проклинает замыслы старухи,
Но старуха удивленно молвит:
«О мой Омер, матери кормилец,
Что ты сделал? Быть тебе безродным!»
Дверь открыла и остолбенела,
Недвижимым видит тело сына.
Люто воев в горести старуха,
Проклинает золото-невесту.
«Что ты с милым сыном натворила?
Как сгубила? Быть тебе безродной!»
Отвечает золото-невеста:
«Проклинаешь ты меня напрасно!
Он оставил белое посланье,
Чтоб ты знала правоту невесты!»
Мать читает белое посланье,
Горько слезы льет она, читая.
Ей посланье так проговорило:
«Облачите в тонкую рубаху,
Что Мейрима в знак любви дала мне!

Подвяжите шелковый платочек,
Что Мейрима в знак любви связала!
Положите на меня бессмертник,
Украшала им меня Мейрима.
Соберите парней неженатых,
Соберите девок незамужних,
Чтобы парни гроб несли к могиле,
Чтобы девки громко причитали.
Через город пронесите тело,
Мимо дома белого Мейримы.
Пусть целует мертвого Мейрима,
Ведь любить ей не пришлось живого».
А как мимо тело проносили,
Вышивала девушка Мейрима,
У окна открытого сидела.
Вдруг две розы на нее упали,
А иголка выпала из пальцев.
К ней меньшая подошла сестрица,
Говорит ей девушка Мейрима:
«Бог помилуй, милая сестрица!
Дал бы Бог нам, чтоб не стало худо.
Мне на пальцы две упали розы,
А иголка выпала из пальцев».
Тихо отвечает ей сестрица:
«Дорогая, пусть Господь поможет,
Чтобы вечно не было худого.
Нынче ночью твой жених женился;
Он другую любит, клятв не помнит».
Застонала девушка Мейрима
И хрустальную иглу сломала,
Золотые нити свились в узел.
Быстро встала на ноги Мейрима,
Побежала, бедная, к воротам,
Из ворот на улицу взглянула,

Омера несут там на носилках.
 Мимо дома гроб несли неспешно,
 Попросила девушка Мейрима:
 «Ради Бога, други молодые,
 Плакальщицы, юные девицы,
 Опустите мертвого на землю,
 Обниму его и поцелую,
 Ведь любить мне не пришлось живого!»
 Согласились парни молодые,
 Опустили мертвого на землю.
 Только трижды крикнула Мейрима
 И из тела душу отпустила.
 А пока ему могилу рыли,
 Гроб Мейрима тут же сколотили,
 Их в одной могиле схоронили,
 Руки им в земле соединили,
 Яблоко им положили в руки.
 Лишь немного времени минуло,
 Поднялся высоким дуб Омеров,
 Тоненькою сосенкой — Мейрима.
 Сосенка обвила дуб высокий,
 Как бессмертник шелковая нитка.

СМЕРТЬ СОЧИВИЦЫ СТАНКО

В лес уходит наш Мият отважный

 Чтоб Атлагич не судил неправо,
 Чтоб Пилипович его не мучил.
 В лес ушел он, в гайдуки ушел он,
 И три года по лесу скитался,
 Сбирал Мият себе дружину.
 Тридцать юнаков собрал он сильных

 Дмитра быстрого из Велебита,

Шкоца Луку из-под Баня-Луки,
Радо, что из Нового Пазара,
И Сочивицу Станко нашел он.
Были с ним его друзей семнадцать,
А когда Мият собрал дружину,
С нею лето проводил в лесу он.
А когда настал Димитров праздник,
Это день — дружины расставанья,
Мият на горах остановился,
Чтоб с дружиною вина отведать,
И когда они напились вволю,
Так сказал Мият своей дружине:
«Вы — все тридцать — братья дорогие!
Пролетели летние денечки,
И Димитров день пришел прекрасный.
День Димитров — значит, расставанье,
Нынче, братья, мы должны расстаться.
Братья, вы меня должны послушать:
Уходите все вы на зимовье,
Если ж у кого зимовья нету,
Пусть со мною зимовать уходит.
А когда же Юрьев день настанет,
Юрьев день — дружины нашей встреча,
И гора оденется листвою,
Если Бог и счастье нам позволит,
И мы живы и здоровы будем,
Снова наша встретится дружина
На Прологе, на горе скалистой,
Чтобы биться боем нам юнацким
С турком, нашим лютым супостатом,
И за край честной наш и за веру,
И за все то, что зовется сербским.
Будем биться, кровь прольем обильно
Мы за край честной и за свободу,

Отомстим мы и за наших предков
И за весь народ любимый сербов!
Выслушали эту речь юнаки
И сказали: «Есть у нас зимовье»,
И назвали все зимовья место.
Станко говорит: «Пойду в Удбину».
Только Томич Мият Станка понял,
Он ему слова такие молвил:
«Ради Бога, брат мой милый Станко,
Ведь у турка крепкой веры нету,
Не ходи ты к беку во Удбину.
Погубить тебя там турок может».
Но Сочивица, услышав это,
На Мията глянул воеводу:
«А не раньше ль серб тебя погубит,
Чем меня погубит бек Удбинский.
Перед Богом он давал мне клятву
И назвал пред Богом побратимом.
У него я три зимы зимую,
Зимовать и эту тоже стану».
И тогда пожал плечами Мият,
И промолвил воевода Станку:
«Не хочу тебе желать я злое,
И тебе я, как себе желаю,
Но сказал и повторяю снова:
Нет у турка, брат мой, клятвы верной».
Это молвил Мият-воевода,
Это молвив, с братьями простился,
И пошли юнаки на зимовья.
Станко же отправился в Удбину.
К дому бека Станко приближался,
Бек за ужином сидел с женою,
С верною своею бековицей.
И жена ему шептала нежно:

«О мой бек, мой господин любимый!
 Что бы это значило такое,
 Вот уже три белых дня минуло,
 Как окончился Димитров праздник,
 А Сочивицы еще не видно.
 Прежде Станко приходил к нам сразу,
 Как Димитров светлый день.....

.....
 Господин прославленной Удбины:
 «Ты бы помолчала, бековица!
 Верно, Станко где-нибудь далеко,
 Но и чудом он сюда прибудет,
 Станко к нам, наверное, вернется
 Нынче к ночи или завтра к ночи».
 Только бек слова такие молвил,
 Как внезапно появился Станко
 Перед домом господина бека.
 Божью помощь Станко им желает:
 «Добрый вечер, бек мой из Удбины!»
 Ласково ему хозяин молвит:
 «Дай Господь добра тебе, мой Станко!»

.....
 Говорит он беку из Удбины:
 «Побратим мой, милый бек Удбинский,
 Очень я устал, измучен очень,
 И хотел бы я уснуть скорее,
 Отведи меня в покой соседний!»
 И отвел его в покой соседний
 Господин прославленной Удбины,
 Чтобы Станко мог уснуть спокойно.
 И к жене Удбинский бек вернулся,
 И слова такие он промолвил:
 «Ради Бога, молодая женка,
 Вот пойду я и зарежу Станка,

Пояса с червонцами добуду,
И его прекрасную одежду,
И его пресветлое оружие».
Отвечает беку бековица:
«Пусть Господь убьет тебя живого,
Знаешь, бек, того не знают турки,
Есть у Станка сильная дружина,
И, когда их Юрьев день настанет,
Юрьев день — юнацкое свиданье

.....
И тогда они тебя погубят.
Уведут меня они с собою
И двух наших сыновей захватят,
А дома твои они разграбят,
С четырех сторон дома запалят
И с землею черною сровняют.
На Пролог возьмут меня с собою

.....
Там к деревьям мальчиков привяжут
И стрелять по очереди будут».

.....
Но не слушается бек Удбинский,
А берет сверкающую саблю,
И Сочивице он отсекает,
Отсекает голову от тела.
Забирает в поясах червонцы,
И его прекрасную одежду,
И его пресветлое оружие.
Бек взвалил себе Станка на плечи
И отнес его в подвал, в конюшню,
Закопал его в подвале под конями.
Дни проходят, месяцы проходят,
И зима прошла — весна явилась,
Юрьев день прекрасный наступает,

Юрьев день — то день гайдуцкой встречи.
 Все леса покрылись золотоцветом.
 И уже ягнятков можно резать,
 И уже пора стреножить коней.
 И гайдуки все на сбор явились.
 Не пришел лишь юный ускок Рада,
 И Сочивица Станко не прибыл.
 И промолвил Мият-воевода:
 «Ой юнаки, братья дорогие!
 Лучшего не вижу здесь юнака,
 Молодого нет ускока Радо,
 И Сочивицы не вижу Станка, —
 Вместе все пойдем и их поищем».

.....

 Радо божью помощь пожелал им:
 «Бог храни вас, братья дорогие!»
 Еще ласковой Мият ответил:
 «Бог храни тебя, храбрец наш Радо!»
 Так сказали и поцеловались.

.....
 И тогда промолвил воевода:
 «Бог храни тебя, храбрец наш Радо,
 Где Сочивица наш, где наш Станко?
 Станко к нам в дружину не явился,
 Вести о себе еще не подал,
 И боюсь я, и мне страшно очень,
 Что погиб Сочивица наш Станко».
 Так ответил юный ускок Радо:
 «Бог с тобой, наш славный воевода,
 Ничего про Станка я не знаю.
 Прошлою зимой встречал я Станка,
 Был в наряд турецкий он наряжен
 И охотился с Удбинским беком,

По лесам, что около Удбины.
Нынешней зимой не видел Станка
Я и ничего о нем не слышал.
Может, даже он загублен беком.
Ведь у Станка денег было много,
В поясах его зашиты деньги —
Желтые дукаты золотые.
У него и лучшая одежда
Шелковая, бархатная даже,
Серебром и золотом расшита.
У него и лучшее оружие —
Больше серебра там, чем железа,
Храбростью своей его он добыл.

.....
Закричали громко белым горлом»
«А пойдём-ка к беку мы в Удбину

.....
И отправились в Удбину к беку,
И ведёт их Мият-воевода.
И пришли они в Удбину к беку,
И за ужином его застали,
С ним его сидела бековица.
«Сто́й ты, молодая бековица!
Где юнак наш, где наш храбрый Станко?»
Сильно испугалась бековица,
Испугалась, слова не промолвит;
Но тогда сам бек промолвил слово:
«Бог с тобою, воевода Мият!
Ваш юнак уже давно скончался,
Я его похоронил достойно
На христианском кладбище в Удбине;
Только тайно, чтоб никто не ведал,
Кроме Господа, да нас с тобою».
Но уже не верит воевода,
Спрашивает бека из Удбины,

И к нему подходит он поближе:
 «Говори скорее, бек Удбинский,
 Где теперь лежат его дукаты?
 Где великолепная одежда
 И его пресветлое оружие?»
 И ему выносит бек Удбинский
 Пояса Станка, что полны денег,
 И его прекрасную одежду,
 И его пресветлое оружие.
 Осмотрел все и приметил Томич,
 Что долома вся в крови багровой,
 Что она прорезана немного.
 Грозно рассердился воевода,
 Как увидел он в крови долому,
 И спросил у господина бека:
 «Почему в крови долома Станка,
 Почему прорезана долома,
 Отчего же эта кровь открылась
 В смертный час у Станка, мне поведай?»
 Но ответа бек подать не может
 И молчит, как воду в рот набравши.
 Как увидел это воевода,
 Из-за пояса кинжал он вынул,
 Голову он беку отсекает,
 В плен берет младую бековицу
 И его двух сыновей-малюток.
 Все дворы он бековы разграбил,
 Все сровнял он с черною землею.

 И повел с собою бековицу

 Привязал он мальчиков к деревьям,
 Привязал он их к зеленой ели —
 В мальчиков стреляли по порядку
 И жену любили по порядку.

СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Иван Краско

* * *

Лишь к одной-единой
Я душой тянулся,
Да и ту покинул
И не оглянулся.
Милую когда-то
Вспоминаю снова.
Был я недостойн
Сердца золотого.

А ко мне на свете
Многие тянулись,
И ушли навеки,
И не оглянулись.
Милые когда-то,
Вы теперь далеко!
Ивой придорожной
Никну одиноко.

Милые когда-то,
Нынче вас люблю я,
Всем привет сердечный
Издаю шлю я!

Лишь одной-единой
Не скажу ни слова:
Мой привет не стоит
Сердца золотого.

МОИ ПЕСНИ

Обыденность мне на душу легла,
Как на безмолвный дол седая мгла.
Мне хочется, чтоб схлынула завеса,
Чтоб видеть гребень гор, и зелень леса,
И белизну далекого селенья,
И синь небес, и ручейков кипенье,
Их брызги, блески в беге торопливом,
И мотылька в полете прихотливом,
И пестрый луг, и тополь одинокий,
Что ввысь стремится к синеве далекой...
Увидеть вновь шиповник над обрывом,
Распяты на кладбище молчаливом...
Мне хочется, чтоб схлынула завеса.

* * *

Дождь идет, стучит о стекла...
И лицо земли поблекло,
Точно лик у той унылой,
Той, кого оставил милый.

Дождь идет, стучит угрюмо...
В голове теснятся думы...
На ладони уронить бы
Да заплакать бы, завывать бы...

Дождь идет не уставая...
Оказаться б в дальнем крае,
Там над насыпью могильной
Плакать долго и бессильно!..

Дождь идет... А перестанет —
 Окна иней затуманит,
 Снег покроет склоны эти...
 Как тоскливо жить на свете!

БАЛЛАДА

Ранней ранью, утром серым
 Вышли мы в надежде,
 Что друг другу мы поверим,
 Как всегда, как прежде...

День-деньской все шли да шли мы
 С тайным упованьем:
 Может, гордость сокрушим мы
 В час, когда устанем.

К ночи мы пришли обратно
 Без веры, без силы,
 И лишь сердце по-собачьи
 Скулило, скулило.

ПЕСНЯ

Полыхала роза ало, хорошела...
 Все, чем, бедная, владела, —
 Все любви вручила смело
 И об этом не скорбела, не скорбела.

Ну а тот, кто сомневался,
 Колебался, не решался, —
 Тот потом все сокрушался, сокрушался...

Кто не верит — все пытается, все считает,
 На кусочки сердце разбивает.
 А ведь жить на свете надо ради друга.
 Гуси тянутся за тучей к югу.

Мирослав Валек

ПРИКОСНОВЕНИЯ

С утра вам несут телеграммы,
И письма заполнили дом,
И все телефоны трезвонят...

О нет, ничего не случилось,
Лишь я непрерывно звоню,
Чтоб все возратить и поправить.
Мне сразу поверили всюду —
На почте и на телеграфе,
Что шлю миллионы приветов,
Молю, заклинаю тебя:
Не надо сердиться, не надо,
Вот это действительно важно,
Меня это сводит с ума.
Тебя я люблю безгранично.
Оставь все по-прежнему, друг, —
Пусть в ванной вода полыхает,
Пусть кухня наполнится газом,
Пусть зеркало кружится в спальне...
Скорее ко мне приезжай
На тихую нашу равнину!
У поезда будет тебя дожидаться
Семерка коней вороных,
И каждый со звездочкой белой во лбу.
Весною жасмин зацветает
И с персиков будет пыльца осыпаться
Нежней твоей пудры.

Спешу, на углу уже вечер сигналист,
Как старый подержанный автомобиль.

В тот самый час городское солнце
Потертой, заигранною пластинкой
Скрывается за горизонтом, а наше
Пылает начищенною сковородкой,
И чуть лишь коснется до края равнины,
Как сразу все звуки становятся звонче.
Услышишь, как бык допекает в хлеву
Рыдающим басом свое интермеццо.
Равнина стихает, готовясь уснуть.
Вот время сниманья сапог,
И топот в округе, как на параде.
Здесь в доме любом — здоровые парни.
И звуку есть где разбежаться,
Попробуй лишь выключить радио —
И услышишь чужие сны.

А снится вот что:
Стекло,
Металл,
И камни,
И ласка в касаниях рук,
И стук в окно,
И сиянье улыбки.
Мгновенной, которую ждал всегда,
И снится такое, что высказать трудно,
Какая-то сказка и просто снегурка...
Мне снится, что ты к моему плечу
Склоняешься милой своей головкой,
И взгляд мой тонет в твоих зрачках,
И что-то нам снится,
Снится...
Темно, как у фокусника в цилиндре,
Но выверни этот цилиндр наизнанку,
И ночь становится днем...

Я понял, что сон осязаем.
Нервные пальцы антенн трогают темноту.
Новые домики рысью несутся к деревне.
Утро настанет нагретое, как танцевальный зал
После лихой вечеринки.
В небе кружится ворона, как вентилятор,
В поле колосья литые пригнулись к земле
От потрясения, услышав по радио весть:
«Все на жатву!»

Вмиг опустела деревня, как выдутая скорлупка.
Только старуха одна сидит — напевает:
«Уж я сеяла мучицу
Сквозь дырявую тряпицу...»
Бабушка наша — слепая.
Когда-то дояркой была в имении Герца.
Молилась, чтоб жить ей подольше, полегче бы умереть.
А жизнь огрела ее кнутом, ей все еще больно.
Старуха даже не знает, что это была за жизнь.
Не помнит, как внуков зовут,
Пугается громкого слова.
Ей вечер приносит бензинный чужой перегар.
И только земля, если тронуть рукою, все та же,
Все так же добра и понятна она, как тогда.
Ни платица из крепдешина, ни косы, ни шестнадцати лет,
Но поле осталось, лишь дышит все жарче и громче,
И осень, как прежде, — пора лиловых дождей,
И сливы тяжелыми каплями падают наземь.
Земля отплодоносила, ей нечего больше сказать.
Она засыпает, натягивая ватник.
А в утро святого Мартина
Выпадает первый снег.

Войтех Мигалик

БЕЗДЕТНЫЕ

Когда подходит сумерек пора
Нетерпеливая, бездетные супруги
Терзаются: как вечер скоротать?
Небезопасно друг на друга глянуть —
Угасла нежность, пробудилась горечь.
А дети вверх по лестнице бегут
К чужим дверям и тащат за собою —
Как на веревочке — и дремлющее солнце,
И весь охрипший день.
А те сидят поодаль друг от друга
И ложечкой боятся в чашке звякнуть,
Чтоб о своем вдруг не напомнить теле,
Не оправдавшем дорогих надежд.
Как вечер скоротать?..
Где вы, кружащиеся в танце ночи,
Где крылья золотистого вина?
К чему прогулок загородных вольность?..
И руки, не ласкавшие детей,
Поникли, скованы тягчайшей цепью.
В сто первый раз, как накануне в сотый,
Сегодня их не обнадежил врач.
А сумерки упрямо и тревожно
Пытают их: как вечер скоротать?
Но двое — словно мертвый лес без эха.
Где взять для них сочувственную песню?
Как выполоть отчаянную зависть?
И двое в силах ли отверзнуть слух,
Когда их одиночество ревниво
Жестокие упреки стерегут?
Когда же третьей к ним подсядет ночь,
Они к ней придвигаются скорее,
Чтоб исступленно обнимать друг друга
Холодными руками.

ТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Муса Джалиль

ПИСЬМО

(Песни)

1

Я в затишье меж боями
Говорить задумал с вами,
Вам письмо бы написал.
Эх вы, девушки-сестренки,
Вам письмо бы написал!
В песню вы письмо включите,
И меня вы помяните
На гулянье и в избе.
Эх вы, девушки-сестренки! —
На гулянье и в избе.

2

Не прогнав орды кровавой,
Не поправ врага, со славой
Не вернемся мы домой.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Не вернемся мы домой.
Если к вам не возвратимся,
В ваших песнях возродимся, —
Это счастье будет нам.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Это счастье будет нам.

3

Если мы необходимы
Нашей родине любимой,
Мы становимся сильней.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Мы становимся сильней.
Скоро счастье сменит беды,
Так желайте ж нам победы!
Вечно в наших вы сердцах,
Эх вы, девушки-сестренки!
Вечно в наших вы сердцах!

ЧАСЫ

Я с любимую сажу,
На лицо ее гляжу,
Мы щебечем и поем
И толкуем о своем.

Я любимую моей
Не обижен — дорог ей.
Лепестки ее ресниц
От смущенья смотрят вниз.

У любимой бровь дугой,
Льются волосы волной,
Но клянусь, всего нежней —
Взгляд красавицы моей.

Предо мной сидит она,
Улыбаясь, как весна,
Лишь одно меня томит, —
Вечно милая спешит.

Торопясь уйти назад,
Все глядит на циферблат.
Через несколько минут
Говорит: «Нас дома ждут».

А часы ведут свой счет.
(Кто их к черту разберет!)
Мерный стук — несносен он,
Как церковный скучный звон.

— Не прощайся, — говорю. —
Очень рано, — говорю.
Верит милая часам:
— Мне пора! Ты видишь сам!

Мне терпеть не стало сил, —
За язык часы схватил,
Пусть научатся молчать,
Нас не станут разлучать.

— Чтобы нам счастливей быть,
Ты должна часы забыть!..
И не видели мы, нет,
Как уже настал рассвет.

КОСТЯНИКА

С поля милая пришла,
Спелых ягод принесла,
Я ж сказать ей не решаюсь,
Как любовь моя светла.

Угощает цветик мой
Костяником в летний зной.
Но любимой губы слаще
Костяники полевой.

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Я вновь здоров. И мозг усталый мой
Очистился от мглы гнетущей.
Мой влажен лоб. Он будто бы росой
Покрылся в час зари цветущей.
Я вижу вновь, как светом мир богат,
Я слышу счастья веянья живые.
Так дивно мне, и так я жизни рад,
Как будто в эту жизнь вхожу впервые.
И вижу я в чудесном полусне
Лучистой юности сиянье, —
Сиделка наклоняется ко мне,
И нежно рук ее касанье.

Фатых Карим

ЖДУ ТЕБЯ

1

Веет ветер, нежно глядя травы.
У большой сосны тебя я жду.
Сразу все цветы запахнут сладко,
Коль взмахнешь ты шалью на ходу.

На твою тропинку луч бросая,
В звездном море плавает луна.
Может быть, в последний раз со мною
Ты сегодня встретиться должна.

Где же ты, — мои глаза не видят,
Взор мой тщетно ищет средь ветвей,
И сосна мне ничего не скажет,
Хоть тебя увидеть легче ей...

Только жаворонок — утешитель,
Мнится, про твою поет красу.
Стань такой же птичкой-невеличкой,
И тебя с собой я унесу.

Помни, это наш последний вечер, —
Лишь блеснет восхода первый луч,
Я уйду туда, где снеговые
Горы громоздятся выше туч.

И пройдя сквозь облака, на горы
Вместе мы, любимая, взойдем,
И с тобой, хранимой в моем сердце,
Будем на посту стоять вдвоем.

2

Что ни говори, а расстаемся,
Ты останешься, а я уйду.
Чтоб, страны покой оберегая,
На почетном гордо стать посту.

Я скажу: волна большая может
Дальний берег хоть на миг обнять, —
Так меня, отчизны часового,
Будешь ты, тоскуя, вспоминать.

3

Веет ветер, нежно глядя травы,
У большой сосны тебя я жду...
Сразу все цветы запахнут сладко,
Коль взмахнешь ты шалью на ходу.

Вот сосна, тебя увидев, шепчет,
Шепчет, ветвью шевеля: «Она!»
Может быть, в последний раз со мною
Ты сегодня встретиться должна.

Приходи и песню спой, родная,
Голову склонив к моей груди,
Эта песня на поля победы
Пусть проложит ясные пути.

ДВА ДРУГА

Песня

В лунный вечер вздумал друга
Я на лодке покатать.
Лунный вечер — ключ от сердца,
Можно тайны все узнать.

У дружочка есть зазноба,
Но и я, увы, влюблен.
Друг поведал о подруге,
О моей услышал он.

Друг сказал: «С цветком рассветным
Схожа милая красой».
Может ли его подруга
Быть милей прекрасной той?

Ни с одним цветком известным
Он мою бы не сравнил,
Ночи бы не спал, тоскуя,
Если бы мою любил.

Произнес подруги имя,
Глядя на луну, мой друг,
И меня прошибло потом,
Все слова застыли вдруг.

Да, в одну красотку оба
Мы влюбились на беду,
В лучшего из садоводов...
Я покоя не найду!

Если на счастливца взглянет,
То другой горит огнем...
Долгожданного решенья
Оба с нетерпеньем ждем.

МОТЫЛЕК

(Аде)

Забот у доченьки немало:
В саду привольно бегать ей,
С сачком гонясь за мотыльками
Среди цветов, в тени ветвей.

Вот мотылек слетел на розу,
Но он не погрузился в сон.
Хоть плачь, его ты не поймаешь, —
Затрепетав, умчится он.

За мотыльком, дитя, не бегай, —
Пускай порхает над листвой,
Пускай тебе на кудри сядет,
Как самый лучший бантик твой.

О мотыльке, грустя, ты вспомнишь,
Когда пора дождей придет,
Когда прекрасная, как зори,
Внезапно юность отцветет.

* * *

Говорят, павлин всех птиц прекрасней.
Ну, а ласточка — краса небес? —
Все цветы по-своему прелестны,
Каждый кустик украшает лес.

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Качаемый яростно бурей, разбит
Корабль на морском берегу,
А я — часовой — на прибрежной скале
Богатства страны стерегу.

И море, что бешено бьется у ног,
И туч грозовую грядку,
Большие дома среди туманных низин
В огромном цветущем саду.

Дорогу, что, сталью сверкая, ушла
Сквозь горы в бескрайнюю даль,
Свободу людских благородных сердец
И песен восторг и печаль.

Все то, что мы с детства привыкли любить,
Крик птицы и шелест листвы, —
Враг дерзостно нынче грозитя отнять...
Не склоним пред ним головы!

Я должен стоять на вершине крутой
И на море зорко глядеть,
Следя, как огромную гонит волну
Ветров бесноватая плеть.

И вот неожиданно горный орел,
Который над тучей летел,
Раскинув над миром два мощных крыла,
На камне у берега сел.

Он взором властителя смотрит вокруг,
Спокоен, бесстрашен и сед,
И виден в суровых орлиных очах
Сверкающий молнии след.

Орел и стихия! Взлетают, шипя,
На скалы волна за волной.
Как грозно моя закипевшая кровь
Клокочет в груди молодой!

И вдруг задрожала скала, чтоб меня,
Подбросив, взметнуть к облакам.
Кипит моя кровь, и хочу я парить
Над тучей, подобно орлам.

От вас я не скрою заветной мечты,
Родившейся в буре войны:
Я верю, что молнию руки мои
Схватить дерзновенно должны.

Тогда бы взмахнул я двуострым клинком,
Себя не жалея в борьбе.
Страна, я под знаменем вырос твоим,
Навеки я верен тебе.

Ведь клятвенно Родине я обещал
Просторы ее охранять,
Чтоб вражий не смел ни один самолет
Над нашей отчизной летать.

ПРОЩАНИЕ

Под легким ветром белая береза
Над Волгою колышется одна.
У озера в кувшинках золотистых
Песнь лебедя прощальная слышна.

Прохладна тень березы одинокой...
Ты, нежная моя, со мною там.
Все, что хочу сказать я на прощанье,
Ты угадаешь по моим глазам.

В твоих зрачках я, дважды отраженный,
Стою под стройным белым деревцом...
Остаться б в них, чтоб милая, тоскуя,
Меня встречала в зеркале своем!

Мы расстаемся, завтра я уеду,
Чтоб грудью защищать родимый край,
Не забывай меня, моя голубка,
И в грустных песнях чаще поминай.

Дай мне поцеловать твой рот румяный,
Пусть жар любви останется на нем,
Пусть он потом горит воспоминаньем
В печальном одиночестве твоём.

Иди ко мне, — тебя в объятьях скрою,
Забудь свою застенчивость, молю.
Ты — юности моей мечта живая,
В цветах любовь ты сохранишь мою.

Мечта, мечта! —
Она несет, как крылья,
Вперед, вперед,
Над времени чертой,

Лишь в ней любовь
К большой и трудной жизни
С ее многообразной красотой.

Как лик луны на небе предзакатном
Едва заметен рядом с ярким днем,
Так человек, мечтой не вдохновленный,
Уныл и вял в бессилии своем.

У озера в кувшинках золотистых
Песнь лебедя прощальная слышна,
Под легким ветром белая береза
Над Волгою колышется одна.

А вы, листы зеленые березы,
Нам с вами жить недолгие года.
Вы осенью осыплетесь. Споем же
Песнь, что любовь прославит навсегда.

Так вместе мы теперь любовь прославим,
Как никогда никто не прославлял,
Пускай же нас, баюкая, уносит
Широкий и свободный волжский вал.

Коль было б озеро любви на свете,
Я в нем бы плавал, дивной страстью пьян...
Нет, нет, не надо. То, что существует,
Шумит в моей душе, как океан.

* * *

Прошла ты мимо, равнодушна
К лучам растущих чувств моих.
И глядя, как тускнеют звезды,
Со мною сравнивала их.

Мерцает свет звезды последней
На небе бледном и пустом...
Звезда погасла, но сияет
Диск солнечный на месте том.

Габдулла Тукай

ОСЕНЬ

Друзья, уже осень к нам в гости пришла,
Придет и зима, пышной шубой бела.

Уж начали птицы от нас улетать,
Чтоб в дальних и теплых краях зимовать.

Леса уже стали желты, как шафран,
Не видно в полях ни снопов, ни крестьян.

Как темя татарина, голы поля,
Голодных пернатых не кормит земля.

Лишь юная озимь покрыла простор,
Сверкает она, как зеленый ковер.

И солнце нещедро дарует свой свет —
Все реже и реже, — и вот его нет.

И ветру покорна пустынная ширь, —
Он дует навстречу, упруг, как пузырь.

О, скучное время — осенние дни,
Могилы цветущего сада они.

Кладбищенский вид! Я брожу по полям:
Повсюду зиянье затопленных ям.

Хочу я полгода не жить на земле,
Хочу я растаять, как масло в тепле.

О, если сейчас я усну, а траву
Весною увижу опять наяву,

Я буду гораздо счастливей тогда,
Чем шахи и ханы, чем все господа.

Когда же, скажи мне, мой бедный народ,
Весна твоя, день твой цветущий придет?

Тогда ли, когда я умру и потом,
Быть может, воскресну, но в мире ином?!

ПАРА ЛОШАДЕЙ

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь.
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.

Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрема мне глаза смыкает, сны витают в тишине.

Вдруг, открыв глаза, я вижу незнакомые поля, —
Что разлукою зовется, то впервые вижу я.

Край родной, не будь в обиде, край любимый, о, прости,
Место, где я жил надеждой людям пользу принести!

О, прощай, родимый город, город детства моего!
Милый дом во мгле растаял — словно не было его.

Скучно мне, тоскует сердце, горько думать о своем.
Нет друзей моих со мною, я и дума — мы вдвоем.

Как на грех еще и кучер призадумался, притих,
Ни красавиц он не славит, ни колечек золотых.

Мне недостает чего-то, иль я что-то потерял?
Всем богат я, нет лишь близких, сиротой я нынче стал.

Здесь чужие все: кто эти Мингали и Бикмулла,
Биктимир? Кому известны их поступки и дела?

Я с родными разлучился, жить несносно стало мне,
И по милым я скучаю, как по солнцу, по луне.

И от этих дум тяжелых головою я поник,
И неволью слезы льются — горя горького родник.

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
«Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!»

Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
«Ну, айда, быстрее, кучер! Догоняй своих коней!»

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань.
О Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливица ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной судьбе,
Заказанье, видишь, снова возвратился я к тебе.

Эти земли луговые, чувства издали маня,
Память мучая, вернули на родной простор меня.

Пусть несчастным сиротою вырос в этом я краю,
Пусть томили униженья юность горькую мою, —

Времена те миновали, птицей улетели прочь,
Дни былые вспоминаю, как с дурными снами ночь.

Хоть твои хлестали волны, челн мой не пошел на дно,
Хоть твое палило пламя, не сожгло меня оно,

И поэтому я понял, край мой, истину одну,
Что душа равно примет и огонь твой, и волну.

Я постиг, что все священо: и овин твой и ручей,
И гумно твое, и степи, и дороги средь полей.

И весна твоя, и осень, лето знойное, зима,
Белые чулки, да лапти, да онучи, да сума.

И овчарки и бараны — вся родная сторона.
Любо мне и то, что плохо, даже то, чем ты бедна.

НАДЕЖДА

О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!
Совесь мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!

Сбил я с дороги верной — протяни мне, солнце, нить!
Вкруг меня бушует пламя. Как его мне погасить?

Пропасть гибели ужасна — все во мне разорено.
Пусть же мысль веревку бросит злополучному на дно.

Мой светильник несравненный, драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной, если ты не дашь луча?!

Дни прекрасные рождая, лей свое сиянье ты!
Пусть в саду моем пылают счастья алые цветы.

Я сейчас во тьме блуждаю, пусть растает сумрак злой.
Пью не воду — яд глотаю, ем не хлеб, а прах земной.

Как слепой иду, и вязнут ноги — тяжело мне бродить
И лягушку вместо птицы неудачливо ловить.

Тьма сплошная. Я не вижу, где восход и где закат.
Я с врагом дружу, а друга, как врага, ударить рад.

Чтоб ко мне душа вернулась, освети мои пути!
Помоги мне, о светило, след потерянный найти!

Не зашло мое светило, верю в ясные года,
И моя проснется совесть, не уснула навсегда.

Нет, душа не будет низкой, высота — ее удел,
Знайите все: орел могучий на овин случайно сел!

КОЛЕБАНИЯ И СОМНЕНИЯ

Чуть я шорох где заслышу, страх мне сердце обожжет,
Все мне думается, совесть упрекнуть меня идет.

Ни с утра не вижу дела, ни в вечерней тишине,
С указаньем, что мне делать, лишь злой дух идет ко мне.

Что свершил на этом свете? Право, не на что взглянуть!
Только ясно мне, что где-то мимо — настоящий путь.

В песне есть ли толк народу, не пойму я никогда.
Кто? Шайтан иль ангел света с песнями идет сюда?

А профессию поэта, видно, мне дано узнать:
Что ни год — то новый сборник у меня идет в печать.

Все несносно мне, и в сердце ощущаю ада зной.
Лишь когда стихи слагаю, райский страж идет за мной.

Стихотворная страница лучше всех блаженных снов,
Сад она, откуда слышен райской девы нежный зов.

Но, когда стихи печатать наступает грозный час,
Я свое поставить имя не желаю напоказ.

Напечатанное видя, недоволен я собой,
Все, что в них несовершенно, вечно злой идет гурьбой.

Иногда я на любое счастье надежды рву,
И тогда звезда восходит — та, что счастьем я зову.

В небесах моих сверкая, исцеляет злой недуг,
Как подруга молодая, словно самый близкий друг.

РАЗБИТАЯ НАДЕЖДА

Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал.
Где ты, жизни половина? Юности цветок увял.

Если я теперь на небо жизни горестной смотрю,
Я уж месяца не вижу, светит полная луна.

И с каким бы я порывом ни водил пером теперь,
Искры страсти не сверкают и душа не зажжена.

Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал.
Гасну я, и ты стареешь... Как расстаться мне с тобой?

В клетке мира было тесно птице сердца моего;
Создал бог ее веселой, но мирской тщете чужой.

Сколько я ни тосковал бы в рощах родины моей,
Все деревья там увяли, жизни в них нельзя вдохнуть,

И ее, мою подругу, холод смерти погубил,
Ту, которая улыбкой освещала жизни путь.

Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?

С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
Сына твоего от двери каждой яростно гнала.

Всех сердец теплей и мягче надмогильный камень твой.
Самой сладостной и горькой омочу его слезой.

В САДУ ЗНАНИЙ

В цветнике науки, братья, не пора ли нам гулять,
Чтоб людей и даже духов нашим счастьем удивлять?!

Чтоб народа светлый разум до восьмого неба мог
Вознестись и нас навеки осчастливил грозный бог?!

Будем каяться, татары! Долгий сон прервется пусть.
Мы должны вступить, о братья, на прогресса мудрый путь.

В список диких и отсталых пусть никто нас не внесет,
Мы в порыве благородном будем двигаться вперед.

Есть у нас права, о братья, так скорей докажем их!
Только доводами можно в этом убедить других.

Пусть поверят все народы в то, что есть булгар земля,
Пусть от зависти бледнеют, наши доблести хваля!

Мы, усилъя умножая, будем книги выпускать,
Побеждая светлой силой темноты слепую рать.

Пусть растут труды науки с каждым днем — во много раз,
Пусть на ниве просвещенья увенчает слава нас!

Чтение газет полезно — это знают все давно,
Так давайте жить как люди — и достойно и умно!

Только знанья правят миром, им не правят дети тьмы.
Прочь, невежество и спячка! Пробуждаемся и мы.

Вас, друзья, благословляю, дети века своего,
Века знания питомцы и хозяева его.

Наши юные герои за перо взялись уже,
И следов бывшего горя не найти в моей душе.

О ПЕРО!

О перо! Пусть горе сгинет, светом радости свети!
Помоги, пойдём с тобою мы по верному пути!

Нас, в невежестве погрязших, нас, лентяев с давних пор,
Поведи к разумной цели — тяжёк долгий наш позор!

Ты возвысило Европу до небесной высоты,
Отчего же нас, злосчастных, уронило низко ты?

Неужели быть такими мы навек обречены
И в постылом униженьи жизнь свою влачить должны?

Призови народ к ученью, пусть лучи твои горят!
Объясни глупцам, как вреден беспросветья чёрный яд!

Сделай так, чтобы считали черным черное у нас!
Чтобы белое признали только белым — без прикрас!

Презирай обиды глупых, презирай проклятья их!
Думай о народном благе, думай о друзьях своих!

Слава наших дней грядущих, о перо, — подарок твой.
И, удвоив силу зренья, мы вперед пойдем с тобой.

Пусть не длятся наши годы в царстве косности и тьмы!
Пусть из мрака преисподней в царство света выйдем мы!

Всех краев магометане охают из года в год, —
О, за что судьбою черной был наказан наш народ?

О перо, опорой нашей и величьем нашим будь!
Пусть исчезнет безвозвратно нищеты и горя путь!

В ШКОЛЕ

Лес и поле оголила осень жесткою рукой
И уже зима выходит в белой шубе меховой.

Хлеб убрали, стало тихо и пустынно на полях,
Птицы южные вернулись зимовать в родных краях.

Стало тихо и в деревне, словно скука бродит там,
Звуки летние исчезли. Где ж веселый шум и гам?

Вся природа подурнела и на время умерла,
Только в школе оживленье, только школа весела.

В школе вслух читают дети. Будь прилежна, детвора!
Вас к учению вернула вновь осенняя пора!

ЛЕТОМ

Жарко. Душно. Зной мертвящий. Мочи нет. Нельзя терпеть.
Воздух замер, и деревья перестали шелестеть.

Всюду засуха. Мелеют воды речек и озер.
Чахнут все цветы и травы, полевой завял ковер.

Под листвою порыжелой дети спрячутся в тени,
Там прохлады не находят — в пруд бросаются они.

Словно рыбки, там ныряют дети с самого утра,
Только вечером на берег вылезает детвора.

Вдруг лица едва коснулись словно легкие шелка —
Благодатная прохлада, дуновенье ветерка.

Там за ближним лесом небо блещет молнийным огнем,
Приближаются раскаты, все слышней рокочет гром.

СЛОВО К ЗИМЕ

(По А. Майкову)

Сгинь, мороз белобородый! Видишь, прямо с горки той
Катится весна-царица к нам в карете золотой!

Торопись исчезнуть, старый, убегай же поскорей,
Не видать тебе пощады от владычицы полей.

У царицы нет оружия, но зато ее полки
Бесконечны и летучи — пестрокрылы-мотыльки!

УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Павел Усенко

* * *

Я обойму и обовью
Любовью сердца, сердца пылом
Отчизну-мать мою, мою,
Что на руках меня носила.

И колыхала с той поры
Далекой-давней, как сдается,
Когда, казалось, все миры —
Там, где родимой сердце бьется.

Любовью нежной обойму,
Сыновней лаской после боя,
Рукою-веткой обниму,
Веселой песнею-весною,

Что в сердце выпестовал я,
Что расцвела во мне, как счастье,
Всей гаммой красок бытия,
Не поглощенных тьмой ненастья.

Над нивою в родном краю
Пылает солнце, ходят тучи,
И где-то эхом гул могучий...
Я обойму и обовью

Отчизну-мать, мою, мою,
 Что так торжественно и строго
 Вела до школьного порога,
 Отдавши душу мне свою.

О жар нетленный Комсомола,
 Тобою выношенный жар,
 Что под грозою в смертном поле
 В час битвы выдержал удар.

Гори, пылай огнями горна,
 Ты сердцем мастера пылай!
 И озари трудом упорным
 Благословенный отчий край!

Отдай души богатство нивам,
 Лесам, озерам и садам,
 И книгам — все свои порывы,
 И прорастающим дубам.

На том просторе величавом,
 И нашим рудам, их огням,
 И вновь построенным мостам —
 Да будет честь твоим рукам,
 Творца да увенчает слава!

Мне ни сегодня, ни в веках —
 И малой славы,
 нет, не надо, —

Цвела бы ты, моя отрада,
 Отчизна в зоревых венках.

Ей всю любовь я отдаю,
 Как нас учил
 и учит Сталин.

Я обойму и обовью
 Любовью сердца неустанной...

* * *

О вековая чаровница,
 Что всю природу молодит,
 Весна моя, не ты ли — птица,
 Что с юга дальнего летит?

И юности суровой годы,
 Что не вернутся... Ну так что ж!
 Отрадой дышит вся природа,
 И вновь шумит весенний дождь,

И прелесть первого цветенья
 На яблоневых островах,
 И вспышки первого влюбленья
 Вновь в очарованных очах.

И те тревожные стремленья,
 Что испытал из нас любой, —
 Их будущие поколения
 В простор полей возьмут с собой.

И что с того,
 что в сердце лето...
 И сладсть и горечь я познал!
 Во мне живет извечно эта
 Природы молодость — весна!

УТРО

Беянка светлокоса —
 Бубенчики звенят! —
 Поутру в травы-росы
 Гнала своих козлят.

Белянка светлокоса,
Пастушка с посошком —
Из нашего колхоза,
Где все дружны с трудом!

Белянка белолица
С околицы села
Певала пташкам-птицам,
К себе их всех звала.

Белянку узнавали —
Кружился птичий звон,
И ей они певали
Про синий небосклон.

Белянка белолица
Там козочек пасла.
Годится ль, не годится —
А с книжечкою шла.

И козочкам читала,
Гоня на водопой,
И ласточкам певала
Слова из книжки той.

Белянка светлокоса —
Бубенчики звенят!..
И потоптали росы
Копытца тех козлят.

И потоптали росы
На тихом берегу...
— Я жду, вот будет осень,
И в школу побегу.

А вас оставляю в поле
Одних на этот раз,
Но верьте, что и в школе
Я буду помнить вас.

У ОТРЫВНОГО КАЛЕНДАРЯ

Листочек за листочком,
Летят и мрут они —
Будильник мотылечком
Отстукивает дни...

Товарищ, неизменно
Наш мощный молот бьет —
Былого рушит стены,
Столетия кует.

Удары за ударом
Наперекор врагу,
И жизнь идет недаром,
Ее девиз: могу!

Тьму солнце побеждает,
И тем живет земля, —
На башнях свет блистает,
Куранты бьют Кремля.

ДВЕ СИЛЫ

Две силы на нашей планете
Вступили друг с другом в борьбу:
Одна возвещает о свете
И волю приносит рабу,

Другая — недобрая сила,
Везде паутину плетет,
Мрачна и темна, как могила,
И к гибели страшной ведет.

Той силою вольность убита,
Девиз ее: прибыль и гнет,
В кровавых стенах Уолл-стрита
Всемирное лихо живет...

Но в яркой борьбе одолеет
Не черная сила, а та,
Что света дневного светлее,
Что правдой своею чиста,

Что людям пути открывает,
Под солнцем свободы — вперед,
Что смелых в походы сзывает
И к цели священной ведет...

Что славит содружества узы
И сердцем всегда молода,
Что с песней скликает в союзы
Под алые стяги труда,

Что каждому слышится в слове
Сквозь все языки и слова,
В том слове, что родственно славе,
В звучании нежном Москва.

ГВОЗДИКИ
(Осень 1943)

Гвоздика румяною медью блестит,
У каждого рдея порога.
Дорога, дорога, дорога бежит,
Пылит и змеится дорога.

Направо равняйся! По четверо в ряд!
 На западе стали туманы...
 Приветным салютом гвоздики горят
 И громом гремят барабаны.

На, юноша милый, подарочек мой...
 Цветок на лафете блистает,
 Подольского солнца живительный зной
 Солдата от смерти спасает.

И радостный гомон и радостный крик,
 И в дали уносятся реки,
 Пусть будут цветы украинских гвоздик,
 Как память солдату навеки.

И пламенем сердца пылает цветок,
 У каждого рдея порога,
 И медью сверкает гвоздики поток,
 И падает солнцем под ноги.

О МОЕМ ОРУЖЬЕ

Я хочу, чтоб песнь о верном
 прозвучала, —
 Ты ж меня во всех походах
 выручало.

Выручало на дороге
 возле хаты,
 В темной роще и за речкой —
 как всегда, ты.

Выручало и спасало
 и в тумане,
 И в тумане на рассвете,
 на Тамани.

На краю села родного,
 под калиной.
Сердце вздрогнуло при встрече
 с Украиной.

Все тебе, мое оружие,
 ныне мысли...
Отвело шальную пулю
 и на Висле.

И на Висле, и на Майне,
 на чужбине,
На крутом валу немецком
 под Берлином.

Я хочу, чтоб песнь о верном
 прозвучала,
Чтоб его повсюду слава
 величала.

Иван Франко

УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ

Лирическая драма

ПЕРВАЯ ГОРСТЬ

(1886—1893)

I

На смену тоске отупенья
Вновь песен плеснула волна,
Как будто из пепла восстала
Блестящих огней пелена.

Что раньше казалось покоем,
То пепел минувшего был;
Под ним животворная искра
Любви сохранила свой пыл.

Она еще тлела, искрилась,
Под пеплом томилась в тиши;
Но ветер повеял и пепел развеял —
Попробуй теперь потуши!

Так нет же! Тушить я не буду!
Пусть плещет огней пелена!
И сердце пусть бьется, и вольно пусть льется
Бурливая песен волна!

II

Ну что меня влечет к тебе до боли?
Ну чем меня околдовала ты?
Но только мне мелькнул твои черты,
Как сердце жаждет счастья, жаждет воли.

В груди неутоленность. — Далека
Весна с цветами на полях зеленых,
И юная любовная тоска
Сама идет ко мне из недр студеных.

Себя я вижу сильным и свободным,
Как будто из тюрьмы я вышел в сад.
Таким веселым, ясным, благородным,
Каким бывал я много лет назад.

Идя с тобою рядом, я дрожу,
Как перед злою не дрожал судьбою,
В твое лицо с тревогою гляжу,
На землю пасть готов перед тобою.

Когда б ты слово прошептала мне,
Счастливей стал бы я, чем царь могучий,
И сердце дрогнуло бы в глубине,
И из очей поток бы хлынул жгучий.

Но мы едва знакомы, и как знать:
Не надоест ли дружба нам с тобою?
И, может быть, нам суждено судьбою
И порознь жить, и порознь умирать.

Тебя я только изредка встречаю,
У нас с тобой различные пути,
Но до могилы — я наверно знаю —
Мне образ твой придется донести.

III

Не боюсь я ни Бога, ни беса,
Я свободной душою владею;
Не боюсь я и волка из леса,
Хоть стрелять из ружья не умею.

Не боюсь венценосных тиранов
Их несчетных полков и орудий,
Сплетен я не боюсь и капканов,
Что мне ставят коварные люди.

Даже гнев твой — моей черноокой —
Ни минуты меня не пугает, —
Заливает он пурпуром щеки,
В милом взоре приметно сверкает.

Но когда на лицо твое чудное
Грусть наляжет жестоко и грубо,
И дрожание нервное, трудное
Вдруг сомкнет побелевшие губы,

И укоры умолкнут в гортани,
И опустятся руки в тревоге,
И в глазах твоих, полных отчаянья,
Будет только мольба о подмоге, —

Страх мне сердце сжимает до дрожи,
Как клещами, холодный, унылый.
Боль без слов меня больше тревожит,
Чем все громы и злобные силы.

IV

За что, красавица, я так тебя люблю,
Что сердце все стучит — мне самому на диво,
Когда поодаль ты проходишь горделиво?
За что горюю я, и мучусь, и терплю?

За твой ли гордый вид иль за красу твою,
Иль тайное, в очах таимое стыдливо
И шепчущее мне: «Души живой, правдивой
И в тесной пелене блистанье я ловлю?»

Порою чудится, что та душа живая
Стремится вырваться — глубокая печаль
Нечаянно тогда лицо твое скрывает.

Мне для тебя в тот миг всего себя не жаль;
Но вдруг в твоих глазах насмешка, гордость, глум,
Я молча отхожу, и мой мутится ум.

V

Повстречались мы с тобою,
Только несколько минут
Говорили, рядом стоя,
Словно вдруг случайно двое
Земляков сошлись тут.

Что-то я спросил такое,
Мне не нужное вполне,
Про идеи, но пустое,
И не то, совсем другое,
Что сказать хотелось мне.

Рассудительно ты, пани,
И свободно речь вела.
Мы расстались как в тумане,
Только ты мне на прощанье
И руки не подала.

Ты кивнула, кончив дело,
И пошла к себе домой.
Я стоял остолбенелый,
И бессильный и несмелый
Взгляд мой крался за тобой.

Я ведь знал — в минуте этой
Рай скрывался мой тогда;
Два-три слова, но согреты
Обаянием привета,
Все решили б навсегда.

Проиграл! Своей рукою!..
Не поставить ставку вновь...
Что в душе щемит такое?
Это пьяная тоскою,
Безнадежная любовь.

VI

Ты, только ты — моя единая любовь,
 Но не дано тобой мне в жизни насладиться;
 Ты темный тот порыв, что отравляет кровь,
 Вздыхает грудь мою — и не осуществится.

Ты тот напев, что мне в час вдохновенья снится,
 Но для него, увы, не нахожу я слов;
 Ты славный подвиг мой, и я к нему готов,
 Когда бы веру мне да мощную десницу!

Как сгубленную страсть, угасшие желанья,
 Не спетый мной напев, геройские дерзанья,
 Как все высокое, что я в душе таю,

Как пламя, что меня и греет и сжигает,
 Как смерть, что погубив, от мук освобождает, —
 Вот так, красавица, и я тебя люблю.

VII

Эти очи — словно море,
 Волн сиянье голубых.
 И мое бывшее горе,
 Как пылинка, тает в них.
 Эти очи — как криница.
 Перламутр блестит на дне,
 А надежда, как зарница,
 Сквозь ресницы блещет мне.

VIII. «НЕ НАДЕЙСЯ НИ НА ЧТО»

Как ты могла сказать мне так спокойно,
 Так твердо, ровно? Как не задрожал
 Твой голос, сердце как не заглушило
 Тревожными ударами своими
 Слов страшных: «Не надейся ни на что!»

Как? Не надейся? Разве ты не знаешь,
Что те слова — тягчайшая вина:
Убийство сердца, духа, помышлений
Живых и не рожденных? Неужели
В тебе тогда не содрогнулась совесть?

Как? Нет надежды мне? О, мать-земля!
Ты, ясный свет! Ты, темнота ночная!
Светила, люди! Все зачем теперь?
О, почему же я не прах бездушный,
О, почему не лед и не вода?

Тогда бы не был ад в моей груди,
В моем мозгу не просверлил бы нор
Червяк несытый и живая кровь
В горячке лютой вечно бы не пела
Слов страшных: «Не надейся ни на что!»

Нет, нет, не верю. Все, о, все — обман!
Воды животворящей в мой напиток
Ты долила и в шутку мне сказала,
Что это яд. За что же станешь ты
И душу убивать мою и тело?

Нет, нет, не верю! В тот же миг, когда
Твои уста меня убить грозили,
Ты побледнела, очи опустила
И вдруг затрепетала, как мимоза...
Все говорило мне: «Не верь, не верь!»

Ты, добрая моя, — ты не обманешь
Меня теперь личиной горделивой,
Тебя я понял. Ты добра, мила.
Лишь бури света, горечь неудачи
Заволокли тебя таким туманом.

И в сердце вновь я ощущаю силу
Рассеять тот туман горячим чувством
И жаром мысли вновь соединить
Тебя и жизнь, и я в ответ тебе
Кричу: «Надейся и крепись в борьбе!»

IX

Ни на что я не надеюсь,
Ничего я не желаю.
Что же я живу и мучусь,
А не умираю.

Если на тебя гляжу я,
Глаз никак я не закрою,
И люблю тебя, и где я
Сердце скрою?

Солнца блеск в твоей улыбке
На листе берез сияет
И со щек моих румянец
Мигом прогоняет.

Ни на что я не надеюсь,
Но кипят мечты земные:
Жаждем жизни, а не смерти
Мы, живые.

Мы идем поодиночке,
Кто куда судьбой назначен.
Повстречаемся — прекрасно.
Если ж нет — так кто заплачет?

X

Бескрайнее поле, где снег пеленою,
О дай мне простора и воли!
Один я средь снега, лишь конь подо мною,
А сердце трепещет от боли.

Неси ж меня, конь мой, по чистому полю,
Как ветер, что тут же гуляет,
Быть может, уйду я от гибельной боли,
Что сердце мое разрывает.

XI

Ты на улице при встрече
Хочешь в сторону свернуть.
Ты права, ведь нам с тобою
Не сужден единый путь.

Ты — направо, я — налево,
Путь проходим мы в тумане,
И не встретимся мы в жизни,
Как две капли в океане.

А в дороге, встретив горе,
Что тебе несет удар,
На себя его направлю
И приму мученье в дар.

Если ж вдруг случайно счастье
В мой заглянет уголок,
Я к тебе его отправлю,
Пусть летит, как голубок.

Без тебя мне даже счастье —
Только призрак, звук пустой.
Без тебя и злое горе
Потеряло облик свой.

Словно капля в океане,
Растекусь и утону,
Ты играй на солнце, пани,
Я — один пойду ко дну.

XII

Зря смеешься, девочка,
В гордости своей!
Может быть, в осмеянном
Смысл судьбы твоей.

Может быть, в униженном
Счастья клад сокрыт,
Может быть, в отвергнутом
Свет любви горит.

И, как знать, — не вспомнишь ли
После, как укор,
И свой смех серебряный,
И жестокий взор?

XIII

Преступник я. Чтоб заглушить
Неслыханную муку
И чистый образ твой убить,
Я злобно поднял руку.

Хватал я уличную грязь,
Каменья площадные,
Чтоб кинуть в чистый образ твой,
В глаза твои святые.

Я, как безумный, бунтовал,
Задавлен злыми снами,
Хоть знал: свое я сердце рву
Злодейскими руками.

Но после был я, ангел мой,
Всех и грязней, и хуже,
А образ твой сиял в душе,
Как солнышко над лужей.

XIV

Судьба — стена меж нами. Как волнами
Разносит океанские суда,
Так мечемся и мы меж берегами,
Мой ясный свет, жестокая звезда!

Еще вдали тебя мой ловит взор,
Твой свежий след я мысленно лобзаю
И воздухом тем душу очищаю,
Что с уст твоих перелетел в простор.

Но ты исчезла. Нет в лесу дороги,
Куда идти мне с ужасом моим?
Померкли мысли, и не держат ноги,
А в сердце холод... Дым, повсюду дым.

XV

Нередко мне является во сне
 Твой образ, милая, такой желанный,
 Каким сиял он только в той весне,
 В тот лучший миг любви обетованной.

Он надо мной склоняется, и мне
 Вдруг виден призрак страшный и туманный.
 Смотрю в глаза и вижу в глубине
 Мой давний жар, волнующий и странный.

И призрак мне кладет на сердце руку
 Холодную, как скользкая змея,
 Как бы смиряя в сердце злую муку.

Не опуская глаз, на призрак я
 Гляжу. Он клонится без слов, без звука,
 Подмигивает: «Спи! Я смерть твоя!»

XVI

ПОХОРОНЫ ПАНИ А.Г.

Под крышкой металлического гроба
 Проклятая навеки опочила,
 Та, чья когда-то глупость или злоба
 Нас разлучила.

Смотрел я, как ее заколотили,
 Как тесный гроб был обручами схвачен,
 Как в склеп поставив, камнем привалили.
 Навеки, значит.

А ты склонилась в траурной вуали,
 В прощании участвуя слезами,
 Но чувства в глубине твоей молчали
 О той, что в яме.

Хоть было жарко, я стоял холодный,
Так близко от тебя в немом волнении.
Бил, словно вихрь, в мое воображенье
Рассказ народный.

«Тот, кто убил и не набрался силы
Смертельную принять за грех свой муку,
По смерти из разверзшейся могилы
Протянет руку».

По бледности твоей, слезинкам редким,
Твоим глазам, что в грусть замкнулись оба,
Хотел понять я: может быть, простерлась
Рука из гроба?..

XVII

Никогда тебя не клял я,
Хоть тоска была сверх сил.
И насмешки, и обиды
Молча я переносил.

За тебя боюсь я, зная,
Что любовь — недобрый бог.
Коль один его унизит,
То к обоим он жесток.

И, когда любви несмелой
Ты казнила чистоту,
Разве знала, что казнишь ты
Жизнь мою, мою мечту?

Знала ль ты, что разрушаешь
Счастья собственного храм —
То, чего судьба так мало
Уделять привыкла нам?

Разве знала ты, что вскоре
Только взмах один пером —
Ты не раз заплачешь горько
Над растоптанным добром?

XVIII

Ты плачешь. Частые слезинки
По твоему лицу стекают
И чуть заметные морщинки
На нежной коже оставляют.

Ты плачешь. Ты, что оттолкнула
Мою любовь, разрушив счастье,
Теперь напрасно молишь, ловишь
Хотя бы капельку участия.

Напрасно за собою манишь
Всех несравненной красотой.
Холодный труп любви убитой
Лежит меж ними и тобою.

Уходят дни, ты вянешь горько,
Тебе уже не быть любимой,
Ты только памятник надгробный
Надежды, промелькнувшей мимо.

XIX

На тебя я не в обиде, доля,
Ты, ведя меня, была мне другом.
Чтоб колосьями шумело поле,
Все цветы срезают острым плугом.

Долго плуг скрипит по чернозему,
И цветы разбросанные вянут,
А душа, окутана в истому,
Погружается в немые раны.

Ты идешь за плугом и бросаешь
В черные царапины и раны
Семена надежды и вдыхаешь
Обновленной жизни дух румяный.

XX

ПРИЗРАК

Ночь холодна. За непроглядной далью
Снег падает на город без конца.
Здесь встретишься с могильною печалью.
О, как страшны черты ее лица!

Огни горят, и светлыми кругами
Блестит кровавый отблеск на земле,
И кажутся таинственными снами
Фиакров фонари в туманной мгле.

На тротуарах множество прохожих.
Цилиндры, шубы, туалеты дам,
И рваные лохмотья видны тоже.
Все движется, толпится тут и там.

И я в толпе блуждаю одинокий,
Стараясь убежать от дум своих,
Но неотступны думы и глубоки,
И в сердце я ношу повсюду их.

Я, словно тот, кто тонет и рукою
Хватается за ветки, камыши, —
В чужой толпе, снедаемый тоскою,
В любом лице ищу родной души.

Я вдруг оцепенел... и встрепенулся,
Из онемевшей груди рвался стон,
Бежать хотел, но и не шевельнулся,
Как обухом тяжелым оглушен.

Не обух то. Она передо мною!
И я узнал овал ее лица;
Красивою трягнула головою,
Взглянула на прохожего юнца.

И оглянулась вновь. О, эти очи!
Так глубоки и так черны, как ночь,
На миг блеснули мне во мраке ночи, —
И двое те уже спешили прочь.

А я стоял, как столб, — не слушал звуки,
С толпою колыхался весь в снегу,
Не чувствовал ни холода, ни муки,
Огонь сознания гас в моем мозгу.

«Она!» — из сердца вылетело слово,
Как власть его волшебна и страшна!
Как жернов мельничный, оно готово
На грудь мне лечь, словечко то: «она!»

«Царевнин сон», она, цветок любимый,
Что так была когда-то хороша!..
О, аромат ее неповторимый,
Которым и сейчас пьяна душа!

И мнил я, что она одна такая,
Ей нес все думы, весь сердечный хмель,
Я видел в ней, следы ее лобзая,
И красоту, и милой жизни цель.

Та, что меня одним своим ответом
Могла героем сделать навсегда,
Жизнь озарить неугасимым светом
Надежды и высокого труда,

Та, что в руке от рая ключ держала
И в топь его закинула на дно,
Волшебного мне слова не сказала,
Но, может быть, ее грызет оно.

Не словом, нет, одним холодным взором
Она меня столкнула в ров без дна...
Кто ж там внизу, под грязью и позором,
Кто там, погибший до конца? Она!

Скажи мне, призрак, что за злая доля
Тебя с вершины бросила во тьму?
Кто смел и красоту и пышность поля
Втоптать в болото? Как и почему?

Иль холод, голод и сиротства слезы,
Иль страсть, что сердце бедное рвала,
Склоняя волю, словно буря лозы,
Тебя на торг постыдный привела?

О, погоди! Зову тебя, сгорая;
Могу любовью чудеса творить;
На самом дне найду я ключ от рая;
Сумею рай замкнутый отворить.

Не слышит? С ним исчезла в мраке ночи
И смертной болью взор мой обожгла;
Когда б мои теперь ослепли очи,
Душа моя покой бы обрела.

ЭПИЛОГ

Увядшие листья! умчитесь в туманы,
Развейтесь, легки как дыханье!
Немые печали, открытые раны,
Замерзшие в сердце желанья.

По листьям увядшим не вспомнишь прохлады
Лесной и деревьев высоких.
Кто знает, какие душевные клады
Вложил я в убогие строки.

Те лучшие клады растратив впустую,
Тропою печальной и снежной,
Как нищий с котомкой, один побреду я
Навстречу беде неизбежной.

ВТОРАЯ ГОРСТЬ (1895)

I

Где Сан течет зеленый в Перемышле,
Стоял я на мосту с тяжелой думой,
Я думал о тебе, душа моя,
О счастье том, что словно сонный призрак,
Явилось улыбнуться и исчезло,
Оставив сожаленье по себе.

И повесть мне одна пришла на ум,
Которую я здесь над Саном слышал.
Зима была, замерз зеленый Сан,
И на блестящем ледяном покрове
След от саней крестьянских был заметен.
То воскресенье было. В самый полдень —
Сияло солнце — люди шли из храма,
Искрился снег, вокруг народ толпился,
Над Саном гулко голоса звучали.
Но вот за Саном в оснеженном поле
Вдруг зачернело что-то, колокольчик
Звенит, копыта по земле замерзшей
Стучат, и по утоптанной дороге
Четверка мчится. Упряжь дорогая
Блестит на солнце, и быстрее вихря
Летит карета, и бичом возница,
Как выстрелами, щелкает... А бедный
Народ глядит на это появленье.
Он поражен. Кто мог бы это ехать?
Здесь никогда еще таких упряжек
Не видели. И старики и дети
Глазеют и не могут догадаться,
Кто едет так — откуда и куда.

Но вот четверка, не остановившись,
На лед взлетела. Глухо застонал
Покров хрустальный, звонко застучали
По нем копыта конские, скрипел
Замерзший снег под шинами колес;
Бичом хлестнул возница, и как вихрь
Неслась четверка. Но посередине
Реки, где кроет ледяной покров
Речную глубь, — вдруг что-то захрустело,
Один лишь раз — единственный. Широкий

Круг льда, как бы отмеренный, поддался,
И кучер, и карета в краткий миг,
И что в карете было, — будто сон,
Как призрак, сразу подо льдом... исчезло.
Лишь Сан забулькал, будто дьявол сам,
И облизнулся. Лишь одна волна
Зеленая — прошла по льду неспешно
И вновь ушла в таинственную глубь.
Не стало ни четверки, ни кареты,
И никогда там не узнали люди,
Кто это ехал, путь держал куда.
Никто о них не приходил справляться,
Да и в реке потом никто останков
Не находил. Когда бы лишь один,
А не десятки видели все это,
То видевший, наверно б, не поверил
Своим глазам. И стал бы после думать,
Что то был сон.

Не то же ль и со мною?

Когда бы не года тяжелой муки,
Страданий жгучих, слез и унижений,
Покорности и возмущений буйных
Раздавленного сердца, то я сам,
Припомнив наше первое свиданье
И ясный луч надежды несравненной,
Что мне блеснул, — пошел бы под присягу,
Что то был только сон, легенда Сана.

II

Мне трудно...
Полдневное поле безлюдно,
Для самого тонкого слуха
Все глухо;
И тени людской не видать.

Лишь в травах, как в море волнистом,
 Зеленом, блестяще-цветистом,
 Кузнечикам любо трещать.
 И в зное
 Стремится долиной речною
 К уступам синеющих гор
 Мой взор.
 Летит он все выше и выше,
 Где липы душистые дышат
 И душу ласкает, колышет
 Простор.

Но тише!
 Как сжатое в горле дыханье,
 Как тихое где-то рыданье
 Я слышу.
 Мое ли то горе большое?
 Иль сердце заняло больное?
 Ошибся я, в самом же деле
 Доносится голос свирели.

И вот,
 В ответ на напев, что зовет и влечет,
 Вдруг сердце мое зарыдало
 Без слов.
 И ты, о звезда моя, в памяти встала,
 И, вторя народному ладу,
 Понесся по лугу и саду
 Мой зов.

III

Явор зеленый, явор зеленый,
 Но зеленее ива.
 Так для меня из девушек милых
 Только одна красива.

Алая роза, алая роза,
Других цветов горделивей.
Не вижу розы, не вижу розы,
Лицо ее роз красивей.

Звезды и зори в небесном море
От края до края ночи.
Ясней, чем звезды в ночном просторе,
Блистают черные очи.

Медные звоны неугомонны,
Слух наш в них утопает,
Но ее голос — пшеничный колос —
За сердце нас хватает.

Синее море, грозное море
Бескрайно и бесконечно,
Но от утраты — бескрайней горе
Скорби моей сердечной.

IV

Стройная девушка, меньше орешка,
Что ж в твоём сердце злая насмешка?

Что ж твои губы — словно молитва,
Что ж твои речи — острая бритва?

Нежно сияют глаз твоих чары,
Что зажигают в сердце пожары.

Ах, эти очи, пасмурней ночи,
Тот, кто их видел, солнца не хочет!

Что ж мне улыбка стала страданьем,
Сердце, как в буре, бьется желаньем?

Ясная зорька, что в твоём взоре?
Ты — моя радость, ты — мое горе!

Встречи добившись, пылко люблю я,
Пылко влюбившись, душу сгублю я.

V

Красная калина, что ты долу гнешься,
Что ты долу гнешься?
Света ль ты не любишь, к солнцу не влечешься?
К солнцу не влечешься?

Иль, цветы жалея, ты боишься бури?
Ты боишься бури?
Или ты боишься молнии с лазури?
Молнии с лазури?

— Нет, не жаль цветов мне, не боюсь я молний,
Не боюсь я молний.
Свет люблю безмерно, свет меня наполнил,
Свет меня наполнил.

Мне тянуться к небу силы не хватает,
Силы не хватает.
Красных ягод кисти вниз меня склоняют,
Вниз меня склоняют.

Не тянусь я к небу, словно дуб могучий,
Словно дуб могучий.
На меня он бросил тень свою, как туча,
Бросил тень как туча.

VI

Ах ты, дубок, дубочек кудрявый,
Кто и когда тебя закудрявил?

— Ветви обвили мне гибкие лозы,
Корни подмыли мне частые слезы.

Лист закудрявили темные ночи,
Ранили сердце черные очи.

Черные очи красавицы властной,
Гордые речи ночи ненастной.

Речи те — ветра холодного звуки,
Вечная боль нестерпимой разлуки.

Вот уже сердце и сохнет, и тает,
Вянет моя красота, пропадает.

Сила бывая слабеет и гнется, —
Видно, ко мне и весна не вернется.

Желтые листья лежат на равнине, —
Сам я последую скоро за ними.

Все, что осталось от славы и силы,
Быстро разрежут злоречия пилы.

Злость, затаенная в пилах звенящих,
Все перетопчет, как скот проходящий.

VII

О, печаль моя, горе
Без дна и без края!
Упустил я голубку
И уже не поймаю.

Я ей не дал приманки,
Когда были мы рядом,
И теперь не утешусь
Я ни вздохом, ни взглядом.

Когда были мы рядом,
Я еще колебался,
Я не ждал, чтоб так быстро
Друг мой нежный умчался.

А когда улетела,
То назад не хотела
И с собой захватила
Мою душу из тела.

Все погибли утехи
И надежды бывые,
Так с весною уходят
Все цветы полевые.

VIII

Я не тебя люблю, о нет,
 Душистая лилея,
Не глаз твоих прозрачный свет,
 Что всех других милее.

Не твой звенящий голосок,
 Что прямо в душу льется,
Не поступь легких стройных ног,
 Что в сердце отдается;

Не губы, от которых я
 Не слышу слова ласки,
Не облик, где душа твоя
 Давно видна без маски;

Не стан, что скромностью повит,
Красою безыскусной,
Не весь твой гармоничный вид,
Подобный песне грустной.

Я не тебя люблю, о нет,
Мечту свою люблю я;
Люблю глубокий в сердце бред,
Что сызмала таю я.

Всем, что досель мне жизнь дала,
Я красоту восславил.
Мой дар душевного тепла
В нее я переплавил.

Она мне хлеб, она мне дом,
Она мне песней стала,
И, как полип на дне морском,
Душа к мечте пристала.

И в повседневности и в снах
Мой дух тянулся к милой...
И тут она — о страх, о страх! —
Твой облик мне явила.

Подобно молнии, что вдруг
Мне ослепляет очи,
Что вместе радость и испуг,
Дни превращает в ночи, —

Так был прекрасен образ твой,
Грозя мне тайным жалом;
То смерть стояла предо мной
Под дивным покрывалом.

И я от страха трепетал,
Но пьян был красотою;
Я от тебя дорог искал,
Но был всегда с тобою.

Я, как на спицах Иксион,
Сплетений не разрушу.
Так год за годом бьется стон
И боль сжигает душу.

Лекарств напрасно я искал
Для возрожденья силы.
Кого предатель Сфинкс поймал,
Тот болен до могилы.

О нет, я не тебя люблю,
Свою мечту люблю я.
Я без тебя себя убью,
С тобой — с ума сойду я.

IX

Зачем ты совсем не смеешься?
Не холод ли в сердце твоём?
Не с горя ли сердце застыло
И смех не рождается в нём?

Зачем ты совсем не смеешься?
Быть может, какой-нибудь грех
На совесть налег и сжимает
Задорный и радостный смех?

Неявной печали отметка
Лежит на прекрасном челе.
Улыбка твоя — как под осень
Блистание солнца во мгле.

X

В ВАГОНЕ

Как с испуга, без сознания,
Так земля из-под меня
Убегает, — пихты, ели
И столбы назад гоня.

Словно пестрые полотна
Великанова рука
Тянет вспять — и убегают
Нивы, рощи, сад, река.

Только я стою, и звезды,
Что сияют в вышине,
Аргументом постоянства
И порядка служат мне.

И насмешливо мигают
Звезды с черной высоты:
«Доказательство порядка
В мире — только мы и ты».

XI

Смейтесь звезды надо мною!
Я несчастен, я червяк!
С грустью слабою, больною
Мне не справиться никак.

Я в раздоре сам с собою,
Мыслей собственных боюсь.
Звезды, смейтесь надо мною,
Я безвольный, слабый трус.

От себя бежать за море
Я хочу... Не убегу!
Я — колодник! Я от горя
Оторваться не могу.

XII

Зачем приходишь ты ко мне
Во сне?
И взгляд роняешь сквозь ресницы?
Глаза прекрасные ясны,
Грустны,
Как бы холодная криница.
Зачем привыкла ты молчать?
Какой укор или страданье,
Неисполнимое желанье,
Как пламя, на устах пылает
Лишь миг — во мраке пропадает
Опять?

Зачем приходишь ты ко мне
Во сне?
Как в жизни мной пренебрегла ты,
Как сердце мне надорвала ты,
Лишь песни вызвала одни
Из сердца» и слезам сродни
Они...

На улице, со мною рядом,
Меня ты не окинешь взглядом,
А поклонюсь — так обойдешь
И головою не кивнешь.
Ты такова, прекрасно зная,
Как я люблю и как страдаю,
Как мучусь долгими ночами,
И вот уж годы за годами
Душу я в сердце боль свою
И песен горькую струю.

О нет!
Являйся, милая, ко мне
Хотя б во сне.
Мне в жизни целый век тужить —
Не жить.

Так пусть же сердце, что в тревоге
Как пыльный жемчуг на дороге,
Тускнеет, нету силы в нем, —
Хотя б во сне живет тобою,
Все переполнено мольбою,
Переливается огнем.
И если счастье может длиться,
То чуду должен я молиться,
Чтобы безумным насладиться
Грехом!

XIII

Вьется та тропиночка,
Где она прошла
И из сердца запросто
Счастье унесла.

Вот туда пошла она,
Все гуляючи,
Со своим возлюбленным
Напеваючи.

Словно сумасшедший,
Я бежал за ней.
Обливал слезами я
След среди камней.

Словно утопающий,
Как спасение,
Взглядом я ловил ее
На мгновение.

Как в лесах коралловых
В глубине морской,
Слух ловил мой с жадностью
Жемчуг речи той.

Вот идет тропиночка,
Извивается,
А сердечко бедное
Разрывается.

Залегла на дне его
Мысль всего одна:
Что вот тут загублена
Жизнь моя сполна.

Все, что мне милей всего,
Мной взлелеяно,
Чем душа была жива,
Здесь развеяно!

Чем душа была жива,
Было — минуло...
Ах, чтоб эта тропочка
Вовсе сгнула!

XIV

Знать бы чары лучше, что сгоняют тучи,
Те, что сердце к сердцу накрепко приручат,
Что ломают путы, где сердца замкнуты,
Что лишают яды силы их в минуту.

Если бы покрыла вдруг тебя их сила,
Все бы в твоём сердце искры погасила,
Мысли и желанья лишь одним ударом,
Чтоб одна любовь там вспыхнула пожаром,

Чтоб в одно мгновенье смыла с сердца тленье,
Пожрала тревогу и твои сомненья.
Пусть один мой образ греет, а не ранит...
Пыл воображенья, пыл моих мечтаний!

Если б был я рыцарь, был одет в кольчугу,
Если б был я грозен недругу и другу,
Я б врагов чертоги повергал под ноги,
Что стоят меж нами, не дают дороги.

Я б к тебе пробился через все препоны,
Разметал бы стены и убил дракона,
Я со дна морского добывал бы клады
И к твоим ногам их клал, моя отрада!

Башни крепостные я бы рушил в брани...
Пыл воображенья, пыл моих мечтаний!

Был бы я не дурень, что поет и плачет,
Если он давящей болью сердца схвачен,
Что в грядущем видит перст судьбы народной,
А сегодня бродит, как бедняк голодный,

Что на небе ловит яркие кометы,
А перед любимой не найдет ответа,
Идеалы видит где-то за горами,
А не может счастье ухватить руками.

Опоздал — и плачет, голова в дурмане...
Пыл воображенья, пыл моих мечтаний!

XV

Что счастье жизни? Лжи струя,
Ночное привиденье...
О ты, иллюзия моя,
Любимая изменница!

Ты чаша радости моей
И вся ты страсть живая,
Ты дум обман, ты жизни всей
Ошибка роковая.

Чуть не поймал тебя я в сеть,
Да крылья вдруг опали.
Не смог я за тобой лететь,
Один томлюсь в печали.

С тобою жить? — Так много лжи
Теперь стоит меж нами.
В разлуке жить — весь век тужить
И днями и ночами.

Пускай ты тень, пускай ты мрак,
Видение пустое, —
Зачем же сердце рвется так,
Душа болит и ноет?

Пускай ты юная мечта,
И тень, и обольщенье, —
Мне вся вселенная пуста
В моем отъединеньи.

Как Шлемиль, что утратил тень,
Хожу я, как заклятый,
И не заполнит целый свет
Одной такой утраты.

XVI

Коль не вижу тебя —
Мне минуты, как век, бесконечны;
Коль увижу тебя —
Вновь страдаю от раны сердечной.

Коль не увижу тебя —
Я окутан морозом и мглою;
А увидев тебя —
Опален я горячей смолою.

Чтоб увидеть тебя —
Понесут меня ангелов руки;
А увижу тебя —
Гонят прочь меня адские муки.

Я утратил покой
И с тобой, и в разлуке с тобою!
Я не принят землей
И отвергнут небес синевою.

XVII

Если ночью услышишь ты, что за окном
Кто-то плачет уныло и тяжко,
Не тревожься совсем, не прощайся со сном
И в окно не смотри, моя пташка.

Там не тянется нищей сиротки рука,
Там не стонет бродяга бездомный, —
Это воет отчаянье, плачет тоска,
Это вопли любви неумной.

XXVIII

Хоть не цвести тебе в тиши полян
Душистую кувшинкой золотою,
Хоть ты плывешь с толпою в океан
Обыденности серой и застоя,
Но лик твой вечно будет осиян,
Ты для меня останешься святою,
Как бури не выдавший лепесток,
Как идеал, что ясен и далек.

Тебя я в душу заключу мою,
За свежесть обаянья благодарный;
Твою красу я в песни перелью,

Огонь очей — в напев мой светозарный,
Кораллы уст — в гармонии струю.
Ты золотая мушка, что в янтарный
Хрусталь попала — в нем навеки спит.
Цвети же ты, пока мой стих звенит.

XIX

Как вол в ярме, вот так я, день за днем,
Влачу свой плуг, покуда хватит силы.
В усталости не вспыхну я огнем,
А дотлеваю тихо и уныло.

Расстался я с мечтами молодыми,
Иллюзии колодец пересох,
Мои ответы сделались сухими.
Готова жатва, урожай же плох.

Плох урожай. Я, видно, сеял тут
И мало, и не лучшую пшеницу,
А время нас не ждет! Дожди идут,
И осень тяжкую сулят зарницы.

XX

Сыплет, сыплет, сыплет снег
В сероватости бездонной.
Мириадами летит
Вниз снежинок рой студеный.

Одинаковы, как грусть,
Холодны, как злая доля,
Присыпают всюду жизнь,
Всю красу лугов и поля.

Отупенье, забытье —
Все покрыло пеленою,
Крепко стиснуло, прижав
Даже корни под землею.

Сыплет, сыплет, сыплет снег,
Тяжелее налегает,
Молодой огонь в душе
Меркнет, слабнет, угасает.

ТРЕТЬЯ ГОРСТЬ
(1896)

I

Льдом студеным покрыта,
Не волнуется в речке вода;
Если лампа разбита,
Свет ее не дрожит никогда.

Не услышишь мелодий,
Если сломан на части смычок.
Как же песни выходят
Из-под бремени злобных тревог?

Иль как пресс это горе,
Чтоб из сердца стихи выжимать?
Иль как колокол — песня,
Чтобы горестный плач заглушать?

II

Да, умерла она. Бам-бам! Бам-бам!
Посмертный колокол в душе трезвонит.
Меня сгибает что-то пополам,
И тяжестью к земле холодной клонит.

За горло кто-то душит, и очам
Не видно света. Кто так злобно гонит
Все то, что боль под сердцем заперла?
Сама ли боль? Погибла! Умерла!

А на щеках горит сиянье роз,
Еще уста пылают, как малина...
Но не тревожь покой ушедших грез,
Здесь всех твоих желаний домовина.
Бам-бам! Далече колокол разнес
Про это весть. Рыдай, как сиротина.
Мечты завесу смерть разодрала,
Разбила храм твой! Тише! Умерла!

Как я не обезумел? Где предел?
И как я до сих пор смотрю на это?
И как я это до сих пор терпел,
Не заглянувши в дуло пистолета?
Ведь тут же лучший пламень мой истлел!
Я, став калеккой, не увижу света
Навеки! Сердце нечисть пожрала,
Все источила. Горе! Умерла!

И только боль сжигает сердце там,
Внутри меня, она по венам кружит.
Лишь боль и это страшное «бам-бам»,
И нету слез, и меркнет свет снаружи.
Я одинок! И вот, срываясь, сам
Лечу куда-то вниз, в пустую стужу.
Рыданьем сдавлена гортань моя,
Она ли умерла! Нет, умер я.

III

Мне теперь навеки дела нет
До волнений ваших и забот,
До тревог, волнующих народ,
До идей, что будоражат свет.
Слава и прогресс не для меня.
Умер я.

Для меня весь мир хоть пропади;
Хоть брат брата мучь или убей, —
Нет мне больше жизни впереди,
Нечего теперь искать мне в ней!
Острый нож вонзился в сердце мне,
И замкнул навеки душу я,
Умер я.

Пусть победы светоч вас манит,
Пусть надежда тешит взмахом крыл,
А моя надежда тут лежит,
Я — корабль без мачт и без ветрил.
Я для счастья не имею сил,
Мною жизнь осуждена моя, —
Умер я.

IV

Как тень, я шел порой ночью
В аллее летом, и луна
И звезд росинки надо мною
Горели; неба глубина,
Как будто океан покоя,
Лилась мне в душу. О, как я
Еще вчера любил светила
И синь небесную! Моя
Душа в просторе том парила
И с высоты опять спешила
На те поляны, где цветут
Цветы бессмертья, где плывут
Благословенные напевы!
А ныне — все темно. О, где вы?
Внезапно весь ваш блеск погас,
Я ныне ненавижу вас,
Я ненавижу свет и силу,
И песнь, и прелесть бытия,

Любовь возненавидел я, —
Я жажду только забытья,
Люблю покой, люблю могилу.
В тени дерев ночной порою
Я шел без мысли, словно тень.
То позади, то предо мною
Сновали люди в темноте.
Уста любовников шептали
Любовный вздор. И кто-то пел...
От жгучей боли я немел,
Всех мук перешагнул предел,
Но нет лекарства от печали.
Я шел и знал, что я — могила,
Что в жизнь навек замкнута дверь
И что на дне своем теперь
Душа моя похоронила
Все радости, и все страданья,
И песнь, что не воскреснет вновь, —
Свое безмерное желанье,
Свою последнюю любовь.

V

Два белых окна с кружевной занавеской
Ярчайшей геранью увиты.
Там спальня и кухня, две чистых постели,
И накрепко двери закрыты.

На стенах часы, календарь, фотографий
Пять-шесть на комодке невзрачном,
На круглом столе одинокая лампа
Стоит в абажуре прозрачном.

А в кресле мое драгоценное счастье
Сидит в одиноком раздумье,
И ждет напряженно, и хочет услышать
Шаги чьи-то в уличном шуме.

Да, ждет... не меня, для другого кого-то
 В глазах ее искры мелькают!
 Я, сумраком скрытый, стою за окошком,
 Лишь взглядом приблизившись к раю.

Вот тут мое счастье! Как близко! Как близко!
 И так же далеко навеки...
 И сердце разбито, и высохли слезы,
 Горят воспаленные веки.

Бегу от окна я, сжимая руками
 В отчаяньи лоб раскаленный,
 Как раненый зверь, что скрывается в дебри,
 Чтоб сгннуть в норе потаенной.

VI

Отчаянье! Что я считал
 Святым и даже близким к Богу, —
 Себе червяк бездушный взял
 И пожирает понемногу.

То, что в душе лелеял я
 И мнил на свете самым лучшим, —
 Теперь под властью муравья
 Игрушка: потрепать, помучить.

Он может даже разломать
 И бросить в угол по желанью.
 А я, несчастный, ни рыдать,
 Ни помогать не в состояньи.

Смотрю, как та, что всех нежней,
 В руках жестоких увядает,
 Как этот равнодушный змей
 По моему гуляет раю.

И горло стиснуто мое
Больного бешенства волною,
Я проклиная бытие,
Что надругалось надо мною!

VII

Жить не могу — не погибаю...
Нести не в силах — не бросаю
Тяжелый груз проклятых дней!
Один в толпе хожу унылый
И самому себе постылый...
Удар последний, грянь скорей!

Не жаль ни света, ни природы,
Не жаль утраченные годы,
Не жаль, что даром жизнь прошла.
Пропало все! Ну что ж, пропало!
А что же предо мной предстало?
Лишь бездна, где туман и мгла.

Изверился в хомут и шлеи,
Что я тяну, как вол, на шее
Уж более чем двадцать лет,
Как бедный мальчик, дури полный,
Что хлещет прутиком по волнам;
Ну разве есть на волнах след?

Напрасно биться и стараться,
Надеясь и добиваться —
Пропала сила вся моя!
Повсюду бродят злые тени.
И полное непротивленья
Засело в сердце, как змея.

VIII

Да, я хотел себя убить,
Пустую скорлупу разбить,
Усилим своих же рук.
Найти исход из страшных мук,
Из сети вырваться тугой
Такой ценою дорогой.
Вотще! Всему наперекор
Во мне — трусливый зверь! позор! —
Вопит внутри меня опять
Желание существовать.
Привязанность к пустым углам,
Хоть не жил, прозябал я там,
К труду без цели и мечты,
Что терны дарит, не цветы,
К стране жестокой, что сердца
Высасывает до конца,
Живую веру иссуша,
Льет яд туда же не спеша.

Я знаю все — не стоит жить,
Не стоит жизнью дорожить.
Тебя утративши вполне,
Я знаю, что лекарство мне —
Лишь пуля в лоб. Увы! робка,
Не поднимается рука.

Вся боль, живущая со мной,
Пусть к цели движется одной:
Создать один заряд, как гром,
Собрав свои все силы в нем,
Чтоб, словно колокола звон,
Из уст проклятье вышло вон
Такое, чтобы мерзла кровь,

Сменялась злобою любовь,
 Веселье делалось тоской,
 Ум не пленялся красотой,
 Чтоб алых губ не трогал смех,
 Чтоб сон бежал с тяжелых век,
 Чтоб мир тюрьмою душной стал
 И плод в утробе умирал,
 В тебя метнуть, любовь моя,
 Хотел проклятье это я,
 За то, что в жизни не цветы,
 А терны мне дарила ты,
 К страданью чарами гоня.
 Но плачет в сердце у меня,
 Как мальчик, брошенный в лесу,
 Желанье петь твою красу.
 Ты чувств струя, ты песни звон,
 Мой крик к гортани пригвожден.

IX

Любовь три раза мне была дана.
 Одна — бела как лилия — несмело
 Из всходов и мечтаний соткана,

Как мотылек серебристый подлетела.
 Ее купал в янтарных блестях май,
 На облаке пурпуровом воссела

И видела повсюду только рай!
 Как малое дитя, была невинна,
 Цвела, как наш благоуханный край.

Пришла вторая — гордая княгиня,
 Бледна, как юный месяц, и грустна,
 Тиха и недоступна, как святыня.

Меня рукой холодною она
Коснулась и шепнула еле-еле:
«Нет, мне не жить, пусть я умру одна».

И, замолчав, исчезла в темной щели.
Явилась третья — дева или гриф,
Глядишь — и взгляд иной не хочет щели.

Глаза очарованьем поразив,
Вдруг ужасом меня околдовала,
Всю силу по пространству расплыв.

Она утонет, думал я сначала,
В воде полночной, в тине где-нибудь.
Вдруг полымя багровое восстало.

Как сфинкс, она в мою вцепилась грудь
И, разорвав, за сердце ухватила,
И лижет кровь, сменив покой на жуть.

Шли дни, я ждал: ее ослабнет сила,
Она исчезнет — тень среди теней,
Да где там! — и на миг не отпустила.

Она то дремлет на груди моей,
Как сытый зверь, когтистый и косматый,
То устремляет вновь своих очей

Взгляд полусонный, — в нем боязнь утраты,
И прямо очи в очи смотрит мне,
И тут искрится этот взор проклятый,

И яркий блеск сияет в глубине
Ее очей, и снова страх змеится,
Но вдруг, рождаясь там, на самом дне,

Мелодия блаженства сладко длится.
Я забываю раны, боль и страх,
И голос счастья в грудь мою стучится.

Моя душа, как соловей в силках,
Щебечет, бьется, рвется — бесполезно!
Мне ясен путь, хоть я иду впотьмах

Вниз, по дороге, уводящей в бездну.

Х

Подходит мрак. Боюсь я этой ночи.
Когда повсюду сон приводит ночь,
Лишь я один сомкнуть не в силах очи.
Покоя нет, и сон уходит прочь.

Сижу один, свои тревожа раны,
Грущу и плачу, плачу и кляню,
И все мечты, одною ею пьяны,
Лишь к ней летят, хотят ее одну.

И кажется, что с этими мечтами
Моя душа летит из тела вон.
И серафимы с белыми крылами
Несут ее — и крыл я слышу звон.

А я изнемогаю от бессилья,
И бледная тоска, подсев ко мне,
Льет щедро, как из рога изобилья,
Отчаянье, чтоб стал весь мир темней.

И кажется, я в пропасти глубокой,
Средь влажной и холодной темноты,
Где вой зверей голодный и жестокий,
Где стонет лес, ветвями бьют кусты.

Я на распутье, в чаще незнакомой,
Из сердца кровь мою змея сосет;
Дорог не видно, только голос грома
С собой угрозу дикую несет.

И я — больной и слабый, утомленье,
Как тяжкий жернов, давит мне на грудь.
Бездомный, я хотел бы на мгновенье
Быть дома, в счастье тихо отдохнуть!

Я так тебя люблю и так страдаю,
Хоть надо мною издевалась ты,
Но я хочу хотя б минуты рая;
Обнять тебя — вот цель моей мечты.

Обнять тебя, прижать к груди влюбленно,
Из уст твоих нектар сладчайший пить,
Душою утонуть в очах бездонных,
У ног твоих погибнуть и ожить.

А дождь сечет, скрипят под ветром ветки,
А вихрь ревет: «Напрасно!» Дикий бред!
И сердце вдруг в грудной метнулось клетке
И вскрикнуло: «Ужель исхода нет?»

Нет! Должен быть! Я никогда не струшу,
Чтоб взять хоть на мгновение ее!
Хотя б пришлось отдать мне черту душу,
А сбудется желание мое!»

И тут же что-то вдруг с меня свалилось —
Так осенью летит дерев краса,
А что-то темное в меня вселилось —
То вера в черта, вера в чудеса.

XI

Бес нечистый, дух разлуки
И погубленной мечты,
Некончающейся муки
И душевной пустоты!

Отзовись на эти звуки.
Буду раб, невольник твой,
Весь тебе отдамся в руки,
Только сердце успокой.

На жестокие мученья
Я согласен. Так и быть!
Но хотя бы на мгновенье
Дай желанье утолить.

За одно ее объятье
Пусть горю сто тысяч лет!
За любовь ее и ласку
Дам я небо, рай, весь свет!

XII

И он пришел ко мне. Не призраком крылатым
И не с копытами, хвостатым и рогатым
(Его обычный вид), —

А как пристойный пан, в широкой пелерине
(Как будто я его встречал вчера иль ныне):
Еврей? Иезуит?

Присел. Его лица в потемках мне не видно.
Толкнул меня в плечо, захохотал бесстыдно:
«Ха-ха! Ха-ха! Ха-ха!

Вот новость. Вот курьез невиданного сорта:
Пан рационалист, безбожник, кличет черта.
Какая чепуха!

Мой милый пан, ведь вы ж не веруете в Бога.
 Я слышал как-то раз у вашего порога —
 Подслушать я мастак, —

Вы разорались так, что были конфискабль:
 «Ne croyant pas au Dieu je ne croye pas au diable!»*
 Зачем теперь вы так?

И неужели ж я — regardon, я не представлен,
 Но догадались вы, надеюсь, кто вам явлен, —
 Ужель я ближе к вам,

Иль показалось вам, что я сильнее Бога,
 Или удобнее вам к сатане дорога,
 Чем прямо к небесам?

Ну, за доверие спасибо. Понимаю,
 Что, ублажить себя вы способа не зная,
 Сказали: «Коль беда,

Хоть к черту самому теперь ступай ты!» Разве
 Значительно, что вы его всегда мешали с грязью,
 Кричали: «Ерунда!»

Смотрите же, куда ведет неосторожность:
 У вас есть в набожность удариться возможность
 Иль прямо к черту в ад.

Да и еще с душой! Приличье вновь нарушу,
 Но снова засмеюсь. Ну что ж, болтать про душу
 Я с вами адски рад.

Сто тысяч лет гореть готовы? Ха-ха! Пане!
 Изрядный это срок. Не вы ли сами ране
 Кричали этак вот:

* Я верю в Бога, я не верю в дьявола (фр.)

«Движенье нервов — дух». Так, значит, если нервы
Погибнут — нет души. Выходит, вывод первый
Вдруг стал наоборот.

Так в карточной игре, для вящего азарту,
Подсунуть вздумали крапленую вы карту,
Нечестно это, нет.

Вам нужно то да се... конкретное, за это
Вы пшик даете мне!! Не нахожу ответа!
И с чертом так не след!

К тому ж, голубчик мой, вы просто опоздали:
Мы в вашу душеньку давно уже попали,
Давно ночуем в ней.

Я не такой глупец и не такой богатый,
Чтобы платить за то, что можно взять без платы,
Пора бы стать умней.

А вот еще одно: возлюбленная ваша,
По ком вы тужите, — недавно стала наша.
Чтоб кончить ваш кошмар,

Спешите прямо в ад, мой милый, без печали,
Собственноручно там вам выдам вашу кралю.
Итак, au revoir!»*

Еще похохотав, своим весельем полон,
Ударил по плечу меня и прочь пошел он,
К другим делам спеша.

А я стоял, как столб, лицо мое горело,
Стыд душу пожирал, не выгорело дело,
И черту не нужна моя душа!

* Прощайте (фр.).

XIII

Матушка ты моя родненькая,
В годину злую, в недобрый час
Ты родила меня на свет.

Иль в тяжком грехе зачала ты меня,
Иль был кем-то я проклят в утробе твоей,
Иль просто смеется судьба надо мной.

Не дала красоты, чтоб людей чаровать,
Не дала ты мне сил, чтобы стены валить,
Не дала мне и знатного рода.

В этот мир ты пустила меня сиротой
И дала три тяжелых несчастья в надел,
И все три неизменно со мною.

Первое несчастье — это сердце доброе,
Это сердце нежное, чуткое, певучее,
Что с рожденья тянется к красоте и благодати.

А второе несчастье — мужицкий мой род,
То униженный род, что в потемках бредет,
То отравленный хлеб, обесславленный гроб.

Гордость духа — несчастье третье мое,
Что не хочет к себе допустить никого,
Как огонь взаперти, иссушая его.

Матушка ты моя родненькая!
Не плачь одиноко и зря не тужи.
Узнав, что свершил я, меня не кляни.

Не грусти, что придется одной доживать,
Не тоскуй, что придется одной умирать,
Что не сын похоронит скорбящую мать.

О бессильном дитяти своем не грусти,
Тачку жизни я вез, сколь был в силах везти,
А теперь я сломался и сбился с пути.

Я не в силах, не в силах того удержать,
Что, как черная туча, идет на меня,
Что бушует, как буря, чудя и стена.

Не хочу никому я помехою быть,
Не хочу озвереть, обезуметь; о нет!
Вечный мрак мне желанней, чем утренний свет.

XIV

Песня, подбитая милая пташка,
Смолкнуть приходит пора.
Полно рыдать нам и горько и тяжело,
Кончилась эта игра.

Полно тревожить нам рану открытую,
Полно вопить про любовь,
С каждой строфою и с каждою нотою
Каплет горячая кровь.

С каждой терциною, с каждою октавою
Ритм ослабляется твой...
Песня напитана горем-отравою, —
Время идти на покой.

XV

И ты прощай! Теперь тебя
Не назову вовеки я,
В лицо твое не гляну!
Чтоб ты не знала никогда,
Ушел я от тебя куда
И чем лечу я рану.
Ты позабуди меня скорей,
Люби, воспитывай детей,
Будь верною женою!
И не читай стихов моих,

И не веди бесед ночных,
Как с призраком, — со мною.

А вспомнят люди обо мне,
Будь безразлична ты вполне,
О роза, что увяла!
И не бледней, и не дрожи,
А собеседнику скажи:
«Нет, я его не знала!»

XVI

Что песнь! Утратила она
Дар — сердце утешать.
Глянь — туча налегла, черна.
Прошла весна! Прошла весна!
И в тлени души.

Напрасно, песня! Тихой будь,
Не умножай мне мук!
И так тоска сжимает грудь, —
А ты в тот путь, ты в тот же путь
Несешь свой скорбный звук.

Ведь в том, что я пою и пел,
Не вылить боли мне.
Как молча муки я терпел,
Как молча им найду предел
В нирваны глубине.

XVII

Поклон тебе, Будда!
Во тьме бытия
Ты ясность, ты чудо,
Ты мир забытья.

Достойно, спокойно
Тобой побежден
Мир похоти, гнева
И блеска корон.

Царем был — стал нищим,
Душой — богатырь.
Тобой озарилась
Подлунная ширь.

Ты царство покинул,
Чтоб духом ожить;
Сорвал все оковы,
Чтоб нас просветить.

Ты мучился годы
Под сенью плюща,
Истоки страданья
Людского ища.

Нашел ты источник
В души глубине,
Где страсти роятся,
Играя на дне.

Любовь там возникла,
И гнев там рожден,
И дух — паутиной
Страстей оплетен.

Покой прогоняет,
И давит, и жмет,
И тянет в Сансары
Водоворот.

От страха пред адом
Увел ты людей,
Без мути туманной
Загробных идей.

Бессмертно лишь тело, —
Ведь атом любой
Пребудет вовеки
Самим же собой.

А то, что в нас плачет,
Болят и горит,
И рвется к Познанию,
Творит и летит, —

Погаснет, как искра,
Уйдет, как волна,
И канет в нирвану
Без граней и дна.

Поклон тебе, светлый,
От бедных людей,
Что бьются отчаянно
В путях страстей.

И я, твой поклонник,
Иду за тобой
От пытки Сансары
В нирваны покой.

XVIII

Душа бессмертна! Жизнь ей бесконечно!
Вот дикая фантазия, достойна
Она Лойолы или Торквемады!
Мутится разум, застывает сердце.

Носить твое лицо навеки в сердце
И знать, что ты привязана к другому,
Тебя с ним видеть вместе и томиться, —
Ох, даже рай тогда мне станет адом!

Творца хвалить? За что? Уж не за то ли,
Что в сердце у меня огонь возжег он,
В насмешку предопределив разлуку;
Рай показал и затворил ворота!

Но Господу дерзить я не желаю;
Зачем мне трогать верующих чувства?
К чему уподобляться мне актеру,
Пугающему мир мечом картонным?

Я не романтик. Дым мифологичный
Рассеялся давно. Меня не тешит
И не пугает больше мгlistый призрак
Утраченной и стародавней веры.

Ведь что есть дух? Он создан человеком,
Из ничего, в любой стране, эпохе
Дал человек ему свое подобье
Затем, чтоб сотворить себе тирана.

Одно лишь безначально, бесконечно:
Материя — она живет и крепнет.
Ее один могущественней атом,
Чем боги все, все Ягве и Астарты.

В пространства бесконечном океане
Встречаются там-сям водовороты,
Они кружатся, бьются и клокачут,
И все они — планетные системы.

В пучине этой волны — все планеты,
В них пузырьков ничтожных миллиарды,
И в каждом что-то видится неясно,
Меняется, взбухает — до разрыва.

Все это — наши чувства, наши знания,
Ничтожный шар в материи пучине.
С их гибелью водоворот утихнет,
Чтоб закружиться снова, в новом месте.

Круговорот бесцелен, безначален
Всегда и всюду; звезды и планеты,
Вплоть до бактерий или инфузорий,
Идут по одинаковой дороге.

Лишь маленькие пузырьки людские,
Вобравшие в себя кусок пучины,
Мечтают, мучаются и стремятся
Вместить в себя вселенной бесконечность.

Они ее себе уподобляют,
Дают ей облик, сходный с человеческим,
Потом они пугаются, как дети,
Созданий своего воображенья.

Я не дитя, я не боюсь видений,
Я только узник в этом доме пыток,
Душа моя на волю жадно рвется,
В материю обратно хочет кануть.

Стремится бедный пузырек взорваться
И погасить больную искру — разум,
И ничего из свойств людских не хочет
С собою взять, спасаясь в бесконечность.

XIX

«Самоубийство — трусость,
Уход из рядов,
Злостное банкротство...»
Ох, как много слов.

Господа, вы про трусость
Молчали бы лучше.
Вам известно ль, как сладко
На пыточных крючьях?

Вы ли нюхали порох
В бесконечной войне,
Вы ли лбом пробивали
Выход к свету в стене?

«Грешник — самоубийца,
Хуже грешника нет».
Пусть вам слово Христово
Даст на это ответ.

Шел Христос по дороге
С верной паствой своей,
И увидел: в субботу
Пашет в поле еврей.

«Не грешит ли он, авва?» —
Кто-то задал вопрос.
И к разбойнику строго
Обратился Христос:

«Если знаешь, что сделал, —
Блажен ты еси,
А не знаешь, что сделал, —
Ты проклятый еси.

Если знал ты, что делал, —
То закон твой ты сам,
А не знал ты, что делал, —
То закон тебе пан».

Для знающих — знание
Их высший закон,
Закона не знающий
Пусть оземь бьет лбом.

Раз знаю, что делаю,
 То знаю лишь я —
 И тот, кто узнал меня,
 Полнее, чем я.

XX

Такой удобный инструмент,
 Холодный и блестящий.
 Один нажим... один момент...
 И крови ключ кипящий...
 Негромкий крик, а там, ей-ей,
 Всему — поклон покорный.
 Вот все лекарство для моей
 Болезни — грусти черной.

В изящный этот инструмент
 Патрончик задвигаю,
 Взамен любимой, на момент,
 Я к сердцу прижимаю
 Его... Нажим... негромкий звук,
 Как от свечи задухтой...
 Он мягко выпадет из рук,
 С меня ж сорвутся путы.

Один момент — ну разве грех?
 К чему нести страданье?
 Хоть тут позвольте без помех
 Мне выполнить желанье.
 Истлел орешек — ну так прочь
 И скорлупу пустую!
 Один нажим — и в эту ночь
 Без снов навек усну я.

ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иржи Волькер

ПОКОРНОСТЬ

Стану я маленьким и еще уменьшусь,
Пока не сделаюсь всех меньше в мире этом.

На утренней лужайке летом
Я к еле видному цветочку потянусь
И зашепчу, его обнимая:
«Мальчик босой,
Небо о тебя опирается рукой,
Каплею росяной,
Чтоб не упасть».

В ПАРКЕ ОКОЛО ПОЛУДНЯ

Белизна первоцветов плывет по газонам,
И на яхтах уносится день голубой,
На песке детвора раздает его кронам,
Раздает этот день в суете городской;
Я могу все любить,
Сегодня и завтра еще, может быть,
Страданья каменных домов я искуплю молитвою цветущей.

На склоне ночи
 Любовь в груди моей растравят, созревая, очи.
 Я буду воином,
 Я им стать достоин
 Саблей молится воин.

ПОЭТ, УЙДИ!

Поэт, уйди!
 Брось все — вернись с киркой,
 Вскопай от кладбища до цепи горной,
 Здесь ночью сей любовь, покорность,
 Чтоб утро родилось в сиянье света,
 Где б не было ни одного поэта,
 Но где умел бы каждый
 Творить, тоскуя, песни.

Карел Гинек Маха

ОБЪЯСНЕНИЕ К СТИХАМ

Когда богемский лев
 Взметнется над врагами,
 Когда взовьется знамя,
 Умру я, меч воздев.

Пока ж гривастый лев
 Спит и лучи над нами,
 Не трубы над полями
 Звучат, а мой напев.

* * *

В роще вдруг запричитала,
 Вдруг заплакала кукушка
 Под преславным тыном Карла:
 «Карлов Тын, могучий замок,

Древний памятник героя,
Тень величья и гробница,
Свет звезды, давно погасший,
Обиталище пустое!
Карлов Тын! Наследье предков!»

НОЧЬ

Ночь во мраке! Ночь в сиянье!
Обе сердце мне тревожат.
Мрачная толкает в бездну,
Ясная уносит к звездам..
Бездна черная ужасна.
К свету ж путь недосыгаем.
Звезды, звезды надо мною!
К ним стремлюсь я всей душою,
Но земля — моя отчизна!
Человек я и погибну,
В лоне матери исчезну.
Мать, прияв, меня изменит
И вернет в обличье новом.
Звезды, звезды надо мною!
К ним стремиться мне душою,
Но земли я не покину!
Пусть, цветком благоухая,
Оживу я, свет вбирая,
Не позволит тьма земная
Мне уйти в жилище света!
Звезды, звезды надо мною!

ДОРОГА ИЗ ЧЕХИИ

«Вы пройдете рощей той.
Солнце клонится к закату —
И скорей, чем золотой
Луч сползет с горы покатой,
Вы уйдете в край чужой».

Проводник исчез в кустах.
Мы ж, как лани быстроноги,
Иль на времени крылах
Мчимся, мчимся по дороге.
Впереди — лесной овраг.

Ветер, над лужком порхай,
Волосы мои лаская,
Солнце, лоб мой освещай,
Озарись, страна родная.
Ну, прощай, любимый край!
Мы рубеж перешагнули...
Где ты, чешская земля?..

Весь в развалинах лежит
Старый замок над дубровой,
Дымкой голубой повит
Молодой лесок дубовый
С черной башней колокольни.

Замок и страна — они
Схожи, славы след угрюмый,
Издали на них гляди
И своей тревожной думой
Их для жизни разбуди.

Витезслав Незвал

ANDANTE

Твоя рука на клавишах пугливо
Дрожит в лучах луны,
Что над твоею золотою гривой,
Как сетка, сплетены.

Моя любовь, мой жар, мое мученье,
Смолкает звук,
И длится тишина — в ее значенье
Весь мир вокруг.

Губами я руки касаюсь хрупкой,
Склоняясь над ней,
И не целую — глажу, как голубку.
О нет, нежней!

Прохладу клавиш ощутил губами
И горьких уст.
В твоих зрачках прощалась ночь с огнями,
И сад был пуст.

В твоих зрачках я утонул мгновенно.
Как в быстрине.
Ты мчишься снизу вверх со всей вселенной,
А я — на дне.

ПРОДАВЩИЦА ЧУДЕС

Когда на бульваре блеснул водомет
И в кафе зажигали огни, я встретился с вами.
(Или это был водомет?)
Вы прошли в красной шляпке, павлина ведя за собой.
Торгуя цветами лотоса
И тропическими апельсинами.

Две рыбы застыли, светясь под бровями мумии.
(Или это ваши глаза, блестящие, полные масла?)
Вы продавали цветение лотоса, лилии тропиков,
Моя прекрасная гремучая змея,
Вы продавали тропические апельсины...

В тот день (но что за праздник был в тот день,
 Не праздник ли пампасов, праздник прерий?)
 Сквозь сумерки вы по бульвару шли
 Прекрасной мумией в лиловой шляпке,
 Неся корзинку с чудесами Индии,
 Вы шли, ведя павлина за собой
 И предлагая встречным
 Тропические апельсины.

И все колокола Европы,
 Знамена Азии
 И попугаи Африки, и рыбы океана
 Увидели в корзинке апельсины.

Бенгальскими огнями озарен,
 К вам подошел прекрасный далай-лама
 И предложил своих рабов
 За австралийских рыб, за лотос белый
 Прекрасной продавщице бирюзы.
 За влажные глаза и бледный рот
 Он предлагал алмазное кольцо,
 Он предлагал слона, чтоб тот стерег
 Тропические ваши лилии,
 О продавщица ядовитых губ
 И жгучих апельсинов.

К вам парень с бубном подошел,
 Он предложил вам все планеты,
 И ваших глаз светящиеся рыбы
 К нему неспешно повернулись, —
 Два адских камня опалили
 Его доверчивые юные глаза,
 Чудес неоценимых продавщица
 С глазами дев морских.

И месяц, бледный джентльмен в цилиндре,
Принес вам бледных мучеников кровь,
И вы вернулись к песне,
К земле лиловых апельсинов,
Где лотосы цветут и где мечта бессмертна,
Моя прекрасная гремучая змея,
Торгующая чудесами
Среди огней вечернего бульвара.

ОТДЫХ

Проснулся я среди гор, где ночь в тиши застыла.
Колодцы и жилье, — как звезды, далеки.
И понял я бродяг — им в городах немило,
А здесь душа поет и вновь шаги легки.

Как после хвори злой, отрадно сердцу было.
Я веточку сорвал, ласкал ее листки,
Я шел, ведомый вдаль таинственной силой,
Шел, глубоко дыша и стиснув кулаки.

Среди росистых трав впивал я чистый воздух,
И мысли обрели кристальный свет, что в звездах
Морозной тишиной до блеска огранен.

Низложенный король счастливей был едва ли,
Увидев на лугу при звуках пасторали
Пастушку, что встречал лишь на картинках он.

ДОБРОЙ НОЧИ

За шторами вечерний мрак стоит,
Вся выпита вода лимонная. Я слышу
Извозчиков ночных, далекий стук копыт.
Неповторимый день уходит в Лету.
Приветствую тебя, поэт. Минуту эту,
Ее звучание и блеск сумей поймать,
Иначе для чего стихи твои мне знать?

НОКТЮРН

Как садовник, склоняясь над струями вод,
Ты сорви этот плод.

И в ладони, которой теплей не сыскать,
Дай ему дозреть.

И когда над садами, блаженно горя,
Тихо встанет заря,

Заглядевшись на этот небесный огонь,
Разожми ты ладонь,

Чтоб стеклянный фонарь, в небо вырвавшись, мог
Осветить даль дорог.

И увидишь, как он над речной глубиной
Встанет полной луной.

Станислав Костка Нейман

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Нет, это не земля, а сон,
Лучистых колдовство ночей
Под темным пологом небес,
На бархатных волнах полей.

Нет, это не земля, о нет,
Но белых музыка дорог, —
Они, чтоб лить свой тихий блеск,
Свет звездный ввергли в глубину.

Нет, это не земля — она
Дар бесконечности самой.
Морозной вечностью бреду
Ничтожный я, чудак смешной.

ПОНЯЛ Я ТВОЕ МОЛЧАНЬЕ

Понял я твое молчанье,
Голос твой, твои движенья
Это выдали вчера.
Ты молчишь красноречиво,

Ты, гордясь, судьбе покорна,
Но спокойна не вполне!
Знаю: ты не посмеешься,
Знаю: больше не ударишь.
Буря властвует тобою,
Я дрожу!

С легким сердцем, так бездумно
Ты всегда играла мною.
Ты меня едва терпела,
Словно тенора-красавца.
Ты всегда числом бездушным
Ход секунд моих считала.
Ты честней!

Вышел я на луг цветущий,
Лишь один цветок я вижу,
Я к тебе тянусь безумно.
О прости, что я, презренный,
В храм осмелился войти.

С гор крутых орла седого
Я смирял уже не раз.
Но орел и в клетке помнил
Все, что видел на вершинах,
Все, что видел в пропастях.

Как прислужница Астарты,
В храм ты по ступенямходишь.
Как святая, на арену
Циркаходишь для потехи.
Я дрожу!

Ты надменной стройной пальмы
 Над источником арабским,
 Ты бесшумнее верблюдиц,
 По волнам песка бредущих.
 Сладше ты зари вечерней
 Над оазиса шатром.

Но тебе удастся ль тоже,
 Горделивой и сладчайшей,
 Голову во время бури
 Не склонить?!

ПОЛЕМИКА

I

Дорог мне простор цветущий,
 Красота земли простая,
 Стих, ликующий иль бьющий,
 Мысль, которая влетает,
 Словно в домик свой пчела.

Я люблю красу такую,
 Дерзкий подвиг стратосферцев,
 Ненавижу ересь злую
 Непонятных стратотерпцев
 И вещания святых.

Честь моя и гордость это,
 Наступает утро, верьте.
 Я покорен силам света,
 А не темным силам смерти:
 Sapī sapienti sat*.

* Для умного достаточно (лат.).

II

Я по земле хожу, людей встречаю,
Я наши слабости вполне постиг,
Поэтому равно я принимаю
Борьбу и радости прекрасный миг.

Я вижу драму вечного движенья
И славой драмы проникаюсь сам;
Через измены, страхи, заблужденья
Иду по непроторенным путям.

Разочарованность? Мне слово это
Неведомо. Оно лишь тлен и дым,
И я клянусь, что даже в час рассвета,
В похмелья час я не пленялся им.

Лишь гордое невежество людское,
Что мнит себя вершиною всего,
То чувство любит — наважденье злое
Из глубины тщеславья своего.

III

Лишь раз в свое ты не поверишь счастье,
Когда тебя коснется луч воздушный,
И, скован сном, предашься ты ненастью,
Оно в стихе заплачет малодушно.

Тут критик твой с ужимкою нечистой
Твердит, что ты в разладе с жизнью зыбкой,
А в это время облако лучисто
Тебя накажет за грехи улыбкой...

Тут, сталкиваясь за игрою, чаши
Сладчайшими лепечут голосами:
В честь превращающих в словесность наши
Творения преступными руками.

ЭСТОНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Дебора Вааранди

НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

Зорька вечера алеет,
Словно день пришел назад.
Над волной мечтою рея,
Вижу твой любимый взгляд.

Ветки нет меж волн и кочки,
И не веет там весной.
Вижу, ты сидишь на бочке,
Пахнет палуба треской.

И лежит наш бедный Мури,
У твоих свернувшись ног;
Блеск полуночный в лазури
Красным глаз его зажег.

Мне не справиться с печалью:
Я завидую тому,
Что за этой чистой далью
Видно взору твоему.

Бочкой стать бы я хотела,
Иль канатом смоляным,
Проволокой, что гудела
В ночь над отдыхом твоим.

И той тучкой в океане
Над спокойной синевой,
Что, быть может, скоро станет
Страшной бурей грозовой.

ВЕСНОЙ

Кап да кап и все хрустальной
Слышу чистый звук с утра...
Гном ли бьет по наковальне
Из литого серебра.

И мне прутья вербы голой
Продавщица продает,
А певец небес веселый
В горле ищет новых нот.

Мышь бежит среди мерзлых кочек,
Над кустами вьется дым.
Тот же гномов молоточек
Бьет по веточкам сухим.

И он в грудь мою стучится,
Тот веселый милый гном,
Зная, что обогатиться
Нужным для него зерном.

ЛИМОННОЕ ДЕРЕВО

В вечерних сумерках,
Когда я чужестранкой прохожу
Под стук шаров бильярдных
И бормотанье радио,
Под сенью лавров и магнолий, всякий раз
Меня задерживает кто-то, со мною заговаривает.
Оно единственное
Своим звенящим ароматом,
Своим чуть слышным ароматом,
Словно звезда забытая сквозь тучу.
Оно единственное.

Я узнаю тебя,
Твой аромат соединил в себе
Всю кислоту плодов, которые созреют,
И упоение и горечь.
И гибель белых лепестков.

ЯКУТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Леонид Попов

ЗЕМЛЯ ЯКУТА

Здесь люди без земли когда-то горевали,
А без людских трудов земля была пустой.
Но для якутов те столетья миновали,
Когда им край родной был мачехою злой.

В былые времена под снегом юрты стыли
И тропы к ним вели заметные едва —
Якуты-бедняки своим князьям служили:
Для них охотились, рубили им дрова...

Теперь владеешь ты, якут, землей без края,
Весельем и трудом наполнена она,
И весь Союз теперь твоя страна родная,
Весь солнечный Кавказ, Литва и Фергана.

И сам якут теперь свой край преобразует,
Якут прожектором пронзил ночную тьму,
Якутка трактором умело управляет,
Могучий русский брат их научил всему.

Здесь вместо юрты дом стоит многооконный,
А мимо всех домов единый путь идет,
Большой колхозный путь, ведущий неуклонно
К тому, о чем давно мечтал и пел народ.

МОСКВИЧИ В ЯКУТСКОЙ ТАЙГЕ

Охотник-следопыт с седыми волосами
(Глаз зорок его, рука тверда)
Через топи и реки, дремучими лесами
Привел своих веселых друзей сюда,
Инженеров, приехавших из России,
Привел в эти леса густые,
Где глухарей токованье
Разрывает тишину, словно очередью автоматной;
Где сотрясает тайгу яростное рычанье, —
Это медведь громадный
Сердится:
Рыбу он ловил неудачно
На озере лесном прозрачном;
Где негромко лисицы лают,
Словно издалека раздается плач детей;
Где старая волчица злая,
Пугая маленьких птиц и зверей,
Волчат своих выводит;
Где величавый лось бродит,
Раздвигая кусты ветвистой головой,
Идет на водопой...
Тысячелетний сон непроходимых лесов
Нарушен песней звонких голосов.
Молодой геолог из Москвы
Сказал:
— Друзья мои, я и вы

Отыщем в этих дебрях во что бы то ни стало
То, что нам Родина найти приказала! —
Тот, с кем русские смельчаки свершили длинный
Путь по тропе звериной,
Сидел, покуривая, у костра, — якут...
А они его поведут
По дороге широкой,
Откуда свет коммунизма лучится.
Здесь вырастет завод высокий,
Рельсы соединят тайгу со столицей.
В таежные места глухие,
В нелюдимый угол медвежий
Принесли эти москвичи молодые
И добрую волю Москвы,
И песни голос свежий.

ВЕСНА В ЯКУТИИ

Туман над замерзшей рекою дымится,
На косу девичью похожа река...
Внезапно река понеслась кобылицей
И пеной покрыла свои берега.
Лед с грохотом тронулся, тишь расколов,
И брызги сверкают на ветках кустов.

Вот черные гуси летят над рекою,
Над полем разносится крик журавлей.
То птицы мой край поздравляют с весной, —
Весна на реке и в сердцах у людей.
И, пробуя землю на ощупь, «Пора!» —
Сказал бригадир — и пошли трактора.

Сигнал возвещает посева начало!
Свой трактор повел тракторист молодой,
Жена тракториста на сеялку встала, —
Им радостно вместе трудиться весной.
Так есть и так будет — звонка и ясна,
По землям якутским проходит весна.

УТРО НА ЛЕНЕ

Лена!.. Трепещет, как в зеркале, в ней
Ива с косою порыжелой и длинной,
Облако тонет, сугроба белей,
А над тобой слышен крик журавлиный.

Громко гудит винтовой теплоход,
След оставляя на ленской лазури,
Соколом мчится, блестя, самолет
По небосводу, омытому бурей.

Золото чистое — поле хлебов,
Пышно колышется, ходит волнами.
Вышел комбайн, он к работе готов, —
Реет над ним ярко-красное знамя.

И молодой рукою своей
Твердо якутка рулем управляет,
Словно с далеких ребяческих дней
Этот комбайн она любит и знает.

В битве за Харьков убит был отец,
И харьковчане прислали машину —
Дар благородных и братских сердец,
Чтобы цветущею сделать долину.

Ходит комбайн, он огромен, как дом,
Тяжко грохочет на ниве богатой...
Гнула здесь спину и жала серпом
Для кулака ее бабка когда-то.

Нынче бы старая молвила: «Вот
Это и сказка, и радость, и воля...»
В дымке осеннее утро встает
Над золотыми просторами поля.

ПОЭТУ

Поэта пламенное слово
На фронте трудовом всегда
На подвиг вдохновляет новый
Всех доблестных людей труда.

Оно должно быть тверже стали,
Прочней и крепче чугуна,
Чтоб песни еще лучше стали
И чтоб их пела вся страна.

Пусть наравне поэта имя
С тобой прославится, народ,
Пусть с лучшими людьми твоими
Вперед к победе он идет.

Поэт, прославь наш труд кипучий,
Коль сердце пламенно твое.
Будь предан родине могучей,
Чтоб заслужить любовь ее.

* * *

Ночь простерла покрывало
Над иссохшею землей,
И долина отдыхала,
Тихо шелестя травой.

Только кони сонно ржали,
Смолкли песни косарей,
Замерли, темнея, дали,
Бродит сон среди полей.

За день много мы скосили,
До рассвета отдохнем,
Завтра мы удвоим силы,
Вдвое больше соберем!

ВЕЧЕРНЯЯ ЛЕНА

Это цапли взлетели, крича.
Блеск закатного гаснет луча.
От небес отрываясь мгновенно,
Звезда падают в темную Лену.
Волны Лены блестяще-крылаты
И в прозрачный, предутренний час
Отливают огнем синеватым,
Вдоль утесов прибрежных несясь.
Но в тот вечер волна не сверкала,
Потемнела угрюмо река
И нахмурились черные скалы,
И грозой налились облака.
На осенней недоброй реке
Удержи-ка весло ты в руке!
Чуть касаясь поверхности вод,
Быстро лодка за лодкой плывет.

Эти узкие лодки легки,
В них сидят молодцы-рыбаки.
Песня мощно звенит над рекой,
Едут парни с добычей большой.
И сама, открывая дорогу,
Раздвигалась кромешная мгла,
И стихала вода понемногу,
Покоряясь удару весла.
И на мысе далеко мигает
В шалаше огонек золотой,
Словно тружеников приглашает
На заслуженный отдых — домой!

СВЕТ НАД ТАЙГОЙ

Тайга, тайга! Здесь могут заблудиться
Не только звери, но и деревья;
Здесь горы снега, и на нем искрится
От лютого мороза синева.

Алмазной пылью, ледяной иглою
Сверкают ветви кедров вековых;
Здесь, прыгая и хвост подняв трубою,
Резвятся белки в дебрях снеговых.

Своими черными крылами вечер
Прикрыл леса, и сразу над тайгой
Пронесся, дико завывая, ветер,
И каждый кедр кивнул седой главой.

Но вдруг преобразились от свеченья
В глубоком сне застывшие снега, —
То яркий свет колхозного селенья,
Луч Ильича пронзил тебя, тайга!

И ярче, чем совиный глаз, блестели
Те лампочки, что победили ночь,
Испуганные светом, улетели
Нырки и гуси от поселка прочь.

А там в электростанции колхозной,
Парнишка у рубильника стоит
И твердою рукою мрак морозный
Светящимися брызгами кропит.

Так коммунисты дебри осветили,
Свет коммунизма засиял кругом,
В краю, где их отцы в потемках жили,
Где каждый зрячий словно был слепцом.

ГРЯДУЩЕЕ

Встает сегодня перед нами
Величие грядущих дней,
И мы идем к нему с дарами
Всесильной юности своей.

Растет, ликуя, блеск лучистый,
Взошла грядущего звезда,
Сегодня внемлем песне чистой
Грядущих праздников труда.

От нашей мысли справедливой,
От наших песен, наших дел
Возникнет новый мир счастливый,
Борьба за счастье — наш удел.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Цюй Юань

ЛИСАО
(Поэма)

Покойный мой отец Бо-юном звался,
Чжуань, сын неба, — славный предок мой.
В седьмой день года я на свет явился,
Сей день всех дней счастливее в году.

Отец, на сына поглядев впервые,
Его счастливым именем назвал —
Чжен-цзе, как верная дорога, имя,
А прозвище — «Высокий строй души».

Я, удостоясь счастья такого,
Его удвоил внешнею красой:
В цветущий шпажник, словно в плащ, облекся,
Сплел пояс из осенних орхидей.

И я спешил, боясь, что не успею,
Что мне отпущено немного лет.
Магнолию срывал я на рассвете,
Сбирал у вод по вечерам суман.

Стремительно текут светила в небе,
И осенью сменяется весна,
Цветы, деревья, травы увядают,
И дни красавца князя сочтены.

Ты возмужал, в пороках утопая,
О, почему не хочешь стать иным?
Мне оседлайте скакуна лихого!
Глядите! Путь забытый покажу.

Вот Юй, Чен Тан, Вэнь-ван, — их окружили
Умов разнообразных цветники:
Там и душистый перец, и корица,
А не одни нежнейшие цветы.

В том слава Шуня и величье Яо,
Что смысл явлений ведали они,
А Цзе и Чжоу шли путем неверным
И потому от бедствий не спаслись.

Сановники веселью предаются,
Их путь во мраке к пропасти ведет.
Но разве о себе самом горюю?
Меня страшит династии конец.

Уж я ли не радел о благе общем,
Я шел дорогой праведных князей,
Но ты, всесильный, чувств моих не понял,
Внял клевете и гневом вспыхнул.

Я твердо знаю: прямота — несчастье,
Но с ней не в силах разлучиться я.
В свидетели я призываю небо, —
Все это ради князя я терплю.

Я говорю, сперва со мной согласный,
Потом сошел ты с этого пути.
С тобой, властитель, я могу расстаться,
Но мне твоя изменчивость горька.

Мои дела — цветущие поляны,
Я орхидеями покрыл сто му,
Взрастил благоухающие травы,
А среди них — и шпажник и духэн.

Как я хотел увидеть их в расцвете
И в должный час их срезать и собрать!
Пусть я увяну — горевать не стоит,
Жаль, если луг бурьяном зарастет.

В стяжательстве друг с другом состязаясь,
Все ненасытны в помыслах своих,
Себя прощают, прочих судят строго,
И вечно зависть гложет их сердца.

Все, как безумные, стремятся к власти,
Но не она меня прельщает, нет, —
Ведь старость незаметно подступает,
А чем себя прославить я могу?

Пусть на рассвете пью росу с магнолий,
А ночью ем опавший лепесток...
Пока я чую в сердце твердость веры,
Мне этот долгий голод нипочем.

Сбираю я тончайшие коренья,
Чтоб ими плющ упавший подвязать,
Коричные деревья выпрямляю,
Вяжу в пучки душистую траву.

За мудрецом шел я неотступно,
Но никакой хвалы не услышал.
Пусть в наше время так не поступают,
Я, как Пэн Сянь, себя готов сгубить.

Дышать мне тяжело, я скрываю слезы,
О горестях народа я скорблю,
Хотя я к добродетели стремился,
Губила ночь достигнутое днем.

Пусть мой венок из шпажника разорван —
Из орхидей сплету другой венок.
За то, что сердцу моему любезно,
Хоть девять раз я умереть готов.

Твой дикий нрав, властитель, порицаю,
Души народа ты не постигал.
Придворные, завидуя по-женски
Моей красе, клеветуют на меня.

Бездарные всегда к коварству склонны,
Они скрывают черные дела,
Всегда идут окольными путями,
Увертливость — единый их закон!

В душе моей — печаль, досада, горечь;
Несу один невзгоды этих дней,
Но лучше смерть, чтоб навсегда исчезнуть,
Чем примириться с участью такой!

Известно: сокол не летает в стае,
Так исстари на свете повелось.
И как квадрат и круг несовместимы,
Так два пути враждуют меж собой.

Я подавляю чувства и стремленья,
И оскорблениям не внемлю я,
Чтить чистоту и умереть за правду, —
Так в старину учили мудрецы.

Я путь свой, каюсь, прежде не продумал,
Остановлюсь, не возвратиться ль мне?!
Я поведу обратно колесницу,
Покуда в заблужденьях не погряз.

Средь орхидей пусть конь мой погуляет,
Пусть отдохнет на Перечном холме.
Здесь буду я вдали от порицаний
И в прежние одежды облечусь.

Чилил и лотос мне нарядом будут.
Надену плащ из лилий водяных.
Так скроюсь я, все кончатся несчастья,
О, только б верою цвела душа.

Себя высокой шапкой увенчаю
И удлиню нарядный пояс свой.
Благоухание и блеск сольются,
И совесть я нетленной сохраню.

Четыре стороны окинув взором,
Хотел бы я увидеть страны все.
Наряден свежий мой венок, и всюду
Струится благовоние его.

У каждого есть радость в этом мире,
Я с детства украшать себя привык,
И после смерти я таким же буду, —
Кто может душу изменить мою?

Прелестная Нью-суй, моя сестрица,
С упреками твердила часто мне:
«Был Гунь чрезмерно прям, и вот несчастье
Его настигло под Юйшань, в степи.

Зачем ты прям и украшаться любишь?
Нет никого изысканней тебя.
Весь двор зарос колючками, бурьяном —
Лишь ты один всегда обходишь их.

Скажи, как людям о себе поведать,
И чувства наши кто поймет, скажи?
Живя друг с другом, люди ценят дружбу,
И только ты внимать не хочешь мне...»

Шел по стопам я мудрецов старинных,
Но участи печальной не избег...
Через реку Сян я направляюсь к югу,
Чтоб обратиться с речью к Чун-хуа:

«Правленье Ци достойно песнопений,
Ся Кан в развороте гнусном утопал,
О будущих невзгодах он не думал
И братьями близ дома был убит.

Беспутный Хоу И, любя охоту,
Всегда стрелял усадебных лисиц.
Злодей за это должен поплатиться —
Хань Чжо похитил у него жену.

Го Цзяо был насильником жестоким,
Его распутству не было границ,
Порокам предавался исступленно,
Пока не обезглавили его.

Ся Цзе всегда был с нравственностью в ссоре,
Но час настал, и вот пришла беда.
Всех честных Хоу Синь казнил придворных,
Тиранов иньских был недолог век.

Сурово правил Юй, но справедливо.
При Чжоу шли по верному пути,
Ценили мудрых, верили разумным
И соблюдали правила добра.

В могуществе ты бескорыстно, небо,
И только честным помогаешь ты.
Лишь дух свой просветившие наукой
Достойны нашу землю населять.

Я прошлое и будущее вижу,
Все чаянья людские предо мной.
О, можно ль родине служить без чести
И этим уваженье заслужить?

И если смерть грозить мне станет,
Я не раскаюсь в помыслах моих.
За прямоту свою и справедливость
Платили древле мудрецы».

Теснят мне грудь уныние и горечь,
Скорблю, что в век постыдный я живу,
Цветами нежными скрываю слезы,
Но слезы скорби льются без конца.

Склонив колени, чувства изливаю,
Моей душе я вновь обрел покой.
На феникса сажусь, дракон в упряжке,
Над бранным миром я взмываю ввысь.

Цаньу покинув при восходе солнца,
Я в час вечерний прилетел в Сяньпу.
Я погостить хотел в краю священном,
Но солнце уходило на покой.

Бег солнца я велел Си-хэ замедлить
И не спешить в пещеру — на ночлег.
Путь предо мной просторный и далекий.
Взлечу и вновь спущусь к своей судьбе.

В Сяньчи я напоил коня-дракона,
К стволу фусана вожжи привязал
И, Солнце веткою прикрыв волшебной,
Отправился средь облаков бродить.

Мой проводник — Ваншу, луны возница,
Фэй-ляню я велел скакать за мной,
Луаньхуан как вестовой мне служит,
Но бог Лэй-ши грохочет: «Не готов!»

И приказал я фениксу: в полете
Ни днем, ни ночью отдыха не знать.
Поднялся ветер, зашумела буря,
И облака приветствовали нас.

Сходясь и расходясь, летели в вихре
И в яркий блеск ныряли облака.
Открыть врата велел я стражу неба,
Но он сурово на меня взглянул...

Вдруг тьма спустилась, будто при затменье,
Я замер с орхидеями в руке...
Как грязен мир, как слеп и неразборчив!
Там губят все и завистью живут.

Я утром реку Белую миную
И на Ланфыне привяжу коня.
Вдруг вспомнил старое и пролил слезы.
Увы! И в небе честных не найти.

Приблизился внезапно я к Чуньгуну,
Бессмертья ветвь сорвал я для венка.
Сойду на землю, чтоб цветок прекрасный,
Пока он свеж, любимой подарить.

На облако воссевшему Фын-луну
Я приказал найти дворец Ми-фэй.
Я снял венок для подкрепленья просьбы,
Послал Цзянь Сю просить ее руки.

Ми-фэй сперва как будто сомневалась,
Потом с лукавством отказала мне.
По вечерам она в Цюньши уходит,
А утром моет волосы в Вэйпань.

Ми-фэй красу лелеет горделиво,
Усладам и забавам предана.
Она хоть и красива, но порочна, —
Так прочь ее! Опять пойду искать.

Смотрю вокруг, весь свет передо мною,
С небес на землю опустился я.
Там, на горе с террасой дворцовой,
Увидел я юсунскую Цзянь-ди.

Я повелел, чтоб выпь была мне сватом,
Но выпь сказала: «Это не к добру».
Воркует горлица об уходящем,
Я ненавижу болтовню ее.

Сомнения в моем таятся сердце,
Пойти хотел бы сам, но не могу.
Свой дар принес юсунской деве феникс.
Увы! Ду-ку меня опередил.

Ушел бы я, но где найду обитель?
Я странствовать навеки обречен...
У Шао Кана не было супруги,
Когда две девы юйские цвели.

Но, видно, сват мой слаб, а сваха — дура,
И снова неудача ждет меня.
Мир грязен, завистью живя одною,
Там губят правду, почитаю зло.

Длинна дорога к царскому порогу,
И не проснулся мудрый властелин.
Мне некому свои поведать чувства.
Но с этим никогда не примирюсь.

Собрал цзюмао и листву бамбука,
Велел по ним вещунье погадать.
Лин-фэн сказала: «Вы должны быть вместе,
Ведь где прекрасное, там и любовь.

Как девять царств огромны — всем известно.
Не только здесь красавицы живут.
Ступай вперед и прочь гони сомненья,
Кто ищет красоту, тебя найдет.

Где в Поднебесной нет травы душистой?
Зачем же думать о родных местах?
Увы! Печаль все омрачает в мире,
Кто может чувства наши объяснить?

Презрение и любовь людей различны,
Лишь низкий хочет вознести себя;
На полке у него — пучки бурьяна,
Но орхидеей не владеет он.

И как таким понять всю прелесть яшмы,
Когда от них и мир растений скрыт?
Постели их наполнены пометом,
А говорят, что перец не душист!..»

Хотел я следовать словам вещуньи,
Но нерешительность меня томит.
По вечерам У-сянь на землю сходит, —
Вот рис и перец, вызову ее.

Незримым духом, в бранный мир летящим,
Навстречу девы горные идут.
Волшебно-яркий свет от них струится.
У-сянь мне радость возвестила вновь:

«Бывать старайся на земле и в небе,
Своих единоверцев отыщи.
Тан, Юй, суровые, друзей искали,
И с мудрыми не ссорились они.

Будь только верен чистоте душевной,
К чему тогда посредники тебе?
Был мудрый Фу на каторгу отправлен,
А после первым у престола стал.

Люй-ван в придворных зрелищах сражался,
Его оставил при себе Вэнь-ван.
Был пастухом Нин Ци, создатель песен,
Но сделал князь сановником его.

Спешу, пока не миновали годы,
Пока твой век на свете не прошел,
Боюсь, что крик осенний пеликана
Все травы сразу запаха лишит.

Прелестен ты в нефритовом убранстве,
Но этого невеждам не понять.
Завидуя, они глаза отводят
И, я боюсь, испортят твой наряд».

Изменчиво в безумном беге время,
Удастся ль мне еще остаться здесь?
Завяла и не пахнет «орхидея»,
А «шпажник» не душистей, чем пырей.

Дней прошлых ароматнейшие травы
Все превратились в горькую полынь,
И нет тому иной причины, кроме
Постыдного презренья к красоте.

Я «орхидею» называл опорой,
Не прозревая пустоты ее.
Она, утратив прелесть, опростилась,
Цветов душистых стоит ли она?

Был всех наглей, всех льстивей этот «перец»,
Он тоже пожелал благоухать.
Но разве могут быть благоуханны
Предательство и грязные дела?

Обычаи подобны вод теченью,
Кто может вечно неизменным быть?
Я предан «перцем» был и «орхидеей»,
Что о «цзечэ» и о «цзянли» сказать?

О, как мне дорог мой венок прекрасный,
Пусть отвергают красоту его!
Но кто убьет его благоуханье?
Оно и до сих пор еще живет.

Мной движет чувство радости и мира,
Подругу, странствуя, везде ищу,
Пока мое убранство ароматно,
Я вышел в путь, чтоб видеть земли все.

Линфэнь мне счастье в жизни предсказала,
Назначила отбытья добрый день,
Бессмертья ветвь дала мне вместо риса,
Дала нефрит толченый вместо яств,

Крылатого дракона обуздала
И колесницу яшмой убрала.
Несхожим душам должно расставаться,
Уйду далеко, чтоб развеять скорбь.

На Куэньлунь лежит моя дорога,
Я вдаль иду, чтоб весь увидеть свет.
Я стягом-облаком скрываю солнце,
И песня птицы сказочной звенит.

Тяньцзинь покинув рано на рассвете,
Я на закате прилетел в Сицзи.
Покорно феникс держит наше знамя,
И величаво стелется оно.

Мы вдруг приблизились к пескам сыпучим,
И вот пред нами — Красная река.
Быть мне мостом я приказал дракону,
Владыка Запада меня впустил.

Трудна и далека моя дорога,
Я свите ожидать меня велел.
Наш путь лежал налево от Бучжоу,
И Западное море — наша цель.

Мои в нефрит одеты колесницы,
Их тысяча, они летят легко,
И восемь скакунов в упряжке каждой,
Как облака, над нами шелк знамен.

Себя сдержав, я замедляю скачку,
Но дух мой ввысь уносится один.
Священных Девять песен запеваю, —
Пусть радостью мне будет этот миг.

И вот приблизился я к свету неба
И под собою родину узрел.
Растрогался возница... конь уныло
На месте замер, дальше не идет.

ЭПИЛОГ

«Все кончено!» — в смятенье восклицаю.
Не понят я в отечестве своем, —
Зачем же я о нем скорблю безмерно?
Моих высоких дум не признают, —
В обители Пэн Сяня скроюсь...

УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иван Франко

«СВОБОДНЫЕ СОНЕТЫ»

I

Сонеты — как рабы. На них оковы,
Свободное смиряющие слово.
Как рекрут, мысль измерена сурово,
Как рекрут, втиснута в мундир готовый.

Сонеты — господа. Им знатность рода
В границах мысль держать велит, а мода
Для них важней достатка и дохода,
Их пышный цвет бесплоден год от года.

Две крайности встречаются несмело.
Рабы еще своей не знают силы,
Еще не ясны им и цель, и дело.

Постройся! Сдвой ряды! Гляди в затылок!
И вот стоят могучие атлеты —
Живые, злые, грозные сонеты.

II

«Зачем, мужик, ты к знатым затесался?
 Небось пугает блеск насмешек яркий?
 Иль прежний молот тяжек показался,
 Что в руку ты берешь резец Петрарки?»

Ты от борьбы с царями отказался,
 Уйдя под поэтические арки,
 Несчастный, ты с поэзией спознался,
 Как с чаркою хмельною у шинкарки!»

— «Нет, с тяжким молотом каменотеса
 Я не прощусь, не брошу я мой молот.
 Пусть насмеваются, пусть смотрят косо!

Гремит утес, моей рукой расколот,
 И грохот камня в сердце отдается,
 И отклик тот из сердца песней льется».

III. КОТЛЯРЕВСКИЙ

Орел могучий на вершине снежной
 Сидел и дали озирал. Потом
 Поднялся в синий океан безбрежный
 И мелкий снег слегка задел крылом.

И покатился долу снежный ком,
 С собой снежок захватывая смежный,
 Минуты не прошло, и, словно гром,
 Ревел обвал стихиею мятежной.

Так Котляревский, время одолев,
 Запел в ту пору украинским словом,
 И шуткою казался тот напев,

Но в нем была могучих сил основа.
И огонек зажженный, нас согрев,
Пылает, души согревая снова.

IV. НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Взгляни на ключ, что из камней гробницы
Бежит по степи чистою слезой,
В нем солнце блещет днем и бирюзой
Сияет ночью месяц яснотлицый.

Из недр земли бежит-поет водица,
Струится бесконечною стезей,
Детей весны живит своей красой
И щедростью, не знающей границы.

Родник с его волшебною струей —
Народная душа, что и в печали
Пробьется к людям песнею живой.

Как этот ключ, таящийся вначале,
Из недр глубоких возникает песня,
Чтоб чистым пламенем сердца пылали.

V

НАУКА

Хоть злой тиран попрал ее права
И царедворцы травят что есть силы,
Хоть рада тьма вогнать ее в могилу, —
Она жива, она вовек жива.

Хоть лютый вихрь над нею завывает,
Хоть Божьим именем попы кланут,
Хоть деспоты над ней заносят кнут, —
Она растет, и крепнет, и мужает.

Хоть род людской сбивается с дороги,
Она, как мудрый добрый проводник,
С кривых путей выводит напрямик

На путь разумный, вольный и широкий.
Она к проклятьям злобным безучастна
И нам на благо трудится всечасно.

VI ДВЕ ДОРОГИ

Сонет

Нам жизнь предназначает два венца,
К победе нас ведут лишь две дороги:
Одна — где острый камень ранит ноги,
Другая — лишь терпенье без конца.

Блажен тот муж и тот народ, который
Одной дорогой до другой дошел —
Сквозь труд к терпению, и в нем обрел
Покой души, неся клеймо позора.

Блажен, кто шел, как путник ночью в поле,
С слезой в глазах, с надеждой, что взойдет
На небе солнце долгожданной воли.

И нас ведь, братья, так судьба ведет.
Идем наперекор враждебной доле,
Навстречу свету и любви — вперед.

VII

Слепцы клянут наш век напрасно, веря,
Что в нем над правым торжествует сила,
Что честной мысли спутаны ветрила
И что свободу травят, словно зверя.

Но сила — право; право — это сила,
Гласят природы вечные законы.
Лишь силой прорываются препоны
И мощно наполняются ветрила.

А разве пламя ваших юных лет
И мысль, миры творящая доньше,
Не сила? Или сила в карабине?

А воли вашей светлые ветрила,
А непреложной правды яркий свет, —
Скажите прямо — это ли не сила?

VIII

О сердце женщины! Ты лед студень
Иль ты цветок, что солнцем напоен?
Луч месяца иль пламень раскаленный,
Губящий все вокруг? Иль тихий сон

Невинности? Иль кровью обогранный
Победный стяг? Заветный твой закон —
Шипы иль розы? Демон разъяренный
Иль ангел ты, что светом озарен?

Что любишь ты? Чем хочешь ты гореть?
Во что ты веришь? Что обожествляешь?
Что вечное и что на миг? Ответь!

Ты океан — влечешь и поглощаешь,
Ты рай, где суждено цепям греметь,
Ты — лето: нежа, громом убиваешь.

IX

Страшитесь вы той огненной стихии,
 Когда из всех сердец, как божий гром,
 Вдруг грянет правда и слова живые
 Основы мира сокрушат огнем?

Бойтесь вы, что, кровью налитые,
 Затопят волны ваш священный дом,
 Что уничтожат вихри огневые
 Движенья мысли в бешенстве слепом?

Не бойтесь! Не грозит пучина крови
 Ни истине, ни правде, ни добру, —
 Они вздохнут вольней, родившись внове.

Не бойтесь! Только ветхую кору
 Разрушит буря, чтобы жизнь живая
 Мужала и росла, преград не зная.

X

Мы ищем в юности нетерпеливо
 Прямых путей, и молодым умом
 Мы видам жизнь простою и красивой
 И так отважно боремся со злом.

Потом, как спьяну в давке торопливой,
 То здесь, то там толкают нас плечом,
 Кой-как смолчим, но привыкаем живо;
 Глядишь, и сами кой-кого толкнем.

Оглянемся — где все, о чем мечтали?
 Жизнь, как мираж изменчивый, смутна.
 Спасибо, коль совсем не заплутали!

Пучина жизни! Ты темным-темна,
 Но где пробилась мы, где устояли, —
 Земля живою силою полна.

XI

Когда железо силою живою
К железу тянется, такая сила
Зовется магнетизмом. Нет покоя
В той тяге, что одно из них таило.

А коль разъедено железо ржою,
Она в нем тяготенье угасила.
Вот так и сердце, где печаль стрелою
Вонзилась, замыкается уныло.

Лишь труд сгоняет ржавчину, что гложет
Нам сердце, и лишь труд единый может
Зияющую рану заживить,

И лишь в труде мы силу обретаем,
Трудом творится мир, где обитаем,
Лишь для труда на свете стоит жить.

XII

Смешон мне этот мир. Еще смешней поэт,
Признавший этот мир для всех пригодным,
Он смысла ищет там, где смысла нет,
Стремясь неясно к целям благородным.

Смешон мне мир, где равноправья нет,
Где труженик не смеет быть свободным,
Объедки, что швыряет дармоед,
Грызет он в исступлении голодном,

Чтобы живот наполнить чем попало.
Смешон мне мир, где малое число
Бездельников хозяевами стало

И нагло управляет целым светом.
Смешон поэт, что не одно лишь зло,
А правду хочет видеть в мире этом.

XIII

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Кто смел сказать, что не богиня ты?²
Где изувер, что, на тебя взирая,
Не трепетал, в молчаньи замирая,
Не тронулся сияньем красоты?

Ты божество! Царица, роза рая,
Глянь на меня с небесной высоты!
Я прежде думал: небеса пусты,
Но пред тобой колени преклоняю.

В богах и духах сомневаться можно,
И рай и ад считать лишь сказкой ложной,
Но ты царишь не в сказке, не во сне.

И час придет, когда весь мир забудет
Богов и духов и тебя лишь будет
Благоговейно чтить на полотне.

XIV

Вот спит дитя, невинный ангел чистый,
Во сне смеется — ангел с ним играет,
Во сне всплакнет, что ангел, тучкой мглистой
Расплывшийся, манит и исчезает.

И этот сон свой отсвет серебристый
Навек в душе ребенка оставляет, —
То ангел детских снов, пришлец лучистый,
Печаль и нежность в сердце пробуждает.

Отца и мать покинув, сын уходит,
Чего-то тщетно ищет на чужбине...
«Ко мне!» — взывает ангел в горной сини.

А юноша, блуждая одиноко,
То спелый плод, то цвет пустой находит...
«Иди!» — взывает ангел издалека.

XV
ПЕСНЯ БУДУЩЕГО

Настанет час — страхнешь ты, негодюя,
Презренный прах, чтоб засиять звездою,
И люди устремятся за тобою,
Почуя сердцем правду вековую.

Настанет час решающего боя,
Когда в борьбе за волю дороую
Ты поведешь народы и, ликуя,
Разрушишь ветхий храм живой грозою.

И в обновленном вольном мире этом,
Над чистым братством, что возникнет там,
Ты разгоришься новым дивным светом.

Настанет час — мы им живем и дышим,
Его шаги мы за спиною слышим,
Дождаться же его — не нам, не нам.

XVI

Долой пустые словосочетанья,
Где под личиной блеска и покоя,
Как змеи под блестящей чешуею,
Скрываются и слезы и страданья!

Приходит врач... И ни к чему скрыванье
Смердящих струпьев. Смелою рукою
Их надо обнажить и все гнилое
Из тела удалить без колебанья.

Докажем, что гуманность возмужала,
Свое предназначение познала
И от забот ребячьих отреклась,

Что снеговая вьюга улеглась,
Пора пустых порывов миновала,
Пора свершений зрелых началась.

XVII

Нет, не любил доселе никогда я,
Как надлежит живым живых любить,
Чтоб самому себе не изменяя,
Войти другому в душу, разделить

Его мечты, его страстями жить,
Своей заслугой это не считая, —
И неприметно ближе подводить
К высокой цели, что манит, сияя.

Быть сразу господином и слугою,
Забуть себя и быть самим собою, —
Я так еще доселе не любил.

Быть может, самолюбие мешало,
Быть может, сил живых не доставало,
Иль, может быть, мой путь неверным был.

XVIII

И довелось же мне узнать страданье!
Где лишь любовь правдивую искал я,
Где к жертвам был готов без колебанья,
Там лишь притворство жалкое встречал я:

То в черном панцире, то в одеянии
Слащавой речи конвенциональной,
То слез и вздохов плач sentimentalный
Скрывал его пустое прозябанье.

Лишь там, где не искал любви, где даже
Я был жесток, чтоб оттолкнуть вернее,
Там я нашел любовь. И вот меня же

Пронзает жало медное; вдвойне я
Плачú за зло, что в грех себе вменяю,
И за добро, что даром принимаю.

XIX

Когда в сонетах Данте и Петрарка,
Шекспир и Спенсер прелесть воспевали, —
В искусства формы, как в резную чарку,
Огонь души хмельным вином вливали.

Ту чарку немцы в меч перековали,
Лишь бой национальный вспыхнул жарко.
Их «панцирный» сонет, как унтер гаркал,
Любя лишь крови цвет и отблеск стали.

Мы открывали новую страницу.
Нам, хлеборобам, нет в мече корысти,
Перекуем его для лучшей доли —

На плуг — вспахать им будущего поле,
На серп, чтоб жать обильную пшеницу,
На вилы — стойла Авгиевы чистить.

Под редакцией Анны Ахматовой

КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Неизвестные авторы

Соберу по зернышку любовь,
Смерю меркой, уложу в мешок,
Разогнусь и сразу нагрую
На коня тяжелый тот мешок.
«Эй, пошел!» — хлестну коня кнутом.
К милой пусть любовь мою несет.

* * *

Когда б, мечом пронзив мне грудь насквозь,
Они в мою зияющую рану
Вложили узловатую веревку
И, взявшись за концы, два палача
Пилили бы ту рану беспощадно,
Что б ни было, я б вытерпела молча.
«Хоть день один без друга своего
Ты проживи!» — они бы мне сказали, —
Нет, лучше умереть.

* * *

И сегодня ночь настала,
После утро будет,
Будет утро — и уйдешь ты,
А уйдешь — и не вернешься;
Не вернешься — затоскую,
Затоскую и зачахну,
А зачахну — жив не буду.
Коль поймешь, что я зачахну,
Что не жить уж мне на свете,
Ты уйдешь к себе не прежде,
Чем со мной разделишь ложе.

НОРВЕЖСКАЯ ПОЭЗИЯ

Нурдаль Григ

ГЕРД

Бомбы выли близко,
Тлел огонь, синяя,
Шел я коридором,
Полным темноты.
Шел к тебе, любимой,
В поисках тревожных,
Издали я слышал:
Тихо пела ты.

Песню напевала
Ты не из упрямства,
Но ее, подслушав
В тайной тишине,
В сокровенной глуби
Молодого сердца,
Ты ее запела
Словно в полусне.

Песнь неслась родная
И в тебе лучилась
Радостным и светлым
Мужеством своим.
Соки корневые
Так восходят к кронам
И несут им силу,
Поднимаясь к ним.

Ты крылом казалась
Чайки над волнами,
Вереском, растущим
На холме крутом,
Песней птиц весенней,
Зимней тишью леса...
Для меня была ты
Чистым родником.

ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иржи Волькер

В ПАРКЕ ОКОЛО ПОЛУДНЯ

Белизна первоцветов плывет по газонам,
И на яхтах уносится день голубой.
На песке детвора раздает его кронам,
Раздает этот день в суете городской.

Я сегодня мальчик, к радости льнущий,
И могу любить
Сегодня и завтра еще, может быть.
Страданья каменных домов я искуплю молитвою цветущей.
Но и молитва крепнет, зрея, как яблоко в листьев гуще.

На склоне ночи
Любовь в груди моей растравят, созревая, очи.
Я буду воином,
Я им стать достоин;
Саблей молится воин.

КОММЕНТАРИИ

Второй том переводов Анны Ахматовой включает в себя стихотворные переводы 1950—1960-х годов. Тексты расположены в алфавитном порядке стран или административных образований, к которым принадлежат переводимые авторы. Такой, чисто формальный, принцип композиции выбран нами не случайно. Ахматова не знала большей части языков, с которых ей приходилось переводить в 1950—1960-е годы, для нее, как и для большинства советских переводчиков, делались подстрочники. Ее задачей было создание на русском языке полноценного стихотворного текста, соответствующего оригиналу по смыслу и форме и вводящего в обиход русской поэзии индивидуальные черты стиля и образной системы иноязычного автора. Беседуя предварительно с учеными, знатоками поэзии, и шире — знатоками истории и культуры соответствующего народа, Ахматова погружалась в мироощущение, судьбу, нравственные и философские основы творчества и жизни автора, которого переводила. Создавая текст произведения, полноценно звучащий для русского читателя, она сохраняла и национальные черты, — образы, обычаи, географические названия. И все же — прежде всего она создавала русский стих, часто носящий следы ее собственной творческой индивидуальности и интонации. Трудно сказать, кто из переводимых авторов был ей ближе. Неоднократно она заявляла, что переводить вообще надо авторов, которые далеки по своей творческой манере от переводчика. Учитывая все вышесказанное, мы выбрали за основу композиции тома чис-

то формальный принцип — алфавит стран — как наиболее уместный.

Следует отметить, что готовивший издание стихотворных переводов Ахматовой для издания «Библиотеки поэта» Э.В. Песоцкий предлагал в свое время и другие возможные принципы композиции тома. В одном случае он считал возможным после трех, как он полагал, «собственно ахматовских» стихотворений — «Одиночество» Рильке, «Заре» Антеру ди Кенталя и «Подражание армянскому» по мотивам Ованеса Туманяна — открыть издание разделом «Поэзия Востока», куда вошли бы «Лирика Древнего Египта», «Китайская классическая поэзия», «Корейская классическая поэзия», поэзия Индии и Вьетнама, после чего предполагались разделы «Поэзия Кавказа», «Поэзия народов России», «Поэзия Прибалтики», «Поэзия Восточных славян», «Поэзия Западных славян», «Поэзия Южных славян» и «Поэзия Западной Европы». Смешение административного, географического и этнографического принципов в такой композиции крайне затруднило бы распределение по этим рубрикам конкретных авторов. Кроме того, за последние десятилетия значительно изменилась карта Европы, и предложенное Э.В. Песоцким деление, при многих его достоинствах, стремительно устаревало.

Второе предложение Э.В. Песоцкого было чрезвычайно смелым, но также невыполнимым. В его бумагах сохранился план распределения материала по тематическим рубрикам: «Любовь», «Размышления и поучения», «Отчизна», «Былое», «Лица и события», «Грусть и страдания» и «Незавершенные произведения». Стихотворения и поэмы одного и того же автора оказывались в разных разделах, и эта классификация часто была весьма условной. Думаю, не надо объяснять, почему и этот принцип композиции был нами отвергнут.

Выбранный формальный принцип расположения переводов в алфавитном порядке также имеет свои недостатки. По-

эты, писавшие на одном языке, но жившие в разных странах, оказываются удаленными друг от друга, а поэты, писавшие на разных языках, но жившие в одной стране, — соединены в одном разделе. Алфавитный порядок не позволяет отделить древнюю поэзию от новейшей, объединить в соответствующие разделы поэзию Востока, Западной Европы или славянского мира.

Переводы, выполненные Ахматовой в соавторстве с другими авторами, помещены после основного корпуса текстов в разделе «Коллективное». В комментариях приводятся объяснения этого построения и доказательства двойного авторства.

Переводы, первоначально сделанные (начатые?) другими, но существенно отредактированные или переработанные Ахматовой, оставлены в основном корпусе тома; сведения об участии в работе над переводами других лиц приводятся в комментариях. Здесь же публикуются наиболее интересные сохранившиеся подстрочники переводимых стихов, а также изложена история обращения Ахматовой к переводу именно данного автора, — издательские договоры, беседы с учеными — знатоками соответствующих языков и литератур, отзывы редакторов и современников Ахматовой о ее переводах. В комментариях также приводятся варианты ахматовских переводов и обязательно указывается наличие подписи — «Перевод А. Ахматовой» или «Перевела Ахматова». Полагаем, что наличие такой подписи является бесспорным доказательством авторства Ахматовой-переводчика.

Составитель стремился представить переводческую деятельность Анны Ахматовой возможно более полно. Однако вопрос о включении в том некоторых текстов является спорным. Прежде всего это касается переводов, не удавшихся Ахматовой, не завершенных или сделанных ею по ошибочным подстрочникам. Примером последнего может служить выполненный Ахматовой перевод стихотворения вьетнамского поэта То Хыу «Льюм» («В те дни, когда погиб Хюэ...»).

Оно было напечатано один раз — в книге «Стихи поэтов Вьетнама» (М., 1955). В дальнейшем, в сборнике То Хыу «Стихи. Перевод с вьетнамского» (М.: Гослитиздат, 1961), стихотворение печаталось в переводе не Ахматовой, а А.М. Ревича. Так же, после единственной публикации, были заново даны для перевода отдельные стихотворения Яна Райниса («Нежный свет» Ахматовой — «Нежное сияние» М. Зенкевича), Нурдаля Грига («Эйдсволл» и «Норвегия» Ахматовой — «Эйдсволл» и «Норге» Е. Аксельрод). Тем не менее своеобразие Ахматовой-переводчика проявилось и в этих «неудачных» переводах, и мы включаем их в основной текст тома.

В автографах и машинописных копиях переводов Ахматова чаще всего пользовалась принятой в поэзии заглавной буквой в начале каждой строки. Однако иногда издатели-составители специально просили ее не делать этого и ставить заглавную букву только после точки. Мы унифицируем форму написания и восстанавливаем заглавную букву, так как именно эта форма чаще всего использовалась Ахматовой и принята в сегодняшней поэзии.

В настоящем томе помещен также алфавитный указатель переводов Анны Ахматовой, включенных в тома 7 и 8 «Собрания сочинений».

Составитель выражает глубокую благодарность сотрудникам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Российского государственного архива литературы и искусства, любезно предоставившим для изучения и публикации материалы фондов А.А. Ахматовой. Благодарим также за научные консультации и помощь в работе Ирину Витальевну Платонову-Лозинскую, Руфа Игоревича Хлодовского, Андрея Дмитриевича Михайлова, Галину Петровну Андрееву, Владимира Львовича Британишского, Евгения Михайловича Солоневича.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Расул Рза

Расул Рза. Стихотворения. М., 1958. (Б-ка советской поэзии). С. 73—75, 82—84; За солнцем. М., 1961.

Расул Рза (наст. имя Рзаев Расул Ибрагим-оглы; 1910—1981) — азербайджанский поэт, автор патриотических произведений о борьбе народов за свободу, о социалистическом преобразовании мира, поэмы «Ленин» и др. Стихи начал писать с 1919 г., первая книга стихов «Чапей» вышла в 1931 г.

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод 90 строк поэта был подписан Ахматовой 8 августа 1950 г. Ей были даны для перевода стихи, связанные с темой обороны Ленинграда. Два стихотворения, переведенные Ахматовой, включались после 1950-х гг. во все издания Р. Рзы, — см., например, Рза Расул. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1982. С. 91—92, 108.

33 Ленинград. Кёр-оглы могучий и быстрый Гырат. — Речь идет о легендарном богатыре Кёр-оглы и его коне Гырате, которые, по мысли поэта Р. Рзы, приходят на помощь сражающемуся Ленинграду. Образ перекликается с ахматовским образом могучих Дедов Морозов, также приходящих на помощь сражающимся советским войскам (см. т. 2, ч. 1. С. 15, 414—415).

АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Антология армянской советской литературы. Ереван, 1957. С. 40, 145—146, 467 (А. Исаакян, Е. Чаренц, М. Маркарян); Огонек. 1956. № 2. С. 24 (М. Маркарян);

Новый мир. 1952. № 3. С. 66—67; 1959. № 8. С. 88 (М. Маркарян); Дружба народов. 1956. № 5. С. 71; 1958. № 9. С. 96 (А. Исаакян, М. Маркарян); Литературная Армения. 1959. № 6. С. 88—89 (В. Терьян); *Граши А. Солдаты мира*. М., 1950; *Исаакян А. Избранное*. Ереван, 1952; Избр. произведения. М., 1952; Избр. сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1956; Стихотворения и поэмы. М., 1960. (Б-ка советской поэзии); *Маркарян М. Голос матери*. М., 1952; Стихотворения, М., 1955; *Раздумье. Стихи*. Ереван, 1956; *Лирика*. М., 1960; *Терьян В. Стихотворения*. М.; Л., 1960; *Ахматова А. Из армянской поэзии*. Ереван, 1976 (А. Исаакян, В. Терьян, Е. Чаренц, А. Граши, М. Маркарян); Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 338—347.

Ашот Граши

Граши Ашот Багдасарович (наст. фам. Григорян, 1912—1973) — армянский поэт. Начал печататься в 1929 г., первый сборник стихов «Вступление» вышел в 1934 г. Стихи А. Граши посвящены природе, дружбе народов, раскрытию чувств советского человека. Перевел на армянский язык стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Петефи и других поэтов.

Аветик Исаакян

Исаакян Аветик Саакович (1875—1957) — выдающийся армянский писатель. Печататься начал в 1892 г. В 1893 г. уехал за границу, учился в Лейпцигском университете, путешествовал по Италии и Греции. В 1895 г. вернулся в Армению. Первая книга стихов — «Песни и раны» — вышла в 1897 г. Участвовал в борьбе с царизмом, остро переживал угнетение народов Кавказа, в стихах отразились страдания поэта из-за невозможности облегчить судьбы челове-

ства. О его творчестве сочувственно отзывался В. Брюсов. А. Блок в 1916 г. писал: «...поэт Исаакиан первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет» (Собр. соч. Т. 8. 1963. С. 455—456). С 1911 г. жил в эмиграции, в 1926 г. вернулся в Армению, с 1930 по 1936 г. — снова за границей. В 1919—1922 гг. издал в своей обработке сказ «Мгер из Сасуна» по мотивам армянского народного эпоса. Автор многих книг стихов и прозы, в годы Великой Отечественной войны была широко известна его публицистика. В 1946 г. за стихи военных лет удостоен Государственной премии. Возглавлял Союз писателей Армении.

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод стихотворений для «Избранного» А. Исаакяна — 171 строка — был подписан Ахматовой 22 августа 1950 г. Затем, 15 и 29 октября 1955 г., с тем же издательством она заключила еще два договора на перевод 97 и 207 строк для его двухтомника «Избранные произведения» и сборника «Стихи». Стихотворение «Сон» по рукописи РНБ впервые было опубликовано в брошюре Л.М. Мкртчана «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» (Ереван, 1992, на правах рукописи) и в его же статье в журнале «Слово-Word» (1933. № 15. С. 119).

В отделе рукописей РНБ (ф. 1073, ед. хр. 261—270 и 410) хранятся автографы, авторизованные и неавторизованные машинописные копии, многие из которых имеют подписи А. Ахматовой. На оборотной стороне листа с переводом стихотворения «Буду жертвой твоей...» (ед. хр. 261) имеется список переведенных Ахматовой стихотворений Исаакяна с подсчетом строк: «Однажды девочка — 36. Шар солнечный — 14. Собрались сотни — 12. Вечной памяти — 20. <Всего> 82 строки. Мне сказали — 15. Песня дев — 12. Изв. дорога — 16. Шумно — 8. Вот я — 12. Евр. лег. — 10. Буду жертв. — 12. О, как уныл. — 12. Я к Заро — 12. Певец я — 6. С утратой — 8. <Всего> 123. Мне озеро — 16. <Всего> 139.

37 *«Певец я — птица в вышине...»* Варианты строк:
5—6: 1) И шопот — ропот я люблю / И песню горя в тишине.
2) И шопот, ропот я люблю. / И песню раненой души.

«Извивается дорога...» Варианты строк: 2: К берегу морскому льнет. 3: Яр Шушан, меня оставив; 5—7: Ах, дорога к пасти смерти / Вьется пестрою змеей... / В пустырях я, без могилы, 13—16: И дорога та избита / И вокруг моря бед ведет, / Яр в моей крови омыта / Под венец с другим идет. Подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой». Яр — любимая.

38 *«Вот я какой увидел сон...»* Варианты строк:
9: Проснулся я — в груди тоска... 11—12: Любовь та — струйка родника — / Она иссякла навсегда. 11: Не ты ли струйка родника —. Подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой».

«Шумно та звезда упала...» Варианты строк
1: Шумно звездочка упала. 5—6: Я ворвался с песней нежной / С песней жаркою, как кровь. После даты место написания: Александрополь.

39 *«Мне сказали: «Давно умерла твоя мать...»*
Варианты строк: 10—11: Каждый миг сострада, тоскуя, любя, / В вечном страхе, совсем не жалея себя, 15: Мать родимая, мама-душа... Подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой».

40 *«С утратой того, что любимо...»* Вариант строки 6: Влиять на сердце. Подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой».

41 *Вечной памяти С.Г. Закияна. Закиян С.Г.* — герой армянского народа, погибший в 1942 г.

44 *Из поэмы «Песни Алагяза». Песни девушек*
I. *«На вершине горы снег блестит первозданный...»*

В ОР РНБ — машинопись другого варианта перевода с подписью: «Перевод А. Ахматовой».

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Гора блестит вершиной снеговою,
А сердце млеет в пламенной груди.
Уйти бы в горы мне с моей тоскою,
Оттуда снег для сердца принести.

Умчите, ветры, мой привет безгласный
Любимому. Не видела его
Я целый год, и умереть согласна
За тех, кто видел друга моего

О, если б я алмазной птицей стала
Иль изумрудной стала бы мечтой,
Над спящим другом ночью бы летала,
Склоняясь над прекрасной головой.

44 Из поэмы «Песни Алагяза». Песни девушек. Песнь пятая. I. «Как беспощадно туча звезды прячет...» Вариант строки 1: О, как уныло туча небо прячет. Подпись: «Перевела А. Ахматова».

45 Песни девушек. Песнь пятая. II. «Я к Заро на рассвете пришел...» Варианты 2-й и 3-й строф: строки 5: 1) Но у этих закрытых дверей; 2) Но ягнят мне послышался плач; 3) Но ягнят ее слышался плач; 5—6: Но услышал я голос ягнят / Из-за этих закрытых дверей; 5—8: Но у этих закрытых дверей / Голоса я услышал ягнят, / Что почуяли горе мое; / И помощь мне как будто хотят. 7—8: Чуют горькое горе мое / И, должно быть, несчастье сулят. 5—8: Но ягнят ее слышится плач / Из-за этих закрытых дверей... / Как страдаю я, чуе, джан! / И теперь вы мне жизни милей. 7—8: Горе

горькое чуе́те, джан! / И тепе́рь вы мне жизни миле́й /
10—12: В муке сердце изныло мое, — / Этой ночью я видел
во сне / Безутешно скорбящей ее. 12: Безутешно скорбящей
тебя. Подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой».

46 IV. *«Буду жертвой твоей, только дверь мне
открой...»* Варианты 3-й строфы: строки: 9—11: 1) Гор
вершина для тучи приветливый дом / И вершина для стран-
ника — ветра приют, / Но куда, о скажи, мы тоску унесем,
2) Есть у тучи приветливый дом за норой / И пещера скали-
стая — ветра приют... / Я один бесприютен, что делать с тос-
кой? — 12: Только дверь отвори, я умру пред тобой. Под-
пись: «Пер<евод> А. Ахматовой».

47 Еврейская легенда. Варианты строк: 3—4: И се-
верной и южной взял земли, / С востока, с запада прибавил
он. 10: В родных объятиях покой сердец. Дата: 1932.

Маро Маркарян

Маркарян Маро Егишевна (1915—1999) — армянская
поэтесса. В 1940 г. вышел первый сборник стихов «Бли-
зость», в 1945 г. второй — «Стихотворения». Большая часть
стихов посвящена темам любви и природы. В дальнейшем, в
кн. «Голос матери» (1950), «Пшатовое дерево» (1954),
«Лирический рассвет» (1954) и др., обратилась к граждан-
ской тематике. Маркарян высоко ценила переводы Ахмато-
вой. В ОР РНБ (ф. 1973, ед. хр. 894) хранится письмо Ма-
ро Маркарян к Ахматовой: «Посылаю Вам мою последнюю и
любимую книгу, где читаю Ваши чудесные переводы и чувст-
вую себя счастливой».

57 «Природу пышную земли иной...» *Месроп* —
Месроп Маштоц (361—440), выдающийся армянский уче-
ный, просветитель, создатель армянского алфавита.

Ваан Терьян

Терьян Ваан (наст. имя Тер-Григорьян Ваан Сукиасович; 1885—1920) — армянский поэт и общественный деятель. Учился в Москве и Петербурге. Первый сборник стихов «Грезы сумерек» вышел в 1908 г. в Тбилиси, второй — в 1912 г. в Москве. Вместе с М. Горьким готовил «Сборник армянской литературы» (издан в 1916 г.). Приветствовал Октябрьскую революцию, стал сотрудником Народного комиссариата по делам национальностей, в 1917 г. вступил в Коммунистическую партию и был членом ВЦИК на третьем и четвертом съездах Советов.

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод 66 строк стихотворений В. Терьяна для его однотомника, который предполагалось издать тиражом 25 000 экземпляров, был заключен Ахматовой 6 февраля 1959 г.

БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Звезда. 1946. № 4. С. 58 (Э. Огнецвет); *Дубовка В.* Золотая ранница. Л., 1961; *Лужанин Максим.* Стихи. Л., 1952.

Ахматова начала переводить белорусских поэтов в 1945—1946 гг. — Эди Огнецвет (см. т. 7, с. 287 наст. издания). В 1950-е гг. она переводила М. Лужанина, темы поэзии которого во многом оказались созвучны творчеству самой Ахматовой, и Вл. Дубровку.

Владимир Дубовка

Дубовка Владимир Николаевич (1900—1976) — белорусский поэт. Начал печататься в 1921 г., первая книга стихов «Стремнина» вышла в 1923 г. Для стихов Дубовки характерны романтическая приподнятость, использование фольк-

лорных мотивов. Перевел на белорусский язык Пушкина, Байрона и других поэтов. Ахматова, по-видимому, была знакома с В.Н. Дубовкой. В ее записной книжке 1956—1961 гг. записан его адрес: г. Минск, ул. Энгельса, д. 27.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 441 и 438) — авторизованные машинописные копии двух стихотворений Дубовки, переведенных Ахматовой.

62 Клены в пальцах своих золотых. Первоначально имело заглавие: «Пальцы желтых кленовых листьев», точно повторяющее первую строку подстрочника («Пальцы желтых кленовых листьев Стремятся осень схватить за шею...») Варианты строк: 5—6: Но слетает листок за листком, / Эхо гукает хищною птицей. 8: Там орех за орехом катится.. (В подстрочном переводе эта строфа: «Клен в окна застучал (зазвенел, захлопал), отозвалось канею эхо (каня — порода коршунов). / Месяц рвал орехи с куста, раскидал над миром орехи»). 9—15: И орех за орехом кружим, / Как звезда за звездой во вселенной, — / Предвещает круженьем своим, / Что вернется краса непременно. / Что опять заблестит небосвод, / Возвратятся и счастье, и воля. / Что надежды весна принесет; 17—18: Слезы осенью выплачем все, / Чтоб весной мы их больше не знали; / 23—24: Отшумит, отгремил листопад, / И рассыплется хищное эхо.

При доработке текста многие детали и общий смысл перевода были приближены к тексту оригинала, но замена названия птицы «каня» — коршун — на «чайку» привело к утрате двух эпитетов «хищный», важных для понимания смысла стихотворения: «Эхо гукает хищною птицей» и «И рассыплется хищное эхо». Ср. с подстрочным переводом строф 3—6: Они в руне голубом легли / и плывут над землей широкой. / Закрасуется вновь на земле, / красота закрасуется вокруг. / Осенит нас, приютит всех, (окутает, пригреет) / одарит сердце, мыслям даст волю (поблажку?) / Принесет

мечтаний своих / нам в синем волшебном подоле. / Осень выплачет слезы все, / чтоб их люди никогда не знали. / В небесной голубой красе / радость ходит бесконечной волною. / Она придет и в каменные здания, / она придет под серые крыши. / Листопад минует, отшумит / и рассыплется кани эхо (канье эхо?)

63 Думы летят. Варианты строк: 1: Думы летят — телеграммы без адреса. 19—21: Вечно открыто для красного солнышка / Девичье сердце до самого донышка... / Строчками тихими, рифмою скромною / 24: Думы летят — телеграммы без адреса.

Ср. строки 19—21 с подстрочным переводом оригинала: «Может, не так? — Но ведь сердце открыто / так и мое, как и сердце девушки... / Словами скромными, ясными словами / я и буду чтить пламя жизни (славить?)». По-видимому, стремление к более точной передаче оригинала заставило отказаться от находки переводчика в строках «Строчками тихими, рифмою скромною / Силы земли воспою неумные» и от изысканной рифмы *скромною — неумные*. В окончательном варианте рифма небрежна: *скромными — неумные*, но зато сохранено повторение слов в строках 5 и 21: в оригинале: 5: Словами ясными, словами скромными, 21: Словами скромными, ясными словами. Ср. в окончательном тексте: 5: Строчками скромными, 21: Строчками тихими, строчками скромными.

Максим Лужанин

Максим Лужанин (наст. имя Лужанин-Каратай Александр Амбросиевич, 1909—2001) — белорусский поэт. Начал печататься в 1925 г., первый сборник стихов «Шаги» вышел в 1928 г. Автор нескольких десятков книг стихов, прозы и литературной критики. Многие произведения посвящены

темам истории белорусского и русского народов, строительству новой жизни в СССР и пр. Перевел на белорусский язык сочинения Грибоедова, Гоголя, Радищева, Пушкина, польских поэтов.

Ахматова переводила стихи М. Лужанина в начале 1950-х годов. Перевод стихотворения «Вечная жизнь» был включен в ранние варианты рукописи книги Ахматовой «Слава миру!», но вынут по требованию внутренних рецензентов.

67 Вечная жизнь. Варианты строк: 5—7: Утоптан снег, блеснул огонь, и смерти / Глаза певца уже покрыл туман. / Он привстает, как бы в корону метит —.

БОЛГАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Славяне. 1958. № 4. С. 45 (Е. Багряна); Иностранная литература. 1959. № 8. С. 101—102 (Е. Багряна); *Багряна Е.* Сердце человеческое. М., 1959; *Геров А.* Классовое общество. София, 1965; Литературная Россия. 13 авг. 1965 (С. Лилова-Тихомирова); *Славейков П.* Сон о счастье. Избр. стихотворения и поэмы. М., 1962.

Елисавета Багряна

Елисавета Багряна (наст. фам. Белчева, 1893—1991) — болгарская поэтесса. По изначальной профессии сельская учительница. Печататься начала в 1915 г. Первая книга стихов «Вечная и святая» вышла в 1927 г., была посвящена любви, стремлению женщины к счастью. В книгах стихов 1930-х гг. — «Звезда моряка», «Сердце человеческое» — поэтические впечатления от путешествий по Болгарии и странам Европы. В годы Второй мировой войны писала антифашистские стихи, в послевоенные годы — о строительстве по-

вой Болгарии. Лауреат Димитровской премии (1950). Переводила на болгарский язык Пушкина, Тютчева, Блока, Ахматову и других русских поэтов.

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод 199 строк Е. Багряны был подписан Ахматовой 18 декабря 1958 г. В ОР РНБ — автографы, авторизованные и неавторизованные машинописные копии ахматовских переводов стихов Е. Багряны с подписями А. Ахматовой.

В рабочих тетрадях Ахматовой — многочисленные упоминания имени Е. Багряны, которую она переводит, и записи о том, что Ахматову на болгарский язык переводит Багряна. В последние месяцы жизни, в Боткинской больнице в Москве, Ахматова составляет список тем для будущих исследователей ее творчества. Среди них — «Влияние на следующие поколения. Подражатели за границей (Багряна) и дома» («Записные книжки Анны Ахматовой. (1958—1966)». М.; Torino, 1966. С. 690. — Далее — ЗК, номер страницы). Варианты строк в автографах ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 231—241).

67 Зов. Варианты строк: 1: Замкнута я здесь, крепки за-творы; 3—4: Не могу ни петь и ни вздохнуть я, / А привыкла улетать в просторы. 8—12: В тусклом сумраке глухой темни-цы. // Сбей замки, о сбей замки из стали, / Поведи сквозь эти переходы, Не однажды за мечтой свободы / Думы-песни далеко летали. В автографе дата: 1923 и подпись: «Пер <е-вела> Ахматова». См. о вариантах стихотворения «Зов» также во вступ. статье (С. 23 наст. тома).

70 Виденье. Варианты строк: 4: Что слаще чем вина и мед. 9—12: <Бурлило> Я видела море зеленого цвета, / Корабль над сиянием пен... / <У берега чужого мне> У берега нового пламя рассвета / И песня немолчных сирен. 14: <И мужеству нету> Не будет отваге конца, 16: И вольностью

полны сердца. 20: Всю терпкость обиды храня. 22: <Кипящую> Бурлящую кровь обожгла. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

71 На «Гелиосе». Варианты строк: 9: А вихрь вуаль мой легкий подымал; 21: Иль <юность> радость, что не допита до дна; 22: Иль <вольность> ветер и речная ширина. Дата: 1924. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

72 Вечная. Варианты строк: 1: Бесплотная почти что <и> — как бескровна! 4: И все равно — Мария или Анна. 7: <И губы сжатые не шевельнутся> / И рот, что крепко сжат, не шевельнется; 10 и после 10: <Упасть> Скользнуть на грудь ей с пальца воскового / <И эти руки скрещены навеки / Венчальный трепет — и ввалились веки>; 12 и после 12: Но слышите ль <невинный крик> вы голосок ребенка, / Что в колыбельке рядом плачет звонко / В бессмертье кровь ее преобразилась / Ее душа туда переселилась; 15: И минут дни <и годы и <столет>ья> ия минуют; 18—20: Среди ночи, что всегда благоуханна / И внучка понесет неумолимо / унаследует и имя / Глаза и губы <волосы незримой> / той, что нам незрима. Дата: 1925. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

73 Судьба. Варианты строк: 2: Сквозь <жалкое> грустное журчанье и <весь> предосенний сон. 5: Я сердцем чую взгляд твой, блуждающий во мраке. 7: <И я как> Теперь я будто вижу. Дата: 1925 г. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

Забыватье. Вариант строки 14: Но веди — я согласна идти. Дата: 1920.

74 Безумие. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 231) — три последовательных варианта работы Ахматовой над этим пе-

реводом: черновой карандашный автограф, авторизованная машинопись с правкой и чистовая машинопись. Первый черновой набросок — см. вступ. статью (С. 25—26 наст. тома). Во втором варианте (машинопись): 1-я строфа: Какие эта ночь таит виденья / И тополя зачем взметнулись так... / Какие крики, вопли и моления!.. / Умолкнет и опять застонет мрак. / Не рвется ль чья-нибудь душа из мира? / <Зачем нам> лес и <почему> грозит <нам словно> как злобный враг / И Орион сверкает как секира. 2-я строфа: Для заговора ночь такая — друг. / Страшны пожаров золотые лица. <...> / Не третий ли уже пропел петух / Свистя, балует ветер с проводами. / <Заржали кони, словно злобный дух> / Как будто кто-то гонится за нами. 3-я строфа: Мы не хотим ни скипетра, ни трона, / Ведь не принцесса я, ты не король. / Не сеем мы <ни счастье> страдание и боль / Ни царских грамот не везем с собою. / Ничью на свете мы не ищем кровь. / Мы вышли в мир с открытыми глазами, / Чтоб только встретить тень твою — любовь / <Мы твой> И твой мираж хотим увидеть сами. / Дата: 1926. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

76 Ей. Печ. по черновому автографу ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 234).

77 Мудрость. Авторизованная машинопись ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 237). Правка карандашом. Варианты строк машинописи до правки: 3—4: О, как бодро дорога <белеет> бежит, но ей тоже растаять в тумане, / А по ней это шествие теней одиноко и мрачно скользит. 5: О, как много напрасной тревоги, сколько муки в глазах затаилось; 12: Всем угаснуть вам с солнцем закатным, / умереть, как под льдинкою лист.

Снег. Автограф карандашом в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 239). Перевод не закончен. После текста подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой». Отсутствующие в переводе

строфы 2 и 4 обозначены черточками. Однако с точки зрения стилистики собственно ахматовской поэзии, в тексте из 16 строк полностью переданы и смысл, и композиция лирической темы стихотворения Ел. Багряны, которое близко лирическим темам поэзии самой Ахматовой.

78 Ты. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 241) — автограф карандашом с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой». Перевод не завершен, отсутствующие последние две строки обозначены черточками.

Александр Геров

Геров Александр (1919—1997) — болгарский поэт и общественный деятель. По-видимому, Ахматова была знакома с ним (возможно, заочно), в конце 1965 г. она включила имя А. Герова в список тех, кому собиралась подарить книгу своих переводов.

79 Литературный утренник. Черновой автограф (незавершенный) перевода Ахматовой — в ее рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» от февраля (?) 1965 г.: Был зал наполнен множеством детей, / Шушуканьем гудел необычайно <Я поглядел> Взглянув на них, я всей душой моей / Был потрясен одной глубокой тайной: // <что> ведь что-то было от детей во мне, / а кровь моя живет в них и <бушует> / / что смерть и вообще не существует. // Мои глаза проникли в этот час / и потонули вдруг в <бездонной> грозной бездне / смерть стала / бесполезней // А <дети, птицы> скалы, дети, птицы и цветы / Луна / Она себя в тот миг осознавала/

День. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 250) — подстрочник и чистовая машинопись перевода. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Тот же перевод — в рабочей тетради Ахматовой.

вой «Тысяча и одна ночь» — запись начала 1965 г. с правкой в последней строке, было: «За этот день, что ты была со мной». Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

Перевод может служить примером того, как далеко переводчица иногда позволяла себе отойти от оригинала. Ср. подстрочник: «День полон тобой и твоей сущностью, / <и этот день так велик,> что мне теперь безразлично время / с его бесконечным томлением. / Звезды лучезарные и далекие / вышивают плащаницу ночи. / Спасибо тебе, моя маленькая вечность, / за этот день, исполненный красоты».

Светлана Лилова-Тихомирова

Лилова-Тихомирова Светлана — в 1960-е гг. начинающая болгарская поэтесса.

Пенчо Славейков

Славейков Пенчо Петков (1866—1912) — болгарский поэт, сын известного поэта и просветителя Петко Рачева Славейкова. Борец против монархического режима в Болгарии, был вынужден уехать из страны, умер в изгнании. Его сочинения — «Эпические песни» (в 2 т., 1896—1898), «На острове блаженных» (1910) и др. Поэзия Славейкова исполнена высокого героического пафоса, посвящена темам национально-освободительной борьбы, прославлению героев, высоты человеческого духа, а также любви, природе, философскому осмыслению жизни. Перевел на болгарский язык Пушкина, Лермонтова, Гете, Гейне, Петефи.

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод 247 строк П. Славейкова для сборника «Сон о счастье» был подписан Ахматовой 2 апреля 1962 г.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 356) — черновой автограф перевода Ахматовой «Микельанджело» с правкой.

81 Cis moll (до-диез минор). Стихотворение (или небольшая поэма) Славейкова посвящено пятой симфонии Людвига ван Бетховена. Эпиграф — знаменитая фраза Бетховена «Так стучит в ворота судьба», предваряющая первые такты его гениальной музыки. Тональность Пятой симфонии — *C moll*, т. е. до минор. Очевидно, заглавие выбрано автором не случайно, и так он определяет тональность своего собственного произведения.

85 Микельанджело. В черновом автографе РНБ заглавие: «Микель-Анджело». Варианты строк: 14—15: кидается и падает... <Уж опустилась> И наступила ночь; / толпа рассеяна — к себе домой; 20: Стояли и белели в полумраке, залитые; 22: Их мертвая сковала неподвижность; 24: так скованы казались эти формы. 28: Он подошел тихонько и зажег; 31—33: И в тот же миг ему предстал пророк, / как будто повернув лицо к творцу / как будто <вопли> грохот отдаленных оргий; 41: <Изречь> Произнести грядущим временам. 45—47: Очнувшийся недвижный и немой — / и как бы ропот из груди возникший / поднявшись, строго с ним заговорил: 51—54: вокруг тебя разврат кишит позора / и жертвы падают вокруг тебя. / Пред грозным алтарем родного края / ждут трупы мести. Созерцаешь ты; 57—59: Где смелый вождь? Он над рабами раб? / В его душе и злоба и любовь / уже угасли, молот держат руки; 63—77: как будто из залитой кровью груди / израненного зверя, оттолкнувшись / под сводами высокими звучит. / Он отступил и молот свой отвел, / готовый на незримого врага / его обрушить, но внезапно / его рука упала, и сказал он: / «Ты прав, о гений темный, но впервой / сейчас твои я услышал слова... / Я половину краткой нашей жизни / бесчувственному камню посвятил. / Огонь священный, жизнь зажженный, / в моей душе для жизни не горел. / Среди <тесных> темных стен, где только эхо слышно, / он гаснет понемногу день за днем.

ВЬЕТНАМСКАЯ ПОЭЗИЯ

Стихи поэтов Вьетнама. М., 1955. С. 207—209.

То Хью

То Хью (1920—2002) — вьетнамский поэт-революционер, активный участник Демократического фронта (1934—1939) и борьбы за независимость Вьетнама под руководством Коммунистической партии Индокитая. Начало творческого пути То Хью относится к концу 1930-х — началу 1940-х гг. В 1954 г. была издана книга его стихов «Вьет-Бак» — о годах сопротивления и революционной борьбе.

Издательский интерес к литературе нового демократического Вьетнама, образованного в 1945 г. и с 1950 г. имеющего дипломатические отношения с СССР, возник в середине 1950-х гг. Стихи То Хью входили в сборники «Стихи поэтов Вьетнама» (М, 1955), «Из современной вьетнамской поэзии (М, 1973) и др. Отдельной книгой они были изданы в 1961 г. (То Хью. Стихи. Пер. с вьетнамского. М.: Худож. литература).

Ахматова перевела стихотворение То Хью «Льом» («В те дни, когда погиб Хюэ...») для издания «Стихи поэтов Вьетнама». В последующих изданиях это стихотворение То Хью печаталось в переводе А.М. Ревича.

89. Льом. *Льом* — имя мальчика, связанного партизанского отряда. *Хюэ* — название города, родины поэта То Хью.

ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Буми-Папа Р. Солнце на ладони. Стихи. М., 1966.

Рита Буми-Папа

Буми-Папа Рита (1906—1984) — греческая поэтесса. В ее ранних сборниках стихов — «Песни любви» (1930),

«Пульс моей тишины» (1935), «Страсть сирен» (1938) — преобладают темы любви, пейзажная лирика. В годы фашистской оккупации Греции участвовала в Сопротивлении, с этого времени в ее поэзии стали преобладать гражданские темы (сб. «Афины», 1945; «Новая поросль», 1949; «Роза Сретенья», 1960; «Тысяча расстрелянных девушек», 1963). Вступительная статья Петроса Антеоса к сборнику поэтессы «Солнце на ладони» открывается словами Риты Буми-Папа о себе: «Я принадлежу моему народу, более того — человеку моего времени. Во всех своих книгах я выступаю на его стороне и отождествляю свою судьбу с его судьбой. Без этого отождествления, думается мне, я была бы бесплодным деревом».

Рита Буми-Папа перевела на греческий язык стихи Блока, Ахматовой, Есенина, Пастернака.

Ахматова переводила стихотворения Риты Буми-Папа летом и осенью 1965 г. Она привлекла к этой работе А.Г. Наймана. В рабочей тетради Ахматовой есть запись за август-сентябрь 1965 г.: «Гречанка с Ан. Найманом» (ЗК, 613). В письмах Наймана к Ахматовой имя гречанки («Папы-Гриши») встречается неоднократно. Так, он пишет 24 июля 1965 г. из Эстонии: «...теперь пошли дожди, и я, пожалуй, возьмусь за Папу-Гришу, чтобы хоть как-то вернуть руке писательский навык» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 913) 26 декабря 1965 г. Найман пишет лежащей в больнице Ахматовой о «второй порции подстрочников Папы-Гриши», которую передали из издательства. Передали с задержкой, поэтому можно передвинуть сроки сдачи всего перевода — на 1 февраля 1966 г. Речь идет о 1000 строк — см. также запись в рабочей тетради Ахматовой конца 1965 г. (РГАЛИ) «Гречанка (есть договор) 1000 строк». Изучивший «вторую порцию подстрочников» Найман пишет Ахматовой: «Стихи — вольные, и уже готово 400 строк, а всего — 1000 так что мы вполне успеем» (ОР РНБ, ед. хр. 913). В изданной в 1966 г. книге «Солнце на ладони» именем Ахматовой

подписаны одиннадцать переводов, именем А.Г. Наймана — десять.

Греческая поэтесса включалась Ахматовой в список поэтесс, ею переведенных, — см., например, список «Дамы» (ЗК, 718).

8 октября 1965 г. Ахматова сделала запись: «Гречанка — 60%», что означало получение части гонорара за одобренный издательством перевод. Книга «Солнце на ладони» была сдана в производство 21 июля 1966 г., подписана в печать 21 октября 1966 г.

92 Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами... В авторском предисловии к сборнику стихов «Тысяча убитых девушек» Рита Буми-Папа писала: «Все эти гречанки (жертвы гражданской войны в Греции 1946—1949 гг. — Н.К.) могли бы спастись, если бы сказали «да». Но ни одна из них не сказала «да». Эти убитые девушки не давали мне спать по ночам. Я чувствовала, как они вцеплялись в мою подушку, в меня, я прочла массу приговоров, писем девушек-смертниц к своим родным, познакомилась с их жизнью дома, в семье. Их нравственное величие, неповторимый в истории случай самопожертвования, не только потряс меня, но неразрывно связал с ними. Я почувствовала себя их матерью» (цит. по статье Петроса Антеоса в сб. «Солнце на ладони»).

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Грузинская советская поэзия. Тбилиси, 1954. С. 137 (И. Гришашвили); Антология грузинской поэзии. М., 1958. С. 521—522 (И. Гришашвили, М. Квливидзе); *Гришашвили И.* Избр. стихотворения. М., 1951; Стихи. М., 1957. Лирика. Тбилиси, 1959; *Квливидзе М.* Стихотворения. М., 1957; Надпись на камне. М., 1961; До востребования. Тби-

лиси, 1964; *Яшвили П.* Избранное. М., 1958; Литературная Грузия. 1967. № 5. С. 65 (И. Гришашвили, М. Квливидзе).

Иосиф Гришашвили

Гришашвили Иосиф (наст. фам. Мамулаишвили Иосиф Григорьевич, 1889—1965) — грузинский поэт, литературовед и театровед. Академик Грузинской Академии наук. Печать стихов начал с 1906 г. Критики того времени видели в стихах Гришашвили соединение стиливых особенностей грузинского городского фольклора с традициями грузинской любовной лирики. Сам поэт писал о начале своего творческого пути: «Все же надо сказать, что гражданские мотивы в моих ранних произведениях звучали слабо, их заглушала песнь любви» (От автора / Гришашвили И. Стихи. М., 1957. С. 8). Первые книги стихов — «Букет роз» (1906), «Фантазия» (1907). После революции 1917 г. приветствовал социалистическое строительство в Грузии. Научные труды Гришашвили посвящены Лермонтову, Илье Чавчавадзе, актеру Александру Казбеги и др. Перевел на грузинский язык многих русских, армянских и азербайджанских поэтов. За литературную деятельность был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1946) и Сталинской премией (1950).

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод 248 строк Гришашвили был подписан Ахматовой 30 августа 1950 г. Переведенное Ахматовой стихотворение Гришашвили «Слава вождю» первоначально входило в рукопись книги Ахматовой «Слава миру!», но после 1953 г. было исключено по ее желанию. Это был один из первых переводов Ахматовой 1950 г., возможно, выполненный ею совместно с Н.И. Харджиевым, который писал о подобных опытах совместной работы с Ахматовой «по заказу».

113 Пишу стихи. Перевод печатался также под загл. «Когда пишу стихи».

114 Сердце. Печ. по рукописи ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 168).

Перед портретом Марджанишвили. Марджанишвили Константин (Котэ) Александрович (1872—1933) — актер и режиссер.

Пронзил бы роковой апрельский день. — 17 апреля 1933 г. — день смерти К.А. Марджанишвили. Там Верико, прославившая сцену. — Речь идет о Верико (Вере) Анджапаридзе, народной артистке СССР. И там Ушанги — дивный Уриэль. — Ушанг Чхеидзе, выдающийся грузинский актер и театральный деятель, народный артист Грузинской республики. Уриэль — одна из ролей актера в пьесе Гуцкова «Уриэль Акоста». Мы занавес кораллами раздвинем. — В кн. «Лирика» (1959) примечание к этой строке: «На грузинском языке «марджан» означает коралл. Автор имеет в виду коралловый (красный) цвет» (с. 166).

116 Памяти Акакия Церетели. Церетели Акакий Ростомович (1840—1915) — поэт, один из основоположников новой грузинской литературы.

117 Грузинка-мать. Печаталось с эпитафией: «Не думал я, поразился труду женщины. (Из народной песни)».

Михаил Квливидзе

Квливидзе Михаил (Миха) Георгиевич (р. 1925) — грузинский поэт, литературный критик, художник. Печататься начал в 1946 г., первые книги стихов — «Лирика» (1956) и «Надпись на камне» (1961).

121 Памяти Саят-Нова. Саят-Нова (1712—1795) — армянский поэт, зверски убит в Тбилиси во время вторжения персов.

Паоло Яшвили

Яшвили Паоло (Павел Джибраэлович, 1895—1937) — грузинский поэт и общественный деятель. Печататься начал в 1911 г., с 1913 г. изучал живопись в Париже. Вернувшись в Грузию, основал литературную группу грузинских символистов «Голубые роги». Приветствовал установление в Грузии советской власти, воспевал социалистическое строительство и дружбу народов. Перевел на грузинский язык Пушкина, Маяковского, Бодлера, Рембо, О. Уайльда. Был крупным партийным деятелем, подвергся репрессиям, покончил с собой в 1937 г., реабилитирован посмертно. «Сонет к Элли» написан в 1915 г.

ЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Литературная газета. 1956. 19 июля; 1960, 29 нояб. (П. Маркиш); Новый мир. 1956. № 10. С. 101; 1957. № 12. С. 143; 1960. № 2. С. 77; 1962. № 1. С. 166 (П. Маркиш, С. Галкин); Дружба народов. 1956. № 10; 1967. № 8. С. 121 (П. Маркиш, С. Галкин); Огонек. 1956. № 48. С. 27 (П. Маркиш); *Квитко Л.* Песнь моей души. М., 1956; Стихотворения. М., 1964. С. 235—236. (Б-ка советской поэзии); *Маркиш П.* Избранное. М., 1957; Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1960; *Финнинберг Э.* Избранное. М., 1957; *Харик Изи.* Стихи и поэмы. М., 1958; *Галкин С.* Стихи. Баллады. Драммы. М., 1958; *Баумволь Р.* Стихотворения. М., 1958; *Глядя в глаза.* М., 1968.

Рахиль Баумволь

Баумволь Рахиль Львовна (1914—2000) — еврейская поэтесса. Писала на русском языке и идиш, — стихи, прозу и сказки для детей. Первая книга — «Детские стихи» — вы-

шла в 1930 г. На русском языке — «Солнце и ветер» (1958), «Стихотворения» (1958), «Глядя в глаза» (М., 1968) и др. В 1970-е гг. эмигрировала в Израиль. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 1915) хранятся автографы четырех стихотворений Баумволь, написанных ею по-русски и, видимо, подаренных Ахматовой. Анне Ахматовой посвящено стихотворение Р. Баумволь «Прогулка»:

Ты сегодня особенно как-то тиха,
Королева стиха.
Мы с тобою идем по жнивью.
Я молчать тебе вдоволь даю.
И сама я охотно молчу,
Молча думаю то, что хочу.
Я люблюсь в тиши среди полей
Горделивой осанкой твоей,
Властным взглядом, решительным ртом,
Словно сжатым Великим Постом.
Жизнь твоя у Руси на виду.
Я, сестра твоя, рядом иду.
Рост мой мал, я сутулюсь слегка.
За спиною — страданий века.
Хоть и царской я крови, как ты,
Я взирать не могу с высоты.
Мой народ, для кого я пою, —
Разве слышит он песню мою?
Песню отняли злые враги.
Королева, сестра, помоги!
Мне не надо ни стран, ни морей,
Ни чудесной короны твоей,
Только песню заставь их вернуть.
Мы с тобой продолжаем наш путь,
Мы идем по жнивью не спеша.
Надрывается молча душа.
Впереди простирается лес.
Тишина вопиет до небес.

В рабочих тетрадях Ахматовой имя Баумволь упоминается в списках переведенных ею поэтов и в перечнях переведенных поэтесс. В сборниках Баумволь опубликованы четыре перевода Ахматовой. По словам Н.И. Харджиева, он принимал участие в переводе некоторых стихотворений Баумволь, однако степень его участия в настоящее время определить невозможно. Стихотворение «Улыбка», в 1958 г. опубликованное в переводе Ахматовой, в дальнейшем публиковалось в переводе С.Я. Маршака:

Хоть счастье человеческое зыбко,
Как хорошо, что в мире есть улыбка.
Губ уголки слегка приподними —
И будет легче жить тебе с людьми.

Умеет плакать даже и бобер.
Пугает филин смехом темный бор.
Владеет попугай людскою речью.
А улыбаться — свойство человежье.

Живет улыбка с нами целый век.
С улыбкою прощает человек
Все глупости, претензии, ошибки.
До самой смерти молодость — в улыбке.

Самуил Галкин

Галкин Самуил Залманович (1897—1960) — еврейский поэт и драматург. Пьесы Галкина на исторические и библейские сюжеты («Бар-Кохба», «Суламифь» и др.) шли на сцене Московского еврейского театра. В 1946 г. Галкин написал антифашистскую пьесу «Восстание в гетто (За жизнь)». Ахматова была дружна с семьей Галкиных, переписывалась с ним, обсуждала с С.З. Галкиным свою «Поэму без героя», пыталась выполнить его пожелание «заземлить»

поэму. «Попытка заземлить ее (по совету покойного Галкина) кончилась полной неудачей. Она категорически отказалась идти в предместья» (ЗК, 138). 28 ноября 1959 г. Галкин писал Ахматовой: «Получил от Марии Сергеевны Петровых Ваш перевод моего стихотворения «Спустись я только на одну ступень». Мне оно стало родным и на русском языке. В нем почти не чувствуется перевод. Оно и Вами написано как бы одним дыханием. То же самое сказали и в «Новом мире». Вообще им весь цикл понравился» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 776). В декабре 1959 г. Ахматова отвечала Галкину телеграммой: «Благодарю милое письмо. Хворая, готовлю новую книгу. Ира, Аня шлют привет. Кланяюсь Вашей семье. Ахматова» (ЗК, 90). Перевод Ахматовой появился в февральском номере «Нового мира» 1960 г., Галкин умер 21 сентября 1960 г., книгу 1961 г., о которой Ахматова писала в телеграмме, после его смерти она подарила его вдове. Среди эпиграфов, которые подбирала Ахматова для своих произведений, после двух — «А в переулке забор дощатый...» Н. Гумилев, и «Ты поэт местного, царскосельского, значения». Н. Пунин, — следуют строки: «У меня одна дорога: От окна и до порога» (Галкин) (ЗК, 345).

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 245—249) — тексты переводов нескольких стихотворений Галкина с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой», подстрочники, латинская транскрипция еврейских текстов и указания размеров и рифмовки.

По словам Н.И. Харджиева, он принимал участие в переводах стихотворений С. Галкина для сборника «Стихи. Баллады. Драмы» (см. с. 14 наст. тома), однако наличие подписи Ахматовой под автографами и машинописными копиями делает это утверждение сомнительным.

126 Звезда. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 249) — подстрочник и текст перевода Ахматовой (авторизованная ма-

шинопись). К строке 8 — Тем, что блещет до рассвета — приписка Ахматовой: (Не двоятся). Ср. с подстрочным переводом этой строфы: «Эта звезда мне дорога / Тем, что она не двоятся. / Тем, что отдает свое сияние целиком (от всего сердца). / И тем, что, когда она дарит свое сияние воде, / Не тускнеет, не бледнеет / На своем длинном золотом пути / От высоты и до дна / От неба до водных глубин».

Варианты строк 15—16: Тем, что меру постигая, / Я в себя лучи вбираю. Изменения в строках 15—16, видимо, объясняются стремлением возможно более точно передать авторский смысл. Подстрочный перевод этой строфы: «Эта звезда мне дорога / За ее необъятность / И потому, что я нахожу для нее меру, / Потому, что я постигаю эту необъятность, / Потому что ее блеск в свою ткань вбираю, / И за то, что она принадлежит / (Одновременно) и небу и земле. / И за то, что она одновременно / И небесная, и земная».

Ахматова точно передала не только смысл, но и форму стихотворения, о которых сказано: «Размер и рифма. Рифма парная: рифмуется 1-я строка со 2-й, 3-я с 4-й и 5-я с 6-й. Четырехстопный хорей. В первых четырех строках рифмы женские, в 5-й и 6-й — мужские (3¹/₂ строки)». Подпись: «Перевод А. Ахматовой».

127 Бессмертному поэту. При публикации стихотворение подверглось правке (авторской? редакторской? Н.И. Харджиева?). Варианты строк в авторизованной машинописи ОР РНБ (ед. хр. 247): 3: Ты с высоты подай, подай хоть знак единый, 5: И горести мои, и радости ничтожны, 8: И ясен мир тогда, цветет красой неложной. 10—16: Одно всегда мой дух и волю утешало: / То, что, подобно мне, ты с дней твоих начала / Смертельного конца страшился беспрестанно. // Но, сознаюсь, увы, вожатый мой прекрасный, / Что в утешеньи том угроза есть большая: / Пусть с ним не так тяжка действительность живая, / Зато в творенья час оно

стократ ужасней. Заглавие: «Покой и беспокойство». Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

Подстрочный перевод с пометами и уточнениями Ахматовой: «Покой и беспокойство. Мой великий учитель, путешователь, (вожатый), наставник и певец! / Если моя дорога (вверх) не может достигнуть до тебя / Если я, идя своей дорогой, не могу добраться до твоих высот, / Поддай мне с высоты твоей хотя бы знак, / Дабы дорога от тебя (вниз) была мне легче. // И радость моя, и печаль — они несравненно мельче, / И все мое царство — лишь (маленький) уголок (твоего царства) по сравнению с твоим. / Но и у меня (и в моем царстве) порой блеснет звезда, / И весь мир тогда становится ярче и прекраснее. // Если в твоём венце нет пятен (изъяна), / Одно утешение питает меня и множит мою волю к жизни (дай мне мужество жить): / То, что и тебе, как и мне, дано было в удел / С самого начала (дней твоих) бояться конца. (Что и ты, как я, смертен). // Но увы, мой певец, путешователь (вожатый), наставник и учитель! / Это скудное (скупое) утешение таит в себе большую опасность: / Если легче с ним пройти мир действительности, Wahrheit, / То в час торжества (вдохновения) с ним стократ тяжелее Dichtung».

Далее приписка: «Размер и рифмы. Шестистопный ямб, рифмы все женские. Рифмуются: 1-я строка с 4-й и 2-я с 3-й».

129 Спокойной ночи. В печатном тексте перевода четыре строфы. В оригинале и в машинописном тексте ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 248) — пять. Пропущенная 3-я строфа:

Но сразу мы разделены стеной,
Лишь только гордо ты взмахнешь рукой,
И мне теперь, увы, всегда видна
В твоей улыбке и в глазах стена.

Варианты строк: 3: Готов за них я броситься и в пламя;
7—8: Одним достоинством твоим великим, — / Волшебной юности кристальным ликом. 13—16: Чем дорог я тебе — не знаю я, / Природа создала тебя / Такой не для меня. Рожден я рано... / Иль поздно — ты? Прощусь с тобой, с желанной. 17—18: Тебя искать не стану я — прости! / Ты, сердце, ведь и так счастливо очень.

Идея разминовения во времени двух любящих, высказанная в стихотворении С. Галкина (в оригинале: «Я слишком рано родился, Иль ты слишком поздно, но я тебя потерял (но ты для меня недосягаема)») — была близка Ахматовой и многократно варьировалась в ее собственных произведениях, в частности в драме «Пролог» («Энума Элиш, или Сон во сне»).

Лев Квитко

Квитко Лев Моисеевич (1890—1952) — еврейский поэт. Приветствовал Октябрьскую революцию поэмой «Красная буря» (1918). В 1919 г. изданы первая книга стихов — «Песенки» (для детей) и сборник лирики «Шаги». В годы Великой Отечественной войны член Еврейского антифашистского комитета. Репрессирован в 1949 г., реабилитирован посмертно. Кроме Ахматовой, стихи Квитко переводили на русский язык С. Маршак, М. Светлов, Е. Благинина и др.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 271, 272) — автографы и машинописные копии двух переводов стихотворений Квитко с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова» и «Пер<евод> А. Ахматовой». Возможно, в переводе некоторых стихотворений принимал участие Н.И. Харджиев.

130 Накануне. Заключительный образ стихотворения, написанного в 1943 г. — о судьбе еврейских детей и всего еврейского народа в годы войны и наступления фашистов: «Детей объяла ночи тьма, — / То хищно смерть гналась сама /

Тогда за нами на Восток», — перекликается с написанным в годы войны отрывком Ахматовой «Не сраженная бледным страхом...», публиковавшимся и как самостоятельное произведение и на какое-то время ставшим одним из вариантов 1942 г. окончания эпилога «Поэмы без героя»:

Опустивши глаза сухие
И сжимая уста, Россия
От того, что сделалось прахом,
В это время шла на Восток.

Внутренние рецензенты рукописи книги «Слава миру!» в 1951—1952 гг. не связывали эти строки с судьбой еврейского народа, но настораживались: «Вызывают недоумение строки...» — далее цитировались именно эти строки Ахматовой; «Непонятно, что автор имеет в виду. Что стало прахом?»; «Россия, «опустивши глаза сухие», идущая на Восток, — это образ эвакуации. Позади себя она оставляет то, что «сделалось прахом», т. е. развалины, раны, нанесенные вражескими снарядами и бомбами <...>. Но хотелось бы все это пояснить: в такой вещи не может быть неясностей» (см. об этом в т. 2, ч. 1. С. 436—438 наст. изд.). Близость образов двух поэтов, возможно, объясняется общими впечатлениями по пути в эвакуацию в поезде Казань — Алма-Ата — Ташкент 28 октября — 9 ноября 1941 г. (Ахматова ехала в общем вагоне с семьей Л.К. Чуковской, затем в международном вагоне с Л.М. Квитко и С.Я. Маршаком). Из дневниковых записей Л.К. Чуковской: «На станциях, на перронах вповалку женщины, дети, узлы. Глаза, глаза...» (см. т. 2, ч. 1. С. 412—413 наст. изд.).

Перец Маркиш

Маркиш Перец Давидович (1895—1952) — еврейский писатель. Начал печататься в 1917 г. Первые книги стихов —

«Пороги», «Неприкаянный», «Шалость» — вышли в 1919 г. С 1921 по 1926 г. жил за границей, стихи этого времени проникнуты неприятием капиталистического мира и верой в Страну Советов. Автор многих эпических и сатирических поэм, книг стихов, романов и пьес, монографии «Михоэлс» (1939). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 325, 326) — автографы, машинописные копии и подстрочники нескольких стихотворений Маркиша с подписями: «Пер<евела> Ахматова». В записных книжках и рабочих тетрадях Ахматовой — несколько упоминаний имени Маркиша и семи переведенных ею его стихотворений, а также пометок о гонорах за эти переводы.

131 «Приходит час ночной ко мне...» Бергельсон Давид Рафаилович (1884—1952) — еврейский писатель, в 1910-е гг. автор психологических повестей и романов о трагическом угасании души надломленного человека, о судьбах еврейской интеллигенции. С 1921 по 1929 г. жил за границей. После возвращения в СССР писал о революции, об участии еврейского населения в социалистическом строительстве. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

132 «Ты никогда еще так не была свежа...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 326) — черновой автограф перевода Ахматовой. Заглавие: «Из книги «Родная земля». Варианты строк: 4: И <листья на тебя уже> роняют клены. 5—6: Рекою, яблоком и камышом сухим / Мне кажется, твое благоухает тело; 8: Чтоб ты меня поцеловать хотела. 5—8: Ты пахнешь камышом, холодною рекой / И спелым яблоком, осенней негой сада. / Я сбитый ветром лист беру своей рукой. / Но нынче поцелуй с тебя сорвать мне надо. 10: Какая в этом дне неслыханная сила! 12: <Хочу, чтобы и ты> мне сердце подарила.

133 В третий раз. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 325) — автограф с правкой и авторизованная машинопись перевода, подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Вариант заглавия — «В третий раз!» Вариант строки 3: Машина, торжествуй, мчись, быстротой горда, —

134 Завота. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 326) автограф с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова». Подчеркнута строка 6: «Усы в ногах спуют», — видимо, строка сочтена неудачной, но в дальнейшем исправлена не была.

Осень. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 326) автограф с незначительной правкой, подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты ранней редакции в строках: 8: Но вдруг жужжание слух уловило мой. 12: Пока на голову в смятеньи не встает, — 14: Как зонтик сломанный они тогда торчат.

135 Твой взгляд. Э.Л., которой посвящены стихотворения «Твой взгляд» и «Твоя слеза», — Эсфирь Ефимовна Лазебникова, жена Переца Маркиша.

Твоя слеза. В автографе ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 326) нет посвящения, подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой» и варианты строк 3—4: «Когда тоскою твой искривлен рот / И дрожь слезы в твоём глазу мерцает».

136 Спелые ночи. Варианты заглавия: «Из поэмы «Спелые ночи»; «Две птицы». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 326) черновой автограф с датой: 1919 и подписью: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк: 2: Был выстрел удачен. Что лучше земли? / Двух птиц погубил свинец. 7— 8: Лететь — так лететь. < Счастья вам на пути!> / Широки просторы, <безгранны пути.> 15—19: Шагнул — предо мною заката гряда — / Но <только за-

был> я позабыл, и зачем, и куда. / Лететь так лететь, а
упасть так упасть. / Что ж, падать — так падать, летать —
так летать. / Я землю забыл и <небес высоту> небесную
власть. / Вот солнце скрывается, словно павлин.

137 «Идет этот день с золотым решетом...» В
ОР РНБ (ф. 1072, ед. хр. 326) — черновой автограф пере-
вода, выполненного шестистопным ямбом (в печатном тек-
сте — четырехстопный амфибрахий):

Идет сегодня день как с ситом золотым.
Все в нем расплавлено и все <залито> сверкает им,

Все им пропитано, все им раскалено,
Сияньем залито
<Залито золотом> долин цветущих дно.

И мне не верится — и вправду ль это день,
Иль в серебре стоит вокруг ночная тень

Колдуя в серебре себя качает ночь
из дали в даль
поет и нежит моря грудь
Такой серебряный <идет по морю> и бесконечный путь.

на луне
по луне скакать верхом... на коне

По воздуху идти мы можем, по морям

Нет больше своего, чужого <больше нет>
и нет чужого. Пусть!
И как рубашку я <печаль> с себя снимаю грусть.

Хочу пуститься я <серебряным путем> серебряной тропой
И всех, кто дрогнет здесь, я поведу с собой.

И всех их позову и приведу сюда,
Всех, кто без солнца жил, и с кем жила беда.

И будут братьями, гостями будут нам.
А кто, откуда, чей — забвению предам.

Для каждого, для всех долина здесь цветет.
Все будет в радость вам — и путь ваш, и приход.

Изи Харик

Харик Изи (Исаак Давидович, 1898—1937) — еврейский поэт и общественный деятель Белоруссии. Член ЦИК БССР, член-корреспондент Белорусской АН, редактор еврейского журнала «Звезда» (Дер Штерн). Печататься начал с 1920 г., автор многих лирических стихов и поэм о гражданской войне, культурной перестройке быта белорусской глубинки и еврейских местечек. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 429) автограф и машинописная копия единственного перевода стихотворения И. Харика с подписью «Пер <евела> Ахматова» и датой на обороте листа: «Харик 1957».

138 Песня. Вариант строки 7: Но как мне к жизни радостной стремиться,

Эзра Финнинберг

Финнинберг Эзра Иосифович (1899—1946) — еврейский поэт, драматург, литературный критик. Печататься начал в 1917 г. на русском языке, в 1920 г. на идиш. Первые книги стихов — «Дыхание» (1922), «Стихи» (1925). В сборниках 1930-х гг. восторженно воспевал героиню революции и строи-

тельство новой жизни. Книга «Избранные произведения» издана посмертно, в 1948 г.

Стихотворение Финнинберга переведено Ахматовой, возможно, в связи с просьбой вдовы поэта, переданной ей редактором Н.Н. Сидоренко в письме от 13 декабря 1955 г.: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна! По просьбе вдовы поэта Э. Финнинберга посылаю Вам переводить несколько его стихов — для книги, которую сдаем в набор в феврале 1956 г. Очень прошу Вас участвовать в этой работе. Книга будет интересной, содержательной. Хочется, чтобы русские стихи были на высоте. Помогите нам в этом! С уважением Н. Сидоренко».

ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Лирика Древнего Египта / Пер. А. Ахматовой и В. Потаповой. М., 1965; Азия и Африка сегодня. 1965. № 8. С. 46—49; Неделя. 1965. 4—10 июня, № 28; Литературная газета. 1965, 29 мая; Новое русское слово. Нью-Йорк. 1965. 6 июня; Ахматова А. Классическая поэзия Востока. М., 1969. (Мастера восточного перевода). С. 17—39; Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 261—262.

Договор с издательством «Художественная литература» на переводы для сборника «Лирика Древнего Египта» (600 строк) был заключен Ахматовой 16 марта 1965 г. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 310—314) хранятся подстрочники, выполненные для Ахматовой, по-видимому, профессором И.С. Кацнельсоном, составителем и комментатором книги «Лирика Древнего Египта», список переводов, выполненных Ахматовой, черновики и чистовые тексты переводов, газетные вырезки и письмо переводчицы к издательскому редактору. По-видимому, некоторое участие в работе над переводами египтян принимал А.Г. Найман, — в ОР РНБ (ф. 1973, ед. хр. 913) хранится письмо от 6 марта 1965 г., в котором Най-

ман пишет: «Дорогая Анна Андреевна, здесь 300 строк египтян. Переводы отпечатаны в одном экземпляре, потому что у Иосифа <Бродского. — Н.К.> не было копировальной бумаги, а перепечатывать до того, как Вы поглядите, уже не имело смысла. Я буду в Москве во вторник. Прошу Вас до этого времени поправить то, что покажется неудовлетворительным, а там уже можно будет привести все в необходимый вид». Очевидно, первоначальные варианты переводов 300 строк египтян были сделаны Найманом во время его поездки к ссыльному Иосифу Бродскому в село Норенское Архангельской области. Ахматова опубликовала в книге «Лирика Древнего Египта» около 600 строк. Скорее всего, и в той части, которая была вчерне выполнена ее молодым учеником, она являлась и соавтором, и редактором.

В газете «Неделя» публикации ахматовских переводов предшествовала обстоятельная характеристика древнеегипетской лирики: «Из всей богатой и разнообразной по форме и сюжетам любовной лирики Древнего Египта, к сожалению, уцелело немногим более пятидесяти стихотворений и отдельных фрагментов. Все дошедшие до нас списки датируются XIV—XI вв. до н.э. Но некоторые из них были созданы, конечно, гораздо раньше. Во всяком случае, вполне отстоявшийся, порой даже вычурный стиль, искусное построение, использование сложных литературных приемов указывает на долгий предшествующий путь развития, скрытый пока от наших глаз. Вот почему мы вправе утверждать, что египетская лирика, так же, как и шумерская, — древнейшая в мире.

Еще сравнительно недавно о древних египтянах писали как о народе, для которого «существование после смерти всегда казалось важнее земного бытия». Так, например, утверждал в числе других ученых и известный английский археолог Г. Картер, открывший гробницу фараона Тутанхамона. Нет ничего ошибочнее подобного утверждения. И лучше всего опровергают это заблуждение древние любовные песни. Их мог

создать только народ, жаждавший долгой счастливой жизни на земле, стремившийся насладиться всем, что дает земля. Любовь к прекрасному окружающему миру вдохновляла, конечно, и создателя гимна Нилу — великой реке, поющей и кормящей его родину. Недаром египтяне возносили моления богу, олицетворяющему Нил.

Характерное для Древнего Египта отношение к женщине отразилось и в лирике. Египтянка всегда пользовалась большей самостоятельностью, чем женщины других древневосточных народов. Ее окружали почет и уважение. <...>

Она могла встречаться со своим избранником и даже признаваться ему в своих чувствах. Для нее он — «брат», она для него — «сестра». Разумеется, это не означало, что они находятся в родстве.

Безвестных, но высокоодаренных древних писцов нередко волновали и одухотворяли те же мысли и чувства, которые на протяжении веков тревожили поколения писателей. Когда А.С. Пушкин, вдохновленный известной одой Горация, пророчески писал: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», он, конечно, не мог подозревать, как, очевидно, не подозревал того и Гораций, что еще, видимо, в XVIII в. до н.э. безымянный поэт записал на свитке папируса:

Мудрые писцы...

Они не строили себе пирамид из меди

И надгробий из бронзы...

Но они оставили свое наследство в писаниях,

В поучениях, созданных ими...

Бесконечно далек от нас мир древних египтян. Но совершенство формы, свежесть и непосредственность восприятия, простота, сочетающаяся с яркостью образов и глубиной чувств, человечность, — словом, все, что органически прису-

ще древней египетской лирике, могут и ныне доставлять подлинное художественное наслаждение. <...>»

Публикация в «Литературной газете» предварялась заметкой С. Наровчатова: «Старейшая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова известна читателю не только своими оригинальными стихами. Она является виднейшим мастером переводов иноязычной поэзии. <...> Много тысяч лет назад люди любили, радовались и страдали столь же искренне и глубоко, как мы с вами. Самовластный луч поэзии, скользя через века, соединяет нас с ними во времени. Золотыми пылинками в этом луче светят человеческие судьбы. Они запечатлены в строках, переведенных Ахматовой из древнеегипетских папирусов. Эти переводы по значимости стоят в ряду лучших достижений наших мастеров художественного перевода».

Поэт и переводчик С. Липкин во вступительной статье к сборнику «Анна Ахматова. Классическая поэзия Востока» писал: «Переводчик — тот же писатель, и его работа лишь тогда становится произведением искусства, когда она есть открытие. Область же открытия человека в мире и мира в человеке — бесконечна.

Одним из таких открытий человеческой души стала для нас древняя египетская поэзия в переводах Анны Ахматовой. <...> Древняя поэзия Египта, еще более древняя, чем библейская, становится в переводах Ахматовой живой, камень как бы обретает дыхание и тепловую энергию мысли.

Приступая к этой работе, Анна Андреевна делилась с друзьями своими сомнениями. Приблизить ли древний стих к современному русскому, с твердым метром и рифмой? Это облегчит путь к читателю, но всегда ли легкий путь — наилучший?

Поиски были долгими, пока, наконец, в самом строе свободного стиха, который, кстати говоря, вовсе не является выражением «модерна», а так же стар, как и сама поэзия, в со-

четании слога торжественного с обыденным, в синхронности ритма и синтаксиса не было найдено то художественное решение, которое и стало искусством, потому что искусство — это прежде всего жизнь, а разве не дышат жизнью вот эти строки, сочиненные на полузабытом языке за много тысяч лет до нашей эры: «Хорошо умеет бросать петлю Сестра...» <...> (С. 7)

Сохранился список стихов поэтов Древнего Египта для сборника «Лирика Древнего Египта», составленный Ахматовой (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 314): «1. Три желания (папирус Честер Битти). (I, II, III, стр. 22). 2. Писцом некрополя Нахт-Собеком (Если ты...) (О силе песни) (I, II) стр. 24. 3. Остраконы Дейр эль Медине (Фрагменты). Стр. 24. 4. К богине. (Стр. 28) «О идущая широким шагом...». 5. Праздник в Саду. Стр. 29. 6. Вечная любовь. Стр. 30. 7. К богине Хатхор. Стр. 33. («Мерные наши удары...»). 8. Надпись храма Хатхор (Стр. 34) («О как благостно...»). 9. Тоска по Мемфису (Стр. 34) Папирус Анастаси. 10. Любовное заклинание. (Стр. 35). 11. Прославление писцов. Ч.Б. (Стр. 36, 37, 38). 12. Нубийская царица (Стр. 9). 13. Песнь, кот<орая> находится в доме (Стр. 40—41). 14. Плач Изиды по Озирису (Стр. 42—43) «О мой господин...». 15. Поминки (Стр. 50). По подстрочнику с 22 по 50, кроме 44—49 (Восхваление Хапи)».

141 Три желания (1—3). Сестра — в древнеегипетской поэзии «возлюбленная». *Золотая* — наименование богинь любви Хатхор (Хатор) и супруги верховного божества Пта Сохмет.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 312) — подстрочники с многочисленными вариантами и пояснениями смысла строк и черновые варианты перевода с подписью «Пер<евод> А. Ахматовой». Перед началом текста: «Папирус Честер

Битти». Вариант строки 3: <С вестями, которых> Вестей которого в нетерпенье ждет владыка,

142 Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собек-ком. (О силе песни). 1. «Если ты придешь с этим к дому Сестры...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 313) — ранний вариант перевода без первых двух строк, обозначенных черточками. Со строки 3: Все жилище сразу осветится, / Песнями украсится и пляской. / Но вдобавок к песням дай вина. // Вот как ты ее поборишь (так! — Н.К.) козни / И за ночь вознаградишь ее, / Чтоб промолвила: «Хочу в объятья, / Я — твоя и завтра, и всегда».

143 2. «Когда ты приносишь песни во двор к Сестре...» Ранний вариант перевода (РНБ): Если песню в дар «сестре» приносишь, / И с тобою нету никого, / Ты в ее блаженныйходишь праздник, / И гирлянды зала шелестят. // Свод небес на воздух тяжело давит, / Запах неба ощущаешь ты. / Душу одуряет этот запах, / Все, кто здесь, пьянеют от него. // Золотой сестры прими подарок — / Жизнь свою прими как сладкий дар.

3. «Хорошо умеет бросать петлю Сестра...» Ранний вариант перевода (ОР РНБ) без первых двух строк, обозначенных черточками: Петлей кос своих <она> меня поймала, / Притянула взглядом милых глаз, / Ожерельями связала крепко / И свою поставила печать.

4. «Почему говоришь ты своему сердцу...» Амон — бог плодородия в Фивах, со второго тысячелетия до н.э. — верховный бог египтян. Ранний вариант перевода (ОР РНБ): Почему ты сердцу молвишь: / «Жажду я объять

ее / Я <приду> вернусь, клянусь Амоном, / И одежду при-
несу».

144 5. «Я нашла Брата у воды...» Брат — в лири-
ке древних египтян «возлюбленный». Ранний вариант пере-
вода (ОР РНБ): «Брата» у ворот нашла я. / Ноги он купал в
волне. / Праздничный поднос с едою / Был на грудь мою по-
хож.

6. «Вот что сделала со мной Сестра...» Ранний
вариант перевода (ОР РНБ): Что со мною сестра соверши-
ла, / Как об этом <могу> умолчать? / / Удалилась в
покои свои. / Не шепнула мне: «Следуй за мною» / И всю
ночь непреклонной была.

7. «Ночью я проходил мимо ее дома...» Ранний ва-
риант перевода (ОР РНБ) от строки 5: О дверь! — ведь ты
моя судьба, / Ты дух мой благодатный / И в честь твою зар-
резан бык / Внутри большого дома — / Большой и круторо-
гий. // Для створок <будет> этот бык убит / И для зам-
ка — теленок / И жирный гусь для косяка, / Ключи напьют-
ся жиром. // А самый лакомый кусок / Получат
подмастерья, / Чтоб был засов из тростника, / И двери из
циновок. // И если в дом вернется «брат» <в тот дом войдет
«брат»> / На ложе он увидит / Красавицу под полотном. /
«Владыки города сей дом» — / Ему красotka скажет.

**145 (Фрагменты). 1. «Целый день я молю мою
госпожу...»** Ранний вариант перевода (ОР РНБ): Целый
день госпожу умоляю: / Госпожа моя, не будь мне врагом /
И не дай томиться. // Конь мой обгоняет ветер / Из любви к
<нему> ней, я тороплю его. / Поверженный лежу я в колес-
нице.

146 Ветер. В ОР РНБ имеет заглавие «Фрагмент. (Папирус Анастаси II)».

Жрица Хатхор. В ОР РНБ — под загл. «Нубийская царица. (Стела. Лувр № 100)». Хатхор (Хатор) — у древних египтян богиня любви.

147 Вечная любовь. В ОР РНБ — подзаголовок: «(Надписи на статуе жреца Тотэфанха)». Ранний вариант перевода, незавершенный: I. Мы с тобой не расстанемся больше, / И самим богам не разлучить нас. / И с тобою повсюду я буду, / <И пока ты не отнятый — буду> / Если я не наскучу тебе. // Каждый день о труде забывая / И предчувствием зла не томясь, / В страну вечности мы удалились, / Но имен наших вам не забыть. // О какое прекрасное время, / Когда солнце сияет вовек, / А владыка некрополя — ты. / <...> II. <...> / <...> / Каждый день я люблюсь тобою, / И расстаться с тобой не могу. / Я ликую и радуюсь сердцем, / Вспоминая тебя молодым. <...> // <...> / Об их матери и отце.

Хвала любящей супруге. В ОР РНБ — заглавие: «Хвала женщинам. (Надпись на гробнице Петосириса)». Ранний вариант перевода: Царя любимая супруга — владычица любви сладчайшей. / И уста прелестны, и любезны речи. / Она советы мудрые дает / И слово каждое <ее> твое правдиво, / И ты любима в городе твоём. / Ты помогаешь щедрыми руками. / О, как ее уста красноречивы, / Дела ее достойны удивленья, / Все злое в мире было чуждо ей — / Любимой всеми Ранпетнефрет. *Ранпетнефрет* — супруга жреца Петосириса.

148. Любовное заклинание. В ОР РНБ — подзаголовок: «Остракон из Дейр эль Медине 1057». *Ра-Хорахти*

(или Ра-Горахути) — одно из имен и воплощений верховного бога Гора. *Семь Хатхор* (Хатор) — семь воплощений богини любви Хатор, предсказывающих судьбы людей. *Буси-рис* — город в дельте Нила, считавшийся местом рождения бога Осириса.

148. Праздник в саду... В ОР РНБ — подзаголовок: «(Надпись на гробнице Рехмира)». *Рехмир* — главный советник фараона XVIII династии Тутмоса III.

Ранний вариант перевода: <Из сада своего возьми цветок, / Тот лотос, что еще никем не отнят> // Ты сорвешь цветок лотоса в своем саду, / В том саду, что у тебя не отнят. / Пусть возрастит он для тебя плоды, / Которых в нем так много. / <Чтоб его ты угостил сладостями> / И упился лакомством его. / Сердце запахи цветов впивает, / Тело прохладает тень деревьев, / Что ты хочешь — то и волен делать. /

149. Пиршество. В ОР РНБ — подзаголовок: «(Надписи на гробнице Рехмира)». *Мирра* — ароматическая смола, использовалась египтянами для благовонных курений при религиозных обрядах.

150 Прославление писцов. В ОР РНБ — подзаголовок: «(Папирус Честер Битти)». Варианты строк: 8—10: И надгробий из железа / Они не знали, как передать свое наследство / Детям, сохранявшим их имена. *Палетка* — тонкая каменная плитка, на которую наносились иероглифы. *Джедефхор* (Горджедеф) — мудрец и ученый, один из сыновей фараона Хуфу, строителя великой пирамиды. В переводах Ахматовой встречаются оба написания его имени. *Имхотеп* — мудрец и ученый, советник фараона Джосера, строителя первой пирамиды. *Нефри* (Неферти) — мудрец, живший в XXVII в. до н.э. *Хетти* — мудрец, первым прославивший профессию писца. *Птахемдхутти*, *Хахеперр-се-неб*, *Птаххотеп*, *Карес* — древнеегипетские мудрецы.

153. Тоска по Мемфису. В ОР РНБ — подзаголовок: «(Папирус Анастаси)». *Мемфис* — древняя столица Египта. *Белая стена* — египетское название Мемфиса. *Пта* — в Древнем Египте владыка богов, создатель всего сущего. Пта вместе со своей супругой Сохмет и сыном Нефертумом составляли так называемую «мемфисскую триаду» богов. Пта считался покровителем кузнецов и скульпторов.

Восхваление Нила. (1—14). В ОР РНБ — подзаголовок: «(Папирусы Салье... и Анастаси...)». Гимн Нилу создан около XXIV в. до н.э., в конце эпохи Древнего Царства. Многочисленные сохранившиеся его списки относятся к XIV—XIII вв. до н.э. Хранятся в Британском музее, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и др.

Несмотря на наличие подстрочного перевода с многочисленными пояснениями и вариантами возможного смысла строк, Ахматовой пришлось преодолевать большие трудности, чтобы передать русским свободным стихом зачастую неясный смысл подлинника. Ср., например, отрывок 7 «Восхваления Нила» с его подстрочным переводом (ОР РНБ, строки 4—10): «И Эннеада (Девять богов Гелиополя), которая в тебе (возможен и другой перевод: «в которой ты пребываешь»), великолепна. < Это подобно рвоте, то, что производят поля (т. е. поля прорастают). / Делающие людей сильными (т. е. продукты полей), / То, что одного подкрепляет, а другой любит, / И нет спора между ними. / Созидающий (делающий, приносящий жертвенные) дары, причем нет никого с ним. / Люди делают ему границы (т. е. дамбы)».

Хану — древнеегипетское название Нила. *Ра* — бог солнца, верховное божество египтян, культ которого был подобен и иногда сливался с культом фиванского верховного божества Амона (Амон-Ра). *Непра* — бог зерна. *Хнум* — бог, покровитель района порогов на Ниле, творец мира и людей,

по преданию, вылепивший их на гончарном круге. В третьем отрывке речь идет о засухе, наступающей из-за недостатка воды в Ниле, и о том, что бог Хнум заставляет воды Нила подняться в районе порогов. *Полба* — сорт пшеницы. *Обе Земли* — Верхний и Нижний Египет. *Девять богов Гелиополя*. *Гелиополь* — город в Нижнем Египте, центр культа бога Ра. По легенде, бог Пта создал восемь богов, девятым был сам. *Великое Зеленое море* — Средиземное море. *Никто не ест лазурит*. — Поделочный камень лазурит в растертом виде применялся как синяя краска, в словах «Никто не ест лазурит» содержалась гипербола, переданная в переводе Ахматовой. *Нейт* — богиня-воительница, покровительница оружейников и ткачей. Супруга бога-крокодила Собека (по преданию, крокодилы были посвящены богу Собеку). *Фивы* — одно время были столицей Египта, в поздние годы, в результате восстания против фараона Птолемея VIII, город был разрушен.

158 К богине. В ОР РНБ это и следующее стихотворение — «К утреннему солнцу» — имеют общее заглавие: «Тексты пирамид», что означает: заупокойные песнопения, содержащие магические формулы и заклинания. Они были помещены на стенах внутренних помещений пирамид фараонов последних двух династий Древнего Царства (XXV—XXIII вв. до н.э.) или Среднего Царства (Фиванский некрополь — XXI в. до н.э.). Вариант перевода: «О идущая широким шагом, / Словно звезды ты <бросашь> мечешь малахит, бирюзу и смарагды. / Когда благоденствуешь ты — я цвету, / Я цвету, как живое растение. (Надпись на гробнице Фиванского некрополя эпохи Среднего Царства)».

159 К утреннему солнцу. В ОР РНБ — ранний вариант перевода: Возникает «Золотая» в лодке Солнца —/

— она любима богом Ра. / Могущество Солнечной лодки/
 — она любима богом Ра. / Власть твоя над странами Средиземного моря — / — она любима богом Ра. / Вышел Ра твоей красе навстречу — / — она любила бога Ра.

159 Песнь семи Хатхор. Надпись в храме Дендера, Птолемеява эпоха (III—I вв. до н.э.). *Дендера* — город южнее Каира, место почитания богини любви Хатхор, где находится посвященный ей храм.

160 Плач Исида по Осирису. В ОР РНБ имеет подзаголовок: «(Папирус Бремнер-Ринд...)», т. е. папирус, хранящийся в Британском музее. *Исида* — любимая жена Осириса и мать Гора. *Сын твой Гор гонит Сета к месту казни.* — Сет — бог войны и пустыни, брат бога плодородия Осириса, убивший его.

161 Ожидание встречи. Папирус хранится в Британском музее. *Джебаут* — место, связанное с культом бога Ра. *Пунт* — страна на побережье Красного моря, на месте нынешнего Сомали, откуда в Египет доставляли благовония. *Эннеада* — девять богов, которых почитали в Гелиополе.

Поминки. В ОР РНБ — подзаголовок: «(Надпись в гробнице Пахери в Эль Кабе)». Тексты в гробнице вельможи Пахери (XV в. до н.э.). *Эль Кабе* — место южнее Фив.

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Тагор Р. Сочинения: В 8 т. Т. 7. М., 1957. С. 8, 65—66, 143—144, 146, 148, 176; Собр. соч.: В 12 т. Т. 7 и 8. М., 1964. Т. 7. С. 10—11, 14—15, 26—28, 62—66. Т. 8. С. 53, 153—155, 158—161, 167—182, 407—417; Бенгальская поэзия. М., 1959. С. 89—90 (Р. Тагор); *Пант С.* Избр. сти-

хи. М., 1959. С. 18—19, 31—34, 47—48; Ахматова А. Стихотворения. М., 1958. С. 126—127; Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965. С. 157—166; Классическая поэзия Востока. М., 1969. С. 43—93; Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 286—288.

Рабиндранат Тагор

Тагор Рабиндранат (Тхакур Робиндронахт, 1861—1941) — классик индийской литературы, поэт, драматург, прозаик, издатель, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии (1913), в 1930-е гг. большой друг СССР, воспевавший строительство социализма. Писал на бенгальском и английском языках.

Договоры с издательством «Художественная литература» на переводы стихотворений Р. Тагора Ахматова подписывала 19 января 1957 г. — для 7-го тома «Сочинений» (в 8 т.) и несколько договоров с 10 февраля 1964 г. по 1 июня 1964 г. — на переводы для 7-го и 8-го томов «Собрания сочинений» Тагора (в 12 т.). В записных книжках и рабочих тетрадях Ахматовой (РГАЛИ) — многочисленные упоминания о работе над переводами Тагора, о получении гонораров за эти переводы, подсчеты переведенных строк, черновые автографы, правка, чистовые автографы отдельных переведенных Ахматовой стихотворений. Например, записи, характеризующие интенсивность работы Ахматовой весной 1964 г. Февраль 1964 г.: «Среда <...> Звонить Марусе (М.С. Петровых. — Н.К.) о Тагоре». «<...> Четверг. <...> Мне звонит Ибрагимов по Тагору» (Ибрагимов Алев Шакирович — переводчик, редактор. — Н.К.). Март 1964 г.: «Среда <...> Днем — перевозжу Тагора». Апрель 1964 г.: «Шервинский о Тагоре. <...> Придет Ибрагимов. Был». В мае у Ахматовой просят стихи в ленинградский «День поэзии» и в журнал «Звезда Востока» — в оба издания она предполагает дать

среди других стихотворений и автобиографических заметок — переводы Тагора. 27 мая 1964 г запись в рабочей тетради «Тысяча и одна ночь»: «Смерть Неру. Особенно горестно после Тагора и приближения к буддизму, кот<орым> я живу последнее время (джале-джулэ-джунда сваха брум. Алмаз<ная> дарани)» (ЗК, 464).

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 362—378) — автографы и машинописные копии переводов с подписями: «Перевод А. Ахматовой», «Перевела Анна Ахматова».

165 Дыхание песни. В ОР РНБ — черновой автограф и чистовая машинопись перевода. *Ганга* — река Ганг, в бенгальском языке женского рода.

В черновом (неполном) автографе варианты строк: 2: И кажется о милой говорит. 5—7: У Ганги, где к цветку прижат цветок / Улыбок сотни я могу сорвать. / Желанья прежние в душе моей; 9: Мир возвратился <как> лотосам он трон. После строки 9: Вернулась, наконец, и встреча с ней / Вернулся голос, песней став весны. В машинописи вариант строки 11: Я встречаюсь с милой, устремясь к мечте.

Старшая сестра. В машинописи ОР РНБ вариант строки 12: У ней на голове, а рядом словно сын.

166 Переправа. В машинописи ОР РНБ вариант строки 9: И в жажде науки приникли уста.

Африка. В машинописи ОР РНБ после текста место написания и дата: «Шантиникетон 1936 г.»; варианты строк: 22: Под черной тканью таится; 41: И комья той грязи презренной; 43: А в это же самое время

168 Всеуничтожение. По поводу этого стихотворения Р. Тагор писал: «Всеуничтожение было написано еще до то-

го, как вспыхнула война <речь идет о Первой мировой войне. — Н.К.>. Эндруз <английский миссионер. — Н.К.> пошучивал, что я получил сообщение о войне по беспроволочному телеграфу. Но я думал не только о надвигающейся беде. Мне казалось, что мы подошли к рубежу новой великой эпохи в истории человечества, что ночь осталась позади. Во мгле смерти, среди горя и страданий, занимается кроваво-алая заря нового века».

Черновой автограф первой и начала второй строфы в рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» (РГАЛИ), ноябрь — декабрь 1963 г.:

Кругом царит <всемирная> последняя беда,
И все она наполнила рыданьем.
В кровавой туче молний борозда.
Гром больше замолчать не хочет,
Безумец неизвестный вновь хохочет,
<Какой-то сумасшедший вновь хохочет>
Безумец, что опять хохочет,
На дальнем берегу ужасы пророчит
<И этим смехом ужасы пророчит>
Последняя всемирная беда
И царствует над нами навсегда.
<И царствует над миром навсегда>
<Так вот она — всемирная беда>.

Жизнь от разгула смерти пьяной стала,
Свой выбор сделай хоть сейчас.
Разгулом смерти жизнь опьянена,
И в пользу жизни свой ты сделай выбор,
Пусть все отнимет у тебя она.

В ОР РНБ чистовая машинопись, подпись: «Перевела Анна Ахматова». Варианты строк: 4: В кровавой туче — молний борозда. 17—18: Дорогу должен выбрать ты сейчас. / Светильник на столе твоем погас, 30: Сломай его! Уйди!

Исчезнут навсегда. 38: В кроваво-красной приходи одежде — Наряд невесты в Бенгалии — традиционно красного цвета.

170 Труба. В ОР РНБ — черновой автограф, авторизованная машинопись и чистовая машинопись, подпись: «Перевела А. Ахматова». Варианты строк: 1—6: Твоя труба лежит в пыли. / Я глаз поднять не мог. / Исчезли вихрь и свет вдали. / Какой несчастный рок! / Зовет борьба — иди на бой! / И песня прозвучала — пой! 11—14: Шел вечером в моленную я / С гирляндою цветов. / Весь день <хотел средь> под бурей бытия / <Найти> Искал спокойный кров. 16—17: И думал я, что минет срок, И смоем все следы поток. 19—28: Великая — в пыли дорог — / Лежит труба твоя. / Кто свет пред алтарем пронес? / Настал молитвы час. / Сплету ль гирлянду <я из роз?> тубероз, / Цветы, я слышу вас. / Я думал: давнюю войну / Окончу, Встречу тишину. / И небесам свой долг верну. / Но позвала — (меня в раба; 39: <Пускай споем мне свой> мотив / Пусть бранный запоет мотив. 52—53: Нашел <же лишь> один позор. / Носи, чтоб тело все закрыть, 43: В груди, как в месяце срабон. Срабон — четвертый месяц бенгальского календаря, соответствует июлю — августу. В этом месяце идут сильные дожди.

172 Беспкойная. 31: *Полаш* — небольшое дерево семейства бобовых с цветами ярко-красного цвета. *Бокул* — тропическое вечнозеленое дерево, цветы которого распускаются в пору дождей и имеют сильный, опьяняющий аромат. *Сирис* — высокое дерево семейства бобовых, с белыми цветами. 59: *Апсара* — небесная дева, обитающая в раю богагромовержца Индры.

174 Шекспир. В ОР РНБ — чистовая машинопись с подписью: «Перевела А. Ахматова» и вариантом строк 11—14: Ты с неба родины на миг один исчез, / Сияньем ярким

став полуденных небес. / Ты озарил весь мир собой, подобно
чуду. / Прошли века. И вот сегодня — как повсюду —

175 Юность. В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» (РГАЛИ, л. 111—111, об.) записи поправок и уточнений в текстах переводах Тагора, относящиеся к нескольким стихотворениям, в том числе к стихотворению «Юность»: «Юность (бенгали — муж. род). Дух юности ты в тесной клетке счастья. <...> В субботу днем Иосиф. В 8 — Алиев (Ибрагимов) смотрит Тагора» (ЗК, 430—431). В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 401) — машинопись с правкой, без подписи Ахматовой. Подпись: «Перевела Анна Ахматова». Варианты строк: 1: <Ты разве солнце> Дух юности! ты ль в темной клетке счастья? 19: <Дух юности! Ты жизни песнь поешь / <О юность! песни жизни ты поешь>. 20—21: <Неужто на страницах ветхой книги / Мелодий многострунность ты найдешь?> 28—29: <Иль пленница ты, запертая в склепе? / Тебе, о юность, надо разогнуть>. 35: <Со всех сторон старается сверкнуть>. 37: <Ты разве можешь замешаться с прахом?> 41—45: С рассветом подымается заря. / Огонь, высоким пламенем вьясь, / Собою весь <твой дух> тебя воспламеняет / И солнце <потихоньку> от дремоты пробудясь, / В твоём лице свой облик замечает. 22: *Вина* — струнный музыкальный инструмент.

176 Новый год. В ОР РНБ машинопись с правкой. Подпись: «Пер<евела> Анна Ахматова». Варианты строк. 4: Грозные песни <бессмертного> великого Шивы. 18: Ласки колючек — на тропке знакомой, 22: Благословеньем <бессмертного> великого Шивы. 30: Благословенье <бессмертного> великого Шивы. 36: Пусть пред тобой разойдется стена. *Шива* — один из главных богов индуистской религии.

177 Чистый. В ОР РНБ — черновые автографы трех стихотворений — «Чистый», «Золото любви» и «Заверше-

ние омовения», содержащие протест Р. Тагора против разделения индийского общества на касты. Разрушение закона «неприкасаемости» в отношении к «нижней» касте, по убеждению поэта, угодно верховному и земному божествам.

Варианты строк: 2: <Он> Стал он гуру; 6: Был <однажды> когда-то в храме праздник; 8—9: Прибыли из дальних стран пандиты / <Верующие разных> Почитатели различных сект явились; 12: Гуру приношение; 19—21: Тот ответил: Рай мой дом единый, / <А не тех, кому> Или те, кому мой храм закрыли, — / Вот на ком мое прикосновение. 30—31: И в тот двор, где все на свете — чисто... / <Вот, где> хочешь ты забор поставить / 34—36: И гуру воскликнул: Завтра утром / Откажусь я от своей гордыни. / И уже настала в мире полночь.

Раманондо — историческое лицо, индийский религиозный реформатор XIV в., основатель секты, отвергавшей деление общества на касты. В рукописях Ахматовой встречается разное написание его имени: Рамананда, Раманандо. *Тхаккур* — брахман, земное божество. *Раджа* — княжеский титул в Индии. *Рани* — жена раджи. *Пандит* — знаток священных книг, ученый. *Гуру* — духовный наставник. *Дхрува* — Полярная звезда, символ правдолюбия, стойкости и верности. *Чандал* — член касты «неприкасаемых». Чандалы занимались «низкой» работой — сжиганием трупов, уборкой мусора и т.д.

180 Золото любви. В ОР РНБ — черновой автограф и авторизованные машинописи. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк: 7—8: И метельщик, на колени ставши / Лбом своим коснулся он дорожной пыли; 10—11: И в ответ он слышит: «Прах я <придорожный> жалкий, / Ты же <повелитель> гуру — облако на небе. 15: Обнимает нежно Робидаша гуру / 43—44: 1) Я же жажду золота живого / И тот дар я в грудь свою приемлю.

2) Мне же надо золота живого / <С радостью> Радостно дар пыли я приемлю. *Вишну* — один из главных богов индуистской религии.

Сюжет стихотворения «Золото любви» близок к сюжету одного из «библейских» стихотворений Ахматовой — «Мелхола», над которым Ахматова работала в 1959—1961 гг., параллельно с переводами Тагора. См., например, запись в рабочей тетради 1960 г. черновика перевода «Сантальская девушка» и набросков одного из вариантов «Мелхола»:

Бесстыдство мое — унижение мое,
Разбойник ночной — и мальчишка пастух.
И главное песню, что пел он тогда,
Когда на пороге стояла беда <...>
(Ср. «Везде царит последняя беда...» Тагора)
И в храмине темной бледнее луны
Лицо молодое счастливой жены <...>
...браслеты на смуглых ногах,
Пылает одежда цветная ...

Метельщик Робидаш возбуждает любовь правительницы Джхали своим внезапно проснувшимся даром песни, и ее любовное томление изображено в переводе Ахматовой близко к изображению страсти Мелхола: «Сразу все иное ей постыло», «И куда ее девалась гордость?».

182 Завершение омовения. В черновом автографе варианты строк: 27: И сквозь пенье шумных птичек — шалик. 35: И так дом сапожника Бхаджона. 40—42: И нахмурившись остался за деревней. // Бхаджон в ноги поклонился гуру / Опасаясь осквернить его касаньем. *Джау* — высокое хвойное дерево. *Тамаринд* — финиковое дерево. *Шалики* — птицы, живущие в кроне величественного тропического дерева *шал*, воспетого Тагором во многих стихотворениях.

183 Не к месту. В ОР РНБ черновой автограф с подписью «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк, свидетельствующие о процессе постепенного постижения переводчицей смысла противостояния образов: жасмина (дерева, т. е. природы) и электрических проводов (враждебных природе): 12—15: Веточку нежнейшую обвил / <Сталью проволоки...> / Сетью тонких нитей из металла, / А они другой природы были. // Но в конце июля в небесах; 17: И на <летний> осенний опустились лес. 21—22: И от перелета пчел / <Тень дрожала под листвою шефали>; 25: В этот день осенний на закате; 32: <Заменить то, что всего ну...> / То сменить, что так необходимо; 35—36: И тогда лишь понял наш жасмин, / Что врагами проволоки были. *Модхумонджори* — «медвяное» тропическое дерево, упоминаемое в поэзии Тагора. *Шефали* — кустарник с мелкими ароматными цветами, которые распускаются ночью, а утром опадают.

184 Сын человеческий. В ОР РНБ автограф с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк: 1: С тех пор, как Иисус на чашу смерти; 11: Об камень, прочь разбрызгивая искры; 28—29: «О боже! Бог людей, скажи мне / Зачем почто оставил ты меня?»

185 Паломничество. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 370) — черновые автографы и машинопись поэмы, состоящей из десяти частей. Подпись «Пер<евела> А. Ахматова».

1. «Как долго длится ночь?..» Варианты строк: 1—6: Насколько ночь прошла? / Ответа нет. / Потому что время кружит и дорога неизвестна, / И конец ее неведом. / Под горой темнее чем в глазницах / Демонского трупа. 9—11: И мнится — это части тела — полуночи. / На горизонте огненное буйство / То вспыхнет, то погаснет. 13: Со-руженья вокруг — как бред тифозный; 16: И <тронутый забвеньем> забытый мост над <бывшей> высохшей речкой;

21: Иль мантра к Шиве, что бормочет жрец. 22-й строки нет.
 23: Иль это гибнет лес в ночном пожаре. 25: Неясных звуков.
 29—30: А люди там, как бы листки истории, / Туда-сюда снуют.

В автографе под загл. «Снова Паломничество» — другой размер: То ли мантра к богу — к Шиве, / Что <в безумьи> в дикой пляске <произносит жрец>..... / в испугу шепчет жрец..... / То <ли> ль предсмертный рев деревьев / В грозный час <когда рычит> лесных пожаров / В этом грохоте могучем тайно возникает смутный / Ручеек неясных звуков. / Как поток кипящей лавы из вулканной глубины / И в нем слышится то зависть — злая подлая молва, / То презрительный и резкий хохот / Люди там как бы листочки / <...> / Кружатся туда-сюда / И от факельного света / <И от ужаса на лицах> / Что бросает тень на лица / Ужаса татуировка странно искажает их. / Вдруг внезапно сумасшедший / Подозрением охвачен / Бьет соседа своего / И тотчас же без разбора, без суда, / без размышлений / Драки возникают там. / Женщина там горько плачет, / Шепчет: «Горе — сын пропал». / А в отчаяньи... обнаженная / Хохочет / И кричит, что все на свете безразлично для нее.

Ракшас — демон. *Мантра* — заклинание, молитва.
Шадхок — жрец, священнослужитель.

187 2. «Сидит недвижно на вершине горной...»
 Варианты автографа: 1—5: Жрец на горе сидит в безмолвье белом. / Взор зоркий в небе ищет света луч. / Чернеют тучи <и летают совы> филины кричат; / Но жрец вещает: «Не имейте страха / И помните, что человек — велик»; 8—9: <И говорят, что праведность — обман>. / Самообманом — праведность зовут. / Когда их бьют, кричат они: «Где брат мой?» 11—14: Во тьме не видят. Спорят: «Это слово / Самообман, чтобы себя утешить. / И человек бороться вечно будет / За право обладания виденьем.

В автографе под загл. «Снова Паломничество» четыре строки начала в другом размере: А святой, что предан богу, / На горе сидит в безмолвьи / Ищет взором проблеск света / Среди туч, под криком сов.

187 3. «Светлеет небо...» Варианты автографа: 2—8: Звезда любви сияет на востоке. / Земля вздохнула облегченья вздохом, / И шелест листьев заходил волнами. / На ветках сладостно запели птицы, / И жрец сказал «Теперь настало время!» / «Чего, чего?» 11—12: Смысл слов его остался темен, каждый / Его - - - - - постиг; 14: В корнях земного бытия движенье; 17: «Пора идти к успеху, к достиженью»; 19: В порыве мощном обрело движенье; 21: Ладонью жены тронули чело; 23—25: Луч утра вывел на челе жреца / Сандаловый узор, и все вскричали: / «О брат наш! как тебя мы чтим!».

188 4. «Паломники сходились отовсюду». Варианты автографа: 1: Паломники <пошли> стремились отовсюду, — ; 9: <Прошли> Жрецы различных сект <твердя> молитвы пели; 11: Под гром литавр немолчный. 13: Шли в золоте советники владыки. 15: <Проворною походкой> Бежит его лукавый ученик. 21: И те, кто святостями разными торгует. 26—27: Грабеж их безнаказанный и жадность / Нечистых тел — являют мнимый рай. В рукописи нет последних пяти строк. В машинописи — полный текст.

189 5. «Путь беспощадный камнями усеян...» Варианты строк автографа: 2—6: А преданный идет — за ним другие, / И юноши, и старцы. Кто сосет / Мир и тот, кто обрабатывает почву. / Изранены там у кого-то ноги / И у другого гнев царит в душе. 8—10: В ответ им жрец поет им песнь одну. / Их брови хмурятся, но нет пути назад, / И скорость

человеческого кома. 14: И все боятся оказаться лишним. 17—19 строк нет.

В машинописном тексте: 2: Но преданный идет, за ним другие. 4: И тот, кто обрабатывает землю. 8—10: Но преданный в ответ лишь песнь поет. / Их брови хмурятся, но нет пути назад.

189 6. «Настала ночь...» Это и последующие стихотворения содержат изложение судьбы распятого и воскресшего Иисуса Христа. Варианты строк автографа: 2—3: Постлали все сиденья у баньяна. / От взрыва ветра их огонь погас. 6—7: И указуя пальцем на вождя, <воскликнул>: / «Лжец обманул нас!» 9: Грознел. Мужская брань — проклятья жен. 11—12: <Ударил по лицу> Изво всех сил ударил вожака / Во тьме его лица не видно было. 15: Остолбенела ночь тиха, безмолвна. *Баньян* — дерево из рода фикусовых, с многочисленными корнями-подпорками, стволами и огромной кроной.

190 7. «Наполнил души путников испуг...» В автографе нет первой и последней строк. Варианты: 4—5: И лай его замолк. / А ночь не хочет больше уходить; 7—10: Все говорят, кричат, орут / И хочется кинжалу появиться. / Но в это время тьма небес слабеет / И блеск зари уже разлился в небе; 14—15: И жены спор горячий прекратили. / Руками скрыли их мужья лицо. 17—18: Цепь преступленья их связала с жертвой. / Вопросы слышны: «Кто нам путь укажет?» 20: «Тот, кого мы вот здесь убили». 24—25: В любви его теперь мы возродим. / Он смертью возродился в наших жизнях. *Победивший смерть* — Христос.

191 8. «И юноши вдруг стали старших звать...» Варианты автографа: 2—5: «Пойдем в любви, в паломничество к силе». / И много тысяч голосов произнесло: «Не обаля мира завоюем мы!» / Не цель нужна им нынче, а порыв.

12: Идут в полях, где был посев закончен / 15: Где ждут их только страшные скелеты; 17—22: Идут и по местам уже пустынным, / Где прошлое в своей померкшей славе, / Идут мимо домов-развалин / Что издеваются над тем, кто <в них> там живет. Шли знойные часы бойшакха с ними, / <И вечером им звездочет вещал:> Далее две строки пропущены. 24—31: «Нет, это блеск великого светила / Играет на вечерних облаках». / А юноша: «Друзья мои, идите / Сквозь черную слепую ночь туда / В бессмертие сверкающего мира». / Они идут во тьме. / Предназначение свое дорога знает. / Пыль словно указывает направление, / А звезды на путях воздушных / Поют безмолвно: «О друзья! вперед...» / И слышен голос мертвого: «Спешите». *Бойшакх* — в бенгальском календаре месяцы апрель — май, когда бывают сильная жара и пыльные бури.

192 9. «В лесной листве, забрызганной росой...»

Черновой автограф перед публикацией был переработан практически полностью. Сравнение двух вариантов перевода показывает, с какой тщательностью стремилась Ахматова передать смысл, стилистику и художественные детали подлинника. Приводим текст чернового автографа полностью:

И проблески печальные зари
Сверкают на листве росой омытой
И звездочет воскликнул: «Мы пришли!»
И с двух сторон пути до горизонта
Колышатся налитые колосья
И с небом нежно говорит земля.
От одного селенья до другого
Обычное движение людей.
Круг гончара вращается спокойно,
Несет дрова на рынок дровосек,
На пастбище пастух - - - стадо.
Тропой тенистой женщины несут
Водю свежей полные кувшины.

Но где же крепость, рудники раджи
 И книги заклинаний, смерть несущих?
 Но молвил звездочет: «Не лгут светила,
 Сюда пришли их знаки и застыли».
 Сказал и голову склонил и отошел
 К источнику, что льется у дороги.
 А из него вода как жидкий свет.
 И утро — песня, где и смех и слезы.
 За роццей пальм там хижина видна
 Погружена в святую неподвижность.
 И у порога хижины поэт,
 Вернувшийся с берегов иного мира:
 «Мать, отвори мне!»

192 10. «Луч солнца тронул запертую дверь...»
 Черновой автограф ОР РНБ представляет собой незавершенный набросок:

Луч падает наклонно на порог,
 <И люди у себя в груди почуяв>
 И мир как будто в сердце у себя услышал
 То первое единственное слово:
 «Мать, отвори мне!»
 Дверь отворилась.
 Мать на траве сидит — в руках младенец.
 Так на руках зари звезда сияет.
 Луч солнечный лег на чело ребенка.

Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». На том же листе проект титульного листа:

Р. Тагор
 Паломничество
 перевод
 Анны Ахматовой
 1964

193 Отпусти. В автографе ОР РНБ подпись «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк: 1: Освободи меня и отпусти / <Отпусти меня, освободи!> 19—20: Враз отпустят паланкин с невестой; / Темной части месяца прибудет —; 27—29: Светоч грез — полночная планета — / Плыть пускает в утреннюю свежесть / И уходит, не сказав, куда.

194 Жилище песни. В автографе ОР РНБ подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

195 «В неизменном нашем мирозданье...» В ОР РНБ подпись «Пер<евела> А. Ахматова», заглавие: «Прикованный к постели». Варианты строк: 13—14: Хоть ничтожно тело человека — / Не согнется под громадой боли! 35—36: Вот родник, что бьет в огне ущелья! / Вот каков запас любви бездонной!

196 «Плоть моя, плененная болезнью...» В ОР РНБ подпись: «Пер<евела> А. Ахматова», заглавие: «Прикованный к постели». Варианты строк: 14: Он тогда потоком мелководным; 19—20: И не стану я бросать упрека / Грузу всей усталости моей. К строке 11 примечание: Бойшакх — название месяца.

197 «Когда живую куклу...» В ОР РНБ подпись «Пер<евела> А. Ахматова», заглавие: «Прикованный к постели». Варианты строк в двух черновых автографах: 8: <Серьезностью моей пренебрегают> / И все мои деянья не в почете; 14: Все эти указанья и приказы; 18: <И над разбитой куклой плакал> / <Разбитой куклой> сломанной играл; 28: Черед Абу Хусейна. Абу Хассан — герой одной из сказок «Тысячи и одной ночи», который вообразил себя халифом.

198 *«Когда к выздоровленью наконец...»* В ОР РНБ — подстрочный перевод Карпушкина (19 строк) и черновой автограф с подписью Ахматовой. Заглавие: «Прикованный к постели». Варианты строк: 7: И коврик созерцанья; 12—16: И я постиг — то новое рождение, / Что нанизали средь рождений прежних. / Как свет светила (солнца) семицветен, / Так зрелище в себе одном хранит / Поток <еще неведомых> творений.

199 *«Дверь раствори...»* В ОР РНБ — заглавие «Прикованный к постели». Первая строка — «Дверь раствори» — подчеркнута и отделена от остального текста как заглавие.

200 *«Когда в сетях невыносимых мук...»* В ОР РНБ — заглавие: «Прикованный к постели». Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк: 1: Когда в сетях <мучительных страданий>; 7: Но в этом знаньи утешенья нет. 13: Что люди той истиной свои питают души. 23: А боль их ран; 25: В истории следа <от них не видно>.

«В переплетении мира лесного...» Лакшми — богиня счастья и богатства.

201 *«Когда тебя во сне моем не вижу...»* В ОР РНБ — черновой автограф, заглавие: «Прикованный к постели», подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк: 2—3: Мне чудится: Земля <колдует под ногой> бормочет заклинанья, / Чтобы исчезнуть вовсе; 5—9: Хочу поднявши руки. / И в ужасе проснувшись вижу, / Что ты прядешь склонившись / Со мною рядом / С собой являя весь покой творенья.

202 *У раскрытого окна.* В ОР РНБ — авторизованная машинопись с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова»

Варианты строк 5—6: <О как> блаженством эта песнь полна, / <В какую синь> душа унесена. После текста место написания и дата: «Шантиникетон. 28/1 — 41 г.».

202 Сантальская девушка. Печ. по тексту рабочей тетради 1960 г. (ЗК, 100), где записано одновременно с черновым автографом стихотворения «Мелхола». Вариант начала перевода на последней странице обложки:

<Из деревни, из Сантала>
 Из селения Сантала
 Девушка сюда попала
 И трудиться ей не лень
 На постройке каждый день.
 работе тяжкой
 Сари грубое в обтяжку.
 Смуглый стан ее и стройный.
 Кто художник беспокойный,
 Кто был человек священный,
 Кто художник вдохновенный

Сантал — название селения в Индии, образовано от названия растущего в тропиках санталового дерева, из коры которого получают сандаловое масло, используемое в парфюмерии.

203 «Он одинок. Но со стены упрямо...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 369) автограф отрывка (?) с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова».

204 Счастье. В ОР РНБ (ф.1073, ед.хр. 373) — черновой автограф строк 1—14, машинопись с правкой и чистовая машинопись полного текста. В автографе варианты строк: 7—8: Жены ладонь докучливой и нудной. / Плывет ладья по синей Падме чудной.

Сумитранандан Пант

Пант Сумитранандан (1900—1977) — индийский поэт, романтик, мастер пейзажной и философской лирики. Писал на хинди. Симпатизировал идеям освободительной борьбы и социалистического переустройства общества.

Ахматова перевела четыре стихотворения С. Панта в 1959 г. В ОР РНБ — авторизованная машинопись переводов, на одном имеется подпись Ахматовой.

205 Два мальчугана. В авторизованной машинописи ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 337) первоначальные варианты строк: 3: Полуголы, смуглы, <в цвете детских сил> <и с избытком сил>, 9—10: А найдя журнала разноцветный лист, / <Словно обезьяны, испускают свист> / Дети обезьяний испускают свист, 13: Как у них прекрасны голые тела! 24: <Поросль вожелений людям суждена>; 28: Ничего другого надо не желать! Стихотворение переведено двустихиями с парной рифмой, не рифмованы строки 17 и 28.

206 Песня золота. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 338) — машинопись раннего варианта перевода. От печатного текста отличаются строки (не зачеркнуты): 1: Крошечка-птичка полнится счастьем, 11—13: Птичка, чьи крылья златом повиты, / В песнях которой льется амрита. // Гнездышко в листьях — птичья забота; 15—16: Птичка, откройся: силой кого-то / Сердце пробито нежным копьем.

207 Автору «Анамики», поэту Сурьяканту Трипатхи Нирала. Нирала Сурьякант Трипатхи (1896—1961) — индийский поэт и прозаик, писавший на хинди. Реформатор стиха хинди. Вместе с С. Пантом был начинателем романтического течения чхаявад в поэзии.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 336) авторизованная машинопись с подписью «Пер<е>вела А. Ахматова» и машинопись без правки. «Анамика» (безымянная) — название сборника стихов Нирала (1923). *Гималаи, Сарасвати* — намек на место жительства Нирала в Индии. «Сарасвати» — так назывался литературно-художественный журнал, выходивший в Аллахабаде с 1900 г.

208 Безлюдная долина. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 338) варианты раннего текста перевода (не зачеркнуты). Строки 8—9: Лунный свет по всей долине что-то пишет не спеша. / В глубине кричит кукушка и не хочет отдохнуть. Очевидно, при работе с издательским редактором Ахматова отказалась от «русификации» названия птицы и сохранила «местный колорит» — слово языка хинди — кокил.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Кардуччи Дж. Избранное. М., 1958; *Леопарди Дж.* Лирика. Пер. с ит. А. Ахматовой и А. Наймана. М., 1967; Избр. произведения. М., 1989. *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 301—303.

Джозуэ Кардуччи

Кардуччи Джозуэ (1835—1907) — итальянский поэт. Был сторонником республиканцев Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди, затем примирился с монархической властью объединенной Италии. Считал христианство тормозом истории, увлекался античностью. Выступал как филолог, изучая эпоху Позднего Средневековья и Возрождения, писал о первых ве-

ках развития итальянской литературы, о Данте, Петрарке, Боккаччо. Лауреат Нобелевской премии (1906).

Ахматова перевела первое стихотворение (50 строк, как записано в ее рабочей тетради 1958 г.) из цикла «Эллинская весна», взятого из книги Кардуччи «Новые стихи» (1861—1887). Заглавие перевода Ахматовой — «I. Эолийская» (два других стихотворения цикла — «II. Дорийская» и «III. Александрийская» в издании 1958 г. перевел А. Ильинский).

209 Эллинская весна. Федриада — вершина горы Парнас. ...волны кастальских напевов. — Кастальский источник находится на южном склоне горы Парнас. По древнегреческому мифу, назван в честь нимфы Касталии, возлюбленной Феба (Аполлона); источник поэтического вдохновения. В Дельфах священных с треножников медных / Пифии... вещают... — В Дельфах находится главный храм бога солнца и света Аполлона; пифии — жрицы-прорицательницы в этом храме. Киприады — дочери богов Кипра и Цитеры. Алкей, Сафо (Сапфо) — древнегреческие поэты VII—VI вв. до н.э.

Джакомо Леопарди

Леопарди Джакомо (1798—1837) — итальянский поэт. Автор свободолобивых патриотических канцон, идиллий, интимной и философской лирики, собранных им в кн. «Песни» (1831, 1835), сатирической поэмы в октавах «Паралипомены Войны мышей и лягушек» (изд. в 1842 г.), прозаических трактатов «Переписка» и «Моральные сочинения». Философия Леопарди проникнута идеями «мировой скорби», содержит идею «всемирного зла», несущего страдания всему живому. В XX в. считался одним из самых читаемых итальянских поэтов.

В двух русских изданиях Леопарди имя Ахматовой стоит под двенадцатью переводами. Однако она сама говорила о том, что переводы выполнены ею «солидарно» с Найманом. О том же писал неоднократно ее соавтор. В первом издании «Лирики» Леопарди именем А.Г. Наймана подписаны также двенадцать переводов. Для последующего издания (после смерти Ахматовой) Найман перевел еще тринадцать произведений, проза Леопарди была переведена С.А. Ошеровым.

В бумагах Ахматовой сохранились многочисленные записи, свидетельствующие о важности для нее работы над переводами итальянского поэта, которой она отдавала много сил в последние годы и месяцы своей жизни.

Работа над переводами Леопарди была предложена Ахматовой в конце 1963 г. Она знакомится с подстрочниками, в апреле 1964 г. получает «гарантийное письмо» от издательства, в августе с нею заключают договор. Через год, в августе — сентябре 1965 г., Ахматова записывает, что получила 40% оплаты за сделанную работу, в ноябре — запись: «Завтра (суб<бота>) зову Томашевского для работы (Леопарди)» (ЗК, 682). В рабочих тетрадях — черновики и чистовые автографы переводов, выписанные Ахматовой из словаря итальянские слова, — видимо, просто подстрочников было ей недостаточно. Появляются краткие восклицания: «Да здравствует Леопарди!»

Совершенно очевидно, что вклад Ахматовой в перевод Леопарди с его труднейшей для перевода формой поэзии — канцонами — был велик. Мы включаем в основной текст настоящего тома двенадцать переводов, подписанных именем Ахматовой. Можно предположить, что на каком-то этапе в работе над ними принимал участие А.Г. Найман. Также можно предположить участие Ахматовой в переводах, подписанных Найманом, — в качестве консультанта, советчика или редактора. Впрочем, в работе над переводами Леопарди участие А.Г. Наймана было официальным, и, завершив тот

или иной перевод, он напрямую общался с издательским редактором С. Ошеровым — см., например, об этом в письме-телеграмме Наймана к Ахматовой зимы 1965 г.: «Сегодня отправил Ошерову сильно переработанное «Пробуждение» Леопарди» (ОР НРБ, ф. 1073, ед. хр. 913).

Книга «Лирика» Леопарди вышла уже после смерти Ахматовой. Она была сдана в набор 1 апреля 1966 г., подписана в печать 17 сентября 1966 г. Примечания в ней сделаны Н.Б. Томашевским.

210 К Италии. Канцона была написана в 1818 г., опубликована в начале 1819 г. Посвящена поэту и переводчику Винченцо Монти. *Оружье мне, оружие!* — цитата из «Энеиды» Вергилия (11, 668), переведенной самим Леопарди. *Где сыновья твои?* — Цитата из Уго Фосколо, «Письма Якопо Ортиса». ...твои сыны / В чужих краях сражаются. — Речь идет об итальянцах, сражавшихся в составе наполеоновских войск в России. *Теснины фессалийские, где греки...* — Имеется в виду сражение при Фермопилах (V в. до н.э.), когда спартанский царь Леонид во главе трехсот воинов удерживал огромное войско персидского царя Ксеркса. *Ксеркс* — персидский царь (?—465 до н.э.), прославившийся завоевательными походами. Разгромленный греческим флотом при Саламине, вынужден был бежать в Азию. *Симонид* — греческий поэт (556—468 до н.э.), автор эпиграмм, павшим при Саламине и Фермопилах. *Алтарь — Гробница ваша...* — цитата из Симонида.

215 Бесконечность. Первая из цикла идиллий, из которого Ахматовой переведены три («Бесконечность», «Вечер праздничного дня» и «Сон»). Написана в 1819 г. В рабочей тетради Ахматовой «Лермонтов», заполнявшейся с середины 1965 г. по февраль 1966 г., черновой автограф перевода:

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Всегда был мил мне этот холм пустынный
 И изгородь, что заслоняет <холм> дали,
 Но <если здесь сижу и беспредельность>
 сидя здесь и глядя в бесконечность
 Пространств за ними <вижу> и сверхчеловечный
 <Безмолвье и бездоннейший покой>
 Покой и беспредельное безмолвье
 Воображаю я и оттого
 Сжимается тревожно сердце страхом.
 Когда же слышу <шелестенье ветра>
 в листьях <шелест ветра>
 ветра шум,
 Его я сравниваю с тем молчаньем,
 <Мне> И мысль тогда о вечности приходит,
 И умершие года времена,
 <И то, в котором жизнь бьется>
 И то, что живо <с звуками своими> и звучаще. И так
 В необозримом гаснет мысль моя
 И сладостно тонуть мне в этом море (ЗК, 619).

При окончательной доработке чернового текста в нем были сохранены лишь «опорные» первая и последняя строки.

215 Вечер праздничного дня. Написано в 1820 г., напечатано в 1825 г. ...мне одну лишь муку / Пославшей... — Трагический мотив жизни — муки и предчувствия неизбежной ранней смерти — связан с жизненными обстоятельствами поэта: тяжелыми болезнями с детских лет, бесправным положением в доме знатных родителей, неустроенностью личной жизни. Переводчик Е.М. Солонович указал на отступление Ахматовой от текста оригинала в строках 45—46. В итальянском тексте: «Когда этот день угасал, я, бессонный, ворочался на подушке». В переводе: «Когда он угасал, — без сна, печальный, Я крылья опускал <...>».

Можно предположить здесь ошибку подстрочника либо — стремление Ахматовой сохранить (или придать) высокий стиль речи лирического героя стихотворения.

217 Сон. Написано в 1820—1821 гг., первоначальное название — «Элегия». В рабочей тетради Ахматовой «Тысяча и одна ночь» содержатся материалы для работы над переводом идиллии «Сон» — отдельные фразы по-итальянски, выписки из словаря — переводы слов, встречающихся в произведении, помета: «рифмы нет». Например:

XV. Il sogno <Сон> imposte <— пробирались>

sole <— солнце> рифмы нет

albore <— белизна> <...>

Era il mattino e ha le imposte chiuse. <...>

«Son morta, e mi videsti L'ultime volta...»

(Il sogno. Leopardi).

На обороте этого листа тетради — набросок собственных стихов Ахматовой: «Какое нам, в сущности, дело, Что все превращается в прах» (ЗК, 511—512).

220 Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии. Написано в 1829—1830 гг. под впечатлением книги барона Мейндорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 году».

224 Покой после бури. Канцона написана в 1829 г.

226 Суббота в деревне. Канцона написана в 1829 г. Переводчик Е.М. Солонович обратил внимание на многочисленные отступления в переводе от текста оригинала, например, в строках 5—6 — в оригинале: «чтобы украсить ими грудь и волосы». В переводе: «Чтоб завтра, в праздник, в поясе их спрятать И в волосы воткнуть, И грудь украсить». Строки 8—10 — в оригинале: «Она сидит и прядет со ста-

рушками на ступенях (лестницы, крыльца)». В переводе: «Ступень одолевая за ступенью, Старушка с прялкой ветхою своей Спешит к соседкам, что уселись кругом...». Можно предположить, что «вольный» перевод Ахматовой вобрал в себя ее личные впечатления — от ее восхождения по бесконечной лестнице дворца Урсино во время вручения ей премии Этна-Таормина («Ступень одолевая за ступенью»), от российских деревенских посиделок и т. д.

228 Неотвязная мысль. Написано между 1830 и 1832 г.

233 К себе самому. Написано в начале 1830-х гг., завершено в 1833 г.

Аспазия. Написано в Неаполе между 1831 и 1835 г., посвящено возлюбленной — Фанни Гарджони-Тоцетти. Аспазия — имя выдающейся женщины Древней Греции (р. 470 г. до н.э.), жены Перикла, отличавшейся умом, всесторонним образованием и красотой. В рабочей тетради Ахматовой «Лермонтов», заполнявшейся с середины 1965 г. по февраль 1966 г., — ранний вариант ее перевода до строки 88, с пропуском отдельных строк (24—28, 44). Наиболее существенные отличия, начиная со строки 14:

Тебя я вижу той, какой в тот день
Ты в комнатах уютных появилась,
Пронизанных дыханием цветов
Весенних. В фиолетовой одежде
И ангельскою красотой сияя,
Ты прилегла на пышные меха,
Окружена таинственным блаженством,
Когда, кормилица умелая, ты звонко
Твоих малюток целовала губы. <...>
Мне в мыслях. Так мне в грудь
Не беззащитную она стрелу послала,

Которую <я до тех пор> со стоном я носил,
 Пока два раза не всходило солнце.
 Божественным виденьем показала,
 О донна, красота твоя. Равно влияют
 И красота, и музыки созвучья,
 Что таинства полей загробных нам
 Порою открывают. Восхищенно
 Мы, смертные, глядим на дочь
 Своей души, <и> что мысленно зовется
 Любовию, — Владычицу Олимпа
 И всем — лицом, повадкою и речью, —
 Подобна той, которую влюбленный

.....
 И вот уж не мечту свою, а тело,
 Которое ласкает, любит он.
 Пока, подмену наконец заметив,
 Впадает в гнев и женщину винит
 Напрасно, но до образа небес
 Лишь редко может женский ум подняться,
 И то, что зрит любовник благородный
 В красе, самой красоте непонятно
 И неизвестно. Не вмещают <эти> лбы
 Их узкие возвышенных понятий,
 И тщетно ждет обманутый мужчина
 При виде этих взоров оживленных
 И чувств высоких и глубоких мыслей
 От тех, кто во сто раз его ничтожней.
 Затем, что если гибче, тоньше и изящней
 Тела <их> у женщин, то и <самый> разум их
 Не так остер и силен, как мужской.
 И никогда еще, что ты <сама> тогда
 Моим внушала мыслям вдохновенным,
 Себе представить не могла. Не знаешь,
 Какую страсть, Аспазия, и муки
 Что за порывы и мечты какие
 Во мне ты пробуждала. <Час не придет> Не настанет
 Тот час, когда поймешь. Вот так не знают

<Создатели созвучий музыкальных>

Певцы и музыканты, что они

В сердцах своим искусством вызывают.

Аспазия моя — ты умерла,

Ты, что я так любил. Ты целью

Казалась жизни всей. Ты оживаешь,

Когда твой милый призрак иногда

Является мне, чтобы исчезнуть. Ты

Прекрасна и на свете женщин всех

Своею превосходишь красотой.

Но жар, тобой рожденный² — он угас

Затем, что я Божественность любил,

Что ныне в сердце у меня почила,

Ее я долго обожал — мила

Была мне дивная ее краса, хотя

Я с самого начала осознал

Твои уловки, сущность и проделки,

Но взор ее в твоём светился взоре (ЗК, 634—635).

237 К древнему надгробью, на котором усопшая девушка изображена уходящей в окружении близких. Написано в Неаполе в 1834—1835 гг. Ахматова переводила стихотворение в конце сентября 1965 г. Черновой автограф в рабочей тетради «Лермонтов» (ЗК, 613—615) под заглавием «Барельеф мертвой девушки». Варианты строк: 3: <Прекрасная девица> Прекраснейшая дева? 5—6: Ты вовремя ль покинула? <К порогу> В дом этот / Вернешься ли? Обрадуешь ли вдруг; 8: Не плачешь ты, твои движенья живы, 11—16: К которому шаги <ты направляешь> <твои ведут> / По твоему суровому лицу / Не угадать. Увы, увы, не мог бы / Ни сам я разгадать, ни в целом мире / Никто не знает, как тебя назвать. / Снискавшей ли немилость сил небесных <...> 18—26: И сметь зовет тебя — в начале дня — / Последний миг. В гнездо родное / Ты не вернешься. Вид твоих родных / Тобой покинут. Место, / Куда ты направляешь-

ся — Аид. / Он для тебя приютом вечным станет. / Быть
 может, ты счастливица, но тот, / Кто о тебе задумался —
 вздохнет. 27—56: Не видеть света больше никогда / Отрад-
 нее. Но ты тогда родилась, / Когда <твоя земная> уже сия-
 ла красота / Лица и тела / И весь мир / К ней приближался
 <...> / Когда навстречу светлomu челу / Еще действитель-
 ность не смела / Как пар, что выпит облаком небесным, /
 Тем, что меняет облик вдалеке / И исчезает, не успев воз-
 никнуть, / И променять <на темноту гробницы> грядущее
 свое / <Безмолвие на> / На страшное безмолвие гробницы.
 / И если это может ум понять, / Наполнит жалость сердце
 самым стойким. / О Мать! ты вызываешь страх и слезы /
 С тех пор, как появился род людей, / Природа, чудо всех чудес
 <чудесней и> страшней / Ты, что рождаешь, чтобы <потом
 убить> умертвить / И если зло для смертных / Смерть ран-
 няя, как допускаешь ты, / Чтоб <в юности невинные> по-
 гибли / те, в расцвете красоты, / А если так, то почему столь
 скорбным / И почему всех бед невиносимей / Ты делаешь
 уход такой тому, / Кто умирает и кто жить остался —
 57—110: Куда ни <погляди> глянь — несчастно, / Куда ни
 обратиться — несчастно / Потомство человека. / <Тебе угод-
 но было> / Ты хочешь, чтобы жизнь / Несла обман / Наде-
 ждам <юным>, чтобы мук полна / Была б волна годов; от
 бед защитой / Единственной была бы смерть, и знаком / Не-
 отвратимым и законом главным / Ее <ты положила на пути.
 Зачем> поставила. Отчего / <Ты> <Хоть нашу цель не
 сделала ты светлой> / Цель наша не светла. И даже то, /
 Что мы наверняка в грядущем / Несем при жизни пред своей
 душой / То, что ты смерть нам назначаешь всем, / Без ведо-
 ма их, без согласия даже / <Всем нам, безвинным> / То те,
 кому ты назначаешь жизнь, / Еще несчастней оттого, что ви-
 деть / Смерть близких им придется <увидать> / Если прав-
 да, / Что жить — несчастье, / Смерть же — благодать, que /
 q / u / u / Без самого себя остаться, / Смот-

ря как... из дому выносят / Любимого им нежно человека, /
 С которым годы долгие провел. / Сказать ему прощай и
 знать наверно, / Что встретиться вам снова <невозможно>
 / на земле / <Здесь, на земле> / Пустая, невозможная мечта.
 / А после в одинокие часы / <О спутнике ушедшем вспо-
 минать> / Своим воображеньем помещая / <Искать его в
 привычный час в местах знакомых> / Тень милую в привыч-
 ные места. / О, как, природа, ты жестокосердна. / Что вы-
 рываешь ты из рук любимых / У друга — друга / И у брата
 — брата / И отрока — у матери с отцом, / У любящего —
 милую. Когда же / Один угас — другой еще живет, / Как
 может стать необходимой нам / Как луч единый света /
 <...> / <...> / <Почему> И ужасней бури средь тумана /
 Гавань эта?

Темы разминовения во времени, невозможности встречи с дорогим человеком в загробном существовании, боль от предчувствия близкой возможной потери, содержащиеся в стихотворении Леопарди, перекликаются с подобными темами, присутствующими в конце 1965 г. в набросках пьесы «Пролог, или Сон во сне» и некоторых письмах Ахматовой, — см. записи в ее рабочих тетрадях и воспоминания современников.

241 Палинодия. Поэма написана в Неаполе весной 1835 г. Ахматова переводила ее летом 1965 г. Ранний вариант перевода с небольшой правкой — в рабочей тетради «Лермонтов» на разных листах, среди записей июля — сентября 1965 г.

Палинодия (греч.) — «песня, в которой поэт как бы берет свои слова обратно. По преданию, древнегреческий поэт Стесихор в одном из своих гимнов порицал Елену как виновницу Троянской войны. Елена, ставшая богиней, ослепила его. Тогда Стесихор сочинил «Палинодию», в которой отрекся от своих обвинений, и прозрел» (примеч. Н.Б. Томашев-

ского). Палинодия в творчестве Леопарди — переоценка им своего прежнего пессимистического взгляда на историю человеческого общества, приводящая его к еще более мрачному взгляду на путь цивилизации, при котором единственной надеждой оказываются «бородатые герои» — т. е. революционеры. *Маркиз Джино Каппони (1792—1876)* — один из ближайших флорентийских друзей Леопарди. Эпиграф взят из стихотворения Франческо Петрарки (1304—1374), высоко ценимого Леопарди поэта Раннего Возрождения. *Внуки Симы, Хама и Яфета* — человечество. *Сим, Хам и Иафет* (библ.) — сыновья Ноя, спасшиеся с ним вместе в ковчеге. *Дальний берег Атлантики* — Америка. *Вольта Алессандро (1745—1827)* — выдающийся итальянский физик, изобретатель электробатарей. *Дэви Хемфри (1778—1829)* — английский физик, создатель электрической дуги и рудничной лампы. *И под широким ложем Темзы будет / Прорыт тоннель...* — Речь идет о туннеле в Лондоне под Темзой, запроектированном еще в 1799 г. и завершеном через несколько лет после смерти Леопарди. *В тени твоих бород...* — «Бородатые герои» во времена Леопарди — карбонарии, борцы за освобождение Италии, европейские революционеры. В оригинале Леопарди упоминались революционные события в Европе «от Тахо до Геллеспонта», т. е. в Испании и Греции.

В раннем варианте перевода Ахматова была ближе к оригиналу, чем в печатном варианте издания 1966 г., — см. ЗК, 644—649, строки 231—245:

Как славны бородатые герои
И на пирах, и на балах веселых.
Расти, расти для родины.
В тени твоих бород цвести Италье,
Европе всей до самых Дарданелл,
Чтоб мир вздохнул спокойно наконец,
Приветствуйте, сыны, отцов колючих.

А вы засмейтесь, милые потомки:
 Для вас уже готов заветный плод,
 Тот, о котором столько все мечтали,
 Увидите вы радость в городах
 И в селах, и счастливой станет старость
 Как юность, бороды ж при вас завьются
 И превратятся в кудри...

КАБАРДИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Шогенцуков Али. Избранное. М., 1957. С. 159—165.

Али Шогенцуков

Шогенцуков Али Асхадович (1900—1941) — кабардинский писатель, основоположник кабардинской литературы. Учился в медресе в Баксане, затем в Константинополе. Приветствовал революцию 1917 г., с 1920-х гг. работал в газетах, особое внимание уделял развитию школьного образования на Кавказе. Печататься начал с 1917 г. Писал об истории кабардинского народа, тяжелой судьбе женщины при феодализме, о строительстве новой жизни при советской власти. Погиб в фашистском концлагере. Творческое наследие Али Шогенцукова — стихи, песни, восемь поэм и роман в стихах. «Кызбурун» — неоконченная поэма, над которой Шогенцуков работал в 1938—1941 гг. Ее рукопись пропала во время вторжения фашистов в Кабарду. Фрагменты впервые были переведены на русский язык и опубликованы в издании 1957 г.

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод стихов Шогенцукова (220 строк) Ахматова подписала 15 января 1957 г.

250 Кызбурун (Фрагменты). 1. Данах и Канамат.
 Кызбурун — гора у входа в Баксанское ущелье. По преда-

нию, с этой горы в пропасть была сброшена девушка, ложно обвиненная в нарушении адата — свода правил поведения у мусульман. *Махаготс* — гора в Кабарде. *Тха* — божество. *Юэлик* — монета. *Махсыма* — напиток из проса, настоянный на меду.

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан). М., 1956. С. 101—111, 343—345; Поэзия эпохи Сун. М., 1959. С. 70—71, 101—102, 303—304; Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 1—3. Т. 1. С. 149—162, 199—201. Т. 2. С. 300—302. Т. 3. С. 33—35, 95, 132, 146, 226, 234, 251—252; *Цюй-Юань*. Стихи. Пер. с кит. М., 1954. С. 24—25, 29—40, 127—134. 2-е изд. — М., 1956; Огонек. М. 1955. № 23. С. 9; *Ахматова А.* Стихотворения. М., 1958. С. 95—114; Классическая поэзия Востока. М., 1969. С. 97—127; Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 263—269.

Ахматова перевела стихи двенадцати китайских поэтов. Начиная с 1954 г. ее переводы входили во все русские издания китайской классической поэзии. Сохранились договоры на переводы китайских поэтов с издательством «Художественная литература», которые Ахматова подписывала: 23 октября 1953 г. — на перевод стихов Цюй Юаня, 750 строк по подстрочнику; 29 января 1955 г. и 28 сентября 1956 г. — для «Антологии китайской поэзии» на перевод 250 и 170 строк. Переводы проходили серьезное рецензирование специалистов — знатоков китайской поэзии. Вот, например, отзыв рецензента (по-видимому, Н.Т. Федоренко) от 8 февраля 1955 г. при публикации переводов Ахматовой в журнале «Огонек»:

**«В журнал «Огонек». Для редакции
О переводах А. Ахматовой с китайского**

На мой взгляд, переводы А. Ахматовой интересны. Сделаны они с большим вниманием к тексту. Могу указать лишь на некоторые небольшие улучшения. Так, в стихотворении Ли Бо «На Западной башне в городе Цзиньлин» в строке «Под светлой луной вздыхаю» слово «вздыхаю» не передает китайского «чень-инь», что значит «нахожусь в глубокой задумчивости, чувствую неудовлетворение...» В стихотворении Ли Бо «Провожая до Балина друга...» речь идет не о голосе иволги, а о названии песни, которую друг поет на прощание.

Думаю, что стихотворение «Песня на границе» наименее удачно не по вине переводчика: оно требует слишком больших комментариев для китайского, а тем более для советского читателя. Поэтому не останавливаюсь на замеченных мною в нем неточностях.

Надо только приветствовать появление в журнале «Огонек» новых переводов китайской классики, сделанных А. Ахматовой» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 1826).

Строки были переделаны Ахматовой в соответствии с пожеланиями рецензента. В печати: «Под светлой луной грущу я...», «И голос друга «Иволгу» поющий...», в примечаниях составитель и редактор изданий «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан) Н.Т. Федоренко писал: «Иволга» — песня об иволге, которую пели на прощание» (С. 392).

При публикации переводов Ахматовой с китайского следует учесть заявление Н.И. Харджиева, сделанное им в 1989 г.: «Перевод знаменитой поэмы «Лисао» («Скорбь изгнанника») целиком принадлежит мне» и «В сборнике «Китайская классическая поэзия» (М., 1956), где напечатан ряд ахматовских переводов, мне принадлежит перевод стихотворения Ли-Шан-иня (812—858) «Ночью в дождь пишу на север» (Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. М., 1992. С. 230). Поэтому «Лисао» Цюй Юаня печатаем после

основного корпуса переводов Ахматовой в разделе «Коллективное». Предполагаем, что авторство Харджиева, о котором он заявил лишь в 1989 г., не было единоличным, и возможно участие Ахматовой в окончательной отделке текста или его редактуре. Мнение о главенствующей роли Ахматовой в переводе Цюй Юаня отчасти подтверждает и фраза из письма Н.И. Харджиева к Ахматовой 28 октября 1954 г.: «Изданы ли творения Цюй Юаня, Вами переведенные?» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 1035).

Цюй Юань

Цюй Юань (ок. 340—276 г. до н.э.) — один из крупнейших китайских поэтов IV в. до н.э., живший в царстве Чу на юге Китая. Его произведения — «Лисао», «Вопросы к небу», «Призывание души» и др. — исследователи сравнивали с «Божественной комедией» Данте и трагедиями Шекспира. «Можно без преувеличения сказать, что развитие литературы в Китае на протяжении многих сотен лет неизменно проходило под влиянием художественного творчества Цюй Юаня» (Н.Г. Федоренко. Предисловие // Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)». М., 1956. С. 7—8). Крупный сановник Чуского царства, поэт по навету клеветников был лишен всех должностей и жил в изгнании. В знак протеста против несправедливостей он покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку Мило.

258 Призывание души. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 277) — авторизованная машинопись раннего варианта перевода под загл. «Призыв души». Дата: 13 декабря 1953 г. Подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой». Экземпляр принадлежал А.В. Любимовой. На первой странице две надписи рукой Любимовой: «Получила от Анны Андреевны 17. III. 1955 на ул. Кр. Конницы 4 кв. 3. А.Л.» и «Гос. Публичной

Библиотеке в дар. 1. IV. 68. А. Любимова». На последнем одиннадцатом листе рисунок А.В. Любимовой, изображающий интерьер комнаты Ахматовой на улице Красной Конницы в Ленинграде — письменный стол с листами рукописи и чернильницей, тахта, картина на стене — со стрелочками и пояснениями: «Чернильн<ица> голуб<ая> с золот<ом>», «Лисао — пер<евод> А.А.», «Рис<унок> Модильяни».

Сюжет поэмы связан с периодом несправедливого изгнания поэта на юг Китая. Потеря душ (по китайской мифологии, у человека их несколько) — символ тоски изгнанного. Среди материалов архива Ахматовой (ОР РНБ) имеются разъяснения переводчика, готовившего подстрочники: «По китайским верованиям, у человека не одна, а несколько (обычно — две) души. Одна со смертью человека улетает на небеса, а другая остается с телом и погибает вместе с ним. Обряд призывания души производится в случае смерти (чтобы умиловить улетевшую душу и поселить ее в таблице предков), а также в случае болезни, обморока и т. д.» (ф. 1073, ед. хр. 276). В данном случае улетевшую душу волшебница-вещунья Ян призывает вернуться к страдающему, но еще живому поэту.

Приводим наиболее существенные варианты строк раннего варианта перевода. Строки 1—9: Я в юности хотел остаться чистым / И шел я справедливейшим путем / И главным в мире мнил я добродетель, / Но мир развратный был враждебен мне. // Князь добродетелей моих не ведал, / Вот отчего я душ своих лишен. / Небесный царь к вещунье обратился (Так царь небес...) 19: Чем сможет Ян ему помочь. 30—31: Там десять солнц плывут по небесам / И расплавляют камни и металлы; 38—43: Там красят лица, зубы там чернят / И мясо пленников приносят в жертву. / Приготавливают соус из костей, / Удавов там и змей несметно много, / Там мчатся тени великанов-лис, / Гадюки в той стране девятиглавы, —; 53—55: А если сможешь избежать несчастья, / Во-

круг увидишь мертвую страну, / Там муравьи багровые огромны; 57—58: Все пять хлебов там вырасти не могут, / А жители, как скот, жуют пырей. 61: Вернись обратно, о, вернись обратно, 66: На севере не делай остановки: 68—69: И там мятель на сотни <ли> верст несется... / Вернись обратно, о, вернись обратно, 79—82: Они, как в мяч, играют головами / И к бездне жертву бедную влекут / Доносят обо всем владыке неба, / Потом идут спокойно на ночлег. 102: И причитаний громок хор... 111: Многоэтажные беседки; 125—126: И пестрая висит одежда / Там на нефритовых крюках. 128—131: Они сияют и блестят; / Кровать за стенкой из цыновок / Над нею <легкий полог> бел. / <Весь разукрашен он> шнурами, 146—149: В хоромах у тебя живут / И все служить тебе готовы, / Стыдливо взоры опустья; / Их речь согласна с этикетом; 157: Там <перьями расшитый полог> полог в перьях зимородка; 160: И там стропила как нефрит; 163—164: А поглядишь за балюстраду — / Вдали извилины пруда; 170—172: На длинном пандусе стоит. / И вот уж прибыли вельможи / И с ними ряд безмолвных слуг. 183—184: До мягкости разварят мясо, / И будет горьковат бульон, 187: И пред тобой шербет поставят; 193: И разных сладостей без счета; 200: Ты будешь чтим и счастлив здесь. 210—211: А взгляды — зыбь морской волны. / <Одежды их — из тонких> тканей / В одеждах из прозрачных; 215—225: Вот приготовились танцорки / И чжанский танец начался. / Стройнее, чем стволы бамбука, / <Склонились девушки к столам> / Скользят красотки у столов. / Звук флейты и цимбалов льется, / Бьет быстро, громко барабан. / Дрожат от этих звуков своды, / Но Чусский раздался напев — / Он чист, величествен и плавен. / Затем песнь Уская слышна / И Цайские грохочут оды, 229: Все строгий этикет забыли; 231: Уселись Чэнские шалуны; 238—243: Здесь только смелый победит. / Вот кости Цзыньского изделия, / За ними скоро день бежит... / А вот и колокол ударил /

И гусли звонкие поют, / Но от вина не оторваться;
 245—247: Душистые пылают свечи / В резных подсвечни-
 ках своих, / Но сокровеннейшие мысли; 252: Возрадуйся,
 что дома ты. 257—265: Я, князем сосланный, иду на юг, /
 Зеленой ряски листья показались, / Цветет трава душистая
 бай-джи. / Мой дальний путь через Лу цзян проходит, / На-
 право от меня лежит Чанбо. / По берегу озерному шагая, /
 Я вдаль гляжу, пустынно все вокруг. / А помню я, когда в го-
 ду прошедшем / Я на охоту ездил с государем, / (А, помню,
 в прошлом году, когда я охотился с государем) / Там воро-
 ных коней неслись четверки; 273—274: Друг друга мы ста-
 рались перегнать, 279: Прибрежные цветы покрыли тропы;
 282—283: Лишь ветки кленов над водой темны. / Я вдаль
 гляжу на версты, версты, версты; 286: <Печаль весны> тре-
 вожит сердце мне. / И лишь весна

68. Ли — китайская мера длины, равная примерно $\frac{1}{2}$ ки-
 лометра. 73. Там тигры ждут у девяти застав. — Де-
 вять застав — ворота у дворца небесного владыки. 95. Инчен
 или Ин — столица княжества Чу. 142. Чжоу-Синь — по-
 следний император династии Инь, известный своим разврат-
 том. 185. Царство У — удельное княжество на юго-востоке
 Китая. 260. Луцзян — река в провинции Аньхой. 278. *Ход
 времени ничем не удержать.* — Мысль о неотвратимости
 хода времени была близка Ахматовой. Возможно, именно ки-
 тайского классика она имела в виду в четверостишии «Что
 войны, что чума...», когда писала: «Но кто нас защитит от
 ужаса, который был бегом времени когда-то наречен?»
 (1961 г.). Эта формула — «ход времени», «бег времени» —
 легла в основу названия ее итогового собрания стихов — «Бег
 времени». До сих пор это выражение связывали прежде всего
 со словами Горация «Fuga temporum» в его оде «Eхegi
 monumentum...» (см. об этом в т. 2, ч. 2. С. 390 наст. изд.).
 281. *Разлив Реки* — Янцзыян. 288. *Цзяннань* — место
 ссылки Цюй Юаня.

Цзя И

Цзя И (201—169 гг. до н.э.) — китайский поэт и прозаик Ханьского периода. Прославился своей ученостью, был советником императора, принимал участие в государственных реформах. По наветам врагов был удален от двора, в ссылке написал «Плач о Цюй Юане», уподобляя свою судьбу судьбе гонимого поэта, покончившего с собой, бросившись в реку.

267 Плач о Цюй Юане. Нет феникса и чудо-птицы. — Отсылка к содержанию поэмы Цюй Юаня «Лисао», в которой говорится о полете поэта по небесному царству на фениксе и волшебной птице. *Бо И* — сановник императора Шуня (III тысячелетие до н.э.), отличавшийся своей честностью. *Дао Чже* — разбойник, живший во времена «желтого императора» Хуан Ди (III тысячелетие до н.э.) и отличавшийся крайней жестокостью. По преданию, он убивал людей и съедал их печень. *Мо-се* — название особо прочного меча, с именем которого связана следующая легенда. Правитель Хо Люй приказал искусному мастеру Гань Цзяну сделать особенно острые мечи, но металл для их изготовления не поддавался огню. По легенде, в подобных случаях духу огня нужно было принести в жертву женщину. Жена мастера Мо-се бросилась в плавильную печь, и из расплавленного металла были изготовлены два меча, которые назвали именами Гань Цзяна и Мо-се. *Уборов иньских шелк не в моде.* — Речь идет о головных уборах из черного шелка, которые имели право носить только высшие сановники царства Инь. ...*в запрудах мелководных / Большие осетры не могут долго жить.* — В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 276) имеется разъяснение автора подстрочного перевода этого стихотворения: «Под сточной канавой подразумевается небольшое государство, которое не дает возможности крупному государственно-му деятелю развернуть свои способности. Под осетром пони-

мается государственный деятель, привыкший к большому размаху в своей деятельности, а под лягушками — ничтожные клеветники и льстецы, всегда стремящиеся помешать человеку честному и способному.

Большая часть стихотворения написана иносказательно. Основная мысль: во времена Цюй Юаня в княжестве Чу все лучшее при дворе отвергалось, а все низкое и подлое всячески превозносилось».

Ли Бо

Ли Бо (второе имя Ли Тай Бо, 701 — 762) — великий китайский поэт танской эпохи (618—907 гг.). Вырос в провинции Сычуань, природу которой воспел в ранних стихах. Много странствовал, был призван к императорскому двору в столицу Чаньань, уже став прославленным поэтом. Удостоен высшего ученого звания ханьлинь, но пробыл при дворе лишь три года и вновь отправился в странствия. За участие в борьбе принца Ли Линя против императора был приговорен к ссылке, затем прощен. За прекрасные стихи современники называли Ли Бо «небожителем, изгнанным на землю». В философии Ли Бо соединены конфуцианство с идеями даосизма, исповедующего единение человека с природой. Демократизм поэта проявлялся в прославлении им радостей жизни простого человека.

Ли Бо был выдающимся мастером стиха, используя и развивая многообразные формы китайского стихосложения. О высоком качестве переводов Ахматовой, опубликованных в книге «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)» (М., 1956), писал знаток китайской литературы, сам много переводивший Ли Бо, Л.З. Эйдлин: «Все шесть переведенных стихотворений Ли Бо даны ею без рифмы. Значит, поэтесса нашла необходимым для себя как можно лучше сохранить остальные особенности китайского стиха. И сохранила их —

доцезурную и послецезурную части строк, порядок строк, образы, всю композицию. И благородный выбор слов» (Эйлин Л. Тао Юань-мин и его стихотворения. М.: Наука, 1967. С. 145).

Следует отметить, что ряд переводчиков Ли Бо переводили его стихи иначе, создавая организованный силлаботонический русский стих и сохраняя систему рифмовки. Приведем для примера стихотворение «Одинокое сажу в горах Цзинтиншань», переведенное блестящим знатоком поэзии Востока, поэтом А. Гитовичем:

Плывут облака
Отдыхать после знойного дня.
Стремительных птиц
Улетела последняя стая.
Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,
И долго глядим мы,
Друг другу не надоедая.

Именно переводы Гитовича цитирует как образцовые автор вступительной статьи к сборнику «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)» Н.Т. Федоренко: «Ли Бо создавал стихи на живом языке в духе народных песен «Юэфу». Он слышал биение родной речи, вдохновлялся китайской природой, китайской историей, самобытной жизнью своей родины. Многие поэтические творения Ли Бо, отличающиеся необыкновенной простотой стиля и неповторимой задушевностью, продолжают жить в памяти китайского народа. К числу таких произведений относится стихотворение «Думы тихой ночью», пользующееся народной любовью как колыбельная песня:

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.
А может быть, это иней?

Я сам хорошо не знаю.
 Я голову поднимаю —
 Гляжу на луну в окошко,
 Я голову опускаю —
 И родину вспоминаю» (С. 14).

Стихотворение приведено в переводе А. Гитовича. Ахматовские переводы в этой статье Федоренко не упоминает. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 274) есть автограф одного перевода восьмистишия Ли Бо, выполненного Ахматовой по тем же принципам, но явно уступающего по уровню мастерства другим ее переводам, — см. «Пройдя Цзыньминьское ущелье, расстаюсь с родиной» (с. 273 наст. тома).

269 Поднося вино. Заздравных триста чаш... — Гипербола, характерная для поэзии Ли Бо. Ср. далее: «И десять тысяч доу Там выпили шутя» (доу — мера объема, равная 10,3 литра, название сосуда для вина). Цзень — возможно, поэт Цзень Цань. Дань-цю — буддийский монах Юань Дань-цю. Оба они были приятелями и собутыльниками Ли Бо. *Изысканные яства / Не следует ценить.* — То есть не следует ценить яства и церемониал знатных домов. Цао Чжи (192—233) — поэт, сын и наследник императора Цао Цао. Пинлэ — название дворца в провинции Гуанси.

270 Песня о восходе и заходе солнца. Где ж пещера для шести драконов? — По древнекитайской легенде, солнце ежедневно совершает свой путь с востока на запад в колеснице, запряженной шестью драконами, которые ночью отдыхают в пещере. Си Хо — дух, возница солнца. Лу Ян — Лу Ян-гун, легендарный богатырь, живший в период «Борющихся царств» (403—221 гг. до н.э.). Сражаясь на стороне княжества Вэй против княжества Хань, Лу Ян махнул копьем и остановил уже садившееся на западе солнце.

271 Луна над пограничными горами. Застава Юймынь — в провинции Ганьсу проход на главном пути через западные районы Китая. *Бодэн* — гора в провинции Шэньси. Здесь в 200 г. до н.э. войско ханьского императора Гао-цзу было окружено гуннами, и только через семь дней императору удалось выйти из окружения. *У бухты Цинхай*. — Имеется в виду озеро Цинхай в провинции Цинхай.

Песни на границе. Вэйский мост — находится в провинции Шэньси, к северу от Чаньаня. *Разят гордецов* — т. е. племена гуннов. *Злые звезды померкли*. — По древнекитайскому преданию, когда стране грозила военная опасность, в небе появлялись лучи зловеще сиявших планет. Когда опасность миновала, лучи исчезали. *Хэ Цао-яо* — генерал, прославившийся победой над гуннами. Ханьский император Сюань-ци приказал поместить портреты выдающихся сановников, в том числе первым — генерала Хэ Цао-яо — в башне Цилин.

272 На Западной башне в городе Цзиньлин читаю стихи под луной. У и Юэ — древние названия провинций Цзянсу и Чжецзян. *Се Тяо* — Се Сюань-хой, знаменитый китайский поэт (464—499). «Прозрачней белого шелка» — строка из его стихотворения под названием «Вечером, поднявшись на гору Саншань, гляжу вдаль на столицу».

273 Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память. «На юге» некогда Ван Цань всходил. — В подлиннике приводится строка из стихотворения поэта Ван Цаня (177—217) «Семь печалей». Спасаясь от мятежа, Ван Цань бежал из Шэньси в Хубей (Чу) и описал в стихотворении свой путь: «На юге поднимаюсь на Балинскую гору, оборачиваюсь, гляжу в даль на Чаньань». Чаньань — столица танского Китая. *И голос друга, «Иволгу» поющий*. — Песню «Иволга» пели при расставании.

Ли Шан-инь

Ли Шан-инь (второе имя И Шань, 813—856) — китайский поэт. Большая часть стихотворений Ли Шан-иня посвящена любви. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 275) — авторизованная машинопись четырех стихотворений Ли Шан-иня с правкой и подписью «Пер<евела> А. Ахматова»: «Без названия», «Драгоценная цитра», «Лэююань» и «Лунная волшебница Чан-Э». Многократно печатавшийся под именем Ахматовой перевод стихотворения «Ночью в дождь пишу на север», по утверждению Н.И. Харджиева, принадлежит ему.

274 Без названия (К безымянной). Варианты строк: 1—2: Клялась вернуться, но один я ныне. 7—8: Уж пять часов — ночь очень скоро минет. 13—14: И тушь, увы, не сделать мне густою. Я, как Лю Чэн, горюю о пропаже. — По легенде, Лю Чэн встретил в горах девушку, которую любил. Когда он вернулся домой, оказалось, что сменилось уже семь поколений. Дороги назад к возлюбленной он не нашел. *Пэн Лай* — здесь: и имя возлюбленной, и название легендарной горы, где живут бессмертные.

275 Лэююань. *Лэююань* и *Гуюань* — названия парка на возвышенности около Чанъани, откуда открывается прекрасный вид.

Драгоценная цитра. Варианты строк: 7—8: Ван Ли после смерти кукушке в лесу / Любовные чувства вручил. *Мудрец Чжуан-цзы в глубоком сне...* — По легенде, древнекитайскому мудрецу Чжуан-цзы приснился сон, что он бабочка. Проснувшись, мудрец не мог определить, видел ли он бабочку во сне, или сейчас бабочка видит во сне Чжуан-цзы. *Ван-ди после смерти...* — По преданию, душа князя

Ван-ди, жившего при династии Чжоу, после его смерти вселилась в кукушку. *А в южных морях под взором луны // Текут жемчуга по щеке.* — В Китае есть поверье, что в южных морях обитают морские жители «Цзяо-жэнь», слезы которых под влиянием лунного света превращаются в жемчуг. *Синие поля* — Лань-тянь, горы в провинции Шэньси, где добывают высокосортную яшму.

275 Лунная волшебница Чан-Э. По древнекитайской легенде, Чан Э — жена Хоу И. Она украла у мужа лекарство бессмертия и бежала на луну. Став на луне бессмертной, она тосковала в одиночестве. Текст перевода Ахматовой печатается по авторизованной машинописи в ОР РНБ с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова». В антологии «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)» (С. 345), помещен перевод этого стихотворения, выполненный А. Гитовичем:

ЛУННАЯ ФЕЯ
(Чан Э)

За узкой ширмой слюдяной
Свечи очерчен силуэт.
Уже бледнеет Млечный Путь
И звезд ослабевае свет.
Чан Э раскаяться должна
В том, что похитила питье:
Навеки странствовать с луной —
Теперь обязанность ее.

Мэй Яо-чэнь

Мэй Яо-чэнь (1002—1060) — китайский поэт эпохи династии Сун (960—1276). Большая часть его стихотворений посвящена жизни деревни и нелегкой крестьянской доле. Автор вступительной статьи к сборнику «Поэзия эпохи Сун»

(М.: ГИХЛ, 1959) В.А. Кривцов писал о главной отличительной черте поэтов этой эпохи: «Прекрасной и строгой, задумчивой и печальной была муза сунских поэтов. Вечная молодость народа делала ее порою наивной, а его неиссякаемый опыт — мудрой. Такой она сохранилась и до наших дней» (С. 28).

276 Осенний дождь. Что будет в пору спелой сливы? — Т. е. в октябре. *Хоуцзи* — бог земледелия. Другое его имя *Ци* — «брошенный» — связано с легендой о его рождении: мать будущего божества *Цзян-юань* забеременела, наступив на след великана. Когда ребенок родился, она хотела бросить его, полагая, что он принесет людям несчастье. Но *Хоуцзи* научил людей земледелию, и после смерти его стали почитать богом земледелия. *Все девять наших злаков* — гаолян, просо, чумиза, рис, конопля, бобы, фасоль, ячмень и пшеница, которые выращивают в Китае. *Усы* — поднявшийся дракон. Китайский образ сильного гнева, во время которого усы разгневанного поднимаются. *Но горлицы веселый голос / Звучит над рощей все сильнее.* — Согласно китайскому поверью, по характеру пенья горлицы можно предсказывать погоду. Веселый голос предвещает ясное небо и прекращение дождя.

Вэнь Тун

Вэнь Тун (1018—1079) — китайский поэт и художник эпохи династии Сун (960—1276). Ахматова перевела одно стихотворение Вэнь Туна.

Юань Хао-вэнь

Юань Хао-вэнь (1190—1257) — китайский поэт эпохи династии Сун (960—1276).

278 Песня в Западном тереме. ...утка / Все будет с селезнем своим. — В китайской поэзии утка и селезень символизируют верность в любви. *Кому болтливая сорока / Блаженство полное сулит?* — По китайским поверьям, крик сороки предвещает радость и счастье.

Чжан Кэ-цзю

Чжан Кэ-цзю (ок. 1280—1330) — китайский поэт эпохи династии Юань (1276—1368). Большая часть его стихотворений — песенная лирика («саньцзюй»), выросшая из народных мелодий. Ахматова перевела одно стихотворение Чжан Кэ-цзю — «Осенние думы».

280 Осенние думы. Застава Юйгуань — застава Яшмовых ворот, через которую уходили в походы воины и уезжали торговать в чужеземные края купцы. *Дриандра* — кустарник с жесткими листьями. *Сегодня гусь не прилетел домой.* — Гусь в китайской поэзии — символ письма, известия.

Фу Жо-цзинь

Фу Жо-цзинь (1304—1343) — китайский поэт эпохи династии Юань (1276—1368). Ахматова перевела одно стихотворение Фу Жо-цзиня «Река Цзюймахэ».

280 Река Цзюймахэ. Цзюймахэ (Лайшуй) и Ишуй (Цзяньхэ) — реки в провинции Хэбэй, которые сливаются западнее города Динсин. *И с жаром они / Говорят о Цзин Кэ.* — Цзин Кэ был послан наследником яньского князя убить жестокого императора Цинь Шихуанди. Уходя в государство Цинь, Цзин Кэ громко пел: «Свистит ветер, вода в Ишуй холодна. Молодец уходит и больше не вернется обратно». Образ Цзин Кэ часто используется китайскими поэта-

ми. В строках «И волны Ишуй / Холоднее, чем сталь», очевидно, скрыта цитата из песни Цзин Кэ.

Сюй Цю

Сюй Цю (ок. 1650—?) — китайский поэт эпохи династии Цин (1644—1911). Ахматова перевела одно стихотворение Сюй Цюя «Песенка «Сорванная ветка ивы».

281 Песенка «Сорванная ветка ивы» — обозначение жанра поэтического произведения, в котором говорится о разлуке. В данном случае поэт говорит о разлуке с родиной. В предисловии Н.Т. Федоренко к «Антологии китайской поэзии» политика Цинской династии характеризуется как союз иноземцев-маньчжуров с реакционной китайской военщиной: «Захватившие власть над Китаем императоры иноземной Цинской династии повели жестокую борьбу со всякими проявлениями свободомыслия. Заигрывая с частью китайской интеллигенции и стремясь перетянуть ее на свою сторону, они в то же время жестоко расправлялись со всеми, кто проявлял независимость мысли и осмеливался хотя бы намеком говорить о национальных чувствах китайского народа» (Т. 1. М., 1957. С. 48).

Шень Цинь-ци

Шень Цинь-ци (ок. 1670—?) — китайский поэт эпохи династии Цин (1644—1911). Ахматова перевела одно стихотворение Шень Цинь-ци «Записки о событиях».

281 Записки о событиях. Дом Тан — династия Тан, правившая в Китае в 618—907 гг. Говоря о прошлом, поэт, очевидно, хотел осудить несправедливую политику Цинских правителей.

Юй Чжи

Юй Чжи (ок. 1700—?) — китайский поэт эпохи династии Цин (1644—1911). Ахматова перевела одно стихотворение Юй Чжи «Лютый тигр», в котором поэт иносказательно осуждает антинародную политику Цинских правителей.

КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иностранная литература. 1955. № 2. С. 185; Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой. Общая ред., предисл. и примеч. А.А. Холодовича. М., 1956; 2-е изд., «частично переработано и дополнено новыми переводами» — там же. 1958; Ахматова А. Стихотворения. М., 1958. С. 99—120; Классическая поэзия Востока. М., 1969. С. 129—187; Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 270—285.

Первый договор на перевод стихотворений корейских поэтов для сборника «Корейская классическая поэзия» с издательством «Художественная литература» Ахматова подписала 13 января 1955 г. — 3000 строк, второй договор — с тем же издательством на 2400 строк для второго издания сборника «Корейская классическая поэзия» — 22 мая 1957 г., из них 800 строк новых стихотворений, 1600 строк перепечатывались из книги 1956 г.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 278—307) — подстрочники с пояснениями, черновые и чистовые варианты переводов (машинопись, авторизованная машинопись, автографы). Исправления в машинописных текстах во многих случаях сделаны рукой Ахматовой. Несколько переводов имеют подпись: «Перевод А. Ахматовой» (ед. хр. 305, 306).

Ахматова работала над переводами корейских поэтов с увлечением, гордилась вышедшей книжкой, охотно дарила ее друзьям и знакомым с разнообразными надписями. В интервью журналу «Культура и жизнь» (1957, № 1) она расска-

звала: «Недавно в Государственном издательстве художественной литературы вышел сборник моих переводов классической корейской поэзии — «Неувядаемые слова страны зеленых гор». Это — произведения корейских поэтов XV—XVIII вв. Все они переведены на русский язык впервые. В сборник вошла поэма Юн Сон До «Времена года рыбака», сюжет и общее настроение которой неожиданно напоминают повесть Хемингуэя «Старик и море».

Стихи корейских поэтов очень близки к живописи, в них отсутствует рифма, и это обстоятельство дает переводчику большую свободу и в то же время позволяет сделать перевод особенно точным. Известно, если в собственных стихах рифмы — крылья, то при переводе они превращаются в гири.

Вместе с тем приходится учитывать и категорическое заявление Н.И. Харджиева: «В сборнике «Корейская классическая поэзия» (1956, 1958) мне принадлежит большая часть переводов. У меня сохранились экземпляры обоих изданий с многочисленными моими поправками для несостоявшегося третьего издания» (Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. С. 230).

В последние года жизни Н.И. Харджиева в Москве перед его эмиграцией составитель настоящего тома внимательно изучил эти книги и скопировал все пометы Харджиева на них. В издании 1956 г. отмечены 49 переводов, выполненных лично Харджиевым:

Стр.21—23. «Тон Дон».

30. «Зеленые горы».

35—39. Чон Чхоль. «Лишь для того явился я на свет...»

40—43. «Первая девушка. О девушка, молю, остановись...»

47. Нам И. «На горной вершине один я стою...»

48. Ким Чон Со. «Воет северный ветер в верхушках деревьев...»

49. «Мы внесли над Чанбэксаном знамя...»
 53. Сон Сам Мун. «Если спросишь, кем я стану...»
 54. «Когда гляжу на горы Шоуян...»
 63. Чон Чхоль. «Бьет колокол пятую стражу...»
 66. «Я хочу разбить на части сердце пылкое мое...»
 67. «Когда болеет дерево, никто...»
 69. «Два каменных будды»
 70. «На яркой пестроте цветов...»
 71. «Журавль, покинув тополь мой...»
 72. «Единственную я...»
 73. «Я оглянуться не успел...»
 74. «Чем дождь сильнее льет...»
 75. «Ты у дороги для чего...»
 76. «О, зачем столько леса?...»
 77. «Куда средь бури ты?...»
 78. «Журавль, парящий высоко...»
 79. «И вот, полуистерзанный людьми...»
 80. «Эй, дождь накрапывавший, ты...»
 113. Ли Хван. «Склоны гор, поросших лесом...»
 138. Чо Хон. «Над озером пролился дождь...»
 140. Ким Сан Ен. «Слово лживое — любовь...»
 143. Чо Чэ Сон. «Мальчишка! Поскорей возьми корзину...»
 146. Хон Со Бон. «Оттого ли, что в миг расставанья...»
 149. Хван Чин И. «Гора всегда одна и та же...»
 152. Ли Чон Бо. «Есть в доме у меня заветный меч...»
 157. Ким Ён. «Когда мне было двадцать лет...»
 158. «Белокрылая цапля на утлом челне одиноком...»
 160. Ким Су Чжан. «Ты облако лазурное лелеешь...»

Стихи неизвестных авторов

198. «Над горой за домом мчатся тучи...»
 199. «Расстался я с тобой вчера...»

204. «И ветер, лишь только отдохнет, минует Чансонрён...»
 205. «Чудесный сон издалека...»
 207. «Как за косу таскал монашку бонза!..»
 212. «В ту ночь, когда я буду у любимой...»
 217—218. Ли Хван. Вернулся в горы.

Стихи неизвестных авторов

221. «Уйдя с любимой в горы...»
 223. «Фазаночки трепещущее сердце...»
 225. «О любовь, любовь, любовь!..»
 227. «Средь тварей всех и на земле, и в небе...»
 229. «Я всех извел бы петухов и псов...»
 233. «Мой милый, за горой живущий...»
 235. «Смотри, скажу, смотри, скажу...»
 236. «Засею вспаханное поле...»

За небольшими исключениями, которые оговорены нами в комментариях, мы соглашаемся с этим перечнем Н.И. Харджиева и не включаем эти тексты в настоящий том.

Остальные переводы в книге «Корейская классическая поэзия» выполнены Ахматовой. На полях книги 1956 г., принадлежавшей Н.И. Харджиеву, на пятидесяти с лишним страницах имеются поправки — предложения Харджиева изменить ту или иную строку. Однако во втором издании книги Ахматова не приняла ни одного из этих предложений, из чего можно заключить, что работа над изданием 1958 г. велась ею без участия Харджиева.

Состав сборника «Корейская классическая поэзия» и его композиция предложены профессором Ленинградского университета, крупным ученым-востоковедом А.А. Холодовичем, и кафедрой корейской филологии Ленинградского государственного университета. Отбор производился строго по

принципу включения произведений, написанных на корейском языке (многие корейские поэты большую часть своих произведений писали на китайском). Подстрочные переводы выполнены А.А. Холодовичем и сотрудниками кафедры П. Паком, Лим Су и М. Никитиной.

Произведения корейских поэтов Раннего Средневековья написаны в форме, заимствованной из корейской народной поэзии, стихи поэтов XV—XVIII вв. — в форме «каё», «сидё» (сичжо), «чанга». Это лирические стихотворения, которые в афористической форме выражали общественные взгляды, философские умозаключения и обобщения, житейскую мудрость, затрагивали социальные вопросы. Любовная лирика воплощалась в форме «каё», «сичжо», в фольклорных театрализованных песнях. Иногда любовная тема оказывалась условной формой выражения преданности государю. Наиболее распространенными были «сидё» (сичжо) — трехстишия с обязательной цезурой посередине каждой строки. На русский язык их переводили обычно шестистишиями. Силлабический размер корейского стиха передавался на русский язык либо традиционными силлаботоническими размерами, либо ударным стихом (дольником). Отсутствие рифмы в корейском стихе компенсировалось использованием аллитераций и внутренних рифм.

В рецензиях на вышедшую в 1956 г. книгу «Корейская классическая поэзия» переводы Ахматовой оценивались высоко. Так, рецензент журнала «Советский Казахстан» Хван Юндюн, рассматривая сразу два сборника корейских стихов, вышедших одновременно в Москве и в Алма-Ате, о переводах Ахматовой писал: «Переводы сборника «Корейская классическая поэзия» сделаны опытным поэтом, мастером слова. В книге есть шестистишия, поражающие изяществом отделки, точностью выражения мысли» (Два сборника корейской поэзии // Алма-Ата. Советский Казахстан. 1957. № 9). Вместе с тем именно этот критик остался недоволен слишком

вольным обращением переводчиков с оригиналом. Многие его замечания высказаны по поводу переводов, сделанных Н.И. Харджиевым, но кое-что относится к текстам Ахматовой. Приведем наиболее важные критические замечания рецензента, по-видимому, хорошо знающего корейскую поэзию и корейский язык и имеющего возможность сравнить с подстрочником сразу несколько переводов одного и того же произведения.

Прочитав перевод Ахматовой «Черен ворон или бел...» (см. с. 352 наст. тома), Хван Юндюн говорит, что переводчик дал «слишком свободную трактовку» оригиналу и приводит его дословный перевод: «Что это ты, ворон, так черен? А ты почему так бела, чайка? Какие у тебя некрасивые длинные ноги, цапля! Какие короткие ноги у тебя, утка! Видно (значит), не по душе тебе ни черное, ни белое, ни длинное, ни короткое. Спорить не стану. Верно, ты сам такой: ни каша, ни похлебка!» В книге «Корейские шестистишия» переводчики А. Жовтис и Пак Ир перевели это стихотворение иначе:

Утку обозвал ты коротышкой.
 Подшутил над цаплей длинноногой.
 Белизну в вино поставил чайке,
 Ворону сказал: «Ты слишком черный!»
 Все не по тебе... Так, верно, сам ты,
 Милый мой, — ни каша, ни похлебка!

«Можно оспаривать формальные особенности перевода (выбор размера, например), но поэтическое содержание стихотворения, образные выражения его воспроизводят корейский оригинал с достаточной точностью». Еще одно замечание критика касается неадекватной передачи Ахматовой «нашего представления о душевном строе поэта средневековой Кореи и его современников». В стихотворении неизвестного поэта юноша думает о том, как сложились бы его отношения

со своенравной возлюбленной, поменяйся они ролями, — буквально «если бы ты родилась юношей, а я девушкой». В сборнике «Корейская классическая поэзия» стихи эти начинаются так:

Когда на том свете мы встретимся вновь,
Тобою я стану, ты — мною...

Подобной мистики и в помине нет не только в этом стихотворении, но она глубоко чужда всей поэзии сидё. Она привнесена переводчиком, автором трогательных, но все-таки мистических стихов:

На пороге светлом рая
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благотность и нищету... и т. д.

Критик не принял также «лексической симпатии» Ахматовой к высокому слогу и торжественности. Он сравнил перевод Ахматовой «Пока твои родители живут...» Чон Чхоля (другая транскрипция его имени — Тен Чер) (см. с. 298 наст. тома) с оригиналом, подстрочный перевод которого — «Слушай и запомни: почитай родителей при их жизни. Поздно и бесполезно оплакивать их после их смерти. Не вернешь никогда упущенный долг, если ты не выполнил его при их жизни», — и пришел к выводу: «В оригинале все очень просто и даже буднично по выражению. Во втором же переводе появился какой-то приподнятый торжественный стиль, совершенно не отражающий стилистическую манеру автора. Тема «высокого служения» чужда стихотворению Тен Чер, где все конкретно и где подобных абстрактных образов нет и не могло быть. Безукоризненный белый стих не спасает пере-

вод, далекий, несмотря на, казалось бы, фактическую близость к подлиннику, от духа корейского сидё».

Эта рецензия, по-видимому, была известна Ахматовой, так как ее текст имелся в ее архиве (см. ОР РНБ, ф. 1073). Однако при переиздании книги в 1958 г. она не отказалась ни от своей свободы в переложении текста, ни от торжественности слога, ни от некоторой «мистики», которую считала нужным привнести в корейский оригинал.

Корейские стихи в переводе Анны Ахматовой звучали настолько органично и естественно, что даже хорошо знающие ее поэзию издатели иногда принимали ее переводы за ее собственные оригинальные стихи. Так, в журнале «Юность» (1969. № 6. С. 66) в подборке стихов Ахматовой был напечатан перевод, который издатели «не опознали», — «Когда моя настанет смерть...». Это стихотворение «неизвестного» корейского поэта, переведенное Ахматовой.

«Подражание корейскому» — так называется одно из глубоко личных лирических стихотворений Ахматовой середины 1950-х гг. — «Приснился мне почти что ты...». Исследователи видят в этом ахматовском стихотворении «подражание» корейской поэтессе Пак Хё Гван и использование поэтического образа ее стихотворения «Любимый, мне приснившийся в ночи...» (С. 341 наст. тома).

Публикуем переводы Ахматовой с корейского, следуя композиции книги «Корейская классическая поэзия» (1958), где произведения расположены в основном по хронологическому принципу. В комментариях используем сведения, почерпнутые из материалов архива Ахматовой, а также из статьи и комментариев указанной книги.

283 Чхоёнга. Одно из немногих сохранившихся поэтических произведений периода образования на Корейском полуострове централизованного государства Силла (VII—X вв.). Обрядовая песня, развернутая в драматическое пред-

ставление, в котором действующими лицами являются Чхоён, бес лихорадки, его слуги, хор. Чхоён — сын дракона и помощник князя Хонгана, фантастическая биография которого рассказана в «Истории трех королевств» Ким Пу Сика (1145 г.): сорок девятый князь царства Силла Хонган однажды во время путешествия попал в беду, насланную на него драконом Восточного моря. Чтобы умиловить дракона, князь повелел воздвигнуть в его честь храм. После этого дракон смилостивился и стал другом князя, а один из семи сыновей дракона Чхоён отправился с князем в столицу и стал его верным помощником в управлении страной. Князь дал ему в жены самую красивую девушку. Но однажды ее увидел дух Оспы, принял вид человека и спал с нею. Вернувшийся домой, Чхоён увидел это, сочинил по этому поводу песню и спел и «проплясал» ее: «По столице под луною...» Дух Оспы устыдился и коленопреклоненно просил у Чхоёна прощения, говоря: «Воспылав страстью к твоей жене, я совершил этот грех. Клянусь, что отныне, увидав твое изображение, я не посмею войти в двери человеческого жилья». С тех пор жители Кореи вешают на дверях изображение Чхоёна, веря, что оно отгоняет напасти и приносит счастье.

Рахура — демон, пожирающий солнце и луну, персонификация солнечного и лунного затмения. *Три бедствия* — потоп, пожары и ураган. *Восемь напастей* — потоп, пожары, войны, мор, пересыхание источников воды, холод, жара, междоусобицы. *Пять ароматов* — запахи пяти растений — гвоздики, стиракса, ямбозы и др.

285 Согён Пёльгок. Древнекорейская песня, говорящая о разлуке девушки с возлюбленным, стихотворный жанр «пёльгок». *Согён* — букв. «Западная столица», древнее название Пхеньяна. *Тэдонган* — река, на которой стоит город Согён. *Ачжилька* — непереводимое слово, присказка или обращение к милому. *Ви, туоронсон, таринтири* — при-

певка, подражание звуку музыкального инструмента, которым сопровождается пение этой песни. *Songён* — древнее название Сеула. *Жемчуг* <...> *вдребезги разобьется*... — Жемчуг в корейской поэзии — символ мужчины. Нить, на которую он нанизан, — символ женщины и ее верности.

288 Зеленые горы. По утверждению Н.И. Харджиева, этот перевод выполнен им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) имеются два ахматовских автографа перевода этого произведения, первый из пяти строф (1—3, 7—8), второй — из восьми (полный текст), оба с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой». Первый озаглавлен: «Неизвестный автор. Зеленые горы». Второй имеет помету перед текстом: «В отдел народной поэзии. Неизвестный автор. Зеленые горы». Вариант строки 2 строфы 8: Виноградное питье.

Корейские поэты XIV—XV веков

В предисловии А.А. Холодовича к книге «Корейская классическая поэзия» говорится о XIV—XV вв. в истории корейской государственности и культуры: «...это период утверждения новой династии Ли (1392—1906), начало которого примерно совпадает с освобождением от монгольского ига (1369), с успешной борьбой против японских морских пиратов, терроризировавших население прибрежных районов Кореи. <...> Защита рубежей родины от иноземцев, утверждение мира и спокойствия в стране, поддержка новой династии, выступавшей с рядом преобразований, и осуждение обреченной историей прежней династии Корё — таковы основные темы и мотивы поэзии XV в., нашедшие отражение в стихах Нам И, Ким Чон Со, Чон То Чжона, Ли Чан Вана, Пак Пхэн Нёна и др. Эти поэты сами были активными участниками всех политических событий того времени, крупными гражданскими и военными деятелями. Так, Нам И был круп-

ным военным. Уже в двадцатилетнем возрасте он занимал пост военного министра. Ким Чон Со, прозванный «большим тигром», — автор глубоко патриотических стихотворений — был крупным военным деятелем 50—60-х гг. XV столетия. Отвоевав у чжурчженей северо-восточные районы Кореи, он зарекомендовал себя способным администратором на посту генерал-губернатора в присоединенных районах, способствовавшим колонизации этого пустынного края. Сон Сам Мун обессмертил свое имя созданием корейского национального алфавита.

Идеологической основой нового режима являлось конфуцианство, философское обоснование которого в работах крупного философа средневекового Китая Чжу Си было целиком воспринято корейской интеллигенцией того времени. Некоторые идеи конфуцианства развиваются и в поэзии, эти идеи используют как сторонники, так и противники нового режима, например крупный философ конца XIV века Чон Мон Чжу».

Ахматова перевела для двух изданий книги «Корейская классическая поэзия» стихи десяти поэтов XIV—XV вв., — это: Лим Чин, Чон То Чжон, Вон Чхон Сон, Ли Чи Ран, Пак Пэн Нён, Ю Ын Бу, Чон Мон Чжу, Цой Хён, Ли Сэк, Ван Пан Ён.

Лим Чин

Лим Чин — поэт XIV в. Ахматова перевела одно стихотворение Лим Чина для второго издания книги «Корейская классическая поэзия» (1958), по-видимому, в 1957 г. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 279) имеется подстрочный перевод стихотворения: «Смастерил я лук и на руку повесил. Меч наточив, я сбоку привязал. У железной крепости Нёнбён заснул, в изголовье положив колчан. Вдруг встрепенулся: раздалось: «Не зевай! Смотри!»

Чон То Чжон

Чон То Чжон (1337—1398) — поэт, политический деятель и ученый. Ахматова перевела одно его стихотворение «Вода, что под мостом Сонин течет...».

290 «Вода, что под мостом Сонин течет...». Сонин — «Мост небожителей», название моста в окрестностях Кэсона, столицы Кореи в X—XIII вв. Чахадон — селение в окрестностях Кэсона. *Деяния владык за сотни лет.* — Деяния правителей династии Корё (отсюда название Кореи), правивших в X—XIV вв. В начале XV в. на смену династии Корё пришла династия Ли, правившая Кореей до 1906 г.

Вон Чхон Сок

Вон Чхон Сок — поэт конца XIV — начала XV в. Ахматова перевела одно стихотворение Вон Чхон Сока «Позор и слава царств — в руках судьбы...» для второго издания книги «Корейская классическая поэзия», в 1957 г. Стихотворение было написано Вон Чхон Соком в начале XV в., после смены династии Корё династией Ли.

290 «Позор и слава царств — в руках судьбы...» Лунная беседка — достопримечательность столицы государства Корё.

Ли Чи Ран

Ли Чи Ран — поэт конца XIV — начала XV вв. Ахматова перевела одно стихотворение Ли Чи Рана «Тигр, ревущий на чуских высотах...», написанное в эпоху смены династии Корё династией Ли и рассказывающее об аналогичных событиях в Китае III в. до н.э. — падении династии Цинь.

290 «Тигр, ревущий на чуских высотах...» Тигр и дракон — символические изображения двух врагов Циньской династии, Сян Юя, полководца и правителя государства Чу, и Лю Бана, вождя крестьянского восстания, под ударами которого пала Циньская империя (246—207 гг. до н.э.). *Циньский олень одинокий* — символ правителя династии Цинь, оставшегося в одиночестве и обреченного на гибель.

Пак Пхэн Нён

Пак Пхэн Нён (ок. 1417—1456) — поэт, ученый, участник политической борьбы, в которой его партия потерпела поражение, в результате чего он был казнен. Ахматова перевела одно стихотворение Пак Пхэн Нёна «Пусть крылья ворона в метель...» В изд. 1956 г. — вариант строки 3: «Но ясный лунный свет в ночи». Замена вызвана, очевидно, желанием избежать повтора «в ночи» — «от черной ночи».

Ю Ын Бу

Ю Ын Бу (нач. XV в. — 1456) — поэт, участник политической борьбы, сторонник династии Корё. Был казнен в числе «шести казненных сановников». Ахматова перевела одно стихотворение Ю Ын Бу «Прошедшей ночью ветер дул...», в котором поэт символически говорил о гибели лучших государственных деятелей во время дворцового переворота. В изд. 1956 г. вариант строки 2: «Шел снег и иней пал». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 304 — авторизованная машинопись раннего варианта перевода, строка 2: «Шел снег и иней <лег> пал». Строки 3—4: «И сосны пышные вокруг Все на земле лежат».

Чон Мон Чжу

Чон Мон Чжу (1337—1392) — поэт, философ-конфуцианец, сторонник династии Корё и противник Ли Сонгэ, борющегося за обладание тронном и ставшего впоследствии ос-

нователем династии Ли. Был убит сторонниками Ли в городе Сондо (Кэсон). Ахматова перевела одно стихотворение Чон Мон Чжу «Пусть раз и два умрет в мученьях тело...»

Цой Хён

Цой Хён (конец XIV — начало XV вв.) — поэт, сторонник династии Корё. Ахматова перевела одно стихотворение Цой Хёна «Прежде, сытно накормив Луэра...», в котором события политической борьбы в Корее сравниваются с аналогичными событиями, происходившими в Китае.

292 «Прежде, сытно накормив Луэра...». Луэр — один из восьми коней чжоуского князя Мувана (Китай). *Лунцюань* — имя меча (Китай).

Ли Сэк

Ли Сэк (1328—1396) — поэт, придворный сановник в годы правления династии Корё. После воцарения династии Ли (1392) стал отшельником. По легенде, утопился в реке в знак преданности династии Корё. Ахматова перевела одно стихотворение Ли Сэка «Долину всю снегами замело...» В изд. 1956 г. вариант строки 4: «Но где они цветут — мне неизвестно».

Ван Пан Ён

Ван Пан Ён — поэт и придворный XV в., по преданию, верно служивший своему правителю, но вынужденный дать ему яд по приказу нового короля Сечжо, захватившего трон. Ахматова перевела одно стихотворение Ван Пан Ёна «За тысячи ли, далеко-далеко...» В изд. 1956 г. вариант строки 4: «У моря брожу одиноко».

Корейские поэты XVI—XVIII веков

В XVI — первой половине XVII в. Корея пережила две разорительные войны — с войсками японского диктатора Хидэёси (1592—1598) и с маньчжурами (1636). Поэты, разочаровавшиеся в государственной деятельности, предпочитали воспевать природу и сельскую жизнь, составив «озерную школу». А.А. Холодович в «Предисловии» к книге «Корейская классическая поэзия» так характеризовал корейскую поэзию «канхо мунхак» (буквально — «литературу рек и озер»): «Не находя реальных путей к разрешению социальных конфликтов, глубоко понимая бесполезность и никчемность борьбы дворянских групп между собою, поэты этой школы бичуют «глухих» и «слепых», разумея под этим светскую чернь <...>. Поэты «озерной школы» отвергают власть, знатность, чины, богатство, призывают к опрощению. <...> Излюбленной темой этих поэтов становится описание природы, одинокой жизни анахорета, обретшего себе новых друзей, — чайку на реке, луну в небесах, сосну на скале, увлеченного необычным для «высшего света» занятием — рыбной ловлей — и иногда позволяющего себе обратиться к более серьезным вещам: мотыге, чтобы вспахать клочок земли возле своей неприхотливой хижины, да тяпке, чтобы выколоть сорные травы. <...> Это направление характерно еще и тем, что в его недрах сложилась особая циклическая форма сичжо: цикл трехстиший, объединенных единой темой или ее сквозным развитием. Так, например, Юн Сон До принадлежит цикл «Пять друзей» и такое классическое произведение средневековой корейской поэзии, как «Времена года рыбака». Ли И (1537—1584) написал цикл, носящий название «Девять излучин Косана» (1958. С. 8—10).

К этому периоду в развитии корейской поэзии относится творчество Сон Кана (Чон Чхоля), Ли Хвана, Юн Сон До,

Ким Су Чжана, Син Хыма, Сон Ми Ро, Ли И, Ли Сун Си-на, Ким Сан Хёна и многих других поэтов.

Новый этап в развитии корейской классической поэзии наступает со второй половины XVII в., расцвет относится к XVIII в. Две антологии «Неувядаемые слова страны зеленых гор» (1727) и «Поэзия страны, лежащей к востоку от моря» (1763), в которых собраны сотни произведений корейских авторов, как бы подвели итог прошлому. Новые поэты отказались от философии конфуцианства, от созерцательности и любования природой во имя реальных знаний, жизнеутверждения и эпикурейства. В поэзию, на смену дворянину-саяновнику, приходит простой человек с его переживаниями, любовью, реальными занятиями — торговлей, ростовщичеством, с прозой его городского быта. Появляется новый автор — поэт-женщина, Хван Чин И, получившая прозвание «бессмертной».

Старая классическая форма трехстишия не вмещает нового содержания с его обилием деталей и новых, дотоле не считавшихся поэтическими, предметов. Появляется свободный ритмизованный стих, теряется значение строки, стихотворение становится «длинным» («чанга»).

Характерной чертой корейской поэзии XVII—XVIII вв. было обилие авторов, имена которых неизвестны. Антологии включали их произведения, но не сохранили имен. По мнению А.А. Холодовича, это объясняется тем, что литературным языком в Корее этого времени, даже после создания национальной корейской письменности, считался китайский, корейский же язык был объявлен диалектом китайского языка, и поэты, пишущие на корейском, не стремились печататься и скрывали свое авторство, тем более что большая их часть принадлежала к аристократическому сословию.

Ахматова перевела произведения 44 корейских поэтов XVII—XIX вв.

Сон Кан (Чон Чхоль)

Сон Кан (1536—1593) — псевдоним классика корейской литературы Чон Чхоля. Его произведения были изданы в 1749 г. отдельной книгой — «Сон Кан каса» («каса» — одна из форм корейского стихотворения). Ахматова перевела десять стихотворений Сон Кана. Кроме того, под именем Анны Ахматовой были изданы 16 переводов, выполненных Н.И. Харджиевым (см. с. 831—833). В ОР РНБ есть машинописные копии и карандашные автографы многих переводом Сон Кана (без подписи переводчика).

293 «Забрел в Сонсан однажды некий странник...». Перевод выполнен Ахматовой для второго издания книги «Корейская классическая поэзия», по-видимому, в 1957 г. Черновой автограф — в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр 294). Поправки, внесенные в печатный текст, преимущественно стилистические. Наиболее существенные варианты строк автографа: 1: Забрел в Сонсан однажды некий путник; 12: Скамейку он свою застлал холстом; 22—23: Ткачихи шелка пряжу разрезал, / Разостланную на земном просторе... 36: Я <ежегодно сею> каждый год сажаю огурцы; 50: <Скажу:> Вот здесь — в долине, названной Улин! 83—84: Три стражи минули и между листьев / Удужа появляется луна, 101: По вечерам играют <на свирели> на дудочке играют; 111: <Вот> И с четырех сторон темнеет небо; 134: Читаю книги рода Цзянь Хань шу.

Сонсан — название местности, где жил родственник поэта по линии жены, к которому обращен вопрос странника. *Сосоксан* — небесное жилище бурь и облаков. *Здесь нет календаря...* — Исчисление времени по месяцам или временам года — излюбленный прием композиции корейских стихотворных произведений. *И, кажется, что ожило преданье...* — Речь идет об отшельнике Шао Пине, который после

падения в Китае династии Цинь удалился от дел, поселился за Зелеными воротами близ города Чанъань и вел жизнь бедного земледельца, выращивая огурцы. *Где ж Персиковый Сад?* — меня спросите... — По древнекитайскому преданию, рассказанному поэтом Тао Юань-тином, в местности Улин, расположенной в провинции Хунань (Центральный Китай), находится волшебная Улинская Персиковая долина — прекрасное жилище порвавших с миром людей. По легенде, пещеру в горе, где помещалась эта долина, и блаженных людей, живших в ней, случайно увидел проплывавший по реке рыбак. Он поговорил с блаженными людьми и выяснил, что они бежали в долину во времена смут династии Цинь, ничего не знали о смене последующих династий и даже о том, какой нынче век. Вернувшись домой, рыбак рассказал о Персиковой долине, люди отправились ее искать, но второй раз никто уже не смог увидеть Улинскую Персиковую долину, ставшую символом утопической мечты о блаженстве. *Холщовую одежду подобрал / И голову дерюжиной украсив.* — Т.е. отказавшись от мирских радостей и суеты. Лянь Си (или Чжоу Дун И, 1017—1073) — китайский ученый-конфуцианец эпохи династии Сун. *Книга Яшмовых писем* — название апокрифической книги «Даоцзин», написанной легендарным Хуан-Ди и якобы найденной древним императором Юйем. *Бьет третья стража.* — Время с 23 часов вечера до часу ночи. *Утун* — утуновое (тунговое) дерево. *Сиху* — знаменитое озеро в китайском городе Ханчжоу, с многочисленными памятниками на островах и по берегам. *Су Дун-По* (или Су Ши, 1036—1101) — китайский поэт эпохи династии Сун. *Луна седьмая... Луны восьмой пятнадцатую ночь.* — Речь идет об осенних месяцах, седьмая луна — это сентябрь. Летоисчисление в Китае велось по лунному календарю, почти каждый день лунных месяцев имеет определенное значение и сопровождается отправлением особых обрядов. *Теперь Ли Бо понять совсем не трудно...* — О китай-

ском поэте Ли Бо см. коммент. на с. 821—822. Существует легенда, что Ли Бо умер не от болезни, а утонул, пытаясь, будучи пьяным, поймать в воде луну. *Читаю книги ханьской старины.* — Творения конфуцианских классиков, сожженные императором Цинь Шихуанем и восстановленные в эпоху династии Хань. *В реке Иншуй умыл недаром уши / Мудрец Сюй Ю...* — Легенда рассказывает, что некий мудрец Сюй Ю, живший во времена древнего императора Яо, получил от князя предложение занять высокий пост. Услышать это предложение мудрецу было неприятно, и он вымыл уши водой из реки Иншуй. Затем, укрывшись в горах Цзисань, он пил воду из черпака, который звенел, будучи повешенным на ветку. Звон черпака напоминал мудрецу о неприятном предложении и помог отказаться от него. *Комунго* — музыкальный инструмент, род цитры.

299 «Бьет колокол пятую стражу...» По утверждению Н.И. Харджиева, это стихотворение переведено им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) имеется автограф Ахматовой — среди переведенных ею стихов неизвестных авторов. Разночтение в строке 2: На горной вершине Пен-Лай.

«Поверь моим словам...» Стихотворение обращено к вину.

«Стою ли твердо на ногах...» Горлянка — черпак для воды или вина, сделанный из половины высушенной тыквы. *Ко мне будь ласков, государь...* — Поэт Чон Чхоль (Сон Кан) попал в немилость при дворе и был вынужден жить в изгнании.

300 «Ох, рубят, безжалостно рубят...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 279) имеется подстрочный перевод

стихотворения: «Ох! Рубят! Высокие гордые сосны рубят! Если дать подрасти, какой материал на балки! А вдруг покосится тронный зал, Чем его тогда подпирать?» Речь идет о неправильной политике правителя, уничтожающего самых преданных своих помощников, в результате чего может обрушиться «тронный покой».

Ли И

Ли И (1537—1584) — поэт «озерной школы». Цикл «Девять излучин Косана» написан им в 1577 г.

300 «Девять излучин Косана...» Девять излучин Косана — это извилистое морское побережье в районе города Хэчжу, каждая излучина которого названа автором по какой-либо достопримечательности, находящейся близ нее. Муи (или Уи) — название горы в провинции Китая Фуцзянь, на родине знаменитого китайского философа и поэта Чжу Си (1130—1200), написавшего цикл стихов «Девять излучин Уи». Кванак — «Венценосный пик», название скалы. Хва-ам — скала «Цветок». Чхипён — гора «Зеленая ширма». Сонэ (или Сонгэ) — утес «Сосновый». Чодэ — «Площадка для ужения рыбы». Пхунам — название скалы «Кленовый утес». Кымтхан — название скалы. Мунсан (Мун) — родина Чжу Си.

Юн Сон До

Юн Сон До (1587—1671) — поэт — классик «озерной школы». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 300—303, 306) — подстрочные переводы, черновые варианты и машинопись с правкой переводов Ахматовой. Во втором издании книги «Корейская классическая поэзия» (1958 г.) ряд произведе-

ний представлен в новых вариантах, циклы даны полностью (см., например, цикл «Пять друзей»)

303 Пять друзей. В изд. 1956 г. не было названий 2—5-го шестистиший, 6-е отсутствовало. Варианты строк: 1—2: У меня друзей немного: / Сосны, скалы и река.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочник и ранний вариант перевода 6-го шестистишия. Подстрочник: «Не дерево ты / И не трава ты / Ты пуст изнутри отчего-то / И крепок (тверд) снаружи. / Но я тебя люблю / За то, что ты зеленеешь весь год». Примечание: «Это — бамбук». Автограф:

Ты не трава
И ты не дерево,

Ты пуст внутри
И тверд снаружи.

Но я тебя люблю за то,
Что ты всегда в листе зеленой.

Автограф более позднего варианта (ед. хр. 302): «Не схож ты с деревом ничуть, Не схож с травой тоже...»

305 В горах. В изд. 1956 г. были опубликованы только два «сичжо» (шестистишия I и II) из пяти, в изд. 1958 г. приведен полный цикл из пяти частей. В ОР РНБ — подстрочные переводы и варианты переводов Ахматовой. Варианты строк первого шестистишия: 4—6: И наслаждаюсь бесконечно, / <А всем богатствам и чинам / Совсем завидовать не стоит> / Богатству, славе и чинам / Завидовать не стоит во все.

Подстрочный перевод отрывка III: «Гора Вольчхуль (сан) высока, но омерзителен на ней туман. / Ведь он в со-

стоянии скрыть на время / И разве не рассеется туман?» Подстрочник отрывка IV: «Ночь глубока. Погаси огонь. / Давай будем сладко спать на мягкой подушке. / Но если придет желанный гость, меня разбуди!» V «сичжо» представлен в рукописях Ахматовой несколькими вариантами перевода. Один из них совпадает с печатным, за исключением строки 2, в рукописи: «Уже исчезли буйные мятели». Второй предлагается именно как вариант, — после первого текста следует:

Или:

Миновали морозные дни
И куда-то исчезли мятели.
На вершинах бесчисленных гор
Вдруг повеяло нежно весною.
И в открытую дверь поутру
Луч весенний меня освещает.

306 Времена года рыбака. Поэма-цикл, состоящая из 38 строф «сичжо», переведенных Ахматовой восьмистишиями. Смысл этого крупнейшего произведения «озерной школы» в противопоставлении радостей мирной жизни удалившегося от придворной суеты человека — интригам и опасностям участи сановника. Поэт уподобляет свою судьбу трагической судьбе великого китайского поэта Цюй Юаня, оклеветанного, сосланного и утопившегося в реке, и высказывает намерение избежать такой гибели.

При переиздании поэмы в 1958 г. Ахматовой внесена значительная правка. Варианты строк в издании 1956 г.: VI. 8: Завистью мне мучиться прилично? VII. 5: Что за груз в ней у тебя сегодня? IX. 4: Но, однако, разве это ночь? XI. 4: И не в силах я сдержать восторг, XII. 2—4: А закуску не к чему готовить. / Якорь выбирай теперь, рыбака! / Шляпа от дождя на голове ли, XIV. 2: В ней я, уходя, помою ноги; XV. 1: Как хорош замшелых камней строй, XVI. 2: Я совсем в восторге не заметил. 5: Отбивая такт рукой по мачте.

XVII. 1: Расстелил я сети на песке. XVIII. 1: Кто бы мог вчера предположить, 5: Некому его сейчас отправить. XXII. 8: Сотни гор, как в парчевом уборе. XXIV. 2: Рыбаки другие едут с ловли. XXV. 3: Лодку придержи, рыбак, свою! 5: Вот где б свету лунному струиться! XXVI. 4: Мира пыль сюда не долетит, XXVII. 2: Но в восторге холода не чую. XXIX. 3: Лодку отправлять пора, рыбак! XXXIII. 5: Надо ли гадать и колебаться? XXXIV. 1—3: Предо мной летят, ища ночлег, / Чайки белокрылые без счета. / Парус опустить, рыбак, пора! 5: И к тому же снег валит пушистый. XXXV. 4: И богат иль нет улов, что в том? XXXVI. 3: Лодку привяжи, рыбак, свою! XXXVII. 7—8: Он руками, что мороз сковал, / Рыбу десять лет ловил. Таков я. XXXVIII. 7—8: Буду любоваться я луной / Сквозь окно морозное до света.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 300) — авторизованная машинопись раннего варианта перевода (до изд. 1956 г.), строфы IX—X, XIX, XXII — XXIX, XXXII — XXXIV. Варианты строк: IX. 1: На луну теперь глядеть хочу, 5: Явственно кукушкин голос слышен. X. 2: Ночь, и завтра ты не возвратишься? 8: Как рыбак, в уединенье строгом. XIX. 1: Я люблюсь домиком моим. XXII. 4: Еду в путь на ловлю, но сильней; XXIV. 5: Но в груди моей <восторг блаженный> избыток счастья. XXIX. 5: Только <море то же, что и прежде> синь морская неизменна. XXXII. 1: Ночью снег шел, к утру перестал. 7: То даосский иль буддийский рай,

V. 7: Но «Чиста Цанланская вода». — Строка, цитируемая Цюй Юанем в произведении «Отец-рыбак». VI. 7: Здесь ли к трем правителям страны... — В изд. 1956 г. к этой строке сделано подстрочное примечание: «Три правителя страны — три высшие государственные должности в феодальной Корее того времени». XIV. 1—2: «Коль грязна Цанланская вода», Ноги в ней я, уходя, помою. — Вновь отсылка к тексту Цюй Юаня, аналогия своей и его судьбы и решение отказаться от придворной жизни с ее гряз-

ными интригами. 4: *Уцзян* — река княжества У. 5: *Где бушует в ярости погибший*. — Речь идет о легендарном борце за справедливость У Цзы Сюе, жившем в княжестве Чу в эпоху «борющихся царств» (IV—III вв. до н.э.). Правитель княжества Чу убил его отца и брата, У Цзы Сюй поступил на службу к правителю княжества У, помог ему победить правителя Чу. Но вскоре был оклеветан и сослан. Оскорбленный этой несправедливостью, У Цзы Сюй бросился в реку Уцзян, и та бушует уже более тысячи лет, — это негодует душа У Цзы Сюя. 7: *Чуцзян* — река княжества Чу. 8: *Берегись поймать поэта душу!* — Речь идет о судьбе Цюй Юаня, утопившегося в реке Мило. Герой поэмы, поэт, судьба которого родственна судьбе Цюй Юаня, говорит о необходимости осторожности — и чтобы не потревожить душу умершего, и чтобы не повторить его судьбу. XV. 8: *Поступлю, как те, кто принял Шуня*. — Шунь — легендарный китайский император. Когда он отправился ловить рыбу на реке Лэйцзэ, жители окрестных мест наперебой предлагали ему свои жилища. XVII. 5: *Но зеленые наглее мухи*. — Символическое изобличение столичной черни. XXV. 7—8: *...пусть мне пошлет луна Трав бессмертья, что готовит заяц*. — По корейским поверьям, на луне живет заяц, готовящий снадобья из лекарственных трав. XXVI. 8: *Скверну их с ушей смывать не надо*. — Возможно, адресация к легенде о мудреце Сюй Ю, вымывшем уши водой из реки Иншуй, чтобы не слышать предложений князя вернуться к придворной жизни и занять высокий пост. XXXII. 7: *То даосский рай иль царство будд*. — Здесь: мир прекрасного, блаженства и нирваны. Даосская религия, проповедующая «недеяние» и подчинение естественному ходу развития природы, частью которой является человек, возникла в Китае в начале новой эры, в эпоху династии Хань. XXXVII. 4: *Ян Цзы Лин в овчину был одет*. — Речь идет о судьбе легендарного мудреца-отшельника.

Син Хым

Син Хым (1586—1628) — поэт «озерной школы», ученый-конфуцианец. Начал писать стихи с десяти лет, в четырнадцать снискал высокую похвалу поэта Сон Ми Ро, к которому пришел учиться, — прослушав его, тот воскликнул: «Я не способен ничему научить этого юношу!»

В изд. 1956 г. (с. 108) среди произведений Син Хыма помещено стихотворение «Зачем, о птица гриф...», в изд. 1958 г. оно отсутствует. В обоих изданиях публикуется близкое по содержанию стихотворение поэта Ли Тхэка «Не смейся ты, огромный гриф...». Э.В. Песоцкий высказал предположение, что это два варианта перевода одного и того же произведения (см. с. 323 и 873).

319 *«В селенье горном снег на землю выпал...»*
Дверь / Плетеная... — Плетенная из лоз дверь — символ убогого жилища.

«Слава — это башмаки худые...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — черновой и белой автографы перевода Ахматовой. Первоначальная редакция перевода:

Что слава!! Башмаки худые
На стертых продранных чулках.

Уйду-ка я в поля и рощи
Всю жизнь с оленями дружить.

Так буду жить хоть сотни лет я.
Тебе спасибо, государь.

Сверху слева над текстом помета — цитата: «Что слава: яркая заплатка... и т. д.» Это цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» («Что слава? — яркая заплатка На ветхом рубище певца»). Ритми-

ческая близость к строкам русского классика была неуместной, и Ахматова изменила ритм перевода.

В беловом автографе варианты строк 2—4: На давно проношенных чулках... // Эй! — уйду-ка я в поля и рощи, / Чтоб всю жизнь с оленями дружить. б: А тебе спасибо, государь! Ирония, содержащаяся в последней строке, в печатном варианте передана с помощью обозначения титула правителя — ван: *А тебе спасибо, добрый ван.*

Ли Хван

Ли Хван (1501—1570) — поэт «озерной школы», ученый-конфуцианец и просветитель. Основал в Корее первую частную школу. В философии и поэзии развивал идеи китайского философа Лао Цзы о естественности всего сущего, что является основой даосизма. В «Содержании» книги «Корейская классическая поэзия» в обоих изданиях указано, что стихотворение «Пусть гром разрушит скал грядущим...» переведено А. Холодовичем под редакцией А. Ахматовой. Одно стихотворение, печатавшееся под именем Ахматовой — «Склоны гор, поросших лесом...», — переведено Н.И. Харджиевым. При переиздании переводов в 1958 г. Ахматовой проведена доработка текстов. Ниже приведены варианты строк в изд. 1956 г.

320 «Вот беседка пред горою...». Строка 4: Заметались над водой.

«Горы каждой весной цветут...». Строка 1: Эти горы весной цветут. 3—4: И природы немой чудеса Человеку таинственно сродни.

321 «Древние люди меня не встречали...». Строка 3: Пусть я не видел их светлые лики. Древние люди — мудрецы Конфуций и Мэн-Цзы.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 290) — авторизованная машинопись раннего варианта переводов двух стихотворений «Я на время верный путь оставил...» и «Древние люди меня не встречали...». В первом стихотворении варианты строк 5—6: <Что я> Если поздно к правде возвратился, Право, бесполезно сожалеть». Во втором — варианты строк 3: Пусть я не <вижу> видел их светлые лики, 5: Если же путь тот всегда предо мною.

Ли Хён Бо

Ли Хён Бо (1467—1555) — поэт «озерной школы», крупный сановник, отказавшийся от постов при дворе. В изд. 1956 г. первые пять публикуемых здесь стихотворений были объединены в цикл «Пять стихотворений о рыбаке», в изд. 1958 г. все шесть переводов Ахматовой печатались как самостоятельные стихотворения.

323 «Несется туча над вершиной горной...»

В изд. 1956 г. варианты строк: 2: Клубится туча над вершиной горной, 4—6: Так беззаботны и душой свободны! // Забуду же навек мои тревоги / И буду вольным в мире, как они.

Ли Хан Бок

Ли Хан Бок (другое написание имени Ли Хван Бок, 1556—1618) — поэт, крупный сановник, в конце жизни сосланный на север Кореи за то, что выступил против правителя Кванхэ-Гуна, действия которого считал несовместимыми с конфуцианской моралью. Стихотворение «Тучи, что уже перевалили...» написал, когда переходил перевал Чоллён, направляясь к месту своей ссылки.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 291) — машинопись раннего варианта этого стихотворения. Строки 3—4: Слезы скорби ссыльного поэта / Захватите вы с собой как дождь.

Ку Чи Чжон

Ку Чи Чжон — поэт XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение Ку Чи Чжона «Орел, схвативший в когти мышь...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 288) — авторизованная машинопись раннего варианта перевода. Строки 5—6: <Не тучным быть я очень рад> / И я худым согласен быть, / Зато живу вдали от дел. Этот исправленный вариант соответствует тексту изд. 1956 г. (с. 120).

Ли Тхэк

Ли Тхэк (1509—1573) — поэт. Ахматова перевела одно стихотворение Ли Тхэка «Не смейся ты, огромный гриф...» В изд. 1956 г. (с. 108) под именем Син Хыма был помещен еще один ахматовский перевод, близкий по содержанию к публикуемому:

Зачем, о птица гриф,
Взлетевши высоко,

В бескрайних небесах
Смеешься надо всем?

Милее мне, чем ты,
Воробушек в траве.

Ким Ту Сон

Ким Ту Сон — поэт XVII в. Ахматова перевела одно его стихотворение «Под вечер, сокола с собою взяв...» В изд. 1956 г. вариант строки 2: Я речку перешел, взошел на гору.

Пак Ин Ро

Пак Ин Ро — поэт XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение Пак Ин Ро — «Ком железа в десять тысяч

цзюней...» В изд. 1956 г. варианты строк 3—6: Проволокой этой обвяжу я / Солнце в бесконечных небесах. // Сделаю я так, чтоб не старели / Батюшка и матушка мои.

Ли Чон Гу

Ли Чон Гу — поэт XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение Ли Чон Гу «В тебя и можно верить, и нельзя...» для второго издания книги «Корейская классическая поэзия» (1958). Напоминающее любовную лирику, стихотворение тем не менее повествует о взаимоотношениях поэта с правителем государства.

Хан Хо

Хан Хо (1543—1605) — поэт и знаменитый каллиграф. Ахматова перевела одно стихотворение Хан Хо «Стоит ли сюда нести циновку?..».

Ли Сун Син

Ли Сун Син (1544—1598) — поэт, адмирал, прославленный морскими победами над японцами в корейско-японской войне XVI в. Создатель первых на Востоке бронированных кораблей. В 1598 г. был убит на флагманском корабле во время боя. Писал в основном на китайском языке. Единственное стихотворение на корейском написано им накануне решающего сражения у острова Хансандо. Ахматова перевела именно это стихотворение Ли Сун Сина — «В ночь лунную на острове Хансан...».

326 «В ночь лунную на острове Хансан...». Хансан — остров в Корейском проливе, где располагались основные силы корейского флота, которым командовал Ли Сун

Син. *Вдруг камышовой дудки слышу свист.* — Звук сигнала с японских кораблей.

Ким Сам Хён

Ким Сам Хён (1570—1652) — поэт, первый министр корейского двора. В изд. 1956 и 1958 гг. книги «Корейская классическая поэзия» опубликованы три перевода Ахматовой. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 280) — авторизованная машинопись с правкой стихотворения «Пусть слава и почет нас не пленяют!...». Варианты строк: 2: У почестей ближайший друг — позор. / У почестей один сосед — позор. 4: Идете по смертельному пути / Идете по опасному пути / Идете по неверному пути; 6: И не боюсь бесславия и бед.

326 «Погибни, Наньпа!» Автор вспоминает эпизод из китайской истории — диалог перед казнью мужественного государственного деятеля, принявшего казнь, но не покорившегося врагам, и юноши, который верит старцу и так же мужественно идет на казнь.

Чу Ый Сик

Чу Ый Сик — поэт конца XVI — начала XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение Чу Ый Сика «Высоко небо, — люди говорят...».

Син Чон Ха

Син Чон Ха (1681—1715) — поэт, придворный, оставивший службу из-за интриг. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Пусть служба уважения достойна...».

Чон Тхэ Хва

Чон Тхэ Хва — поэт конца XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Захмелев от первой чарки...».

Чон Он

Чон Он (1553—1627) — поэт «озерной школы», политический деятель. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Приготовь мне, мальчик, плащ в дорогу...». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 297) — авторизованная и чистовая машинопись перевода, варианты строк: 4: Без крючка рыбачить я иду. 6: <Это просто чтоб себя развлечь>.

Ли Ян Вон

Ли Ян Вон — поэт конца XVI — начала XVII в., придворный, один из участников корейско-японской войны, руководивший защитой Сеула. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Вы велели мне взобратся...», в котором символически изображается несправедливое обвинение в адрес Ли Ян Вона в том, что он плохо защищал Сеул. Обвинявшие его ложные «друзья» сами трусливо бежали, бросив осажденный город.

Ли Ан Нуль

Ли Ан Нуль — поэт XVI в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Пусть небо и земля шатром мне станут...». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 289) — чистовая машинопись перевода без правки и без подписи.

329 *«Пусть небо и земля шатром мне станут...»* Ноинсон — по корейским поверьям, звезда, управляющая жизнью.

Ким Кван Ук

Ким Кван Ук (1580—1656) — поэт «озерной школы», сановник, в конце жизни отказавшийся от почестей и богатств ради общения с природой. Ахматова перевела одно стихотворение поэта для издания книги «Корейская классическая поэзия» (1956 г.) — «Горы тихие, светлые реки...», и два — для издания 1958 г.

330 «Одинокая белая цапля, стоишь...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 279 и 306) — черновой автограф и два варианта подстрочного перевода. Автограф:

О цапля белая, ты что стоишь одна
Там на песке у <ясных> этих вод прозрачных?
Тебе ль не разделять
Дум тайных сердца моего.
<Ведь оба мы не любим <отвергли> суету
И разницы меж нами нет>.

Подстрочные переводы: 1. «О белая цапля, что стоишь одиноко на бело-песчаном берегу ручья! / Разве ты не знаешь, что у меня на душе? / Я презрел пыль и ветер (этот бренный мир), И разве в этом ты и я чем-нибудь отличаемся друг от друга?»; 2. «Белая цапля, что стоишь одна, на белом песке, у берега ясной реки? / Тебе ли не разделять моих сокровенных дум! / Ведь ты и я не любим мирскую суету, какая ж между нами разница!»

Ким Ю Гю

Ким Ю Гю (другое написание фамилии — Ким Ю Кю, конец XVI — начало XVII в.) — поэт «озерной школы». Ахматова перевела одно его стихотворение «Дождь прощу-

мел, и в цвет единый...», автограф и чистовая машинопись которого имеются в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 287).

Со Ик

Со Ик — поэт конца XVI—XVII вв. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Если бы разрушить эту гору...». В подлиннике стихотворение опирается на восточную поговорку «Птица цзинвей пытается засыпать море», что означает тщетность усилий.

331 «Если бы разрушить эту гору...» Но, увы, я схож с пичужкой малой. — По преданию, в малую птицу цзинвей превратилась жена мифического императора Янь-ди, утонувшая в Восточном море. Птица мала и невзрачна, но она долбит камни и деревья, пытаясь засыпать море, в котором утонула.

Чхон Кым

Чхон Кым — поэт XVI — начала XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение Чхон Кыма — «В селенье горное спустилась ночь...».

Ким Сан Ён

Ким Сан Ён (1561—1637) — поэт, сановник, геройски павший во время маньчжурского нашествия. Ахматова перевела одно его стихотворение — «Слово молвишь — скажут: вот простак...». Второе стихотворение, печатавшееся под именем Ахматовой, переведено Н.И. Харджиевым («Слово лживое — любовь!»).

Сон Хон

Сон Хон — поэт XVI — начала XVII в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта — «Людских речей не знает горный лес...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 296) — авторизованная машинопись с правкой и чистовая машинопись перевода. Вариант строки 6: <Свою встречаю мирно старость здесь> <Здесь мирно старость встретить я готов>.

Сон Ин

Сон Ин (другое написание имени — Сон Сун) — поэт XVI—XVII вв. Ахматова перевела одно стихотворение поэта в двух вариантах. В изд. 1956 г. — «Что услышу, сразу забываю...», в изд. 1958 г. — «Что услышу — вспомнить не могу...». Варианты раннего перевода, строки 3: Так живу я. И не знаю вовсе, 5: Только хватка у меня, как прежде.

Ли Вон Ик

Ли Вон Ик (1547—1634) — поэт, государственный деятель, один из руководителей борьбы с японской агрессией. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «Мириады тонких нитей — серебристых ив наряд...».

Ли Ван

Ли Ван — поэт XVI—XVII вв. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «О, если бы сравнять с землею горы...», в котором использованы мотивы китайского фольклора.

333 «О, если бы сравнять с землею горы!..» Озеро Дунтин (Дунтинху) — большое озеро в провинции Хунань в Китае, многократно воспетое в китайской поэзии. О, если б

на луне срубить деревья. — В подлиннике говорится о лавре благовонном (или коричном дереве), который, по китайским поверьям, растет на луне и мешает ей светить в полную силу.

Хван Чин И

Хван Чин И (1506—1544) — поэтесса, вошедшая в историю корейской поэзии под именем «Бессмертная». Ахматова перевела два стихотворения поэтессы — для изд. 1956 г. — «Разве я была, о друг мой, нехорошою с тобой?..» и для изд. 1958 г. — «О, синий мой ручей в горах зеленых!..». Третье стихотворение Хван Чин И, публиковавшееся под именем Ахматовой («Гора всегда одна и та же...»), переведено Н.И. Харджиевым. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 279) имеется подстрочный перевод стихотворения «О, синий мой ручей в горах зеленых...»: «О, синий ручей в зеленых горах! Не гордись, что легко течешь! Раз в море попав, обратно выбраться трудно. Ясная луна залила светом пустынные горы. Не развлекься ли тебе?» Пояснение переводчика: «Стихотворение построено на игре слов. Синий ручей — литературное имя мужчины. Ясная Луна — литературное имя поэтессы Хван Чин И».

Сор И

Сор И — поэтесса XVI в. Ахматова перевела одно стихотворение Сор И — «Говорят: «Сосна!» Сосна какая?..», построенное на игре слов: Сор И — имя поэтессы, «сори» — по-корейски «сосна». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) имеется подстрочный перевод этого стихотворения: «Говорят: сосна да сосна. А какую имеют в виду? Ту гордую и высокую, что на обрыве в тысячу цинь, — меня! Эх, серпы детишек мальчишек-дровосеков! Вам ли до меня добраться!»

Лим Чэ

Лим Чэ — поэт середины XVI в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта, написанное на смерть поэтессы Хван Чин И — «Изумрудно сияет трава...». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 279) имеется подстрочный перевод этого стихотворения: «Изумрудная густеет трава. Здесь спишь, здесь лежишь ты! Где ты приклонила светлый свой лик? И некому чашу с вином поднести (духу), что горше всего». Примечание переводчика: «Стихотворение на смерть Хван Чин И. Самое страшное, по мнению поэта-конфуцианца, то, что у Хван Чин И не было детей, следовательно, некому служить духу усопшей».

Син Хи Мун

Син Хи Мун — поэт XVIII в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта «В штанах коротких, за плечом — мотыга...». В изд. 1956 г. варианты строк 3—4: И, затянув одну из сельских песен, / Весь озарен луной, домой иду.

Ян Са Он

Ян Са Он (1517—1584) — поэт, известный своей эрудицией, каллиграф. Уездный правитель, славившийся добрыми делами. Ахматова перевела одно стихотворение поэта — «Говорят, что Тайшань высока...».

Ли Чон Бо

Ли Чон Бо (1693—1766) — поэт, сановник, борившийся за прекращение раздоров в правящих кругах Кореи. По утверждению Н.И. Харджиева, перевод стихотворения Ли Чон Бо «Есть в доме у меня заветный меч...» принадлежит ему. Однако правка строк в изд. 1958 г., которая во всех остальных случаях производилась Ахматовой, позволяет пред-

положить, что именно ей принадлежит окончательная редакция перевода. Варианты строк в изд. 1956 г.: 2: Он на стене до времени повешен. 4: И говорит, что чем-то недоволен. 6: Что я свершу — пусть угадают люди.

Ли Чэ

Ли Чэ (другое написание имени Ли Чжэ) — поэт XVIII в. Ахматова перевела одно стихотворение Ли Чэ — «Звезда погасла — жаворонок взвился...». В изд. 1956 г. варианты строк: 2: С мотыгой за калитку выхожу я; 5: Как хорошо сейчас работать в поле!

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 292) — авторизованная и чистовая машинопись текста 1956 г., с исправлением в строке 4: <Мою рубаху и мои штаны> Короткие крестьянские штаны.

Ким Чин Тхе

Ким Чин Тхе — поэт середины XVIII в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта — «Средь воронья узнайка...». В изд. 1956 г. вариант строки 2: Где ворон, где ворона!

Ким Ён

Ким Ён — поэт XVIII в. Ахматова перевела одно стихотворение Ким Ёна — «О перелетный сокол, не гордись...». Два других стихотворения, печатавшиеся под именем Ахматовой, переведены Н.И. Харджиевым («Когда мне было двадцать лет...» и «Белокрылая цапля на утлом челне одиноком!...»).

Ким Су Чжан

Ким Су Чжан (1690 — ок. 1770) — поэт, наследовавший традиции и идеи «озерной школы»; составитель антологии корейской поэзии «Хэдон Каё» — «Песни страны к востоку от моря» (1763).

Ахматова перевела для изд. 1956 г. шесть стихотворений Ким Су Чжана, для изд. 1958 — еще три. Одно стихотворение, печатавшееся в обоих изданиях под именем Ахматовой («Ты облако лазурное лелеешь...»), названо Н.И. Харджиевым в перечне стихов, переведенных им, возможно, ошибочно, — в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 282) имеется автограф этого стихотворения с правкой рукой Ахматовой.

337 «Ты облако лазурное лелеешь...» В рукописи правка в строке 3: <Ты тешишься тем, что богат и знатен> / Твоя отрада — знатность и богатство. Стихотворение построено на противопоставлении двух символов, характерных для корейской поэзии: лазурное облако — символ карьеры («знатность и богатство»), белоснежное облако — жизнь среди природы.

«Так жизнь моя становится все проще...» В изд. 1956 г. вариант строки 4: И том моих излюбленных стихов. Тот же вариант строки в рукописи ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 282). Там же правка в строках 5—6: <А вот еще> И никогда меня не покидают, / <И> А значит — любят: ветер и луна.

«Жилище тесно, словно дом улитки...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 282) имеется автограф раннего варианта перевода с правкой в строках: 1: Жилище тесно, <как улиткин домик> словно дом улитки, 3: <Направлены к ним> мысли старика, / В них мысли старика погружены.

338 «Старые больные чувства...» Поэт прожил около 80 лет.

«Соседи справа — под скалой живут...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 307) — подстрочный перевод: «Дом у соседа, что позади моего жилища, — пещера с тремя ступеньками вниз. Дом у соседа, что рядом с моим жилищем, —

птичье гнездо, из хвороста свитое. Одежда у них травяная, пища — плоды деревьев, но все они — люди добрые и хорошие. Так отчего же в хоромах, где едят мясо, люди недобрые и плохие?»

338 «Пусть винный жбан твой полон будет вечно...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 283) — подстрочный перевод: «Не держи пустым жбан вина, независимо от того, пьешь ты или нет. Имей всегда возле себя не имеющую себе равных красавицу, независимо от того, нужна она тебе или нет. Хочу прожить, утешая этим время, которое устремляется вперед, словно путник». Примечание переводчика: «Последние две строчки переведены слово в слово. Смысл всего стихотворения, очевидно, таков: поэт состарился, ему не нужны ни вино, ни красавицы, но все же надо иметь и то, и другое, и тем самым как бы обмануть время».

«Если нет цветов и жбан твой пуст...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 282) — подстрочный перевод: «Опадают цветы. Проходит весна. Иссякает в жбане вино. И тогда-то тебя охватывает восторг и наслаждение. Время, словно путник, понукает седые волосы (= серебрит волосы). А откуда-то взявшиеся неразумные люди (= советчики) говорят мне: не гуляй!» Примечание переводчика: «Смысл всего этого стихотворения таков: желание насладиться жизнью с годами становится все острее. И так всюду в жизни: чем меньше в жбане вина, тем острее переживание: проходит весна, опадают цветы, и только тогда ощущаешь остро, что такое наслаждение весенней порой, восторг при виде цветов».

Ким Чхон Тхэк

Ким Чхон Тхэк — поэт конца XVII — первой половины XVIII в., приверженец идей «озерной школы»; составитель антологии корейской поэзии «Неувядаемые слова страны зеленых гор» (1727). Ахматова перевела четыре стихо-

творения Ким Чхон Тхэка для изд. 1956 г. и два — для изд. 1958 г. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 285, 286 и 302) — подстрочные переводы и ранние варианты переводов Ахматовой.

339 «Что такое почести и слава?!» В изд. 1956 г. вариант строки 4: Звучный каягым и винный жбан. Каягым — корейский музыкальный инструмент.

«Жизнь людей на сон похожа...» В рукописи РНБ вариант строки 6: <Вероятно,> Я уверен, лишь в вине.

340 «Красный клен так нежно красен...» В рукописи РНБ варианты строк: 4: И вкусна сырая рыбка. 5: Комунго скорей мне дайте / <Дайте мне скорей комунго>. 6: Сам налью, сам <буду петь> петь я стану.

«Рыбачья песнь и дудка пастуха...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 286) — черновой автограф перевода Ахматовой. Варианты строк: 3: И потревожили мой сон полудневной <мой полудневный сон>; 4: Я сонные (пьяные) глаза приоткрываю; 6: Вновь жбан несут и <выпить предлагают> и предлагают выпить.

Там же — подстрочный перевод: «Когда звуки рыбачьей песни и пастушьей свирели смешиваются со свистом ветра в долине (и доносятся до меня), они тревожат мой полудневный сон, и я открываю свои еще осоловевшие (от вина) глаза. И вижу: там через гору шествуют друзья со жбаном вина, идут, стучат в калитку, соблазняя меня выпить».

«Пробудившись — снова пью...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 285 и 302) — подстрочный перевод: «Проснусь и снова пью. А опьянев, опять ложусь. И потому мне не ведомо, что такое слава и позор в этом мире. Буду же жить, не просыпаясь вечно хмельной в этом мире».

Пак Хё Гван

Пак Хё Гван (другое написание имени Пак Хё Кван) — поэтесса середины XIX в. Ею составлен и издан в 1876 г. сборник «Родник песенной поэзии», в котором собраны лучшие корейские стихотворения в форме сичжо. Ахматова перевела три стихотворения Пак Хё Гван — «Любимый, мне приснившийся в ночи...», «Кукушка в пустынных горах...», «Словно воды реки текущей!..».

341 «Любимый, мне приснившийся в ночи...»
В изд. 1956 г. вариант строки 3: Куда ж ушла великая любовь.

В собственном творчестве Анны Ахматовой стихотворение «Подражание корейскому» («Приснился мне почти что ты...») является «подражанием», точнее — творческим откликом на это стихотворение корейской поэтессы. См. об этом в т. 2(1). С. 619—620.

Ан Мун Ён

Ан Мун Ён — поэт середины XI в. Ахматова перевела три его стихотворения — «О, хризантема! Объясни, зачем...», «Эту самую луну...», «За оградой сада цветы...».

342 «О, хризантема! Объясни, зачем...» В изд. 1956 г. вариант строки 4: Под ледяным дождем в простой ограде.

Ким Мин Сун

Ким Мин Сун — поэт конца XVIII — начала XIX в. Ахматова перевела одно стихотворение поэта — «Недугов,

что меня терзают тяжко...». Варианты строк в изд. 1956 г.: 4—6: И уши слышат — лучше б не слышать. / Нос нюхает, но лучше бы не нюхал, / Уста давно не могут говорить...

Неизвестные авторы

Стихотворения многочисленных авторов, имена которых не сохранились, — характерная черта классической корейской поэзии, которая долгое время существовала как устная поэзия, не записывалась и не печаталась. В ОР РНБ имеются многочисленные автографы, авторизованные и чистовые машинописные копии переводов Ахматовой, а также подстрочники с примечаниями переводчика. В ряде случаев имеется подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой». Иногда эти материалы противоречат утверждениям Н.И. Харджиева о принадлежности того или иного перевода ему, что оговаривается нами в комментариях. В «Содержании» изд. 1956 и 1958 гг. указано, что три стихотворения переведены А.А. Холодовичем под редакцией А. Ахматовой. Это: «Соберу по зернышку любовь...», «Когда б, мечом пронзив мне грудь насквозь...» и «И сегодня ночь настала...». См. эти переводы в разделе «Коллективное».

Ахматовой переведены 70 произведений «неизвестных авторов».

343 *«Переделать бы на метлы...»* В изд. 1956 г. вариант строк 1—2: Все мечи во всей вселенной / Переделать бы на метлы. Так же в автографе ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305). Здесь же — вариант строки 5: А из метл орала сделать.

«Есть славный меч Сян Юйя...» Сян Юй — полководец и фактический правитель княжества Чу в Китае III в. до н.э. Далее перечислены имена великих людей прошлого,

знаменитых своей жестокостью, литературным дарованием или мудростью (Мэн Бэнь, Су Цинь, Чжугэ Лян).

346 «Не знаю, кто в окне прорвал бумагу...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — автограф с правкой. Варианты строк: 2—4: <И на кувшин с вином пал луч луны> / Вино бы это пить без промедленья! — / И вместе с ним бы выпить этот луч.

347 «Расставанье и разлука!..» Речь идет о двух китайских иероглифах, означающих «расставанье» и «разлуку», придуманных легендарным мудрецом Цан Цзе. Автор сетует на то, что эти печальные иероглифы уцелели во время сожжения книг императором Цинь Шихуанди (III в. до н.э.).

348 «Один слепец взял на спину другого...» Намусин — корейская деревянная обувь.

349 «Хмельным восторгом упоен, Ли Бо...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод: «Ли Бо, хмельным восторгом напоенный, в воды Цайшицзяна вошел вслед за луной. С тех пор поныне так ведется: чуть что — «вино — всех зол причина!» Ну, а Цюй Юань покончил жизнь в Мило, каким вином упившись?».

350 «Конем владел я, и вином, и золотом...» В автографе ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — вариант строки 2, соответствующий изд. 1956 г.: И для чужих я был как бы родной.

«И ветер, лишь только отдохнет, минует Чансонрён...» По утверждению Н.И. Харджиева, этот перевод выполнен им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) имеется автограф Ахматовой с правкой. Перевод записан в виде 12 строк. На полях справа помета Ахматовой: «Сделать 6

строк». Правка в последних строках: <Без отдыха я б ододел> Я б ододел не отдохнув / могучий Чансонрён. Исправленный вариант вошел в оба издания. В изд. 1956 г. подстрочное примечание: «Чансонрён — высокий перевал в Корее».

350 «Чудесный сон издалека...» По утверждению Н.И. Харджиева, этот перевод выполнен им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) имеется машинопись этого текста среди автографов и машинописных копий переводов Ахматовой, что позволяет предположить авторство Ахматовой и в этом случае.

«В окне мелькнула тень...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) подстрочный перевод: «На окошке мелькнула тень, и я выбежала, чтобы его встретить. Но милый не пришел. Меня обмануло облачко, проплывшее по окну при свете луны. Хорошо, что это была ночь, Будь это день, как посмеялись бы надо мною люди!» Здесь же черновой вариант перевода. Строки 3—5: Нет, то не милый там в окне, / Лишь облачко скользнуло. / Я рада темноте.

351 «Сосна, посаженная здесь, скажи...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод и ранний вариант перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: «Сосна, посаженная сосна! Как тебя посадили? Привольный берег горного потока где ты покинула, сюда пришла? И впрямь нет никого, кто знал бы о пышной зелени твоей!». Ранний вариант перевода:

Сосна, посаженная здесь, сосна,
Зачем тебя сюда пересадили!

Привольный берег горного ручья,
Идя сюда, ты бросила навеки.

Уже никто не может рассказать
О зелени твоей великолепной.

352 «Что лучше — забыть после смерти...»
 В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — автограф с правкой в строке 5: <Скажи мне единое слово> одно только / Одно только слово промолви.

353 «Сколько б ни твердил молитв монах...»
 В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 307) — подстрочный перевод: «Сколько бы монах ни молился (буквально: ни говорил: «Амитхабуль»), разве он станет буддой? Сколько бы человек ни цитировал Кунцзы, разве он обретет правый Путь? Стать буддой, обрести правый Путь — право же, трудное дело!»
 Примечание переводчика: «Амитхабуль примерно то же, что «господи помилуй».

«Как за косу таскал монашку бонза!..» По утверждению Н.И. Харджиева, этот перевод выполнен им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) имеются автограф Ахматовой с правкой и чистовая машинопись этого перевода. В автографе вариант строки 2: Да и она схвати его за чуб. Исправлено на: Да и она его за чуб драла. Строка 5: Толпа слепых на это любовалась. Там же имеется и другой вариант перевода этого стихотворения с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой».

Таскает бонза за косу монашку,
 Она обидчику вцепилась в чуб.
 Я прав! Нет, я права! — вопят беснуясь.
 Внимательно на них глядят слепцы,
 И тут же спорят вслух глухонемые
 О том, кто прав из них и кто неправ.

«Сколько б ворон там ни каркал...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод и автограф пе-

ревода Ахматовой. В автографе варианты строк: 1: Сколько б ворон тот ни каркал; 5: А уж если кто... то только.

Подстрочный перевод: «Сколько бы ворон ни каркал, разве умрет мой любимый (муж), разве я умру? (= Он не предвещает смерть ни мне, ни моему мужу). Разве умрет мой сын-пахарь, разве умрет моя дочь-пряха? (= Не умрет мой сын-пахарь, не умрет моя дочь-пряха). (Уж если кто и умрет, то) умрешь ты, моя невестушка, что ушла сейчас по воду за гору».

354 «В сады и на поля пришла весна...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 307) — подстрочный перевод: «В сады и поля пришла весна, и у меня теперь много дел: я чиню сети, дети вспахивают поле, (а тут еще) на горе позади дома надо со дня на день копать лекарственные травы, у которых уже появились почки».

«Встав на заре, я накормил вола...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 307) подстрочный перевод: «Поднявшись (на заре) накормил вола. На небе все еще сверкало три-пять предзвездных звезд. Кинул взгляд на широкую равнину (= залюбовался широкой равниной), изумился цветом золотистых облаков... И подумал: кто знает, быть может, в этом одном весь смысл жизни крестьянина».

«Когда моя настанет смерть...» В журнале «Юность» (1969. № 6. С. 66) было напечатано как собственное произведение Ахматовой. Возможно, его имела в виду Ахматова в беседе с М.И. Будыко, когда говорила о своем стихотворении «Углем наметил на левом боку / Место, куда стрелять...». Ее собеседник так передает слова Ахматовой: «Недавно, переводя корейских поэтов, А.А. нашла точно такие же стихи, сочиненные гейшей XVII века. Она после некоторых раздумий его перевела. «Такое совпадение очень страшно» (Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 480).

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — черновой автограф и два подстрочных перевода: 1) «Не могу так жить, уж лучше умереть! В горах безлюдных залитых лунным светом, кукушкой обернется моя душа. В ночи я спрячусь и закукую, и милый меня услышит». 2) «Я умру, а душа кукушкой обернется. И в ветвях цветущих груши я тогда листвою заруюсь. Исчезнув среди ночи, запою тоскливо и голос мой до слуха милого дойдет». Автограф:

Так жить <невозможно>,
Лучше умереть мне!

И в горах пустынных, в ярком лунном свете
Пусть кукушкой станет бедная душа.

В мраке ночи спрячусь я и закукую,
Пусть же милый снова слышит голос мой.

354 «Цветущий персик частый дождь кропил...»
В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод: «Когда частый дождик моросил на цветы персика, Я со слезами удерживала милого, поджидавшего меня. А милый мой теперь, когда осенний ветер срывает листья, думает ли обо мне? За десять тысяч ли он лишь в одиноком сне моем приходит, и уходит вновь».

355 «Цветы цветут или не цветут...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод: «Цветы цветут ли, нет ли, кукушка плачет или нет, милого-любимого вновь встречу — чего ж мне более! Что мне за дело до того, кто плачет, кто цветет!»

«Ива мне как нитка...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — черновой автограф и подстрочный перевод. Черновой автограф:

Ива ниткой станет,
 Птица — челноком.
 <Девяносто ровно дней>
 <О, моя печаль!>
 Милую прожду я
 Девяносто дней.
 Кто назвать посмеет временем цветения
 Ту мою весну.

Подстрочный перевод: «Ива — ниткой станет, иволга — челноком. Три весенних месяца — девяносто дней — буду ждать. О, моя печаль! И кто назовет «зеленые тени и ароматные травы» (= мою весну) временем цветения!».

355 «Ночью осенней при свете луны...» В изд. 1956 и 1958 г. не публиковалось. Текст — в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — карандашный автограф, подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой». Перед текстом рукой Ахматовой — «Неизвестный автор».

356 «Твои красивы зубы — улыбнись!..» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — автографы раннего варианта перевода Ахматовой. В одном текст состоит из трех пронумерованных частей, часть 2:

Сидишь или стоишь,
 Идешь иль убегаешь —
 На тысячи твоих движений
 Я буду зачарованный глядеть.
 Хочу, чтоб ты моею стала!

Другой автограф с подписью «Пер<евод> А. Ахматовой»:

Как зубы красивы твои — улыбайся почаще.
 И взор твой так нежен, когда ты глядишь на меня.

Присядь! Остановись!
 Ходи иль бегай!
 Как хочешь, но только, чаруя меня,
 Смотри на меня.
 И будь, как хочу я, моею любимой.

Поверь, ты явилась на свет
 Затем, чтоб любить лишь меня.

356 «Фазаночки трепещущее сердце...» По утверждению Н.И. Харджиева, этот перевод выполнен им. Однако в архиве Ахматовой (ОР РНБ. ф. 1073, ед. хр. 307) имеется текст перевода с пометами Ахматовой, отличающийся от печатного в строках: 1—2: Сердце фазана, что на голых скалах / Вдруг высмотрел неумолимый сокол. 12—13: И сердце той, которую владыка / Ее навек оставил, / С чем, скажите.

357 «Туго я любовь перевязал...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод и автограф раннего варианта перевода Ахматовой. Варианты строк: 4: Через перевал Тхэсан высокий; 7: Нет, пускай измучен <ей> я совсем.

Подстрочный перевод: «Туго перевязав любовь, взвалил ее на плечи и еле-еле иду через крутой перевал на горе Тхэсан. А друзья, не ведающие моих чувств (или: что у меня за груз), говорят мне: брось его, иди так! Нет, пусть изнемогая под тяжестью ноши, умру я, не брошу, а буду идти (с тем грузом)».

«За милой сквозь метель и стужу...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод и автограф раннего варианта перевода Ахматовой. Варианты строк: 1: Сквозь стужу, по сугробам, к милой; 3: Я сдвинул шляпу на затылок; 12: Я грудь широко распахнул.

Подстрочный перевод: «В лютую стужу, по снежным сугробам иду я через Тхэсан вслед за любимой. Скинув шля-

пу, сдвинул ее на затылок, сняв носки, положил их за пазуху. Сняв ботинки, взял их в руки... Я еле-еле иду, еле-еле плетусь, ни разу не передохнув, сам не знаю, куда. Ноги босые не чувствуют стужи. И только чуть знобит грудь (которую я распахнул), чтобы прижать к груди милую».

358 «О милая, кругла ты, как арбуз...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод: «О милая, круглая, словно арбуз. Не говори сладких слов, сладких, словно дыня. Каждое слово, которое ты молвишь, это ложь. Не произноси же пустых слов, пустых, словно тыква в октябре».

«Почему ты не приходишь?..» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 307) — машинопись с правкой раннего варианта перевода. Отличия в строках: 4—5: <Замок стал> Стал дворец из чугуна / Возвели <в том замке> в дворце том стену; 7: И в том доме сколотили; 9: В сундуке том ты томишься; 11—12: А закрыт он на две скобы / Золотым замкнут ключом. 17: Чтобы навестить меня.

359 «Средь тварей всех и на земле и в небе...» По утверждению Н.И. Харджиева, перевод выполнен им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) имеются автограф Ахматовой с правкой и чистовая машинопись этого перевода. В автографе вычеркнуто название «Самое страшное»; правка в последних строках: 12—13: <И вот ты с нею встретился: дрожишь ты / Объятый страхом непреоборимым> / Дрожишь, объятый робостью и страхом. *Мондар* — неприкаянная душа того, кто умер неженатым или незамужней.

360 «Когда ты мною овладеть хотел...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод: «Когда ты добивался меня, сто раз ты приставал. Роскошные хоро-

мы, рабов, рабынь, поля и утварь всевозможную ты клялся и божился мне подарить. Так что же было, великий муж, пустое говорить! А я поверила твоим словам. А нынче уж три года минуло, и ни одного из ста не выполнил ты обещаний. Каждую ночь звала тебя, глаз не смыкая. Но впредь, пусть ты придешь, я слушаю тебя с презрительной усмешкой, со взглядом искоса!»

361 «Цветок, ты бабочку не отвергай...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) подстрочный перевод и автограф перевода Ахматовой, с иной пунктуацией и правкой в строке 7: И на ветвях <уже> созреет плод. И на ветвях созреет сочный плод.

Подстрочный перевод: «О цветок, не отвергай бабочку, летящую к тебе с верой в твой цвет! Разве ты не догадываешься, что сияние весны преходяще? Какая же бабочка полетит к тебе, когда тень от зеленой листвы станет густой, а на деревьях будет много плодов?»

«Лишь только ветерок подует...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — подстрочный перевод: «Сосна, торчащая на вершине горы, каждый раз, как подует ветер, колыхается на ветру. Но отчего же колыхешься ты, о ива, стоящая на берегу речки? Слезы льются, когда тоскуешь о милом. Но отчего же кривится (тогда) рот и всхлипывает нос». Примечание переводчика: «Стихотворение, конечно, шуточное. Понятно, почему колыхается сосна: она стоит на открытом месте; но непонятно, почему колыхается ива, которая находится в тихом, закрытом от ветра месте. Понятно, почему плачут глаза: ведь они не видят милой. Но при чем же здесь рот и нос. А они тоже «плачут»: рот кривится от плача, а нос... по-русски не подберу глагола».

«Эй, жаба одноглазая, послушай...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305 и 306) — подстрочный перевод и авто-

граф перевода Ахматовой, отличающийся от печатного текста пунктуацией и дееспричастием в 5-й строке: забравшись.

Подстрочный перевод: «Жаба, эй, жаба, слепая на один глаз, хромая жаба! Поймав бескрылую муху, расхрабрилась ты. Забравшись на кучу навоза, прыгаешь там. И хоть, напыжившись, бесишься, Люди смотрят на тебя и лишь смеются!»

362 «Купи-ка, хозяйка, румян и белил!..» В ОР РНБ — черновой и чистовой автографы раннего варианта перевода. Варианты строк: 5—9: Не знаю, но <если накрашишься ты> коль нарумянишься ты / И густо лицо набелишь, / То станешь тогда ты красивой такой, / Какой никогда не была. / И <друг твой полюбит тебя навсегда> крепко полюбит тебя твой дружок.

«Хозяин, эй! Купите этих крабов!..» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — автограф и подстрочный перевод. Варианты строк автографа: 3: А сверху кости и под ними мясо; 5—7: Две лапы и хватают и отпускают, / А малых пара вкось его несет. / Под <красной> соевой подливкой, под зеленой... 8: Да перестань <вопить неугомонный> выкрикивать товар.

Подстрочный перевод: «Хозяин, купите крабов! — Эй, купец, что за штука, о которой так кричишь? — Сверху — кости, внутри — мясо, два глаза смотрят в небо, две большие лапы способны и схватить, и отпустить, а малых пара несет его назад и вперед. Под красной соевой подливкой, под зеленой, — купите крабов! — Эй, перестань вопить, я их куплю».

«Эй, парень, ты, что гонишь там вола...» В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) — черновой автограф и подстрочный перевод этого стихотворения. Варианты строк автографа: 1: Эй, парень, тот, что гонит там вола, 5—8: После дождя, что нынче ночью лил, / Наверно стало рыбы много / Напол-

ни ею чонтараги <ты> все / <Соломы выбрав, ты прикрой ее> Соломою прикрой ее получше / На своего вола взвали <скорей> ее; 11: — Судьба несчастна наша. 15—17: Ночь на дворе — <мы - - вьем веревки> и мы плетем веревки / И грамоту всю ночь одолеваем. / Случится выпить, любим покурить. 18—19: Так и живем. За рыбой не поеду. / Мы заняты.

Подстрочный перевод: «Эй, парень, что гонишь вола, желтая башка, косматый парень! Остановись! Послушай-ка! Там в озерке после дождя ночного рыба кишмя кишит. Ты чори и чонтараги наполни с верхом рыбой и, солому выбрав, прикрой ее. На вола взвали и по дороге милой отвези! (мой?). — Судьба наша несчастна: живем мы в батраках, с утра волам готовим поило, настанет день — гнем спину в поле. Ночь на дворе — веревки вьем, а к полночи онмун одолеваем. Случается, балуемся вином и табаком. Тем мы и заняты. А потому и передать я не могу». Примечания переводчика: «*Чори* и *чонтараги* — плетеные бамбуковые корзины. *Онмун* — корейская национальная письменность. Здесь — литература на онмуне, доступная простому народу. Феодальная верхушка признавала право гражданства только за литературой на китайском языке».

363 «Засею вспаханное поле...» По утверждению Н.И. Харджиева, это стихотворение переведено им. Однако в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 305) есть несколько автографов Ахматовой и машинописных копий этого перевода, соответствующих изд. 1956 г. В изд. 1958 г. в текст была внесена правка. Варианты строк автографа и изд. 1956 г.: 3—4: Потом холщовые надену / Штаны, соломенную обувь, 9: Потом дрова взвалю на спину; 11: Я навещу ручей в ущелье, 19: Прото, как наша жизнь горька. Строка 16 в автографе: Когда ж за горы сядет солнце. В машинописной копии и в изд. 1956 г. строка 16 совпадает с вариантом изд. 1958 г. — Когда ж по-

меркнет блеск заката. В одном из автографов исправлена строка 19: О том, как наша жизнь горька, — что соответствует обоим изданиям.

364 *«Когда весной наши моряки...»* В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 306) — подстрочный перевод и черновой автограф перевода. Варианты и правка автографа в строках: 1—2: Когда <бывали> осенью наши моряки / Налог «чёнсе» <его собравши> грузят <в тедансе погрузят>. 3: И остругали корабли свои / И корабли свои <искусно> чинят; 4: Плодов и мяса вдоволь заготовив / Тогда ж плодов и мяса заготовив / В путь всех плодов и мяса заготовив.

К строке 5 — «Свистят их дудки, барабан — ревет» — авторская помета: «Надо». Начиная от строки 7, текст по сравнению с печатным значительно более насыщен именами собственными, в которых проставлены ударения, — очевидно, Ахматова пыталась передать имеющийся в подлиннике текст обращения моряков к «духам пяти рек и дракону моря» (см. ниже подстрочный перевод): 7—11: Приносят жертвы <громко говоря> и плоды и мясо, / Причем <такие громко> слова такие говорят: «У Чолладо, у Кёнсандо, / Близ Ульсана, близ Начжу, / Те, что у Чхильсана кружат, / У Анхына, у Сондоля, / По стремнинам у Конхва» / Пльить <нам> им по морским просторам; 15: И тотчас вернуться им. 17—18: И: Пошел! Спускай на воду! / О Намуамитамбуль! / (О Господи — помилуй нас.)

Подстрочный перевод: «Когда моряки в третью и четвертую луну грузят собранное по налогам «чёнсе» и «тедонсе», корабли под тысячу сок остругав, отделявают их. Тогда же всевозможных плодов и мяса заготовив, играя на дудках и колотя в барабаны, духам пяти рек и дракону моря приносят жертву, держа в руках плоды и мясо со словами:

У Чолладо, у Хёнсандо,
 По морю близ Ульсана, по морю близ Начжу,
 По морю близ Чхильсана кружа,
 По стремнинам у Анхына, по стремнинам у Сондаля,
 По стремнинам у Канхва плывя,
 Проплыть нам по просторам в десять тысяч ли,
 Как по воде, налитой в блюде,
 И тотчас вернуться!
 Нашей мольбе внимайте!

И сразу же: «Пошел! На воду! Плещи, вода! Намуамитамбуль!»

Примечания переводчика: «1. Сок — мера зерна. 2. *Намуамитамбуль* — будд., примерно — «господи помилуй».

В изд. 1958 г. к слову «Намуамитамбуль» дано другое примечание: «Непереводимое восклицание при вознесении молитвы». По-видимому, Ахматова предполагала перевести его словами христианского обращения к Богу, но затем отказалась от этой мысли.

ЛАТЫШСКАЯ ПОЭЗИЯ

Антология латышской поэзии. Рига, 1955. С. 213, 215; Антология латышской поэзии: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 172—173, 185, 186; *Райнис Ян*. Избр. произведения. Л., 1953. (Б-ка поэта. Большая серия); Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Лирика. Рига, 1954; Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1955; Избр. произведения Л., 1959. (Б-ка поэта. Малая серия); Лирика. М., 1965; *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 336—337.

Ян Райнис

Ян Райнис (наст. имя Плиекшанс Янис Кришьянович, 1865—1929) — латышский поэт, драматург, общественный деятель. Народный поэт Латвийской ССР. Закончил юри-

дический факультет Петербургского университета, один из руководителей прогрессивного «Нового течения» латышской интеллигенции. Был арестован, несколько лет провел в ссылке. Печатать стихи начал с 1895 г., в 1897 г. перевел на латышский язык «Фауста» Гете. В 1903 г. вышла книга стихов Райниса «Далекие отзвуки синим вечером», куда вошли стихи о борьбе, о предчувствии революции, о природе, философская лирика. Следующие книги стихов — «Посев бури» (1905) (после этой книги Райнису пришлось эмигрировать в Швейцарию), «Тихая книга» (1909), «Те, которые не забывают» (1911), «Конец и начало» (1912) и др. В 1920 г. поэт вернулся на родину, где занял пост директора Национального театра в Риге. В 1920—1928 гг. Райнис — министр просвещения Латвии. Книги стихов в 1920-е гг. — «Прощай, прекрасная», «Заклинание змей», «Домой», «Серебристый свет», «Дочь луны». Они собраны в книгу «Пять эскизных тетрадей Дагды», которую сам автор назвал «романом в стихотворениях». Тема, объединяющая стихи этих сборников, — история души главного героя Дагды во взаимоотношении с внешним миром, прославление силы любви.

Ахматова перевела в 1953 г. шесть стихотворений Яна Райниса для его книги «Избранные произведения» (Б-ка поэта. Большая серия). Затем, для малой серии «Библиотеки поэта» — еще десять. Всего с 1953-го по октябрь 1965 г. ею переведены более 40 стихотворений Я. Райниса, около 400 строк.

В ОР РНБ сохранились договор с Латвийским государственным издательством (Латгиз), подписанный Ахматовой 15 июня 1954 г., на перевод шести стихотворений (107 строк), и договор с издательством «Художественная литература», подписанный 10 мая 1955 г., на перевод 204 строк.

В августе — октябре 1965 г. Ахматова вновь работает над переводами Райниса — для готовящегося в Гослите его

переиздания однотомника «Лирика». Появляются записи в рабочих тетрадях о переведенных девяти стихотворениях, восьми стихотворениях Райниса, о получении 40% гонорара (8 октября 1965 г.). 17 октября 1965 г. в рабочей тетради «Лермонтов» — одна из последних записей Ахматовой-переводчика, — о том, что надвигается зима, что слабеют силы, что ею переведены — или еще в работе — 250 строк Райниса: «5 градусов тепла. Кончается осень. Начинается Она. А что с ней делать — неизвестно. Силы, чтобы ее перенести, решительно нет. Мне кажется, что я слабею с каждым днем.

Завтра вторник (18 октября).

Райнис — 250

Тувим — 500

—
750»

Выбор стихов для перевода не принадлежал Ахматовой. Ей не поручали перевести какую-либо из книг Райниса целиком. Она переводила лишь отдельные стихи — из книг «Те, которые не забывают», «Конец и начало», «Пять эскизных тетрадей Дагды» (в последней больше всего текстов, связанных единой темой и единым потоком поэтического сознания, Ахматова перевела стихи из цикла «Вещание змеи»). При многочисленных переизданиях сочинений Райниса после 1960-х гг. переводы Ахматовой всегда включались в состав изданий. Лишь в редких случаях неудачный перевод Ахматовой заменялся переводом другого автора. Так было со стихотворением Я. Райниса «Нежный свет» из цикла «Дочь луны». Ахматовский перевод (см. с. 371 наст. тома) напечатало латышское издательство. К строке 6 — «Как дева та, что на луне» — было сделано подстрочное примечание: «В одной из латышских сказок девушку забрал к себе месяц, и теперь в полнолуние там можно видеть ее отражение». В дальнейшем, начиная с 1955 г., печатался перевод этого произведения, принадлежащий М. Зенкевичу:

НЕЖНОЕ СИЯНИЕ

Хотя тебя со мною нет,
И далека ты, как мечтанье, —
Я чувствую твой милый свет
И нежное твоё сиянье.

Как девушку, там, на луне,
Я светлый образ твой лелею, —
В разлуке тело, но во мне
Твоя душа живет с моею.

Переводя латышского классика, Ахматова сохранила его свободную строфику, простоту и кажущуюся бесхитрость образной системы, близкой к народному стиху.

ЛИТОВСКАЯ ПОЭЗИЯ

Литовские поэты XIX века. М.;Л., 1962. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 274—285; *Нерис Саломея*. Стихотворения и поэмы. М., 1953; У родника. Вильнюс, 1967; *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 332—335.

Людмила Малинаускайте-Эгле

Малинаускайте Людмила (псевд. Эгле, 1864—1928) — одна из первых женщин-писательниц в литовской литературе. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 443) имеется краткий биографический очерк Людмилы Малинаускайте-Эгле — машинопись с правкой рукой Ахматовой. В очерке говорится о том, что Людмила родилась в семье литовских дворян, владевших 300 га земли, рано осталась без родителей и должна была опекать трех своих сестер и двух братьев. Она не получила образования, но уже в 1880-е гг. стала писать стихи и рассказы, которые появились в печати в 1884 г. Увлечлась

идеями литовского националистического движения, познакомилась с лидером литовских националистов и социалистов Й. Шлюпасом, эмигрировала вслед за ним в США, где стала его женой. В США она активно участвовала в общественной жизни, выступала в печати. «В ее стихотворениях ярко выражаются демократические идеи и даже некоторые классовые противоречия («Дворянин и мужик»). Не чужды ей и антиклерикальные тенденции («На смерть М.Ю. Андриякайтиса»)». Поэтесса вернулась в Литву перед Первой мировой войной, похоронена в Каунасе.

В стихотворениях, переведенных Ахматовой, ярко выражены фольклорные мотивы, связь творчества Эгле с историей Литвы, в которой она видит героические примеры патриотизма и мужества.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 435—440) — авторизованная машинопись, чистовая машинопись переводов Ахматовой из Малинаускайте-Эгле и автографы (отрывки) с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова».

В конце 1959 г., составляя план «Женской антологии», Ахматова намеревалась включить в нее десять поэтесс, в том числе двух литовских — Саломею Нерис, переводами которой должна была открываться антология, и Малинаускайте-Эгле (ЗК, 92).

381 К Неману. Гедимин, Гедиминас — великий князь литовский (1316—1341), именовавший себя «королем Литвы и Руси». Вел победоносные войны с немецкими рыцарями, расширил пределы Литовского княжества.

382 Литовские леса. Крижаки — крестоносцы, рыцари Тевтонского ордена. В авторизованной машинописи ОР РНБ — зачеркнутый вариант 1-й строки 13-й строфы: И криком поросль юная смутится.

384 Воспоминание о прошлом. Жрицы-вайделотки. — Во времена язычества в Литве — хранительницы вечного огня.

387 Оните и Йонукас. В ОР РНБ — авторизованная машинопись и автограф перевода с подписью «Пер <е-ла> А. Ахматова». Варианты строк: 2: Встанет <Оните,> возьмет лукошко; 25: <Смотрит> Йонас, от восторга млея; 40: Ходит в сад <за вишнями> соседка.

388 Дворянин и мужик. В ОР РНБ — авторизованная машинопись, варианты строк: 77: Пан из кармана <платок> вынимает; 112: Знанья дадут нам <и волю>, и силу. 122: Делит все <тяжести> наших невзгод. 131: Только <ученостью он не гордился>

Саломея Нерис

Саломея Нерис (наст. фам. Бачинскайте-Бучене, 1904—1945) — литовская поэтесса. Родилась в крестьянской семье, в 1928 г. окончила Каунасский университет. Работала учительницей гимназии, в 1936—1937 гг. жила в Париже. Печататься начала в 1923 г., первая книга стихов «Ранним утром» вышла в 1927 г. Последующие книги — «Следы на песке» (1931), «По ломающемуся льду» (1935), «Демядисом зацвету» (1938) и др. В годы советской власти была депутатом Верховного Совета СССР. В 1947 г. за сборник стихов «Мой край» удостоена Государственной премии СССР (посмертно). Народный поэт Литвы (звание присвоено посмертно). Саломея Нерис перевела на литовский язык многих русских поэтов, в том числе и Ахматову.

Договор на перевод 268 строк стихотворений С. Нерис с издательством «Художественная литература» был подписан Ахматовой 23 августа 1952 г. Ахматова перевела 12 ее стихо-

творений и отрывки из поэмы «Литва — земля родная». Переводы, выполненные в начале 1950-х гг., относятся к раннему этапу обретения Ахматовой профессионального мастерства переводчика. Возможно, поэтому в текстах встречаются стилистические и грамматические неточности, «заемные интонации», чего позже Ахматова тщательно избегала. Например, в стихотворении «Летят журавли» — «Мчатся птицы, мчатся тучи» (ср. «Мчатся тучи, выются тучи...» А.С. Пушкина) или «Как умру — не зарывайте...» (ср. «Як умру, то поховайте...» Т.Г. Шевченко).

В декабре 1965 г. над переводами С. Нерис работал А.Г. Найман, о чем сообщал Ахматовой в письмах, но она, по-видимому, в этой работе участия не принимала.

397 Из поэмы «Литва — земля родная». Пташка серая! / Куда ты?.. — Речь идет об эмиграции крестьян из буржуазной Литвы в США, Аргентину и Бразилию, где они попадали на самые тяжелые работы.

400 Коммунары. С. Нерис жила в Париже в 1936—1937 гг. В стихотворении описывается Стена Коммунаров на кладбище Пер-Лашез. У этой стены были расстреляны участники Парижской коммуны.

Винцас Миколайтис-Путинас

Миколайтис-Путинас Винцас (1893—1967) — литовский поэт и переводчик. Тексты переводов Ахматовой были впервые опубликованы во 2-м томе «Сочинений» Ахматовой Н.Н. Глен по автографам из частного собрания. Переведенные Ахматовой стихотворения «Июль» и «Август» входят в цикл «Мои месяцы» книги Миколайтиса-Путинаса «Час бытия» (1963).

МОЛДАВСКАЯ ПОЭЗИЯ

Октябрь. Кишинев. 1951. № 2; *Крученюк П.* Наше утро. М., 1951; *Правдой выверенный путь.* Кишинев, 1954.

Петр Крученюк

Крученюк Петр Аксентьевич (1917—1988) — молдавский поэт и публицист, участник Великой Отечественной войны. Первый сборник стихов «В лучах жизни» вышел на молдавском языке в 1939 г., второй — «Фронтовые стихи» (на русском языке) — был издан Политуправлением Южного фронта в 1942 г. После войны окончил Литературный институт им. Горького в Москве. Автор многих сборников стихов и публицистики, вышедших в Кишиневе и Москве.

Договор с издательством «Советский писатель» на перевод 193 строк Крученюка для детского сборника «Наше утро» Ахматова подписала 29 февраля 1951 г., договор на перевод двух стихотворений Крученюка «Ласточки» и «В моей стране» (62 строки) с Государственным издательством Молдавии 11 июня 1954 г. Всего ею переведены восемь стихотворений П. Крученюка.

НОРВЕЖСКАЯ ПОЭЗИЯ

Григ Нурдаль. Избранное. М., 1953; Стихотворения. М., 1988; *Хагеруп Ингер.* Стихотворения. М., 1956; *Ибсен Генрик.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1958; *Голоса поэтов.* Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965. Вып. 4. (Мастера поэтического перевода). С. 146—156.

Нурдаль Григ

Григ Нурдаль (1902—1943) — норвежский писатель. Первый сборник стихов — «Вокруг мыса Доброй Надежды» (1922) — составили стихи о плавании, которое он совершил матросом сразу после окончания гимназии. Романтика моря и экзотических стран нашла отражение в сборнике стихов «Камни в потоке» (1925). Учился в университетах Осло и Оксфорда, написал диссертацию о Киплинге, исследование-эссе «Рано умершие» о Китсе, Шелли, Байроне. В качестве корреспондента работал в Китае, СССР (1933—1935), поверил в неизбежность революции для преобразования несправедливого социального устройства мира. Участвовал в антифашистской борьбе испанского народа (1937), сражался против гитлеровских оккупантов. Погиб на борту бомбардировщика во время налета на Берлин. Норвежский писатель Иохан Борген писал в предисловии к своей монографии о Н. Григе: «Имя Нурдаля Грига было знаменем для норвежцев. Он пал в ночь на 3 декабря 1943 года, на 42-м году жизни. Он был капитаном норвежской армии, военным корреспондентом. Как поэт и человек, он является центральной фигурой в норвежской жизни, более того — символом. Его смерть — последний его подвиг, последний призыв к живущим» (цит. по вступ. статье Н. Крымовой и В. Неустроева в сб. Н. Грига «Избранное», 1953).

Договор на перевод стихотворений Н. Грига для его книги «Избранное» с издательством «Художественная литература» (172 строки) был подписан Ахматовой 9 августа 1952 г. Перевод одного стихотворения Н. Грига, опубликованного под именем Ахматовой, — «Герд» — выполнен Н.И. Харджиевым, возможно, при участии или под редакцией Ахматовой (см. разд. «Коллективное»).

415 Песнь Вардэ. Вардэ — город на севере Норвегии. Фохт — королевский чиновник.

416 «Эйдсволл» и «Норвегия». «Эйдсволл» и «Норвегия» — названия кораблей, участвовавших во Второй мировой войне и потопленных фашистами. Эйдсволл — город, в котором была принята норвежская конституция, символ независимости Норвегии. По мнению авторов вступительной статьи к сб. «Избранное» Н. Крымовой и В. Неустроева, в этом стихотворении Н. Григ «гневно разоблачал буржуазных дельцов Норвегии, предававших национальные интересы, сотрудничавших с оккупантами и нажившихся на войне». Перевод Ахматовой не содержит этой темы; он был опубликован один раз, в дальнейшем в изданиях Грига был заменен другим переводом, выполненным Е. Аксельрод («Эйдсволл» и «Норге»).

Генрик Ибсен

Ибсен Генрик (1828—1906) — великий норвежский драматург и поэт. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 256—259) — черновые и чистовые автографы переводов с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой». По утверждению Н.И. Харджиева, одно стихотворение — «В этом доме они...» — переведено им. Однако наличие в архиве Ахматовой чистового автографа этого перевода с ее подписью: «Пер<евела> А. Ахматова» — опровергает это утверждение. Кроме того, на обороте листа с переводом стихотворения «Светобоязнь» имеется подсчет переведенных строк рукой Ахматовой: Светобоязнь — 32, В этом доме — 12, Эмме — 22, В альбом — 6. <Всего> 72.

418 Светобоязнь. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 258) — несколько автографов перевода в двух вариантах. Ранний вариант имеется в виде черновика, а также записан начисто как параллельный текст с вариантом более поздним:

1) Когда ходил я в школу,
Был смел до тех лишь пор,
Покуда день веселый
Не мерк в вершинах гор.

Но чуть лишь тени ночи
Сюда сойдут с высот,
Мерещились мне очи
Чудовищ из болот.

Но отчего, не знаю,
Теперь души моей
Я мужество теряю
От солнечных лучей.

<Беду познал иную>,
Беда пришла иная,
Шум жизни — словно казнь...
И льется ледяная
Мне прямо в грудь боязнь.

Я в темный угол прячусь
От света с этих пор.
Там полн мечтой горячей
И смел я как орел.

Борюсь я с океаном,
Я — сокол в облаках,
Лишь под ночным туманом
Я забываю страх.

Но мрак исчез, и верьте:
Я вновь едва дышу...
И лишь борясь со смертью,
Я подвиг совершу.

2) Я как храбрец из школы
К себе домой бежал,
Покуда луч веселый,
Луч солнечный играл.

Дремота ль взор смежала —
Я признаюсь, тогда
Вся храбрость исчезала
Неведомо куда.

Теперь беда иная:
Мила мне ночи тень,
Но смелость я теряю
С рассветом каждый день.

Теперь дневные тролли
И шума жизни жуть
Мне страха острой болью
Пронизывают грудь.

Я в уголке, под тенью
Ночной, приют нашел
И там мои стремленья
Взмывают, как орел.

Огни и океаны
Крушу, как сокол, в прах,
Но лишь уйдут туманы,
Опять приходит страх.

Под игом синей тверди
Я мужества лишен.
Но верю — подвиг смерти
Мной будет совершен.

Перевод А. Ахматовой.

419 В альбом композитора. Посвящено композитору Эдварду Григу (1843—1907). *Орфей зверей игрою усмирял...* — Герой древнегреческого мифа Орфей очаровывал своим пением не только людей и животных, но даже камни. В черновом автографе РНБ варианты строк: 1—2: Орфей игрою усмирял зверей. / Он искры исторгал из всех камней. 4: А диких тварей предовольно стало. 5—6: <Ты покажи> могущество свое / <Играй, чтоб все переморить зверье> / Исторгни искры и <мори> губи зверье. Пер<евод> А. Ахматовой. Другой (чистовой) автограф точно соответствует печатному тексту и тоже имеет подпись Ахматовой.

420 Эмме Клингенфельд. Обращено к немецкой поэтессе Эмме Клингенфельд, первой переводчице Ибсена на немецкий язык. В ОР РНБ черновой и чистовой автографы раннего варианта перевода. Варианты строк: 9—10: Снова шлю я повесть, что тебе сложил. / Вот она — в ней прежних нет могучих сил. 12: И над ней поутру солнце не взойдет. 17: Вот фиорд Тронхейма пред тобой открыт.

Но иную книгу шлю тебе теперь. — Речь идет о драме Ибсена «Фру Ингер из Эстрота». Далее названы героини этой драмы — *Элина* и ее мать, *фру Ингер*. *Изар* — река в Германии, на которой стоит Мюнхен, в котором живет переводчица Эмма Клингенфельд.

421 «В этом доме они...» В чистовом автографе ОР РНБ с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова» — ранний вариант строки 12: А ему свое прежнее счастье.

Н.И. Харджиев, заявивший свои права на этот перевод, считал, что в книге «Голоса поэтов» его текст искажен, и предлагал свой вариант последних двух строк: Не найдет она веры сгоревшей своей, / Не найдет он сгоревшего счастья. Однако его предложение не было учтено, а может быть, — и не было известно ни Ахматовой, ни составителям сборника «Голоса поэтов» А. Тарковскому и редактору выпуска М. Зенкевичу.

Ингер Хагеруп

Хагеруп Ингер (1905—1985) — норвежская поэтесса, драматург и прозаик. Первый сборник стихов «Я заблудилась в лесах» вышел в 1939 г. В годы немецко-фашистской оккупации Норвегии патриотические стихи Хагеруп распространялись нелегально. В годы войны книги ее стихов издавались в Швеции (сб. «Дальше», 1944). В последующих книгах Хагеруп собраны стихи на философские темы, любовная лирика, пронизанные юмором детские стихи.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 426—428) — авторизованная машинопись переводов И. Хагеруп, выполненных в 1956 г., с подписями: «Пер<евела> А. Ахматова».

421 Карин Бойе. Посвящено шведской писательнице Карин Бойе (1900—1940).

423 Нурдаль Григ. В ОР РНБ имеется дата — подзаголовок: «Декабрь 1953», указывающая, что стихотворение написано к десятилетию со дня смерти поэта-антифашиста Н. Грига.

424 Прелюдия. В ОР РНБ авторизованная машинопись с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова». Строки 5—6: Где разукрасили сирень / Лиловые огни. В печатном тексте — «Где разукрасила сирень Лиловые огни», что, по-видимому, является опечаткой. Исправляем строку 5 по авторизованной машинописи.

«Ты хотел, чтоб милой безделушкой...» В ОР РНБ машинопись перевода с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова». Разночтение с печатным текстом в последней строке. В машинописи: И я отрекаюсь от себя.

ОСЕТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Осетинская литература. М., 1952. С. 98—101, 122, 231, 263, 280, 337, 343; *Хетагуров Коста*. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1951; Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Дзауджикау, 1951; Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1959; Стихотворения и поэмы. Л., 1959. (Б-ка поэта. Малая серия); *Ахматова А.* Стихотворения, М., 1958. С. 122—123; Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 355.

Ахматова перевела произведения семи осетинских поэтов. 8 августа 1951 г. она подписала договор с издательством «Художественная литература» на перевод стихотворений нескольких осетинских авторов для сборника «Осетинская литература» (416 строк), по подстрочникам. 17 декабря 1951 г. ею был подписан договор на перевод поэмы К. Хетагурова «Кто ты?» (260 строк), для издательства АН СССР, с оплатой как за переиздание. Поэма была издана в т. 1 Собрания сочинений Коста Хетагурова в том же году и в дальнейшем переиздавалась во всех собраниях сочинений классика осетинской литературы.

Коста Хетагуров

Хетагуров Коста (1859—1906) — осетинский писатель, основоположник осетинской литературы.

425 Кто ты? В ОР РНБ (ф. 1973, ед. хр. 430) — авторизованная машинопись перевода с подписью: «Перевела А. Ахматова». Варианты строк: 2—4: О, я не уздень / Не так я прекрасен, / Как радостный день. 7: И выткано дома; 9—12: Ношу я арчиту, / И пояс мой — прут. / Но кто я? — послушай / Внимательно тут. 17: И мать родила там; 19: Ей места почище; 21—24: Доселе то место — / Позора печать... / Больным я не смею / Здоровья желать, —

26: Им бедный помочь... 63: Но труп его редко; 65—68: За туром гоняясь, / Был смел мой отец / И в пропасти горной / Нашел свой конец. 79—80: Уже не малец я, / Хоть взрослым не стал. 86—94: В убогом жилье, / Чтоб сам о своем он / Подумал житье. / Какое же бремя / Мальчишке нести? / Пришлось за харчи мне / Ягняток пасти. / Я жил у соседей, / На сене я спал, 97—98: И вот из подпaska / Я стал пастухом. 112: На этом пути. 122—130: Угодья мои? / Они на поминки / По мертвом пошли. // Я долгие годы / Богатым служил. / Работал, работал, / Но редко тужил. // И всякого понял / Я суть ремесла, 142—144: Ты, сердце мое! / Ну, как одолеть мне / Упрямство твое?! 147: А ночью желает; 149—160: Как сердце ликует / В свободе своей, / Бурлит и клокочет / Не хочет цепей. / Завиден твой, дева, / Удел золотой, — / Ты сердце пленила / Своей красотой. / Любовь, ты безумных / Виновница дум! / Что далее будет, — / Не ведает ум. 167—168: Забыв о работе / И жизни не рад. 174: Взглянула она; 176—180: Как зорька ясна. / Кобур подарила, / Как нежный привет, / Хоть я не любитель / Носить пистолет. 193: На склонах потоки; 198—200: А сердце — огонь! / Эй — мардза, наш парень, / Такого не тронь! 209—210: Всю эту скотину / Я солью кормил, 213: Им всем угодил я; 217—219: Пред бедными гордый / И замкнутый он, / С соседями грубый; 224—226: И в ярости мать. / Я с ней сговорился, / Согласна. Да ведь; 228: Взбешенный медведь. 234—236: Кто бросит труды? / О, как одинок ты, / Беспомощен ты! 239: Что он покалечит; 246—247: Решили опять, / И этому только; 252: И плачет ручьем. 257—260: Что хочешь, то думай / Об этой любви. / Меня ж «одиноким» / По праву зови.

Уздень — солдат, воин. *Да-да-дай* — непереводимое выражение, традиционный припев в осетинских народных песнях. *Сырдон* — герой осетинского народного эпоса.

Сека Гадиев

Гадиев Сека (Юрий) Куприевич (1855 или 1857—1915) — осетинский писатель, основоположник осетинской прозы. Создатель образов народных героев, защитников угнетенных.

Ахматова перевела два стихотворения Гадиева — «Чермен» и «Ненастье».

434 Чермен. *Чермен* — имя человека из народа, выступившего против угнетателей-князей, образ героя, ставший в Осетии легендарным.

Георгий Кайтуков

Кайтуков Георгий Харитонович (1911—2002) — осетинский поэт. Образование получил в Москве, в 1936 г. окончил аспирантуру. Печататься начал с 1927 г., первая книга стихов «К борьбе» вышла в 1931 г. Военные стихи составили сборник «В дни войны» (1944). В 1950-е годы книги выходили на осетинском и русском языках («Вершины», М., 1952; «Спасибо, люди!», М., 1959). Ахматова перевела одно стихотворение Кайтукова «Ребенку исполнился год».

Дабе Мамсуров

Мамсуров Дабе Хабиевич (1909—1960) — осетинский писатель. Окончил Ленинградский университет, был председателем Союза писателей Северной Осетии. Первый сборник стихов «Первые шаги» вышел в 1931 г. Главная тема стихов — становление нового человека, верящего в светлое будущее. Ахматова перевела одно стихотворение Мамсурова «Я помню».

Грис Плиев

Плиев Грис (Григорий) *Дзамболатович* (1913—1999) — осетинский поэт и драматург. В 1935 г. окончил Театральный институт в Москве, был актером, редактором журнала «Наша эпоха». Участник Великой Отечественной войны. Первый сборник стихов «В крылатые годы» вышел в 1933 г. Стихи военных лет вошли в сборник «Солдат» (1948). Автор трагедии «Чермен» (1949), перевел на осетинский язык Пушкина, Островского, Шекспира.

Ахматова перевела одно стихотворение Плиева — «Будто сразу присмирел...». Оно было опубликовано в кн. «Осетинская литература» (1952 г.) и в т. 2 (с. 355) Сочинений Ахматовой, — в последнем в основу публикации положен другой вариант перевода. Разночтения в строках: 7: И моя кручина вдруг; 9: Друг мой, то не присмирел; 16: Светлый облик твой.

Борис Муртазов

Муртазов Борис Алхастович (р. 1917) — осетинский поэт. Ахматова перевела одно стихотворение Муртазова «Ночь».

Александр Царукаев

Царукаев Александр Ибрагимович (р. 1918) — осетинский писатель. Народный поэт Осетии. Печататься начал с 1933 г. В 1951 г. окончил Педагогический институт в Орджоникидзе, в 1957 г. — Литературный институт в Москве. Автор сборников «Стихи» (1947), «Утренние песни» (1952), «Радуга» (1959), «Колыбель жизни» (1965). На русском языке изданы сборники «Песнь тебе принес я» (М., 1958) и др. Ахматова перевела два стихотворения Царукаева — «Летом» и «Осень в Урсдоне». Одно из них — «Летом» —

было включено в окончательный вариант кн. Ахматовой «Слава миру!», вышедшей в 1958 г. под загл. «Стихотворения» (с. 122—123).

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ

Польская поэзия XIX—XX вв.: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 341—353, 360. Т. 2. С. 275—289, 309—316; Современная польская поэзия. М., 1971. С. 141—145; Москва. 1959. № 9. С. 147—150 (Ю. Словацкий); Словацкий Ю. Избр. сочинения: В 2 т. М., 1960; Лирика. М., 1966; Броневский В. Избранное. М., 1961; Литературная газета. 1964. 12 сент. (Ю. Тувим); Тувим Ю. Стихи. М., 1965; Польша. 1964. № 5 (В. Шимборская); Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965. (Мастера художественного перевода). С. 15—45; Ахматова А. Сочинения: В т. Т. 2. М., 1987. С. 307—316.

Ахматова впервые заинтересовалась польской поэзией в военные 1940-е годы в Ташкенте. Тогда же она, по просьбе Йозефа Чапского и коллектива переводчиков, работавших над переводами стихов современных польских поэтов, посвященных разгромленной фашистами Варшаве, перевела одно стихотворение Ст. Балинского «Варшавская колядка 1939 года» (см. об этом в т. 7 наст. изд.). В записных книжках Ахматовой (РГАЛИ) сведения о начале работы над польскими стихами — Ю. Словацкого — относятся к 1958—1959 гг. Из письма редактора М.С. Живова к Ахматовой (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 815) известно, что поэт В. Броневский лично просил Ахматову при их встрече в Ленинграде о переводе своих стихов. Броневский признался Ахматовой, что горячо любит ее стихи, пытался читать ей ее стихи наизусть, но, по его признанию, она «отмахнулась от своих старых стихов». Поэт и редактор «отобрали подстрочники тех стихотворений, которые, по нашему разумению, могут привлечь Ваше внима-

ние. Если в некоторых случаях мы ошиблись, сообщите, и мы заменим».

В середине 1959-го и в 1963—1964 гг. Ахматова перевела стихи пяти польских поэтов. В ОР РНБ сохранились некоторые договоры на переводы Ахматовой с польского. Договор на переводы для антологии польской поэзии с издательством «Художественная литература» Ахматова подписала 10 августа 1962 г. 8 августа 1964 г. ею был подписан договор на перевод стихотворений Юлиана Тувима.

Критика, и российская и польская, очень высоко оценивала переводы Ахматовой. Ярослав Ивашкевич, один из патриархов польской литературы, писал о них на страницах «Литературной газеты» (1964, 7 января): «Маститая Анна Ахматова превосходно перевела лирику Словацкого, несколько стихотворений Броневского и всю подборку стихов Павлицковской-Ясножевской. Переводы Ахматовой — это ее собственные достижения, ее оригинальные произведения, где не знаешь, чем больше восхищаться — верностью ли оригиналу или же самобытной «*vis ligusa*» (лирической мощью — лат.) поэтессы». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 1811-а) хранится отрывок из польской рецензии Ярослава Ивашкевича на ахматовские переводы, опубликованные в журнале «Москва», — из газеты «Жизнь Варшавы», 24 апреля 1960 г.: «Восхищение вызывают переводы Ахматовой. Именитой поэтессе, выбравшей себе самые утонченные стихи Словацкого («В альбом Марии Водзинской», стихи, обращенные к Бобровым, «Проклятие», «Разлука» и другие), удалось глубоко прочувствовать и тонко передать всю поэтическую музыку Словацкого. Как справедливо заметила где-то Наталья Модзалевская, по-настоящему волнуют лишь такие переводы, в которых поэт-переводчик находит общий тон с автором. Несомненно, такое отдаленное внутреннее родство существует между поэтикой Словацкого и поэтикой Ахматовой.

Именно поэтому переводы русской поэтессы так близки к совершенству».

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 357—361, 380—403 и др.) хранятся многочисленные автографы, авторизованная машинопись и корректуры переводов Ахматовой. В статье Н.И. Харджиева «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой» (Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. М., 1992. С. 232) он писал: «Некоторые мои переводы включены в изданный в 1968 г. сборник «Мастера русского поэтического перевода» (Тувим, Броневский и др.)». Однако установить точнее степень участия Харджиева в переводах этих поэтов в настоящее время не представляется возможным.

Юлиуш Словацкий

Словацкий Юлиуш (1809—1849) — польский поэт и драматург. В юности писал романтические поэмы об одиноком и разочарованном герое, исторические драмы в духе Шекспира. Восстание 1830—1831 гг. и борьбу Польши за независимость приветствовал циклом гражданских романтических стихов. После поражения восстания покинул Варшаву и жил в Париже, где в 1832 г. вышли две его книги стихов, в Женеве и во Флоренции. Революционный романтизм зрелого творчества соединен с мистико-мессианскими идеями, что привлекло к поэту внимание русских символистов, прежде всего Бальмонта и Брюсова. Лучшими переводами Словацкого на русский язык считаются переводы Ахматовой, Л. Мартынова, Б. Пастернака.

Работа над переводами стихов Словацкого была начата Ахматовой в 1958 г. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 952) сохранилось письмо к Ахматовой редактора издательства «Художественная литература» Н. Подольской: «...Ваше согласие перевести стихотворения Ю. Словацкого нам очень приятно.

И в Польше Ваше участие в юбилейном издании будет встречено с энтузиазмом и радостью».

К июлю 1958 г. Ахматовой были переведены пять стихотворений. В июне 1959 г. она вносит поправки в один из сонетов, в июле того же года в записных книжках появляются записи о том, что переводы Словацкого будут напечатаны в сентябре в журнале «Москва» и в сборнике — т. е. в отдельном издании Словацкого. В 1963 г. Ахматова размышляет над составлением книги своих переводов, куда намеревается включить стихи Словацкого, Тувима и Шимборской.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 357—361) — автографы, авторизованная машинопись, корректурные листы с правкой всех переводов Ахматовой из Ю. Словацкого.

443 В альбом Марии Водзинской. Мария Водзинская (1819—1896) — дочь польского шляхтича, с семьей которого Словацкий познакомился в 1833 г. в Женеве, когда оказался в эмиграции. С ними Словацкий совершил девятидневную поездку в Альпы, впечатления от которой составили позже содержание его поэмы «В Швейцарии». В автографе ОР РНБ после текста дата: «Февраль 1835 г., Женева». Здесь же (ф. 1073, ед. хр. 358) — другой вариант перевода, автограф и машинопись:

В АЛЬБОМ МАРИИ ВОДЗИНСКОЙ

Они там были, где гор вершины,
Где подле сосен по Божьей воле
Меж кипарисов хижин руины,
Звон от отары, бредущей в поле.
Над водопадом от брызг сиянье,
Где крик вороний в камнях теснины,
И там свершилось их расставанье.

А через годы им, пилигримам,
 Рожь васильком каждым кивает
 И сердце дышит родимым дымом,
 И у порога их мать встречает.
 Братья и сестры, друзья... Все снова
 В сборе, для пира столы накрыты,
 Чаши с вином кипящим готовы,
 Все здесь, и нет лишь навек забытых.

Мария настроить лютню велела
 Для танцев, потом сказала соседу:
 «Кого-то нет...» Уже пролетела
 Танцующих пара, — прервав беседу...
 «Он умер». «Там тихо?» «Нет, птичьему бреду
 Внемля, рыдает над мертвым телом
 Береза».

В машинописную копию этого автографа внесены изменения в строках: 6—7: И крик вороний в камнях теснины. / Там совершилось их расставанье. 9: Рожь василечком каждым кивает, 15: Все здесь, и нет здесь навек забытых.

444 Проклятие. Стихотворение отражает сложные отношения поэта с дочерью хозяйки пансиона в Женеве, Эглантиной Патте, не простившей ему увлечения Марией Водзинской. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 360) автограф и корректурный лист с правкой и пояснением к строке 8: «Пусть слышит», — сама говорила с собою». В оригинале — «стонала и говорила — пусть слышит».

445 Разлука. В польском литературоведении существуют два мнения об адресате этого стихотворения. Оно посвящено либо Марии Водзинской, либо матери поэта, Саломее Бекю. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 361) — автограф, корректурный лист и машинопись. Варианты строк в автографе:

22: Что избрал я твоею звездою <заветной>. 24: В двух оконцах горят под горою <приветной>. После текста: «Над Женевским озером. 1835» В корректуре пояснение к строке 15: «Мне под окна, увы, не осмелишься даже»: «В оригинале: ты не знаешь (п.ч. она не была в Швейцарии), что надо...»

444 Анеле Мощенской. Сонеты I и II. В ряде изданий имя адресата переведено как «Александре Мощенской». Сонеты были написаны во Флоренции, с семьей Мощенских поэт познакомился в июне 1838 г. Всего Словацким было написано четыре сонета, но сохранились лишь первый и четвертый.

Сонет I. В ОР РНБ — корректура с правкой в строке 8. Было: «Сталью себе я разрежу суставы». После текста: «Октябрь 1838. Флоренция».

Сонет II. В РНБ — автограф с подписью: «Пер<е>вела> А. Ах<матова>». Тут же имеется другой вариант перевода, — возможно, более ранний или не принадлежащий Ахматовой:

СОНЕТ II

АНЕЛЕ МОЩЕНСКОЙ

Как сердцем гневен я; огонь потоком
И скорбь во мне бушует непрестанно.
Мне сердце вырвать из груди желанно,
И искушать, и выбросить далеко.

Горя твоей любовью неустанно,
Досель не стало это пламя чистым.
Так мне ли сердцем девственно-огнистым
Тебя назвать женой, судьбою данной.

Нет, лучше ад, чем на холодном теле
 Покоить лоб мой, мудрый и горячий,
 Лобзать уста, что рассуждать умели,

Но были чужды радости и плача.
 Мне пламенному жить с такой скалою!
 Нет, лучше тлеть в могиле под землею.

Тамплиер — член католического духовно-рыцарского ордена, основанного в 1119 г. после первого Крестового похода для защиты паломников.

447 В альбом Зофье Бобровой. Адресовано польской девушке Зофье Бобровой, с семьей которой поэт познакомился в Дрездене и вновь встретился в 1840 г. в Париже. Словацкий посвящал стихи матери Зофьи, Иоанне Бобровой, и ее сестре Людвике. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 359) — автограф, корректурный лист и машинопись перевода. Разночтения в автографе: строки 15—16: Мне, Зося, привези тех звезд сиянье / И запахи цветов моих родимых. 17—18: <Помолодеть мне нужно, дорогая! / Вернись ко мне из Польши, как из рая!> Заглавие — «В альбом Софье Бобровой». После текста дата: «13 марта 1844 г. Париж» и подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой».

Владислав Броневский

Броневский Владислав (1897—1962) — польский поэт. Участник Первой мировой войны. Учился на философском факультете Варшавского университета. Первый сборник стихов «Ветряные мельницы» издан в 1925 г. Продолжатель традиций революционного романтизма в польской поэзии, создатель образов пролетарских борцов, гражданской патриотической лирики. В годы Второй мировой войны жил в СССР, Ираке и Палестине, где в 1943 г. был издан его

сборник стихов «Штык к ружью». После войны воспевал социалистическое строительство новой Польши, создал цикл трагических стихов на смерть дочери. Кроме того, Броневский известен как автор проникновенной любовной лирики. Поэт выступал также как критик и переводчик — он переводил прозу и стихи, в частности Маяковского, Есенина, Пастернака и др.

Ахматова работала над переводами Броневского по личной просьбе поэта Марка Семеновича Живова, редактора и переводчика стихов польских поэтов.

448 Warum? Warum — почему (нем.). Так называется небольшая фортепьянная пьеса Р. Шумана. В ОР РНБ (ф. 1973, ед. хр. 402) — авторизованная машинопись перевода «*Warum?*» с правкой в строке 14: И <мрачных> столько вспышек грозových

Последнее стихотворение. Огневица — горячка, лихорадка (др.-русс.).

Мария Павликовская-Ясножевская

Павликовская-Ясножевская Мария (1893—1945) — польская поэтесса и драматург. Первый сборник стихов «Воздушные замки» вышел в 1922 г. Затем в 1920—1930-е гг. она издала более десяти поэтических сборников. В предвоенные годы в стихах поэтессы оптимистическое мировосприятие сменилось тревожным предощущением надвигающейся катастрофы. В годы Второй мировой войны жила в Англии, где вышли сборники ее стихов «Роза и горящие леса» и «Жертвенный голубь», пронизанные тоской по родине. Мастер изящной поэтической миниатюры.

Ахматова переводила стихи Павликовской-Ясножевской в 1962 г. для второго тома антологии «Польская поэзия». Среди записей июня 1962 г. в одной из рабочих тетрадей

(РНБ) — перечень переведенных Ахматовой стихов Павликовской-Ясножевской с подсчетом строк: «Мария Ясножевска-Павликовска. 1. Ураган — 4; 2. Трены Вислянские — 32; 3. Птица — 14; 4. Ника — 4; 5. Подсолнечник — 12; 6. Ива у дороги — 8; 7. Недоразумение — 8; 8. Быть цветком — 5; 9. Смерть кариатиды — 25. <Всего> 112 строк». К последнему № 9 приписка: «Ввела новую строчку!». Действительно, в переводе «Смерть кариатиды» введена строка 17, обозначенная точками.

453 Ника. Самофракийская Ника — мраморная статуя греческой богини победы и сражений (ок. 190 г. до н.э.), найденная на острове Самофракия и хранящаяся в Лувре.

454 Смерть кариатиды. Каська — героиня драмы польской писательницы Габриэлы Запольской «Каська-кариатида», впервые поставленной на сцене в 1895 г.

455 Трены вислянские. Трены — поминальные плачи, жанр, распространенный в польской поэзии. Здесь: поминальные плачи по реке Висле, родине поэтессы, живущей в эмиграции. Из краковского дождя. — Павликовская-Ясножевская родилась в Кракове, там прошло ее детство и там же она училась в Академии художеств.

457 Ива у дороги. Словом «ива» Ахматова передала название дерева «ветла». Подстрочный перевод польского текста позволяет оценить точность и мастерство ахматовского перевода: «Польская ветла, кривая; согнувшаяся, раз за разом в нее ударяют молнии. У нее тысячи ветвей, зеленых от листьев, прямых, подобных лучам, которые бьют из ее груди, как стрелы-молитвы, возносящиеся вверх! К небу в экстазе! У меня большое чувство к этой ветле! Как она верит в жизнь! И мы давайте верить...» (Подстрочник выполнен В.Л. Британишским).

Вислава Шимборская

Шимборская Вислава (р. 1923) — польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии (1996). Окончила Краковский университет, печатать стихи начала с 1945 г. В 1950—1970-е гг. вышли ее сборники стихов «Для этого мы живем», «Вопросы, обращенные к себе», «Призыв к Йети», «Соль», «Сто радостей», «Всякий случай» и др. Для ее поэтического творчества характерны философская углубленность, напряженность чувства, мастерское владение техникой стиха.

В рабочих тетрадях Ахматовой упоминание о переводе 32 строк Шимборской впервые появляется летом 1963 г. Осенью того же года — записи, свидетельствующие об интенсивной работе Ахматовой над переводами сербов и словаков, и упоминание о работе над «полькой» — т. е. над переводами Шимборской: «Узнать у Юли <Ю.М. Живовой. — Н.К.>, когда договор на книгу переводов. Звонить Арсению <Тарковскому. — Н.К.> Сделать польку. Корректуру словаков» (ЗК, 410).

В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» (РГАЛИ), среди записей 1963 г. — черновые и чистовые автографы переводов стихотворений Шимборской — «За вином» (л. 84—87), «Баллада» (л. 87—88) и начало перевода «Голодный лагерь под Яслем» (л. 88 об. — 89). Имеются подписи «Пер<евела> А. Ахматова». 18 декабря 1963 г. — запись: «(Сдаю переводы Шимборской и болгарина). Договор». В начале 1965 г., работая над переводами Тувима и Леопарди, Ахматова планирует также перевести 400 строк Шимборской. Однако эти планы, по-видимому, не осуществились. В конце 1965 г. Ахматова включила имя Шимборской в список из десяти поэтесс «Дамы», которых она переводила (рабочая тетрадь «Лермонтов», л. 248).

ра и редактора. После текста имеется подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

460 За вином. В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» — несколько автографов ранних вариантов перевода. На л. 84 неполный набросок начала и конца стихотворения:

ЗА ВИНОМ

<Он взглядом подарил мне красоту>

Взглянул и красоту мне подарил,

Ее себе как собственность взяла я

И сразу проглотила, как звезду.

Взяла я право выдуманной быть

В его глазах

.....

Так Ева — из ребра, из пены — Афродита,

Юнона — из <Зевесовой главы>

главы отца богов

Казались не реальнее меня.

Когда он на меня уже не смотрит,

Свое я отражение ищу,

И вижу на совсем пустой стене

Гвоздь, на котором мой <сиял> висел портрет.

На том же листе — попытка изменить ритм перевода, для образца приведена строка из «Буревестника» М. Горького: «Над седой равниной моря»: <Взглядом дал ты красоту> мне, / Как свое ее взяла я — это начало работы над будущим печатным вариантом перевода. На л. 84 об. — продолжение работы от строки «Стол как стол, вино такое ж...» Разночтения в строках: 11: А я выдумана милым / <Выдумана совершенно>; 13: Так что и сама не верю / Говорю с ним как попалю; 29: Но когда он взор отводит; 32: Гвоздь, где мой висел портрет. <откуда снят портрет>. На л. 86 об. — 87 — чис-

товой вариант перевода. Небольшие разночтения по сравнению с печатным текстом, частично совпадающие с черновым автографом, в строках: 11: А я выдумана милым; 13: Так что и самой смешно. 32: Гвоздь, где мой висел портрет. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

Юлиан Тувим

Тувим Юлиан (1894—1953) — польский поэт. Печать стихов начал с 1913 г. Первые сборники стихов — «Подстерегаю бога (1918), «Пляшущий Сократ» (1920), «Седьмая осень» (1922), «Четвертый том стихов» (1923), «Чернолесье» (1929), «Цыганская библия» (1933) и др. Философской основой поэтической позиции Тувима этого времени было оптимистическое жизнеутверждение («витализм»), борьба с мистицизмом символистской поэзии, постепенно уступающие место рефлексии и трезвому анализу современной действительности. В 1920—1930-е гг. поэт активно сотрудничал во многих газетах и журналах Лодзи и Варшавы, в том числе сатирических, обличая социальные несправедливости и нарождающийся в мире фашизм.

В сентябре 1939 г., в начале Второй мировой войны, эмигрировал — в Румынию, потом через Югославию и Италию во Францию и Португалию. С 1942 г. жил в Нью-Йорке, участвовал в антифашистской борьбе, печатался в лондонском польском журнале «Новая Польша». В 1946 г. вернулся на родину. Его сборник «Новое собрание стихотворений» (1953) прославлял строительство новой Польши. Тувим был большим другом Советского Союза, перевел на польский язык многие произведения русских классиков и советских поэтов.

Ахматовой впервые предложили перевести Тувима в редакции издательства «Художественная литература» (Гослит) в мае 1964 г. — об этом есть запись в рабочей тетради

(РГАЛИ) 29 мая 1964 г.: «Предлагают египтян (Восточная редакция) и Тувима (Польская)». В конце июня она получила подстрочники. В рабочей тетради появляется список пяти стихотворений Тувима, которые, по-видимому, Ахматова намеревается переводить, с подсчетом строк: «Тувим + Цыганская библия — 25, Счастье — 17, Просьба о пустыне — 25, Наблюдение — 8, Всегда мне — 5. <Всего> 80».

Среди переведенных Ахматовой из этого списка — «Цыганская библия», «Счастье», «Просьба о пустыне».

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 403) также имеется список стихов Тувима, переведенных Ахматовой, с пометой «В архив». В этом списке есть и вычеркнутые названия (три из пятнадцати, плюс одно вписано вместо вычеркнутого): «1. Всё; 2. Сказать тебе не смею; 3. Песенка; 4. Ты; 5. Воспоминание; 6. Гроза или любовь; 7. Темное небо; 8. Острое стихотворение о сирени; <9. Умер>; 10. Вечернее стихотворение; 11. Темная ночь; <12. Покажись издалика>; 12. День; 13. Посреди дня; <14. Темное небо>; 15. Олень».

К сентябрю работа была в основном закончена, и Ахматова выслала переводы «заказным Гослит» на имя М.С. Петровых. 7 сентября в записной книжке появляется помета: «Тувим, исправить два стихотворения и послать Марусе». Тогда же, в сентябре, Ахматова перевела еще одно стихотворение Тувима — «Сирень», которое было опубликовано в «Литературной газете» 12 сентября 1964 г. под названием «О сирени». В Гослите ее переводы (200 строк для издания: Ю. Тувим. Стихи. М., 1965, которое готовили М.С. Петровых и Д.С. Самойлов) были одобрены, и ей выплатили 60% гонорара.

Двенадцать переводов Ахматовой из Тувима вошли в кн. «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой» (1965. С. 27—35). Осенью 1964 г. она получила 60% гонорара и за эту книгу, что означало одобрение издательства. Редактор сборника «Голоса поэтов» М.А. Зен-

кевич писал Ахматовой 22 апреля 1965 г.: «...Я с удовольствием еще раз перечел все Ваши переводы, которые мы включили с Вами, — новыми для меня были только Ваши переводы стихов Тувима, блестяще переведенные. Вообще сборник получился, несмотря на сборный состав, очень цельный, — на нем лежит яркий блеск Вашего таланта» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 823). Некоторые переводы Ахматовой остались неопубликованными. Они печатаются нами по рукописям. В ОР РНБ — подстрочники, многочисленные автографы и авторизованные машинописные копии переводов Ахматовой из Тувима (ф. 1073, ед. хр. 380—403).

461 Песенка. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 390) — подстрочный перевод: «Тихие мои думы (думы молодого чела) — скажите ей, скажите, что я не помню о ней... ..Скажите ей, скажите, что я очень тоскую по ней. Вздохи мои, вздохи, поплывите к ней. Скажите ей, скажите, что я не знаю уже, кто она... ..Скажите ей, скажите, что сердце умирает от горя». Дата: 1912 г. Здесь же авторизованная машинопись перевода с подписью: «Пер<евела> Ахматова», и вариантами строк: 2: Скажите ей, что больше не помню я такую... 4: О вздохи мои, вздохи, с ней рядом проплывая,

Сказать тебе не смею. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 394) — подстрочный перевод: «Не могу тебе сказать, какая это безбрежная печаль: день сегодня такой белый и такой снежный... Не могу тебе сказать, как мне бесконечно грустно: но ты, наверно, не знаешь, что значит слово «грустно». Ах, наверно, ты также не знаешь, что значит «безбрежная печаль». Это ничего... Это ничего не значит... День такой тихий, снежный. Это такие (мои) слова, которые тебя у меня отняли... А может подарили... День сегодня тихий, белый». Дата: 1913 г. Здесь же авторизованная машинопись перевода с подписью: «Пер<евела> Ахматова». Варианты строк

7—8: Мои слова вот эти тебя навеки отняли... / А может подарили... Белы, безмолвны дали. В последнем предложении Ахматова предлагает престановку слов: Безмолвны белы дали.

462 Всѣ. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 383) — подстрочный перевод: «Всѣ отдать тебе: каждый сон и трепет, каждый нерв, каждое движение и шаг! Прошлое — это лишь воспоминание о тебе, будущее — это лишь твой святой взгляд.

Всѣ отдать тебе: каждое биение пульса, и последний грош, и остаток сил. Растратить для тебя свою пылкую молодость, обозначить (отмечать) твой путь сердечной кровью из жил! Отречься! Богохульствовать! Вступить в союз с Иудой! Гравий на твоём пути разгрызть в мелкий песок! Вскричать с вдохновенной верой: «Ах, веди!», когда ты прикажешь идти на смерть! А потом — отдать тебе последний вздох, спокойно, верно умереть у твоих ног и, оглянувшись назад, твердо верить, что я мог умереть только за тебя». Пояснение переводчика: «5 ст. ямб (можно и 3-х ст. дактилем), рифма перекрестная, мужская и женская».

Ранний вариант перевода Ахматовой с правкой в ОР РНБ. Разночтения в строках: 1—2: Всѣ, всѣ отдать: сон каждый, трепетанье, / Движенья все и все шаги подряд! 4: А будущее — твой священный взгляд! 5: Всѣ, всѣ: и пульса каждое биенье, 7—16: Сжечь юность пылкую в одно мгновенье / <И путь отметить твой горячей кровью жил!> / Твой путь отметить жаркой кровью жил! // <Отречься от небес! И взять в союз Иуду!> / Клясть небеса / В пыль <мелкую> разгрызть весь гравий на пути! / И в пыль разгрызть / В восторге закричать: «Пойду с тобой повсюду!» / Вскричать в восторге: «За тобой — повсюду!» / <И воли ждать твоей> — чтоб к гибели идти! / И снова ждать // Потом отдать <тебе> последнее дыханье, / И успокоившись <на-

век>, застыть у ног, / И <посмотрев> поглядев назад, <великое> одно признание / Постичь — что умереть лишь за тебя я мог. Пер<евела> Ахматова.

463 Цыганская библия. В кн. «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой» и в издании «Ю. Тувим. Стихи» — разночтения в последней строке. В издании «Стихи» Тувима строка 25: Но меркнут страницы в тумане. *Громницы* — ритуальные свечи, которые зажигают над умершим.

464 Олень. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 389) — машинопись перевода с подписью: «Пер<евела> Ахматова».

О сирени. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 388) — подстрочный перевод, автограф и машинопись перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: «Острое стихотворение о сирени. Густая сирень торчит торчком, крупнозернистая и мокрая. Тысячекратная, она — готовые стихи, радостно разросшаяся сирень. В шесть часов утра встала ты, девушка, с напряженным сердцем и рвешь из любви ко мне лучистую сверкающую росой сирень. Так рано и уже так жарко. А что же будет в полдень, когда еще сильнее ударит в ноздри запах сорванной сирени! Девушка, вставшая на цыпочки, чьи руки так нежно, с такой надеждой хватают все более густые ветки! Девушка очень счастливая, с письмом, покрытым поцелуями, с письмом жестоко коротким, ну, что же, сердце любить не заставишь. Я содрогаюсь от твоего счастья, я дрожу, как срываемая сирень». В автографе варианты строк: 3: Она как стих пропетый — та пышная сирень. 5—6: Ты, с напряженным сердцем, / Рвешь, нежностью пылая, лучистую сирень. 9: Когда еще сильнее запахнет та сирень. 12—18: Берешь за ветвь ветвь. / Счастливая! — письмо ты / Так трепетно целуешь, / А беспощадно-кратко / От милого письмо. /

Твое мне страшно счастье, / И я дрожу, ты видишь, как та дрожит сирень. Пер<евела> А. Ахматова. В машинописном, более позднем, чем автограф, тексте — варианты строк: 5—6: И рвешь с тревожным сердцем / Вся нежностью пылая, лучистую сирень. 9: Когда сильнее станет благоухать сирень. 12: С надеждою ломаешь за веткой ветку в гуще. Далее текст как в автографе. Подпись: «Пер<евела> Ахматова».

465 Ты. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 399) — подстрочный перевод и два варианта перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: Ты. Ты держишь меня на земле, ты возносишь меня в небеса, ты для меня здесь все, за чем надо идти туда. Я знаю только о тебе и только тебя постиг. На мир я махнул рукой: все равно ничего не понять! Что ни шаг — то новая дорога, что ни мысль, кипящая пучина. Только ты отвечаешь, молчишь ли ты или говоришь. Я слушаю кровь твоего сердца, (которое бьется в белой груди) его шумное биение, я живу безумной любовью в этой жизни, полной смерти. 1915 год». Примечание автора подстрочника: «5-ст. ямб, рифмуются 2 и 4 строки».

Ранний вариант перевода Ахматовой — авторизованная машинопись: первая строфа как в печатном тексте, далее строки: 5—6: Тебя одну я знаю, / Ты до конца понятна. 8—16: Там все уму невнятно. / Мысль каждая вскипает / В бездонной мрачной яме. / Одна ты отвечаешь / Молчаньем <иль> и словами. // Я голос крови слышу, / Стук сердца в груди белой. / Безумной жив любовью / Средь жизни омертвелой. Пер<евела> Ахматова. Второй вариант перевода полностью совпадает с печатным текстом, за исключением правки, предложенной Ахматовой в 3—4 строках: Ты — здесь, хоть за тобою / Стремиться в небо надо.

466 Темная ночь. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 397) — подстрочный перевод и авторизованная машинопись перево-

да Ахматовой. Подстрочный перевод: «Темная ночь. Человек (несущий бремя) с тяжелой ношей, сядь рядом. Давай помолчим, посмотрим в темную ночь. Сними с себя дубовый сундук-ящик и отдохни. Мы оба устремим в темную ночь человечьи глаза. Говорить трудно. Ноша тяжела. Хлеб каменный. Говорить ни к чему. Два камня в темной ночи». Примечание автора подстрочника: «Хорей» и разметка стоп — чередование четырехстопного и двухстопного хорей.

Перевод Ахматовой, отличный от печатного текста: 1—12: Человек под ношей тяжкой, / Сядь со мной. / Помолчав, давай посмотрим / В мрак ночной. // Сбрось с себя / Сундук дубовый, / Отдохни. / В эту ночь глядим как люди / Мы одни. // Горек хлеб, ужасна ноша, / Не молчи. / Речь бесцельна. Мы — два камня / Здесь в ночи. Пер<евела> Ахматова.

466 Темное небо. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 398) — подстрочный перевод и авторизованная машинопись перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: «Темное небо. Как легко стать бездомным и остаться без звезд над головой! Как трудно, как трудно забыть <родимую> родную <бриллиантовую> алмазную глубь. Как легко окрыленному счастьем <взлететь> подняться в небо любви! Как трудно, как трудно потом смотреть тебе в глаза — и верить. По огромному, беззвездному небу куда и зачем мне плыть? Как легко, как сладостно было погибнуть за тебя!».

Ранний вариант перевода Ахматовой с отличиями от печатного текста в строках: 3—4: Но как же душе поступить / С алмазным сияньем бездомным? 7: Как трудно, как трудно потом; 9—10: Беззвездного не переплыть / Мне неба, ни взором окинуть! Подпись: «Пер<евела> Ахматова». В строках 7, 9—10 исправления карандашом — как в печатном тексте.

467 Вечерние стихи. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 381) — подстрочный перевод и авторизованная машинопись перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: «Вечерний стих. Порой в вышине над улицами заходящее солнце раскалывает желтым блеском стены небес на пламенные глыбы. Тогда октябрьские варшавские вечера веют весной и плывут по-весеннему молодые. Сколько у меня было слез и сколько любви, сколько вздохов и счастья в майские ливни, и слов для тебя и огромной нежности: все нисходит ко мне с неба с прежним теплым дуновеньем. И снова я иду легкий, переполненный (во власти) ночью, словно несущий влажный лист на открытом сердце. Тогда в твоём городке темнели каштаны, пахло душистым горошком на сердце под пальто. Плакать, единственная моя, я могу только перед тобой. Ты поймешь. Простишь (отпустишь грехи) покорным взглядом. И найдешь весну влюбленных (в скромных словах) и мою тяжелую горечь в этом вечернем стихе». Автор подстрочника предлагает для перевода либо пятистопный ямб, либо разновидность дольника, с перекрестной рифмой.

Ранний вариант перевода Ахматовой, строки 1—12:

Порой в вышине над домами оранжевый блеск заката
Ярким пламенем дышит пред небесной стеною,
Тогда октябрьской Варшавой весенние, как когда-то,
Плывут вечера молодые и даже пахнут весной.

И все, что я выплакал, слезы и сколько было любви,
И сколько вздохов и счастья в то майское воскресенье,
И слов для тебя, и безмерной нежности в каждом слове —
Все нисходит с небес в теплое былом дуновенье.

И снова иду я легкий и ночь ощущаю в теле,
Словно в груди открытой — сердце с мокрым листочком.
Тогда в твоём городке ряды каштанов темнели,
Пахло душистым горошком сердце твое под платочком.

В последней строфе от печатного текста отличаются строки: 14: Ты поймешь. Ты простишь взлядом очей покорных. 16: И в этих вечерних стихах — тяжесть страданий черных. После текста подпись: «Пер<евела> Ахматова».

467 Воспоминание. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 382) — черновой автограф начала работы над переводом и машинопись полного текста с подписью: «Пер<евела> Ахматова». Машинописный текст совпадает с опубликованным в печати, за исключением двух строк: 13—14: В саду шептал слова тебе, лил слезы, / Тебя молил — уже во власти сна. Подпись: «Пер<евела> Ахматова». Черновой автограф отражает поиск ритма стихотворения. 1—2: Начинается осень мимозой. / <Все в ней хрупко, светло и мило> / Как в ней все золотисто и мило. 4: <Что ко мне с крыльца выходила> / Как та, что; 7—8: А <по улицам> за мною в воздухе свежем. 17—20: И я убаюканный нежными снами / Засыпал <я под лунным> под предутренним светом, / Теша сердце вёснами <былыми> минувшими, / Словно этим золотым букетом.

468 Гроза (Или любовь). В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 385) — подстрочный перевод и авторизованная машинопись перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: «Закрой память, потому что приближается гроза. Ветер раздувает занавески. Приближается гроза, небо нахмурилось, и озирается моими глазами. Закрой глаза, чтобы опустилась ночь на грозное (небо), гремящее далеким гонгом. Занавески развеваются, как призраки. Закрой окно. Приближается отчаянье. Между окном и памятью — сквозняк: черные мысли, ясные глаза, а через улицу — шумные думы и траурные знамена. Закрой жизнь. Открой смерть. Уже <сверкают> молнии». Помета автора подстрочника: «Рифма точная и ассонансы. (Ближе всего к 5-ст. хорю)». Авторизованная машинопись:

Ты память закрой — ведь гроза у предела.
 Проносится ветер по шторам.
 Гроза — и небесная твердь поглядела
 Моим затуманенным взором.

Закрой же глаза, — и пускай ночь ложится
 На тучи, гудящие низко.
 Среди пляшущих штор — словно призрак таится.
 Закрой же окно, — горе близко.

Сквозняк меж окошком и памятью веет:
 Взгляд ясен, и мысли во мраке.
 А там мчатся думы, знамена чернеют,
 Жизнь — прочь! Смерть прими! Молний знаки.

Пер<евела> Ахматова.

469 *Посреди дня.* В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 395) — подстрочный перевод и авторизованная машинопись перевода Ахматовой. Подстрочный перевод: «Посреди дня. Не дивись моей печали, как в пустыне я стою посреди дня в тревоге за каждое мгновение, за каждую мысль: выражу ли ее в словах? Ведь ты слышишь, что я постоянно взываю, и мой крик тонет в пустоте. Бог меня обойдет, как многих других, и я, как они, не справлюсь с жизнью. Он швырнет меня, задыхающегося, на землю, обезумевшего от молитв без эха, и на прах мой — ну, что ж, и это утешение! — пролетит столб (поток) солнечного света». Помета автора подстрочника: «(Можно перевести 5-ст. хореем)».

Авторизованная машинопись раннего варианта перевода Ахматовой:

СРЕДИ ДНЯ

Ты моей не чуждайся печали,
 Я стою среди дня как в пустыне,
 Я в тревоге: скажу ли так ныне,
 Чтобы думам слова отвечали?

Ты же слышишь мой зов неизменный,
 Он из бездны прорваться не может.
 Как других, обойдет меня Боже,
 Как они, в этой жизни я пленный.

Обезумев в мольбе без ответа,
 Я замру на земле без движенья,
 И на прах мой — и то утешенье —
 Хлынут реки небесного света.

Пер<евела> Ахматова.

469 *Просьба о пустыне.* В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 393) — машинопись с правкой и редакторскими пометами. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Правка в строках: 8: В горящий истинной костел. / В тот светлый истинной костел. 9: Чтоб <близость тесная> шакала. На полях вопрос к этой строке: «К кому?» и исправление: Чтоб приближение шакала; 13: <Я — тот> А я, кто вечно в путь стремится; 17—20: В огромной чистой тьме разбудит / Людей далекий скорбный вой. <Он> Всё, всё поймет и не забудет / Шакал — теперь мой брат родной. 22: <В мой взгляд> В меня оставит, не боясь.

470 *День.* В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 386) — авторизованная машинопись с подписью: «Пер<евела> Ахматова». Правка в строках 21—22: <Ветер гнет ствол и> Мучит деревья, листвою машет пышной, / <Зверем> Ветер, в ночи наступающей воя.

471 *Умер.* В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 400) — чистовая машинопись перевода без подписи Ахматовой, с пометой, что стихотворение взято из книги Ю. Тувима «Пляшущий Сократ».

РУМЫНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Антология румынской поэзии. М., 1958. С. 293—294, 517—518, 520, 528—529 (А. Влахуцэ, А. Тома); Иностранная литература. 1956. № 3. С. 3—6 (А. Тома); 1964. № 8. С. 72—79 (Т. Аргези); *Эминеску Т.* Стихи. М., 1958; Румынские баллады и дойны. М., 1965. С. 68—70, 79—81, 84—94; *Ахматова А.* Стихотворения. М., 1958. С. 125; Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 321—323; Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М.: Прогресс, 1965. С. 135—145.

Ахматова начала переводить румынских поэтов в начале 1956 г. Шесть переведенных ею стихотворений А. Тома были опубликованы в журнале «Иностранная литература» (1956, № 3). Восемь переводов Тома и один А. Влахуцэ вошли в «Антологию румынской поэзии» (1958). Один перевод М. Эминеску был включен в его сборник «Стихи». В 1962—1963 г. она перевела восемь стихотворений Т. Аргези. Сохранился договор с издательством «Художественная литература», подписанный Ахматовой 12 сентября 1963 г., на перевод 253 строк для сборника «Румынские баллады и дойны», который вышел в 1965 г. В 1963—1964 гг., начиная составлять свою книгу переводов, Ахматова включила в нее переводы двух румынских поэтов: Тома и Аргези. В 1965 г. в список переведенных ею поэтов из румын Ахматова включила только А. Тома, — видимо, его она ценила особенно высоко. В одной из рабочих тетрадей (РГАЛИ), заполнявшихся Ахматовой в конце 1964 — январе 1965 г., есть знаменательные слова о ее отношении к своим румынским переводам: «Я переводила на русский стихи Тома, Эминеску, Аргези и румынский народный фольклор. Все это по-своему очень замечательные вещи, но мое любимое — «Скиталец» Тома:

Но ты его расспрашивать не смей,
Куда идет, явился он отколе» (ЗК, 579).

Александру Тома

Тома Александру (1875—1954) — румынский поэт, академик, лауреат Государственной премии Румынии. Окончил Бухарестский университет, печататься начал в 1894 г. как революционный романтик. Участвовал в Движении Сопротивления фашизму, после Второй мировой войны издал сборники стихов «Под лучами нового времени» (1944), «К нам идет справедливость» (1945), «Огни на вершинах» (1946) и др. Перевел на румынский язык стихи М. Горького, К. Симонова, А. Твардовского.

Тудор Аргези

Аргези Тудор (наст. имя Йон Теодореску, 1880—1967) — румынский поэт и прозаик, академик, лауреат Государственной премии Румынии. Первые стихи опубликовал в 1896 г., первый сборник стихов «Нужные слова» вышел в 1927 г. В 1930-е гг. издал книги стихов «Цветы плесени», «Вечерняя книжечка», «Другие нужные слова», «Весенние медальоны», «Семь песен с закрытым ртом». Новатор в области стихосложения. Выступал как публицист и сатирик. За публицистические выступления против правительства Румынии оказался в тюрьме в 1930-е гг., за выступления против фашизма в 1940-е гг. был брошен в концлагерь. Стихи Аргези отличаются глубоким гуманистическим и философским содержанием, утверждают «божественное начало» в человеке. После окончания Второй мировой войны писал о человеке-труженике, создателе новой жизни.

В рабочих тетрадях Ахматовой (РГАЛИ) имя Аргези встречается многократно. В феврале 1962 (?) г. записано, что она перевела восемь стихотворений Аргези. В конце 1962 г.: «Сентябрь — румыны 1400. Октябрь — Аргези 1400». Запись 1963 г.: «Аргези. Переводы. 2 ном<ер> Ин<остран-

ной> лит<ературы>». В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» черновые автографы переводов двух стихотворений Аргеzi и список восьми стихотворений, которые она перевела или собирается переводить: «Аргеzi. 1) Плэмпале, 2) Что грустить, 3) Утерянное послание, 4) Потерянные листья, 5) Перекресток, 6) Неизвестн<ому> поэту, 7) Вечерняя песня, 8) Здравствуй, Весна» (л. 34).

В октябре 1963 г. еще одна запись: «...румын в «Ин<остранной> лит<ературе>» — 8 стих<отворений> Аргеzi. Румыны в Слав<янской> ред<акции> — 200» («Тысяча и одна ночь», л. 74). Переводы Аргеzi должны были выйти в феврале, Ахматова ожидала этого с нетерпением. Они были напечатаны в августовском номере «Иностранной литературы» 1964 г. Подстрочные переводы для Ахматовой сделал московский переводчик Михаил Владимирович Фридман, которого Ахматова попросила прочесть стихи Аргеzi по-румынски, внимательно вслушиваясь в их звучание. Когда переводы были изданы, М.В. Фридман оценил их очень высоко как чрезвычайно близкие к оригиналу и высоко поэтические, — «при параллельном чтении оригинала и перевода не чувствуешь сопротивления», «никто не переводил румынских поэтов лучше, чем Ахматова» (из собрания составителя наст. тома).

479 О чем грустить? В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» (1963—1964, РГАЛИ, л. 34 об.) — наброски нескольких строф чернового варианта перевода с разметкой ритма. Вразбивку записаны строки: 1—3: В прекрасной осень печали нету места. / Крыльцо мое — букет, что в храм несет невеста. / Глицинии и плющ обвили мне окно. 5—7(?): И солнышко резвясь в залитом светом зданье / Здесь забывает шлем весь в огненном сиянье / Глицинии и плющ заполнили собою; 15—16: Воркует там любовь — я это ясно слышу — / Ко мне средь голубей слетевшая на крышу. 21—23:

Но иногда она бормочет полусонно: / «Ты в четырех стенах
со мною заключенный / (Ты — прежний, быть со мной на-
век приговоренный). *Трóтуш* — река в Румынии.

480 Потерянные листья. В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» (1963—1964), л. 33 об. — 34 — черновой автограф с правкой раннего варианта перевода Ахматовой под загл. «Потер<янные> листы»:

Уж полстолетья ты терзаешь неустанно
Чернила и слова, томишь перо в руках.
И все ж, как и тогда, победы нет желанной
Все пред тобой они, сомнения и страх —

И для тебя опять, как прежде, мука
Страница белая и вид строки своей
И первого ты так боишься звука,
И буквы для тебя теперь всего страшней.

Когда ж твои листки — исписаны тобою
Они уже летят поверх озерных вод
Скорей из сада прочь, как листья под грозой
Так быстро, что стволу неведом их уход.

Ты в каждом слове чувствуешь содроганье,
Сомненье горькое чернит твои мечты,
Живешь ты, как во сне, в своих воспоминаньях.
Кто руку вел твою, уже не знаешь ты.

Варианты строк: 12: Так что и яблоням неведом их уход.
15: Живешь, как бы во сне, в своих воспоминаньях.

482 Племпáле. В изд. «Голоса поэтов...» к названию стихотворения имеется примечание: «Один из районов Жене-вы, где жил Т. Аргези».

482 *Доброе утро, весна!* В рабочей тетради «Кожаный бювар» (РГАЛИ), л. 10—11 — автограф раннего варианта перевода Ахматовой: 1: Тебя приветствует, Весна, / Моя родимая страна. 4: Погодой прекрасной, безмолвным приветом, 6: Встречает тебя, но пышнее, чем прежде, 9: И даже плющом, молодым и проворным, 10—15: Края ее блещут светло и лазурно / В честь праздника встреч, что наступит безбурно. / В долине ты встретишь сестру дорогую, / Она из кувшина даст воду такую, / Что сладким лобзаньем примнится тебе. 20—24: Так дай же ей руку, о вечная дева, / Вот встреча под звуки святого напева / На светлом пороге в святилище росном. / Вы обе цветения, обе вы — весны. После 15: <Здесь слезы пила ты в минувшие годы / И было кровавое зелье в кувшине / Минувшие годы здесь были унылы / Пила ты / И путь твой усеян был щедро крестами / Когда ты вот эту весну ожидала>.

Варианты строк этого автографа: 6—9: Встречает тебя и росую, и светом / Встречает тебя так же пышно, как прежде / В почти паутинной и тонкой одежде, / Расшитой колосьями, пламенным маком; 11—12: Края ее блещут глубокой лазурью / В честь праздника, что наступает безбурно; 15: Что ты, как лобзание, выпьешь глоток / Что он поцелуем примнится тебе / Что словно лобзаньем примнится тебе. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 342) — вариант отрывка от строки 15: Что сладким примнится тебе поцелуем, / Минувшие годы здесь были унылы. / В дороге встречались кресты и могилы, / Ты шла через силу, не знала веселья / И с болью глотала кровавое зелье.

Михай Эминеску

Эминеску Михай (Михаил, наст. фам. Эминович, 1850—1889) — писатель, классик румынской литературы. Первое печатное произведение написано на смерть его учителя

ля А. Пумнула, участника революции 1848 г. Творчество Эминеску проникнуто революционным романтическим пафосом, исполнено веры в утопические идеи справедливого устройства общества. Долгие годы он жил в Вене и Берлине, после поражения Парижской коммуны в 1871 г. вернулся в Румынию (1874). В 1883 г. в Бухаресте был издан единственный прижизненный сборник стихов Эминеску — «Стихи», за пределами которого остались многие общественно значимые произведения поэта.

Ахматова перевела одно стихотворение Эминеску — «Венера и Мадонна», написанное в ранние годы, когда поэт-романтик верил в возможность примирения сил добра и зла на основе любви.

Александру Влахуцэ

Влахуцэ Александру (1858—1919) — румынский писатель. Был учителем, издателем журналов «Жизнь» и «Сеятель». Последователь поэта-романтика М. Эминеску. Первая книга «Стихотворения» вышла в 1887 г. и была направлена против декадентства и пессимизма, защищала активную общественную позицию поэта.

Ахматова перевела для «Антологии румынской поэзии» одно стихотворение Влахуцэ.

485 Справедливость. *Штефан Великий* — Штефан IV Великий, молдавский господарь (1457—1504), при котором было достигнуто наибольшее политическое единство страны, с XIV в. состоявшей из княжеств Молдовы и Валахии. Возглавил борьбу против турецких завоевателей.

Румынская народная поэзия

Ахматова перевела 16 стихотворений румынской народной поэзии — песни «дойны» — в основном любовного со-

держания и колыбельные. Все тексты, кроме двух, были опубликованы в сборнике «Румынские баллады и дойны». Работать над этими переводами Ахматова начала в 1963 г. Отсылая из Ленинграда в Москву на имя Н.Н. Глен законченные переводы Т. Аргежи, Ахматова писала: «Очень спешу сделать румынские <фольк> песни — это дело сложное» (ЗК, 518). В рабочих тетрадях (РГАЛИ) и в ОР РНБ сохранились многочисленные черновые автографы переводов. В рабочей тетради «кожаный бювар» (РГАЛИ) на л. 43 перечислены имеющиеся подстрочники с указанием количества строк: «1. Знала б мать — 12; 2. Лист зеленый, лист малины — 14; 3. Лист зеленый и еще один — 18; 4. Лист зеленый ветки вялой — 19; 5. Почему качается тополь — 20; 6. Написала я любимому — 27; 7. Лист цикория зеленый — 27; 8. Длинна дорога — 25; 9. Лист нагорного дерева — 25; 10. <. . . > <Всего> 187».

В этой же тетради черновые записи заглавий: «Написала я любимому письмецо», «Опустись, солнце, ниже», «Колыбельные. Зеленый лист мака», «Зеленый лист, словно боб». Записана пушкинская строка в качестве определяющей ритм переводов — «Буря мглою небо кроет».

На последних листах этой тетради еще раз Ахматова перечисляет сделанные переводы и называет те, что еще остались: «1. Лист зеленый и еще один 20; 2. Написала я любимому 28; 3. Лист зеленый цикория 14; 4. Лист зеленый огуречный 14; 5. Почему качается тополь 16; 6. Лист засохшего дерева 20; 7. Знала бы ты, мама 13; 8. Лист зеленый мака 14; 9. Лист земляники 27 верхнего дерева. Осталось: Дорога длинна 12, Словно боб 17, Кто создал любовь. Мамина дочка» (л. 50 об.)

На предыдущем листе (49 об.) названы еще два стихотворения: «Лист зеленый и другой» и «Лист засохшего дерева» и подведен общий итог страниц: 175.

При публикации в сб. «Румынские баллады и дойны» первая строка каждой дойны играет также роль заглавия стихотворения, — сохраняем эту особенность в настоящем томе.

486 Отчего ты гнешься, тополь? В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 342) — черновой автограф раннего варианта перевода:

ПОЧЕМУ КАЧАЛСЯ ТОПОЛЬ?

Что тебе качаться, тополь,
 Без дождя, без бури злой
 И склоняться над землей?
 «Как же мне держаться прямо,
 Коль мое минуло время,
 И зимы познал я бремя!
 Злобный ветер из-за моря
 Мне несет тоску и горе.
 Там, где птички на просторе

 <Гол тогда стою и грустен.>
 Ветер яростный стихает.
 Снова птички улетают.
 Гол тогда стою и грустен.
 Вот зачем без бури злой
 Я склоняюсь над землей.

487 Лист цикория зеленый... В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 342) — черновой автограф раннего варианта перевода:

ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ ЦИКОРИЯ

Лист цикория зеленый...
 И бредут стада по склонам
 В день Марии Пресвятой —

Принимает их долина
 До святого Константина,
 А другой Марии звон
 На пустой падет загон.
 <Встретит загон>
 <Пусты все загоны там>
 Нет хозяев у загонов.

.....
 Только дрозд своим хвостом
 Или певчий дрозд крылом
 И тропинка от загона
 Заросла травой зеленой
 И уже ушли за речки
 И пастушки и овечки.

487 Зелен маковый листок... В рабочей тетради РГАЛИ («Кожаный бювар», л. 9) — черновой автограф наброска части перевода:

ЗЕЛЕНЬЙ ЛИСТ МАКА

Лист зеленый, мак мой сонный,
 Возле дерева Иона
 Дремлют птицы утомленно.
 Лишь одна из них
 Всю-то ночь не спит.
 С ветки на ветку летит.
 О, Ион, Ион — ее стон

 Матери — дома,
 Отцу — в поле

488 Солнышко, спустись пониже... В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 342) — черновой автограф раннего варианта перевода с подписью Ахматовой:

ОПУСТИСЬ, СОЛНЦЕ, НИЖЕ

Опускайся, солнце, ниже,
 День сегодня очень длинный.
 Опустись к лугам измятым,
 Как пастух с овечьим стадом.
 Как коровушки к телятам
 И как матери к ребятам.
 Солнце! опустись чуть-чуть,
 На дитя пора взглянуть,
 Дать пора ребенку грудь.

Пер<евела> А. Ахматова

488 Птенчик мамин, баю-баю... В рабочей тетради РГАЛИ («Кожаный бювар», л. 45 об.) — набросок нескольких строк первоначального варианта перевода:

Баю-баю птенчик мамин

Чтоб бежал ты по дорожкам
 И по ягоды с лукошком.

489 Кто любовь придумать мог... В рабочей тетради РГАЛИ «Кожаный бювар» — набросок нескольких строк раннего варианта перевода:

КТО СОЗДАЛ ЛЮБОВЬ

Кто любовь придумать мог,
 Тело у него — цветок,
 А уста как спелый плод.

Земляники лист зеленый... В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 342) — черновой автограф раннего варианта перевода:

ЛИСТ ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ МАЛИНЫ

Лист зеленый, лист малины,
 Путь к моей любимой длинный,
 Я далеко, ты — далеко,
 Между нами холм высокий,
 Даже два холма меж нами,
 Поросли они кустами.
 Кабы знал, где ждать соседку,
 Каждую срубил бы ветку.

.....
 Ни кукушке, чтобы пела,
 Ни дроздихе, чтоб свистела,
 Ни кукушкам, чтобы звали,
 Ни дроздам, чтоб отдыхали,
 А чтоб нам забыть печали.

Пер<свела> А. Ахматова.

490 Ежевики цвет шелковый... В ОР РНБ
 (ф. 1073, ед. хр. 342) — черновой автограф раннего варианта
 перевода:

НАПИСАЛА Я ЛЮБИМОМУ ПИСЬМЕЦО

Зелен лист малины алой.
 Милому письмо слагала.
 И на кедре написала.
 Туча тот кедр обвеваает.
 Дух мой в муке изнывает.
 Горько милый друг страдает.
 Оттого, что мы в разлуке,
 Терпит милый эти муки.
 Сделай, что захочешь, друг,
 Чтобы слить нам наш недуг.
 Но мой милый всех милей.

<Снова тенью стань моей>
 Много на селе парней,
 Но на свете нет очей,
 Как у радости моей.
 Словно ягода лесная,
 Что растет, лучей не зная,
 Что растет под тенью кедра
 И не знает ласки ветра.

 Обратились бы в пилу
 С широченным полотном
 Гору распилить вдвоем
 И построить новый дом.
 Чтоб разлуки пала тень,
 Чтоб настал свиданья день.
 Ведь мне кажется, что год
 Жду я, милый, твой приход.

491 Лист зеленый и другой... В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 342) — черновой автограф ранних вариантов перевода:

ЛИСТ ЗЕЛЕНЫЙ И ДРУГОЙ

Наряжайся как попало,
 Только б рот твой алым был.
 Только б сладостью дышала,
 Чтоб ты всех опережала.
 Та из шелка платье шьет,
 А у ней зловонный рот
 И огромный как ворота.
 <Я ношу из льна рубаху>
 В чистый лен хожу одета,
 Но уста такого цвета,
 Словно роза среди лета.
 Ждут лобзанья как привета.

Или:

У меня одежды грубы,
 Но как розы эти губы
 И блее лилий зубы.
 Поцелуй меня, мой любый,
 В полотно хожу одета,
 Но во мне вся сладость лета.

492 Лист зеленый над верхушкой... В рабочей тетради РГАЛИ «Кожаный бювар» (лл. 7—8) — автограф раннего варианта перевода:

Лист зеленый там за садом
 Друга нет со мною рядом
 Три гвоздики...
 И все трое принялись
 И одна из них завяла
 Другу я немилой стала
 Лист зеленый, листик дуба,
 Разлюбил меня мой любый...
 Нежным был, а станет грубым...
 Все гвоздики принялись
 Вот и почки на гвоздиках,
 А дружок в скитаньях диких
 Лишь один погибнул цвет,
 А со мною друга нет.

Лист зеленый огуречный
 Где ты нынче, друг сердечный,
 Солнце ль за тобой послать,
 Чтобы в праздник пировать,
 Но как солнцу расскажу я,
 Как по другу я тоскую
 Я pošлю к нему луну,
 Чтоб он знал свою вину.

Но луны лишь половина
 И молчать ей есть причина.
 Луч луны теперь не ярок,
 Не доставит мой подарок.
 С ветром ли тоску <послать>
 Веры ветру больше нет.

494 *Знала бы ты, мама...* Печ. по автографу ОР РНБ, где имеется подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». В рабочей тетради РГАЛИ «Кожаный бювар» (л. 16) — черновой автограф ранних вариантов перевода:

Знала б мать, кому хранила,
 Псам бы доченьку скормила,
 Знала б, для кого растила,
 К рыбам в речку бы пустила,
 Знала б, кто приснился дочке,
 Ты б не сшила ей сорочки,
 Ты б одела бы в рванину,
 Выгнала бы на равнину,
 И в рубашке из крапивы
 <Прогнала меня бы в сени>
 Ночью бы в сенях держала.
 Но в любой води одежде,
 Милый мне милей, чем прежде.

(Но води в одежде грубой, —
 Кто мне нравится — тот любый).

499 *Лист зеленый, словно боб...* Печ. по рабочей тетради РГАЛИ («Кожаный бювар», л. 9 об.).

СЕРБСКАЯ, ХОРВАТСКАЯ И СЛОВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Йованович-Змай Й. Стихотворения. М., 1958; *Максимович Д.* Запах земли. М., 1960; Сербский эпос: В 2 т. М.,

1960; Поэты Югославии XIX—XX вв. Антология. М., 1963. С. 34—36, 63—70, 73—75, 90—94, 113, 116, 333—335 (Станко Враз, Бранко Радичевич, Фран Левстик, Йован Йованович-Змай, Симон Енко, Десанка Максимович); Эпос сербского народа. М., 1963. (Литературные памятники). С. 39—43, 106—109, 119—121, 178, 180—183; Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965. С. 86—134; Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 289—300.

Ахматова начала переводить сербских поэтов в 1957 г. 16 марта 1957 г. она подписала договор с издательством «Художественная литература» на перевод стихов Й. Йовановича-Змая (271 строка) для его сборника «Стихотворения». 13 августа 1958 г. ею был подписан договор на перевод произведений для сборника «Сербский эпос» — 1793 строки, 26 июня 1959 г. — договор на перевод стихотворений Десанки Максимович для ее книги «Запах земли» (261 строка). В 1963 г. 25 мая Ахматова подписывает договор на переводы для антологии «Поэты Югославии XIX—XX вв.» (271 строка).

В рабочих тетрадях Ахматовой (РГАЛИ) — многочисленные записи о работе над переводами для этой антологии. В 1950-е гг. чаще всего она называет Д. Максимович и «сербские песни», в июле 1959 г. записывает, что ею переведены 2000 строк «сербских песен» и 99 строк Д. Максимович (ЗК, 30). В сентябре 1959 г. появляется запись о том, что за обе эти книги ей выплатили по 40% гонорара, означающая одобрение переводов издательством. В ноябре 1959 г. она вычитывает корректуру Д. Максимович и через Л.К. Чуковскую передает вычитанную рукопись в «Славянскую редакцию» Гослита.

В 1963 г. Ахматова задумывает издать книгу своих переводов и составляет список, с каких языков она переводила. Это — болгарский, чешский, словацкий, польский, сербский — она называет Д. Максимович, и словенский — «в антологии», т. е. в книге «Поэты Югославии XIX—XX вв.» она перевела двух словенских поэтов — Франа Левстика и Симона Енко и одного хорватского — Станко Враз. В дру-

гом варианте «Книги переводов» она собирается включить в нее «сербов» — Д. Максимович, песни, Змая (ЗК, 388). Когда книга переводов вышла, Ахматова решила подарить ее четверым из переведенных ею поэтов: Е. Багряне, Д. Максимович, В. Шимборской и А. Герову.

В 1963 г. Ахматова работает над переводами Враз, Радичевича, Енко. Сохранился перечень переданных ей в мае 1963 г. текстов: С. Враз «Щебеча овсянка», Б. Радичевич «Бедная возлюбленная», «Гойко», «Перед смертью», Енко «Весь день у окошка», «В чаще бора темной». К списку — помета рукой исполнявшего секретарские обязанности А.Г. Наймана: «Первые три — без подстрочников. Вторые три — с подстрочниками».

Эту запись позже уточняет Ахматова: «Часы, Беглый король, Береза, Я — сын отечества. Сдала 23. Бедная возлюбленная — 25. Что осталось у меня.

1. Беглый король. 2. Часы. 3. Поле ровное в цветах. 4. Мое сердце лежит.

5. Я — сын отечества» (ЗК, 321).

Переводы Ахматовой были высоко оценены в Югославии, о чем Ахматова знала. Имя югославского критика, писавшего о ее переводах, Льва Захарова, появляется в ее рабочих тетрадях, текст его рецензии переведен для нее на русский язык. Об Ахматовой восторженно пишет Д. Максимович, она переводит на сербский язык стихи Ахматовой.

Публикуя в настоящем томе сербские эпические произведения, изданные в двухтомнике «Сербский эпос» 1960 г., мы должны рассмотреть заявление Н.И. Харджиева, что четыре из этих переводов выполнены не Ахматовой, а им. Харджиев называет: «Пир у князя Лазаря», «Косанчич Иван в турецком лагере», «Смерть матери Юговичей» и «Смерть Смилянича Или». Два перевода из перечисленных были включены в сборник переводов Ахматовой «Голоса поэтов»: «Пир у князя Лазаря» и «Смерть матери Юговичей». Н.И. Харджиев выражает недовольство по этому поводу и претензии к

издателям, не внесшим исправление в строфу, неверно переведенную из-за ошибки автора подстрочника:

«В стихотворении «Смерть матери Юговичей» осталась неисправленной грубая ошибка автора подстрочника (Н. Кравцова). Вместо:

Рядом с ними девять львов свирепых,
Огласилось поле львиным рыком
(Львы в Югославии!)

надо: Рядом с ними девять псов свирепых.

Огласилось их рычаньем поле.

«Лав» не лев, а собака, пес (лайка)» (Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. М., 1992. С. 231).

Последнее замечание Н.И. Харджиева справедливо, и мы вносим соответствующее исправление в публикуемый текст.

Однако вопрос об авторстве переводов достаточно сложен. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 343—355) хранятся автографы, авторизованная и чистовая машинопись всех четырнадцати переводов Ахматовой произведений сербского эпоса с подписями «Пер<евела> А. Ахматова». Здесь же имеются их тексты на сербском языке и подстрочные переводы, в том числе тот ошибочный, о котором пишет Харджиев. Полагаем, что авторство Ахматовой в переводах сербского эпоса этим подтверждается. Возможное участие Н.И. Харджиева в четырех названных им переводах отмечено в комментариях.

По-видимому, в переводах сербского эпоса принимал участие и Л.Н. Гумилев. В его архиве имеются сведения о намерении Ахматовой передать сыну часть гонорара за эти переводы. В кн. «Л.Н. Гумилев. Дар слов мне был обещан от природы. Литературное наследие. Стихи. Драммы. Переводы. Проза». (СПб.: Росток, 2004) в раздел «“Проблемные” переводы» помещены пять отрывков: «Хасанагиница», «Пир у князя Лазаря», «Молодая Милошевка и мать Юговичей», «Смерть матери Юговичей» и «Омер и Мейрима». Однако степень участия Л.Н. Гумилева в этих переводах в настоящее время установить невозможно.

Йован Йованович-Змай

Йованович-Змай Йован (наст. фам. Йованович, 1833—1904) — сербский поэт, участник освободительной борьбы сербского народа против иноземного владычества. Начинал как поэт-романтик в 1850-е гг. Воспевал героические подвиги борцов против турецкого ига, сатирически изображал буржуазные нравы, сочувственно писал о быте и несправедливости народа. К лучшим образцам сербской романтической лирики относятся сборники стихов Змая «Розы» (1864) и «Увядшие розы» (1882). Новаторская поэзия Йовановича-Змая сыграла видную роль в развитии сербского стихосложения и в сближении литературного языка с народным.

Переводы Ахматовой впервые были опубликованы в кн.: Йован Йованович-Змай. Стихотворения. Перевод с сербо-хорватского (М.: ГИХЛ, 1958). Это было первое в СССР издание сербского классика (сост. Н. Баранова, предисл. и примеч. Р. Дорониной, редактор переводов М. Зенкевич). Кроме переводов Ахматовой, в сборник вошли также переводы В. Луговского, А. Суркова, С. Маршака, Н. Тихонова, М. Павловой, Н. Глазкова, О. Кольчева, Н. Павлович, М. Зенкевича и др.

Ахматова перевела семь лирических стихотворений Змая из его первой книги «Розы», объединившей стихи 1857—1864 гг. Стихи были посвящены возлюбленной, ставшей позже женой поэта, Руже Личаниновой. Кроме того, Ахматовой переведены 14 стихотворений из позднего лирического цикла «Увядшие розы» (1882), созданного поэтом в период тяжелых личных переживаний (смерть жены в 1874 г., гибель детей).

Все переводы из Йовановича-Змая вошли также в книгу «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой».

Рецензенты вышедшей в Москве книги Змая, в том числе знатоки его поэзии в Югославии, высоко оценили переводы

Ахматовой. Югославский критик Лев Захаров в статье «О переводах лирики Й.Й. Змая на русский язык» писал, что именно Ахматова продемонстрировала тонкое понимание поэтического слова Змая. Ее переводы «наиболее лиричны, наиболее точно передают атмосферу оригинала, наиболее последовательны в стремлении перевести таким образом, чтобы даже свободно воспроизведенные места действовали на читателя именно так, как действуют соответствующие строки оригинала» (Книжечност. № 11—12. 1958. С. 494—497. Перевод на русский язык — РНБ, ф. 1073, ед. хр. 1809).

Захаров называл «переводческим шедевром» перевод Анны Ахматовой «Из истерзанного сердца...» — шестьдесят седьмого стихотворения из цикла «Увядшие розы». Его вывод — что из двадцати поэтов и переводчиков, участвовавших в переводах стихов для этой книги, именно Анна Ахматова «сделала больше всего, чтобы советский читатель ощутил, правда, лишь в одной области творчества Змая — лирики — дух и настоящий, аутентичный смысл его стихов». Лев Захаров сопоставляет строки оригинала сербского поэта и строки ахматовского перевода, считает убедительным выбор Ахматовой образов и слов, заменяющих образы оригинала, но адекватных им. Он спорит с адептами точного, дословного перевода, — такая точка зрения «практически неосуществима в переводе стихов, а иногда даже и прозы». «Действительно, вместо змаевского «Овако се сузе суше!» Ахматова говорит: «Хоџпемо да сузе ишчезну»; в шестнадцатом стихе у Ахматовой «Вьюга в поле закружила», а у Змая «Се запенушила зима»; из девятнадцатого стиха в переводе пропал камень, лопающийся на морозе, и т. д. Между тем все это неизбежные и неизбежностью оправданные «жертвы», на которые переводчик идет сознательно, отвергая бессмысленную борьбу за ту или другую подробность, какой бы она ни казалась значительной, во имя высшей цели. Другими словами, деталь приносится в жертву целому, кото-

рое воссоздается с подлинной поэтичностью, через которое струится дух змаевской поэзии. Это рельефный, гармоничный и отвечающий сущности оригинала перевод 67-го стихотворения из «Увядших роз», воссоздание оригинала, в котором и сами отступления от сербского текста пронизаны его тоном и лексическими особенностями».

Столь же высоко оценивал критик перевод двадцать девятого стихотворения из цикла «Розы» — «Мне б твою увидеть руку...». «И в этом случае Ахматова отступила от формального преклонения перед оригиналом, например, третья завершающая строфа переведена совсем свободно, однако поэтесса смогла удачно передать лирическую окраску оригинала. Сохранена эта окраска и в свободно переведенной строфе, из которой у Ахматовой опущен стих «Кад затишти люута рана». Репродукция строфы такова, что смысл цитированного стиха чувствуется во всем том, что дано на русском как адекват концовки оригинала:

И когда почует сердце
Смерти злой прикосновенье,
Руку ту сожму я сильно —
И настанет исцеленье».

Особенно высоко оценил Захаров ахматовский перевод 40-й песни из «Увядших роз» — «С лепестков росистый жемчуг...». Критик выделяет в мировой поэзии особую группу стихотворений, трудных для перевода своей «крайней простотой, простодушием, наивностью поэтического слова». Таково, например, «Лирическое интермеццо» Генриха Гейне. «Требовалось преодолеть искушение сказать все это по-другому, сложнее, с развернутыми метафорами, т. е. искушение, которое испытывали, например, переводчики «Лирического интермеццо» Гейне в разных странах на протяжении многих десятилетий. Действительно, не легко переводить простую или будто бы простую поэзию великих и значительных поэтов! Столкнувшись с этой трудностью, Ахматова сумела

создать превосходное, подлинно поэтическое решение. Ее перевод 40-й песни исключительно точен в дикции и словаре и, вместе с тем, в отличие от других, полностью удовлетворяет требованиям формальной точности».

Лишь в одном случае критика не устроила «замена» образа оригинала. В переводе 20-го стихотворения из цикла «Розы» Ахматова передает заключительную третью строфу сербского оригинала:

Прими же песню эту,
Рожденную вчера,
Ведь маленькая песня —
Фиалкина сестра.

Между тем у Змая — «Прими и песму ову, — Приклони к нѣма лице, — Та песма ова мала — Сестра те льоубичице...». «Ахматова, выпустив второй стих, добавляет со своей стороны, что песня рождена вчера. На этот раз, в отличие от всех других случаев, когда она меняла и дополняла змаевский оригинал, Ахматова использовала натянутое дополнение, неадекватное и явно неудачное. Конечно, это исключение ни в какой мере не снижает высокую оценку работы Анны Ахматовой».

Вывод критика — «В двадцати одном переводе Ахматовой почти все подтверждает исключительную способность этой поэтессы входить в оригинал и переживать его как собственную внутреннюю действительность».

500 Из книги «Увядающие розы». XXVI. Бранко — поэт Бранко Радичевич (1824—1853). LXIX. Смилька — дочь поэта.

Десанка Максимович

Максимович Десанка (1898—1993) — сербская поэтесса и прозаик. Окончила философский факультет Бел-

градского университета. Печатается с 1920 г. Ранние книги стихов — «Стихотворения» (1924), «Зеленый витязь» (1930), «Новые стихотворения» (1936). Мастер пейзажной и любовной лирики. Стихи времени Второй мировой войны посвящены героической борьбе сербского народа с фашизмом. После войны выпустила сборники «Запах земли», «Говори тихо», «Требую помилования», «Нет больше времени». В лирике Д. Максимович ощущалось сильное влияние Ахматовой.

В русское издание книги Д. Максимович «Запах земли» и в книгу переводов Ахматовой «Голоса поэтов» были включены шесть переводов Ахматовой. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 316—324) — автографы, авторизованная и чистовая машинопись этих переводов с подписями «Пер<евела> А. Ахматова», а также подстрочные переводы девяти стихотворений Д. Максимович с разметкой ритма и системы рифмовки.

511 «Снится мне — придешь ты...». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 323) — подстрочный перевод, авторизованная и чистовая машинопись двух вариантов перевода, раннего и точно совпадающего с печатным, подпись: «Перев<ела> А. Ахматова». В подстрочном переводе — три варианта заглавия: «Тоска», «Желание», «Смятение». Подстрочный перевод: «Снится мне, ты придешь: потому что благоухают ночи, а деревья одеваются листвою, и новые цветы каждое утро рождаются; потому что приветливые улыбки играют на воде и на вешнем небе, что сияет от счастья; потому что почки тополя словно рвутся к небу, исполненные теплотой, распирающей страсти; потому что в душе растений уже пробуждается любовь, и благоухающим снегом осыпаны деревья (фруктовые); потому что из-за тебя тоска (желание) в воздухе разлита (плавают); потому что вся природа для встречи с тобой украшается. Цветы, воды, туманы, яблони стройные (гибкие), все вокруг меня ждет тебя и призывает. Приди! Сны мои густым

роем к тебе летят. Приди, без тебя страдаю! Приди! Все вокруг меня подарит тебе улыбку, и во всем тоску мою по тебе заметишь». В раннем варианте перевода Ахматовой — сохранено заглавие «Тоска», затем снятое:

ТОСКА

Снится мне, ты придешь:

Так как ночи дышат ароматом страсти,
А утра гордятся новыми цветами,
Так как блески света плещутся с волнами
И сияют в небе, голубом от счастья.

Так как почки рвутся, словно к небу снова
Их влечет проснувшись трепетная сила,
Так как страсть деревья к жизни пробудила,
И душистым снегом сад покрыт вишневый.

Так как для тебя лишь в воздухе разливы
Всей тоски желанья, вся краса природы.
Яблони, туманы, георгины, воды
Ждут с тобою встречи, шлют тебе призывы.

О приди! Клубятся сны туманом зыбким
И к тебе стремятся. В них мое страданье.
О заметь скорее по тебе желанье
И тогда подарит мир тебе улыбки.

511 Зимним днем. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 317) — подстрочный перевод и авторизованная и чистовая машинопись перевода с подписью «Перев <од> А. Ахматовой». Вариант строки 5: Куда-то под скрытыми снегом цветами. (В подстрочнике — «куда-нибудь далеко через заснеженные цветы»).

511 *Счастье*. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 322) — авторизованная машинопись раннего варианта и чистовая машинопись, совпадающая с печатным текстом. В раннем варианте строки: 3—4: День для меня — когда его встречаю, — / Ночь для меня — покуда он далеко. 12: Он очарован, он со мною рядом! / Он, очарованный, со мною рядом. Подпись: «Перев<ела> А. Ахматова».

***Вечер*.** В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 316) — подстрочный перевод, черновой автограф отдельных строк, автограф полного текста раннего варианта и чистовая машинопись перевода, совпадающая с печатным текстом. Во всех случаях подпись: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк ранних автографов: 3: Хранят их ели в пышном одеянье; 6: В меня вошло желание покоя; 7—8: Как книгу опуская обе руки / Я на колени и люблюсь лугом; 8: Смотрю, как луг забылся тихим сном. 9: О стать бы мне одним воспоминаньем; 10: Чтоб вдруг заснуть мне тем нагорным стадом / Чтоб так спокойно, как воспоминанье.

Отличия раннего варианта полного текста перевода от печатного — в строках: 13—15: Заснуть бы мне, как <овцам> стаду на горах, / Оно спокойно, как воспоминанье. / Пусть будет мирных елей колыханье. 15—16: <Чтоб вокруг меня ка- чались мирно ели / И облачный по небу вился стяг>.

512 *Усталость*. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 324) — подстрочный перевод и авторизованная и чистовая машинопись двух вариантов перевода с подписью: «Перев<ела> А. Ахматова». Подстрочный перевод: «Усталость. Хватит жизни. Знакомы мне, как родное село, и протяжные песни родных мест. Молодость, молодость, мои глаза сияющие мертвы, как холодный лоб луны.

Знакомо мне страданье, как девушке скамейка, на которой сидела с любимым своим множество раз. Жизнь, жизнь

моя из увядших листьев и слез соткана, из ночных минут. Хватит любви. Знаю черные куски (части) горестей и сомнений, из которых она состоит. Хватит любви, и солнца, и дождя, и надежды; устали, устали мои улыбки и шаги. Хватит жизни. Мала она и пуста, как миска на столе бедняка. Пусть бог спокойно на мои сны и дела опустит теперь свою саблю обнаженную».

Ранний вариант перевода:

УСТАЛОСТЬ

Хватит жизни.

Как село родное мне известна,
Как протяжность песен заунывных
Молодость! Сиянье глаз призывных
Мертво, словно лунная поверхность.

Мне знакома боль,
Словно девушке скамейка, на которой
С милым много встретила мгновений.
Жизнь моя, увядших листьев ворох
Ткань из слез
И полуночных бдений.

И любви довольно.
Знаю ее провалы
Горя и черных сомнений.
Довольно любви и солнца, надежды и вожелений.
Устали мои, устали
Шаги и улыбки.

Хватит жизни.
Как миска на нищем столе бедняги,
Она пуста и мала.
Пусть бог опустит сияние шпаги
На сны мои и дела.

Перев<ела> А. Ахматова.

Во втором варианте перевода, приближающемся к печатному тексту, разночтения в строках 2—4: Поначалу лишь село родное / Да напев, похожий на стенанье. / Молодость! Из глаз ушло сиянье. Кроме того, Ахматовой предложены варианты к строке 20: В нищем доме, где звучат рыдания. / У того, кто просит подаянья. И вариант второй строфы:

Мне боль знакома.
 Словно девушке скамейка, где вздыхая
 Ворковала с милым под березой.
 Жизнь моя, ты лишь листва сухая,
 Да тоска бессонницы,
 Да слезы.

Бранко Радичевич

Радичевич Бранко (1824—1853) — сербский поэт. Изучал право и медицину в Вене, рано умер от туберкулеза. Поэт сербского национального Возрождения, его стихи написаны на чистом народном языке. В лирических миниатюрах доведена до совершенства поэтика сербских народных песен. Первая книга «Стихи» вышла в 1847 г., за нею последовали романтические поэмы в стиле Байрона, отразившие кризис надежд после поражения революции 1848 г., вошедшие в сборники 1851 и 1862 гг.

Ахматова перевела три стихотворения Радичевича. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 339—341) — подстрочные переводы, автографы, авторизованная и чистовая машинопись переводов с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова».

512 Бедная возлюбленная. В черновом автографе ОР РНБ варианты строк: 4—5: Ручья журчанье / И леса молчанье; 17: Вечера, вы! — сладко ожиданье. 19: Как над вами два светила солнца; 22—23: Золото мое трава скрывает /

Боже! подыми на небе бурю; 25—26: От меня его могила скрыла... / Без него мне ничего не мило. Пер<евела> А. Ахматова.

В чистовой машинописи отличия от печатного текста в строках: 23: Боже, порази дождями сушу; 25—26: От меня его могила скрыла, / Ничего на свете мне не мило. Пер<евела> Анна Ахматова.

513 Перед смертью. В ОР РНБ — чистовая машинопись раннего варианта перевода с подписью: «Пер<евела> Анна Ахматова». Варианты строк: 1—9: Листья желтые летят все ниже, / Листья желтые в высоких кронах, / Никогда уж больше я зеленых / Не увижу! / Ноги подгибаются до срока, / Выпила болезнь мне оба ока, / Руки ослабели, страждет тело, / И лицо больное потемнело: / Мне пришла пора идти в могилу! 12—13: Мир, прощай, мой невозвратный рай, / Мне пора идти в загробный край! 15—19: Я б еще глядел, как солнце ярко, / Гром бы слушал над ночной долиной, / Удивлялся песне соловьиной. / Жизнь-родник, тебе я жарко внемлю... / Жизнь моя уже идет под землю! 22—23: Радугу с небес сорвать хочу я, / И в нее вас, песни, облеку я. / Даже звезды в небе отсияли, / Даже солнце в небе отгорело, / И не грея вас, оно истлело. / Все исчезнет, что я в мире славлю. / И в лохмотьях я сирот оставлю.

514 Гойко. В ОР РНБ — подстрочный перевод, черновой автограф (неполный текст) и чистовая машинопись перевода с подписью Ахматовой. Варианты строк в черновом автографе: 7: Белая заря и солнце ясно; 9—15: Милые цветы <и ключ прозрачный>, родник отрадный / И дитя, ты свет мой ненаглядный, / Как в глаза твои взгляну я снова, / Песня в сердце трепетном готова. // Эх, ты, мир! ты мил мне бесконечно, / Как тебя устроил царь предвечный / Только бы еще пожить на свете; 18: И сокроется вся жизнь от взора.

21—22: Пока пьют вино и песня тает / Пока сердце по сердцу
вздыхает. Пер<евела> А. Ахматова.

Чистовая машинопись полностью совпадает с черновым автографом, дополнены недостающие строки: 5—6: Чтoб огро-
мное слетело счастье, — / Чудо, не разбитое на части.
23—24: Много дольше жизни, много дольше, — / Вот до тех
пор — и куда ж мне больше. Пер<евела> Анна Ахматова.

Сравнение раннего варианта перевода с подстрочником показывает, что первоначально Ахматова была ближе к оригиналу, — ср., например, подстрочный перевод последней строфы: «Из рук моих ясные гусли вырвут, но что пел я, не исчезнет. После меня останется, пока поют, пока вино пьют, пока сердце вздыхает по сердцу, вот до тех пор, а куда же больше».

Станко Враз

Враз Станко (наст. имя Фрасс Якоб, 1810—1851) — хорватский поэт и критик. Видный деятель движения иллиризма, издатель журнала «Коло» («Колесо»), основатель хорватской критики. Автор сборников стихов «Джулабин» (1840), «Голоса из Жеравинской дубравы» (1841), «Гусли и тамбура» (1845), в которых представлены его лирика, гражданские стихи, политическая сатира. В 1839 г. составил сборник словенских народных песен «Иллирийские народные песни».

Ахматова перевела два стихотворения С. Вразы для антологии «Поэты Югославии XIX—XX вв.»: «Щебеча, овсянка...» и «На холодный камень...».

Симон Енко

Енко Симон (1835—1869) — словенский поэт. При-
мыкал к прогрессивному младословенскому направлению в

словенской литературе и общественной жизни. Первый сборник стихов вышел в 1864 г. Его любовная лирика, гражданские патриотические стихи, баллады на фольклорные и исторические сюжеты близки к народной поэзии и относятся к лучшим образцам словенской лирики.

Ахматова перевела несколько стихотворений С. Енко для антологии «Поэты Югославии XIX—XX вв.» (М., 1963), где были напечатаны два переведенных Ахматовой стихотворения из цикла «Картины» — XIII. «Юная березка...» и XX. «Девушка весь вечер...». В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 253—255) — чистовая и авторизованная машинопись с подписями: «Пер<евела> Анна Ахматова», а также черновые автографы перевода стихотворения XV из того же цикла «Лежит поле ровное...» (или в другом варианте перевода — «Поле ровное в цветах...»). Перевод не завершен, хотя и включен Ахматовой в список «Счет строк», в котором перечислены стихи, над которыми она в это время работала: «Перед смертью — 31, Лежит поле — 12, Весь день — 12, Гойко — 24, Береза — 12, Я — сын — 8».

Приводим текст обоих незавершенных вариантов:

1). XV.

Поле ровное в цветах,
 <Все> И цветы красивы.
 <Слышна песня> Слышен голос соловья,
 Песни переливы.

Песня трогает цветы <...>
 <Шопоточек тайный> Шопоток отрадный
 По полю несется
 Уху — ли невнятный,
 К сердцу жарко жметяся.

2). XV.

Лежит поле ровное,
 На нем розы дивные,
 Слышен голос соловья —
 Песни переливные.

Этот голос по цветам Этот голос многострунный
 Сладостно несется
 И сестра к сестрице там И сестра к сестре любимой
 Алой щечкой жметя.

И секретный шопоточек
 Воздух вокруг колышет,
 Каждый трогает цветочек

517 XIII. «Юная березка...» В ОР РНБ — авторизованная машинопись раннего варианта перевода. Строки: 2—5: Мир не узнавая, / В <темной чаще бора> том бору сосновом / Всем стоит чужая. // Взята в плен навеки; 9—12: И несет их к сестрам, / К той земле далекой, / Где они расскажут / Им об одинокой. Подпись: «Пер<евела> Анна Ахматова».

XX. «Девушка весь вечер...» В ОР РНБ — чистовая машинопись раннего варианта перевода. Строки: 1—2: У окна весь вечер / Дева ожидала; 6—8: За городом ходит, / Он ее по тропке / Взяв за руку, водит». 11—12: Чтобы не увидеть / Девы слез горючих. Подпись: «Пер<евела> Анна Ахматова».

Фран Левстик

Левстик Фран (1831—1887) — словенский писатель и общественный деятель, один из классиков словенской литературы. Первый сборник стихов вышел в 1854 г. Его любов-

ная лирика, лиро-эпические стихи в духе народных песен, баллады и сатиры признаны вершинами словенской поэзии. Боролся за чистоту и народность словенского литературного языка. Перевел на словенский язык стихи Державина, Пушкина, русские сказки.

Ахматова перевела два стихотворения Ф. Левстика для антологии «Поэты Югославии XIX—XX вв.» (М., 1963).

518 Король-беглец. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 315) — черновой автограф перевода баллады «Король-беглец»:

БЕГЛЫЙ КОРОЛЬ

Ночь. Поют подковы песню стали;
 По лесу король, спасаясь, скачет.
 Рать погибла, — все чужими стали.
 Он, как зверь в лесу, позор свой прячет.
 Ни жены, <ни <дочерей> ни сына, все убиты,
 Пали все под вражеской секирой.
 От всего король отторгнут мира,
 И следа нет больше верной свиты.
 Лес пред ним стоит непроходимый.
 <И он въехал в лес густой и темный>
 Он без страха в этот лес въезжает.
 <Встрепенулся конь и стал недвижно>
 Но заржал вдруг конь его любимый,
 Чует — бездна перед ним зияет.
 Гибели своей король не зная,
 Соскочил с коня нетерпеливо,
 Плащ дорожный расстелил под ивой
 <Сладкий сон ему над бездной снится>
 Лег и снов к нему слетела стая.
 И мелькают перед ним <виденья> лукаво —
 <Сны дохнули в мозг его усталый>
 Царский стол <немедля> <из веток> сверкая появился.
 Сел король за стол с великой славой

Он богат, венчан, как в дни былые,
 А над ним взлетели стены зданья,
 Мрамором и золотом сверкая.
 Громко загремели барабаны,
 Пробудился грохот труб военных. <...>

То идут герои-воеводы,
 И меж ними князь земли враждебной,
 Что стране родимой нес <угрозу> тревоги.
 Пленный он теперь идет среди пленных,
 Королю он кланяется в ноги.

Трубы громко зазвучали снова,
 И сама явилась королева <...>
 Знатные прислуживают девы.

Тут все гости стройно закричали:
 Да хранит Господь твою державу,
 Да пошлет и дальним внукам славу.
 Шум тот слышат в самой дальней зале.

И вздохнул король: «Я вновь на троне,
 А приснились мне виденья злые <...>

Как олень, король во сне рванулся,
 Меч
 Вздрыгнул конь, стучат его подковы
 <Вороны закаркали в обрыве>
 Грай вороний в темноте проснулся.

Пер<евела> А. Ахматова.

Сербский эпос

История и духовная жизнь сербского народа наиболее полно отразилась в фольклоре, многообразном в жанровом

отношении. Это лирические песни, сказания о богатырях, былины. В них повествуется о героической борьбе южнославянских народов против османского ига, о подвигах и жертвах в этой борьбе, о замечательных героях, их женах, невестах и матерях. Выдающуюся роль в собирании сербского эпоса сыграл идеолог славянского национального Возрождения В.С. Караджич (1787—1864).

В одном из вариантов своего автобиографического очерка «Коротко о себе» Ахматова писала: «Особенно увлекла меня древняя корейская поэзия и сербский народный эпос, то, что Пушкин называл «Песни западных славян». Я перевела двенадцать песен» (цит. по коммент. Н.Н. Глен в кн.: Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 442). Изучение рукописей, хранящихся в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 343—356), показывает, что Ахматова перевела пятнадцать произведений (один перевод не завершен). Сохранились автографы, машинопись с обильной правкой и чистовые машинописные тексты переводов с подписью Ахматовой. Сведений об участии Н.И. Харджиева в переводах четырех произведений «Сербского эпоса» в фонде Ахматовой не имеется.

Шесть переводов («Омер и Мейрима», «Княжев ужин», «Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчицем», «Смерть матери Юговичей», «Вороны вещают о смерти Перы Данчича», «Хасанагиница») были опубликованы, остальные печатаются нами по рукописям РНБ.

521 Бой на Грахове Боснийском. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 343) — машинопись с правкой и чистовая машинопись, обе с подписью: «Перевела А. Ахматова». *Грахов* — город в Боснии, находящийся под властью турок. *Бек* — знатный турок, турецкий наместник, управляющий подвластными туркам славянскими землями.

526 Князь Иван Княжевич. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 349) — черновой текст раннего варианта перевода

(машинопись с правкой), чистовая машинопись и подстрочный перевод. *Райя* — мирные сербские крестьяне.

534 Хасанагиница. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 348) — авторизованная машинопись с правкой под заглавием «Жена Хасан-аги», чистовая машинопись и подстрочный перевод. Подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

Одно из самых известных произведений сербского эпоса, среди его переводчиков А.С. Пушкин («Что белеется на горе зеленой?..»), В. Скотт, П. Мериме, А. Мицкевич. Герой песни — историческое лицо, *Хасан-ага*, богатый мусульманин, владевший несколькими селами в районе далматинского побережья. В 40-е гг. XVII в. он был ранен в сражении и, в гневе на жену, не проявившую заботы о нем, поступил с нею по законам мусульманского права — шариата, позволявшего мужу в любой момент выгнать жену из дому, разлучив ее с детьми. *Имоский кадий* — судья в селе Имос в Далмации.

537 Вороны вещают о смерти Перы Данчича. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 346) — машинопись с правкой (ранний вариант), чистовая машинопись и подстрочный перевод. В раннем варианте имя героя передавалось как Даничич Пера. *Даничич* — историческое лицо, «ускок», т. е. серб, бежавший из Боснии и Герцеговины в соседние земли — Австрию или Венецианскую республику, и оттуда совершавший набеги на турок. *Левант* — название земель, прилегающих к восточной части Средиземного моря, чаще всего это Сирия и Ливан. *Сеньские* (или Синьские) *галеры* — вооруженные турецкие корабли. *Синь* — город в Далмации.

538 Воин и его невеста. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 345) — машинопись с правкой раннего варианта перевода,

чистовая машинопись, обе с подписью: «Пер<евела> А. Ахматова», и подстрочный перевод.

Дал он перстень с яблоком румяным. — В подстрочном переводе: «...дождь соглашается; он передает перстень и яблоко (яблоко — символ брачного союза)».

541 Молодая Милошевка и мать Юговичей. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 352) — машинопись с правкой раннего варианта перевода, чистовая машинопись с подписью: «Перев<ела> А. Ахматова», и подстрочный перевод.

Юг-Богдан мой господин любимый... Юговичей девять... — Героически сражавшиеся с турками и погибшие в сражении глава семьи Юг и девять его сыновей — Юговичи — стали персонажами многих сказаний сербского фольклора. Гордой патриоткой выступает в этих сказаниях также старая жена Юга, мать девятерых погибших сыновей. См. о них также «Смерть матери Юговичей» и «Пир у князя Лазаря» в переводе Ахматовой. *В Косово пошли они на битву.* — Речь идет о знаменитом сражении в долине Косово — на Косовом поле — 15 июня 1389 г., в котором славяне сражались героически, но турки взяли над ними верх, в результате чего южные славяне оказались поработченными турецкими завоевателями.

543 Смерть матери Юговичей. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 350) — автограф и чистовая машинопись, оба текста с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой», и подстрочный перевод, в который вкралась ошибка, о которой писал Н.И. Харджиев: «И в головах у них девять боевых копий, на копьях девять соколов, возле копий девять добрых коней, а рядом с ними девять лютых львов. Заржали тогда девять добрых коней, зарычали девять лютых львов, заклекотали девять соколов. Но твердое сердце у матери было, не пролила она горькой слезы, но взяла девять добрых коней, и взяла девять

лютых львов, и взяла девять соколов и вернулась на свой белый двор. Издалека увидели ее снохи, вышли немного к ней навстречу: зарыдали девять вдов, заплакали девять сирот, застонали девять добрых коней, залаяли девять лютых львов, заклекотали девять соколов...». В печати в 1960-е гг. слово «львы» сохранились: строки 20—22: Рядом с ними девять львов свирепых. / Огласилось поле львиным рыком. 27: Рядом с ними девять львов свирепых; 35: Девять львов свирепых зарычали.

Исправления в текст были внесены позже, возможно — по совету Н.И. Харджиева — составителями изданий после смерти Ахматовой. При этом пожелание Харджиева относительно строки 22 — «Огласилось их рычаньем поле» — учтено не было, так как это потребовало бы перестановки строк и нарушения композиционной конструкции сербского оригинала, строящейся на троекратном повторении числа девять: девять соколов, девять добрых коней, девять свирепых псов, и далее — девять коней заржали, девять псов зарычали, девять соколов заклекотали. В изданиях 1960-х гг. троекратность была нарушена, — выпало «ржание коней» (см. в кн. «Голоса поэтов». С. 94):

Рядом с ними девять львов свирепых.
Огласилось поле львиным рыком,
Встал над полем клекот соколиный,
Сердце матери железным стало.

545 Пир у князя Лазаря. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 350) — автограф, чистовая машинопись и подстрочный перевод, сделанный по изданию сербского эпоса 1845 г., где «Славу славит сербский князь Лазарь...» имеет номер III, а следующее за ним произведение — «Побратим Косанчич Иван!..» — номер IV. Те же номера имеются в автографе и в чистовой машинописи, после № IV — подпись:

«Пер<евод> А. Ахматовой», которая, очевидно, относится к обоим произведениям.

Славу славит Лазарь, князь могучий. — В подстрочнике примечание к первой строке: «Слава — день святого, покровителя семьи, рода. Можно оставить зачин «Славу славит», ибо будет комментарий». *В граде сербском, Крушеваце цветущем.* — В подстрочнике: «В Крушеваце, городе укротном (хорошем). Кру<шевац, Крушевац>». *Вся господа за столы садится.* — В сербском языке «господа» — собирательное понятие; здесь: знатные, почетные гости. *Заколю турецкого султана.* — В подстрочнике: «Заколю турецкого султана (царя) Мурата».

547 Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчицем. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 350) — автограф и чистовая машинопись с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой», и подстрочный перевод, в котором имеются указания: «А знамена как облака» (внутренняя рифма!). Ахматова выполняет эти указания (см. строку 24) — «Стяги их летучи, словно тучи». По содержанию сказание связано с предыдущим: в «Пире у князя Лазаря» герой Милош Обилич, несправедливо обвиненный в измене, клянется заколоть в предстоящем бою турецкого султана Мурата, здесь — он подтверждает свое намерение и уговаривает побратима Ивана Косанчица не говорить князю Лазарю о силе и численности турецкого войска. По традиции сербского эпоса, каждое сказание или песня имеет в основе один эпизод — пир, разговор, известие о смерти героя, горе матери и пр.

549 Смерть Илиш Смелянича. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 350) — автограф и чистовая машинопись с подписью: «Пер<евод> А. Ахматовой», и подстрочный перевод.

Вила — у южных славян волшебница, дух, живущий в деревьях, травах и пр. *Рядом с ним лежит Мандушич*

храбрый. — Ахматова здесь отступает от подлинника: на поле боя лежит и стонет от ран Илия Смилянич. В подстрочнике далее: «Тут тебе и Мандушич Вук и он спрашивает своего побратима...». *Распрощался с другом и скончался*. — В подстрочнике: «Так сказал, с душою распрощался (внутр. рифма, глагольная)». Ахматова выполняет пожелание переводчика и использует внутреннюю глагольную рифму: распрощался — скончался.

548 Марко-Королевич и его племянник Огнян. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 351) — машинопись с правкой, чистовая машинопись и подстрочный перевод. В подстрочнике имя собственное короля — *Латинин*, город, в котором он правит — *Латин*, жители — *латины*. В русском переводе имя короля — Латинян — встречается лишь однажды, в остальных случаях слово стало производным от названия города: «король латинян».

Сказание или песня о Марко-Королевиче и его племяннике — одно из многих произведений сербского эпоса, рассказывающих эпизоды из жизни знаменитого героя Марко. Прототипом этого сказочного богатыря был сын македонского правителя (краля) Вукашина Марко. Фольклорный герой *Марко* в родстве с фантастическими женскими существами — вилами и самовилами, имеет волшебного шестикрылого коня *Шарко* или *Шареца*, особенное оружие. Вместе с тем в образе королевича Марко воплощены национальные и исторические черты сербского народа: он мудр, смел и благороден, но иногда свиреп и безрассуден, хотя в некоторых случаях его можно успокоить или перехитрить. Эпические песни рассказывают эпизоды из его военной и личной жизни, начиная от юности и кончая смертью.

Кроме Ахматовой, песни о Марко-Королевиче переводили Н. Заболоцкий, М. Зенкевич, М. Исаковский и др.

554 Девушка перехитрила Марка. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 347) — машинопись с правкой и чистовая машинопись с подписью: «Перев<ела> А. Ахматова», и подстрочный перевод, в котором имеются указания переводчику, например, в строках 76—80: «Зарычал Марко как лесной зверь, ударил себя рукой по колену и говорит сироте-девице: «Ах ты, сука (заменить!), сирота-девица! Научил тебя наверно кто-нибудь?..». Ахматова нашла тактичное и верное решение: «Ах ты, ведьма, сирота-девица!»

556 Сестра Лeko-капитана. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 354) — черновой автограф, машинопись с правкой и чистовая машинопись, во всех случаях подпись: «Пер<евела> А. Ахматова».

573 Омер и Мейрима. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 353) — машинопись с правкой, чистовая машинопись и подстрочный перевод.

Напишу я белое посланье. — В подстрочном переводе: «Небольшое мелкое письмо я напишу». *Яблоко им положили в руки.* — В подстрочном переводе: «В руки дали по зеленому яблоку». *Яблоко* — символ супружеской верности. *Поднялся высоко дуб Омеров, / Тоненькою сосенкой — Мейрима.* — В подстрочном переводе: «Из Омера зеленая сосна выросла, из Мейримы зеленая сосенка. Сосенка вокруг сосны обвилась, как шелковая нитка вокруг пучка бессмертника». Примечание переводчика к слову сосна: «Здесь, очевидно, лучше поставить название дерева в мужском роде, например, дуб».

578 Смерть Сочивицы Станко. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 355) — черновой автограф и машинопись незаконченного текста перевода с подписью: «Пер<евела> А. Ахмато-

ва». Варианты чернового автографа: строки 1—4: Ушел Томич Мият / Из-за гроша, из-за куска сукна (— его обобрали турки) / От неправого суда Атлагича; / От насилия бега Пилиповича. 9: От Долаца девять вдовцов, 92—93: В первый вечер после Димитрова дня» / Говорит ей господин бег; 112: Сильно Станко устал (измучился); 133—134: Юрьев день — гайдуцкая встреча, / Придут они искать Станка; 142—146: И наших двух малых сыновей / Привяжут двух малых сыновей / В Прологе к зеленым елям, / Потом будут стрелять по порядку (по очереди) в них, / А меня будут любить по очереди (по порядку)». 173—174: И пошли они горами (недалеко) / И встретили малого (молодого) ускока Радо. 180: О юнацком спрашивали здоровье (друг друга); 209: Когда гайдуки слова эти поняли, 212: Как сказали, так и сделали. 267—275: И пошел на гору Пролог, / Повел с собою молодую беговицу / И двух беговых малых сыновей, / Обоих привязал к зеленой ели — / Гайдуки в них стреляли по порядку (по очереди) / И жену любили по порядку.

СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Словацкая поэзия XIX—XX вв. М., 1964. С. 149—153, 156, 160, 381—384; Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965. С. 57—66; Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 326—327.

Договор на перевод словацких поэтов для издания антологии «Словацкая поэзия XIX—XX вв.» с издательством «Художественная литература» Ахматова подписала 8 апреля 1963 г. В антологии были опубликованы переводы двух поэтов — И. Краско и М. Валека. Переведенное Ахматовой одно стихотворение В. Мигалика было включено в ее книгу «Голоса поэтов».

Иван Краско

Краско Иван (1876—1958) — словацкий поэт. Народный художник Чехословакии (1947). Книги стихов — «Ночь и печаль» (1909), «Стихотворения» (1912) — отражали настроения словацкой интеллигенции накануне Первой мировой войны, они исполнены патриотической веры в будущее родины, содержат призывы к национальной и социальной борьбе. В дальнейшем писал лирические стихи, близкие к народной поэзии. Ахматова перевела пять стихотворений Ивана Краско.

Мирослав Валек

Валек Мирослав (1927—1991) — словацкий поэт. Заслуженный художник Чехословакии (1975), в 1967—1968 гг. председатель Союза словацких писателей. Первые стихи опубликовал в 1946—1947 гг., первая книга стихов «Прикосновения» вышла в 1959 г. В 1960-е гг. вышли книги «Притяжение», «Беспокойство», «Любовь в гусиной коже».

Ахматова перевела одно стихотворение М. Валека — «Прикосновения».

Войтех Мигалик

Мигалик Войтех (1926—2002) — словацкий поэт. Заслуженный художник Чехословакии (1966). Окончил философский факультет Братиславского университета, в первом сборнике стихов «Ангелы» (1947) ощущалось влияние католической поэзии. В 1950—1960-е гг. издал книги стихов «Вооруженная любовь», «Не умру на соломе», «Круги Архимеда», «Горькие плоды», «Апассионата», «Погоня за Орфеем», «Сонеты твоему одиночеству» и др.

Ахматова перевела одно стихотворение В. Мигалика — «Бездетные».

ТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Антология татарской поэзии. Казань, 1957. С. 126—129, 135, 137—138, 143—144, 146, 343 (Г. Тукай, М. Джалиль); Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 257 (Ф. Карим); Литературная газета. 1956. 3 марта (М. Джалиль); Звезда Востока. 1966. № 2. С. 49—51 (М. Джалиль); *Джалиль М.* Мои песни. Стихи. М., 1956; Моабитская тетрадь. Стихи. М., 1957; Избранное. М., 1961. (Б-ка советской поэзии); *Карим Ф.* Избранное. М., 1957; Избр. стихи и поэмы. Казань, 1957; *Тукай Г.* Стихи, поэмы и сказки. Казань, 1958; Избранное: В 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960; Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963 (Б-ка поэта. Малая серия); *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 348—351.

Ахматова начала переводить татарских поэтов в 1956 г. Стихи Мусы Джалиля в ее переводе были напечатаны на страницах «Литературной газеты» 3 марта 1956 г. 23 апреля 1956 г. она подписала договор с издательством «Художественная литература» на перевод 218 строк стихотворений Г. Тукая для его книги «Избранное», 26 марта 1957 г. — договор с Татарским книжным издательством на перевод 300 строк Ф. Карима для книги «Избранные стихи и поэмы». В 1960-е гг. Ахматова переводила стихи Г. Тукая и М. Джалиля. Записи о готовящемся издании М. Джалиля и гонораре за его переводы имеются в рабочих тетрадях (РГАЛИ) 1965 — начала 1966 г. Последняя сделана 17 февраля 1966 г., за две недели до смерти.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 251—252, 273, 404—414) — автографы, машинопись с правкой и чистовая машинопись переводов Ахматовой стихотворений трех татарских поэтов. Все имеют подписи: «Пер <евела> А. Ахматова». Поэтому мы полагаем ошибочным утверждение Н.И. Хард-

жиева, который писал в статье «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой»: «В недавно изданной книге переводов Ахматовой «Дыхание песни» (1988) <...> мне принадлежит весь цикл татарского поэта Г. Тукая» (Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. М., 1992. С. 232). В книге «Дыхание песни» напечатано семь переводов Г. Тукая: «Надежда», «В саду знаний», «О перо!», «В школе», «Летом», «Пара лошадей» и «Родной земле». Сохранившиеся рукописи Ахматовой с ее подписями не подтверждают заявления Н.И. Харджиева.

Муса Джалиль

Джалиль Муса Мустафиевич (наст. фам. Джалилов, 1906—1944) — татарский поэт. В 1931 г. окончил литературный факультет Московского государственного университета, в 1939—1941 гг. руководитель Союза писателей Татарской республики. В 1941 г. ушел на фронт. В 1942 г. был тяжело ранен в бою, попал в плен, был заключен в концлагерь и за участие в подпольной организации казнен в военной тюрьме Шпандау (Берлин). Посмертно, в 1956 г., ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Муса Джалиль начал печататься в 1919 г., первый сборник стихов и поэм «Мы идем» вышел в 1925 г. В военные годы стихи Джалиля были собраны в книге «Письмо из окопа» (1944). Написанные в тюрьме и тайно переданные на волю героические последние стихи составили «Моабитскую тетрадь», за которую поэт был удостоен Ленинской премии (1957).

Ахматова перевела шесть стихотворений Мусы Джалиля — три «песни» из цикла «Письмо», «Часы», «Костяника» и «После болезни». Составитель книги Джалиля «Избранное» В.Х. Ганиев писал Ахматовой 28 мая 1961 г.: «...В Ваших переводах из Джалиля сохранена нежная, лирическая струя, проходящая через многие произведения нашего татар-

ского поэта» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 779). Ганиев предлагал Ахматовой перевести также поэму Мусы Джалиля «Сарвар», но она отклонила эту просьбу.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 251—252) — автографы и машинопись переводов стихотворений «Часы» и «Письмо (Песни)» с подписями: «Пер<евела> А. Ахматова». Варианты строк в стихотворении «Письмо»:

Песня 1. Строки 7—8: Как зовусь я, повторите / И в домах, и на селе. 10: И в домах, и на селе.

Песня 2. Строки 1—2: Не прогнав врага далеко, / Не избив его жестоко.

Песня 3. Строки 1: Коли мы необходимы; 3: Прибывает сила рук. 5: Прибывает сила рук.

Фатых Карим

Карим Фатых (наст. фам. Каримов Фатих Валеевич; 1909—1945) — татарский поэт. Печатать стихи начал в 1928 г. Первый сборник стихов «Песня начинается» вышел в 1931 г. В 1930-е гг. Каримом созданы стихи и поэмы, прославляющие героический труд рабочих и колхозников, подвиги российских пограничников, дружбу народов. Наиболее значительные произведения созданы поэтом в годы Великой Отечественной войны, они напечатаны в сб. «Любовь и ненависть» (1943), «Мелодия и сила» (1944), «Окопная песня» (1947) и др. Погиб в бою.

Ахматова перевела девять стихотворений Ф. Карима. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 62, 168, 273) — автографы с подписями: «Пер<евела> А. Ахматова».

Габдулла Тукай

Тукай Габдулла (наст. имя Тукаев Габдулла Мухамедгарифович, 1886—1913) — татарский народный поэт и пуб-

лицист, классик татарской литературы. Начал писать стихи в 1902 г. Является зачинателем гражданской лирики в татарской поэзии, много сделал для развития татарского литературного языка. Большая часть стихов Тукая написана в форме газели — двустихий с особой формой рифмовки (аа, ва, са, да...). Однако в переводах Ахматовой эта форма, как правило, не сохранена, о чем с одобрением писал поэт и знаток восточного стихосложения С.И. Липкин: «Разбитая надежда» Г. Тукая впервые зазвучала по-русски лишь тогда, когда Ахматова, взявшись переводить ее, освободила перевод от элементов газельной формы, которая сковывает русскую речь (журн. «Совет эдэбияты». Казань. 1961. № 4). Ахматовой сообщил об этом мнении Липкина В.Х. Ганиев, один из составителей книг татарских поэтов, в письме от 28 мая 1961 г. — ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 779).

Шесть стихотворений Г. Тукая в переводе Ахматовой вошло в «Антологию татарской поэзии». Всего Ахматова, возможно, частично при участии Н.И. Харджиева, перевела одиннадцать стихотворений Тукая. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 404—414) — автографы, авторизованные и чистовые машинописные тексты этих стихотворений с подписями: «Перевела А. Ахматова».

605 Пара лошадей. В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 411) варианты строк: 26: Ученик! Вставай скорее! Вот Казань перед тобой! 29: Там к намазу призывает, кличет утренний азан. *Шакирд* — ученик медресе (средней религиозной мусульманской школы).

607 Родной земле. В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 413) вариант строки 16: Белые твои полотна, лапти, онучи, сума.

Надежда. В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 408) вариант строки 19: Верю я, мое светило, не зашло ты навсегда.

608 Колебания и сомнения. В ОР РНБ (ед. хр. 406) автограф и машинопись раннего варианта перевода, где Ахматова пробует передать систему рифмовки, принятую в газели:

Чуть я шорох где заслышу, страх мне сердце обожжет.
Все мне думается — совесть упрекнуть меня идет.

Ни с утра не вижу дела, ни в вечерней тишине;
С приказаньем, что мне делать, лишь злой дух ко мне идет.

Что свершил на этом свете? — Право, не на что взглянуть.
Только ясно мне, что мимо настоящий путь идет.

В песне есть ли толк народу, не пойму я никогда,
Кто? — шайтан иль ангел света с песнями сюда идет.

А профессию поэта, видно, мне дано узнать,
Что ни год, то новый сборник у меня в печать идет.

Все несносно мне, и в сердце ощущаю ада зной,
Лишь когда стихи слагаю, райский страж за мной идет.

Стихотворная страница лучше всех блаженных снов,
Сад она, откуда нежный райской девы зов идет.

Но когда стихи печатать наступает грозный час,
Нежеланье даже имя ставить напоказ идет.

Напечатанное видя, недоволен я собой.
Все, что в них несовершенно, вечно злой гурьбой идет.

Иногда я на любое счастье надежды рву,
И тогда звезда, что милой скоро назову, идет.

В небесах моих сверкая, исцеляя злой недуг,
Дорогая, молодая, самый нежный друг идет.

Перевод А. Ахматовой

609 Разбитая надежда. В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 412) варианты строк: 4: Больше месяца не вижу, светит полная луна. 15—17: Мать моя лежит в могиле. О, страдальца, зачем / Ты чужого человека в братстве мира родила? / С той поры, как мы расстались, о поверь, боязнь любви. Саз — музыкальный инструмент.

610 В саду знаний. В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 404) варианты строк: 18—19: Станем жить, друзья-татары, и достойно, и умно. / Только знания правят миром, а не правят дети тьмы.

611 О перо! В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 409) вариант строки 19: Нам друзья, грустя, желают из-бавленья от невзгод.

613 Летом. В автографе и машинописи ОР РНБ (ед. хр. 407) — варианты строк: 6: Нет прохлады там, и шумно в пруд бросаются они. 9: <И тогда> лица коснулись словно легкие шелка, / Вдруг лица едва коснулись, словно легкие шелка; 10: Крыловейная прохлада, дуновенье ветерка.

Слово к зиме. Переведенное Ахматовой стихотворение Тукая является подражанием стихотворению А. Майкова «Весна» (1881). Ср.:

Уходи, зима седая!
Уж красавицы-весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

В свою очередь, стихотворение Майкова, как и близкое к нему по теме и образам стихотворение Тютчева «Зима недаром злится...», восходит к немецкой романтической лирике.

УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Звезда. 1941. № 5 (И. Франко); *Франко И.* Стихотворения. Л., 1941. (Б-ка поэта. Малая серия); Избр. сочинения: В 5 т. Т. 1. М., 1948; Сочинения: В 10 т. М., 1956—1959. Т. 7 и 8; Стихотворения и поэмы. Л., 1960. (Б-ка поэта. Большая серия); *Усенко П.* Под солнцем родины. Л., 1951; *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 328—331.

Впервые Ахматова начала переводить украинского поэта Ивана Франко в 1940 г., — она перевела одно стихотворение из его лирической драмы «Увядшие листья» — «И ты прощай...» («Третья горсть», № XV). В 1950-е гг. она подписала несколько договоров на переводы Франко — 30 октября 1956 г. и 31 марта 1959 г. с издательством «Советский писатель», 17 июня 1958 г. — с издательством «Художественная

литература» и др. В 1950—1951 гг. одним из первых договоров на переводы, предложенных Ахматовой после опубликования цикла стихов «Слава миру!» в журнале «Огонек», был договор на переводы стихов Павла Усенко.

Павел Усенко

Усенко Павел Матвеевич (1902—1975) — украинский поэт, публицист, литературный критик. Один из первых комсомольских поэтов Украины, участник Великой Отечественной войны. Первая книга стихов «КСМ» вышла в 1925 г., затем последовали книги «Лирика боя» (1934), «Третья книга» (1935), «За Украину» (1941), «Из пламени борьбы» (1943), «Сыны» (1947) и др. Книги 1950-х гг. исполнены раздумий о жизни и воспоминаний о комсомольской юности.

Ахматова перевела семь стихотворений П. Усенко 1945—1950 гг.

Иван Франко

Франко Иван Яковлевич (1856—1916) — украинский писатель, ученый и общественный деятель. В юности увлекся идеями социализма, участвовал в рабочем движении, переводил Маркса и Энгельса, пропагандировал идеи интернационального братства. Несколько раз был арестован, подвергался тюремным заключениям и высылке. В литературном творчестве развивал традиции народной поэзии Т.Г. Шевченко. Книга стихов «С вершин и низин» (1887) содержит циклы гражданской лирики, в том числе цикл «Вольные сонеты» (или «Свободные сонеты», как перевела название Ахматова). Сборник стихов «Увядшие листья» (1896). Франко называл «лирической драмой». Богатство философских мыслей и лирических переживаний поэта выражено здесь в разнообразных по форме и содержанию произведениях — сюжетных

стихах, описательных, медитативных, имитациях народных плачей и песен.

Ахматова перевела в 1941 г. одно стихотворение Франко «И ты прощай...», которое тогда же было напечатано, в 1956—1957 гг. (возможно, при участии Л.Н. Гумилева после его возвращения в 1956 г. из лагеря) — цикл «Свободные сонеты». Можно предположить, что сыну Ахматовой принадлежат ранние варианты переводов, а ей — окончательная их отделка, т. е. Ахматова выступала как соавтор и как редактор. Однако подтвердить эту версию в настоящее время невозможно. Ахматова полностью перевела книгу И. Франко «Увядавшие листья» (три ее части — «Первая горсть», «Вторая горсть» и «Третья горсть»). Участие Л.Н. Гумилева в этой работе на раннем ее этапе также возможно (см. также с. 17).

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 415—425) — около 250 страниц переводов Франко, каждое произведение в нескольких вариантах и экземплярах (автографы и машинопись). Подписи Ахматовой имеются под текстами «Второй горсти».

621 Увядавшие листья. Лирическая драма. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 416—425) — черновые автографы Ахматовой и несколько вариантов машинописных копий текстов трех частей «лирической драмы». Подписи Ахматовой под отдельными стихотворениями зачеркнуты, — возможно, потому, что был сделан общий «титальный лист»:

Иван Франко
УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ
Лирическая драма

Перевод
А. Ахматовой.

1957

619 Первая горсть (1886—1893). I. *«На смену тоске оупенья...»* В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 416) — ранние варианты строк 1—10: На смену мгле оупенья / Вновь песен плещется волна. / Как бы восставшая из пепла / Огней блестящих пелена. // То, что казалось мне покоем / И счастьем — теплый пепел был, / Под ним любви и страсти искра / Хранила животворный пыл. // И несмотря на росы — слезы / Под пеплом теплились в тиши.

622 II. *«Ну что меня влечет к тебе до боли?..»* Ранние варианты строк 17—20: Но я тебе ведь даже не знаком, / А дружба будь, увы, всегда наскучит, / К друг другу нас судьбина не приручит, / Живем отдельно, порознь и умрем.

623 III. *«Не боюсь я ни Бога, ни беса...»* Ранние варианты строк: 2: <Я свободное сердце имею>; 5: Не боюсь королей венценосных, 7—12: Не боюсь пересудов поносных, / Разрывающих души и груди. // Даже гнев твой, девица-зарница, / Не страшней перечисленных прочих. / Мне приятны румяные лица / И блестящие, гневные очи. 21—23: Страх тогда мое сердце сжимает, / Как клещами, холодный, унылый, / Боль <немой> без слов меня больше пугает.

624 IV. *«За что, красавица, я так тебя люблю...»* Ранний вариант строки 2: Что сердце в ребра бьет — мне самому на диво.

625 V. *«Повстречались мы с тобою...»* Ранние варианты строк: 17—20: 1) И пошла к себе сквозь сад. / Я стою как одурелый / И, бессильный, шлю несмелый / За тобой вдогонку взгляд; 2) Я стоял как одурелый / И бессильный и несмелый / Провожал тебя мой взгляд.

626 VI. «Ты, только ты — моя единая любовь...»

Ранние варианты строк: 1—2: 1) О, да! Она моя правдивая любовь! / Но ею не дано мне удовлетвориться. 2) О, истинная ты, единая любовь! / Но не дано тобой мне в жизни насладиться. 9—10: Как сгубленную страсть, угасшие хотенья, / Не спетый мной напев, геройские стремленья. Строка 9 вызвала возражение редактора, — в рабочей тетради Ахматовой появляется запись: «Убрать хотенья» (1958). Ахматова попыталась аргументировать свой вариант строки: «Анненск<ий>: Отрава бесплодных хотений». Видимо, это не помогло, и она предложила вариант: вместо угасшие хотенья — *былые вождельня*. В окончательной редакции перевода — *угасшие желанья* и рифма в строке 10 — геройские дерзанья.

628 IX. «Ни на что я не надеюсь...» Ранний вариант перевода:

Я ни на что не надеюсь,
Я ничего не желаю,
Что ж я живу и мучусь,
Не умираю.

Что ж на тебя гляжу я
И глаз никак не закрою,
Люблю тебя и не знаю,
Где сердце скрою.

Твоя <улыбка> усмешка как солнце
На свежей <траве кургана> листве сияет.
<Она сгоняет насмешкой> С лица моего румянец
<С лица румяна> Она сгоняет.

Я ни на что не надеюсь,
Но как удержать <хотенье> стремленье
Не жизни желать живому,
А лишь успенья?

И каждый своей дорогой
Идет за своей судьбою!
Увидимся — слава Богу.
Не встретимся — Бог с тобою.

629 X. «Бескрайнее поле, где снег пеленою...»

Ранний вариант перевода:

Пурга по равнине проносится, воя,
О, дай мне простора и воли!
Один я среди снега, лишь конь подо мною,
А сердце чуть бьется от боли.

Неси ж меня, конь, по широкому полю,
Как ветер, что тут же гуляет.
Быть может, уйду я от гибельной боли,
Что сердце мое разрывает.

Варианты строк: 1: Бескрайняя снегом покрыта равнина;
3: Один на коне я, на поле пустынном.

630 XII. «Зря смеешься, девочка...» В раннем варианте перевода строфа 3: Может, смех серебряный / И жестокий взор / <Станут в твоей> Сохранишь ты в памяти, / Как сплошной укор.

XIII. «Преступник я. Чтоб заглушить...» В раннем варианте перевода строки: 1: Я нелюдим. Чтоб заглушить; 4: Протягивал я руку. 16: Как солнце в ряби лужи.

631 XIV. «Судьба — стена меж нами...» Как волнами...» В раннем варианте перевода строк: 1—4: <Непродолимою стеной меж нами> / Та доля стала. Как два судна море / Разносит нас с тобой меж берегами / Моя звезда, мой

ясный свет в Фаворе. 6: Твой свежий след еще <я различаю> тайком лобзаю.

632 XV. «Нередко мне является во сне...» В раннем варианте перевода строфа 1: Нередко мне является во сне, / Любимая, твой облик, такой желанный, / Каким яснил он только в той весне, / В тот лучший миг любви необманной. Строка 11: <И втаскивает внутрь тоску и муку> / И сердце чувствует былую муку / (И вдавливают в грудь былую муку).

XVI. Похороны пани А.Г. В раннем варианте перевода строки: 1—3: <Так! В гробе металлические ребра. / Проклятая легла и опочила, / Что некогда, в час злобный или добрый>; 9: А ты <стояла около в печали>; 13: <Хоть жарко, я стоял совсем> холодный; 15: И бил как вихрь в мое воображение; 19: По смерти из разверзнутой могилы; 23—24: 1) Хотел узнать я: не увижу ль ныне / Руки из гроба. 2) Хотел узнать я, не торчит ли эта / Рука из гроба. 3) Хотел узнать я: не видна ль и ныне / Рука из гроба.

633 XVII. «Никогда тебя не клял я...» В ранних вариантах перевода строки 2—4: Хоть тоска <моя росла>. / И насмешки, и печали — / Все душа моя снесла. 9—10: <Ты> И, когда, смеясь, казнила / Чистую любовь мою, 12: <То> Все, чем жив я, чем пою? 17—20: 1) Разве знала ты, небрежно / Поводя крылом своим, / Что не раз оплачешь горько / Счастья пепел, счастья дым. 2) Разве знала ты, небрежно / Поводя своим крылом, / Что не раз оплачешь горько / Клад, растоптанный скотом.

634 XVIII. «Ты плачешь. Частые слезинки...» В ранних вариантах перевода строки: 1—4: Ты плачешь, Горьких слез потоки / Стекают по щекам не скоро / И оставляют не глубокий / След, моему заметный взору. 9—10: <Своею

дивной красотой / Напрасно манишь всех к себе>; 12: <Не подпускает их к тебе.> 13—16: <Уходят годы, и тебе уж / Не быть любимой и влюбленной, / Ты памятник живой над гробом / Твоей надежды не свершенной. К последним двум строкам помета: «Сделать внутр<еннюю> рифму» и вариант строки 16: Своих погибших упований. В чистовой машинописи вариант строки 16: Мечты, уже не возвратимой.

634 XIX. «На тебя я не в обиде, доля...» В ранних вариантах перевода строки: 1) 2—8: Повсюду ты вела меня как мать, / Чтобы <хлеб родить сумело поле>, / Должен плуг цветы с корнями рвать. / Долго плуг скользит по чернозему, / И цветы сникают, не дыша. / Как в немую горькую истому, / В раны погружается душа. 10: В борозды незаживленных ран; 12: Жизни дух, которым каждый пьян. 2) 4: Все цветы выпаживались плугом.

635 XX. Призрак. В раннем варианте перевода строки: 6: Кровавый отблеск лег по сторонам; 8: Кареты фиакров исчезают там. 24—25: Обухом тяжким словно оглушен. / То не обух — то шла передо мною; 33: Я стал как столб — уже не слышал звуки, 54: И в <грязь> топь его закинула она; 56: Пусть будет им сама уязвлена. 65—66: Иль холод, голод и сиротства слезы, / Иль страсть, что сердце бедное рвала; 73—74: Не слышишь? С ним исчезла в мраке ночи. / <Мне смертной раной встреча та была>.

638 Эпilog. В ранних вариантах перевода строки: 1) 1—3: Увявшие листья! развейтесь по дали / Как по ветру наше дыханье. / Открытые раны. Немые печали; 5: По листьям увядшим не видно прохлады; 11: <Ненужный бедняк, одиноко бреду я>; 2) 2: Развейтесь теперь, как дыханье.

Вторая горсть (1895). I. «Где Сан течет зеленый в Перемышле...» В раннем варианте перевода строки:

3—5: Я думал о тебе — <душа моя> любовь моя, / <Про> счастье то, что словно сонный призрак / Явилось, <усмехнулось> и исчезло; 17—20: Вдруг зачернело что-то, <звон раздался>, / <Стучат> копыта по земле замерзшей / И мчится по утопанной дороге / Четверка коней. Упряжь дорогая; 22: Карета мчится и бичом возница; 23: 1) Бьет как из пистолета. 2) Как выстрелами щелкает... Убогий; 25—28: И поражен. Кто мог бы это быть? / Здесь никогда таких карет и коней / Не видели. Ни старики, ни дети / <Не могут придумать> Дивятся и не могут догадаться; 48: <А коней и кареты — ни следа>. 50: Куда четверка канула бесследно; 52—54: Да и в реке потом останков смертных / Никто не находил. Когда б один, / А не десяток <диво то видали> — видели бы это, 61: <И отречений, и безумных бунтов>; 66: Что то был сон и местная легенда.

640 II. «Мне трудно...» В ранних вариантах перевода строки: 1—2: 1) <В полудне / Широкое поле безлюдней.> 2) Равнина... / То дня середина. 2) <Горячего> Вот дня середина. / Безлюдна равнина; 9—11: <Волною / Несется долиной речною / Немедля до синих тех гор; 13—15: Летит <и в тиши утопает.> / <Дух лип ароматы вдыхает / И душу теплом заливает>; 19: Как тихое <в сердце> <всюду> дыханье; 21: Мое ли то горе родное? 26—27: <На голос тот сердце мое потянулось> / В раю том бескрайнем оно зарыдало. К зачеркнутой 26-й строке указание, по-видимому, редактора: «Вместе с народной песней», — в ответ на которое появляется строка 30: И, вторя народному ладу...»; 29: И ты, <моя звездочка,> в памяти встала; 31: Понесся по <полю> и саду.

641 III. «Явор зеленый. Явор зеленый...» В ранних вариантах перевода строки: 1: Зеленый явор, зеленый явор; 13: Лют серебром колокольные звоны.

642 IV. «Стройная девушка, меньше орешка...»

Ранний вариант перевода сделан Ахматовой в другом размере (семистопный и шестистопный хорей):

<Ты не больше, девушка, чем ореха зерна,
 Но зачем душа в тебе словно ветка терна?>
 Ты не больше, девушка, грецкого орешка,
 Отчего ж в душе твоей горькая насмешка?
 Почему уста твои — тихая молитва,
 Но остры слова твои, как стальная бритва?
 Почему в глазах твоих те сияют чары,
 Что вздымают в сердце грозные пожары?
 Ах, такие очи, хоть темнее ночи,
 Кто в них раз посмотрит — солнца не захочет.
 И твоя улыбка стала мне бедою,
 Сердце бьется в ребра бурей седою!
 Ты звездой мне светишь на ночном просторе!
 Для меня ты радость, для меня ты горе!
 Не любя тебя я долг любви нарушу,
 А любя, наверно, погублю я душу.

На полях два замечания редактора: «На стопу больше» и «Убрать ребра».

Ахматова находит варианты строки 10: О, как сердце бьется бурей <снеговою> грозовою! Позже изменяет размер. Варианты строк в этом автографе: 2—3: Тонкие губы, словно молитва, / Острые речи режут как бритва. 11: Блещешь звездой ты в вечернем просторе. 13—14: Видя твой облик, страстно люблю я, / Этой любовью душу сгублю я.

643 V. «Красная калина, что ты долу гнешься...» В раннем варианте перевода строка 19: На меня, о дуб, ты бросил тень как туча.

644 VI. «Ах ты, дубок, дубочек кудрявый...» В раннем варианте перевода строки: 4: Корни подмыли мне

<мелкие> <крупные> частые слезы; 7—8: Черных очей <красота и порода> Черные очи красавицы властной / Гордые речи <ненастной погоды> ночи ненастной. 14: Видно весна <мне уж не улыбнется> ко мне и весна не вернется. 18: Быстро разрежут <жестокие> злоречия пилы.

644 VII. «*О, печаль моя, горе...*» В раннем варианте перевода строки: 9: Как была она рядом; 9—12: <Я промедлил безумно, / Не предвидел печали! / Я не ждал, что так быстро / Улетит она в дали.> 17—20: <Все мечты и утехи / Жар надежд и стремлений, / <Как> Так с весною уходят / Кисти белой сирени.

645 VIII. «*Я не тебя люблю, о нет...*» В ранних вариантах перевода строки: 2—6: <Прозрачная> Душистая лилея! / Не ясных глаз прозрачный свет, / <И не пушок на шее> // Не голос твой, что как звонок / Всегда меня тревожит; 8: <Влекущих сердце к дрожи> Волнующих до дрожи. 9: Не те уста, с которых я; 14: И нет его чудесней. 16: <Как в самой> Подобный грустной песне. 28: Душа к душе пристала. 34: Сверкнувши слепнут очи, 36: Ночь днем, день вместо ночи. 37—40: 1) <Таким роскошным был твой вид, / Копя свои удары, / Я знал: там смерть моя сидит, / Окутанная в чары.> 2) Как был прекрасен образ твой, / Как мне грозит бедою. / То смерти стоны предстают, / Маня красой младою. 3) <Как> Так был прекрасен образ твой, / Грозя мне <смерти> тайным жалом... 42: <Твоей красою пьяный>; 44: Но был везде <с желанной>.

Иксион — в греческой мифологии царь лапифов, добивающийся любви богини Геры, за что по приказанию Зевса был прикован к вечно вращающемуся огненному колесу.

648 X. *В вагоне.* В раннем варианте перевода строки: 7: Тянет <и назад уходят>; 13: И мигают <иронично>.

649 XII. «*Зачем приходишь ты ко мне...*» В раннем варианте перевода строки: 1—3: Зачем приходишь ты <во сне> / <Ко мне?> / <И вновь спешишь оборотиться?> 7: Зачем уста твои немы? 10—12: На них как зарево пылает / Лишь миг и снова пропадает / Среди тьмы. 15—19: Ты в жизни мной пренебрегала, / Мое ты сердце надорвала, / Не вызывала из него / Ты кроме воплей ничего. 31: Являйся, <звездочка>, милая, ко мне; 37—45: Как будто жемчуг на дороге / Тускнеет, вянет как труха. / Хоть в сне с тобою оживает / Хоть в жалобах живей играет, / Переливаясь в недрах мха. / Оно у чуда золотого / Добудет счастья молодого, / Ужасного и неземного / Греха!

На полях возле последней строфы помета: «Переделать». Новый вариант:

Как пыльный жемчуг на дороге
Тускнеет, нету силы в нем,
Но в снах оно живет тобою,
Все переполнено мольбою,
Переливается огнем.
Чтоб счастье могло продлиться,
<Как чуду светлому> То чуду должен я молиться,
Чтобы безумным <ужасным> насладиться
Грехом.

650 XIII. «*Вьется та тропиночка...*» В раннем варианте перевода строки: 2: Где та дева шла, 8: Что-то напеваючи. 17—20: <Как ныряльщик жемчуг тот / Ловит в глублине, / Я ловил слова ее / Даже не ко мне.> 29—32: Дорогое самое / И любимое, / Чем душа жива была, / Стало мнимое. 33—36: Чем душа жива была, / Чем питалась. / Ах, чтоб эта тропочка / Затерялася! 34: Чем гордилась, тем, что минуло.

651 XIV. «*Знать бы чары лучше, что сгоняют тучи...*» В раннем варианте перевода строки: 9—11: <Об-

няла бы разом тело, чувства, разум, / Пожрала тревогу, заменив экстазом.> / Только там мой образ греет, а не ранит; 21—22: <Я тебя спасал бы из волшебных зданий, / Пыл воображенья, пыл моих мечтаний>. 26: В настоящем бродит <словно пес> голодный; 31: Опоздавши плачет, без толку горланя.

В рабочей тетради Ахматовой, заполнявшейся в 1958 г. (РГАЛИ), на л. 9 об. запись: «Поправки Франко», где в разделе «Сделано» значатся 12 поправок, а в разделе «Осталось» — две, в том числе «без толку горланя». Видимо, это было пожелание редактора, и Ахматова нашла замену: «голова в дурмане».

652 XV. «Что счастье жизни? Лжи струя...»

В раннем варианте перевода строки: 6: <Источник страсти зыбкой>; 8: <Фатальная ошибка>; 9: <Чуть-чуть я не поймал тебя>; 11: <Не смог я жить с тобой, любя —>; 13—15: <С тобой нам жить? Из тяжелой лжи / Усобища меж нами!> / Отдельно жить? — весь век тужить.

Шлемиль — человек, утративший свою тень, герой повести немецкого писателя-романтика А. фон Шамиссо «Удивительная история Петра Шлемиля».

653 XVI. «Коль не вижу тебя...» В раннем варианте перевода строка 10: <Меня двигают> ангелов руки.

654 XVII. «Если ночью услышишь ты, что за окном...» В раннем варианте перевода вторая строфа: <Не увидишь протянутой нищим руки, / Не заметишь сиротки бездомной. / Это только любовь моя плачет с тоски / От печали своей неумной>. На полях возле этой строфы помета: «Сама скорбь, само отчаяние», то есть пожелание усилить передачу чувств в последних строках. Ниже Ахматова записывает новый вариант строфы, совпадающий с печатным.

654 XVIII. «Хоть не увести тебе в тиши полян...» В ранних вариантах перевода строки: 2: Душистую мимозой золотою <Душистой павиликой золотою> <Левко-ем золотистым и пахучим>; 5—6: <Но все же мне твой образ осиян, / Ты мне не перестанешь быть святою>; 9: Тебя <укрою> в душу я мою / 12: Огонь очей <в напева вал угарный>; 15: Хрусталь <залита> попала: в нем навеки спит.

655 XIX. «Как вол в ярме, вот так я, день за днем...» В раннем варианте перевода строки: 2—4: Свой тяжкий плуг дотягиваю к краю; / Горю неярким медленным огнем / И ярко вспыхнуть — <способа не знаю> <больше не мечтаю> / больше не дерзаю.

XX. «Сыплет, сыплет, сыплет снег...» В раннем варианте строка 16: Меркнет, <слабнет> тухнет, угасает.

656 Третья горсть (1896). I. «Льдом студеным покрыта...» В раннем варианте перевода строки: 1: Льдом студеным накрыта; 11—12: 1) <Разве песни звоночки, / Чтобы горя завод заглушать>. 2) Разве стих колокольчик, / Чтобы горе мое заглушать.

I. «Да, умерла она. Бам-бам! Бам-бам!» В раннем варианте перевода строки: 1—4: <Да, умерла она. Дин-дон! Тоска! / То колокол посмертный так трезвонит. / Да, умерла! Как тяжкая доска, / Меня живого что-то к долу клонит. 7: <С души все мысли, те, что боль свела?> 10: А на губах ее еще малина, 13: Дин-дон! Далеко колокол разнес; 17: <И как я до сих пор не одурел; 20: Без петли, бритвы или пистолета? 23—24: 1) Вовек! <Гадюка> Змея мне сердце сожрала... / Сточила чувства, мысли! Умерла. 2) Навеки! мысли, чувства пожрала / Змея на сердце. Горе! Умерла! 3) Где чувства,

мысли где? ты умерла. 31: <Рыдать, кричать — болит гор-
тань моя.>

657 III. *«Мне теперь навеки дела нет...»* В раннем варианте перевода строки: 8—12: Хоть брат брата мучь <и убивай,> / <Нечего мне видеть впереди> / Нечего искать на свете рай. / Острый нож вонзится в сердца край / И навеки душу запер я. 18—19: <Порвана и из последних сил / Договора с бытием статья>.

658 IV. *«Как тень, я шел порой ночью...»* В раннем варианте перевода строки: 1—2: 1) <В аллее, позднюю весною> / Я шел. Ущербная луна; 2) В тени дерев ночной порою / Я шел. Ущербная луна; 17—30: Возненавидел свет и силу / И всю отраду бытия, / Любовь и песни бросил я / И жажду лишь небытия, / Чтоб лечь без памяти в могилу. / В аллее позднюю весною / Я шел в когтях моей тоски. / То позади, то предо мною / Сновали люди и звонки / Велосипеда раздавались / И с шопотом влюбленных пар / И с листьев шелестом мешались. / Но в сердце горечи угар / Ему не сделали анализ. 24—25: Велосипеды предо мною, / Звеня, сновали в темноте. 32: Что к жизни мне закрыта дверь; 36: <Весь ритм,> Всю песнь, что не воскреснет вновь.

659 V. *«Два белых окна с кружевной занавеской...»* В раннем варианте перевода строки: 2: И яркой геранью увиты. 12: Шаги его в уличном шуме. 19—20: <И колется> И вдребезги сердце, и высохли слезы, / <Палят> Горят воспаленные веки. 22: Мой лоб докрасна раскаленный.

660 VI. *«Отчаянье! Что я считал...»* В раннем варианте перевода строки: 2—4: Святым и близким к идеалу, / Себе комар бездушный взял / И кровь высасывает жалом. 6: <Считая в мире> самым лучшим; 13: Смотрю, как <ро-

зочка моя> та, что всех нежней; 15: Как <эта серая змея> этот скучный серый змей.

661 VII. «Жить не могу — не погибаю...» В раннем варианте перевода строки: 3—7: Еще покорствую судьбе. / В толпе хожу я одинокий, / Так пусть падет удар жестокий, / Я ненавистен сам себе. / Не жаль ни жизни, ни природы. 9: Что в горьком протекли труде. 11—12: А что передо мною встало? / Лишь бездна мглы, лишь тьма везде.

662 VIII. «Да, я хотел тебя убить...» В раннем варианте перевода строки: 5—9: Тенета чары с рук и ног / Хотел сорвать я и не смог. / Мое решение гоня, / Трусливый зверь внутри меня / Кричит, как потерявши мать —; 15—16: К стране, что — как насос сердца / Выкачивает до конца; 19—22: Я знаю, что не стоит жить, / Ничем не стоит дорожить, / Навеки потеряв ее, / Лекарство верное мое. 25—27: <Хотел бы я всю боль свою / К единой цели острию / Пустить.> Создать заряд как гром; 42: <А терны> Колючки мне дарила ты.

663 IX. «Любовь три раза мне была дана...» В раннем варианте перевода строки: 9: <Цвела и пахла, точно леса край> / Цвела как наш <лесной веселый> благоуханный край. 18: <Прекрасней хризантем или камелий> / Глядишь и взгляд <к одной стремится> иной не хочет цели. 20: <Но сжавши душу ужасом ледяным,> 22—25: <Я ждал — она утонет словно пьяный / В полночной луже, в тине где-нибудь,> / Она ж набухла <полымем багряным> и багровой стала. / Как Сфинкс <когтями мне> вцепилась в грудь; 29: Она исчезнет словно сон пустой; 31—42: Она задремлет на груди порой / Насытившимся, утомленным зверем, / То, вздрогнув, снова устремляет свой / Взгляд полусонный, как боясь потери, / В упор и пристально в глаза ко мне / И ис-

крятся на ней и мех, и перья / И яркий блеск гнездится в глубине / Ее очей, и снова страх привычный, / Но как-то там рождается на дне / Мелодия улады необычной. / Я забываю раны, боль и страх, / Я слышу только счастья голос зычный.

665 X. «Подходит мрак. Боюсь я этой ночи...»

В раннем варианте перевода строки: 26—28: <Как жернова мою сжимает грудь>. / О, оказаться б дома на мгновенье / В тепле и счастье тихо отдохнуть. 30: Хоть платишь за любовь насмешкой ты. 34: Из уст твоих сладчайший нектар пить; 36: <В твоих объятьях умерев, ожить.> 42: Чтоб взять хоть на минуточку ее! 45—48: При этом крике что-то вдруг упало / С меня, как лист увядший, <как краса> например, / А темное, холодное пристало — / То вера в черта, <вера в чудеса>, худшая из вер.

667 XI. «Бес нечистый, дух разлуки...» В раннем варианте перевода строки: 2: Неоправданной <несвершившейся> мечты, 5: Отзовись <на эти звуки!> на голос муки.

XII. «И он пришел ко мне. Не призраком крылатым...» В раннем варианте перевода строки: 3—4: Его известный вид, / А как пристойный пан, в плаще и пелерине, 6: Как <жид иль> старый езуит; 15—16: Подслушивать мастак. / Как говорили вы так просто конфискабель; 27: Сказали: «Вот беда, 28—29: 1) Хоть <к самому жиду иди, хоть к черту; что там, / Что столько лет его мешали вы с болотом>. 2) Хоть к черту самому теперь иди ты; разве / Беда, что вы его всего мешали с грязью, 33: Иль прямо в пекло к нам! 36: Велит обычай нам. 57: <Хлоп-стоп и вот те раз>. 60: Au revoir у нас.

670 XIII. «Матушка ты моя родненькая...» В раннем варианте перевода строки: 1—2: Мамочка ты моя

родненькая, / В несчастный год, в недобрый час; 7: Не дала ты мне чар роковой красоты, 13: Первое несчастье — это сердце <мягкое>; 15: <К красоте и благодати тянущее тело>; 16—18: А второе несчастье — холопский мой род, / Словно свет замурован под каменный свод / То отравленный хлеб, <погребальный вертеп>. <что бесславный вертеп>. — обесславленный склеп; 22: Мамочка ты моя родненькая!

671 XIV. «Песня, подбитая милая пташка...»

В раннем варианте перевода строки: 2—3: Смолкнуть с тобой нам пора, / Годы рыдали мы горько и тяжело, 5—6: <Годы бередим мы> <Лишь растрavляем мы> рану открытую, / Годы <вопим> вопя про любовь, 11: Песня <напоена> напита горем-отравою.

672 XVI. «Что песнь! Утратила она...» В раннем варианте перевода строки: 1: <Ты, песнь, утратила сполна>; 5: И <загнила> душа.

XVII. «Поклон тебе, Будда!..» В раннем варианте перевода строки: 9: Стал царственным нищим; 27—28: И дух паутиною / Их оплетен. 27—28: <И примет Нирваны / Его глубина>.

Сансара — в буддизме: течение жизни, бытие, странствование. *Нирвана* — в буддизме: совершенное, высшее состояние человеческой души, успокоение как результат полного прекращения процесса «перевоплощений» и жизни как страданий.

674 XVIII. «Душа бессмертна! Жить ей бесконечно!..» В раннем варианте перевода строки: 2—3: Вот дикая фантазия, годна лишь / Она Лойоле или Торквемаде; 21: Кто это дух? Он создан человеком; 28: Чем Ягве, Зевс, Астарта и Кибела.

Лойола Игнацио (1491—1556) — основатель ордена иезуитов. Торквемада Томазо (1420—1498) — доминиканский монах, великий инквизитор Испании. Ягве — Иегова, главное божество в древнееврейской религии. Астарта — древнефиникийская богиня плодородия и любви. Кибела — фригийская Великая мать богов.

676 XIX. «Самоубийство — трусость...» В раннем варианте перевода строки: 2—4: <Уход от борьбы> — / Скажут мне либералы / И приличий рабы. 3б: Пусть в землю бьет лбом. 40: Совершенней меня.

678 XX. «Такой удобный инструмент...» В раннем варианте перевода строка 21: <Ядро истлело> Истлел орешек — ну так прочь.

Чешская поэзия

Антология чешской поэзии XIX—XX вв.: В 3 т. Т. 1. М., 1959. С. 219—220, 224, 228—229; Т. 3. С. 17, 44—45, 52—54, 193, 108, 111 (К.Г. Маха, С.К. Найман, И. Волькер); Маха К.Г. Избранное. М., 1960. С. 91—92, 97; Незвал В. Лирика. М., 1964; Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965. С. 46—56; Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 324—325.

Анна Ахматова начала переводить чешских поэтов в 1957 г. В ОР РНБ — автографы и машинописные копии ее переводов Иржи Волькера, Карела Гинека Махи, Витезслава Незвала и Станислава Костки Неймана с подписями: «Пер<евела> А. Ахматова».

В рабочих тетрадях Ахматовой — подробные записи о работе над переводами Незвала в 1963 г. Вместе с тем следует принять во внимание утверждение Н.И. Харджиева, что шесть переводов стихотворений чешских поэтов, опублико-

ванных под именем Ахматовой, сделаны им. Харджиев пишет о сборнике «Голоса поэтов»: «...в сборник ошибочно включены 10 моих переводов: три стихотворения Иржи Волькера, три стихотворения Станислава Неймана <...>. Особенно искалечен перевод стихотворения И. Волькера «В парке около полудня». После первой строфы выпала пятая строка, рифмующаяся со строкой восьмой: «Я сегодня мальчик, к радости льнущий...».

Правильное чтение синтаксически связанной с ней шестой строки не «Я могу любить», а «И могу любить». После восьмой строки исчезла рифмующаяся с нею девятая строка:

Но и молитва крепнет, зрея, как яблоко в листьях гуще.

Наконец, разрушена рифма в предпоследней строке. Напечатано:

Я им стать должен;
Саблей молится воин.

Правильное чтение:

Я им стать достоин.
Саблей молится воин».

(Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. С. 230—231).

Н.И. Харджиев указывает далее, что в книге переводов Ахматовой «Дыхание песни» (1988) также напечатаны его переводы С. Неймана и что он переводил и некоторые стихотворения К.Г. Махи (Харджиев не называет их). Сопоставление высказываний Харджиева с имеющимися в ОР РНБ текстами чешских переводов Ахматовой показывает, что эти переводы сделаны Ахматовой, — под текстами есть ее подписи. Вопрос об авторстве перевода стихотворения «В парке около полудня» более сложен. Строка «Я им стать достоин» и следующая, рифмующаяся с нею, имеется в переводе Ахматовой. Девятой же строки, которую приводит Харджиев, в автографе нет. По-видимому, она принадлежит Харджиеву. Введя эту строку в ахматовский текст, мы переносим этот вариант перевода в раздел «Коллективное».

Иржи Волькер

Волькер Иржи (1900—1924) — чешский поэт. В юношеских стихах 1916—1920 гг. преобладают патриотические и интимно-лирические мотивы, в дальнейшем, в годы учения в Пражском университете, — идеи революционной борьбы. Первый сборник стихов «Гость на порог» (1921) отразил мечту поэта о мире всеобщей любви и гармонии. Второй сборник — «Час рождения» (1922) — составили стихи о трагизме положения рабочего в буржуазном обществе, о необходимости революционного преобразования мира. В университетские годы поэт был дружен с С.К. Нейманом, Э. Нееды. Рано умер от туберкулеза.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 242—243) — автографы двух стихотворений Волькера с подписями: «Пер<евела> А. Ахматова» — «В парке около полудня» и «Поэт, уйди!» — и корректурный оттиск первого с надписью рукой Ахматовой: «Иржи Волькер».

Карел Гинек Маха

Маха Карел Гинек (1810—1836) — чешский поэт и прозаик. Учился на философском и юридическом факультетах Пражского университета, писал романтические стихи, проникнутые идеями освободительного движения, чешского национального Возрождения, а также философские и интимные лирические стихи и поэмы. По определению автора вступительной статьи к сборнику Махи «Избранное» В. Мартемьяновой, «ему выпало на долю поэтически совершенно выразить противоречивый внутренний мир человека и оставить поколениям достоверный и впечатляющий образ Чехии трех первых десятилетий девятнадцатого века» (*Маха К.Г. Избранное*. М., 1960. С. 7). Первые стихи написаны К. Махой в 1827—1829 гг. Не признанное при жизни поэта, его твор-

чество было поднято на щит прогрессивными деятелями чешской культуры после поражения европейского революционного движения 1848 г. Поэма Махи «Май» (1835—1836 гг.) была признана лучшим поэтическим произведением Чехии XIX века.

Ахматова перевела четыре стихотворения Махи.

680 Объяснение к стихам. Под таким названием стихотворение опубликовано в «Антологии чешской поэзии» (т. 1. С. 219). В книге Махи «Избранное» (С. 94) оно имеет название «Посвящение в стихах». *Когда богемский лев.* — В древнем чешском гербе изображен белый лев на красном фоне. Здесь — символ Чехии, которая выступит против владычества Габсбургов и Австрийской империи.

«В роще вдруг запричитала...» Стихотворение из цикла «Эхо народных песен». *Карлов Тын* или *Карлштейн* — замок, принадлежавший королю Карлу IV (1346—1378), построен в XIV в. архитектором Матвеем из Арраса.

681 Ночь. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 328) — подстрочный перевод, черновой автограф и машинопись с правкой, оба текста с подписями «Пер<евела> А. Ахматова». Подстрочный перевод: «Ночь. Темная ночь! Ясная ночь! Обе вы побуждаете меня к печали. Темная ночь меня в пропасть толкает (букв.: в глубине теснит). Ясная ночь меня манит в высоты. Темной пропасти я страшусь. Ах! а к свету идти невозможно. Вы звезды ясные, вы звезды в вышине! К вам я стремлюсь, вы светлые миры, но только и земля — моя! Человек я, и человек погибнет; в лоно свое меня земля опять возьмет (предъявит, возвратит — букв.). Вы звезды ясные, вы звезды в вышине! К вам я буду стремиться, светлые миры! Ах! — Но только и земля будет моею! Если она цветком меня в жизнь возвратит (опять отдаст жизни), лист мой и цвет мой

(лепесток) повернет она к свету. Но, ах! только тьма земли
меня вновь охватит, свету не позволит проникнуть в стебли!
Вы звезды ясные, вы звезды в вышине!»

Варианты строк: 2—3: Та меня толкает в бездну, / Эта
манит к выси звездной. 17—20: Если я цветком восстану, /
То тянуться к свету стану, / Но и в тьму земную кану, / Не
проникнуть свету в стебли!

681 Дорога из Чехии. В «Антологии чешской поэзии»
(т. 1. С. 586) — примечание: «Стихотворение найдено в кар-
мане одежды, которая была на поэте в тот день, когда он, по-
могая при тушении пожара, смертельно заболел. Есть сведе-
ния, что стихотворение было доделано первым издателем
Махи — Карелом Сабиной».

Витезслав Незвал

Незвал Витезслав (1900—1958) — чешский писатель.
Народный поэт Чехословакии (1953). Первая книга стихов
«Мост» вышла в 1922 г., за нею последовали книги «Панто-
мима», «Маленький садик роз», «Надписи на могилах» и др.
Исповедовал идеи поэтизма, стремился к изображению жиз-
ни как игры комедиантов, воспевал возвращение к детскому
непосредственному восприятию мира. Отвращение к буржу-
азной морали привело поэта к утверждению права личности
на раскрепощение и стихийность. В 1934—1938 гг. Незвал
возглавлял группу чешских сюрреалистов. В конце 1930-х —
1940-е гг. в творчестве поэта усилились социальные мотивы.
Главными стали антифашистская тема, тревога за судьбу
страны, а после победы — вера в будущее обновленной роди-
ны. В 1950-е гг. писатель активно участвовал в общественной
жизни Чехословакии, был награжден золотой медалью Все-
мирного Совета Мира.

Ахматова подписала договор на перевод стихотворений Незвала с издательством «Художественная литература» 25 мая 1963 г. В ее рабочих тетрадях отражен процесс работы над переводами: в феврале 1963 г. в Москве она получает предложение переводить Незвала, до отъезда отбирает стихи, которые хотела бы переводить, в марте — апреле работает над ними уже в Ленинграде и в Комарове, в мае подводит первые итоги: «Незвал. Прод<авщица> чудес — 46, Добр<ой> ночи — 7, Ноктюрн — 12, Отдых — 14, Анданте — 20. <Всего> 99 стр<ок>».

10 мая 1963 г. запись: «Вспомнить Незвала «Доброй ночи!» Наконец, запись о предполагаемом составе книги переводов, куда войдут румыны, сербы, болгары, чехи, — «Незвал и др.» и пр.

Ахматова перевела пять стихотворений Незвала. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 329—332) — подстрочные переводы, авторизованная и чистовая машинопись переводов с подписями: «Пер<евод> А. Ахматовой».

682 Andante. В ОР РНБ — подстрочный перевод и два варианта перевода. Под одним, не совпадающим с печатным текстом, подпись: «Пер<евод> А. Ахматовой». Подстрочный перевод: «На черных клавишах дрожит зябко при свете месяца, который делает сетку для твоей золотой гривы, твоя правая рука. Моя любовь, мое желанье, мое ожиданье, — игра умолкает. Как долго длится, как уже долго длится эта пауза! Мои уста склоняются к твоей руке уснувшей. Эта белая птица. Я глажу эту маленькую голубку, но не целую. Мои губы коснулись белых холодных клавиш, твоих горьких уст. Я вижу в твоих зрачках, как гаснет площадь и деревья растут. Меня притягивают они, как водяные круги там, у омота. Я падаю на дно, а ты возносишься снизу и со всей вселенной».

Перевод с подписью Ахматовой:

АНДАНТЕ

На клавишах рояля боязливо
 При лунном свете,
 Что золотом осыпал твою гриву,
 Спят руки эти.

Мой друг, моя любовь, мое желанье,
 Вся радость спета.
 Как долго длится это ожиданье,
 Молчанье это.

К твоей руке склонился я устами,
 Ее святую
 Как птицу, согреваю я руками,
 Но не целую.

И вот коснулся клавиш я прохладных
 И уст горчайших.
 В глазах твоих увидел непонятных
 Деревьев чащи.

Меня влекут они, как омут.
 Несчастный пленный,
 На дно лечу я, ты ж мчишься мимо
 Из недр вселенной.

Анданте — музыкальный термин, означающий «умеренный темп».

683 Продавщица чудес. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 332) — два варианта перевода, оба с подписями «Пер<евод> А. Ахматовой». Один текст совпадает с печатным, другой, более ранний — машинопись с правкой рукой Ахматовой:

ПРОДАВЩИЦА ЧУДЕС

Когда бить начинается фонтан,
 И в кафе зажигают огни,
 Я встретился с вами
 (Иль это был тоже фонтан?)
 Вы прошли в красной шляпке, павлина ведя за собой,
 Предлагая тропические апельсины и цветы лотоса.

Под бровями мумии увидел я двух застывших рыб
 (Иль это глаза ваши были, блестящие, полные масла?)
 Лилии тропиков вы продавали и цветы лотоса,
 Моя прекрасная гремучая змея,
 И тропические апельсины.

В тот день (что за празднество было в тот день?)
 Праздник пампас и прерий?)
 Вы шли по бульвару
 И в сумке несли все чудеса Индии,
 Моя прекрасная мумия в лиловой шляпке,
 В тот вечер, павлина ведя за собою.
 Вы предлагали тропические апельсины.

И все колокола Европы,
 Все знамена Азии, все попугаи Африки
 И океанские рыбы
 Видели апельсины в корзинке.
 И в пламени бенгальского огня
 Подошел к вам прекрасный далай-лама
 И предложил вам своих рабов
 За ваших австралийских рыб, за цветы лотоса,
 Моя прекрасная продавщица бирюзы.

За ваши глаза, за ваш белый рот
 Он хотел подарить вам бриллиантовое кольцо
 И слона, который стерег бы тропические ваши лилии,
 Моя прекрасная гремучая змея,
 Моя продавщица ядовитых губ
 И жгучих апельсинов.

И пришел паренек с бубном,
 И предложил вам все планеты,
 И вы вынули свои глаза-рыбы
 И жгучим их ляписом
 Сожгли его нежные глаза,
 Моя продавщица чудес
 С глазами сирены.

И месяц в цилиндре, этот бледный джентльмен,
 Принес вам кровь бледных святых,
 И вы вернулись в песне
 На землю лиловых апельсинов,
 И цветущего лотоса, на землю вечной мечты.
 Моя прекрасная гремучая змея, моя продавщица чудес,
 Проходящая по вечерним бульварам.

Перевод А. Ахматовой.

685 Отдых. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 331) — подстрочный перевод и три варианта перевода сонета — авторизованная машинопись, все три с подписью: «Перевод А. Ахматовой». Подстрочный перевод: «Однажды я проснулся глубокой ночью на горах далеко от колодцев и звезд, и было мне прекрасно, как бродяге-пешеходу, который запекает песню, как только повернется спиной к колокольням городов. И я был счастлив, как после болезни. Я сорвал веточку в кустах и пошел, ведомый тайной силой, глубоко дыша и сжимая свой кулак. В том чистом воздухе я пил свежие ароматы, что, как бриллианты, дрожали, увлажненные луной. Мысли мои очищались, как звезды во время мороза. И я был счастливее низложенного короля, который среди пастухов, под звуки пасторали, узнает пастушку, которую раньше видел лишь на картинках». Один из вариантов перевода точно совпадает с печатным текстом. Первоначальный вариант перевода (до правки):

ОТДЫХ

Однажды пробудился я во мраке,
 Вдали от звезд и родников, в горах,
 И было мне прекрасно, как бродяге,
 Что песнь поет, забыв о городах.

Я счастье ощущал при каждом шаге,
 Я веточку сорвал себе в кустах,
 Я шел вперед в бесстрашии и отваге,
 И был руки моей всемогущим взмах.

И ароматами меня поили дали,
 Что в лунной влаге, как алмаз, дрожали,
 И мысли были чисты, как звезда,

Я был счастливей короля на плахе,
 Узнавшего в толпе в простой рубахе
 Пастушку, что не видел никогда.

Перевод А. Ахматовой.

Правка в строках: 2: Вдали от звезд и ручейков в горах;
 11: И мысли очищались в тишине. 14: Пастушку, что видал он
 лишь во сне.

686 Ноктюрн. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 330) —
 два варианта перевода. Один совпадает с печатным текстом,
 второй, более ранний:

Склонись к ветвям воды, срывая плод,
 Как садовод.
 Теплом руки сумей его согреть,
 Чтоб мог дозреть,
 Пока придет вечерняя заря,

Огнем горя.
 Налюбовавшись на ночной огонь,
 Раскрой ладонь —
 Твой плод взовьется, чтоб сиять он мог
 Ветвям дорог,
 И — видишь — он над глубиной речной
 Встает луной.

Ноктюрн — музыкальный термин, буквально — «ночная», пьеса певучего, мечтательного характера, как бы навеянная ночными образами.

Станислав Костка Нейман

Нейман Станислав Костка (1875—1947) — чешский поэт. Народный художник Чехословакии (1945). В юности участвовал в национально-освободительном движении, провел четырнадцать месяцев в тюрьме, где написал первую книгу стихов (1895). Главные темы поэзии 1890-х гг. — борьба против буржуазного общества, вера в победу трудящихся. В 1900—1910-е гг. Нейман живет в Моравии, где им изданы сборники «Чешские песни» (1910) и «Книга лесов, холмов и вод» (1914), которая считается одним из высших достижений чешской пейзажной лирики. Накануне Первой мировой войны Нейман увлекся идеями футуризма, что открыло чешской поэзии новые темы и новые возможности свободного стиха. В 1920-е гг. стал одним из основателей чехословацкой коммунистической партии и главой Пролеткульта, в конце 1920-х гг. отошел от политической деятельности, вернулся к темам любви. Книги этого периода — «Красные песни», «Песни о единственном», «Печаль», «Червоная дама», «Любовь». Пафосом борьбы с фашизмом проникнуты сборники 1930—1940-х гг. — «Сердце и тучи», «Соната земных горизонтов», «Бездонный год», «Зачумленные годы» (1946).

Ахматова перевела пять стихотворений Неймана. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 333—335) — автографы и машино-

писные копии с подписями: «Пер<евела> А. Ахматова», и корректурные листы издания «Антология чешской поэзии XIX—XX вв.». Т. III. С. 17, 44—45, 52—54.

687 Понял я твоё молчанье. В корректуре имеются некоторые отличия от текста автографа и машинописной копии. В автографе строки: 6: И спокойна не вполне! 10: Ты дрожишь! 17: Ты чиста! 32: Ты дрожишь! 36: По волнам песка бегущих. Очевидно, исправления были внесены до набора, по согласованию с редактором издания. *Как прислужница Астарты.* — Прислужница древнефиникийской богини плодородия и любви.

689 Полемика. I. «Дорог мне простор цветущий...» В автографе ОР РНБ стихотворение состоит из 15 строк, трех пятистрочных строф, — строка 15 дана по-латыни: «Sapī sapienti sat». Эта строка была пропущена при печати, очевидно, по недосмотру редактора. Восстанавливаем ее по автографу. В этом же автографе строка 1: «Да, лицо красы цветущей...». Далее идет перечисление, как в печатном тексте, но в пятой строке иной знак препинания — запятая и тире, так как фраза после перечисления заканчивается во второй строфе, — «Я люблю красу такую...». В автографе строка 9: Непонятных страстотерпец. То же — в машинописной копии, — возможно, так Ахматова хотела передать женский род множественного числа слова «страстотерпцы». В корректуре мужской род: «страстотерпцев».

II. «Я по земле хожу, людей встречаю...» В автографе ОР РНБ варианты строк 9—10: Обман? Напрасно слово это / Ищу. Оно мне кажется гнилым, 12: В похмелья час не развлекался им. 15: То любит слово — наваждение злое.

III. «Лишь раз в свое ты не поверишь счастье...» В автографе ОР РНБ строка 10: Сладчайшими лепечут головками.

ЭСТОНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Дебора Вааранди

Антология эстонской поэзии: В 2 т. Т. 2. М; Л., 1959. С. 315—316; Вааранди Д. Мечтатель у окна. М., 1960. С. 38; Литературная газета. 1966, 5 февр.

Вааранди Дебора Юлиановна (р. 1916) — эстонская поэтесса. Первый сборник стихов «Под пылающим небом» вышел в 1945 г. Последующие книги — «Под шум прибоя», «В ясное утро», «Стихотворения», «Мечтатель у окна» и др. — посвящены жизни послевоенной Эстонии. Стихи Вааранди проникнуты высоким гражданским чувством и глубоким лиризмом. В 1950—1960-е гг. она писала о любви, природе, переводила на эстонский язык русскую поэзию, в том числе Ахматову.

Под именем Ахматовой изданы восемь стихотворений Д. Вааранди. Первые ахматовские переводы вошли в «Антологию эстонской поэзии». Начиная с 1959 г., Ахматова постоянно включала имя Вааранди в состав будущей книги своих переводов — предполагаемой «Женской антологии». В ноябре 1965 г. в рабочих тетрадях Ахматовой появляются записи о новом заказе издательства на перевод 300 строк Вааранди — для одонотомника поэтессы. Эту работу Ахматова закончить не успела. В декабре 1965 г. к работе был подключен А.Г. Найман. В письме от 28 декабря 1965 г. он сообщает лежащей в больнице Ахматовой: «Последние дни я работаю очень много — перевел Нерис, вожусь с гречанкой и готовлюсь напасть на Вааранди. С Вашей помощью я, как видите, становлюсь специалистом по дамам» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 913). 4 февраля 1966 г. Найман пишет, что переводы Вааранди будут закончены им к 15 февраля, — 100 строк уже готовы, всего будет 450, после чего издательство должно передать ему подстрочники следующих 550 строк.

В одной из последних деловых записок, которую получила Анна Ахматова в конце февраля 1966 г., за несколько дней до своей смерти, под номером 2 значится: «Гонорар за перевод «Лимонного дерева» Деборы Вааранди можно будет получить 25 февраля». Все это позволяет с уверенностью предположить авторство Ахматовой только для переводов 1950-х гг. и — с некоторой долей сомнения — для опубликованного в «Литературной газете» «Лимонного дерева». Переводы, над которыми работал А.Г. Найман в декабре 1965-го — феврале 1966 г., исключаем из состава тома как не принадлежащие Ахматовой.

ЯКУТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Дружба народов. М. 1953. № 3. С. 174—175; Попов Л. Утро над Леной. Стихи и поэмы. М.; Якутск, 1953; Свет над тайгой. Стихотворения и поэмы. М., 1953; Алмазный край. М., 1958; Снегопад. М., 1963.

Леонид Попов

Попов Леонид Андреевич (1919—1990) — якутский писатель. Начал печататься с 1937 г. Первая книга стихов «Жду дней встречи» (1943) была посвящена событиям Великой Отечественной войны. Затем последовали сборники стихов «От всего сердца», «Чайки», «Идем по снежной целине», поэмы «Жизнь, ставшая песней» и «Моей республике».

Ахматова впервые подписала договор на перевод 200 строк Л. Попова с Якутским государственным издательством (ЯГИЗ) 30 июля 1952 г. 18 апреля 1953 г. ею был подписан договор на перевод 168 строк с издательством «Советский писатель». Всего Ахматовой были переведены девять стихотворений Л. Попова, написанных им в 1949—1952 гг.

Ахматова ценила свои ранние переводы с якутского, и в конце жизни, в августе 1965 г., составляя очередной план своей будущей книги переводов, включила в него стихотворение Л. Попова «Свет над тайгой». Вышедшая к тому времени книга «Голоса поэтов» состояла из стихов зарубежных поэтов, переведенных Ахматовой. Новая книга должна была представлять ее переводы поэтов братских республик СССР. Вот как выглядел этот план, подводящий итоги многолетней работы переводчика Анны Ахматовой (ЗК, 653): «Есть переводы. Украина: Франко. Татария: Джалиль. Белоруссия: <...>. Литва: Саломея Нерис. Армения: Чаренц, Исаакян, Маро Маркармян, Варужан. Якутия: Попов («Свет над тайгой»). Эстония: Дебора Вааранди. Латвия: Райнис. Кабарда: Шогенцуков. Еврейские: Галкин, Баумволь, Перец Маркиш. Грузия: Гришашвили, Яшвили. Молдавия: <...>. Осетия: Коста Хетагуров».

КОЛЛЕКТИВНОЕ

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Цюй Юань

703 Лисао. Основная роль в переводе поэмы принадлежит, очевидно, Н.И. Харджиеву. Однако можно предположить участие Ахматовой в окончательной «отделке» и редакции текста. В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 276) сохранились многочисленные примечания к тексту «Лисао», сделанные, по-видимому, автором подстрочного перевода.

Поэма написана в период, когда Цюй Юань был отрешен от должностей при дворе и сослан на юг Китая.

Лисао (к и т.) — скорбь. В качестве названия поэмы переводилось на русский язык как «Элегия разлученного».

2. *Чжуань, сын неба...* — Чжуань или Чжуань-суй (2513—2435 гг. до н.э.) — легендарный китайский император, считавшийся предком царского рода Чу, к которому принадлежал и Цюй Юань.

3. *В седьмой день года...* — Седьмое число первого месяца года по лунному календарю. День считался счастливым для родившихся мальчиков.

7. *Чжен-цзе* (к и т.) — правильные принципы.

11. *Шпажник* — цветущий кустарник.

16. *Суман* — болотное растение. В Древнем Китае его приносили в жертву луне.

20. *И дни красавца князя сочтены.* — Имеется в виду Хуай Ван, правитель государства Чу, который, по мнению Цюй Юаня, предавался порокам и несправедливо отправил в изгнание поэта, пытавшегося направить его на истинный путь. Ему поэт противопоставляет других правителей, прославившихся в истории Китая праведной жизнью и мудростью.

25. *Юй* — легендарный древнекитайский император (2205—2197 г. до н.э.), основатель династии Ся (2205 — 1783 гг. до н.э.). *Чэн Тан* (1783—1753 г. до н.э.) — основатель династии Шан или Инь (1783—1122 г. до н.э.), сверг последнего правителя династии Ся Цзе Вана, отличавшегося жестокостью. *Вэнь Ван* — отец У Вана, основателя династии Чжоу (1122—1247 гг. до н.э.).

29. *Шунь* (или Чун Хуа) — один из трех легендарных правителей, по преданию, царствовавший в 2255—2208 гг. до н.э. *Яо* — его предшественник, легендарный правитель 2357—2258 гг. до н.э. Их царствования считаются золотым веком китайской истории.

31. *Цзе* — жестокий император Цзе Ван (см. примеч. к строке 25). *Чжоу* — Чжоу Ван — последний правитель династии Инь (Шан), правивший с 1154 по 1122 г. до н.э. Имя его стало нарицательным для обозначения тирана. Против не-

го поднял восстание У Ван, разгромил его войско, и Чжоу Ван покончил с собой, бросившись в огонь.

50. *Му* — мера площади, равная 1/16 гектара.

52. *Духэн* — душистое растение, цветущее весной. Встречается в тенистых местах среди скал.

76. *Пэн Сянь* — по преданию, мудрый сановник одного из императоров династии Инь. После того, как его совет был отвергнут императором, бросился в реку и утонул.

113. *Чилилл* — водяной каштан, однолетнее водяное растение, цветущее белыми цветами.

131. *Гунь* — легендарный отец императора Юйя, основателя династии Ся. Гунь был казнен в Юйшане императором Шунем по обвинению в неумелой борьбе с наводнением, которое произошло в Китае в XXIII в. до н.э.

143. *Сян* — река в провинции Хунань.

144. *Чун Хуа* — легендарный император Шунь, могила которого находится на горе Цзюишань к югу от реки Сян.

145. *Ци* — сын императора Юя, правивший с 2197 по 2188 г. до н.э.

146. *Ся Кан* или Тай Кан — сын Ци, правивший с 2188 по 2159 г. до н.э.

149. 152. *Хоу И* — правитель княжества Цюи, живший в XXII в. до н.э., узурпировавший власть династии Ся и убитый за это своим близким сановником Хань Чжо. Хань Чжо в свою очередь присвоил себе власть и был убит в 2079 г. до н.э. своим придворным Бо Ми, вернувшем власть законному наследнику династии Ся-Шао Кану.

153. *Го Цзяо* — сын Хань Чжо, по приказу отца в 2119 г. до н.э. убивший правителя Сяна.

157. *Ся Цзе* — см. Цзе Ван (примеч. к строке 31).

159. *Хоу Синь* — см. Чжоу Ван (примеч. к строке 31).

183. *На феникса сажусь, дракон в упряжке...* — По китайской мифологии, феникс и дракон, на которых путешествовали в небесном царстве, — символы бессмертия.

185. *Цаньу* — место, где, по преданию, погребен император Шунь.

186. *Сяньцзу* — священная высота в горах Куэньлунь.

189. *Си Хэ* — по китайской мифологии, девушка, возница солнца, которое на ночь прячется в пещеру в горе Яньцзы.

193. *Сяньчи* — пруд или озеро, в котором омывается солнце.

184. *Фусан* — сказочное дерево, где живут десять братьев-солнц, по очереди поднимающихся на небо.

198. *Фей Лянь* — божество ветра, который в китайской мифологии изображался как старик с белой бородой, в желтой одежде и красно-голубом колпаке.

199. *Луаньхуан* — сказочная птица, олицетворение мудрости и гуманности.

200. *Лей-ши* — бог грома в виде человека с крыльями и клювом орла.

213. *Река Белая* — река Байхэ, по китайской мифологии, река бессмертия, вытекающая из гор Куэньлунь.

214. *Ланфын* — одна из вершин в горах Куэньлунь, считавшаяся обиталищем бессмертных.

217. *Чуньгун* — «Дворец весны», по китайской мифологии, дворец небесного «Синего императора», который правил восточной частью неба.

218. *Бессмертная ветвь* — ветвь сказочного яшмового дерева цюнчжи, растущего на горах Куэньлунь, дарующая бессмертие тому, кто ее носит.

221. *Фын Лун* — божество грома и облаков в китайской мифологии.

222. *Ми-фей* — дочь сказочного императора Фу-си. По легенде, утопилась в реке Лошуй и стала духом этой реки (русалкой).

224. *Цзянь Сю* — один из верных сановников императора Фу-си.

227—228. *Цюньши* — горная местность на территории провинции Хэнань, где, по легенде, жил Хоу И после захвата им власти у династии Ся. *Вэйпань* — река, берущая начало у горы Яньцзы, близ пещеры, где прячется на ночлег солнце.

236. *Увидел я юсунскую Цзянь-Ди*. Юсун — название удельного княжества и рода в Древнем Китае. *Цзянь-Ди* — девушка, впоследствии ставшая женой легендарного императора Ди Ку, правившего Китаем с 2435 по 2365 г. до н.э. и считающегося символом мудрости.

243. *Свой дар принес юсунской деве феникс*. — По преданию, когда Цзянь-Ди с сестрой купались в реке Сюаньцю, пролетавшая над ними птица феникс («сюань») уронила яйцо, которое было так красиво, что Цзянь-Ди подобрала его и спрятала на груди (по другой версии — проглотила), после чего у нее родился сын Ци, предок основателя Шанской (Иньской) династии Чэн Тана.

247—248. *Шао Кан* — правитель династии Ся (2079—2058 гг. до н.э.). *Две девы юйские* — две девушки из семейства Яо в княжестве Юй, отданные в жены Шао Кану, когда он, изгнанник и скиталец, нашел там приют. Отец Шао Кана, правитель Сяна, был убит, беременная мать вынуждена была бежать в княжество Чжен, где и родила сына Шао Кана. В дальнейшем благодаря помощи верных сановников Шао Кан вернул себе престол и восстановил династию Ся. Цюй Юань уподобляет свою судьбу изгнанника и скитальца судьбе Шао Кана.

257. *Цзюмао* — растение, цветущее красными цветами.

258—259. *Вещунья Лин-фень* — знаменитая прорицательница в Древнем Китае.

261. *Девять царств* — Китай, в древности разделенный на девять царств.

279—280. *У-сянь* — шаманка-прорицательница. Ее дух вызывали с помощью приношений риса и перца.

282. *Девы горные* — прислужницы в храме на могиле императора Шуня на горе Цзюишань (Цаньфу).

291. *Мудрый Фу* — Фу Юэ, придворный сановник иньского правителя У Дина (1324—1265 гг. до н.э.). Долгое время провел на каторге, но проявил мудрость и осмотрительность, за что был возвращен правителем на пост министра двора.

293. *Люй Ван* — один из сподвижников чжоуского правителя Вэнь Вана, воспитатель его сына У Вана. Правитель пригласил мудреца к себе на службу, когда тому было уже более семидесяти лет.

295. *Нин Ци* — пастух, обладавший удивительным голосом и даром сочинять песни. Однажды его пенье услышал правитель княжества Ци Хуань Гун и пригласил к себе на службу, сделав своим сановником.

299—300. *Крик осенний пеликана... запаха лишит.* — По древнекитайскому преданию, крик пеликана возвещает начало осени и потери цветами своих запахов.

305. *Изменчиво в безумном беге время.* — Философия «бега времени» и сама эта формулировка были близки Ахматовой и использованы ею в четверостишии «Что войны, что чума» и в названии итоговой книги стихов «Бег времени». См. коммент. к с. 819 наст. тома).

307—328. *Завяла и не пахнет «орхидея»...* — Поэт использует символику цветов, распространенную в древнекитайской философии и поэзии для обозначения своих друзей и врагов при дворе Хуай Вана. «Орхидея» — младший сын правителя, которого звали Цзы Лань («лань» — орхидея); «перец» — один из министров, предавший Цюй Юаня. *Цзечэ, цзянли* — местные названия душистых цветов в провинциях Хубей и Хунань.

344. *Песня птицы сказочной звенит.* — По древнекитайскому преданию, нефритовая сказочная птица сопрово-

ждает человека в заоблачных странствиях, звеня, как колокольчик.

345. *Гяньцзинь* — «восточный небесный полюс», восточный край Млечного Пути.

346. *Сицзи* — «западный полюс», западный край Млечного Пути.

350. *Красная река* — или река Чишуй — древнее название мифической реки, берущей начало с гор Куэньлунь.

355. Бучжоу — гора к западу от главного хребта Куэньлунь.

363. *Священных девять песен* — старинные обрядовые песни времен династии Ся.

373. *Пэн Сянь* — см. коммент. к строке 76. Слова эпиграфа «В обители Пэн Сяня скроюсь» означают намерение покончить с собой по примеру Пэн Сяня.

УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иван Франко

717 *«Свободные сонеты»*. В переводах, возможно, принимал участие Лев Николаевич Гумилев.

В ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 415) — автографы ранних вариантов переводов с правкой и чистовая машинопись. Нумерация римскими цифрами с I по XIX. Сонеты «Наука» и «Две дороги» (в автографе — «Два пути») имеют номера V и VI. Автографы нескольких сонетов представляют собой ранние варианты переводов. Машинописные тексты, как правило, совпадают с печатными вариантами. Правка в отдельных строках машинописных текстов возникла, скорее всего, в результате работы с издательским редактором.

1. *«Сонеты — как рабы. На них оковы...»*. Строка 2: Смиряющие трепетное слово.

718 II. «Зачем, мужик, ты к знатным затесался?..». Строки: 1: «Зачем, холоп, ты к знатным затесался?» 5: Ты от борьбы с властями отказался.

III. Котляревский. Строка 5: <Задетый, покатился к долу> ком; 7: <Лишь час прошел. На склоне>, словно гром; 11: Вначале шуткою звучал напев.

719 V. Наука. Автограф раннего варианта перевода:

V. НАУКА

Хоть вечно злой тиран ее гнетет,
Его холопы гонят что есть силы,
Хоть рада тьма ее загнать в могилу,
Она жива, она всегда живет.

Хоть злобы вихрь безумствует над нею,
Хоть навсегда попами проклята,
Хоть тяжела на ней царя пята,
Она проста, она растет, мощнеет.

Хоть род людской неверными путями
Блуждает, — верный проводник она,
Найдет дорогу, что для всех нужна,

Хоть гневными клянут ее словами
Людишки, к крикам их она бесстрашна
И для добра их трудится всечасно.

720 VI. Две дороги. Автограф раннего варианта перевода:

VI. ДВА ПУТИ

Жизнь предлагает людям два венца,
И к цели нас приводят две дороги.
Одна — трудиться и калечить ноги,
Велит терпеть другая до конца.

Счастливы народ и муж, который волей
 Судьбы ведом обоими путями:
 То поприщем труда, то страсти полем,
 Чтоб молча шел он сквозь позор и пламя.

Чтоб он шагал, как ночью путник в поле
 С слезой в очах, с надеждой, что взойдет
 На небе солнце долгожданной воли.

Так, братья, нас рука судьбы ведет.
 Идем наперекор враждебной доле
 Навстречу свету и любви, вперед.

720 VII. «Слепы клянут наш век напрасно, веря...». Строки: 8: И мощно <надуваются> наполняются ветрила. 13: А <убеждений>, непреложный правды яркий свет; 14: <Ну разве это не живая сила?>.

721 VIII. «О сердце женщины! Ты лед студеный...» Автограф раннего варианта перевода:

О сердце женское! — Ты лед студеный
 Или цветок блистательной весны,
 Луч месяца иль пламень раскаленный,
 Что все убил? Иль сладостные сны —

Невинности? Стяг, кровью обгаренный
 И розы мы в тебе искать должны
 Иль тернии? Ты демон тьмы бездонной
 Иль светлый дух надземной вышины?

И может быть твоя любовь какой?
 К чему стремишься и чего не любишь?
 Что вечное и что на миг? Открой!
 Ты — океан, ты манишь и погубишь,
 Ты — рай, добытый смертной ценой,
 Ты — лета блеск, ты — гром в небесной глубине.

722 IX. «*Страшитесь вы той огненной стихии...*» Автограф раннего варианта перевода:

Вам страшно огнедышащего вала,
Когда из всех сердец, как божий гром,
Вдруг грянет правда, будто из подвала,
Оковы мира разорвав на нем.

Бойтесь вы, чтоб кровь не заплескала,
Не растеклась и не подмыла дом
Святого просвещения и не смяла
Движенья мысли творческой потом.

Не бойтесь! Нет, в пучине волн кровавой
Не гибнут мысли, правда и добро,
В них много больше далее величавых.

Не бойтесь! Не гуманности ядро
Сломает буря, а снесет огрехи,
Чтоб семя разрасталось без помехи.

X. «*Мы ищем в юности нетерпеливо...*» Автограф раннего варианта перевода:

Мы торопливо в юности желаем
Найти свой путь, и молодым умом
Так просто, прямо жизнь располагаем,
Так честно, смело боремся со злом.

Потом, как в давку пьяную вступаем,
То тут, то там толкают нас плечом,
Мы кое-как удары принимаем,
А кой-кого и сами мы толкнем.

Оглянемся — и где все наши планы,
Жизнь, как пути неверные, темна,
Мы кружимся без цели средь тумана.

Пусть станет жизнь волной, — грязна, мутна,
 Но где пройдет — земля благоуханна
 И плодоносной силою полна.

Вариант строк 13—14: Но где она пройдет — благоуханна / Земля и силой свежеею полна.

723 XI. «Когда железо силою живую...» Автограф раннего варианта перевода:

Когда железо с непонятной силой
 К себе другое тянет, и зовутся
 Магнитами, не в тишине унылой,
 А в напряжении они сольются.

Безделье было б для него могилой,
 Под ржавчиной кристаллы распадутся.
 И сердце так, стрелой печали хилой
 Пробитое, не может вновь очнуться.

И труд лишь с тела ржавчину сгоняет,
 Живое чувство прячет, охраняет,
 Гнилую яму может осушить.

В работе лишь творится мужа сила.
 Весь этот мир работа сотворила.
 Лишь для труда на свете стоит жить.

724 XIII. Сикстинская мадонна. Автограф раннего варианта перевода:

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Кто смел сказать, что не богиня ты,
 Где тот безбожник, что без нервной дрожи
 Твое лицо святое видеть сможет,
 Не тронувшись сияньем красоты.

Ты божество, ты с розой райской схожа,
 О, брось мне взгляд с нетленной высоты,
 Смотри — я верил: небеса пусты,
 Но пред тобою ниц склоняюсь тоже.

О боге, духе можно сомневаться,
 Рай с адом могут сказкою считаться,
 Но красота твоя не сказка, нет! —

И час придет, когда весь мир покинет
 Богов и духов, лишь тебя, богиня,
 Он будет вечно чтить на полотне.

725 XV. Песня будущего. Автограф раннего варианта перевода:

ПЕСНЯ БУДУЩЕГО

Настанет час: ты сбросишь прах презренья
 И засияешь яркою звездой,
 И люди устремятся за тобою,
 Сердца почуют сил твоих биенье.

Настанет час решительного боя
 Последнего, за правду и свободы,
 Ты поведешь грядущие народы
 И опорочишь старый храм собою.

И над счастливым миром обновленным,
 Над чистотой, подаренной сердцам,
 Ты зацветешь цветком преображенным.

Тот час придет! Шаги его за нами
 Мы ощущаем мыслью и телами.
 Дождаться же его — не нам... не нам!

725 XVI. *«Долой пустые словосочетанья...»* Автограф раннего варианта перевода:

Нет, хватит, хватит словосочетанья,
Довольно формой гладкой и блестящей,
Как чешуею, в сумраке светящей,
Скрывать червей горючего страданья.

Приходит врач! И не к чему скрыванье
Гниющих язв. Пускай повязку стащит,
Чтоб отыскать источник ран смердящих
И выжать гной своею смелой дланью.

Пора, чтоб человечность взрослой стала,
От детских игр навеки отреклась,
Свое предназначение познала,

Чтоб снеговая вьюга улеглась,
Пора пустых порывов миновала,
Пора же дел разумных началась.

726 XVII. *«Нет, не любил доселе никогда я...»* Автограф раннего варианта перевода:

О нет! Любовью истинной, высокой
Я не любил на свете никого
Так, чтобы в душу проникать глубоко
И не терять при этом своего.

Пронзить себя его стремлений током,
Творить без мысли благо оттого,
И вовсе незаметно для него
Идти с ним к цели светлой и высокой,

Быть сразу господином и слугою,
Забывать себя и быть самим собою, —
Такой любви моя не знала грудь.

Быть может, самолюбие мешало,
 Быть может, сил живых недоставало,
 Быть может, был неверен жизни путь.

14-я строка не зачеркнута, но ниже предложен вариант:

Иль может быть неверен был мой путь.

726 XVIII. *«И довелось же мне узнать страданье!..»* Автограф раннего варианта перевода:

Страдание там было предо мною,
 Где лишь любовь правдивую искал я.
 Я за нее бы отдал все земное,
 Но всюду лишь бессилие встречал я.

То под холодной гордости броней,
 То в платье сладких слов конвенциональном,
 То в грез да слез плаще сентиментальном,
 Всегда негодных к жизненному <строю> бою.

Но там, где не искал, где от желаний
 Дурных я стал жестоким, низким, вредным,
 Я там ее нашел. За это ранит

Меня двойное горе жалом медным:
 То зло — что я грехом своим считаю,
 Добро — которым даром обладаю.

727 XIX. *«Когда в сонетах Данте и Петрарка...»* Автограф раннего варианта перевода:

Когда в сонетах Данте и Петрарка,
 Шекспир и Спенсер прелесть воспевали,
 То в форму, <как в изысканную чарку>
 словно в мастерскую чарку,
 Вину подобно страсть они вливали.

Но чарку немцы в меч перековали,
Ища патристичного подарка,
Их «панцирный» сонет, как унтер, гаркал,
Любя лишь крови цвет и отблеск стали.

Нам, хлеборобам, меч не нужен боле,
Его перековать отыщем случай
Для наших нужд, согласно нашей воле:

На плуг — пахать для будущего поле,
На острый серп — чтоб жать пшеницу лучше,
На вилы — чистить Авгиевы кучи.

Последняя строка едва ли могла быть написана А. Ахматовой, своей вызывающей резкостью она больше соответствует стилю недавнего заключенного и ссыльного Л.Н. Гумилева.

Спенсер Эдмунд (1552—1599) — английский поэт, автор цикла сонетов «Аморетти» (1591—1595).

Под редакцией Анны Ахматовой

КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Неизвестные авторы

728 «Соберу по зернышку любовь...» Перевод А.А. Холодовича под редакцией А. Ахматовой.

«Когда б, мечом пронзив мне грудь насквозь...» Перевод А.А. Холодовича под редакцией А. Ахматовой.

729 «И сегодня ночь настала...» Перевод А.А. Холодовича под редакцией А. Ахматовой.

НОРВЕЖСКАЯ ПОЭЗИЯ

Нурдаль Григ

730 Герд. Перевод Н.И. Харджиева под редакцией или при участии Ахматовой.

ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ

Иржи Волькер

732 В парке около полудня. При участии Н.И. Харджиева. См. коммент. на с. 991.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДОВ А. АХМАТОВОЙ, ВОШЕДШИХ В ТОМА 7—8

- «А мысль — ее ход запутан...» (Трены вислянские, 3)
Ж — 456, 910
- «А там пастухи на свободных горах...» *Ж* — 61
- «А утром сердце нещадно...» (Трены вислянские, 8)
Ж — 457, 910
- Август («Последний звон косы давно умолк...») *Ж* — 407, 890
- Автору «Анамики», поэту Сурьяканту Трипатхи Нирала («Поэт, поток твоих стихов разрушил льда твердыню...») *Ж* — 207, 800
- Анеле Мощенской (1, 2) *Ж* — 446, 907
- Анемоны («Вновь цветут анемоны над Сеной...») *Ж* — 401
- Аноним («Как рокот созвучий, как залах шальной...») *Ж* — 451
- Аромат поляны («Как память сон далекий сохранила?...») *Ж* — 372
- Аспазия («Является мне в мыслях иногда...») *Ж* — 233, 807
- Африка («В далекий тот и самый смутный век...») *Ж* — 166, 785
- «Ах, вечно ты пребываешь здесь...» (Вечная любовь, 2)
Ж — 147, 779
- «Ах, если бы ты примчался ко мне...» (Три желания, 2)
Ж — 141, 776

«Ах, если бы ты устремился к Сестре...» (Три желания, 3) *Ж* — 142, 776

«Ах, индиго, сурик, охра...» (Из книги «Увядшие розы», LXIII) *Ж* — 505

«Ах ты, дубок, дубочек кудрявый...» (Увядшие листья. Вторая горсть, 8) *Ж* — 644, 981

«Бабич Голуб пьет вино неспешно...» (Бой на Грахове Боснийском) *Ж* — 521, 957

Баллада («Вот баллада об убитой...») *Ж* — 458, 911, 912

Баллада («Ранней ранью, утром серым...») *Ж* — 588

Бегство («Когда людей я встретил в первый раз...») *Ж* — 374

Бедная возлюбленная («Ветер веет...») *Ж* — 512, 940, 950

«Бедствует девица-сиротинка...» (Девушка перехитрила Марко) *Ж* — 554, 963

Без названия (*К безымянной*) («Клялась прийти...») *Ж* — 274, 825

«Безветренная, сладостная ночь...» (Вечер праздничного дня) *Ж* — 215, 804, 805

Бездетные («Когда подходит сумерек пора...») *Ж* — 592, 965

Безлюдная долина («Есть безлюдная долина, озаренная луной...») *Ж* — 208, 801

Безумие («Могучий вихрь — тревоги грозный знак...») *Ж* — 24, 25, 74, 750

«Белизна первоцветов плывет по газонам...» (В парке около полудня) *Ж* — 679, 732, 991, 1019

Берег речки инеем сверкает (Осень в Урсдоне) *Ж* — 442, 901

«Бес нечистый, дух разлуки...» (Увядшие листья. Третья горсть, XI) *Ж* — 667, 988

Бесконечность («Всегда мне мил был этот холм пустынный...») *С* — 215, 804, 805

«Бескрайнее поле, где снег пеленою...» (Увядшие листья. Первая горсть, X) *С* — 629, 977

«Бесплотная уже и как бескровна...» (Вечная) *С* — 72, 750

Беспокойная («Ты катишь, о великая река...») *С* — 172, 787

Бессмертному поэту («Наставник мой, певец с осанкой полубога!..») *С* — 127, 764

Бетховен («Зачем ты шествуешь сквозь бурю...») *С* — 404

«Блистание звезд погасить...» (Темное небо) *С* — 466, 915, 920

Богатство («Родина и сын — милее жизни...») *С* — 52

«Бодро шел ты за победой светлой...» (Идущий побеждать) *С* — 365

Бой на Грахове Боснийском («Бабич Голуб пьет вино неспешно...») *С* — 521, 957

«Большая мудрость есть, поверьте мне, в улыбке...» (Улыбка) *С* — 126, 762

«Бомбы выли близко...» (Герд) *С* — 14, 730, 892, 1019

«Брат мой, лес, советом добрым...» (В лесу) *С* — 472

«Будто сразу присмирел...» *С* — 439, 901

«Буду жертвой твоей, только дверь мне открой...» (Из поэмы «Песни Алагяза», IV) *С* — 46, 741, 744

Буйствуйте, ветры! («Яблоньки в садах моей отчизны...») *С* — 405

«Бьет колокол пятую стражу...» *С* — 299, 832, 848

Бывает раннюю весною *С* — 124

«Был Сурик парнишка ясноглазый...» (Сурик) *С* — 50

«Были вместе они там, где снежной короной...» (В альбом Марии Водвинской) *С* — 443, 903, 905

«Было лето, и солнце высоко взошло...» (Экскурсия)
7 — 266, 640

«Быстрые кони...» (Песни на границе) 8 — 271, 815,
824

Быть цветком? («Расцветают. Молча громоздятся...»)
8 — 455, 910

В альбом Зофье Бобровой («Пусть Зося у меня стихов
не просит...») 8 — 447, 908

В альбом композитора («Орфей зверей игрою усми-
рял...») 8 — 419, 893, 896

В альбом Марии Водзинской («Были вместе они там, где
снежной короной...») 8 — 443, 903, 905

В вагоне («Как с испуга, без сознания...»; Увядшие ли-
стья. Вторая горсть, X) 8 — 648, 982

«В вечерних сумерках...» (Лимонное дерево) 8 — 692,
1003

«В воздухе нет дуновения, которое могло бы разбить вол-
ну...» (Гяур) 7 — 266, 639

В горах (1—5) 8 — 305—306, 850

«В далекий тот и самый смутный век...» (Африка) 8 —
166, 785

«В детстве над моей родною кровлей...» (Из книги
«Увядшие розы», XXXVIII) 8 — 500

«В замке часы глуховато...» (Трены вислянские, 6) 456,
910

«В лес уходит наш Мият отважный...» (Смерть Сочиви-
цы Станко) 8 — 578, 963

«В лесной листве, забрызганной росой...» (Паломничест-
во, 9) 8 — 192, 795

В лесу («Брат мой, лес, советом добрым...») 8 — 472

«В лист лотоса горсть риса завернуть...» 8 — 322

«В мимозах стынет осени начало...» (Воспоминание)
8 — 467, 915, 922

В моей стране («Плуг покрывает поле бороздами...») 8 — 411, 891

«В неизменном нашем мирозданье...» 8 — 195, 797

«В ночной тишине Цзиньлина...» (На Западной башне в городе Цзиньлин читаю стихи под луной) 8 — 272, 815, 824

«В ночь лунную на острове Хансан...» 8 — 326, 858

В ожидании («Вот лодка с парусом поникшим...») 8 — 473

«В окне мелькнула тень...» 8 — 350, 873

«В памяти навеки сохранится...» (Снег) 8 — 77, 751

В парке около полудня («Белизна первоцветов плывет по газонам...») 8 — 679, 732, 991, 1019

«В переплетении мира лесного...» 8 — 200, 798

«В подарок веер получила я...» 8 — 346

В подвале Зимнего дворца («Под этим мрачным сводом, тут...») 7 — 278, 646

«В прекрасной осени — печали нету места...» (О чем грустить?) 8 — 479, 927

«В прошлом — забвенье...» (Путь героя) 8 — 380

«В Путне древняя обитель в солнечных лучах сияет...» (Справедливость) 8 — 485, 930

В родном краю («Где тополя стоят, как стражи...») 8 — 57

«В роще вдруг запричитала...» 8 — 680, 993

В саду («Калитку в милый сад...») 8 — 53

В саду знаний («В цветнике науки, братья, не пора ли нам гулять...») 8 — 610, 967, 971

«В саду летают паутинки...» (Песня в Западном тереме) 8 — 278, 828

«В сады и на поля пришла весна...» 8 — 354, 875

«В себя, как раковина в щель...» (Песня жизни) 8 — 475

«В селенье горное спустилась ночь...» 8 — 331, 863

«В селенье горном снег на землю выпал...» 8 — 319, 854

«В сердце, что оледенили...» (Из книги «Увядавшие розы», XXVI) *8* — 500, 945

«В те дни, когда погиб Хэю...» (Льюм) *8* — 89, 737, 755

«В твоём я взгляде вижу...» (Из книги «Розы», XX) *8* — 496, 945

«В тебя и можно верить и нельзя...» *8* — 325, 858

«В тени дерев, меж сумрачных развалин...» (Воспоминание о прошлом) *8* — 384

В третий раз («Прочь, дурень-ветерок! Не спрашивай — куда!...») *8* — 133, 769

«В тумане столетий пропали...» (Новые люди) *8* — 477

«В цветнике науки, братья, не пора ли нам гулять...» (В саду знаний) *8* — 610, 967, 971

«В чаще стук, и не дятел стучит...» (Олень) *8* — 464, 915, 918

В школе («Лес и поле оголила осень жесткою рукой...») *8* — 612, 967

«В штанах коротких, за плечом — мотыга...» *8* — 334, 865

В этом доме они... («В этом доме они тихо жили вдвоем...») *8* — 421, 896, 893

Варшавская колядка 1939 года («Не дай нам, Матерь, Христа рождения...») *7* — 286, 647

«Веет ветер, нежно глядя травы...» (Жду тебя, 1, 3) *8* — 596, 597

«Везде царит последняя беда...» (Всеуничтожение) *8* — 21, 168, 785, 786

Великие круги («Те волны движут в небесах светила...») *8* — 377

Венера и Мадонна («Идеал, навек погибший в бездне сгнувшего мира...») *8* — 483, 930

«Вера в святость дальней цели...» (Три приметы, 1) *8* — 371

Верблюжий караван («Тяжко сердцу прожить трое суток без ветки зеленой...») *Ж* — 65

«Верно, не для того ты родилась...» (Навзикая) *Ж* — 0

Весна в Якутии («Туман над замершей рекою дымится...») *Ж* — 696

«Весна! Ты с моею родимой страной...» (Доброе утро, весна!) *Ж* — 482, 927, 929

Весна 1945 года («Луга опьянели от благоуханья трав...») *Ж* — 103

Весной («Кап да кап и все хрустальней...») *Ж* — 691

Ветер («Приходит ветер — и слетает к сикомору...») *Ж* — 146, 776, 778

«Ветер по тайному знаку...» (Трены вислянские, 5) *Ж* — 456, 910

«Ветер веет...» (Бедная возлюбленная) *Ж* — 512, 910, 950

«Ветерок с востока веет к нам...» (Времена года рыбака. Весна, III) *Ж* — 307, 851

«Ветры в сумерки ворвались...» (Ласточки) *Ж* — 414

Вечер («На горном склоне овцы мирно спят...») *Ж* — 511, 948

Вечер праздничного дня («Безветренная, сладостная ночь...») *Ж* — 215, 804, 805

«Вечера так сладко ожиданье...» *Ж* — 513

Вечерние стихи («Порой над сумраком улиц оранжевый блеск заката...») *Ж* — 467, 915, 921

Вечерняя Лена («Это цапли взлетели, крича...») *Ж* — 698

Вечерняя песня («Как на флейте и на скрипке людям я играл, бывало...») *Ж* — 478, 927

Вечная («Бесплотная уже и как бескровна...») *Ж* — 72, 750

Вечная жизнь («Морозный день. Санкт-Петербург. Гулянье...») *Ж* — 67, 748

- Вечная любовь (1, 2) *Ж* — 147, 776, 779
- Вечной памяти С.Г. Закияна («С героями-друзьями ты, как пламя...») *Ж* — 41, 741, 742
- Вещание змеи («Опоры нет, и друга не бывало...») *Ж* — 371
- Виденье (И снова на улицах наших лукавый...) *Ж* — 70, 749
- «Видишь ли звезду на небе?..» (Из книги «Увядшие розы», LIX) *Ж* — 505
- «Видишь, сердце мое убежало тайком...» (Тоска по Мемфису) *Ж* — 153, 776, 781
- Взгляд на прошлое («Тогда заботы я еще не знал...») *Ж* — 379
- «Взглядом дал ты красоту мне...» (За вином) *Ж* — 460, 911, 913
- «Взгляни на ключ, что из камней гробницы...» (Народная песня; Свободные сонеты, IV) *Ж* — 719
- «Взглянул назад, где пышная столица...» *Ж* — 323
- «Взывают люди к богам...» (Восхваление Нила, 14) *Ж* — 158, 781
- «Владеет мною сердца трепет...» (Сердце) *Ж* — 114, 759
- «Владыка рыб, повелевающий им подниматься к порогам...» (Восхваление Нила, 2) *Ж* — 154, 481
- «Властительница сладостных дум...» (Неотвязная мысль) *Ж* — 228, 807
- Внешний мир («Не властвуй, мир внешний, надо мною...») *Ж* — 374
- «Вновь старая мысль явилась...» (Три дня, I) *Ж* — 367
- «Вновь цветут анемоны над Сеной...» (Анемоны) *Ж* — 401
- «Вновь юным стать есть у тебя охота...» (Вторая молодость) *Ж* — 379
- «Вода, что под мостом Сонин течет...» *Ж* — 290, 841

«Возводишь ты алтарь, что был в твоих мечтах...» (Неизвестному поэту) *Ж* — 481, 927

Воин и его невеста («Сватается воевода Воин...») *Ж* — 538, 958

Вороны вещают о смерти Перы Даничица («Как два черных ворона летели...») *Ж* — 537, 957, 958

«Воспевая пахаря работу...» (С благоговением воспевая) *Ж* — 476

Воспоминание («В мимозах стынет осени начало...») *Ж* — 467, 915, 922

Воспоминание о прошлом («В тени дерев, меж сумрачных развалин...») *Ж* — 384

Восхваление Нила (1—14) *Ж* — 153—158, 776, 781

«Вот баллада об убитой...» (Баллада) *Ж* — 458, 911, 912

«Вот беседка пред горою...» *Ж* — 320, 855

«Вот лодка с парусом поникшим...» (В ожидании) *Ж* — 473

«Вот миновала буря...» (Покой после бури) *Ж* — 224, 806

«Вот однажды Королевич Марко...» (Марко-Королевич и его племянник Огнян) *Ж* — 550, 962

«Вот светлый нимб: галактики сиянье...» (Недоразумение) *Ж* — 455, 910

«Вот солнце заходит...» (Река Цзюймахэ) *Ж* — 280, 828

«Вот спит дитя, невинный ангел чистый...» (Свободные сонеты, XIV) *Ж* — 724

«Вот так напиши. На бумаге простой...» (Голодный лагерь под Яслем) *Ж* — 457, 911, 912

«Вот что сделала со мной Сестра...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком, 6) *Ж* — 144, 778

«Вот я какой увидел сон...» *Ж* — 38, 741, 742

«Впустите всех детей. О, кто сказать посмеет...» 7 — 577, 691

Времена года рыбака (1—38) 8 — 306—318, 831, 844, 851

Всё («Всё, всё отдать тебе без колебання...») 8 — 462, 915, 917

«Все говорят: “К родным местам...”» 8 — 323

«Все освещающий, выходящий из мрака...» (Восхваление Нила, 8) 8 — 156, 781

«Все это скрылось в глубь воспоминаний...» (Это было так давно) 8 — 372

«Всегда был мил мне этот холм пустынный...» (Бесконечность) 8 — 215, 804, 805

Всеуничтожение («Везде царит последняя беда...») 8 — 21, 168, 785, 786

«Вскарабкавшись на горную вершину...» 8 — 348

«Встав на заре, я накормил вола...» 8 — 354, 875

«Встает сегодня перед нами...» (Грядущее) 8 — 700

Встречай меня! («Долгую ночь напролет я шагаю...») 8 — 408

«Встречаться с ним и после охладеть?» 8 — 351

Вторая молодость («Вновь юным стать есть у тебя охота...») 8 — 379

«Вьется та тропиночка...» (Увявшие листья. Вторая горсть, XIII) 8 — 650, 983

«Вы велели мне взобраться...» 8 — 329, 869

«Вы — две птицы...» (Жилище песни) 8 — 194, 797

«Вы, дети, геройски идущие к цели...» (Детям мира) 8 — 51

«Вы пройдете рощей той...» (Дорога из Чехии) 8 — 681, 994

«Вы просите у меня мой портрет...» 7 — 268, 641

«Выпусти на волю, отпусти...» (Отпусти) 8 — 193, 797

«Вырос сынок ненаглядный...» (Ребенку исполнился год) *8* — 437, 900

«Высоко небо, — люди говорят...» *8* — 327, 859

Газелла моей матери («Лицо вспоминаю я, родимая мать моя...») *7* — 277, 646

«Гвоздика румяною медью блестит...» (Гвоздики) *8* — 619

Гвоздики («Гвоздика румяною медью блестит...») *8* — 619

«Где Сан течет зеленый в Перемышле...» (Увядшие листья. Вторая горсть, I) *8* — 638, 979

«Где тополя стоят, как стражи...» (В родном краю) *8* — 57

Герд («Бомбы выли близко...») *8* — 14, 730, 892, 1019

Гимн любви, посвященный отважным юношам будущего (I—III) *7* — 281, 646

Гимн умершим («Мы с горестью великой провожаем...») *7* — 284

«Глухой печалью поила...» (Трены вислянские, 2) *8* — 459, 910

«Говори, говори, говори...» (Забутье) *8* — 73, 750

«Говорят, павлин всех птиц прекрасней...» *8* — 600

«Говорят: “Сосна!” Сосна какая?...» *8* — 334, 864

«Говорят, что Тайшань высока...» *8* — 335, 865

«Говорят, что с тобою должна я играть и лукавить...» *8* — 55

Гойко («Эй, ко мне скорее, гусли-други...») *8* — 514, 940, 951

Голодный лагерь под Яслем («Вот так напиши. На бумаге простой...») *8* — 457, 911, 912

«Голубизной своей первоначальной...» *8* — 204, 799

«Гомер поэтом был. И в эти времена...» (Новые дали) *7* — 593, 697

«Гора Вольчхуль прекрасна, высока...» (В горах, III)
 8 — 305, 850

Город на холмах («Такой есть холмистый...») 8 — 139

«Горы каждой весной цветут...» 8 — 320, 855

«Горы тихие, светлые реки...» 8 — 329, 867

«Госпожа моя отплывает в страну опьянения...» (Фрагменты, 2) 8 — 145

Гроза (Или любовь) («Память закрой, ибо гроза вздохнула...») 8 — 468, 915, 922

Грузинка-мать («Труд нужен Родине — труд более упорный...») 8 — 117, 759

«Грустно, ой, грустно мне жить на свете!...» (Грусть)
 8 — 385

Грусть («Грустно, ой, грустно мне жить на свете!...») 8 — 385

Грядущее («Встает сегодня перед нами...») 8 — 700

«Грядущий век — защитник верный твой...» (Защитник) 8 — 376

«Гуси и ласточки вдалеке...» (Пишу о думах) 8 — 276

Гяур («В воздухе нет дуновения, которое могло бы разбить волну...») 7 — 266, 639

«Да, умерла она. Бам-бам! Бам-бам!...» (Увявшие листья. Третья горсть, II) 8 — 656, 985

«Да, я хотел себя убить...» (Увявшие листья. Третья горсть, VIII) 8 — 662, 987

«Даже радость входит...» (Из книги «Увявшие розы», XLII) 8 — 502

Данах и КанаMAT («У нищей лачуги беленые стены...»; Кызбурун. Фрагменты, 1) 8 — 250, 813

«Два белых окна с кружевной занавеской...» (Увявшие листья. Третья горсть, V) 8 — 659, 986

Два друга («В лунный вечер вздумал друга...») 8 — 598

«Два мальчугана («Дом мой на пригорке, и ко мне во двор...») 8 — 205, 800

«Два пути пришли сюда...» (Новый город) 8 — 64

Двадцать су («Париж в осеннем свете...») 8 — 395

Две дороги («Нам жизнь предназначает два венца...»;
Свободные сонеты, VI) 8 — 720, 1011

«Две мертвые птицы на землю легли...» (Спелые ночи)
8 — 136, 769

Две силы («Две силы на нашей планете...») 8 — 618

«Дверь раствори...» 8 — 199, 798

«Движенье — жизнь. А смерть? И смерть — движение...» (Жизнь — движение) 8 — 377

Двое нищих («Петром и Цезарем зовут их в мире этом...») 7 — 587, 695

Дворянин и мужик («Жил-был помещик в далекую пору...») 8 — 388, 888, 889

«Девушка весь вечер...» (Из цикла «Картины», XX)
8 — 517, 953, 954

Девушка перехитрила Марко («Бедствует девица-сиротинка...») 8 — 554, 963

Девять излучин Косана (1—10) 8 — 300—303, 844, 849

Декорация à la Дисней («Я научилась мечтать на крыше...») 8 — 106

День («День был ужасный. Царило волнение...») 8 — 470, 915, 924

День («Тобою полон день, твою сутью...») 8 — 79, 752

«День кончился, печаль в душе моей...» (Лююань) 8 — 275, 825

Детское горе («Меня томило в детстве горе это...») 8 — 373

«Детьми был зал наполнен до отказа...» (Литературный утренник) 8 — 79, 752

Детям мира («Вы, дети, идущие к цели...») 8 — 51

«Дикий наш язык и непокорный...» (Наш язык) 7 — 283, 646

«Для тебя звучит арфа...» (Восхваление Нила, 11) 8 — 157, 781

«Для тех, кто любил меня, я не исчезла...» (София) 8 — 98

«Дни месяца июня ожидаю...» (Ей) 8 — 76, 751

Доброе утро, весна! («Весна! Ты с моею родимой страной...») 8 — 482, 927, 929

Доброй ночи («За шторами вечерний мрак стоит...») 8 — 685, 995

«Довольно жизни!...» (Усталость) 8 — 512, 948

«Дождь идет, стучит о стекла...» 8 — 587

«Дождь проливши благодатный...» (Летом) 8 — 441, 901

«Дождь прошумел, и в цвет единый...» 8 — 330, 862

«Долгую ночь напролет я шагаю...» (Встречай меня!) 8 — 408

«Долину всю снегами замело...» 8 — 292, 843

«Долой пустые словосочетанья...» (Свободные сонеты, XVI) 8 — 725, 1016

«Дом мой на пригорке, и ко мне во двор...» (Два мальчугана) 8 — 205, 800

«Дорастаем до твоих познаний...» (Подсолнечник) 8 — 454, 910

«Дорог мне простор цветущий...» (Полемика, 1) 8 — 690, 1001

Дорога из Чехии («Вы пройдете рощей той...») 8 — 681, 994

«Дочка, дочка, ни-ни-ни...» (Мамина дочка) 8 — 491

Драгоценная цитра («Нефритом украшена цитра моя...») 8 — 275, 825

«Древние люди меня не встречали...» 8 — 321, 855

Друзья ребенка («С природою я сжился в годы детства...») *8* — 372

«Друзья, уже осень к нам в гости пришла...» (Осень) *8* — 604

«Дует ветер дверь закрой...» (В горах, IV) *8* — 305, 850

«Дует ветер или нет...» *8* — 347

Думы летят («Думы летят, как депеши без адреса...») *8* — 63, 747

«Дух юности! Ты ль в тесной клетке счастья?..» (Юность) *8* — 175, 788

«Душа бессмертна! Жить ей бесконечно!..» (Увядшие листья. Третья горсть, XVIII) *8* — 674, 989

Дыхание песни («Та флейта, что молчала, вновь звучит...») *8* — 165, 785

Дяди («Ругают дяди-умники...») *8* — 395

Еврейская легенда («Чтоб первый человек был сотворен...») *8* — 47, 741, 744

Ежевика цвет шелковый... *8* — 490, 931, 935

Ей («Дни месяца июня ожидаю...») *8* — 78, 751

Ереванская ода («Я звезду воспевал...») *8* — 36

Ерифили («Я узнала тебя, морская дикарка...») *8* — 96

«Горный ручей сквозь песок...» (Только одна)

«Если близких провожаем...» (Из книги «Цветущие розы», LVII) *8* — 504

«Если бы вы убили меня во сне...» (Ксенула) *8* — 95

«Если бы разрушить эту гору...» *8* — 331, 862

«Если выйду я гулять с моими мертвыми подругами...» *8* — 92, 757

«Если мы необходимы...» (Письмо. Песни, 3) *8* — 594, 968

«Если нет цветов и жбан твой пуст...» *8* — 338, 868

«Если ночью услышишь ты, что за окном...» (Увядшие листья. Вторая горсть, XVII) *8* — 654, 984

«Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг...»
7 — 288, 648

«Если ты придешь с этим к дому Сестры...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком, 1) 8 — 142, 776, 777

«Есть безлюдная долина. Озаренная луной...» (Безлюдная долина) 8 — 208, 801

«Есть в доме у меня заветный меч...» 8 — 335, 865

«Есть замок над древней рекою...» (Трены вислянские, 1) 8 — 455, 910

«Есть славный меч Сян Юйя...» 8 — 343, 871

Еще великая вера жива («Сильнее смерти жизнь! — бесстрашно верьте...») 8 — 375

Еще весна была в начале 8 — 370

«Жарко. Душно. Зной мертвящий. Мочи нет. Нельзя терпеть...» (Летом) 8 — 613, 967, 971

Жду тебя (1—3) 8 — 596—598

«Женщина, уже не молодая...» (Осенняя песня) 8 — 121

Жизнь в деревне («Упала тень на окна...») 8 — 278

«Жизнь в забвенье мира — торжество...» (Времена года рыбака. Осень, XX) 8 — 312, 851

Жизнь — движенье («Движенье — жизнь. А смерть? И смерть движенье...») 8 — 377

«Жизнь людей на сон похожа...» 8 — 339, 869

«Жил-был помещик в далекую пору...» (Дворянин и мужик) 8 — 388, 888, 889

Жилище песни («Вы — две птицы...») 8 — 194, 797

«Жилище тесно, словно дом улитки...» 8 — 337, 867

«Жить не могу — не погибаю...» (Цветущие листья. Третья горсть, VI) 8 — 661, 987

Жрица Хатор («Сладостная, сладкая любовью, говорит жрица Хатхор Мутирдис...») 8 — 146, 776, 779

За вином («Взглядом дал ты красоту мне...») 8 — 460,
911, 913

«За милой сквозь метель и стужу...» 8 — 357, 878

«За оградою сада цветы...» 8 — 342, 870

«За окошком // воет ветер...» 8 — 54

«За счастьем призрачным бродя во мгле безбрежной...»
(Твой взгляд) 8 — 135, 769

«За тысячи ли, далеко-далеко...» 8 — 292, 844

«За что, красавица, я так тебя люблю...» (Увядшие ли-
стья. Первая горсть, IV) 8 — 624, 975

«За что мне бороться? («За что мне бороться? — Жизнь
враждебной стала...») 8 — 376

«За шторами вечерний мрак стоит...» (Доброй ночи)
8 — 685, 995

«Заблестела белая роса...» (Времена года рыбака. Осень,
XXV) 8 — 314, 851

Забот у доченьки немало...» (Мотылек) 8 — 599

Забота («Лишь только луч цветка коснется, щекоча...»)
8 — 134, 769

«Забрел в Сонсан однажды некий странник...» 8 — 293,
846

«Забыл я почести и славу...» 8 — 330

Забутье («Говори, говори, говори...») 8 — 73, 750

Завершение омовения («Недвижим был гуру Раманон-
до...») 8 — 181, 788, 790

«Заживают наши раны. Злу былому не бывать...» (Раны
заживают) 8 — 119

Записки о событиях («Страна измучена войною дол-
гой...») 8 — 281, 829

Заре («Тот счастлив, кто прошел среди мучений...») 7—
72, 598; 8 — 736

«Засею вспаханное поле...» 8 — 363, 882

«Захмелел от первой чарки...» 8 — 328, 860

«Зачем, мужик, ты к знатым затесался?..» (Свободные сонеты, II) *8* — 718, 1011

«Зачем приходишь ты ко мне...» (Увядшие листья. Вторая горсть, XII) *8* — 649, 983

«Зачем так низко ласточки летают...» (Осень) *8* — 375

«Зачем ты совсем не смеешься?..» (Увядшие листья. Вторая горсть, IX) *8* — 648

«Зачем ты шествуешь сквозь бурю...» (Бетховен) *8* — 404

Защитник («Грядущий век — защитник верный твой...») *8* — 376

Звезда («Мне звезда отрадна эта...») *8* — 126, 763

«Звезда погасла — жаворонок взвился...» *8* — 335, 866

«Звон минут всеильный...» (Часы) *8* — 519, 940

«Звук где-то словно отзвенел...» (Полночь) *8* —

«Здесь зимою воды из реки...» (Времена года рыбака. Зима, XXXI) *8* — 316, 851

«Здесь люди без земли когда-то горевали...» (Земля якута) *8* — 693

«Здесь я замкнута, крепки засовы...» (Зов) *8* — 23, 24, 69, 749

Зеленое стихотворение («Мало мне нужно на свете...») *8* — 450

Зеленые горы («Лучше жить, эх, лучше жить...») *8* — 288, 831, 839

Зеленый маковый листок... *8* — 487, 933

Земля якута («Здесь люди без земли когда-то горевали...») *8* — 693

Земляники лист зеленый... *8* — 489, 931, 934, 935

Зимним днем («Снег тихо до самого вечера падал...») *8* — 510, 947

Зимняя ночь («Нет, это не земля, а сон...») *8* — 686

Знала б мать, кому хранила («Знала бы ты, мама...») *8* — 494, 931, 938

«Знала бы ты, мама...» (Знала б мать, кому хранила)
Ж — 494, 931, 938

«Знать бы чары лучше, что сгоняют тучи...» (Увядшие
 листья. Вторая горсть, XIV) *Ж* — 651, 983

Зов («Здесь я замкнута, крепки засовы...») *Ж* — 23, 24,
 69, 749

«Золотая появляется на судне Солнца...» (К утреннему
 солнцу) *Ж* — 159, 782

Золото любви («Робидаш — метельщик, пыль мету-
 щий...») *Ж* — 180, 788, 789

«Зорька вечера алеет...» (На Северном море) *Ж* — 690

«Зря смеешься, девочка...» (Увядшие листья. Первая
 горсть, XII) *Ж* — 630, 977

«И ветер, лишь только отдохнет, минует Чансонрён...»
Ж — 350, 872

«И вспыхивали словно очи...» (Из поэмы «Литва —
 земля родная...») *Ж* — 397, 890

«И довелось же мне узнать страданье!...» (Свободные со-
 неты, XVIII) *Ж* — 726, 1017

«И он пришел ко мне. Не призраком крылатым...»
 (Увядшие листья. Третья горсть, XII) *Ж* — 667, 988

«И сегодня ночь настала...» *Ж* — 729, 871, 1018

«И снова на улицах наших лукавый...» (Виденье) *Ж* —
 70, 749

«И сонных теней вереница (Трены вислянские, 7) *Ж* —
 456, 910

«И ты прощай! Теперь тебя...» (Увядшие листья. Третья
 горсть, XV) *Ж* — 671, 972, 974

«“И эти речи — ложь”, — сказали мне...» *Ж* — 352

«И юноши вдруг стали старших звать...» (Паломничест-
 во, 8) *Ж* — 191, 794

«Ива мне как нитка...» *Ж* — 355, 876

Ива у дороги («Ива Польши, согнутая криво...») *Ж* — 457, 910

«Ива Польши, согнутая криво...» (Ива у дороги) *Ж* — 457, 910

«Идеал, навек погибший в бездне сгнувшего мира...» (Венера и Мадонна) *Ж* — 483, 930

«Идет этот день с золотым решетом...» *Ж* — 137, 770

«Иди по лугу юности весной...» (Гимн любви, посвященный отважным юношам будущего, III) *Ж* — 282

Идиот — пернатый (Пернатый) *Ж* — 453

Идущий побеждать («Бодро шел ты за победой светлой...») *Ж* — 365

«Из восточного залива солнце...» (Песня о восходе и заходе солнца) *Ж* — 270, 823

«Из двух деревень, разобщенных рекой...» (Переправа) *Ж* — 166, 785

«Из истерзанного сердца...» (Из книги «Увядавшие розы», LXVII) *Ж* — 506

Из книги «Розы» (1—7) *Ж* — 495—500, 942, 944

Из книги «Увядавшие розы» (1—13) *Ж* — 500—509, 942—944

«Из месяцев июль — покой...» (Июль) *Ж* — 406, 890

Из поэмы «Литва — земля родная» («И вспыхивают, словно огни...») *Ж* — 397, 890

Из поэмы «Песни Алагяза» *Ж* — 42

«Из сердца моего ты унесла...» (Из поэмы «Песни Алагяза», V) *Ж* — 46

Из цикла «Картины» (1—2) *Ж* — 517—518

«Из чего ты, Боже, вздумал наше сердце сотворить?...» (Из книги «Увядавшие розы», LI) *Ж* — 504

«Извивается дорога...» *Ж* — 37, 741

«Изумрудно сияет трава...» *Ж* — 334, 865

«Иней мне одежду побелил...» *Ж* — 315, 851

Июль («Из месяцев июль — покой...») *Ж* — 406, 890

К богине («О ты, шагающая так широко...») 8 — 158, 776, 782

К богине Хатхор (1—3) 8 — 162—164, 776

К восходу солнца («Три летели к заре журавля...») 8 — 474

«К груди моей чутко приникни щекой...» (Приникни к моей груди) 8 — 128

К древнему надгробью, на котором усопшая девушка изображена уходящей в окружении близких («Куда идешь? Чей зов...») 8 — 237, 809

К Италии («О родина, я вижу колоннады...») 8 — 210, 804

К Л. («С тростинкой хрупкою надежды наши схожи...») 7 — 585, 694

К Неману («Струится Неман — полноводный, синий...») 8 — 381

К освобождению Новороссийска («О город, ворота на дальнем пути...») 8 — 118

К себе самому («Теперь ты умолкнешь навеки...») 8 — 233, 807

К тебе обращаются взоры («Прими, любимый отец!..») 8 — 410

К утреннему солнцу («Золотая появляется на судне Солнца...») 8 — 159, 782

«Каждый день на горах и в ущельях пасла...» (Первый грех) 7 — 272, 645

«Как безропотно вянет цветок...» 8 — 59

«Как беспощадно туча звезды прячет...» (Из поэмы «Песни Алагязя». Песнь пятая, I) 8 — 44, 743

«Как вол в ярме, вот так я, день за днем...» (Увядшие листья. Вторая горсть, XIX) 8 — 655, 985

«Как два черных ворона летели...» (Вороны вещают о смерти Перы Даничича) 8 — 537, 957, 958

«Как долго длится ночь?..» (Паломничество, 1) *Ж* — 185, 791

«Как душисты травы и цветы!..» (Времена года рыбака. Весна, VII) *Ж* — 308, 851

«Как женщины между собой не схожи!..» *Ж* — 358

«Как за косу таскал монашку бонза!..» *Ж* — 353, 874

«Как зернами гранат, душа полна...» *Ж* — 129

«Как на флейте и на скрипке людям я играл бывало...» (Вечерняя песня) *Ж* — 478, 927

«Как ни в чем не бывало...» (Умер) *Ж* — 471, 915, 924

«Как ночи те тянулись бесконечно!..» *Ж* — 351

«Как обилен нынче мой улов...» (Времена года рыбака. Осень, XXIII) *Ж* — 313, 851

«Как память сон далекий сохранила?..» (Аромат поляны) *Ж* — 372

«Как приятно веет ветерок!..» (Времена года рыбака. Осень. XXIV) *Ж* — 314, 851

«Как резок силуэт на белой шторе...» (Лунная волшебница Чан Э) *Ж* — 275, 825, 826

«Как рокот созвучий, как запах шальной...» (Аноним) *Ж* — 451

«Как с испуга, без сознания...» (В вагоне; Увядшие листья. Вторая горсть, X) *Ж* — 648, 982

«Как садовник, склоняясь над струями вод...» (Ноктюрн) *Ж* — 686, 995, 999

«Как среди лиственных факелов летом...» (Перекресток) *Ж* — 477, 927

«Как схожа ты с Самофракийской Никой...» (Ника) *Ж* — 453, 910

«Как твои нарядны сваты...» (Из книги «Розы», XXXIX) *Ж* — 499

«Как тень, я шел порой ночью...» (Увядшие листья. Третья горсть, IV) *Ж* — 658, 986

«Как ты могла сказать мне так спокойно...» («Не надейся ни на что!»; Увядшие листья. Первая горсть, VIII) *8* — 626

«Как умру — не зарывайте...» (Когда я умру) *8* — 393, 890

«Как хорош камней замшелых ряд...» (Времена года рыбака. Лето, XV) *8* — 311, 851

«Как этот мир...» (Из книги «Розы», XLII) *8* — 499

Калине («Нет, я рыдал...») *8* — 449

«Калитку в милый сад...» (В саду) *8* — 53

«Кап да кап и все хрустальной...» (Весной) *8* — 691

Карин Бойе («Мы все умрем когда-нибудь, подруга!...») *8* — 421, 897

«Картофель делишь бережно и строго...» (Мария) *8* — 452

«Каська, мрамор наш польский...» (Смерть кариатиды) *8* — 454, 910

«Качаемый яростно бурей, разбит...» (На морском берегу) *8* — 600

Кж. В.М. Волконской («Сударыня, вас очень легко...») *7* — 269, 642

Клены в пальцах своих золотых *8* — 62, 746

«Клялась прийти...» (Без названия) *8* — 274, 825

Князь Иван Княжевич («Собирает войско Кулин-турок...») *8* — 526, 957

Книга («Ты с болью влагаешь в нее все, чем дышишь...») *8* — 75

Ко мне подойди, мой сынок ясноокий...» *8* — 49

«Когда б мечом, пронзив мне грудь насквозь...» *8* — 728, 871, 1018

«Когда богемский лев...» (Объяснение к стихам) *8* — 680, 993

«Когда в разлуке мы, родная...» (Нежный свет) *8* — 371, 738, 886

«Когда в сетях невыносимых мук...» *8* — 200, 798

«Когда в сонетах Данте и Петрарка...» (Свободные сонеты, XIX) *8* — 727, 1017

«Когда в твои шатры приходит гость...» (Скиталец) *8* — 27, 473, 926

«Когда весною наши моряки...» *8* — 364, 883

«Когда встающий день просторы золотит...» (Чаша с драгоценностями) *8* — 370

«Когда вступаешь ты в город...» (Восхваление Нила, 12) *8* — 157, 781

«Когда железо силою живою...» (Свободные сонеты, XI) *8* — 723, 1014

«Когда живую куклу...» *8* — 197, 797

Когда земля пробуждается («Только смолкнет пушки...») *8* — 403

«Когда к выздоровленью наконец...» *8* — 198, 789

«Когда ко мне приходит вдохновенье...» (Пишу стихи) *8* — 134, 738

«Когда людей я встретил в первый раз...» (Бегство) *8* — 374

«Когда моя настанет смерть...» *8* — 354, 837, 875

«Когда мы открываем ларь старинный...» (Старый ларь) *8* — 374

«Когда на бульваре блеснул водомет...» (Продавщица чудес) *8* — 683, 995—997

«Когда на том свете мы встретимся вновь...» *8* — 348

«Когда-нибудь, о мой апрель...» (Я зацвету) *8* — 394

Когда ночь («Прекрасно соловей поет...») *8* — 380

«Когда о тебе возвещает глашатай...» (Восхваление Нила, 7) *8* — 155, 781

«Когда подходит сумерек пора...» (Бездетные) *8* — 592, 965

«Когда поэт в восторге...» (Куплеты) *7* — 270, 642

«Когда прибываешь ты, о Хапи...» (Восхваление Нила, 13) *8* — 157, 781

«Когда приходит новая весна...» (Гимн любви, посвященный отважным юношам будущего, I) *Ж* — 281, 646

«Когда случается самое страшное, вся земля в бедствии...» (Восхваление Нила, 3) *Ж* — 154, 781

«Когда твоя звезда зажглась над океаном...» (Шекспир) *Ж* — 174, 787

«Когда тебя во сне моем не вижу...» *Ж* — 201, 798

«Когда ты мною овладеть хотел...» *Ж* — 360, 879

«Когда ты приносишь песни во двор к Сестре...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком, 2) *Ж* — 143, 777

«Когда ходил я в школу...» (Светобоязнь) *Ж* — 418, 893

Когда я умру («Как умру — не зарывайте...») *Ж* — 393, 890

Колебания и сомнения («Чуть я шорох где заслышу, страх мне сердце обожжет...») *Ж* — 608, 970

«Коль грязна Цанланская вода»...» (Времена года рыбака. Лето, XIV) *Ж* — 310, 851

«Коль не вижу тебя...» (Увядшие листья. Вторая горсть, XVI) *Ж* — 653, 984

«Ком железа в десять тысяч цзюней...» *Ж* — 325, 858

Коммунары («Там траурно шумели ивы...») *Ж* — 400, 890

«Конем владел я, и вином, и златом...» *Ж* — 350, 872

«Конь ржет от нетерпенья...» *Ж* — 345

Король-беглец («Ночь темна. Безмолвен лес дремучий...») *Ж* — 518, 940, 955

Костяника («С поля милая пришла...») *Ж* — 595, 967

Котляревский («Орел могучий на вершине снежной...»; Свободные сонеты, III) *Ж* — 718, 1011

Красавице («Ты, словно цветик, словно...») *Ж* — 386

«Красная калина, что ты долу гнешься..» (Увядшие листья. Вторая горсть, V) *Ж* — 643, 981

«Красный клен так нежно красен...» *Ж* — 340, 869

Ксенула («Если бы вы убили меня во сне...») 8 — 95
 «Кто б вчера решился предсказать...» (Времена года рыбака. Лето, XVIII) 8 — 312, 851

Кто любовь придумать мог... 8 — 489, 943

«Кто проводил и отбыл кто...» 8 — 300

«Кто с испуга, без сознания...» (В вагоне; Увядшие листья. Вторая горсть, X) 648, 982

«Кто смеет отделять народ мой от страны...» (С моей страной) 8 — 131

«Кто смел сказать, что не богиня ты?...» (Сикстинская мадонна; Свободные сонеты, XIII) 8 — 724, 1014

«Кто-то стонет в зарослях зеленых...» (Смерть Илии Смилянича) 8 — 13, 549, 940, 961

Кто ты? («Не спрашивай, кто я...») 8 — 425, 898

«Кто услышит эти стоны?...» (Нет сил терпеть) 8 — 366

«Куда идешь? Чей зов?...» (К древнему надгробью, на котором усопшая девушка изображена уходящей в окружении близких) 8 — 237, 809

«Кузнечик, о кузнечик!..» 8 — 355

«Кукушка в пустынных горах!..» 8 — 341, 870

«“Купи-ка, хозяйка, румян и белил!..”» 8 — 362, 881

Куплеты («Когда поэт в восторге...») 7 — 270, 642

«Куплю любовь, куплю любовь — иные говорят...» 8 — 349

Кызбурун (*Фрагменты*) 1. Данах и КанаMAT 8 — 250, 813

Ласточки («Ветры в сумерки ворвались...») 8 — 414, 891

«Лед вершин и синие озера...» (На родине) 7 — 279

«Лежит поле ровное...» (Из цикла «Картины», XV) 8 — 954

«Лена! Трепещет, как в зеркале, в ней...» (Утро на Лене) 8 — 696

Ленинград («Ленинград облекся в военный убор...») *8* — 33, 739

«Лес и поле оголила осень жесткою рукой...» (В школе) *8* — 612, 967

«Лес, как в сказке стоит, но еще золотей и румяней...» (Мудрость) *8* — 77, 751

«Леса Литвы!.. Таинственные чащи!..» (Литовские леса) *8* — 382

Летом («Дождь проливши благодатный...») *8* — 441, 901

Летом («Жарко. Душно. Зной мертвящий. Мочи нет. Нельзя терпеть...») *8* — 613, 967, 971

Летят журавли («Осень. Грязь. Туман не тает...») *8* — 394, 890

«Ливень прекратился наконец...» (Времена года рыбака. Лето, XI) *8* — 309, 851

Лимонное дерево («В вечерних сумерках...») *8* — 692, 1003

«Лина, зима подступает к порогу...» (I. Эолийская. Эллинская весна) *8* — 209, 802

Лисао («Покойный мой отец Бо-юном звался...») *8* — 13, 21, 703, 815—817, 820

Лист зеленый ветки вялой *8* — 493, 931

Лист зеленый и другой... *8* — 491, 931, 936

Лист зеленый над верхушкой... *8* — 492, 937

Лист зеленый, словно боб... *8* — 494, 931, 938

Лист цикория зеленый... *8* — 487, 931

«Листочек за листочком...» (У отрывного календаря) *8* — 618

«Листья желтые слетают с веток...» (Перед смертью) *8* — 513, 940, 951

«Листья ряски ветер шевелит...» (Времена года рыбака. Лето. XIII) *8* — 310, 851

Литературный утренник («Детьми был зал наполнен до отказа...») *Ж* — 79, 752

Литовские леса («Леса Литвы!.. Таинственные чащи!..») *Ж* — 382

«Лицо вспоминаю я, родимая мать моя...» (Газелла моей матери) *Ж* — 277, 646

«Лишь к одной-единой...» *Ж* — 586

«Лишь ночь миллионы покрывал...» (Нурдаль Григ) *Ж* — 423, 897

«Лишь раз в свое ты не поверишь счастье...» (Полемика, III) *Ж* — 689, 1001,

«Лишь только ветерок подует...» *Ж* — 361, 880

«Лишь только луч цветка коснется, щекоча...» (Забота) *Ж* — 134, 769

«Лишь ты сумел мне указать...» *Ж* — 56

«Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь...» (Пара лошадей) *Ж* — 605, 967, 969

«Луга опьянели от благоухания трав...» (Весна 1945 года) *Ж* — 103

Луна над пограничными горами («Луна над Тянь-Шанем восходит, светла...») *Ж* — 271, 824

«Луна над Тянь-Шанем восходит, светла...» (Луна над пограничными горами) *Ж* — 271, 824

Лунная волшебница Чан Э («Как резок силуэт на белой шторе...») *Ж* — 275, 825, 826

«Луну, что видела тебя...» *Ж* — 344

«Луч солнца тронул запертую дверь...» (Паломничество, 10) *Ж* — 192, 797

«Лучше жать, эх, лучше жить...» (Зеленые горы) *Ж* — 288, 831, 839

«Льдом студеным покрыта...» (Увядшие листья. Третья горсть, I) *Ж* — 656, 985

«Льет дождь осенний, скуку нагоняя...» (Отец) *Ж* — 122

Лэююань («День кончился, печаль в душе моей...») 8 — 275, 825

Льом («В те дни, когда погиб Хюэ...») 8 — 89, 737, 735

«Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью...» (Хвала любящей супруге) 8 — 147, 779

«Любимый, мне приснившийся в ночи...» 8 — 341, 837, 870

«Любоваться я хочу луной...» (Времена года рыбака. Весна, IX) 8 — 309, 851

Любовное заклинание («Привет тебе, Ра-Горахути, отче богов...») 8 — 148, 776, 779

Любовь к родине («Родину мы любим...») 8 — 396

«Любовь три раза мне была дана...» (Увядшие листья. Третья горсть, IX) 8 — 663, 987

«Людских речей не знает горный лес...» 8 — 332, 863

Лютый тигр («Тот лютый тигр внезапно появился...») 8 — 281, 830

Макбет (Отрывок из III картины I действия) 7 — 261, 639

«Малая птичка полнится счастьем...» (Песня золота) 8 — 206, 800

«Мало мне нужно на свете...» (Зеленое стихотворение) 8 — 450

Мамина дочка («Дочка, дочка, ни-ни-ни...») 8 — 491

Мария («Картофель делишь бережно и строго...») 8 — 452

Мария («Я не успела ничем насладиться...») 8 — 99

Марко-Королевич и его племянник Огнян («Вот однажды королевич Марко...») 8 — 550, 962

Марциан Колонна («У земли ничего этого нет: ни случайности, ни перемены...») 7 — 267, 640

Марьон Делорм (Драма) 7 — 383, 670

«Матушка ты моя родненькая...» (Увядшие листья. Третья горсть, XIII) *Ж* — 670, 988

«Меня томило в детстве горе это...» (Детское горе) *Ж* — 373

«Мерные наши удары — для тебя...» (Песнь семи Хатор) *Ж* — 159, 782

«Меч, на стене вися, звенит...» *Ж* — 344

Мечта ли это? («Мечта ли это? Воздух пью целебный...») *Ж* — 379

Микельанджело («Толпа уже рассеялась. Затих...») *Ж* — 85, 753

«Милое детство я помню...» (Я помню) *Ж* — 439, 900

«Милошевка юная сидела...» (Молодая Милошевка и мать Юговичей) *Ж* — 10, 541, 959

«Мир исполнен суетности мелкой...» *Ж* — 339

«Мириады тонких нитей — серебристых ив наряд...» *Ж* — 332, 863

«Мне б твою увидеть руку!...» (Из книги «Розы», XXIX) *Ж* — 499

«Мне — безрадостное небо...» (Из книги «Увядшие розы», XLIV) *Ж* — 502

«Мне друзья: бамбук зеленый...» (Пять друзей) *Ж* — 303, 844, 850

«Мне звезда отрадна эта...» (Звезда) *Ж* — 126, 763

«Мне озеро привиделось во сне...» (Из поэмы «Песни Алагяза», Песнь пятая, III) *Ж* — 45, 741

«Мне сказали: “Давно умерла твоя мать...”» *Ж* — 17, 18, 39, 741, 742

«Мне стали безразличны...» (Счастье) *Ж* — 462, 915

«Мне теперь навеки дела нет...» (Увядшие листья. Третья горсть, III) *Ж* — 657, 986

«Мне трудно...» (Увядшие листья. Вторая горсть, II) *Ж* — 640, 980

«Мне щедрая судьба дала, любя...» (Щедрая рука) 8 — 370

«Могучий вихрь — тревоги грозный знак...» (Безумие) 8 — 24, 25, 74, 750

«Модхумонджори и вьющийся жасмин...» (Не к месту) 8 — 183, 791

«Мое чувство в сонете к тебе посылаю я, Элли...» (Сонет к Элли) 8 — 123, 760

«Может любила ты... Но не так...» (Последнее стихотворение) 8 — 448, 909

Мои песни («Обыденность мне на душу легла...») 8 — 587

«Мой друг через заставу Юйгуань...» (Осенние думы) 8 — 280, 828

«Мой путь был слезами полит обильно...» (Скошенное сено) 8 — 375

Мой портрет («Вы просите у меня мой портрет...») 7 — 268, 641

Молодая Милошевка и мать Юговичей («Милошевка юная сидела...») 8 — 10, 541, 941, 959

«Молю одержимых любовью к чинам...» 8 — 336

«Морозный день. Санкт-Петербург. Гулянье...» (Вечная жизнь) 8 — 67, 748

Москвичи в якутской тайге («Охотник-следопыт с седыми волосами...») 8 — 694

Мотылек («Забот у доченьки немало...») 8 — 599

Моя сестра («На тростинках своих ног...») 8 — 107

Мудрость («Лес как в сказке стоит, но еще золотей и румяней...») 8 — 77, 751

«Мудрые писцы...» (Прославление писцов) 8 — 20, 150, 780

«Мы будем с тобою вместе...» (Вечная любовь, 1) 8 — 147, 779

«Мы все умрем когда-нибудь, подружка!..» (Карин Бойе)
 8 — 421, 897

«Мы ищем в юности нетерпеливо...» (Свободные сонеты, X) 8 — 720, 1013

«Мы много зданий возвели...» (Накануне) 8 — 130, 766

«Мы с горестью великой провожаем...» (Гимн умершим)
 7 — 284

«Мы хотим собирать барвинки...» (Приди же, весна...)
 8 — 408

«Мысль странная преследует меня...» 8 — 120

«На берегу сошлись и бьются. Страшен бой...» (Сватовство Роланда) 7 — 588, 695

«На вершине горы снег блестит первозданный...» (Из поэмы «Песни Алагяза», Песни девушек, I) 8 — 44

На «Гелиосе» («Не разрушай восторг — он чист и нем...») 8 — 71, 750

«На горном склоне овцы мирно спят...» (Вечер) 8 — 511, 948

На Западной башне в городе Цзиньлин читаю стихи под луной («В ночной тишине Цзиньлина...») 8 — 272, 815, 824

На морском берегу («Качаемый яростно бурей, разбит...») 8 — 600

На родине («Лед вершин и синие озера...») 7 — 279

На Северном море («Зорька вечера алеет...») 8 — 690

«На скале средь сосен дом стоит...» (Времена года рыбака. Осень, XXVIII) 8 — 315, 851

«На смену тоске отупенья...» (Увядшие листья. Первая горсть, I) 8 — 621, 975

«На тебя я не в обиде, доля...» (Увядшие листья. Первая горсть, XIX) 8 — 634, 979

«На тростинках своих ног...» (Моя сестра) 8 — 107

«На холодный камень...» 8 — 516, 952

Набросок («Скрипач, брось скрипку, мне ее не надо...») 8 — 481

«Навсегда мои заветы...» (Из книги «Розы», XIX) 8 — 495

«Над рекой рассеялся туман...» (Времена года рыбака. Весна, I) 8 — 306, 851

Навзикая («Верно, не для того ты родилась...») 8 — 100

Надежда («О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!...») 8 — 607, 967, 969

Накануне («Мы много зданий возвели...») 8 — 130, 766

«Нам жизнь предназначает два венца...» (Две дороги; Свободные сонеты, VI) 8 — 720, 1011

«Нам светофор мигает: “Стой!..”...» (Прелюдия) 8 — 424, 897

«Нам свыше предназначена она...» (Гимн любви, посвященный отважным юношам будущего, II) 7 — 282

«Наполнил души путников испуг...» (Паломничество, 7) 8 — 190, 794

Народная песня («Взгляни на ключ, что из камней гробницы...»); Свободные сонеты, IV) 8 — 719

«Наставник мой, певец с осанкой полубога!...» (Бессмертному поэту) 8 — 127, 764

«Настала ночь...» (Паломничество, 6) 8 — 189, 794

«Настало утро. Из открытых ставень...» (Сон) 8 — 217, 804, 805

«Настанет час — стряхнешь ты, негодюя...» (Песня будущего; Свободные сонеты, XV) 8 — 725, 1015

Наука («Хоть злой тиран попрал ее права...»); Свободные сонеты, V) 8 — 719, 1011

Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком (1—7) 8 — 142, 777

Наш язык («Дикий наш язык и непокорный...») 7 — 283, 646

«Не боюсь я ни Бога, ни беса...» (Увядшие листья. Первая горсть, III) 8 — 623, 975

«Не властвует мир внешний надо мною...» (Внешний мир) 8 — 374

«Не дай нам, Матерь, Христа рождения...» (Варшавская колядка 1939 года) 7 — 286, 647

«Не желает ли Истина...» (Пиршество, 1) 8 — 149, 780

«Не знаю, где слова для этого найти...» 8 — 124

«Не знаю, кто в окне прорвал бумагу...» 8 — 346, 872

Не к месту («Модхумонджори и вьющийся жасмин...») 8 — 183, 791

«Не надейся ни на что!» («Как ты могла сказать мне так спокойно...»; Увядшие листья. Первая горсть, VIII) 8 — 626

«Не надо больше арф печали...» (Победа луча) 8 — 474

«Не один, поверь, страдаешь...» (Из книги «Увядшие розы», LXVIII) 8 — 507

«Не прогнав орды кровавой...» (Письмо. Песни, 2) 8 — 593, 968

«Не радует тебя в моей стране счастливой...» (Прощание аравитянки) 7 — 575, 690

«Не разрушай восторг — он чист и нем...» (На «Гелиосе») 8 — 71, 750

«Не смейся ты, огромный гриф...» 8 — 324, 857

«Не спрашивай, кто я...» (Кто ты?) 8 — 425, 898

«Не то мое горе, что я без тебя одинока...» (Requiem) 8 — 74

Не только жить («Не только жить, не повторять, как тень...») 8 — 378

«Не только улицу твою, поверь...» (Спокойной ночи) 8 — 129, 765

«Неба полудневного...» (Salve) 8 — 369

«Небо в черном гневе...» (Ураган) *Ж* — 453, 910

«Небосвод, как жизнь, золотой!..» (Узбекское небо)
7 — 287, 648

«Невод прочь, — и песню я пою...» (Времена года рыбака. Зима, XXXIII) *Ж* — 317, 851

Невозвратимое («Расстались мы, но пыль времен...»)
Ж — 60

«Недвижим был гуру Раманондо...» (Завершение омовения) *Ж* — 181, 788, 790

Недоразумение («Вот светлый нимб: галактики сиянье...») *Ж* — 455, 910

«Недугов, что меня терзают тяжко...» *Ж* — 343, 871

Нежный свет («Когда в разлуке мы, родная...») *Ж* — 371, 738, 886

Неизвестному поэту («Возводишь ты алтарь, что был в твоих мечтах...») *Ж* — 481, 927

Ненастье («Часы непогоды...») *Ж* — 435, 900

Неотвязная мысль («Властительница сладостная дум...») *Ж* — 228, 807

Неперестраданное («От мук былых ты не освободился...») *Ж* — 378

«Нередко мне является во сне...» (Увядшие листья. Первая горсть, XV) *Ж* — 632, 978

«Несется туча над вершиной горной...» *Ж* — 323, 856

Несколько слов другому («Они опять про то! Что ж, наконец открою...») 7 — 580, 691

«Нет больше слов. Ни одного...» (Wagum?) *Ж* — 448, 909

«Нет двух мест, что схожи меж собой...» (Времена года рыбака. Осень, XXVI) *Ж* — 314, 851

«Нет, не любил доселе никогда я...» (Свободные сонеты, XVII) *Ж* — 726, 1016

Нет сил терпеть... («Кто слышит эти стоны?..») *Ж* — 366

«Нет таких житниц, чтоб вместили твои дары...» (Восхваление Нила, 6) *Ж* — 155, 781

«Нет, это не земля, а сон...» (Зимняя ночь) *Ж* — 686

«Нет, я рыдал...» (Калине) *Ж* — 449

«Неужто вы не видите, друзья...» (Поднося вино) *Ж* — 269, 823

«Нефритом украшена цитра моя...» (Драгоценная цитра) *Ж* — 275, 825

«Ни на что я не надеюсь...» (Увядшие листья. Первая горсть, IX) *Ж* — 628, 976

Ника («Как схожа ты с Самофракийской Никой...») *Ж* — 453, 910

«Никогда тебя не клял я...» (Увядшие листья. Первая горсть, XVII) *Ж* — 633, 978

«Никогда тебя не назову...» *Ж* — 61

«Ничего, любовь, ты не забыла...» (Из книги «Розы», XXVIII) *Ж* — 498

«Но внезапно тучи пронеслись...» (Времена года рыбака. Осень, XXIX) *Ж* — 315, 851

«Но заперты двери эти...» (Три дня, III) *Ж* — 367

«Но светает, больше ночи нет...» (Времена года рыбака. Весна, X) *Ж* — 309, 851

«Но, увы! Уже подходит ночь...» (Времена года рыбака. Зима, XXXVIII) *Ж* — 318, 851

Новые дали («Гомер поэтом был. И в эти времена...») *Ж* — 593, 697

Новые люди («В тумане столетий пропали...») *Ж* — 477

Новый год («Старого года усталая ночь...») *Ж* — 176, 788

Новый город («Два пути пришли сюда...») *Ж* — 64

Ноктюрн («Как садовник, склоняясь над ветвями вод...») *Ж* — 686, 995, 999

«“Норвегия” гибла и “Эйдсволл” тонул...» («Эйдсволл» и «Норвегия») *Ж* — 416, 738, 893

Норвежская рождественская песня («Снег за окном. Уютный дом...») *Ж* — 422

Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии («Что делаешь на небе ты, Луна?..») *Ж* — 220, 806

Ночь («Ночь во мраке! Ночь в сиянье!..») *Ж* — 681, 993

Ночь («Ночь замолчала. Село прикорнуло...») *Ж* — 440, 901

Ночь простерла покрывало *Ж* — 698

«Ночь темна. Безмолвен лес дремучий...» (Король-беглец) *Ж* — 518, 940, 955

«Ночь. Тишина. Спят взрослые и дети...» (Опечаленная природа) *Ж* — 112

«Ночь холодна. За непроглядной далью...» (Призрак; Увявшие листья. Вторая горсть, XX) *Ж* — 635, 979

«Ночью осенней при свете луны...» *Ж* — 355, 877

«Ночью снег шел, перестал к утру...» (Времена года рыбака. Зима, XXXII) *Ж* — 317, 851

«Ночью я проходил мимо ее дома...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком, 7) *Ж* — 144, 778

«Ну что меня влечет к тебе до боли?..» (Увявшие листья. Первая горсть, II) *Ж* — 622, 975

Нурдаль Григ («Лишь ночь мильоны покрывал...») *Ж* — 423, 897

«О вековая чаровница...» *Ж* — 616

«О ветер, дуй! Нещадно дуй!..» *Ж* — 344

«О ветер! Я молю тебя, не дуй...» *Ж* — 347

«О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей...» (Надежда) *Ж* — 607, 967, 969

«О гора Самкаксан! Уезжаю!..» *Ж* — 327, 854

«О горе! Здесь у твоего портрета...» (Перед портретом Марджанишвили) *Ж* — 114, 759

«О город, ворота на дальнем пути...» (К освобождению Новороссийска) *8* — 118

«О господин мой, пребывающий вдалеке от меня в Джебайте...» (Ожидание встречи) *8* — 161, 776, 783

«О думы молодые, вас, тихие, прошу я...» (Песенка) *8* — 11, 461, 915, 916

«О, если бы сровнять с землею горы...» *8* — 333, 863

«О, как благостно и приятно, когда расцветает Золотая...» (К богине Хатхор, 3) *8* — 164

«О, какой сегодня жаркий день...» (Времена года рыбака. Весна, II) *8* — 306, 851

«О милая, кругла ты, как арбуз...» *8* — 358, 879

О моем ружье любовь («Я хочу, чтоб песнь о верном...») *8* — 620

«О, не приближайся. Только издалека...» (Страх) *8* — 510

«О перелетный сокол, не гордись...» *8* — 336, 866

«О перо! Пусть горе сгинет, светом радости свети!...» (О перо!) *8* — 611, 967, 971

«О, печаль моя, горе...» (Увявшие листья. Вторая горсть, VII) *8* — 644, 982

«О прекрасная, о сияющая...» (К богине Хатор, 2) *8* — 163

«О, прекрасный день, день чудесного опьянения...» (Фрагменты, 3) *8* — 145

«О, приходи, северный ветер...» (Пиршество, 3) *8* — 149

«О родина, я вижу колоннады...» (К Италии) *8* — 210, 804

«О святое мое одиночество — ты!...» (Одиночество) *7* — 71, 598

«О сердце женщины! Ты лед студеный...» (Свободные сонеты, VII) *8* — 721, 1012

«О синий мой ручей в горах зеленых!...» *8* — 333, 864

- О сирени («Сирень стоит густая...») 8 — 464, 915, 918
 «О сновиденье, злое сновиденье!..» 8 — 345
 «О, торопись к Сестре...» (Три желания, 1) 8 — 141, 776
 «О ты, шагающая так широко...» (К богине) 8 — 158, 776, 782
 «О хризантема! Объясни, зачем...» 8 — 342, 870
 О чем грустить? («В прекрасной осени — печали нету места...») 8 — 479, 927
 «О эта девочка! О этот мальчик хилый!..» (Осиротелым детям) 8 — 117
 «Общение с людьми невыносимо!..» 8 — 344
 «Обыденность мне на душу легла...» (Мои песни) 8 — 587
 Объяснение к стихам («Когда богемский лев...») 8 — 680, 993
 Огни зажглись («Пожар заката розовый, отблестав, исчез...») 8 — 34
 «Одаряющий деревья цветеньем...» (Восхваление Нила, 5) 8 — 155, 781
 «Один слепец взял на спину другого...» 8 — 348, 872
 «Одинокая белая цапля, стоишь...» 8 — 330, 861
 Одиночество («О святое мое одиночество — ты!..») 7 — 71, 598; 8 — 736
 «Однажды девочка, резвись...» (Песня птиц) 8 — 40, 741
 «Однажды летнею порой...» (Осел и крестьянин) 8 — 47
 Ожидание встречи («О господин мой, пребывающий вдалеке от меня в Джебауте...») 8 — 161, 776, 783
 «Окно открыто в комнате пустой...» (У раскрытого окна) 8 — 202, 798
 Олень («В чаще стук, и не дятел стучит...») 8 — 464, 915, 918

Омер и Мейрима («По соседству двое подрастали...») *8* — 10, 573, 941, 957, 963

«Он занавеску отстранил рукой...» (Cis moll) *8* — 81, 754

«Он одинок. Но со стены упрямо...» *8* — 203, 889

«Они опять про то! Что ж, наконец открою...» (Несколько слов другому) *7* — 580, 691

«Они покинули свой дом под низкой крышей...» (Отдавшие себя в жертву) *8* — 93

Оните и Йонукас («Чуть заглянет солнышко в окошко...») *8* — 387, 889

Опечаленная природа («Ночь. Тишина. Спят взрослые и дети...») *8* — 112

«Опоры нет, и друга не бывало...» (Вещание змеи) *8* — 371

«Опьянев, я было лег на дно...» (Времена года рыбака. Весна, VIII) *8* — 308, 851

«Орел могучий на вершине снежной...» (Котляревский; Свободные сонеты, III) *8* — 718, 1011

«Орел, схвативший в когти мышшь...» *8* — 324, 857

«Орфей зверей игрою усмирал...» (В альбом композитора) *8* — 419, 893, 896

«Орхидеи в долине цветут...» *8* — 321

Осел и крестьянин («Однажды летнею порой...») *8* — 47

Осенние думы («Мой друг через заставу Юйгуань...») *8* — 280, 828

Осенний дождь («Печальная пора настала...») *8* — 276, 827

Осенняя песня («Женщина, уже немолодая...») *8* — 121

Осень («Друзья, уже осень к нам в гости пришла...») *8* — 604

Осень («Зачем так низко ласточки летают...») *8* — 375

Осень («Там листья не шуршат в таинственной тревоге...») *Ж* — 134, 769

Осень в Урсдоне («Берег речки инеем сверкает...») *Ж* — 442, 901

«Осень. Грязь. Туман не тает...» (Летят журавли) *Ж* — 394, 890

«Осень подошла к стране озер...» (Времена года рыбака. Осень, XXI) *Ж* — 313, 851

Осиротелым детям («О эта девочка! О этот мальчик хилый!...») *Ж* — 117

«Острым осколкам снарядов тут пушка...» (Пушка) *Ж* — 411

«От бремени забот здесь человек свободен...» *Ж* — 322

«От жгучего горя сердце мертво...» *Ж* — 17, 39

«От зорь своих свежесть подснежник наследует...» (Поступь весны) *Ж* — 413

«От мук былых ты не освободился...» (Неперестраданное) *Ж* — 378

«От своих тревог и тайной боли...» *Ж* — 56

Отдавшие себя в жертву («Они покинули свой дом под низкой крышей...») *Ж* — 93

Отдых («Проснулся я среди гор, где ночь в тиши застыла...») *Ж* — 685, 995, 998, 999

Отец («Льет дождь осенний, скуку нагоняя...») *Ж* — 122

«Открытый сразу всем ветрам...» (Песнь Вардэ) *Ж* — 415, 892

Отпусти («Выпусти на волю, отпусти...») *Ж* — 193, 797

«Отчаянье! Что я считал...» (Увядшие листья. Третья горсть, VI) *Ж* — 660, 986

Отчего ты гнешься, тополь? *Ж* — 486, 931, 932

«Ох, рубят, безжалостно рубят...» *Ж* — 300, 848

«Охапку трав на плечи взгромоздив...» (Суббота в деревне) *Ж* — 226, 806

«Охотник-следопыт с седыми волосами...» (Москвичи в якутской тайге) *Ж* — 694

Палинодия («Я заблуждался, добрый Джина; я...») *Ж* — 28, 29, 241, 811

«Паломники сходились отовсюду...» (Паломничество, 4) *Ж* — 188, 793

Паломничество (1—10) *Ж* — 185—193, 791

Памяти Акакия Церетели («Я помню улицу, тебя, народ...») *Ж* — 116, 759

Памяти Саят-Нова («Темница тесною была и узкой...») *Ж* — 121, 759

«Память закрой, ибо гроза вздохнула...» (Гроза (Или любовь)) *Ж* — 468, 915, 922

Пара лошадей («Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь...») *Ж* — 605, 967, 969

«Париж в осеннем свете...» (Двадцать су) *Ж* — 395

«Певец, я — птица в вышине...» *Ж* — 37, 741, 742

«Певцов полно, да песен тех, чтоб сердце укололи, нет...» *Ж* — 285

Первое мая («Ты, матушка судьбу читала...») *Ж* — 402

Первый грех («Каждый день на горах и в ущельях пасла...») *Ж* — 272, 645

Перед портретом Марджанишвили («О горе! Здесь у твоего портрета...») *Ж* — 114, 759

Перед смертью («Листья желтые слетают с веток...») *Ж* — 513, 940, 951

«Переделать бы на метлы...» *Ж* — 343, 871

Перекресток («Как среди листовенных факелов летом...») *Ж* — 477, 927

Переправа («Из двух деревень, разобщенных рекой...») *Ж* — 166, 785

«Пересоздай себя. Возьмись за дело...» (Сито звезд) *Ж* — 378

Пернатый («Идиот — пернатый...») 8 — 453

Персиковое дерево («Ты расцветаешь, персик мой...») 8 — 52

Песенка («О думы молодые, вас, тихие, прошу я...») 8 — 11, 461, 915, 916

Песенка «Сорванная ветка ивы» («Уж сорок лет, как я приехал в Ляо...») 8 — 281, 829

Песни девушек (I. «На вершине горы снег блистит первозданный...») 8 — 44, 46, 741—744

Песни на границе («Быстрые кони...») 8 — 271, 815, 824

Песнь Вардэ («Открытый сразу всем ветрам...») 8 — 415, 892

Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой («Процветает он, этот добрый властитель...») 8 — 149, 776

Песнь семи Хатор («Мерные наши удары для тебя...») 8 — 159, 783

Песня («Польхала роза ало, хорошела...») 8 — 588

Песня («Я не горюю, не любимый славой...») 8 — 138, 771

Песня будущего («Настанет час — стряхнешь ты, негодуя...»; Свободные сонеты, XV) 8 — 725, 1015

Песня в Западном тереме («В саду летают паутинки...») 8 — 278, 828

Песня жизни («В себя, как раковина в щель...») 8 — 475

Песня золота («Малая птичка полнится счастьем...») 8 — 206, 800

Песня о восходе и заходе солнца («Из восточного залива солнце...») 8 — 270, 823

«Песня, подбитая милая пташка...» (Увядшие листья. Третья горсть, XIV) 8 — 671, 989

Песня птиц («Однажды девочка, резвясь...») 8 — 40, 741

«Петром и Цезарем зовут их в мире этом...» (Двое нищих) 7 — 587, 695

«Печальная пора настала...» (Осенний дождь) 8 — 276, 827

Пир у князя Лазаря («Славу славит Лазарь, князь могучий...») 8 — 10, 13, 14, 545, 940, 941, 959, 960

Пиршество (1—3) 8 — 149, 780

Письма А.Н. Радищева из ссылки к графу Александру Романовичу Воронцову 7 — 291, 648

Письма П.П. Рубенса 7 — 75, 599

Письмо (Песни) (1—3) 8 — 593—594

Пишу о думах («Гуси и ласточки вдалеке...») 8 — 276

Пишу стихи («Когда ко мне приходит вдохновенье...») 8 — 113, 758

Плач Исиды по Осирису («Я — женщина, прекрасная для своего мужа...») 8 — 160, 776, 783

Плач о Цюй Юане («Я прежде был приближен к трону...») 8 — 267, 820

«Плачут дудки, горько плачут...» 8 — 54

Племпале («Протяжно чья-то песнь с балкона понеслась...») 8 — 482, 927

«Плоть моя, плененная болезнью...» 8 — 196, 797

«Плохо ли, когда цикады юной...» 8 — 352

«Плуг покрывает поле бороздами...» 8 — 411

«По соседству двое подрастали...» (Омер и Мейрима) 8 — 10, 573, 941, 957, 963

Победа луча («Не надо больше арф печали...») 8 — 474

«Повалит ли гору ветер...» 8 — 347

«Поведай правду всю!...» (Сильное поколение) 8 — 368

«Поверь моим словам...» 8 — 299, 848

«Повстречались мы с тобою...» (Увявшие листья. Первая горсть, V) 8 — 625, 975

- «Погибни, Наньпа!..» *8* — 326, 859
- «Под вечер сокола с собою взяв...» *8* — 325, 857
- «Под деревом шимул проходит она...» (Сантальская де-
вушка) *8* — 202, 790, 799
- «Под крышкой металлического гроба...» (Похороны па-
ни А.Г.; Увявшие листья. Первая горсть, XVI) *8* — 632,
978
- «Под легким ветром белая береза...» (Прощание) *8* —
602
- «Под этим мрачным сводом, тут...» (В подвале Зимнего
дворца) *7* — 278, 646
- Поднося вино («Неужто вы не видите, друзья...») *8* —
269, 823
- Подсолнечник («Дорастаем до твоих познаний...») *8* —
454, 910
- «Подходит мрак. Боюсь я этой ночи...» (Увявшие ли-
стья. Третья горсть, X) *8* — 665, 988
- «Пожар заката розовый, отблистав, исчез...» (Огни за-
жглись) *8* — 34
- «Позор и слава царств — в руках судьбы...» *8* — 290,
841
- «Пока твои родители живут...» *8* — 298, 836
- «Поклон тебе, Будда...» (Увявшие листья. Третья
горсть, XVII) *8* — 672, 989
- Покой после бури («Вот миновала буря...») *8* — 224,
806
- «Покойный мой отец Бо-юном звался...» (Лисао) *8* —
13, 21, 703, 815—817, 820
- Покорность («Стану я маленьким и еще уменьшусь...») *8* — 670
- «Поле ровное в цветах...» (Из цикла «Картины», XV) *8* — 953
- Полемика (1—3) *8* — 688—689
- Полночь («Звук где-то словно отзвенел...») *8* — 407

- «Полыхала роза ало, хорошела...» (Песня) *Ж* — 588
- Поминки (1. «Слуга, обращаясь к дочери...») *Ж* — 161, 776, 783
- Помнишь, я тебе сказал... («Только жатвы срок настал...») *Ж* — 489
- Понял я твое молчанье *Ж* — 687, 1001
- «Порой над сумраком улиц оранжевый блеск заката...» (Вечерние стихи) *Ж* — 467, 915, 921
- После болезни («Я вновь здоров. И мозг усталый мой...») *Ж* — 596, 967
- Последнее стихотворение («Может, любила ты... Но не так...») *Ж* — 448, 909
- «Последний звон косы давно умолк...» (Август) *Ж* — 407, 890
- «Поспал — и вот сижу один...» (В горах, II) *Ж* — 305, 850
- Посреди дня («Ты не дивись моей тоске суровой...») *Ж* — 469, 915, 923
- Поступь весны («От зорь своих свежесть подснежник наследует...») *Ж* — 413
- Потерянные листья («Уж полстолетья ты тревожишь неустанно...») *Ж* — 480, 927, 928
- Поток («Ты пенистым ручьем с горы слетаешь...») *Ж* — 377
- Похороны пани А.Г. («Под крышкой металлического гроба...»; Увядшие листья. Первая горсть, XVI) *Ж* — 632, 978
- «Почему говоришь ты своему сердцу...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком, 4) *Ж* — 143, 777
- «Почему ты не приходишь?..» *Ж* — 358, 879
- «Поэт, поток твоих стихов разрушил льда твердыню (Автору «Ананики», поэту Сурьяканту Трипатхи Нирала) *Ж* — 207, 800

- Поэт, уйди! *Ж* — 680
- «Поэта пламенное слово...» (Поэту) *Ж* — 697
- Поэту («Поэта пламенное слово...») *Ж* — 697
- «Правый Боже, чудо совершилось...» (Смерть матери Юговичей) *Ж* — 8—10, 13, 14, 543, 940, 941, 957, 959
- Праздник в саду («Прими цветок лотоса из твоего сада...») *Ж* — 148, 776, 780
- «Прежде, сытно накормив Луэра...» *Ж* — 292, 843
- «Прекрасно соловей поет...» (Когда ночь) *Ж* — 380
- Прелюдия («Нам светофор мигает: "Стой!.."...») *Ж* — 424, 897
- «Преступник я! Чтоб заглушить...» (Увядшие листья. Первая горсть, XIII) *Ж* — 630, 977
- «Привет тебе, Ра-Горахути, отче богов...» (Любовное заклинание) *Ж* — 148, 779
- «Приготовь мне, мальчик, плащ в дорогу...» *Ж* — 328, 860
- Приди же, весна... («Мы хотим собирать барвинки...») *Ж* — 408
- Призрак («Ночь холодна. За непроглядной далью...»; Увядшие листья. Первая горсть, XX) *Ж* — 635, 979
- Призывание души («Я с юных лет хотел быть бескорыстным...») *Ж* — 258, 816
- Прикосновения («С утра вам несут телеграммы...») *Ж* — 589, 915
- Прими, любимый отец! («К тебе обращаются взоры...») *Ж* — 410
- «Прими цветок лотоса из твоего сада...» (Праздник в саду) *Ж* — 148, 780
- Приникни к моей груди («К груди моей чутко приникни щекой...») *Ж* — 128
- «Приносящий пищу, богатый едою...» (Восхваление Никола, 4) *Ж* — 154, 781
- «Природу пышную земли иной...» *Ж* — 57, 744

«Приходит ветер — и слетает к сикомору...» (Ветер)
Ж — 146, 776, 779

«Приходит час ночной ко мне...» *Ж* — 131, 768

Пришла весна («Пришла весна! И жаворонок взвился...») *Ж* — 112

«Про глубину озер, морей...» *Ж* — 345

«Пробудившись — снова пью...» *Ж* — 340, 869

Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память («Я друга до Балина провожаю...») *Ж* — 273, 815, 824

Продавщица чудес («Когда на бульваре блеснул водомет...») *Ж* — 683, 995, 997

«Пройдя Цзыньминьское ущелье, расстаюсь с родной...» (Ущелие Цзыньминь пройдя) *Ж* — 273, 822

«Проклятая, ты отравила минуты...» (Проклятие) *Ж* — 444, 903, 906

Проклятие («Проклятая, ты отравила минуты...») *Ж* — 444, 903, 906

Прославление писцов («Мудрые писцы...») *Ж* — 20, 150, 776, 780

«Проснулась, взглянула — и вижу...» *Ж* — 346

«Проснулся я среди гор, где ночь в тиши застыла...» (Отдых) *Ж* — 685, 995, 998, 999

Просьба о пустыне («Уж много звезд не видно снизу...») *Ж* — 469, 915, 924

«Протяжно чья-то песнь с балкона понеслась...» (Племяле) *Ж* — 482, 927

«Процветает он, этот добрый властитель...» (Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой) *Ж* — 149

«Прочь, дурень-ветерок! Не спрашивай куда!..» (В третий раз) *Ж* — 133, 769

«Прошедшей ночью ветер дул...» *Ж* — 291, 842

«Прошла суровая и долгая зима...» (В горах, V) *Ж* — 305, 850

«Прошла ты, мимо, равнодушна...» 8 — 603

Прощание («Под легким ветром белая береза...») 8 — 602

Прощание аравитянки («Не радует тебя в моей стране счастливой...») 7 — 575, 690

Птенчик мамин, баю-баю... 8 — 488, 934

«Пусть винный жбан твой полон будет вечно...» 8 — 338, 868

«Пусть вихрями станут все вздохи мои...» 8 — 349

«Пусть гром разрушит скал грядущий...» 8 — 321, 855

«Пусть Зоя у меня стихов не просит...» (В альбом Зофье Бобровой) 8 — 447, 908

«Пусть из неравных бревен крыша сбита...» 8 — 319, 854

«Пусть крылья ворона в метель...» 8 — 291, 842

«Пусть небо и земля шатром мне станут...» 8 — 329, 861

«Пусть обопрется старец на тебя...» 8 — 298

«Пусть раз и два умрет в мученьях тело...» 8 — 291, 843

«Пусть слава и почет вас не пленяют!..» 8 — 327, 859

«Пусть служба уважения достойна...» 8 — 328, 859

«Путь беспощадный камнями усеян...» (Паломничество, 5) 8 — 189, 793

Путь героя («В прошлом — забвенье...») 8 — 380

Путь извилист и тяжел... 8 — 491

Пушка («Острым осколком снарядов тут...») 8 — 411

Пять друзей («Мне друзья: бамбук зеленый...») 8 — 303, 844, 850

Разбитая надежда («Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал...») 8 — 609, 971

«Разве я была, о друг мой, нехорошою с тобою...» 8 — 333, 864

Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчицем («Ты скажи мне, брат Иван Косанчич...») 8 — 547, 957, 961

Разлука («Разлучились, но помним и любим друг друга...») *Ж* — 445, 903, 906

«Разлучились, но помним и любим друг друга...» (Разлука) *Ж* — 445, 903, 906

«Разостлал я сети на песке...» (Времена года рыбака. Лето, XVII) *Ж* — 311, 851

«Раманондо сан высокий носит...» (Чистый) *Ж* — 177, 778

«Ранней ранью, утром серым...» (Баллада) *Ж* — 588

Раны заживают («Заживают наши раны, злу былому не бывать...») *Ж* — 119

Расплата («Ты что-то очень бледен? Отчего...») *Ж* — 70

«Расставанье и разлука!..» *Ж* — 347, 872

«Расстались мы, но пыль времен...» (Невозвратимое) *Ж* — 60

«Расцветают. Молча громоздятся...» (Быть цветком?) *Ж* — 455, 910

«Ребенком слезы я не лил, был волен...» (Ученик слез) *Ж* — 373

Ребенку исполнился год («Вырос сынок ненаглядный...») *Ж* — 437, 900

Река Цзюймахэ («Вот солнце заходит...») *Ж* — 280, 828

«Робидаш — метельщик, пыль метущий...» (Золото любви) *Ж* — 180, 788, 789

«Родина и сын — милее жизни...» (Богатство) *Ж* — 52

«Родину мы любим...» (Любовь к родине) *Ж* — 396

«Родители мои — земля и небо...» *Ж* — 337

Родной земле («Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной судьбе...») *Ж* — 607, 967, 969

«Ругают дяди-умники...» (Дяди) *Ж* — 395

«Рыбачья песнь и дудка пастуха...» *Ж* — 340, 869

С благоговеньем воспеваю («Воспевая пахаря работу...») 8 — 476

«С героями-друзьями ты, как пламя...» (Вечной памяти С.Г. Закияна) 8 — 41

«С древних лет являлись мудрецы...» (Времена года рыбака. Зима. XXXVII) 8 — 318, 851

«С лепестков росистый жемчуг...» (Из книги «Увядшие розы», XL) 8 — 501, 944

С моей страной («Кто смеет отделять народ мой от страны...») 8 — 131

«С поля милая пришла...» (Костяника) 8 — 595, 967

«С природою я сжился с детства...» (Друзья ребенка) 8 — 372

«С тех пор, как в чашу смерти Иисус...» (Сын человеческий) 8 — 184, 791

«С тобой, чей голос был подобен грому...» 8 — 349

«С той поры, как мир наш существует...» (Сестра Лекко-капитана) 8 — 556, 963

С той стороны («С той стороны дыханье урагана...») 8 — 378

«С тростинкой хрупкою надежды наши схожи...» (К Л.) 7 — 585, 694

«С утра вам несут телеграммы...» (Прикосновения) 8 — 589, 965

«С утратой того, что любимо...» 8 — 40, 741, 742

«Самоубийство — трусость...» (Увядшие листья. Первая горсть, XIX) 8 — 676, 990

Сантальская девушка («Под деревом шимул проходит весна...») 8 — 202, 790, 799

«Сватается воевода Воин...» (Воин и его невеста) 8 — 538, 958

Сватовство Роланда («На берегу сошлись и бьются. Страшен бой!..») 7 — 588, 695

Свет над тайгой («Тайга, тайга! Здесь могут заблудиться...») *8* — 699

«Светлеет небо...» (Паломничество, 3) *8* — 187, 793

Светлое место («Случалось ли тебе в дождливый день тягучий...») *8* — 125

Светобоязнь («Когда ходил я в школу...») *8* — 418, 893

«Свободные сонеты» (1—19) *8* — 717—727, 1010

«Сгинь, мороз белобородый! Видишь, прямо с горки той...» (Слово к зиме) 613, 971

«Сегодня я окошко не закрою...» *8* — 379

Сердце («Владеет мною сердца трепет...») *8* — 114, 759

Сестра Лекс-капитана («С той поры, как мир наш существует...») *8* — 556, 963

«Сигнал. Свободен путь. — Иди, иди!..» *8* — 75

«Сидит недвижно на вершине горной...» (Паломничество, 2) *8* — 187, 792

Сикстинская мадонна («Кто смел сказать, что не богиня ты?...»; Свободные сонеты, XIII) *8* — 724, 1014

«Сильнее смерти жизнь! — бесстрашно верьте...» (Еще великая вера жива) *8* — 375

Сильное поколение («Поведай правду всю!..») *8* — 368

«Сирень стоит густая...» (О сирени) *8* — 464, 915, 918

Сито звезд («Пересоздай себя. Возьмись за дело!..») *8* — 378

«Сказал: приду, — и я ждала всю ночь...» *8* — 346

Сказать тебе не смею («Сказать тебе не смею, как эта грусть безбрежна...») *8* — 461, 915, 916

«Сквозь дрему слушал я полночную...» (У преддверья земли) *8* — 376

«Сквозь покровы влажного тумана...» *8* — 58

«Сквозь стужу, по сугробам к милой...» *8* —

«Сквозь сумрак узких улиц, сквозь стены и балконы...» (Судьба) *8* — 73, 750

Скиталец («Когда в твои шатры приходит гость...») 8 — 27, 473, 925

«Склонившись, смотришь — бездна вод синее...» 8 — 322

«Сколько б ворон там ни каркал...» 8 — 353, 874

«Сколько б ни твердил молитв монах...» 8 — 353, 874

Скошенное сено («Мой путь слезами полит был обильно...») 8 — 375

«Скрипач, брось скрипку, мне ее не надо...» (Набросок) 8 — 481

Слава вождю («Слава тому, кто нетленной сияет звездою...») 8 — 119

«Слава тебе, Хапи!..» (Восхваление Нила, 1) 8 — 153, 781

«Слава — это башмаки худые...» 8 — 319, 854

«Славу славит Лазарь, князь могучий...» (Пир у князя Лазаря) 8 — 10, 13, 14, 545, 940, 941, 959, 960

«Сладостная, сладкая любовью, говорит жрица Хатхор Мутирдис...» (Жрица Хатхор) 8 — 146, 776, 779

«Слепцы клянут наш век напрасно, веря...» (Свободные сонеты, VIII) 8 — 10, 12, 720

«Слова, что люда тайно говорят...» 8 — 353

Слово к зиме («Сгинь, мороз белобородый! Видишь, прямо с горки той...») 8 — 613, 971

«Слово молвишь — скажут: вот простак...» 8 — 331, 862

«Слово напишу я — и заплачу...» 8 — 348

«Словно воды реки текущей...» 8 — 341, 870

«Слуга, обращаясь к дочери...» (Поминки, 1) 8 — 161, 776, 783

«Случалось ли тебе в дождливый день тягучий...» (Светлое место) 8 — 125

«Смейтесь, звезды, надо мною!..» (Увядшие листья. Вторая горсть, XI) 8 — 648

Смерть Илии Смилянича («Кто-то стонет в зарослях зеленых...») *Ж* — 13, 549, 940, 961

Смерть кариатиды («Каська, мрамор наш польский...») *Ж* — 454, 910

Смерть матери Юговичей («Правый Боже, чудо совершилось!...») *Ж* — 8—10, 13, 14, 543, 940, 941, 957, 959

Смерть Сочивицы Станко («В лес уходит наш Мият отважный...») *Ж* — 578, 963

«Смешон мне этот мир. Еще смешней поэт...» (Свободные сонеты, XII) *Ж* — 723

«Смолкла зурна... Над подругой своей...» (Из поэмы «Песни Алагяза». Песнь четвертая, III) *Ж* — 43

Снег («В памяти навеки сохранится...») *Ж* — 77, 751

«Снег за окном. Уютный дом...» (Норвежская рождественская песня) *Ж* — 422

«Снег тихо до самого вечера падал...» (Зимним даем) *Ж* — 510, 947

«Снится мне — придешь ты...» *Ж* — 509, 946

«Со встречи той вечерней...» (Счастье) *Ж* — 451

«Соберу по зернышку любовь...» *Ж* — 728, 871, 1018

«Собирает войско Кулин-турок...» (Князь Иван Княжевич) *Ж* — 526, 957

«Собрались сотни павлинов тут...» (Из поэмы «Песни Алагяза. Песнь вторая, II) *Ж* — 43

Согён Пельгок (1—4) *Ж* — 285, 838

«Солнце жарко льет полдневный луч...» (Времена года рыбака. Весна, V) *Ж* — 307, 851

Солнышко, спустись пониже... *Ж* — 488, 931, 933

Соловей («Я пел-заливался весною...») *Ж* — 386

Сон («Настало утро. Из прикрытых ставен...») *Ж* — 217, 804, 806

Сон («Чужая, страна его отняла...») *Ж* — 17, 18, 49, 741

Сонет к Элли («Мое чувство в сонете к тебе посылаю я, Элли...») *Ж* — 123, 760

«Сонеты — как рабы. На них оковы...» (Свободные сонеты, I) *Ж* — 717, 1010

«Соседи справа — под скалой живут...» *Ж* — 338, 867

«Сосенка одна на берегу...» (Времена года рыбака. Зима, XXXVI) *Ж* — 318, 851

«Сосна, посаженная здесь, скажи...» *Ж* — 351, 873

София («Для тех, кто любил меня, я не исчезла...») *Ж* — 98

Спелые ночи («Две мертвые птицы на землю легли...») *Ж* — 136, 769

Спокойной ночи («Не только улицу твою, поверь...») *Ж* — 129, 765

Справедливость («В Путне древняя обитель в солнечных лучах сияет...») *Ж* — 485, 930

«Спустись я только на одну ступень...» *Ж* — 128, 763

«Сражаясь, я услышал взрыв...» (Фронтальная сестра) *Ж* — 120

«Средь воронья узнай-ка...» *Ж* — 336, 866

«Средь тварей всех и на земле и в небе...» *Ж* — 359, 879

«Ставят памятники мертвым...» (Из книги «Увядавшие розы», XLVII) *Ж* — 503

«Стану я маленьким и еще уменьшусь...» (Покорность) *Ж* — 679

«Старого года усталая ночь...» (Новый год) *Ж* — 176, 788

«Страшитесь вы той огненной стихии...» (Свободные сонеты, IX) *Ж* — 722, 1013

Старшая сестра («Таскали кирпичи и строили дома...») *Ж* — 165, 785

Старшему брату («Ты делами рук своих...») *Ж* — 409

«Старые, больные чувства...» *Ж* — 338, 867

Старый ларь («Когда мы открываем ларь старинный...») *Ж* — 374

- «Стой беглец! («Что ж, убегай ты по любой дороге...») 8 — 377
- «Стоит ли сюда нести цинковку?...» 8 — 326, 858
- «Стою ли твердо на ногах...» 8 — 299, 848
- «Страна измучена войною долгой...» (Записки о событиях) 8 — 281, 829
- Страх («О, не приближайся. Только издалека...») 8 — 510
- «Строго мрак глядит мне в очи...» (Эпическое утро) 7 — 280
- «Стройная девушка, меньше орешка...» (Увядшие листья. Вторая горсть, IV) 8 — 642, 981
- «Струится Неман — полноводный, синий...» (К Неману) 8 — 381
- Суббота в деревне («Охапку трав на плечи взгромоздив...») 8 — 226, 806
- «Сударыня, вас очень легко...» (Кж. В.М. Волконской) 7 — 269, 642
- Судьба («Сквозь сумрак узких улиц, сквозь стены и балконы...») 8 — 73, 750
- «Судьба — стена меж нами! Как волнами...» (Увядшие листья. Первая горсть, XIV) 8 — 631, 977
- Сумерки («Там сеют золото сквозные облака...») 8 — 60
- Сурик (Был Сурик парнишка ясноглазый...) 8 — 50
- Счастье («Голубизной своей первоначальной...») 8 — 204, 799
- Счастье («Мне стали безразличны...») 8 — 462, 915
- Счастье («Со встречи той вечерней...») 8 — 451
- Счастье («Я время по часам не отмечаю...») 8 — 511, 948
- Сын человеческий («С тех пор, как в чашу смерти Иисус...») 8 — 181, 791

«Сыплет, сыплет, сыплет снег...» (Увядшие листья. Вторая горсть, XX) *Ж* — 655, 985

«Та флейта, что молчала, вновь звучит...» (Дыхание песни) *Ж* — 165, 785

«Тайга, тайга! Здесь могут заблудиться...» (Свет над тайгой) *Ж* — 699

«Так жизнь моя становится все проще...» *Ж* — 337, 867

«Так много мы мечтаем сделать в жизни...» *Ж* — 59

«Таким мой создан дух, что не смутил ни разу...» *Ж* — 586, 694

«Такой удобный инструмент...» (Увядшие листья. Третья горсть, XX) *Ж* — 678, 990

«Такой есть холмистый...» (Город на холмах) *Ж* — 139

«Там, где гуси дикие летят...» (Времена года рыбака. Осень, II) *Ж* — 313, 851

«Там листья не шуршат в таинственной тревоге...» (Осень) *Ж* — 134, 769

«Там сеют золото сквозные облака...» (Сумерки) *Ж* — 60

«Там траурно шумели ивы...» (Коммунары) *Ж* — 400, 890

«Таскали кирпичи и строили дома...» (Старшая сестра) *Ж* — 165, 785

«Твои красивы зубы — улыбнись!...» *Ж* — 356, 877

Твой взгляд («За счастьем призрачным бродя во мгле безбрежной...») *Ж* — 135, 769

«Твой взор меня смиряет и гнетет...» (Твоя слеза) *Ж* — 135, 769

«Твоя рука на клавишах пугливо...» (Andante) *Ж* — 685, 995, 996

Твоя слеза («Твой взор меня смиряет и гнетет...») *Ж* — 135, 769

«Твоя труба лежит в пыли...» (Труба) *Ж* — 170, 787

«Те волны движут в небесах светила...» (Великие круги)
Ж — 377

Темная ночь («Человек, согбенный ношей...») *Ж* — 466,
 915, 919

«Темница тесною была и узкой...» (Памяти Саят-Нова)
Ж — 121, 759

Темное небо («Блистание звезд погасить...») *Ж* — 466,
 915, 920

«Теперь ты умолкнешь навеки...» (К себе самому) *Ж* —
 233, 807

«Тигр, ревуший на чуских высотах...» *Ж* — 290, 842

«То, что дома в сердце у меня поет...» (Эмме Клинген-
 фельд) *Ж* — 420, 893, 896

«То чувство, что я отторгла...» (Трены вислянские, 4)
Ж — 456, 910

«Тобою полон день, твоею сутью...» (День) *Ж* — 79, 752

«Тогда заботы я еще не знал...» (Взгляд на прожитое)
Ж — 379

«Толпа уже рассеялась. Затих...» (Микельанджело)
Ж — 85, 753, 754

«Только жатвы срок настал...» (Помнишь. Я тебе ска-
 зал...) *Ж* — 489

«Только смолкнет пушки...» (Когда земля пробуждается...)
Ж — 403

Тоска по Мемфису («Видишь, сердце мое убежало тай-
 ком...») *Ж* — 153, 776, 781

«Тот лютый тигр внезапно появился...» (Лютый тигр)
Ж — 281, 830

«Тот счастлив, кто прошел среди мучений...» (Заре) *Ж* —
 72, 598

Трены вислянские (1—8) *Ж* — 455—457, 910

Три дня (I—III) *Ж* — 367

Три желания (1—3) *Ж* — 141, 776

«Три летели к заре журавля...» (К восходу солнца) *Ж* — 474

Три приметы («Вера в святость дальней цели...») *Ж* — 371

Тропинка жизни («Тропинка жизни с гор ведет на склоны...») *Ж* — 378

Труба («Твоя труба лежит в пыли...») *Ж* — 170, 787

«Труд нужен родине — труд более упорный...» (Грузинка-мать) *Ж* — 117, 759

«Туго я любовь перевязал...» *Ж* — 357, 878

«Тулатовы зло слукавили...» (Чермен) *Ж* — 434, 900

«Туман над замерзшей рекою дымится...» (Весна в Якутии) *Ж* — 695

«Тучи, что уже перевалили...» *Ж* — 324

Ты («Ты — связь моя с землею...») *Ж* — 465, 915, 919

Ты («Я верила, что исцеленье...») *Ж* — 78, 752

«Ты входишь с журчащей речью в середину земли...» (Восхваление Нила, 9) *Ж* — 156, 781

«Ты делами рук своих...» (Старшему брату) *Ж* — 409

«Ты добрым был. Ты место выбрал...» (У кино) *Ж* — 80

«Ты катишь, о великая река...» (Беспокойная) *Ж* — 172, 787

«Ты, матушка, судьбу читала...» (Первое мая) *Ж* — 702

«Ты меня не бойся, чайка!...» *Ж* — 351

«Ты мне сказать хотела...» («Из книги «Увядшие розы», LXIX) *Ж* — 508, 945

«Ты на улице при встрече...» (Увядшие листья. Первая горсть, XI) *Ж* — 629

«Ты не дивись моей тоске суровой...» (Посреди дня) *Ж* — 469, 915, 923

«Ты никогда еще так не была свежа...» *Ж* — 132, 768

«Ты облако лазурное лелеешь...» *Ж* — 337, 867

«Ты пенистым ручьем с горы слетаешь...» (Поток) *Ж* — 377

«Ты плачешь. Частые слезинки...» (Увявшие листья. Первая горсть, XVIII) *Ж* — 634, 978

«Ты расцветаешь, персик мой...» (Персиковое дерево) *Ж* — 52

«Ты с болью влагаешь в нее все, чем дышишь...» (Книга) *Ж* — 75

«Ты — связь моя с землею...» (Ты) *Ж* — 465, 915, 919

«Ты скажи мне, брат Иван Косанчич...» (Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчичем) *Ж* — 547, 957, 961

«Ты, словно цветик, словно...» (Красавице) *Ж* — 386

«Ты, только ты — моя единая любовь...» (Увявшие листья. Первая горсть, VI) *Ж* — 626, 976

«Ты хотел, чтоб милой безделушкой...» *Ж* — 424, 897

«Ты что-то очень бледен? Отчего...» (Расплата) *Ж* — 70

«Тяжко сердцу прожить трое суток без ветки зеленой...» (Верблюжий караван) *Ж* — 65

«У земли ничего этого нет: ни случайности, ни перемены...» (Марциан Колонна) *Ж* — 267, 640

У кино («Ты добрым был. Ты место выбрал...») *Ж* — 80

«У нищей лачуги белены стены...» (Кызбурун. Фрагменты, 1. Данах и Канагат) *Ж* — 250, 813

У отрывного календаря («Листочек за листочком...») *Ж* — 618

У преддверья земли («Сквозь дрему слушал я полночную...») *Ж* — 376

У раскрытого окна («Окно открыто в комнате пустой...») *Ж* — 202, 798

Увявшие листья (Лирическая драма) *Ж* — 17, 621—678, 972

«Увявшие листья! Умчитесь в туманы...» (Увявшие листья. Первая горсть. Эпилог) *Ж* — 638, 979

«Угасает поздняя заря...» (Времена года рыбака. Весна, VI) *Ж* — 308, 851

«Уж полстолетья ты тревожишь неустанно...» (Потерянные листья) *8* — 480, 927, 928

«Уж сорок лет, как я приехал в Ляо...» (Песенка «Сорванная ветка ивы») *8* — 281, 828

«Уже мне звезд не видно снизу...» (Просьба о пустыне) *8* — 469, 915, 924

Узбекское небо («Небосвод, как жизнь, золотой!..») *7* — 287, 648

«Укрыться б мне в шатре тумана...» *8* — 321

Улыбка («Большая мудрость есть, поверьте мне, в улыбке...») *8* — 126, 762

«Умасти миррой локоны Истины...» (Пиршество, 2) *8* — 149, 780

Умер («Как ни в чем не бывало...») *8* — 471, 915, 924

«Упала тень на окна...» (Жизнь в деревне) *8* — 278

Ураган («Небо в черном гнев...») *8* — 453, 910

«Усталая мысль! Уныло...» (Три дня) *8* — 367

Усталость («Довольно жизни!..») *8* — 512, 948

«Утверждающий истину, которой алчут люда...» (Восхваление Нила, 10) *8* — 156, 781

Утро («Белянка светлокоса...») *8* — 616

Утро на Лене («Лена!.. Трепещет, как в зеркале, в ней...») *8* — 696

Ученик слез («Ребенком слезы я не лил, был волен...») *8* — 373

«Ущелие Цзыньминь пройдя...» («Пройдя Цзыньминьское ущелье, расстанусь с родиной...») *8* — 273, 823

«Фазаночки трепещущее сердце...» *8* — 356, 833, 878

«Фараон приходит плясать...» (К богине Хатхор, 1) *8* — 162

Фрагменты (1—3) *8* — 145, 776, 778

Фронтальная сестра («Сражаясь, я услышал взрыв...») *8* — 120

Хасанагиница («Что белеет средь зеленой чащи?..») *Ж* — 10, 534, 941, 957, 958

Хвала любящей супруге («Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью...») *Ж* — 147, 779

Хлад мира («Хлад мира я почувствовал душою...») *Ж* — 375

«Хмельным восторгом упоен, Ли Бо...» *Ж* — 349, 872

«Хозяин, эй! Купите этих крабов!..» *Ж* — 362, 881

«Хорошо умеет бросать петлю Сестра...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком) *Ж* — 143, 777

«Хоть злой тиран поправил ее права...» (Наука; Свободные сонеты, V) *Ж* — 719, 1011

«Хоть не цвести тебе в тиши полян...» (Увявшие листья. Вторая горсть, XXVIII) *Ж* — 654, 985

«Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной судьбе...» (Родной земле) *Ж* — 607, 967, 969

«Цветок, ты бабочку не отвергай...» *Ж* — 361, 880

«Цветущий персик частый дождь кропил...» *Ж* — 354, 876

«Цветы цветут иль не цветут...» *Ж* — 355, 876

«Целый день я молю мою госпожу...» (Фрагменты, 1) *Ж* — 145, 778

Цыганская библия («Что цыганскою библией стало...») *Ж* — 463, 915, 918

«Чайки белокрылые летят...» (Времена года рыбака. Зима, XXXIV) *Ж* — 317, 851

Часы («Звон минут всесильный...») *Ж* — 519, 940

Часы («Я с любимую сажу...») *Ж* — 594, 967, 968

«Часы непогоды...» (Ненастье) *Ж* — 435, 900

Чаша с драгоценностями («Когда встающий день просторы золотит...») *Ж* — 370

«Чаша та полна страданий — о возьми ее скорей...» *Ж* — 201

«Чей там голос, не кукушка ль там?...» (Времена года рыбака. Весна, IV) *Ж* — 307, 851

«Человек, согбенный ношей...» (Темная ночь) *Ж* —

«Черен ворон или бел...» *Ж* — 352, 835

Чесмен («Тулатовы зло слукавили...») *Ж* — 434, 900

Чистый («Раманондо сан высокий носит...») *Ж* — 177, 788

«Что белеет средь зеленой чащи?...» (Хасанагиница) *Ж* — 10, 534, 941, 957, 958

«Что, готов ли к лову ты, старик...» (Времена года рыбака. Зима, XXX) *Ж* — 316, 851

«Что делаешь на небе ты, Луна?...» (Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии) *Ж* — 220, 806

«Что лучше — забыть после смерти...» *Ж* — 352, 874

«Что ни говори, а расстаемся...» (Жду тебя, 2) *Ж* — 597

«Что песнь! Утратила она...» (Увядшие листья. Третья горсть, XVI) *Ж* — 672, 989

«Что счастье жизни? Лжи струя...» (Увядшие листья. Вторая горсть, XV) *Ж* — 652, 984

«Что такое почести и слава?!.» *Ж* — 339, 869

«Что тускнеет долгий летний день...» (Времена года рыбака. Лето, XVI) *Ж* — 311, 851

«Что услышу — вспомнить не могу...» *Ж* — 332, 863

«Что цыганскою библией стало...» (Цыганская библия) *Ж* — 463, 915, 918

«Чтоб первый человек был сотворен...» (Еврейская легенда) *Ж* — 47, 741, 744

«Что ж, убегай ты по любой дороге...» (Стой, беглец!) *Ж* — 377

«Чудесный сон издалика...» *Ж* — 350, 873

«Чужая страна его отняла...» (Сон) *Ж* — 49, 741

«Чуть заглянет солнышко в окошко...» (Оните и Йонукас) *Ж* — 387, 889

«Чуть я шорох где слышу, страх мне сердце обожжет...» (Колебания и сомнения) *Ж* — 608, 970

Чхоёнга 283, 837

«Шар солнечный с востока плыл...» (Из поэмы «Песни Алагяза». Песнь вторая, I) *Ж* — 42, 741

Шекспир («Когда твоя звезда зажглась над океаном...») *Ж* — 174, 787

«Ширмой расписной кругом стоят...» (Времена года рыбака. Зима, XXXV) *Ж* — 317, 851

«Шумно та звезда упала...» *Ж* — 38, 741

«Щебеча, овсянка...» *Ж* — 515, 940, 952

Щедрая рука («Мне щедрая судьба дала, любя...») *Ж* — 370

«Эй, дед, что ты несешь на голове?...» *Ж* — 298

«Эй, жаба одноглазая, послушай...» *Ж* — 361, 880

«Эй, ко мне скорее, гусли-други...» (Гойко) *Ж* — 514, 940, 951

«Эй, лудильщик молодой...» *Ж* — 360

«Эй, парень, ты, что гонишь там вола...» *Ж* — 362, 881

«Эйдсволл» и «Норвегия» («“Норвегия” гибла, и “Эйдсволл” тонул...») *Ж* — 416, 893

Экскурсия («Было лето, и солнце высоко взошло...») *Ж* — 266, 640

Эллинская весна (I Эолийская. «Лина, зима подступает к порогу...») *Ж* — 209, 802

Эмме Клингенфельд («То, что дома в сердце у меня поет...») *Ж* — 420, 893, 896

Эпилог («Увядавшие листья! Умчитесь в туманы...»; Увядавшие листья. Первая горсть) *Ж* — 638, 979

Эпическое утро («Строго мрак глядит мне в очи...») 7 — 280

Эрасмия («Я не боялась смерти...») 8 — 101

«Эти брови — словно мотыльки...» 8 — 357

«Эти очи — словно море...» (Увядшие листья. Первая горсть, VII) 8 — 626

Это было так давно («Все это скрылось в глубь воспоминаний...») 8 — 372

«Это цапли взлетели, крича...» (Вечерняя Лена) 8 — 698

«Эту самую луну...» 8 — 342, 870

«Юная березка...» (Из цикла «Картины», XIII) 8 — 517, 940, 953, 954

Юность («Дух юности! Ты ль в тесной клетке счастья?...») 8 — 175, 788

«Я в затишье меж боями...» (Письмо. Песни, 1) 8 — 593, 968

«Я в листок завертываю рис...» (Времена года рыбака. Лето XII) 8 — 310, 851

«Я верила, что исцеленье...» (Ты) 8 — 78, 752

«Я вижу дали пред лицом твоим...» 7 — 279

«Я вновь здоров. И мозг усталый мой...» (После болезни) 8 — 596, 967

«Я время по часам не отмечаю...» (Счастье) 8 — 511, 948

«Я друга до Балина провожаю...» (Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память) 8 — 273, 815, 824

«Я — женщина, прекрасная для своего мужа...» (Плач Исиды по Осирису) 8 — 160, 776, 783

«Я заблуждался, добрый Джино; я...» (Палинодия) 8 — 28, 29, 241, 811

Я зацвету («Когда-нибудь, о мой апрель...») 8 — 394

- «Я звезду воспевал...» (Ереванская ода) *Ж* — 36
- «Я к Заро на рассвете пришел...» (Из поэмы «Песни Алагяза». Песнь пятая, II) *Ж* — 45, 741, 743
- «Я каши ячневой поел...» (В горах, I) *Ж* — 305, 850
- «Я на время верный путь оставил...» *Ж* — 320
- «Я на дом свой с нежностью гляжу...» (Времена года рыбака. Лето, XIX) *Ж* — 312, 851
- «Я научилась мечтать на крыше...» (Декорация à la Дисней) *Ж* — 106
- «Я нашла Брата у вода...» (Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком) *Ж* — 144, 778
- «Я не боялась смерти...» (Эрасмия) *Ж* — 101
- «Я не горюю, не любимый славой...» (Песня) *Ж* — 138, 771
- «Я не тебя люблю, о нет...» (Увядшие листья. Вторая горсть, VIII) *Ж* — 645, 982
- «Я не успела ничем насладиться...» (Мария) *Ж* — 99
- «Я обойму и обовью...» *Ж* — 614
- «Я пел-заливался весною...» (Соловей) *Ж* — 386
- «Я по земле хожу, людей встречаю...» (Полемика, II) *Ж* — 689, 1001
- «Я под окном посадил хризантему...» *Ж* — 345
- «Я помню («Милое детство я помню...») *Ж* — 439, 900
- «Я помню улицу, тебя, народ...» (Памяти Акакия Церетели) *Ж* — 116, 759
- «Я прежде был приближен к трону...» (Плач о Цюй Юане) *Ж* — 267, 820
- «Я пришел к тебе, чтоб зори...» (Из книги «Розы», XXII) *Ж* — 497
- «Я с любимой сижу...» (Часы) *Ж* — 594, 967, 968
- «Я с юных лет хотел быть бескорыстным...» (Призывающие души) *Ж* — 258, 816
- «Я сделал лук и за плечо закинул...» *Ж* — 289, 840

«Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал...»
(Разбитая надежда) *Ж* — 609, 971

«Я узнала тебя, морская дикарка...» (Ерифили) *Ж* — 96

«Я хочу разбить на части сердце пылкое мое...» *Ж* — 299

«Я хочу, чтоб песнь о верном...» (О моем ружье) *Ж* —
620

«Я цветы любил когда-то...» (Из книги «Увядшие розы», LXV) *Ж* — 506

«Яблоньки в садах моей отчизны...» (Буйствуйте, ветры!) *Ж* — 405

«Является мне в мыслях иногда...» (Аспазия) *Ж* — 233,
807

«Явор зеленый, явор зеленый...» (Увядшие листья. Вторая горсть, III) *Ж* — 641, 980

«Язык скорбей молчать не приневолишь...» (Анеле Мощенской, 2) *Ж* — 446, 907

«Ясные очи нашла ты в забаву...» (Анеле Мощенской, 1)
Ж — 446, 907

Andante («Твоя рука на клавишах пугливо...») *Ж* — 682,
995, 996

Cis moll («Он занавеску отстранил рукой...») *Ж* — 81,
754

Requiem («Не то мое горе, что я без тебя одинока...») *Ж* — 79

Salve! («Неба полудневного...») *Ж* — 369

Warum? («Нет больше слов. Ни одного...») *Ж* — 448,
909

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.В. Королева. «И вот чужое слово проступает...».</i>		
О переводах Анны Ахматовой	7	—

Переводы

Азербайджанская поэзия

Расул Рза

Ленинград	33	739
Огни зажглись	34	—

Армянская поэзия

Ашот Граши

Ереванская ода	36	—
--------------------------	----	---

Аветик Исаакян

«Певец я — птица в вышине...»	37	742
«Извивается дорога...»	37	742
«Вот я какой увидел сон...»	38	742
«Шумно та звезда упал...»	38	742
«От жгучего горя сердце мертво...»	39	—
«Мне сказали: “Давно умерла твоя мать...”»	39	742
«С утратой того, что любимо...»	40	742
Песня птиц	40	—
Вечной памяти С.Г. Закияна	41	742
«С героями-друзьями ты, как пламя...»	41	—

Из поэмы «Песни Алагяза»

Песнь вторая		
I. «Шар солнечный с востока плыл...» . . .	42	—
II. «Собрались сотни павлинов тут...» . . .	43	—
Песнь четвертая	43	—
III. «Смолкла зурна... Над подругой своей...» .	43	—
Песни девушек	44	
I. «На вершине горы снег блестит первозданный...»	44	742
Песнь пятая	44	
I. «Как беспощадно туча звезды прячет...» .	44	743
II. «Я к Заро на рассвете пришел...»	45	743
III. «Мне озеро привиделось во сне...» . . .	45	—
IV. «Буду жертвой твоей, только дверь мне открой...»	46	744
V. «Из сердца моего ты унесла...»	46	—
Еврейская легенда	47	744
Осел и крестьянин (<i>Басня</i>)	47	—
Сон	49	—
<i>Маро Маркарян</i>		
«Ко мне подойди, мой сынок ясноокий...»	49	—
Сурик	50	—
Детям мира	51	—
Богатство	52	—
Персиковое деревцо	52	—
В саду	53	—
«Плачут дудки, горько плачут...»	54	—
«За окошком...»	54	—
«Говорят, что с тобою должна я играть и лукавить...»	55	—
«Лишь ты сумел мне указать...»	56	—
«От своих тревог и тайной боли...»	56	—
В родном краю	57	—
«Природу пышную земли иной...»	57	—
«Сквозь покровы влажного тумана...»	58	744
«Так много мы мечтаем сделать в жизни...»	59	—

Ваан Терьян

«Как безропотно вянет цветок...»	59	—
Невозвратимое	60	—
Сумерки	60	—
«Никогда тебя не назову...»	61	—
«А там пастухи на свободных горах...»	61	—

Белорусская поэзия*Владимир Дубовка*

Клены в пальцах своих золотых	62	746
Думы летят	63	747

Максим Лужанин

Новый город	64	—
Верблюжий караван	65	—
Вечная жизнь	67	748

Болгарская поэзия*Елисавета Багряна*

Зов	69	749
Виденье	70	749
Расплата	70	—
На «Гелиосе»	71	750
Вечная	72	750
Судьба	73	750
Забвенье	73	750
Безумие	74	750
Requiem	74	—
«Сигнал. Свободен путь. —Иди, иди!..»	75	—
Книга	75	751
Ей	76	751
Мудрость	77	751
Снег	77	751
Ты	78	752

Александр Геров

Литературный утренник	79	752
День	79	752

Светлана Лилова-Тихомирова

У кино 80 —

Пенчо Славейков

Cis moll 81 754

Микельанджело 85 754

Вьетнамская поэзия

То Хьу

Льом 89 755

Греческая поэзия

Рита Буми-Папа

Если выйду я гулять с моими мертвыми
подругами... 92 757

Отдавшие себя в жертву 93 —

Ксенула 95 —

Ерифилы 96 —

София 98 —

Мария 99 —

Навзикая 100 —

Эрасмия 101 —

Весна 1945 года 103 —

Декорация à la Дисней 106 —

Моя сестра 107 —

Грузинская поэзия

Иосиф Гришашвили

Опечаленная природа 112 —

Пришла весна 112 —

Пишу стихи 113 758

Сердце 114 759

Перед портретом Марджанишвили 114 759

Памяти Акакия Церетели 116 759

Грузинка-мать 117 759

Осиротелым детям 117 —

К освобождению Новороссийска 118 —

Раны заживают 119 —

Слава вождю	119	—
Фронтальная сестра	120	—
<i>Михаил Квливидзе</i>		
«Мысль странная преследует меня...»	120	—
Памяти Саят-Нова	121	759
Осенняя песня	121	—
Отец	122	—
<i>Паоло Яшвили</i>		
Сонет к Элли	123	—
Еврейская поэзия		
<i>Рахиль Баумволь</i>		
«Не знаю, где слова для этого найти...»	124	—
Бывает раннею весною	124	—
Светлое место	125	—
Улыбка	126	—
<i>Самуил Галкин</i>		
Звезда	126	763
Бессмертному поэту	127	764
Приникни к моей груди	128	—
«Спустишься ты только на одну ступень...»	128	—
«Как зернами гранат, душа полна...»	129	—
Спокойной ночи	129	—
<i>Лев Квитко</i>		
Накануне	130	766
С моей страной	131	—
<i>Перец Маркиш</i>		
«Приходит час ночной ко мне...»	131	768
«Ты никогда еще так не была свежа...»	132	768
В третий раз	133	769
Забота	134	769
Осень	134	769
Твой взгляд	135	769
Твоя слеза	135	769

Спелые ночи	136	769
«Идет этот день с золотым решетом...»	137	770
<i>Изи Харик</i>		
Песня	138	771
<i>Эзра Финнинберг</i>		
Город на холмах	139	—
Поэзия Древнего Египта		
Три желания	141	776
1. «О, торопись к Сестре...»	141	776
2. «Ах, если бы ты примчался ко мне...»	141	776
3. «Ах, если бы ты устремился к Сестре...»	142	776
Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя		
Нахт-Собеком	142	777
1. «Если ты придешь с этим к дому Сестры...»	142	777
2. «Когда ты приносишь песни во двор к Сестре...»	143	777
3. «Хорошо умеет бросать петлю Сестра...»	143	777
4. «Почему говоришь ты своему сердцу...»	143	777
5. «Я нашла Брата у воды...»	144	778
6. «Вот что сделала со мной Сестра...»	144	778
7. «Ночью я проходил мимо ее дома...»	144	778
Фрагменты	145	
1. «Целый день я молю мою госпожу...»	145	778
2. «Госпожа моя отплывает в страну опьянения...»	145	—
3. «О, прекрасный день, день чудесного опьянения...»	145	—
Ветер	146	—
Жрица Хатхор	146	779
Вечная любовь	147	779
Хвала любящей супруге	147	779
Любовное заклинание	148	779
Праздник в саду	148	780
Пиршество	149	780

Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой	149	—
Глославление писцов	150	780
Тоска по Мемфису	153	781
Восхваление Нила	153	—
«Доведено до конца благополучия в мире...» . . .	158	—
К богине	158	782
К утреннему солнцу	159	782
Песнь семи Хатхор	159	783
Плач Исиды по Осирису	160	783
Ожидание встречи	161	783
Поминки	161	783
К богине Хатхор	162	—

Индийская поэзия

Рабиндранат Тагор

Дыхание песни	165	785
Старшая сестра	165	785
Переправа	166	785
Африка	166	785
Всеуничтожение	168	785
Труба	170	787
Беспокойная	172	787
Шекспир	174	787
Юность	175	788
Новый год	176	788
Чистый	177	788
Золото любви	180	789
Завершение омовения	181	790
Не к месту	183	791
Сын человеческий	184	791
Паломничество	185	791
1. «Как долго длится ночь?..»	185	791
2. «Сидит недвижно на вершине горной...» . . .	187	792
3. «Светлеет небо...»	187	793
4. «Паломники сходились отовсюду...»	188	793
5. «Путь беспощадный камнями усеян...» . . .	189	793

6. «Настала ночь...»	189	794
7. «Наполнил души путников испуг...»	190	794
8. «И юноши вдруг стали старших звать...»	191	794
9. «В лесной листве, забрызганной росой...»	192	795
10. «Луч солнца тронул запертую дверь...»	192	796
Отпусти	193	797
Жилище песни	194	797
«В неизменном нашем мирозданье...»	195	797
«Плоть моя, плененная болезнью...»	196	797
«Когда живую куклу...»	197	797
«Когда к выздоровленью наконец...»	198	798
«Дверь раствори...»	199	798
«Когда в сетях невыносимых мук...»	200	798
«В переплетении мира лесного...»	200	798
«Когда тебя во сне моем не вижу...»	201	798
«Чаша та полна страданий — о возьми ее скорей...»	201	—
У раскрытого окна	202	798
Сантальская девушка	202	799
«Он одинок. Но со стены упрямо...»	203	799
Счастье	204	799
<i>Сумитранандан Пант</i>		
Два мальчугана	205	800
Песня золота	206	800
Автору «Анамики», поэту Сурьяканту Трипатхи		
Нирала	207	800
Безлюдная долина	208	800
Итальянская поэзия		
<i>Джозуэ Кардуччи</i>		
Эллинская весна (I. Эолийская)	209	802
<i>Джакомо Леопарди</i>		
К Италии	210	804
Бесконечность	215	804
Вечер праздничного дня	215	804
Сон	217	806

Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии	220	806
Покой после бури	224	806
Суббота в деревне	226	806
Неотвязная мысль	228	807
К себе самому	233	807
Аспазия	233	807
К древнему надгробью, на котором усопшая девушка изображена уходящей в окружении близких	237	809
Палинодия	241	811

Кабардинская поэзия

Али Шогенцуков

Кызбурун (Фрагменты) 1. Данах и КанаMAT	250	813
---	-----	-----

Китайская поэзия

Цюй Юань

Призывание души	258	816
---------------------------	-----	-----

Цзя И

Плач о Цюй Юане	267	820
---------------------------	-----	-----

Ли Бо

Поднося вино	269	823
------------------------	-----	-----

Песня о восходе и заходе солнца	270	823
---	-----	-----

Луна над пограничными горами	271	824
--	-----	-----

Песни на границе	271	824
----------------------------	-----	-----

На Западной башне в городе Цзиньлин читаю стихи под луной	272	824
--	-----	-----

Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память	273	824
---	-----	-----

Пройдя Цзыньминьское ущелье, расстаюсь с родиной	273	—
---	-----	---

Ли Шан-инь

Без названия (К безымянной)	274	825
---------------------------------------	-----	-----

Лэююань	275	—
-------------------	-----	---

Драгоценная цитра	275	825
-----------------------------	-----	-----

Лунная волшебница Чан Э	275	826
-----------------------------------	-----	-----

Пишу о думах	276	—
<i>Мэй Яо-чэнь</i>		
Осенний дождь	276	827
<i>Вэнь Тун</i>		
Жизнь в деревне	278	—
<i>Юань Хао-вэнь</i>		
Песня в Западном тереме	278	828
<i>Чжан Кэ-цзю</i>		
Осенние думы	280	828
<i>Фу Жо-цзинь</i>		
Река Цзюймахэ	280	828
<i>Сюй Цю</i>		
Песенка «Сорванная ветка ивы»	281	829
<i>Шэнь Цинь-ци</i>		
Записки о событиях	281	829
<i>Юй Чжи</i>		
Лютый тигр	281	—

Корейская поэзия

Чхоёнга	283	837
Согён Пельгок	285	838
Зеленые горы	288	839

Корейские поэты XIV—XV веков

<i>Лим Чин</i>		
«Я сделал лук и за плечо закинул...»	289	—
<i>Чон То Джон</i>		
«Вода, что под мостом Сонин течет...»	290	841
<i>Вон Чхон Сок</i>		
«Позор и слава царств — в руках судьбы...»	290	841
<i>Ли Чи Ран</i>		
«Тигр, ревуший на чуских высотах...»	290	842
<i>Пак Пхэн Нён</i>		
«Пусть крылья ворона в метель...»	291	—

<i>Ю Ын Бу</i>		
«Прошедшей ночью ветер дул...»	291	—
<i>Чон Мон Чжу</i>		
«Пусть раз и два умрет в мученьях тело...»	291	—
<i>Цой Хён</i>		
«Прежде, сытно накормив Луэра...»	292	843
<i>Ли Сэк</i>		
«Долину всю снегами замело...»	292	—
<i>Ван Пан Ён</i>		
«За тысячи ли, далеко-далеко...»	292	—

Корейские поэты XVI—XVIII веков

<i>Сон Кан (Чон Чхоль)</i>		
«Забрел в Сонсан однажды некий странник...»	293	846
«Пока твои родители живут...»	298	—
«Эй, дед, что ты несешь на голове!..»	298	—
«Пусть обопрется старец на тебя...»	298	—
«Бьет колокол пятую стражу...»	299	848
«Поверь моим словам...»	299	848
«Стою ли твердо на ногах...»	299	848
«Я хочу разбить на части сердце пылкое мое...»	299	—
«Кто проводил и отбыл кто...»	300	—
«Ох, рубят, безжалостно рубят...»	300	848
<i>Ли И</i>		
Девять излучин Косана	300	849
<i>Юн Сон До</i>		
Пять друзей	303	850
В горах	305	850
Времена года рыбака	306	851
<i>Син Хым</i>		
«В селенье горном снег на землю выпал...»	319	854
«Слава — это башмаки худые...»	319	—
«Пусть из неравных бревен крыша сбита...»	319	—
<i>Ли Хван</i>		
«Вот беседка пред горою...»	320	855

	«Горы каждой весной цветут...»	320	—
	«Я на время верный путь оставил...»	320	—
	«Древние люди меня не встречали...»	321	855
	«Пусть гром разрушит скал грядущий...»	321	—
	«Укрыться б мне в шатре тумана...»	321	—
	«Орхидеи в долине цветут...»	321	—
<i>Ли Хён Бо</i>			
	«От бремени забот здесь человек свободен...» . . .	322	—
	«Склонившись, смотришь — бездна вод синее...»	322	—
	«В лист лотоса горсть риса завернуть...»	322	—
	«Несется туча над вершиной горной...»	323	856
	«Взглянув назад, где пышная столица...»	323	—
	«Все говорят: «К родным местам...»	323	—
<i>Ли Хан Бок</i>			
	«Тучи, что уже перевалили...»	324	—
<i>Ку Чи Чжон</i>			
	«Орел, схвативший в когти мышшь...»	324	—
<i>Ли Тхэк</i>			
	«Не смейся ты, огромный гриф...»	324	—
<i>Ким Ту Сон</i>			
	«Под вечер, сокола с собою взяв...»	325	—
<i>Пак Ин Ро</i>			
	«Ком железа в десять тысяч цзюней...»	325	—
<i>Ли Чон Гу</i>			
	«В тебя и можно верить и нельзя...»	325	—
<i>Хан Хо</i>			
	«Стоит ли сюда нести циновку!..»	326	—
<i>Ли Сун Син</i>			
	«В ночь лунную на острове Хансан...»	326	858
<i>Ким Сам Хён</i>			
	«Погибни, Наньпа!..»	326	859
	«О гора Самкаксан! Уезжаю!..»	327	—
	«Пусть слава и почет вас не пленяют!..»	327	—

<i>Чу Ый Сик</i>			
«Высоко небо, — люди говорят...»	327	—	
<i>Син Чон Ха</i>			
«Пусть служба уважения достойна...»	328	—	
<i>Чон Тхэ Хва</i>			
«Захмелел от первой чарки...»	328	—	
<i>Чон Он</i>			
«Приготовь мне, мальчик, плащ в дорогу...»	328	—	
<i>Ли Ян Вон</i>			
«Вы велели мне взобраться...»	329	—	
<i>Ли Ан Нуль</i>			
«Пусть небо и земля шатром мне станут...»	329	860	
<i>Ким Кван Ук</i>			
«Горы тихие, светлые реки...»	329	—	
«Забыл я почести и славу...»	330	—	
«Одинокая белая цапля, стойшь...»	330	861	
<i>Ким Ю Гю</i>			
«Дождь прошумел, и в цвет единый...»	330	—	
<i>Со Ик</i>			
«Если бы разрушить эту гору...»	331	862	
<i>Чхон Кым</i>			
«В селенье горное спустилась ночь...»	331	—	
<i>Ким Сан Ён</i>			
«Слово молвишь — скажут: вот простак...»	331	—	
<i>Сон Хон</i>			
«Людских речей не знает горный лес...»	332	—	
<i>Сон Ин</i>			
«Что услышу — вспомнить не могу...»	332	—	
<i>Ли Вон Ик</i>			
«Мириады тонких нитей — серебристых ив наряд...»	332	—	
<i>Ли Ван</i>			
«О, если бы сровнять с землею горы!...»	333	863	

<i>Хван Чин И</i>			
«Разве я была, о друг мой, нехорошею с тобою...»	333	—	
«О, синий мой ручей в горах зеленых!..»	333	—	
<i>Сор И</i>			
«Говорят: «Сосна!» Сосна какая!..»	334	—	
<i>Лим Чэ</i>			
«Изумрудно сияет трава...»	334	—	
<i>Син Хи Мун</i>			
«В штанах коротких, за плечом — мотыга...» . . .	334	—	
<i>Ян Са Он</i>			
«Говорят, что Тайшань высока...»	335	—	
<i>Ли Чон Бо</i>			
«Есть в доме у меня заветный меч...»	335	—	
<i>Ли Чэ</i>			
«Звезда погасла — жаворонок взвился...» . . .	335	—	
<i>Ким Чин Тхе</i>			
«Средь воронья узнай-ка...»	336	—	
<i>Ким Ён</i>			
«О перелетный сокол, не гордись...»	336	—	
<i>Ким Су Чжан</i>			
«Молю одержимых любовью к чинам...»	336	—	
«Ты облако лазурное лелеешь...»	337	867	
«Так жизнь моя становится все проще...»	337	867	
«Родители мои — земля и небо...»	337	—	
«Жилище тесно, словно дом улитки...»	337	867	
«Старые, больные чувства...»	338	867	
«Соседи справа — под скалой живут...»	338	867	
«Пусть винный жбан твой полон будет вечно...» .	338	868	
«Если нет цветов и жбан твой пуст...»	338	868	
<i>Ким Чхон Тхэк</i>			
«Что такое почести и слава?!»	339	869	
«Мир исполнен суетности мелкой...»	339	—	
«Жизнь людей на сон похожа...»	339	869	
«Красный клен так нежно красен...»	340	869	

«Рыбачья песнь и дудка пастуха...»	340	869
«Пробудившись — снова пью...»	340	869
<i>Пак Хё Гван</i>		
«Любимый, мне приснившийся в ночи...»	341	870
«Кукушка в пустынных горах!...»	341	—
«Словно воды реки текущей...»	341	—
<i>Ан Мун Ён</i>		
«О хризантема! Объясни, зачем...»	342	870
«Эту самую луну...»	342	—
«За оградой сада цветы...»	342	—
<i>Ким Мин Сун</i>		
«Недугов, что меня терзают тяжко...»	343	—
<i>Неизвестные авторы</i>		
«Переделать бы на метлы...»	343	871
«Есть славный меч Сян Юйя...»	343	871
«Меч, на стене вися, звенит...»	344	—
«О ветер, дуй! Нещадно дуй!..»	344	—
«Луну, что видела тебя...»	344	—
«Общение с людьми невыносимо!..»	344	—
«Я под окном посадил хризантему...»	345	—
«О сновиденье, злое сновиденье!..»	345	—
«Конь ржет от нетерпенья...»	345	—
«Про глубину озер, морей...»	345	—
«Проснулась, взглянула и вижу...»	346	—
«Сказал: приду, — и я ждала всю ночь...»	346	—
«Не знаю, кто в окне прорвал бумагу...»	346	872
«В подарок веер получила я...»	346	—
«Расставанье и разлука!..»	347	872
«О ветер! Я молю тебя, не дуй...»	347	—
«Дует ветер или нет...»	347	—
«Повалит ли гору ветер...»	347	—
«Когда на том свете мы встретимся вновь...»	348	—
«Слово напишу я — и заплачу...»	348	—
«Вскарабкавшись на горную вершину...»	348	—
«Один слепец взял на спину другого...»	348	872
«С тобой, чей голос был подобен грому...»	349	—

«Хмельным восторгом упоен, Ли Бо...»	349	—
«Куплю любовь, куплю любовь — иные говорят...»	349	—
«Пусть вихрями станут все вздохи мои...»	349	—
«Конем владел я, и вином, и золотом...»	350	872
«И ветер, лишь только отдохнет, минует Чансонрён...»	350	872
«Чудесный сон издалека...»	350	873
«В окне мелькнула тень...»	350	873
«Сосна, посаженная здесь, скажи...»	351	873
«Ты меня не бойся, чайка!..»	351	—
«Как ночи те тянулись бесконечно!..»	351	—
«Встретаться с ним и после охладеть!..»	351	—
«“И эти речи — ложь”, — сказали мне...»	352	—
«Что лучше — забыть после смерти...»	352	874
«Плохо ли, когда цикады юной...»	352	—
«Черен ворон или бел...»	352	—
«Слова, что люди тайно говорят...»	353	—
«Сколько б ни твердил молитв монах...»	353	874
«Как за косу таскал монашку бонза!..»	353	874
«Сколько б ворон там ни каркал...»	353	874
«В сады и на поля пришла весна...»	354	875
«Встав на заре, я накормил вола...»	354	875
«Когда моя настанет смерть...»	354	875
«Цветущий персик частый дождь кропил...»	354	876
«Цветы цветут иль не цветут...»	355	876
«Ива мне как нитка...»	355	876
«Ночью осенней при свете луны...»	355	877
«Кузнечик, о кузнечик!..»	355	—
«Твои красивы зубы — улыбнись!..»	356	877
«Фазаночки трепещущее сердце...»	356	878
«Эти брови — словно мотыльки...»	357	—
«Туго я любовь перевязал...»	357	878
«За милой сквозь метель и стужу...»	357	878
«О милая, кругла ты, как арбуз...»	358	879
«Почему ты не приходишь?..»	358	879
«Средь тварей всех и на земле и в небе...»	359	879

«Как женщины между собой не схожи!..»	359	—
«Когда ты мною овладеть хотел...»	360	879
«Эй, лудильщик молодой...»	360	—
«Цветок, ты бабочку не отвергай...»	361	880
«Лишь только ветерок подует...»	361	880
«Эй, жаба одноглазая, послушай...»	361	880
«Купи-ка, хозяйка, румян и белил!..»	362	881
«Хозяин, эй! Купите этих крабов!..»	362	881
«Эй, парень, ты, что гонишь там вола...»	362	881
«Засею вспаханное поле...»	363	882
«Когда весною наши моряки...»	364	883

Латышская поэзия

Ян Райнис

Идущий побеждать	365	—
Нет сил терпеть	366	—
Три дня	367	—
Сильное поколение	368	—
Salve!	369	—
Чаша с драгоценностями	370	—
Щедрая рука	370	—
Еще весна была вначале	370	—
Нежный свет	371	—
Три приметы	371	—
Вещание змеи	371	—
Это было так давно	372	—
Аромат поляны	372	—
Друзья ребенка	372	—
Ученик слез	373	—
Детское горе	373	—
Бегство	374	—
Старый ларь	374	—
Внешний мир	374	—
Скошенное сено	375	—
Еще великая вера жива	375	—
Осень	375	—
Хлад мира	375	—

За что мне бороться?	376	—
Защитник	376	—
У преддверья земли	376	—
Стой, беглец!	377	—
Поток	377	—
Великие круги	377	—
Жизнь — движение	377	—
С той стороны	378	—
Неперестраданное	378	—
Тропинка жизни	378	—
Сито звезд	378	—
Не только жить	378	—
Вторая молодость	379	—
Мечта ли это?	379	—
«Сегодня я окошко не закрою...»	379	—
Взгляд на прожитое	379	—
Путь героя	380	—
Когда ночь	380	—

Литовская поэзия

Людмила Малинаускайте-Эгле

К Неману	381	888
Литовские леса	382	888
Воспоминание о прошлом	384	889
Грусть	385	—
Красавице	386	—
Соловей	386	—
Оните и Йонукас	387	889
Дворянин и мужик	388	889

Саломея Нерис

Когда я умру	393	—
Летят журавли	394	—
Я зацвету...	394	—
Дяди	395	—
Двадцать су	395	—
Любовь к родине	396	—
Из поэмы «Литва — земля родная»	397	890

Коммунары	400	890
Анемоны (<i>Памяти Парижской коммуны</i>).	401	—
Первое мая	402	—
Когда земля пробуждается	403	—
Бетховен	404	—
Буйствуйте, ветры!	405	—
<i>Винцас Миколайтис-Путинас</i>		
Июль	406	—
Август	407	—
Полночь	407	—
Молдавская поэзия		
<i>Петр Крученюк</i>		
Приди же, весна...	408	—
Встречай меня!	408	—
Старшему брату	409	—
Прими, любимый отец!	410	—
Пушка	411	—
В моей стране	411	—
Поступь весны	413	—
Ласточки	414	—
Норвежская поэзия		
<i>Нурдаль Григ</i>		
Песнь Вардэ	415	892
«Эйдсволл» и «Норвегия»	416	892
<i>Генрик Ибсен</i>		
Светобоязнь	418	893
В альбом композитора	419	896
Эмме Клингенфельд	420	896
В этом доме они...	421	896
<i>Ингер Хагеруп</i>		
Карин Бойе	421	897
Норвежская рождественская песня	422	—
Нурдаль Григ	423	897
Прелюдия	424	897
«Ты хотел, чтоб милой безделушкой...»	424	897

Осетинская поэзия

<i>Коста Хетагуров</i>		
Кто ты?	425	898
<i>Сека Гадиев</i>		
Чермен	434	900
Ненастье	435	—
<i>Георгий Кайтуков</i>		
Ребенку исполнился год	437	—
<i>Дабе Мамсуров</i>		
Я помню	439	—
<i>Грис Плиев</i>		
«Будто сразу присмирел...»	439	—
<i>Борис Муртазов</i>		
Ночь	440	—
<i>Александр Царукаев</i>		
Летом	441	—
Осень в Урсдоне	442	—

Польская поэзия

<i>Юлиуш Словацкий</i>		
В альбом Марии Водзинской	443	905
Проклятие	444	906
Разлука	445	906
Анеле Мощенской	446	907
Сонет I. «Ясные очи нашла ты в забаву...»	446	907
Сонет II. «Язык скорбей молчать не приневолишь...»	446	907
В альбом Зофье Бобровой	447	908
<i>Владислав Броневский</i>		
Wagim?	448	909
Последнее стихотворение	448	909
Калине	449	—
Зеленое стихотворение	450	—
Аноним	451	—
Счастье	451	—
Мария	452	—

Мария Павликовская-Ясножевская

Пернатый	453	—
Ураган	453	—
Ника	453	910
Подсолнечник	454	—
Смерть кариатиды	454	—
Недоразумение	455	—
Быть цветком?	455	—
Трени вислянские	455	910
1. «Есть замок над древней рекою...»	455	—
2. «Глухой печалью поила...»	456	—
3. «А мысль — ее ход запутан...»	456	—
4. «То чувство, что я отторгла...»	456	—
5. «Ветер по тайному знаку...»	456	—
6. «В замке часы глуховато...»	456	—
7. «И сонных теней вереница...»	456	—
8. «А утром сердце нещадно...»	455	—
Ива у дороги	457	910

Вислава Шимборская

Голодный лагерь под Яслем	457	912
Баллада	458	912
За вином	460	913

Юлиан Тувим

Песенка	461	916
Сказать тебе не смею	461	916
Счастье	462	—
Всё	462	917
Цыганская библия	463	918
Олень	464	918
О сирени	464	918
Ты	465	919
Темная ночь	466	919
Темное небо	466	920
Вечерние стихи	467	921
Воспоминание	467	922
Гроза (Или любовь)	468	922

Госреди дня	469	923
Просьба о пустыне	469	924
День	470	924
Умер	471	924

Румынская поэзия

Александру Тома

В лесу	472	—
В ожидании	473	—
Скиталец	473	—
К восходу солнца	474	—
Победа луча	474	—
Песня жизни	475	—
С благоговением воспеваю	476	—
Новые люди	477	—

Тудор Аргези

Перекресток	477	—
Вечерняя песня	478	—
О чем грустить?	479	927
Потерянные листья	480	928
Набросок	481	—
Неизвестному поэту	481	—
Племпале	482	928
Доброе утро, весна!	482	—

Михай Эминеску

Венера и Мадонна	483	—
----------------------------	-----	---

Александру Влахуэ

Справедливость	485	930
--------------------------	-----	-----

Румынская народная поэзия

Отчего ты гнешься, тополь?	486	932
Лист цикория зеленый...	487	932
Зелен маковый листок...	487	933
Солнышко, спустись пониже...	488	933
Птенчик мамин, баю-баю...	488	934
Кто любовь придумать мог...	489	934
Земляники лист зеленый...	489	934

Помнишь, я тебе сказал...	489	—
Ежевика цвет шелковый...	490	935
Путь извилист и тяжел...	491	—
Мамина дочка	491	—
Лист зеленый и другой...	491	936
Лист зеленый над верхушкой...	492	937
Лист зеленый ветки вялой...	493	—
Знала бы ты, мама...	494	938
Лист зеленый, словно боб...	494	938

Сербская, хорватская и словенская поэзия

Йован Йованович-Змай

Из книги «Розы»

XIX. «Навсегда мои заветы...»	495	—
XX. «В твоём я взгляде вижу...»	496	—
XXII. «Я пришел к тебе, чтоб зори...»	497	—
XXVIII. «Ничего, любовь, ты не забыла...»	498	—
XXIX. «Мне б твою увидеть руку!...»	499	—
XXXIX. «Как твои нарядны сваты...»	499	—
XLII. «Как этот мир...»	499	—

Из книги «Увядавшие розы»

XXVI. «В сердце, что оледенили...»	500	945
XXXVIII. «В детстве над моей родною кровлей...»	500	—
XL. «С лепестков росистый жемчуг...»	501	—
XLII. «Даже радость входит...»	502	—
XLIV. «Мне — безрадостное небо...»	502	—
XLVII. «Ставят памятники мертвым...»	503	—
LI. «Из чего ты, Боже, вздумал наше сердце сотворить!...»	504	—
LVII. «Если близких провожаем...»	504	—
LIX. «“Видишь ли звезду на небе?”...»	505	—
LXIII. «Ах, индиго, сурик, охра...»	505	—
LXV. «Я цветы любил когда-то...»	506	—
LXVII. «Из истерзанного сердца...»	506	—
LXVIII. «Не один, поверь, страдаешь...»	507	—
LXIX. «Ты мне сказать хотела...»	508	—

Десанка Максимович

«Снится мне — придешь ты...»	509	946
Страх	510	—
Зимним днем	510	947
Счастье	511	948
Вечер	511	948
Усталость	512	948

Бранко Радичевич

Бедная возлюбленная	512	950
«Вечера так сладко ожиданье...»	513	—
Перед смертью	513	951
Гойко	514	951

Станко Враз

«Щебеча, овсянка...»	515	—
«На холодный камень...»	516	—

Симон Енко

Из цикла «Картины»

ХІІІ. «Юная березка...»	517	954
ХХ. «Девушка весь вечер...»	517	954

Фран Левстик

Король-беглец	518	955
Часы	519	—

Сербский эпос

Бой на Грахове Боснийском	521	957
Князь Иван Княжевич	526	957
Хасанагиница	534	958
Вороны вещают о смерти Перы Данчича	537	958
Воин и его невеста	538	958
Молодая Милошевка и мать Юговичей	541	959
Смерть матери Юговичей	543	959
Пир у князя Лазаря	545	960
Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчичем	547	961
Смерть Илии Смилянича	549	962
Марко-королевич и его племянник Огнян	550	963
Девушка перехитрила Марка	554	963

Сестра Лeko-капитана	556	963
Омер и Мейрима	573	963
Смерть Сочивицы Станко	578	963

Словацкая поэзия

Иван Краско

«Лишь к одной-единой...»	586	—
Мои песни	587	—
«Дождь идет, стучит о стекла...»	587	—
Баллада	588	—
Песня	588	—

Мирослав Валек

Прикосновения	589	—
-------------------------	-----	---

Войтех Мигалик

Бездетные	592	—
---------------------	-----	---

Татарская поэзия

Муса Джалиль

Письмо (Песни)	593	—
1. «Я в затишье меж боями...»	593	—
2. «Не прогнав орды кровавой...»	593	—
3. «Если мы необходимы...»	594	—
Часы	594	—
Костяника	595	—
После болезни	596	—

Фатых Карим

Жду тебя	596	—
1. «Веет ветер, нежно глядя травы...»	596	—
2. «Что ни говори, а растаемся...»	597	—
3. «Веет ветер, нежно глядя травы...»	597	—
Два друга (Песня)	598	—
Мотылек (Аде)	599	—
«Говорят, павлин всех птиц прекрасней...»	600	—
На морском берегу	600	—
Прощание	602	—
«Прошла ты мимо, равнодушна...»	603	—

Габдулла Тукай

Осень	604	—
Пара лошадей	605	969
Родной земле	607	969
Надежда	607	969
Колебания и сомнения	608	970
Разбитая надежда	609	971
В саду знаний	610	971
О перо!	611	971
В школе	612	—
Летом	613	971
Слово к зиме (По А. Майкову)	613	971

Украинская поэзия

Павел Усенко

«Я обойму и обовью...»	614	—
«О вековая чаровница...»	616	—
Утро	616	—
У отрывного календаря	618	—
Две силы	618	—
Гвоздики (Осень 1943)	619	—
О моем оружье	620	—

Иван Франко

Увядающие листья (Лирическая драма)

Первая горсть (1886—1893)	621	
I. «На смену тоске отупенья...»	621	975
II. «Ну что меня влечет к тебе до боли?...»	622	975
III. «Не боюсь я ни Бога, ни беса...»	623	975
IV. «За что, красавица, я так тебя люблю...»	624	975
V. «Повстречались мы с тобою...»	625	975
VI. «Ты, только ты — моя единая любовь...»	626	976
VII. «Эти очи — словно море...»	626	—
VIII. «Не надейся ни на что...»	626	—
IX. «Ни на что я не надеюсь...»	628	976
X. «Бескрайнее поле, где снег пеленою...»	629	977
XI. «Ты на улице при встрече...»	629	—
XII. «Зря смеешься, девочка...»	630	977

XIII. «Преступник я. Чтоб заглушить...» . . .	630	977
XIV. «Судьба — стена меж нами. Как волнами...»	631	977
XV. «Нередко мне является во сне...»	632	978
XVI. Похороны пани А.Г.	632	978
XVII. «Никогда тебя не клял я...»	633	978
XVIII. «Ты плачешь. Частые слезинки...» . . .	634	978
XIX. «На тебя я не в обиде, доля...»	634	978
XX. Призрак	635	979
Эпилог	638	979
Вторая горсть (1895)	638	979
I. «Где Сан течет зеленый в Перемышле...» . .	638	—
II. «Мне трудно...»	640	980
III. «Явор зеленый, явор зеленый...»	641	980
IV. «Стройная девушка, меньше орешка...» . .	642	981
V. «Красная калина, что ты долу гнешься...» .	643	981
VI. «Ах ты, дубок, дубочек кудрявый...»	644	981
VII. «О, печаль моя, горе...»	644	982
VIII. «Я не тебя люблю, о нет...»	645	982
IX. «Зачем ты совсем не смеешься?..»	647	—
X. В вагоне	648	982
XI. «Смейтесь звезды надо мною!..»	648	—
XII. «Зачем приходишь ты ко мне...»	649	983
XIII. «Вьется та тропиночка..»	652	983
XIV. «Знать бы чары лучше, что сгоняют тучи...»	653	983
XV. «Что счастье жизни? Лжи струя...»	654	984
XVI. «Коль не вижу тебя...»	654	984
XVII. «Если ночью услышишь ты, что за окном...»	655	984
XVIII. «Хоть не цвести тебе в тиши полян...» .	655	985
XIX. «Как вол в ярме, вот так я, день за днем...»	676	985
XX. «Сыплет, сыплет, сыплет снег...»	678	985
Третья горсть (1896)	656	985
I. «Льдом студеным покрыта...»	656	985
II. «Да, умерла она. Бам-бам! Бам-бам!..» . . .	656	985

III. «Мне теперь навеки дела нет...»	657	986
IV. «Как тень, я шел порой ночью...»	658	986
V. «Два белых окна с кружевной занавеской...»	659	986
VI. «Отчаянье! Что я считал...»	660	986
VII. «Жить не могу — не погибаю...»	661	987
VIII. «Да, я хотел себя убить...»	662	987
IX. «Любовь три раза мне была дана...»	663	987
X. «Подходит мрак. Боюсь я этой ночи...»	665	988
XI. «Бес нечистый, дух разлуки...»	667	988
XII. «И он пришел ко мне. Не призраком крылатым...»	667	988
XIII. «Матушка ты моя родненькая...»	670	988
XIV. «Песня, подбитая милая пташка...»	671	989
XV. «И ты прощай! Теперь тебя...»	671	—
XVI. «Что песнь! Утратила она...»	672	989
XVII. «Поклон тебе, Будда!...»	672	989
XVIII. «Душа бессмертна! Жить ей бесконечно!...»	674	989
XIX. «Самоубийство — трусость"...»	676	990
XX. «Такой удобный инструмент...»	678	990

Чешская поэзия

Иржи Волькер

Покорность	679	—
В парке около полудня	679	—
Поэт, уйди!	680	—

Карел Гинек Маха

Объяснение к стихам	680	993
«В роще вдруг запричитала...»	680	993
Ночь	681	993
Дорога из Чехии	681	994

Витезслав Незвал

Andante	682	995
Продавщица чудес	683	996
Отдых	685	998
Доброй ночи	685	—
Ноктюрн	686	999

Станислав Костка Нейман

Зимняя ночь	686	—
Понял я твое молчанье	687	1001
Полемика	688	1001
I. «Дорог мне простор цветущий...»	688	1001
II. «Я по земле хожу, людей встречаю...»	689	1001
III. «Лишь раз в свое ты не поверишь счастье...»	689	1001

Эстонская поэзия*Дебора Вааранди*

На Северном море	690	—
Весной	691	—
Лимонное дерево	692	—

Якутская поэзия*Леонид Попов*

Земля якута	693	—
Москвичи в якутской тайге	694	—
Весна в Якутии	695	—
Утро на Лене	696	—
Поэту	697	—
«Ночь простерла покрывало...»	698	—
Вечерняя Лена	698	—
Свет над тайгой	699	—
Грядущее	700	—

Коллективное**Китайская поэзия***Цюй Юань*

Лисао (Поэма)	703	1004
-------------------------	-----	------

Украинская поэзия*Иван Франко*

«Свободные сонеты»	717	1010
I. «Сонеты — как рабы. На них оковы...»	717	1010

II. «Зачем, мужик, ты к знатным затесался?»	718	1011
III. Котляревский	718	1011
IV. Народная песня	719	—
V. Наука	719	1011
VI. Две дороги (<i>Сонет</i>)	720	1011
VII. «Слепцы клянут наш век напрасно, веря...»	720	1012
VIII. «О сердце женщины! Ты лед студеный...»	721	1012
IX. «Страшитесь вы той огненной стихии...»	722	1013
X. «Мы ищем в юности нетерпеливо...»	722	1013
XI. «Когда железо силою живую...»	723	1014
XII. «Смешон мне этот мир. Еще смешней поэт...»	723	—
XIII. Сикстинская мадонна	724	1014
XIV. «Вот спит дитя, невинный ангел чистый...»	724	—
XV. Песня будущего	725	1015
XVI. «Долой пустые словосочетанья...»	725	1016
XVII. «Нет, не любил доселе никогда я...»	726	1016
XVIII. «И довелось же мне узнать страданье!...»	726	1017
XIX. «Когда в сонетах Данте и Петрарка...»	727	1017

Под редакцией Анны Ахматовой

Корейская поэзия

Неизвестные авторы

«Соберу по зернышку любовь...»	728	1018
«Когда б, мечом пронзив мне грудь насквозь...»	728	1018
«И сегодня ночь настала...»	729	1018

Норвежская поэзия

Нурдаль Григ

Герд	730	1019
----------------	-----	------

Чешская поэзия*Иржи Волькер*

В парке около полудня 732 1019

Комментарии 733 —**Указатель переводов А. Ахматовой, вошедших****в тома 7—8** 1020 —

Ахматова А.

- А 95** Собрание сочинений. Т. 8 (дополнительный). Переводы 1950—1960-е годы / Сост., коммент., статья Н.В. Королевой. Подгот. текста Э.В. Песоцкого, Н.В. Королевой. — М.: Эллис Лак 2000, 2005. — 1120 с .

ISBN 5-88889-021-9 (т. 8 доп.)

ISBN 5-88889-029-4

В восьмом томе впервые собраны воедино переводы Анной Ахматовой зарубежных европейских поэтов и поэтов России и бывших союзных республик (ныне самостоятельных государств). В книге представлены также лирика Индии, Древнего Египта, Китая, корейская классическая поэзия, сербский и румынский национальный эпос, переведенные Ахматовой.

УДК 882А114

ББК 84Ря44

Ахматова Анна Андреевна

Собрание сочинений

Том восьмой
(дополнительный)

Редактор *Т.А. Горькова*
Корректор *Е.И. Кортаева*
Компьютерная верстка — *В.В. Смирнов*

Подписано в печать 30.12 2004
Формат 84x108¹/32. Бумага офсетная Гарнитура «Академическая»
Печ л 35. Усл печ л 58,8. Тираж 3000 экз.
Заказ №2756

ЛР № 01716 от 05 05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д 6/2, к 16
Тел. 254-74-72. Факс. 254-26-11
e-mail ellisluck2000@mail.ru

ISBN 5-88889-021-9

ГУП Московская типография № 2
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций (МПТР России)
Тел 282-24-91 129085, Москва, пр Мира, 105

